

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2022

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2022

Том 28

№ 2

Апрель – Июнь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2022

Volume 28

№ 2

April – June

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК, ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ;
10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственный университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Виноградов А.Е.**
Об этнониме Rutheni в средневековой Трансильвании
- 15 **Бенда В.Н.**
К вопросу о развитии отечественной артиллерии как вида вооружения и техники в конце XVIII – первой четверти XIX в.
- 23 **Степанов С.В.**
Деятельность адвоката П.А. Потехина в комиссии по народному образованию Петербургской городской думы в 1881–1915 гг.
- 29 **Щукина У.О.**
Семейные записи крестьянского рода Борисовых-Витязевых середины XIX–XX вв.
- 42 **Соловьев А.А.**
Русское православие в годы Великой Отечественной войны
- 49 **Околотин В.С., Сафолов Д.С.**
Организация работы текстильных предприятий Ивановской области в предвоенный период (1939–1941)
- 56 **Околотин В.С.**
Строительство новых цехов на оборонных заводах Ивановской области в 1943 г.
- 63 **Кометчиков И.В.**
Тульская областная партийная школа – кузница руководящих кадров (1943–1960 гг.)
- 70 **Никифоров Ю.С.**
«Ты в какую партию вступил?»:
рост общественного движения в Ярославском регионе на фоне взаимодействия с центром (1988–1991 гг.)
- 75 **Гехт А.Б.**
Фирма Investor в архитектуре финансово-промышленной группы семьи Валленберг: история и современная роль

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 84 **Виноградов И.А.**
Время реабилитации.
О новом прочтении Н.В. Гоголя
- 93 **Падерина Е.Г.**
«Не шумное по названию» произведение Гоголя:
«Выбранные места из переписки с друзьями»
- 99 **Федотова А.А.**
Изображение национального характера в «криминальной» прозе Н.С. Лескова
- 105 **Юдникова А.А.**
Образ Оптиной Пустыни в очерке К.Н. Леонтьева
«Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни»
- 111 **Щербак М.И.**
К творческой истории книги святителя Феофана
«Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма»
- 117 **Андреева В.Г.**
Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг.
(мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера)
- 126 **Шевчук Ю.В.**
Чувство времени в лирике А. Ахматовой второй половины 1910-х гг.
- 135 **Азаров Ю.А.**
Юлий Айхенвальд:
трансформация взглядов
- 141 **Королева В.В.**
Осмысление А. Блоком принципов романтизма в период работы в Большом драматическом театре (1919–1921)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **A.E. Vinogradov**
On the ethnonym of Rutheni in medieval Transylvania
- 15 **V.N. Benda**
On the development of Russian artillery as a type of weapons and equipment in the late 16th century – the first quarter of the 19th century
- 23 **S.V. Stepanov**
Activities of lawyer Pavel Potehin in the commission on public education of St. Petersburg City Duma in 1881–1915
- 29 **U.O. Shchukina**
Family records of Borisov-Vityazev peasant kin of the mid 19th to 20th centuries
- 42 **A.A. Solovev**
Russian Orthodoxy during the Soviet-Axis War
- 49 **V.S. Okolotin, D.S. Safolov**
The textile industry enterprises work organisation in Ivanovo Region in the pre-war period (1939–1941)
- 56 **V.S. Okolotin**
Construction of new workshops on defence plants of Ivanovo Region in 1943
- 63 **I.V. Kometchikov**
Tula Regional Party School – a source of leadership (1943–1960)
- 70 **Yu.S. Nikiforov**
“Which party did you join?”:
social movement growth in Yaroslavl Region against the background of interaction with Moscow (1988–1991)
- 75 **A.B. Gekht**
The firm “Investor” in the architecture of the financial and industrial of Wallenbergs family group: history and contemporary role

SCIENCE OF LITERATURE

- 84 **I. A. Vinogradov**
Time to rehabilitate.
A new reading of Nikolai Gogol
- 93 **E.G. Paderina**
Nikolay Gogol’s work with “a modest title”:
“Selected Passages from Correspondence with Friends”
- 99 **A.A. Fedotova**
The image of Russian national character in the “criminal” prose of Nikolai Leskov
- 105 **A.A. Yudnikova**
Features of the artistic embodiment of the image of Opta’s Hermitage Monastery in the essay “K.G.A. Sederholm, Father Clement, hieromonk of Opta’s Hermitage” by Konstantin Leontiev
- 111 **M.I. Shcherbakova**
On the creative history of the book
“The Spiritual Life and How to Be Attuned to It? Letters” by St. Theophan, recluse of Vysha
- 117 **V.G. Andreeva**
Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909–1910
(memoirs by Valentin Bulgakov, Nikolay Gusev, Alexander Goldenweiser)
- 126 **Yu.V. Shevchuk**
Sense of time in A. Akhmatova’s lyrics in the second half of the 1910s.
- 135 **Yu.A. Azarov**
Yuly Aykhenvald:
transformation of views
- 141 **V.V. Koroleva**
A. Blok’s comprehension of the principles of Romanticism during his work at the Bolshoi Drama Theater (1919–1921)

- 147 Абрамова В.И.**
Образ Ф.М. Достоевского
в русской лирике XIX–XX вв.
- 155 Миронова Г.С.**
Пьеса-сказка Е.Л. Шварца «Голый король»:
сатирическая комедия или антифашистский памфлет?
- 160 Александрова В.Г., Жиркова Е.А.**
Военная проза З. Прилепина
и традиция западной межвоенной литературы:
между полемикой и рецепцией
- 168 Вишневская Е.А.**
Секвенция *Victimae Paschalis*:
опыт сравнения переводов
(английский, итальянский, русский)
- 175 Катерина Корбелла**
«Идиот» Ф.М. Достоевского
в прочтении католических богословов
- 185 Велигорский Г.А.**
Греза о России: образ идеальной усадьбы «Река-Дом»
в романе Джулианы Хорейши Юинг
«Воспоминания старушки из дома напротив»:
генезис, поэтика, рецепция
- 193 Николаева Ю.И.**
Проблема постколониальной идентичности в романах
Г. Германди «Царица цветов и жемчужин» и В. Лонги
«Цвет имени»
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 199 Беднарская Л.Д.**
О теоретических вопросах грамматики
- 205 Третьякова И.Ю.**
Трансформационная активность фразеологических еди-
ниц с компонентом-колоративом
- 212 Ильина Е.Н.**
Транспорт и пути сообщения
в борбушинском говоре
- 217 Окуловская С.В.**
Этнодиалектные особенности говоров Верхнего
Поунжья: лексика лесного сплава
- 224 Криворучко И.С.**
Неологическая метафора как изобразительное средство
современной деловой коммуникации
- 228 Катермина В.В., Володина Д.Е.**
Стилистические функции ксенонимов
в постмодернистском романе-биофигии
Дж. Барнса «Шум времени»
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 233 Языкеев С.Н.**
Правовой механизм ограничения
конституционных прав и свобод человека и гражданина
в целях обеспечения безопасности в России
- 239 Зинченко М.С.**
Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о долж-
ностных преступлениях, связанных со взяточничеством
- 247 Бриль Г.Г., Ганжа Н.В., Лукоянов Д.Н., Тимофеева Я.В.**
Проблемы профилактики безнадзорности и правона-
рушений несовершеннолетних: вопросы современной
юридической практики и педагогики
- 253 Груздев В.В., Ганжа Н.В.,
Орловская И.В., Столяров А.С.**
Цифровизация как средство повышения эффективности
надзорной деятельности природоохранных прокуратур,
созданных по бассейновому (экосистемному) принципу
- 267 Гюлджян Г.Г.**
О правовых пробелах международно-правового регу-
лирования вопросов, связанных с реализацией права
народов на самоопределение
- 273 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ**

- 147 V.I. Abramova**
F.M. Dostoevsky's image in the Russian lyrics
of the 19th – 20th centuries
- 155 G.S. Mironova**
Evgeny Schwartz's fairy tale play "The Emperor's New
Clothes": a satirical comedy or an anti-fascist pamphlet?
- 160 V.G. Aleksandrova, E.A. Zhirkova**
The military prose of Zakhar Prilepin
and the tradition of Western interwar literature:
between polemics and reception
- 168 E.A. Vishnevskaya**
Sequence *Victimae Paschalis*:
an experience of comparing translations
(English, Italian, Russian)
- 175 Caterina Corbella**
Dostoevsky's *The Idiot*
in the Interpretation of Catholic Theologians
- 185 G.A. Veligorsky**
Dreaming about Russia: the image of the ideal estate "Reka
Dom" (house by the river) in Juliana Horatia Ewing's novel
"Mrs. Overtheway's Remembrances": genesis, poetics,
reception
- 193 Yu.I. Nikolaeva**
The problem of postcolonial identity in novels
"Queen Of Flowers And Pearls" by Gabriella Ghermandi
and "The color of my name" by Vittorio Longhi
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 199 L.D. Bednarskaya**
On theoretical grammar issues
- 205 I.Yu. Tretiakova**
Transforming activity of phraseological units
with a colour component
- 212 E.N. Ilyina**
Transport and means of communication in the patois
of the hamlet of Borbushino
- 217 S.V. Okulovskaya**
The Upper Unzha patois ethno-dialect features:
timber rafting lexis
- 224 I.S. Krivoruchko**
Neological metaphor as a visual means
of modern business communication
- 228 V.V. Katermina, D.E. Volodina**
Stylistic functions of xenonyms
in the postmodern biofictional novel
"The Noise of Time" by Julian Patrick Barnes
- JURAL SCIENCE**
- 233 S.N. Yazykeev**
Legal mechanism of restriction
of constitutional rights and freedoms of human and citizen
aiming at ensuring security in Russia
- 239 M.S. Zinchenko**
Circumstances to be proved in cases
of official crimes related to bribery
- 247 G.G. Bril', N.V. Ganzha, D.N. Lukoyanov, Ya.V. Timofeeva**
Problems of prevention of neglect
and juvenile delinquency:
issues of modern legal practice and pedagogy
- 253 V.V. Gruzdev, N.V. Ganzha,
I.V. Orlovskaya, A.S. Stolyarov**
Digitalisation as a means of increasing the effectiveness
of the supervisory activities of environmental prosecutor's
offices established on the basin (ecosystem) principle
- 267 G.G. Gyuldzhyan**
On legal gaps in the international law related
to the realisation of the right of peoples
to self-determination
- 273 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)''13/15''

EDN AFJBVV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-7-14>

ОБ ЭТНОНИМЕ RUTHENI В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАНСИЛЬВАНИИ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Аннотация. Средневековые хроники фиксируют этноним, близкий до степени смешения с названием Русь не только в Восточной, но и в Центральной Европе. Попытки объяснить местную топонимию «русского» происхождения лишь поздними волнами миграции из галицко-подольских земель противоречат указаниям ряда источников. Этноним Rut(h)eni, Oroszok и соответствующие топонимы на востоке Карпатского бассейна маркируют, возможно, и поселения автохтонного этноса, также известного как veteres Russi. Автохтоны частично слились с переселенческой волной русин XIII–XV вв. с северо-востока, вследствие чего в исторической традиции чаще всего рассматривались как одно целое. Вместе с тем, возможно, автохтоны и их этноним своим происхождением были связаны с этническими процессами в Аварском каганате. Многоплеменное поначалу население каганата, прежде всего гепиды и романизированное население, подвергаясь культурному влиянию его господствующего слоя, теряло собственную идентичность и приобретало новую общую, отражаемую в ресурсном или географическом по происхождению имени (этнониме) Rus.

Ключевые слова: Русь, русины, Карпатский бассейн, Трансильвания, авары, этногенез.

Для цитирования: Виноградов А.Е. Об этнониме Rutheni в средневековой Трансильвании // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-7-14>

Research Article

ON THE ETHNONYM OF RUTHENI IN MEDIEVAL TRANSYLVANIA

Alexey E. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Russia, Moscow, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Abstract. Medieval chronicles record an ethnonym that is confusingly close to the name Rus' not only in Eastern, but also in Central Europe. Attempts to explain the toponymy of "Russian" origin north of the Danube by exclusively late waves of migration from the lands of Galicia and Podolia contradict the indications of a number of sources. The ethnonym Rut(h)eni, Oroszok and their accompanying toponyms, scattered across the east of the Carpathian Basin, mark not only the settlements of East Slavic migrants, but also, possibly, the settlements of the autochthonous ethnos, also known as veteres Russi, Rutheni. The autochthons of the region partly merged with the the 13th-15th centuries Ruthenian resettlement wave from the northeast, as a result of which, in the historical tradition they were most often considered to be single. At the same time, it is possible that the autochthons and their ethnonym were not directly related to the Eastern Slavs and their origin was associated with ethnic processes on the outskirts of the Avar Khaganate. The initially multi-tribal population of the Khaganate, primarily the Gepids and the Romanised population, being exposed to the cultural influence of its ruling layer, lost its own identity and acquired a new common name, reflected in the resource or geographical origin of the name Rus'.

Keywords: Rus', Ruthenians, Carpathian basin, Transylvania, Avars, ethnogenesis.

For citation: Vinogradov A.E. On the ethnonym of Rutheni in medieval Transylvania. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 7–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-7-14>

Введение

В исследованиях, посвященных этнониму Русь, немаловажную роль играет его взаимосвязь с рядом средневековых топонимов в Карпатском бассейне. Поселения, связанные с «русамии» (Rutheni, Oroszok, Ogrus и др.), упоминаемыми в венгерских хрониках, оказываются разбросанными на территории от Австрии до Трансильвании, далеко от киевских владений [Волошук: 210–251, 280+ (карта); Назаренко 1978: 303]. Многие представители польской, венгерской, словацкой, украинской историографии объясняли этот факт поздним и сугубо миграционным характером соответствующих топонимов [Волошук: 19–23].

Вместе с тем авторы венгерских средневековых хроник утверждали, что Rutheni появились в Центральной Европе вместе с мадьярами [Chronica Hungarorum: 11–13]. В свою очередь, значительная часть историков считала и считает, что русы/русины в регионе проживали еще до появления там венгров [Алимов: 183–186; Седов: 125; Юрасов 2020].

На наш взгляд, необходимо эти точки зрения рассмотреть критически. С одной стороны, названия населенных пунктов с соответствующим корнем относятся, как правило, к периоду после XI в. [Кришто: 44; Katona: 7]. Археологи, за исключением единичных находок, не фиксируют ранних артефактов восточнославянского происхождения в пределах восточного Карпатского бассейна, куда, однако, проникали южные и западные славяне [Федоров, Полевой: 283, 304–306, 321–322, 344].

Объекты и методы исследования

Вместе с тем «русская» топонимия в Карпатском бассейне не дает однозначного ответа на вопросы, связанные с временем и обстоятельствами ее происхождения [Кришто: 44]. Особенно это заметно в отношении Трансильвании, где выявлен наиболее густой куст из десятков наименований населенных пунктов и рельефа с корнем Rus/Ros/Orosz [Кочубинский: 148–149]. Эта территория и во второй половине XII в. для соседей оставалась «закрытой и враждебной» [Сэлэджан: 146], даже само ее название было неизвестно: впервые в 1075 г. упоминается лишь неопределенная земля «за лесом» (ultra silvam) [History of Transylvania: 154]. В этой связи трудно проследить обстоятельства того, как известные с начала саксо-венгерского освоения области поселения с «рускими» названиями оказались расположены в ее юго-восточных [History of Transylvania: 364], наиболее удаленных от Руси Киевской комитатах.

Если бы это было результатом миграции жителей Галицкой Руси, то очевидно, их поселения в первую очередь появлялись бы в примыкающих к Восточным Карпатам с юга областях. Однако там восточносла-

вянские переселенцы отмечались, за единственным исключением, лишь с XV в. [Поп 2010: 18–19, 29].

При этом топонимия, ассоциируемая с этнонимом Русь, принимает в областях, близких «Залесью», и характер хоронимии. На рубеже X–XI столетий одна из трех больших провинций Венгрии носила название Russia [Adémar de Chabannes: 153]. На картах и в источниках XII–XIII вв. Rusia, Ruthia, Rutenia выступает или синонимом дунайской Дакии [Dana, Radu: 253, 260; Чекин: 75], или указывается в географических рамках между Паннонией, Грецией и «романскими пределами» (Траяновым валом? – А. В.) на востоке [Bartolomaei Anglici: 693; Gottofridus: col. 224].

Такая последовательность в локализации, сопровождавшаяся, как правило, отсутствием названия *Трансильвания*, заставляет, по нашему мнению, рассматривать версию об ошибке как второстепенную.

На эту же мысль наводит и титул венгерского престолонаследника Эмериха, погибшего в 1031 г., *dux Ruizorum* [Annales Hildesheimenses: 36]. Часть исследователей полагает, что он мог означать предводительство князя над военной колонией или отрядами наемников из Киевской Руси [Міськов: 26, 40]. Однако о таких подразделениях в XI в. ничего не известно.

Вместе с тем Эмерих был князем (prince) Нитрии и Бихарии [Steinhübel: 513]. В последней, у западных границ Трансильвании, и погиб венгерский наследник [Древняя Русь: 108]. Что титул *dux Ruizorum* относился к этому региону, подтверждается тем, что и во второй половине XII в. епископ бихарский фигурирует как *orosiensis*, т. е. «русский» [Chaloupecký: 123]. Свидетельство, что Великая Моравия еще в конце IX в. подчинила в числе прочих племя *Russani* [Aenas Silvius: 34], также может относиться не к оставшимся вне моравской державы восточным славянам, а к подчиненной ей [Steinhübel: 214] Бихарии.

Упомянутую уже в контексте первой половины XII в. в Венгрии *marchia Ruthenorum* отождествляли с той же Бихарией (хотя и допускали ее более широкое толкование) [Chaloupecký: 41, 123].

На наш взгляд, загадка этого хоронима может быть прояснена через известный уже со времен саксонских переселенцев топоним *Reussmarkt* западнее Сибиу: изначально, с XIII в., он был известен как *Ruzmark*, *villa Ruchmark* [Wrede: 46]. То есть основа *markt* «рынок» появилась позже, изначальная семантика термина, калькированного саксами, была, скорее всего, связана с понятием «пограничная единица».

О «русакх» в пограничье Трансильвании, возможно, идет речь и в сообщении Ал-Идриси, согласно которому, помимо восточноевропейских «руссов», были и другие – рядом с Венгрией и Дж(а)сулийей (Македонией) [Коновалова: 151]. Под последней могли иметься в виду поселения «македонцев» на левом

берегу Дуная. Туда они были переселены болгарами в середине VIII в. [Руссев: 160]. Это предположение подтверждается венгерскими источниками, согласно которым болгары переселили часть подданных между Дунаем и Тисой, в пограничье «рутенов» и поляков или одних «рутенов» [Chronica Hungarorum: 12, 14]. Поскольку стремление болгар на север отражало их заинтересованность в трансильванских соляных ресурсах, разработка которых долго велась лишь на юге и в центре региона [History of Transylvania: 882], и, соответственно, раннеболгарские захоронения найдены лишь на юге Трансильвании [Curta F., Kovalev R.: 155, 159–160], можно предположить «пограничье» где-то там.

Другое пограничье «Рутении» Фома Сплитский, пересказывая ранний источник, помещал рядом с Паннонией, где возвышалась или гора Mons Porfiriticum, или здание (храм?) из «порфирного», красного камня, воздвигнутое-де Диоклетианом [Фома Сплитский: 30, 155]. Если здесь Паннонией называлась вся Средне-Дунайская равнина, то «Рутений» может оказаться западная часть Дакии, так как этот хороним Фома не упоминает. Там оставалось гражданское римское население, и постройка храма там была уместной, а что касается Mons Porfiriticum, то ее можно отождествить с *Roşia Montană*, Красной горой рядом со все той же Бихарией.

Наконец, рассказанная Ж. Гаймаром история путешествия английских принцев к венгерскому королю Иштвану через Русь (*Russie* или *Sussie*), которую пилигримы проехали-де «всего за пять дней» (*sul cinc jur*) заставляла сомневаться в том, что здесь имеется в виду Русь Киевская [Кузьмин: 283]. Информация об англичанах (или англичанине) из других источников, согласно которым они были приняты в «Русии» «королем» *Malesclodus* (*Julius Clodius*), вызывала ассоциации с польским Мечиславом [Early Sources: 27] или Ярославом Мудрым [Прицак: 125], однако антропонимические и исторические данные не позволяли прояснить эту историю.

На наш взгляд, больший интерес представляет сопоставление загадочного «короля» не с киевским или западнославянским властителями, а с представителем трансильванского правящего клана. Он известен как *Moglout* (*Maglout*, *Maglód*) [Bollók: 73–75] и приходился родственником Дьюле Младшему. Название его владений и их география неясны, но, возможно, они включали самую восточную часть Карпатского бассейна – после разгрома и пленения Дьюлы Стефаном в начале 1000-х гг. Арпады завоевали Трансильванию лишь до среднего течения Муреша, и то непрочно, «реальное завоевание» региона началось только в середине XI в. и завершилось лишь через полтора столетия [Поп И.-А. 2012: 64, 73]. Представить *Maglout* как приютившего принцев

тем легче, что, принадлежа к клану Дьюлы, он должен был носить и наследственный титул, который в латинских источниках воспроизводился как *Iulis*, *Iula* [Поп И.-А. 2012: 69]. Откуда, по всей вероятности, вследствие контаминации титула и личного имени и форма *Julius Clodius*.

И маршрут принцев из Скандинавии в Венгрию показателен. Двигаться во владения Стефана прямым путем через владения короля Кнута в устье Одера было нельзя, а маршрут через Вислу и Верецкий перевал без специальной прорубки и расчистки был непроходим [Chronica Hungarorum: 13], а дальше располагалась сплошная заболоченная местность. Все это можно было только обогнуть через более проходимые южные части Карпат и далее через Трансильванию по реке Муреш. Именно по ней пролегал средневековый соляной торговый путь в Венгрию [Поп И.-А. 2012: 64; History of Transylvania: 154].

Вполне возможно, что и другие эпизоды взаимоотношений Венгрии и «Руси», неизвестные восточноевропейским летописцам, заставляют понимать под этой «Русью» не государство с центром в Киеве, а некое территориально близкое Паннонии объединение. В частности, в том же XI в., когда уже венгерские наследники искали убежища у соседей, им поступил отказ от *duce Lodomerie*, но убежище они получили в *Rusciam* [Chronica Hungarorum: 83, 153–154]. Как замечал А.В. Назаренко, правитель «Лодомерии» подчинился Ярославу Мудрому и отказ в приеме принцам шел, скорее, от него (дальнейшее появление венгров в якобы Киевской Руси исследователь пытался вписать в сложную схему противостояния Киева и Священной Римской империи [Назаренко2005], но она требует большого количества допущений и смещения временных рамок венгерской эпопеи).

Вышедшая замуж за одного из венгров дочь этого «короля» предпочитала затем проводить время в замке, находившемся подальше от угроз германского императора и поближе к ее родным местам (*propius ad natale*) [Chronica Hungarorum: 17]. В этом замке видят Шарошпатак на северо-востоке Паннонии [Юрасов 2017: 141, 148], однако это место гораздо ближе к любой точке Трансильвании, чем к Киеву.

Известное по Я. Длугошу греческое имя этой русской принцессы и венгерской королевы – Анастасия – не противоречит сказанному. Властители востока Карпатской котловины – и Дьюла Старший, и Ахтум (Айтонь) – еще во второй половине X в. приняли крещение по византийскому обряду, основывали «греческие» монастыри [Поп 2012: 70].

Вышеупомянутые сведения о «дакийской» Руси большинство исследователей относят к огрехам компиляции или попыткам создать «чисто литературную» страну [Коновалова: 151; Чекин: 75].

На наш взгляд, для коррекции источников нет оснований. В дискуссии «автохтонистов» и «миграционистов» обе стороны в целом исходили из восточнославянской, в крайнем случае «варяжской» принадлежности центральноевропейской Руси. Соответственно, в этом же контексте рассматривались археологические данные. Однако были и другие точки зрения, возводившие этот этнос то к германцам-ругам [Петрушевич: 174, 177], то к кельтским *Rutheni* [Шелухин: 61–66, 117].

И значительная часть фигурантов венгерских хроник, упоминаемых как *Ogros* и др. в контексте Карпатского бассейна, не были восточными славянами [Волощук: 210–251]. Характерно, что еще в начале XIX в. «рутенское» население в некоторых поселениях юга Трансильвании говорило на языке, находившимся ближе к болгарскому, чем к восточнославянским наречиям [Кочубинский: 129–136]. Уроженец Трансильвании и ее первый подробный историк Й. Бенкё разделял местных «руссов» на два этноса: древних, *veteres Russi*, уже почти смешанных к тому времени с валахами и венграми, и пришедших в «Залесье», в том числе якобы из Сербии позже [Benko: 590].

По нашему мнению, возможная схема этнических процессов может быть другой: и восточные, и южные славяне со временем ассимилировали местный этнос, чье название было близко *Rutheni/Oroszok*. В этой связи, возможно, не случайно трансильванские «рутены» отождествлялись с древним населением севера Балкан, Βῆσσοι, *Bisseni* [Andreas II: 59, § 60 add]. Германизмы, из которых состоит значительная часть лексики русинского языка [Абони: 10], часто трудноопределимые по времени возникновения, могут отражать в том числе и гепидский субстрат.

Указанный субстрат, если он существовал, то, скорее всего, сложился в эпоху VII–VIII вв., когда в восточной части Карпатского бассейна складывалась новая этническая общность: местное население, с одной стороны, подвергалось значительной «аваризации» [Седов: 127], с другой, часть его, романизованное и гепидское, к середине VIII в. в «Залесье» сменялось аваро-славянским [Федоров, Полевой: 290]. На вопрос, не просто ли сменялось, а не вытеснялось ли и куда, возможно, дает ответ появление восточнее, в ареале сложения балкано-дунайской (Дриду) культуры, сделанной на быстром круге серой керамики, вероятно, трансильванского происхождения [Ciuperča, Pavel: 122, 125].

В указанном контексте представляет интерес близкая связь последней с салтово-маяцкой культурой Подонья (СМК) [19: 8], которую О.Н. Трубочев называл «Донской Русью», предполагая ее восточнославянское происхождение, но подчеркивая, что в ее этнических связях «много нерасшифрованного» [Труба-

чев: 53, 148], а другие исследователи сопоставляли с известным по сочинениям восточных авторов «Русским каганатом» [Березовец: 59–74; Галкина: 176–191]. На наш взгляд, феномен «Донской Руси» может быть связан с миграцией из Аварского каганата, поскольку, судя по уточненным датировкам (рубеж VII–VIII вв. или начало VIII столетия для Дриду [Опряну: 109–110] и конец VIII в. для СМК [Плетнева: 52–53]), СМК получила начальный импульс с запада, а не наоборот, как считалось.

Вопрос взаимоотношений «трансильванской» Руси с Киевом остается сложным. Определенная традиция, похоже, пыталась установить связь между ними, что заметно по объединению включающей Киев Руси (*Ruthenia, Russia*) и Паннонии в одной географической главе у Гервасия Тильберийского и даже ремарке Фридриха Великого о происхождении Руси от «гуннов» (вероятно, аваров. – *A. B.*) и гепидов [*Frederic Le Grand*: 313]. Включение некоторыми летописями в состав дальних «русских» городов в сотнях километров западнее устья Дуная [Тихомиров: 223, 226–227], возможно, следует понимать в этом же контексте.

Феномен названия *Русь*, очевидно сохранявшийся на фоне борьбы гепидов, аваров, славян, тюрко-болгар, венгров за ресурсы Трансильвании, мог быть, по нашему мнению, связан с этим ресурсным статусом региона и обилием в нем топонимов, отражающих добычу полезных ископаемых.

Так, карта Трансильвании «унизана» названиями, отражающими добычу соли и способ ее добычи (мина, яма) [9: 89–90]. Очевидно, еще одним вариантом топонимии на ту же тему была славянская *жъна, jъpa*, так как первоначальное значение лексем этимологические словари (например, словенского языка) связывают с понятиями «соляная шахта», «глубокий». Приводя это толкование, М. Фасмер признавался, что «нелегко объяснить» развитие такого значения *jъpa* в более современную семантику «округ» [Фасмер: 65–66].

Между тем подобное развитие, на наш взгляд, является достаточно типичным для ресурсных регионов, где источник полезных ископаемых является системообразующим звеном не только социально-экономической, но и административной структуры (ср. *Rudnik* – название ряда гмин-волостей в Польше).

В связи с вышеуказанным нельзя не обратить внимание, что *жъна, jъpa* семантически оказываются близки лексемам, восходящим, видимо, к праиндоевропейскому корню *gъ* «копать»: фракийской **rus(a)*, (по И. Дуриданову – «яма, глубокое место на реке»), лит. *gûsas* «погреб», слав. *русло* и др. Считаем вероятным, что центральноевропейские топонимы с корнем *Rus-* могли появиться именно на такой основе в языках местного или одной из волн

пришлого населения, о которых в большинстве своем известно очень мало. Эти «ямы», или «шахты», стали основой административно-территориальных единиц, аналога распространенных на более широкой территории славянских *жуп*.

Нельзя исключать и того, что *gus «яма» получила в буквальном смысле более широкое, связанное с географией всего региона значение. Именно с географически-рельефной этимологией некоторые лингвисты пытаются связать румынское название Трансильвании *Ardeļu, Ardeal* [Stefanesku-Drăganesti: 49, 57]. В силу факта, что Трансильванское плато представляет собой котловину, ограниченную дугой Карпат и Западно-Румынских гор, предполагаем связь скорее с греческим *ἀρδάλιον* – «сосуд для воды, котловина». Гречизмы вообще значительны в румынском языке [Чельшева: 633–634].

На наш взгляд, в этой связи возможно, что *Ardeal* калькировало более раннее *Rus «впадина», и именно этот вариант могли зафиксировать европейские географы в виде дунайского хоронима *Rusia*.

Трактовка государственного статуса этой «Руси» в разных источниках, с одной стороны, как самостоятельного королевства, *regnum*, с другой, как *marchia*, вероятно, отражает постепенное завоевание Арпадами восточной части Карпатской котловины. «Марками» именовались территории, которые венгры или постепенно отвоевывали у этих «королевств» или, в соответствии с франкской терминологией, располагали в пограничье с такими образованиями.

Заключение

Таким образом, феномен ранней закарпатской Руси может нести на себе отпечаток процессов, происходивших в Центральной Европе в раннем Средневековье. «Аваризованные» народы востока Карпатского бассейна, теряя собственную этничность, приобретали общее имя *Rus*, образованное по ресурсному или по географическому принципу. Со временем потеря новым населением изначального смысла этого названия, сопряженная с постепенной интеграцией региона в Венгерское королевство, а возможно, и с необходимостью размежевания хоронима с названием Киевской Руси, привела к смене названия.

Список литературы

Абони А.Т. Лексические германизмы в народных русинских изданиях: проспект диссертации. Будапешт: ELTE, 2009. 13 с.

Алимов Д.Е. Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос о происхождении русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // *Русин*. 2017. № 4. С. 179–197.

Березовец Д.Т. Про і'мя носіїв салтівської культури // *Археологія*. Київ, 1970. Вып. XXIV. С. 59–74.

Волощук М.М. «Русь» в Угорському королівстві XI–др. пол. XIV ст. Івано-Франківск: Лілея-НВ, 2014. 496 с.

Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4 (комм. А.В. Назаренко). 384 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении Ал-Идриси. М.: Восточная литература РАН, 1999. 254 с.

Кочубинский А.А. О русском племени в Дунайском Залесье // Библиотека журнала Русин. 2018. Т. 8, вып. 1. С. 81–151.

Кришто Д. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 41–53.

Кузьмин А.Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003. 432 с.

Міськов І. Rutheni, dux Ruizorum marchia Ruthenorum у середньвічній Європі // *Studium carpato-ruthenorum* 2018. Пряшів: Prešov University, 2018. С. 24–44.

Назаренко А.В. О русской марке в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье / отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1978. С. 302–306.

Назаренко А.В. Племянники венгерского короля Иштвана на Руси // *Ad fontes: сб. ст. в честь С.М. Каштанова* / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 167–175.

Опряну К.Х. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II–VIII вв.) // *История Румынии* / сост. Поп И.А., Болован И. М.: Весь мир, 2005. С. 37–120.

Петрушевич А.С. О паннонских ругах или псевдо-русах // *Научный сборник*. Львов: Книгопеч. Ставропигийск. Института, 1865. Вып. 3. С. 170–180.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж: ВГУ, 2003. 248 с.

Поп И.-А. Марамуреш в XIV в.: этническое и конфессиональное взаимодействие // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 17–32.

Поп И.-А. Формирование средневековой государственности в Трансильвании // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1. С. 51–78.

Прицак О.И. Происхождение названия Rūs/Rus' // *Вопросы языкознания*. 1991. № 6. С. 115–131.

Руссев М.Д. Северо-восточные владения Дунайской Болгарии: история и погребальные памятники (VII–X вв.) // *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 159–168.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Институт археологии РАН, 1995. 416 с.

Сэлэджан Т. Румынское общество в раннем средневековье (IX–XIV ст.) // *История Румынии* / сост. Поп И.А., Болован И. М.: Весь мир, 2005. С. 122–191.

- Тихомиров М.Н. Список городов дальних и ближних // Исторические записки. М.: Изд. АН СССР, 1952. Т. 40. С. 214–259.
- Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 288 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 2. 671 с.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М.: Наука, 1973. 416 с.
- Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 319 с.
- Чекин Л.С. География спасения и астрономическая география. Формы актуализации северо-восточного обитаемого мира в западноевропейской географической литературе и на картах IX–XIII веков // История географии / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2006. Т. 3. С. 43–107.
- Чельшьева И.И. Романские языки // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2015. Т. 28. С. 633–634.
- Шелухин С. Звідкіля походить Русь. Прага: Ā. Fišer, 1929. 129 с.
- Юрасов М.К. Еще раз о времени появления русинов в Паннонии // Русин. 2020. № 60. С. 11–21.
- Юрасов М.К. Русско-венгерские отношения X–XI вв. // Труды института российской истории РАН. 2017. № 4. С. 139–153.
- Adémar de Chabannes. Chronique, ed. J. Chavanon. Paris, A. Picard, 1897, 235 p.
- Aenas Silvius. Historia Bohemica a principio gentis usque ad Georgium Voiebracium. Ambergae, M. Forsteri, 1592, 280 p.
- Andreas II. Dictus Hierosolymitanus rex Ungariae decimus nonus: Saxonum in Transylvania; Libertatis Assertor: Secundum tenores Privilegiorum, ed. J.N. Segedi. Jaurini (Győr), Typ. G.J. Streibig, 1751, 76 p.
- Annales Hildesheimenses, ed. G. Waitz. Hannoverae, Hahn, 1878, [VIII], 69 p.
- Bartolomaei Anglici. De Genuinis rerum coelestium, terrestrium et inferarum. Francoforti, Typ. N. Stein, 1650, 1276 p.
- Benko J. Transilvania sive magnus transsilvaniae principatus olim Dacia Mediterranea. P. I. Claudiopoli, Typ. Lycea Regi, 1834, 592 p.
- Bollók J. Philologia nostra. Sz. T. Mészáros. Budapest, ELTE Z. József Collegium, 2013, 516 p.
- Chaloupecký V. Staré Slovensko. Bratislava: Ed. Univ. Komenského, 1923, 420 s.
- Chronica Hungarorum, ad. M. Florianus. Lipsiae, Typ. M.: Taizs, 1883, 315 p.
- Ciuperča B., Pavel M. Sud-vestul Munteniei în secolele VIII-X. Buletenui Mureulei Județean Teleorman, 2010, № 2, pp. 115–162.
- Curta F. Kovalev R. ed. The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans 450-1450. Leiden, Brill, 2008, vol. 2, 503 p.
- Dana D., Radu M. Transilvania pe Harta de la Hereford (sec. XIII). Studii și Materiale de Istorie Medie, 2002, vol. 20, pp. 253-266.
- Early Sources of Scottish History A.D. 500 to 1286, ed. and comm. by Anderson A.O. Edinburg-London, Oliver&Boyd, 1922, vol. 2, 805 p.
- Frederic Le Grand. Oeuvres. Berlin, R. Decker, 1855, vol. XXVI, 672 p.
- Gottofridus. Pantheon sive Universitatis libri. Basileae, I. Parcus, 1559, 668 p.
- History of Transylvania, ed. Kopeczi, Makkai L. New York, Social Science Monographs, 2001, vol. 1, [XVI], 899 p.
- Katona C. Vikings in Hungary? The theory of the Varangian-Rus bodyguard of the first Hungarian rulers. Viking and Medieval Scandinavia, 2017, vol. 13, pp. 1–27.
- Stefanesku-Drăganesti V. Romanian Continuity in Romanian Dacia. Miami Beach, Rom Hist. Studies, 1986, 89 p.
- Steinhübel J. The Nitrian Principality: the Beginning of Medieval Slovakia. Leiden, Brill, 2020, 670 p.
- Wrede von F. Deutsche Dialektgeographie H. XX. Marburg, N.G. Elwert, 1927, 144 p.

References

- Aboni A.T. *Leksicheskie germanizmy v narodnykh rusinskikh izdaniakh. Prospekt dissertatsii* [Lexical Germanisms in Ruthenian Folk Editions. Dissertation prospectus]. Budapesht, ELTE Publ., 2009, 13 p. (In Russ.)
- Alimov D.E. *Mezhdú migratsionizmom i avtokhtonizmom: vopros o proiskhozhdenii rusinov Zakarpat'ia v diskursivnom prostranstve natsional'nogo narrativa* [Between migrationism and autochthonism: the question of the origin of the Rusyns of Transcarpathia in the discursive space of the national narrative]. *Rusin* [Rusin], 2017, № 4, pp. 179–197. (In Russ.)
- Berezovets D.T. *Pro i'mia nosiiv caltivs'koi kulturi* [About I'm wearing in the Saltiv culture]. *Archeologia* [Archeology]. Kiiv, XXIV, 1970, pp. 59–74. (In Russ.)
- Voloshchuk M.M. *"Rus'" v Ugors'kom korolivstvi XI-dr. pol. XIV st.* ["Rus" in the Ugrian kingdom of the XI-other sex. XIV]. Ivano-Frankivsk, Lileia-NV Publ., 2014, 496 p. (In Russ.)
- Galkina E.S. *Tainy Russkogo kaganata* [Secrets of the Russian Khaganate]. Moscow, Veche Publ., 2002, pp. 176–191. (In Russ.)
- Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Ancient Russia in the light of foreign sources]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ., 2010, vol. 4, 384 p. (In Russ.)
- Konovaleva I.G. *Vostochnaia Evropa v sochinenii Al-Idrisi* [Eastern Europe in the work of Al-Idrisi]. Moscow,

Vostochnaia literatura RAN Publ., 1999, 254 p. (In Russ.)

Kochubinskii A.A. *O russkom plemeni v Dunaiskom Zales'e* [About the Russian tribe in the Danube Zalesie]. *Biblioteka zhurnala Rusin* [Rusin Library Journal], 2018, vol. 8, issue 1, pp. 81–151. (In Russ.)

Krishto D. *Russkie v Vengrii v epokhu dinastii Arpadov* [Russians in Hungary in the era of the Arpad dynasty]. *Vengry i ikh sosedi po Tsentral'noi Evrope v Srednie veka i Novoe vremia* [Hungarians and their neighbors in Central Europe in the Middle Ages and Modern Times]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2004, pp. 41–53 (In Russ.)

Kuz'min A.G. *Nachalo Rusi* [Beginning of Russia]. Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)

Mis'kov I. *Rutheni, dux Ruizorum marchia Ruthenorum u serednevichnii Evropi* [Rutheni, dux Ruizorum marchia Ruthenorum in Middle European]. *Studium carpato-ruthenorum 2018* [Studium carpato-ruthenorum 2018]. Priashiv, Prešov University Publ., 2018, pp. 24–44. (In Ukrainian)

Nazarenko A.V. *O russkoi marke v srednevekovoi Vengrii* [On the Russian Mark in Medieval Hungary]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], rep. ed. L.V. Cherepnin. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 302–306. (In Russ.)

Nazarenko A.V. *Plemianniki vengerskogo korolia Ishtvana na Rusi* [Nephews of the Hungarian king Stephen in Russia]. *Ad fontes: sbornik statei v chest' S.M. Kashtanova* [Ad fontes: collection of articles in honor of S.M. Kashtanov], ed. by S.O. Schmidt. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 167–175. (In Russ.)

Oprianu K.Kh. *Severodunaiskie zemli provintsii Dakia v period zarozhdeniia rumynskogo iazyka (II–VIII vv.)*. *Istoriia Rumynii* [North Danubian lands of the province of Dacia in the period of the birth of the Romanian language (II–VIII centuries). History of Romania], comp. Pop I.A., Bolovan I.M. Moscow, Ves' mir Publ., 2005, pp. 37–120. (In Russ.)

Petrushevich A.S. *O pannonskikh rugakh ili psevdorussakh: naukovyi sbornik* [About Pannonian Rugs or Pseudo-Russians: naukovyi sbornik]. L'vov, Knigopеч. Stavropigiisk. Instituta Publ., 1865, issue 3, pp. 170–180. (In Ukrainian)

Pletneva S.A. *Kochevniki iuzhnorusskikh stepi v epokhu srednevekov'ia (IV–XIII vv.)* [Nomads of the South Russian steppes in the Middle Ages (IV–XIII centuries)]. Voronezh, VGU Publ., 2003, 248 p. (In Russ.)

Pop I.-A. *Maramuresh v XIV v.: etnicheskoe i konfessional'noe vzaimodeistvie* [Maramures in the XIV century: ethnic and confessional interaction]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2010, no. 1, pp. 17–32. (In Russ.)

Pop I.-A. *Formirovanie srednevekovoi gosudarstvennosti v Transil'vanii* [Formation of Medieval Statehood

in Transylvania]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2012, no. 1, pp. 51–78. (In Russ.)

Pritsak O.I. *Proiskhozhdenie nazvaniia Rūs/Rus'* [Origin of the name Rūs/Rus']. *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics], 1991, no. 6, pp. 115–131. (In Russ.)

Russev M.D. *Severo-vostochnnye vladeniia Dunaiskoi Bolgarii: istoriia i pogrebal'nye pamiatniki (VII–X vv.)* [Northeastern possessions of Danube Bulgaria: history and funerary monuments (VII–X centuries)]. *Stratum plus* [Stratum plus], 2010, № 5, pp. 159–168. (In Russ.)

Sedov V.V. *Slaviane v rannem srednevekov'e* [Slavs in the Early Middle Ages]. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 1995, 416 s. (In Russ.)

Seledzhan T. *Rumynskoe obshchestvo v rannem srednevekov'e (IX–XIV st.)* [Romanian society in the early Middle Ages (IX–XIV centuries)]. *Istoriia Rumynii* [History of Romania], comp. Pop I.A., Bolovan I. Moscow, Ves' mir Publ., 2005, pp. 122–191. (In Russ.)

Tikhomirov M.N. “*Spisok gorodov dal'nikh i blizhnikh*” [“List of cities far and near”]. *Istoriicheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952, vol. 40, pp. 214–259. (In Russ.)

Trubachev O.N. *V poiskakh edinstva. Vzgliad filologa na problemu istokov Rusi* [In search of unity. A philologist's view of the problem of the origins of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 288 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. 2, 671 p. (In Russ.)

Fedorov G.B., Polevoi L.L. *Arkheologiia Rumynii* [Archeology of Romania]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 416 p. (In Russ.)

Foma Splitskii. *Istoriia arkhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Archbishops of Salona and Split]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 319 p. (In Russ.)

Chekin L.S. *Geografiia spaseniia i astronomicheskaia geografiia. Formy aktualizatsii severo-vostochnogo obitaemogo mira v zapadnoevropeiskoi geograficheskoi literature i na kartakh IX–XIII vekov* [Geography of salvation and astronomical geography. Forms of actualization of the northeastern inhabited world in Western European geographical literature and on maps of the 9th–13th centuries]. *Istoriia geografii* [History of Geography]. Moscow, Akvilon Publ., 2006, vol. 3, pp. 43–107. (In Russ.)

Chelysheva I.I. *Romanskii iazyki* [Romance languages]. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, BRE Publ., 2015, vol. 28, pp. 633–634. (In Russ.)

Shelukhin S. *Zvidkilia pokhodit' Rus'* [Zvidkilya resemble Russia]. Praga, Ā. Fišer Publ., 1929, 129 c. (In Czech)

Iurasov M.K. *Eshche raz o vremeni poiavleniia rusinov v Pannonii* [Once again about the time of the appearance of Rusyns in Pannonia]. *Rusin* [Rusin], 2020, № 60, pp. 11–21. (In Russ.)

Iurasov M.K. *Russko-vengerskie otnosheniia X–XI vv.* [Russian-Hungarian relations X-XI centuries]. *Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], 2017, № 4, pp. 139–153. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2022; одобрена после рецензирования 27.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 19.02.2022; approved after reviewing 27.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРТИЛЛЕРИИ КАК ВИДА ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Бенда Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Россия, bvn.1962@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9553-7262>

Аннотация. Актуальность исследования развития артиллерии как особого вида вооружения и техники во взаимосвязи с артиллерийской наукой в прошлые годы истории нашего государства обосновывается исторической связью с современным состоянием наук вообще и с развитием военной техники и промышленности. Опыт установления путей развития научной мысли и разрешения тех или иных задач по развитию артиллерийского вооружения можно использовать для определения направлений и прогнозов дальнейшего развития вооружения и военной организации в целом. Автором изучаются некоторые аспекты истории развития артиллерийского вооружения во взаимосвязи с состоянием отечественной промышленности, техники и научных знаний в конце XVIII – первой четверти XIX в. В статье акцентируется внимание на том, что в начале XIX в. в русской артиллерии проводится ряд мероприятий, направленных и первую очередь на совершенствование материальной части полевой артиллерии. Установлено, что сравнительные данные полевой артиллерии русской армии с артиллерией некоторых европейских государств показывают, что отечественная артиллерия первой четверти XIX в. обладала высокими техническими и боевыми качествами, несколько не уступала лучшей в то время французской артиллерии и была значительно выше прусской, австрийской и ряда других государств. Автор приходит к выводу: металлургические заводы России, занятые изготовлением предметов артиллерийского вооружения, располагали сравнительно развитым литейным производством и более совершенным техническим оборудованием, чем металлургические заводы предшествующего периода. Это в свою очередь дало возможность обеспечить артиллерию русской армии материальной частью и снарядами более высокого качества.

Ключевые слова: артиллерийское вооружение, полевая артиллерия, тактико-технические характеристики, промышленность, производство, развитие, изменения.

Для цитирования: Бенда В.Н. Развитие отечественной артиллерии как вида вооружения и техники в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 15–22. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-15-22>

Research Article

ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ARTILLERY AS A TYPE OF WEAPONS AND EQUIPMENT IN THE LATE 16TH CENTURY – THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Vladimir N. Benda, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg-Pushkin, Russia, bvn.1962@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9553-7262>

Abstract. Topicality of the study of the development of artillery as a special type of weapons and equipment in connection with artillery science in the past years of the Russian history is justified by the historical connection with the current state of science in general and with the development of military equipment and industry. The experience of establishing ways of developing scientific thought and solving certain tasks for the development of artillery weapons can be used to determine the directions and forecasts of further development of weapons and military organisation as a whole. The author believes that the main purpose of his work is an attempt to study some aspects of the artillery weapons development history in relation to the state of Russian industry, technology and scientific knowledge in the late 16th century – the first quarter of the 19th century. The article focuses on the fact that in the early 19th century, in the Russian artillery, a number of measures were carried out, primarily aimed at improving the material part of field artillery. It is established that comparative data of the field artillery of the Russian army with the artillery of certain European states show that the former, in the first quarter of the 19th century, had high technical and combat qualities; it was in no way inferior to the best French artillery at that time and was significantly higher than the Prussian, Austrian ones as well as ones of a number of other states. The author comes to the conclusion that

the metallurgical plants of Russia, involved in manufacturing artillery weapons, had a relatively developed foundry and more advanced technical equipment than the metallurgical plants of the previous period. This in turn made it possible to provide the artillery of the Russian army with materiel and shells of higher quality.

Keywords: artillery armament, field artillery, tactical and technical characteristics, industry, production, development, changes.

For citation: Benda V.N. On the development of Russian artillery as a type of weapons and equipment in the late 16th century – the first quarter of the 19th century. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 2, pp. 15–22 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-15-22>

В первой четверти XIX в. в России промышленная металлургическая база и металлообрабатывающие мануфактуры России работали, как правило, для нужд государства, особенно для нужд русской армии, и стремились обеспечить ее в достаточном количестве необходимым вооружением и боеприпасами.

В рассматриваемый период чугуна являлся одним из основных видов металла, из которого изготавливались стволы артиллерийских орудий, снаряжение и боеприпасы. В частности, механические свойства чугуна удовлетворяли всем требованиям, которые предъявлялись к снарядам гладкоствольной артиллерии. Наряду с высокой твердостью, которой обладал чугун, другой важной причиной, по которой чугун использовался для отливки артиллерийских снарядов, являлась дешевизна его производства. Чугунные артиллерийские снаряды обладали лучшими пробивными способностями и баллистическими характеристиками по сравнению с аналогичными боеприпасами, изготовленными из свинца. Помимо этого, свинцовые артиллерийские боеприпасы были дороже чугунных [Резвый: 20]. Как правило, свинцовые боеприпасы (пули) использовались для стрельбы из ручного огнестрельного оружия. По объемам выплавки чугуна Россия в XVIII в. стояла на первом месте в мире, добывая в 1767 г. около 9,5 млн пудов чугуна [Лященко: 443], в 1801 г. – более 10 млн пудов. В среднем ежегодная выплавка чугуна в России на протяжении первой четверти XIX столетия составляла примерно 8–9 тыс. пудов [Струмилин: 367].

В одной из ранее опубликованных работ [Бенда: 13] мы указывали на тот факт, что военно-промышленную базу вооруженных сил России составляли металлургические заводы, находящиеся в государственной (так называемые казенные. – В. Б.) и частной собственности. Наиболее крупными металлургическими заводами в России были: Олонецкий Александровский, Брянский, Екатеринбургский, Каменский, Луганский, Гороблагодатские и др. Так, например, Олонецкие заводы, на которых в начале XIX столетия велось более интенсивное по сравнению с другими заводами производство вооружения, в период с 1800 по 1806 гг. было выплавлено около 2,7 млн пудов чугуна и изготовлено артиллерийских орудий и боеприпасов общим весом 2 млн пудов. На Александровском заводе в период с 1798 г.

по 1819 г. было отлито 10 812 орудийных стволов [Рубцов: 258–259].

Производством материальной части артиллерии занимались также и арсеналы – Санкт-Петербургский, Брянский, Киевский и Казанский, где изготавливались не только стволы, но и лафеты, передки и зарядные ящики. К примеру, на этих артиллерийских арсеналах в период с 1814 по 1825 гг. было изготовлено и отремонтировано более 1,5 тыс. артиллерийских стволов и свыше 2,3 тысяч лафетов¹. Среднегодовая производительность этих арсеналов составляла порядка 125 орудийных стволов и около 200 лафетов. Артиллерийские боеприпасы, как правило, изготавливались на тех же заводах, на которых отливались стволы артиллерийских орудий. Так, например, за этот же период Санкт-Петербургский, Кронштадтский, Луганский и Олонецкие заводы изготовили 457 317 боеприпасов различного рода и назначения [Ведомость показывающая: 99].

Укрупнение промышленных предприятий, насыщение их новыми машинами и более совершенным оборудованием отразилось и на артиллерийском производстве. На заводах и в арсеналах в этот период улучшилась организация производства, совершенствовался технологический процесс, проектировались новые литейные цехи, создавались новые типы оборудования, изыскивались новые литейные сплавы, рациональней использовались отходы металлургического и литейного производства. Внедрение в производство чёрной металлургии научных достижений в этой области являлось необходимым, так как развитие производства артиллерийских орудий и боеприпасов требовало изучения свойств и состава металлических сплавов, из которых они изготавливались. В одной из статей, опубликованных в «Артиллерийском журнале», по этому поводу отмечалось, что «...все державы, имеющие артиллерию, жертвовали огромными капиталами для произведения опытов с тою целью, чтобы узнать, который металл должен быть предпочтен для артиллерийских орудий, чугун или бронза; в каком составе последняя должна быть и какому процессу следовать при литье из обоих металлов» [О химическом составе: 1–2].

Для лучшей обработки отлитых орудийных болванок на заводах и арсеналах в первой четверти XIX в. вместо вертикально-сверлильных станков стали применять горизонтально-сверлильные станки. Это по-

зволило одновременно производить три операции: высверливать канал ствола, производить внешнюю обточку и отрезать приделы. В результате улучшилось качество изготавливаемых орудий, сократилось время их изготовления [Вышенков, Маковская, Сидоренко: 31]. Станки приводились в действие посредством лошадей или водяных двигателей. С 1811 г. начали использовать для этой цели паровые двигатели. Впервые использование парового двигателя отмечается в Санкт-Петербургском арсенале². Среди специалистов литейного дела на металлургических заводах России работало много выдающихся мастеров. Артиллерийские стволы, отлитые ими, отличались высоким качеством³.

В начале XIX в. вооружение русской артиллерии отличалось от вооружения предшествующего периода более совершенной материальной частью. Некоторые данные, характеризующие артиллерийские орудия по состоянию на 1801 г., показаны в таблице 1 (табл. 1).

В последнее десятилетие XVIII века и особенно в начале XIX века – в эпоху так называемых Наполеоновских войн, послуживших серьезным толчком для развития военного дела – артиллерия всех стран претерпевала организационные и технические изменения. Во всех армиях проводилась работа по дальнейшему уменьшению веса материальной части артиллерии, увеличению ее подвижности и пересматривались некоторые тактические положения. В результате деятельности специальной комиссии, созданной под председательством А.А. Аракчеева в 1802 г., в состав которой также входили извест-

ные русские артиллеристы Х.Л. Эйлер, А.О. Базин, К.К. Сиверс, Д.П. Резвый, А.И. Кутайсов, И.Г. Гогель, Г.А. Плото, А.И. Маркевич и Ф.И. Апрельев, была разработана система вооружения полевой артиллерии, принятая в 1805 г. и получившая название «системы 1805 года», или «аракчеевской» [Смирнов: 3].

Как и в предыдущем десятилетии, в начале XIX в. главным направлением всех технических и организационных преобразований в русской артиллерии являлось увеличение мощности и подвижности полевой артиллерии. Поэтому особое внимание было обращено на облегчение орудий. В частности, в русской артиллерии тяжелые 12-фунтовые пушки (современный калибр ≈ 122 мм. – В. Б.) были заменены двумя типами пушек такого же калибра, но намного облегченными: 12-фунтовыми пушками «средней пропорции», весившими 50 пудов, и 12-фунтовыми пушками «меньшей пропорции», весившими 28 пудов. Пушки 12-фунтового калибра «большой пропорции» предназначались для крепостной и осадной артиллерии, а средней и малой пропорции – для полевой артиллерии. Другие системы, как, например, 6-фунтовые пушки (современный калибр ≈ 96 мм. – В. Б.) и $\frac{1}{2}$ -пудовые (современный калибр ≈ 152 мм. – В. Б.) и $\frac{1}{4}$ -пудовые (современный калибр ≈ 122 мм. – В. Б.) единороги, были значительно облегчены. Были приняты меры к упрощению отливки материальной части. Все ненужные украшения были сняты [Прочко: 179].

Материальная часть осадной и крепостной артиллерии также подверглась изменениям, направленным на дальнейшее облегчение орудий и лафетов. На вооружении осадной артиллерии находились бронзовые

Таблица 1

Характеристика артиллерийских систем русской артиллерии по состоянию на 1801 г.
(см.: [История отечественной артиллерии: 30])

Наименование орудий	Калибр, мм	Длина ствола, м	Вес ствола, пуд	Вес всего орудия с передком, кг	Предельная дальность стрельбы, м
<i>Пушки</i>					
24-фунтовая	151,6	3,15	185	5 330	2130–2700 (при максимальных углах возвышения для пушек – 20°, для единорогов – 25°, для мортир – 45°)
12-фунтовая большой пропорции	120,4	2,64	100	2 780	
12-фунтовая средней пропорции	120,4	1,97	50	1 820	
12-фунтовая малой пропорции	120,4	1,57	30	1 402	
6-фунтовая	95,5	1,62	22,2	1000	
<i>Единороги</i>					
1-пудовый	195,3	2,05	88	3083	2950
$\frac{1}{2}$ -пудовый	154,9	1,63	42,5	1665	2300
$\frac{1}{4}$ -пудовый	122,9	1,23	22	984	1050
<i>Мортиры</i>					
5-пудовая	334	1,02	90	4182	2600
2-пудовая	246,1	0,75	31,5	1500	2375
6-фунтовая	103,4	0,25	0,7	41	–

18- (современный калибр ≈ 137 мм. – В. Б.) и 24-фунтовые пушки (современный калибр ≈ 152 мм – В. Б.), 1-пудовые единороги (современный калибр ≈ 214 мм. – В. Б.), 2- и 5-пудовые мортиры (современный калибр соответственно ≈ 245 и 349 мм. – В. Б.) и 6-фунтовые кугорновы мортирки на лафетах конструкции 1798 г. [Маркевич 1: 70]. В крепостной артиллерии состояли на вооружении чугунные орудия всех калибров, принятых в полевой и осадной артиллерии, за исключением 3-фунтовых (современный калибр ≈ 76 мм. – В. Б.) и $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов, и частично морские орудия карронады, 30- и 36-фунтовые пушки (современный калибр соответственно ≈ 164 и 172 мм. – В. Б.) [Вышенков, Маковская, Сидоренко: 33]. Напомним, что карронада – это особый тип короткого орудия, названного по имени английского изобретателя Каррона. Она была изобретена в 1756 г. В России карронады введены на вооружение в 1779 г. и применялись преимущественно на флоте [Изобретение карронад: 81].

Кроме пушек и единорогов на вооружении отечественной артиллерии состояли мортиры. Мортиры конца XVIII – начала XIX вв. по устройству были сходны с мортирами предшествующего периода. В зависимости от калибра мортиры делились на 5-, 2-пудовые и 6-фунтовые. Мортиры указанных калибров применялись к осадной и крепостной артиллерии [История отечественной артиллерии: 24–25].

С 1811 г. вместо орудий со сферическим дном стали изготавливать орудия с небольшими закруглениями у плоского дна. Затравка получила перпендикулярное направление. Это повысило скорострельность и живучесть орудий.

Одновременно с усовершенствованием орудийных стволов изменениям подверглись лафеты, передки и зарядные ящики полевой артиллерии. Усовершенствованные лафеты были двух образцов: легкие и батарейные, которые отличались между собой размером и весом. Конструкция их оставалась прежней, но они были облегчены в оковках. У легких лафетов к 12-фунтовым пушкам меньшей пропорции, к 6-фунтовым пушкам и $\frac{1}{4}$ -пудовым конным единорогам имелись межстанинные лафетные ящики, куда помещали принадлежность, а иногда до пяти картечных зарядов. Передки были введены тоже двух образцов: легкие и батарейные с коробом на оси; были уменьшены ящики на передках [Вышенков, Маковская, Сидоренко: 32].

Лафеты крепостной артиллерии оставались конструкции 1799 г. и были двух типов: морские на четырех чугунных колесах и неподвижной платформе и береговые на двух катках и поворотной платформе. В 1813 г. на вооружение крепостной артиллерии был принят с небольшими изменениями казематный

лафет системы Монталамберта, затем в 1822 г. был введен новый лафет наподобие полевого [Материальная часть: 108–109]. Однако эти лафеты были недостаточно прочны и удобны. Поэтому поиски более совершенной конструкции крепостного лафета продолжались почти до 40-х гг. XIX в.

Большим изменениям подверглись и зарядные ящики. Вместо громоздких четырехколесных зарядных фур в 1803 г. были введены более подвижные и удобные двухколесные зарядные ящики. Новые зарядные ящики изготавливались одинаковых размеров для орудий всех калибров. Внутренние гнезда зарядных ящиков делались по величине зарядов, причем гнезда эти вынимались, что позволяло использовать один и тот же зарядный ящик к различным орудиям⁴.

Вместе с ростом русской армии непрерывно увеличивалась численность личного состава артиллерии и количество полевых орудий. Об этом наглядно свидетельствуют следующие данные:

1. Перед войной 1805 г. численность регулярных полевых войск в армии (не считая казаков и иррегулярных войск. – В. Б.) достигала 423 тыс. человек, из которых артиллерия насчитывала примерно 40 000 человек, а инженерные войска – около 5 000 человек [Столетие: 388]. По данным А.К. Байова, в русской артиллерии числилось 26 500 человек личного состава и 1 108 полевых орудий [Байов: 24].

2. Перед Отечественной войной 1812 г. численность регулярных войск армии была уже свыше 500 тыс. человек, из которых в артиллерии находилось 53 900 человек. Общее количество полевых орудий в армии к этому времени увеличилось до 1 556 [Михайловский-Данилевский: 122–123]. Отметим, что Н.Е. Бранденбург указывает, что в 1808 г. общее количество штатных подразделений полевой артиллерии составляло 130 рот, на вооружении которых состояло 1 550 артиллерийских орудий различного калибра и назначения. Во время Отечественной войны 1812 г. вся отечественная артиллерия могла выставить для участия в боевых действиях порядка 1 840 артиллерийских орудий [Бранденбург: 75–76].

На основании этих данных можно сделать вывод о том, что личный состав артиллерии в рассматриваемый период составлял около 10 % общей численности регулярных войск русской армии. На 1 000 человек приходилось 3–4 орудия. Такая оснащенность русской армии полевыми орудиями была по тому времени довольно высокой. Достаточно сказать, что во французской армии на 1 000 человек было всего 2–3 полевых орудия [М.И. Кутузов: 117]. При ведении же боевых действий войска русской армии располагали количеством артиллерии, доходившим до 4–5 орудий на каждую тысячу солдат.

Вместе с развитием и улучшением материальной части, особенно полевой артиллерии, происходило

дальнейшее совершенствование станков для войскового ремонта этой материальной части, в частности для ремонта орудийных стволов. В эти же годы были внесены некоторые изменения в конструкцию станка по заделке раковин в канале орудийного ствола. Изменения эти были направлены на уменьшение размеров и веса некоторых частей станка прежней конструкции. Деревянное колесо, с помощью которого станок приводился в действие, было заменено металлической рукояткой небольших размеров⁵, облегчавшей и ускорявшей процесс проведения ремонта. Принцип работы станка по заделке раковин в канале ствола сохранялся прежний.

Практика применения артиллерии в боевых условиях показала, что для успешного выполнения боевых задач, стоящих перед полевой артиллерией, мощности огня 3-фунтовых единорогов не хватало. В связи с этим в конце 1805 г. с вооружения полевой артиллерии пришлось снять 3-фунтовые единороги, которые были сохранены на вооружении подразделений, действовавших в горных условиях [История: 39].

Усовершенствования материальной части полевой артиллерии осуществлялись с учетом боевого опыта русской армии, полученного в войнах, предшествовавших Отечественной войне 1812 г. Отечественная война и последующие боевые действия русских войск не оказали существенного влияния на дальнейшее развитие материальной части артиллерии, так как существовавшая артиллерия в основном удовлетворяла требованиям полевого боя того времени. Однако опыт этих войн показал, что целесообразно иметь в армии полевые орудия различных видов одного и того же калибра, тем более что 12-фунтовые пушки средней пропорции мало чем отличались от 12-фунтовых пушек малой пропорции и ¼-пудовые пешие единороги – от ¼-пудовых конных. Кроме того, такое разнообразие материальной части создавало трудности в боевом применении полевой артиллерии. Поэтому в 1819 г. были сняты с вооружения отечественной артиллерии 12-фунтовые пушки малой пропорции и ¼-пудовые конные единороги [История: 40].

Материальная часть осадной и крепостной артиллерии на протяжении первой четверти XIX в. не получила развития. Это объясняется тем, что данная артиллерия в войнах первой четверти века не нашла должного боевого применения.

Материальная часть артиллерии передовых европейских стран по существу ничем не отличалась от материальной части отечественной артиллерии. Отличие можно было найти только в незначительных конструктивных особенностях, которые ни в какой мере не давали каких-либо преимуществ перед русской артиллерией. Однако русская полевая артиллерия, имея равное количество лошадей в орудийной

упряжке и меньший вес, чем вес соответствующих калибров полевой артиллерии других государств, была более подвижна и маневренна. Если максимальная дальность стрельбы у пушек всех государств была примерно одинакова и равнялась 1200–1300 сажням (2550–2800 м), то дальность стрельбы русских единорогов намного превосходила дальность стрельбы гаубиц европейских государств. Дальность стрельбы единорогов в среднем равнялась 1 000 сажням (2 130 м), английских гаубиц – 550 саж. (1 170 м), французских гаубиц – 270 саж. (575 м), прусских гаубиц – 950 саж. (2 000 м) и австрийских гаубиц – 700 саж. (1 490 м) [Нилус: 27]. Такая разница в дальностях явилась следствием того, что стволы единорогов были длиннее стволов гаубиц артиллерии иностранных государств.

Сравнительные данные полевой артиллерии русской армии с артиллерией некоторых европейских государств показывают, что отечественная артиллерия первой четверти XIX в. обладала высокими техническими и боевыми качествами и несколько не уступала лучшей в то время французской артиллерии, а также по своим характеристикам была значительно выше прусской, австрийской и ряда других государств [История: 40].

В заключение отметим, что русская артиллерия на протяжении рассматриваемого периода и своем развитии претерпела ряд изменений, которые происходили под влиянием всестороннего развития других родов войск. В наставлениях и уставах того периода артиллерия рассматривалась не как род войск, а только лишь как «принадлежность весьма полезную, и для прибавления силы войскам армию составляющим необходимою» [История: 15]. Однако боевой опыт войн требовал уделять должное внимание развитию артиллерии и непрерывно её совершенствовать. Благодаря этому отечественная артиллерия стояла на уровне развития русского военного искусства и по своим качествам не уступала, а по некоторым показателям даже превосходила иностранную артиллерию, в том числе и французскую.

В начале XIX в. в русской артиллерии проводится ряд мероприятий, направленных и первую очередь на совершенствование материальной части полевой артиллерии в соответствии с этими требованиями. В связи с этим в рассматриваемый период получила свое развитие в основном материальная часть полевой артиллерии, чего требовала изменившаяся природа общевойскового боя. В частности, полевые орудия конца XVIII в., и особенно орудия образца 1805 г., были усовершенствованы и значительно облегчены, в результате чего возросли подвижность и маневренность полевой артиллерии. Материальная часть полевой артиллерии русской армии в своем развитии не уступала западноевропейской и в некоторых от-

ношениях превосходила ее. Отечественная полевая артиллерия оказалась более подвижной и приспособленной для совместных действий с пехотой и конницей, чем французская артиллерия, считавшаяся в тот период лучшей в Западной Европе. Орудия полевой артиллерии образца 1805 г. с теми усовершенствованиями, которые были осуществлены перед войной 1812 г., оставались на вооружении русской армии без каких-либо существенных изменений вплоть до конца первой четверти XIX в. Они с честью выдержали испытания на полях сражений рассматриваемой четверти века.

Металлургические заводы России, запятые изготовлением предметов артиллерийского вооружения, располагали сравнительно развитым литейным производством и более совершенным техническим оборудованием, чем металлургические заводы предшествующего периода. Это в свою очередь дало возможность обеспечить артиллерию русской армии материальной частью и снарядами более высокого качества. Изготовление материальной части и боеприпасов артиллерии было подчинено строгому контролю со стороны военного ведомства. Наличие на заводах и арсеналах страны атласов чертежей предметов артиллерийского вооружения, а также введение единых инструкций для приема изготовленной артиллерийской продукции способствовало дальнейшей унификации выпускаемого вооружения и боеприпасов.

Примечания

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 5893. Л. 77.

² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 2201. Л. 69.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1855. Л. 5.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1874. Л. 13–14.

⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 2119. Л. 14–15.

Список литературы

Байов А.К. Курс истории русского военного искусства. СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1913. Вып. 7: Эпоха Императора Александра I. XIX+511 с.

Бенда В.Н. Внешнеполитическая деятельность России и её политика в области военного строительства в начале XIX века // *Общественная атмосфера накануне войн XIX–XX вв.: историко-психологические аспекты: материалы XLIX Междунар. науч. конф.* СПб.: Полтораки, 2021. 258 с. С 12–17.

Бранденбург Н.Е. 500-летие русской артиллерии: историческая справка / сост. артиллерии генерал-май-

ор Бранденбург. СПб.: Тип. «Артиллерийского журнала», 1889. 118 с.

Ведомость, показывающая, сколько в 1807 г. в разных казённых заводах отлито разного звания артиллерийских снарядов для осадной, батареинной, полковой и крепостной артиллерии // *Артиллерийский журнал.* № 4. 1808. С. 99.

Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко В.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л.: Изд. артиллерийского исторического музея, 1964. 424 с.

Изобретение карронад // *Артиллерийский журнал.* 1809. № 2. С. 81.

История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии в эпоху феодализма. М.: [Б. м.], 1962. Кн. 3: Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). 695 с.

Инструкция для приёма артиллерийских орудий // *Артиллерийский журнал.* 1808. № 4. С. 85–98.

М.И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. М.: Военное изд-во, 1947. 178 с.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. 4-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. Т. 1: Докапиталистические формации. 649 с.

Маркевич А.И. Руководство к артиллерийскому искусству: Для употребления их императорских высочеств государей великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича / соч. Второго Кадетского корпуса генерал-майором Андреем Маркевичем. Т. 1: Содержащий в себе художественную часть артиллерийского искусства, заключающую лабораторное и арсенальное отделения онаго. СПб.: В Медицинской тип., 1820. 898 с.

Маркевич А.И. Руководство к артиллерийскому искусству: Для употребления их императорских высочеств государей великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича / соч. Второго Кадетского корпуса генерал-майором Андреем Маркевичем; напечатано по высочайшему его императорского величества повелению. Т. 2: Содержащий в себе военную часть артиллерийского искусства, заключающую строевое и разнополагательное отделения онаго. СПб.: В тип. Крайя, 1824. 834 с.

Материальная часть и технические заведения // *Артиллерийский журнал.* 1852. № 5. С. 108–109.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1843. Ч. 1. 473 с.

Нилус А.А. История материальной части артиллерии / сост. полк. А. Нилус, помощник инспектора кл. Михайловск. артил. училища, штат. воен. преподаватель Михайловск. артил. акад. СПб.: Тип. П.П. Сой-

кина, 1904. Т. 2: История материальной части полевой артиллерии XIX века. 490 с.

О химическом составе и свойствах пушечного металла. О пользе приносимой химическим разложением артиллерийского металла // Артиллерийский журнал. 1841. № 4. С. 1–2, 1–64.

Прочко И.С. История развития артиллерии: С древнейших времен и до конца XIX в. СПб.: Полигон, 1994. 495 с.

Резвый О.П. Артиллерийские записки, сост. инспектором классов Артиллерийского училища, полковником Резвым. СПб.: В привилегированной тип. Фишера, 1844. Ч. 1: Описание предметов материальной части русской артиллерии. 218 с.

Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР / предисл. акад. С. Струмилина. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Машгиза в Л., 1947. Ч. 1. 276 с.

Смирнов А.А. «Аракчеевская» артиллерия. Русская полевая артиллерия системы 1805 года: справ.-инф. изд. М.: Рейтар, 1998. 48 с.

Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. СПб.: Тип. М.О. Вольф. 524 с.

Струмилин С.Г. История чёрной металлургии в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1. 535 с.

Четверухин Г.Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. М.; Л.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1942. Т. 1. 280 с.

References

Bajov A.K. *Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva* [Course of the history of Russian military art]. Saint Petersburg, Tip. Gr. Skachkova Publ., 1913, vol. VII: *Jepoha Imperatora Aleksandra I* [The Era of Emperor Alexander I], XIX+511 p. (In Russ.)

Benda V.N. *Vneshnepoliticheskaja dejatel'nost' Rossii i ejo politika v oblasti voennogo stroitel'stva v nachale XIX veka* [Foreign policy activity of Russia and its policy in the field of military construction at the beginning of the XIX century]. *Obshhestvennaja atmosfera nakanune vojn XIX–XX vv.: istoriko-psihologicheskie aspekty: materialy XLIX Mezhdunar. nauch. konf.* [Public atmosphere on the eve of the wars of the XIX–XX centuries: historical and psychological aspects: materials of the XLIX International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Poltorak Publ., 2021, pp. 12–17. (In Russ.)

Brandenburg N.E. *500-letie russkoj artillerii: Istoricheskaja spravka* [500th anniversary of the Russian artillery: Historical reference]. Saint Petersburg, Tip. "Artillerijskogo zhurnala" Publ., 1889, 118 p. (In Russ.)

Vedomost', pokazyvajushhaja, skol'ko v 1807 g. v raznyh kazjonnyh zavodah otlito raznogo zvanija artillerijskih snarjadov dlja osadnoj, batarejnoj, polkovoj

i krepostnoj artillerii [Statement showing how much in 1807 in various government factories cast different ranks of artillery shells for the siege battery, regimental and fortress artillery]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery magazine], 1808, no 4, pp. 99. (In Russ.)

Vyshenkov V.P., Makovskaja L.K., Sidorenko V.G. *Katalog material'noj chasti otechestvennoj artillerii* [Catalog material ' ostrich chasti otechestvennoj artillerii]. Leningrad, Izdanie artillerijskogo istoricheskogo muzeja Publ., 1964, 424 p. (In Russ.)

Izobretenie karronad [Inventions of carronades]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery magazine], 1809, № 2, p. 81. (In Russ.)

Istorija otechestvennoj artillerii. T. 1. Artillerija russkoj armii v jepohu feodalizma [History of the Russian artillery. Vol. 1. Artillery of the Russian army in the era of feudalism]. Moscow, 1962, kn. 3: *Artillerija russkoj armii v period razlozhenija feodalizma (konec XVIII – pervaja polovina. XIX v.)* [Iss. 3: Artillery of the Russian army during the period of the disintegration of feudalism (the end of the XVIII - the first half. XIX century)], 695 p. (In Russ.)

Instrukcija dlja prijoma artillerijskih orudij [Manual for receiving artillery]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery magazine], 1808, № 4, pp. 85–98. (In Russ.)

M.I. Kutuzov: Materialy jubilejnoj sessii voennyh akademij Krasnoj Armii, posvjashhennoj 200-letiju so dnja rozhdenija M.I. Kutuzova [Materials of the jubilee session of the military academies of the Red Army dedicated to the 200th anniversary of the birth of M.I. Kutuzov]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Publ., 1947, 178 p. (In Russ.)

Ljashhenko P.I. *Istorija narodnogo hozjajstva SSSR* [The History of the national economy of the USSR]. Moscow, Gos. izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1956, t. 1: *Dokapitalisticheskie formacii* [Vol. 1: Pre-capitalist formations], 649 p. (In Russ.)

Markevich A.I. *Rukovodstvo k artillerijskomu iskusstvu: Dlja upotreblenija ih imperatorskih vysochestv gosudarej velikih knjazej Nikolaja Pavlovicha i Mihaila Pavlovicha*, soch. Vtorogo Kadetskogo korpusa general-majorom Andreem Markevichem; napechatano po vysochajshemu ego imperatorskogo velichestva povele-niju [Guide to artillery art: For the use of their Imperial Highnesses the Sovereigns Grand Dukes Nikolai Pavlovich and Mikhail Pavlovich, comp. by Major General Andrey Markevich of the Second Cadet Corps; printed by His Imperial Majesty's highest command]. Saint Petersburg, V Medicinskoj tip. Publ., 1820, t. 1: *Soderzhashhij v sebe hudozhestvennuju chast' artillerijskogo iskusstva, zakljuchajushhuju laboratornoe i arsenal'noe otdelenija onago* [Vol. 1: Containing the artistic part of the artillery art, which includes the laboratory and arsenal departments of it], 898 p. (In Russ.)

Markevich A.I. *Rukovodstvo k artillerijskomu iskusstvu: Dlja upotreblenija ih imperatorskih vysochestv go-*

sudarej velikih knjazej Nikolaja Pavlovicha i Mihaila Pavlovicha, soch. Vtorogo Kadetskogo korpusa general-majorom Andreem Markevichem; napechatano po vysochajshemu ego imperatorskogo velichestva povele-niju [Guide to artillery art: For the use of their Imperial Highnesses the Sovereigns Grand Dukes Nikolai Pavlovich and Mikhail Pavlovich, comp. by Major General Andrey Markevich of the Second Cadet Corps; print. by His Imperial Majesty's highest command]. Saint Petersburg, V tip. Krajjia Publ., 1824, t. 2: *Soderzhashhij v sebe voennuju chast' artillerijskogo iskusstva, zaklju-chajushhuju stroevoe i raznopolagatel'noe otdelenija onago* [Vol. 2: Containing the military part of the artillery art, which includes the drill and the various branches of it], 834 p. (In Russ.)

Material'naja chast' i tehničeskie zavedenija [Material part and technical institutions]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery magazine], 1852, № 5, pp. 108–109. (In Russ.)

Mihajlovskij-Danilevskij A.I. *Opisanie Otechestvennoj vojny 1812 goda* [Description of the Patriotic War of 1812]. Saint Petersburg, Tip. Shtaba Otdel'nogo Korpusa Vnutrennej Strazhi Publ., 1843, part 1, 473 p. (In Russ.)

Nilus A.A. *Istorija material'noj chasti artillerii, sost. polk. A. Nilus, pomoshhnik inspektora kl. Mihajlovsk. artil. uchilishha, shtat. voen. prepodavatel' Mihajlovsk. artil. akad.* [History of the material part of artillery, comp. regiment. A. Nilus, assistant inspector cl. Mikhailovsk. article. colleges, staff. military teacher Mikhailovsk. article. acad.]. Saint Petersburg, Tip. P.P. Sojkina Publ., 1904, t. 2: *Istorija material'noj chasti polevoj artillerii XIX veka* [Vol. 2: The history of the material part of the field artillery of the XIX century], 490 p. (In Russ.)

O himičeskom sostave i svojstvah pushechnogo metalla. O pol'ze prinosimoj himičeskim razložheniem artillerijskogo metalla [About himičeskom sostave I peculiar pushechnogo metalla. About pol'ze prinosimoj himičeskim razložheniem artillery metalla]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery magazine], 1841, № 4, pp. 1–64. (In Russ.)

Prochko I.S. *Istorija razvitija artillerii: S drevnejshih vremen i do konca XIX v.* [The History of the de-

velopment of artillery: from the drevnejshih vremen i to the end of the]. Saint Petersburg, AOZT "Poligon" Publ., 1994, 495 p. (In Russ.)

Rezvyj O.P. *Artillerijskie zapiski, sostavlennye inspektorom klassov Artillerijskogo uchilishha, polkovnikom Rezvyim* [Artillery notes, compiled by the class inspector of the Artillery School, Colonel Rezvyj]. Sankt-Peterburg, V privilegirovannoj tip. Fishera Publ., 1844, ch. 1: *Opisanie predmetov material'noj chasti russkoj artillerii* [Part 1: Description of the objects of the material part of the Russian artillery], 218 p. (In Russ.)

Rubcov N.N. *Istorija litejnogo proizvodstva v SSSR* [History of foundry production in the USSR, preface. akad. S. Strumilina]. Moscow; Leningrad, Izd. i 1-ja tip. Mashgiza v Leningrade Publ., 1947, vol. 1, 276 p. (In Russ.)

Smirnov A.A. *"Arakcheevskaja" artillerija. Russkaja polevaja artillerija sistemy 1805 goda: sprav.-inf. izdanie* [Manual for receiving artillery]. Moscow, Rejtar Publ., 1998, 48 p. (In Russ.)

Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnyj shtab. Istoricheskij očerok. Organizacija, raskvartirovanie i peredvizhenie vojsk [The centenary of the war Ministry. 1802–1902. The main headquarters. Historical essay. Organization, quartering and movement of troops]. Saint Petersburg, Tip. M.O. Vol'f Publ., 524 p. (In Russ.)

Strumilin S.G. *Istorija chjornoj metallurgii v SSSR* [History of ferrous metallurgy in the USSR]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1954, vol. 1, 535 p. (In Russ.)

Četveruhin G.N. *Istorija razvitija korabel'noj i beregovoj artillerii* [Istorija razvojja korabel'noj i beregovoj artillerii]. Moscow, Leningrad, Voенно-Morskoe Izdatel'stvo NKVMF SSSR Publ., 1942, vol. 1, 280 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 23–28. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 23–28. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 37.015

EDN AJBCWM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-23-28>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА П.А. ПОТЕХИНА В КОМИССИИ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1881–1915 ГГ.

Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, заведующий научно-образовательным центром краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Россия; kptloorg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7113-5020>

Аннотация. В статье на основе малоизвестных опубликованных источников (статей современников, биографического очерка друга, литератора П.В. Быкова, выступлений на заседаниях Петербургской городской думы) и архивных документов из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга реконструирована деятельность гласного с 1881 г. Петербургской городской думы, председателя Петербургского совета присяжных поверенных, адвоката Павла Антиповича Потехина (1839–1916). Его деятельность представлена на фоне деятельности городской думы в области народного образования, выявлены профессиональные связи с другими гласными. Деятельное участие Потехин принял в городской исполнительной комиссии по народному образованию, участвовал в разработке многих проектов, осуществлении открытия первых бесплатных городских библиотек-читален. С 1900 г. он возглавил городскую комиссию по народному образованию, на основе анализа его деятельности и отзывов современников можно прийти к выводу, что Потехину удалось стать успешным управленцем образования и библиотечного дела столичного Санкт-Петербурга. На должности главы комиссии совместно с другими гласными и горожанами он способствовал открытию новых городских школ и училищ, библиотек, устройству школьных колоний, способствовал организации проезда, питания и культурно-познавательного отдыха учащихся.

Ключевые слов: библиотечное дело, городская комиссия, народное образование, Петербургская городская дума, П.А. Потехин, школьное образование.

Для цитирования: Степанов С.В. Деятельность адвоката П.А. Потехина в комиссии по народному образованию Петербургской городской думы в 1881–1915 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 23–28. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-23-28>

Research Article

ACTIVITIES OF LAWYER PAVEL POTEHIN IN THE COMMISSION ON PUBLIC EDUCATION OF ST. PETERSBURG CITY DUMA IN 1881–1915

Stanislav V. Stepanov, Candidate of Philological Sciences, Head of the Research and Educational Centre of the Local Lore, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, kptloorg@yandex.ru

Abstract. Based on little-known published sources (articles of contemporaries, biographical sketch of the friend, writer Pyotr Bykov, speeches at meetings of the St. Petersburg City Duma) and archival documents from the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the activity of the vowel since 1881 of the St. Petersburg City Duma is reconstructed in the article, chairman of the St. Petersburg Council of Attorneys at Law, lawyer Pavel Antipovich Potehin (1839-1916). His activities are presented against the background of the activities of the City Duma in the field of public education, professional ties with other city councillors are revealed. Pavel Potehin took an active part in the city executive commission for public education, participated in the development of many projects, such as implementation of the opening of the first free city reading libraries. Since 1900, he had headed the city commission for public education; based on an analysis of his activities and the opinions of his contemporaries, it can be concluded that Pavel Potehin managed to become a successful manager of education and librarianship in that time's capital St. Petersburg. As the head of the commission, together with other councillors and cityfolk, he contributed to the opening of new city schools and colleges, libraries, the organisation of school colonies, and contributed to the organisation of travel, meals and cultural and educational recreation for students.

Keywords: librarianship, city commission, public education, St. Petersburg City Duma; Pavel Potehin, school education.

For citation: Stepanov S.V. Activities of lawyer Pavel Potehin in the commission on public education of St. Petersburg City Duma in 1881–1915. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 23–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-23-28>

На рубеже XIX – начала XX в. в городской депутатский корпус столицы Российской империи – Санкт-Петербурга – избираются выдающиеся люди города, деятели юриспруденции, предпринимательства и торговли. В настоящее время деятельность петербургской городской думы получила осмысление в публикациях отечественных исследователей: В.А. Нардовой, А.С. Сухоруковой, А.Н. Шевелева, В.А. Вихарева [Петербургская городская дума; Нардова; Вихарев; Шевелев]. Вместе с тем роль отдельных гласных, их вклад в развитие города и городского хозяйства не изучен.

Среди гласных, пришедших в 1880-е гг. в Петербургскую городскую думу после проведения городской реформы, особо выделяется фигура присяжного поверенного, председателя совета Павла Антиповича Потехина (1839–1915), ставшего успешным управленцем в области образования и библиотечного дела в начале XX в., когда в 1900 г. он возглавил комиссию по народному образованию. Деятельность Потехина на ниве адвокатуры изучена саратовским историком Н.А. Троицким, а его работа в качестве гласного и деятельного члена, затем председателя городской комиссии по народному образованию не получила комплексного изучения в исторических исследованиях [Троицкий 1979; Троицкий 2000].

С 1882 г. до 1914 г. непрерывно росло население Санкт-Петербурга (более чем в 2 раза: с 928 000 чел. в 1892 г. до 2 118 000 чел. в 1914 г.), в связи с этим назрела необходимость открытия начальных школ для бедных городских обывателей и создание системы профессионального образования, которые обеспечили достаточный уровень грамотности населения. Эти проблемы предстояло решить комиссии по народному образованию Петербургской городской думы и ее членам – в этом вопросе необходим талант управленца и законодателя, каковым обладал адвокат П.А. Потехин, возглавлявший ее в 1900–1915 гг.

В данной статье предпринята попытка проследить развитие Потехина от юриста-гласного до успешного управленца образованием и культурой в начале XX в. Основными источниками по теме статьи стал биографический очерк близкого знавшего П.А. Потехина литератора П.В. Быкова (1844–1930) [Быков], публикация о его работе в городской комиссии по народному образованию Д.И. Демкина [Демкин], материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, где имеется его личный фонд (Ф. 217).

Павел Антипович Потехин происходил из небогатой дворянской семьи Костромской губернии, ро-

дился на Волге в городе Кинешме (ныне город в Ивановской области). 16 марта 1839 г. [Потехина: 11–12]. Биограф и друг Потехина П.В. Быков отмечал свойство характера Павла в детском возрасте – стремление к образованию, любовь к книге: «Дети как дети: любят поиграть, побегать, порезвиться, и редкого кого из них особенно тянет к книге, если благодатная природа манит к себе. <...> А Павла и в такое блаженное время, весеннее или летнее, не надо было усаживать за книгу, звать его к уроку, напоминать о том, что он должен был выучить, повторить...» [Быков: 5-6]. Потехин окончил Московский университет, с 1867 г. был принят в присяжные поверенные при окружной Санкт-Петербургской судебной палате.

В 1870 г., когда ему был 31 год, Павел Антипович становится членом совета Петербургских присяжных поверенных, среди которых в то время были известные юристы середины XIX в. В.Д. Спасович, А.М. Унковский, К.К. Арсеньев, первый председатель совета Д.В. Стасов. Впоследствии Потехин был избран товарищем председателя и председателем (1900–1902) Петербургского совета присяжных поверенных [Троицкий, 2000: 39].

Любовь к просвещению, привитая П.А. Потехину с детства, проявившаяся в чтении книг и деятельности адвоката, привели его к изучению и решению проблем школьного образования и книжной культуры. Впервые в 1881 г., в возрасте 42 лет, он был избран гласным Петербургской городской думы, где стал членом городской исполнительной комиссии по заведению народными училищами Санкт-Петербурга (с марта 1888 г. – Городская исполнительная комиссия по народному образованию). С 1890 г. комиссией руководил русский историк и публицист, издатель, редактор журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич (1826–1911). В феврале 1894 г. Павел Антипович был избран членом от городской думы в С.-Петербургский городской училищный совет, а в марте того же года стал 1-м заместителем председателя комиссии и заведующим 16-м школьным участком. В 1881–1886 гг. Потехин одновременно состоял членом временной исполнительной комиссии общественного здоровья, а в 1895–1899 гг. – членом и заместителем председателя городской исполнительной комиссии по благотворительности, с января по март 1899 г. исполнял обязанности председателя этой комиссии [Демкин: 1230].

В городской комиссии по народному образованию П.А. Потехин участвовал в разработке и создании программы высших четырехклассных училищ, устраивал музыкальные школы для народа. При его участии открывались городские школьные дома, летние

школьные колонии в окрестностях Петербурга (самая крупная близ Шлиссельбурга), устраивались классы музыки и пения и рисовальные [Демкин: 1230].

В 1903 г. П.А. Потехин выступил с инициативой создания в городе начальной школы для отсталых и недоразвитых детей, так как, по его словам, «во многих городских училищах всегда выделялись дети, отличающиеся необыкновенно низким уровнем своих умственных способностей сравнительно со средним составом учащихся» [Потехин: 4].

В 1887 г. Потехин вместе с купцом, фабрикантом, членом Вольного экономического общества гласным Н.А. Варгуниным (1850–1897) начал создание в Петербурге сети городских читален (библиотек), положивших начало созданию государственной библиотечной сети Петербурга.

28 января 1887 г. на заседании Петербургской городской думы было вынесено постановление об открытии в 1887 г. для народа двух бесплатных городских библиотек в память А.С. Пушкина, которые должны были расположиться: первая – на Рузовской улице, 3, а вторая – на Большом Сампсониевском проспекте, 23 [Тищенко: 43–44].

Потехин проявил деятельное участие в этом деле, он стал заведующим 1-й библиотекой, член комиссии гласный Н.А. Варгунин был назначен заведующим 2-й библиотекой. В каждом читальном зале обязательно был установлен бюст А.С. Пушкина. Количество посетителей превзошло все ожидания. Так, за первые месяцы 1887 г. в 1-ю библиотеку записалось 1 215 человек, во 2-ю. – 440 [Новиков: 96–97]. Заведование библиотек Потехин исполнял 22 года – до 1908 г., в 1894 г. открылась 3-я библиотека городской думы – памяти Н.В. Гоголя (Таврическая ул., 35/1), первоначально ее заведующим был назначен Павел Антипович, но вскоре он передал бразды управления [Демкин: 1231].

В 1908 г. в Петербурге планировалось открыть городскую бесплатную читальню имени А.А. Потехина – брата П.А. Потехина, но это не было осуществлено¹. К 1913 г. в Петербурге было открыто городской комиссией по народному образованию 28 библиотек, 7 из них были закрыты в период 1914–1916 гг. В революционный 1917 г. в городе работали 23 народные библиотеки [Матвеев: 66].

В 1900 г. П.А. Потехин сменил на посту руководителя комиссии по народному образованию М.М. Стасюлевича, вклад которого высоко ценил: «...он возвел хорошую прочную основу, заложил великолепный фундамент, и вместе с покойным, с комиссией трудились мы над возведением здания, в полном сознании, что уж никакие бури ему не страшны, что оно не угрожает развалом» (цит. по: [Быков: 11–12]).

В течение 15 лет – с 1900 г. до 20 декабря 1915 г. – Потехин был бессменным председателем комис-

сии. Ее членами на рубеже XIX–XX веков состояли видные деятели города: Э.Э. Веймарн, Н.А. Давыдов, М.А. Лейкин, А.Б. Мещерский, Н.Д. Павлухин, Д.П. Семенов-Тянь-Шанский и другие². К 1903 г. на попечении города находились: 332 училища с 534 классами, 25 воскресных школ (14 мужских и 11 женских), 7 четырехклассных училищ, 12 городских бесплатных народных читален (54 226 тыс. книг и более 21 370 читателей) [Потехин: 3–4, 10].

В ходе руководства комиссией он добился, чтобы дети бедняков получали бесплатные завтраки в школе. Эта мысль его особенно тяготила после посещения школы на Петроградской стороне, где он увидел бедных девушек и понял, что при большом количестве занятий как основных, так и дополнительных они голодают до прихода домой. Другим достижением Потехина и комиссии стало введение бесплатного проезда для малоимущих детей в городских трамваях.

В начале XX в. Потехин провел через городскую думу законопроект по устройству городских средних учебных заведений со старшими классами. В 1901 г. Потехин стал попечителем городского училищного дома имени императора Александра II [Демкин: 1230].

После службы и заседаний комиссии городской думы П.А. Потехин отправлялся в школы, где беседовал с учителями и учениками, интересовался не только хозяйственной, но учебной жизнью школы. П.В. Быков отмечал: «Школа была для него все. Нередко в жертву ее интересам он приносил интересы собственной семьи. Он жил жизнью школы, почти никогда не осуждал ее питомцев, и тот или другой проступок школьника чуть не всегда находил у него оправдание, и вот почему случаи исключения их школы при нем были крайне редки» [Быков: 13]. П.А. Потехин считал, что «школа должна учить, воспитывать, а следовательно, и исправлять» (цит. по: [Быков: 13]).

На заседаниях Петербургской городской думы он неустанно ратовал за расширение финансирования школьного образования. Как вспоминал П.В. Быков, «его речи в городской думе вообще привлекали к себе внимание огромного большинства и покоряли умы и сердца своим здравомыслием, верностью выводов, необычайной искренностью» [Быков: 14]. Потехин в течение 15 лет руководства добился успеха в этом непростом деле: если в 1901 г. расходы на народное образование составляли в городском бюджете 7,7 %, то к 1913 г. – уже 9,3 % [Нардова: 230].

На свои деньги Потехин устраивал детские экскурсии в Москву и Крым, где ребята не только отдыхали, но и получали родноведческое (краеведческое) знание. Потехин считал, что детей не следует отправлять в первую очередь за границу, им необходимо познакомиться с родной страной, с ее столицей, петербургскими музеями, историческими памятниками не только города и окрестностей, нужно, чтобы

дети хорошо знали свой город [Быков: 15]. Потехин активно посещал не только петербургские школы, но и школьные колонии за городом, куда он приезжал с фотоаппаратом – делал снимки и дарил их детям. «В грустные минуты посмотришь на детские рожицы – и на душе веселее станет!» – говорил Потехин (цит. по: [Быков: 19]).

Увлечением П.А. Потехина была музыка, он всячески поощрял музыкальное образование среди девочек, его дочери окончили открытые городской думой музыкальные классы. Павел Антипович жертвовал деньги на оплату обучения бывших учеников городских училищ в гимназиях, платил за уроки стенографии, за обучение живописи и иностранным языкам [Быков: 15–16]. Для расширения кругозора детей он устраивал «литературные утра», где читались произведения из школьной программы, приглашались чтецы народных былин, гуслиеры и гармонисты [Быков, 1916: 19].

Известны примеры его благотворительной помощи детям из неблагополучных семей. Так, одного мальчика, за которым гонялся пьяный отец, он определил за свое содержание в дом к учительнице школы, которую посещал несчастный ученик. Городские остряки шутили: «Кажется, у Павла Антиповича есть свои дети, а он, пожалуй, любит их меньше, чем школьных детей» [Быков: 16, 21]. Даже на смертном одре в январе 1916 г. он мечтал побывать в школе.

Одним из самых интересных и важных проектов по народному образованию, выдвинутых в Петербургской городской думе П.А. Потехиным, стала идея, сформулированная им городским властям в 1914 г. о создании центральной городской библиотеки.

На заседании городской думы 15 января 1914 г. П.А. Потехин выступил с инициативой: к 100-летию открытия Императорской публичной библиотеки создать в Петербурге центральную городскую библиотеку, которая бы обеспечивала широкие слои населения. Через месяц, 17 февраля 1914 г., на заседании Петербургской городской управы было решено помимо устройства городской центральной библиотеки поручить комиссии по народному образованию разработать общий план работ по внешкольному образованию.

Комиссия по народному образованию во главе с Потехиным создала подготовительную комиссию по внешкольному образованию для разработки проекта создания единой городской библиотечной сети в Петербурге. В ее состав вошли гласные: А.Д. Дурдин, В.В. Измайлов, М.Д. Калугин, С.Ф. Ольденбург, Г.А. Фальборк, В.Я. Янович и председатель С.С. Григорьев. Комиссия пришла к выводу, что петроградские библиотеки могут стать одним из важнейших орудий внешкольного образования при условии, что они будут объединены в общую сеть, а их деятель-

ность будет объединена общими просветительными целями, ее консолидирующим центром станет центральная городская библиотека [Новиков: 96–98].

Петербургская городская дума на заседании 25 июня 1914 г. рассмотрев эти вопросы, изложенные городским головой И.И. Толстым, постановила создать городскую центральную библиотеку и поручила городской управе найти помещение для нее. Помимо государственных органов участие в создании городской библиотеки проявили частные лица – горожане. В декабре 1914 г. городскому голове поступило заявление Н.М. Ломковского (1878–1941), владельца частной библиотеки Черкесова, с предложением купить у него для фонда городской центральной библиотеки за 25 000 руб. собрание книг и журналов (с 1830-х годов XIX в.) [Новиков: 98–100]. К сожалению, из-за событий Первой мировой войны и Великой российской революции 1917 г. благие намерения городских властей так и не были реализованы. В январе 1919 г. по инициативе Н.М. Ломковского частная библиотека Черкесова, приобретенная им в 1910 г., была национализирована и преобразована в Центральную коммунальную библиотеку Петрограда (ныне Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского) [Ломковский: 27–28].

Городская комиссия по народному образованию во главе с П.А. Потехиным стояла у истоков многих современных библиотек Петербурга, несколько открытых комиссией городских читален составили основу для создания в советское время Межрайонной централизованной библиотечной системы им. М.Ю. Лермонтова.

Вклад П.А. Потехина высоко ценили современники. Городская комиссия по народному образованию в обращении к городской думе в 1916 г. отмечала: «Заботы покойного о народном образовании в широком смысле этого слова простирались и на область, находившуюся за пределами городской школы, хотя он и тяготел особенно к детям, – и *Петроградская сеть народных библиотек-читален целиком ему обязана своим осуществлением*»³ (курсив мой. – С. С.).

Общественная деятельность Потехина еще при жизни получила заслуженное признание. Так, в 1908 г. по инициативе городской управы в честь 25-летия его деятельности в комиссии народного образования учредили две стипендии его имени для учащихся средних мужских и женских учебных заведений. По постановлению Петербургской городской думы 8-е городское четырехклассное училище (ныне Профессиональное училище № 136, Мытнинская ул., 5) получило его имя – таким образом управа оценила его вклад в школьную работу, когда с 1900 по 1908 гг. число училищ выросло с 2 до 13⁴.

Петербургский адвокат заболел в ноябре 1915 г. на похоронах своего брата-окулиста, доктора меди-

цины Анатолия Антиповича Потехина (1847–1915). В декабре он слег в постель, но болезнь не отпускала, и 10 января 1916 г. он скончался на руках у сына [Быков: 22]. О его деятельности в городской думе и комиссии была выпущена брошюра П.В. Быкова тиражом 30 000 экз., которая распространялась среди учащейся молодежи города⁵.

Биограф П.В. Быков по поводу его личности в истории города отмечал: «...его дела, похожие на подвиги, должны остаться навсегда, должны занять почетное место... <...> ...Всю свою жизнь посвятил самоотверженному труду, стремясь в темные углы столицы внести свет знания, будя молодые силы, указывая им путь правды и добра...» [Быков: 23]. Необходимо отметить, что, несмотря на загрузку административной деятельностью, заседания и просмотр делопроизводственных материалов, он не утратил человеческие чувства, теплое и заботливое отношение к детям, находящимся на попечении городских учреждений, всегда живо интересовался жизнью школы.

Деятельность П.А. Потехина в петербургской городской комиссии по народному образованию охватывает 35-летний период, который можно разделить на 2 этапа. В первый этап работы: почти 20 лет он участвовал в разработке и реализации проектов по открытию школ и библиотек-читален в Петербурге. Во второй этап, с 1900 г., Потехин управляет народным образованием и библиотеками столицы, где ему удалось существенно расширить школьную и библиотечную сеть, ввести бесплатный проезд для малоимущих детей в трамваях, открыть школьные летние колонии для детей, разработать проект центральной городской библиотеки.

Примечания

¹ См.: Об увековечении памяти А.А. Потехина открытием в 1909 г. городской бесплатной читальни его имени, 1908 // Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 116. Д. 418. 10 л.

² Потехин Павел Антипович, председатель комиссии // ЦГИА СПб. Ф. 217. Оп. 1. Д. 893. Л. 3, 12.

³ Потехин Павел Антипович, председатель комиссии // ЦГИА СПб. Ф. 217. Оп. 1. Д. 893. Л. 15 об.

⁴ Потехин Павел Антипович, председатель комиссии // ЦГИА СПб. Ф. 217. Оп. 1. Д. 893. Л. 16.

⁵ Потехин Павел Антипович, председатель комиссии // ЦГИА СПб. Ф. 217. Оп. 1. Д. 893. Л. 31.

Список литературы

Быков П.В. Павел Антипович Потехин: Памяти б. пред. Гор. комис. по нар. образованию в Петрограде, † 10 янв. 1916 г. Пг.: Гор. тип., 1916. 23 с.

Вихарев В.А. Деятельность городской думы дореволюционного Санкт-Петербурга в развитии началь-

ного образования // Историко-педагогический журнал. 2012. № 2. С. 183–190.

Демкин Д.И. О чествовании 25-летия деятельности П.А. Потехина в комиссии по народному образованию (доклад гор. Управы, по канцелярии присутствия, от 9 апреля 1908 г.) // Известия С.-Петербургской городской думы. 1908. № 19 (май). С. 1230.

Ломковский Н.М. Организация Центральной коммунальной библиотеки г. Петрограда, 1919–1921 / публ. подг. О.Н. Косога // Фонтанка. 2007. № 1. С. 27–31.

Матвеев М.Ю. Петербургские библиотеки для широкой публики второй половины XIX – начала XX века // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 1 (66). С. 64–69.

Нардова В.А. Городское хозяйство Петербурга: XIX – начало XX века / В.А. Нардова, А.С. Сухорукова, А.Н. Чистиков. СПб.: Фонд «Креатив», 2014. 399 с.

Новиков В.Н. Проект образования единой городской библиотечной сети в дореволюционном Петрограде // Библиотековедение. 2009. № 6. С. 96–102.

Петербургская городская дума, 1846–1918 / под ред. Б.Б. Дубенцова, В.А. Нардова (отв. редакторы) и др. СПб.: Лики России, 2005. 541, [3] с.

Потехин П.А. Речь председателя Городской исполнительной комиссии по народному образованию в С.-Петербурге с извлечениями из отчета ее за 1903 год (27 вып. учащихся в нач. уч-щах). СПб.: Гор. тип., 1904. 10 с.

Потехина Е. Земля Кинешемская. Литераторы Потехины. М.: Издательские решения, 2019. 560 с.

Тищенко М.Н. Пушкинские читальни: К истории первых бесплатных народных библиотек Санкт-Петербурга // Петербургская библиотечная школа. 1999. № 2. С. 43–47.

Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы, 1866–1904 гг.: монография. Тула: Автограф, 2000. 454 с.

Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.

Шевелев А.Н. Деятельность органов городского самоуправления в развитии начального образования дореволюционного Петербурга // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 4 (54). С. 27–32.

References

Bykov P.V. *Pavel Antipovich Potehin: Pamjati b. pred. Gor. komis. po nar. obrazovaniju v Petrograde, † 10 janv. 1916 g.* [Pavel Antipovich Potehin: In memory of b. prev. Gor. comis. according to nar. education in Petrograd, † 10 Jan. 1916]. Petrograd, Gor. tip. Publ., 1916, 23 p. (In Russ.)

Viharev V.A. *Dejatel'nost' gorodskoj dumy dorevoljucionnogo Sankt-Peterburga v razvitii nachal'nogo obrazovanija* [Activities of the city дума of pre-revolutionary

St. Petersburg in the development of primary education]. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* [Istoriko-pedagogical zhurnal], 2012, № 2, pp. 183-190. (In Russ.)

Demkin D.I. *O chestvovanii 25-letija dejatel'nosti P.A. Potehina v komissii po narodnomu obrazovaniju (doklad gor. Upravy, po kanceljarii prisutstvija, ot 9 aprelya 1908 g.)* [On honoring the 25th anniversary of P.A. Potehin in the commission on public education (report of the city council, according to the office of the presence, dated April 9, 1908)]. *Izvestija S.-Peterburgskoj gorodskoj dумы* [Izvestia of the St. Petersburg City Duma], 1908, № 19, May, pp. 1230. (In Russ.)

Lomkovskij N.M. *Organizacija Central'noj kommunal'noj biblioteki g. Petrograda, 1919-1921* [Organization of the Central Communal Library of Petrograd, 1919-1921], publ. podg. O.N. Kosogor. *Fontanka* [Fontanka], 2007, № 1, pp. 27-31. (In Russ.)

Matveev M.Ju. *Peterburgskie biblioteki dlja shirokoi publiky vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Petersburg libraries for the general public in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Peterburgskaja bibliotekhnaja shkola* [Petersburg Library School], 2019, № 1 (66), pp. 64-69. (In Russ.)

Nardova V.A., Suhorukova A.S., Chistikov A.N. *Gorodskoe hozjajstvo Peterburga: XIX - nachalo XX veka* [Municipal economy of St. Petersburg: XIX - early XX century]. St. Petersburg, Fond “Kreativ” Publ., 2014, 399 p. (In Russ.)

Novikov V.N. *Proekt obrazovanija edinoj gorodskoj bibliotekhnaj seti v dorevoljucionnom Petrograde* [The project for the formation of a unified city library network in pre-revolutionary Petrograd]. *Bibliotekovedenie* [Bibliotekovedenie], 2009, № 6, pp. 96-102. (In Russ.)

Peterburgskaja gorodskaja дума, 1846-1918 [Petersburg City Duma, 1846-1918]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2005, 541, [3] p. (In Russ.)

Potehin P.A. *Rech' predsedatelja Gorodskoj ispolnitel'noj komissii po narodnomu obrazovaniju v S.-Peter-*

burge s izvlechenijami iz otcheta ee za 1903 god (27 vyp. uchashhihsja v nach. uch-shhah) [Speech by the chairman of the City Executive Commission for Public Education in St. Petersburg with extracts from her report for 1903 (27 students graduated from the beginning of the school)]. St. Petersburg, Gor. tip., 1904, 10 p. (In Russ.)

Potehina E. *Zemlja Kineshemskaia. Literaturny Potehiny* [Land of Kineshma. Potehin's writers]. Moscow, Izdatel'skie reshenija Publ., 2019, 560 p. (In Russ.)

Tishhenko M.N. *Pushkinskie chital'ni: K istorii pervykh besplatnykh narodnykh bibliotek SPb* [Pushkin Reading Rooms: On the History of the First Free People's Libraries of St. Petersburg]. *Peterburgskaja bibliotekhnaja shkola* [Petersburg Library School], 1999, № 2, pp. 43-47. (In Russ.)

Troickij N.A. *Advokatura v Rossii i politicheskie processy, 1866-1904 gg.: monografija* [Advocacy in Russia and political processes, 1866-1904: monograph]. Tula, Avtograf Publ., 2000, 454 p. (In Russ.)

Troickij N.A. *Carizm pod sudom progressivnoj obshhestvennosti, 1866-1895 gg.* [Tsarism under the judgment of the progressive public, 1866-1895]. Moscow, Mysl' Publ., 1979, 350 p. (In Russ.)

Shevelev A.N. *Dejatel'nost' organov gorodskogo samoupravlenija v razvitii nachal'nogo obrazovanija dorevoljucionnogo Peterburga* [The activity of city governments in the development of primary education in pre-revolutionary St. Petersburg]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2006, № 4 (54), pp. 27-32. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 29–41. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 29–41. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 929.5 ; 398(470)''19/20''

EDN ATQLLO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-29-41>

СЕМЕЙНЫЕ ЗАПИСИ КРЕСТЬЯНСКОГО РОДА БОРИСОВЫХ-ВИТЯЗЕВЫХ СЕРЕДИНЫ XIX–XX ВВ.

Щукина Ульяна Олеговна, Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, ulyana.11.10@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу ведения несколькими поколениями крестьянского рода семейных записей. В ходе исследования были рассмотрены дневники и жизнеописания рода Борисовых-Витязевых – представителей локальной фольклорной традиции Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (сейчас – Красноборский район Архангельской области). При изучении содержания материалов выявлена их общая тематика и выделены жанровые особенности текстов. В результате проведенного исследования удалось установить, что в рамках одного крестьянского рода дневники с содержанием исключительно практического характера со временем перешли в разряд мемуарных записей с рефлексивными и этическими началами – заметки личного характера вытеснили прагматическую функцию дневников.

Ключевые слова: воспоминания, дневник, жизнеописание, крестьянские письменные нарративы, крестьянство, локальная фольклорная традиция, семейные записи, Сольвычегодский уезд.

Благодарности. Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-20194

Для цитирования: Щукина У.О. Семейные записи крестьянского рода Борисовых-Витязевых середины XIX–XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 29–41. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-29-41>

Research Article

FAMILY RECORDS OF BORISOV-VITYAZEVA PEASANT KIN OF THE MID 19TH TO 20TH CENTURIES

Ulyana O. Shchukina, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS, Saint Petersburg, Russia, ulyana.11.10@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the problem of keeping family records by several generations of the peasant family. In the course of the study, diaries and biographies of Borisov-Vityazev, a good kin representing the local lore tradition of Solvychevodsk locality of Vologda Province (nowadays, Krasnoborsk district of Arkhangelsk Region) have been examined. When studying the content of the materials, the general subject and genre features of the recordings were distinguished. The conducted research allowed to establish that within one peasant family, diaries with exclusively practical significance had eventually passed into the category of memoirs with reflexive and ethical principles – personal notes had replaced the pragmatic function of diaries.

Keywords: memoirs, diary, biography, peasant written narratives, peasantry, local folklore tradition, family records, Solvychevodsk locality.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 17-78-20194

For citation: Shchukina U.O. Family records of Borisov-Vityazev peasant kin of the mid 19th to 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 29–41 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-29-41>

Корпус письменных источников по истории и культуре крестьянства, «культуре безмолвствующего большинства» (по выражению А.Я. Гуревича), значительно меньше массива текстов, созданных в иных социальных стратах, вовлеченных в исторический процесс.

Интерес научного сообщества к довольно редким письменным автобиографическим и мемуарным свидетельствам крестьян¹ наблюдается с конца XX в. В настоящее время подобные документы более активно вводятся в научный оборот [Дневник тотемского крестьянина; Карпов; На разломе жизни; Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова]. Помимо публикаций отдельных памятников крестьянского творчества встречаются сборники документов, объединенных по территориальному и хронологическому принципам [Воспоминания русских крестьян; История от первого лица]. Например, составитель и редактор сборника «История от первого лица» культуролог В.Н. Матонин публикует документальные свидетельства о севернорусской деревне. Такими документами выступают письменные воспоминания, созданные в XX в. жителями Архангельской и Вологодской областей. В.Н. Матонин структурирует источники по территориальному принципу: Поонежье («Пронин Я.И. Дневник. 1915–1924 гг.», «Привалихин А.Я. Последний старик»); Каргополье («Шишкин А.К. Кенозёры и Кенозеро», «Морозов Н. Не стирают память годы», «Митяков И.М. На память потомкам»); Вологодчина («Турундаевский А.А. Наша семья»). Также в последние годы ведется работа над проектом «Прожито», посвященным созданию электронной базы дневников XX в., среди которых небольшую часть представляют материалы крестьян².

Крестьянские письменные нарративы рассматриваются как источники по истории народной культуры [Пигин], а также в контексте изучения повседневной жизни старообрядцев Русского Севера, в их лице – крестьянства [Рыжова]. Авторы статей обращают внимание на принципы структурирования и этапы создания дневников, выделяют наиболее примечательные факты, например записи чудес святых [Пигин], что делает дневник источником для изучения «народной агиографии» Русского Севера.

Отмечу некоторые работы краеведов, привлекающих к исследованиям фонды не только столичных архивов, но и региональных музеев. При изучении локальной истории нередко повествование ведется о наиболее известных жителях, восстанавливаются их биографии и родословные на основе личных и семейных архивов [Дневник волостного писаря; Щипин].

В контексте трудов по социокультурной истории изучение памятников крестьянского письменного творчества строится в совокупности с анализом концепта памяти, родины (и шире – времени) [Жа-

довская, Кознова]. Исследователями подчеркивается, что память – это «актуальный и символический образ прошлого, конструируемый в контексте социальных действий» [Кознова: 196]. Так, по мнению С.А. Жадовской, письменные нарративы местных жителей, в числе которых и мемуары, создаются «не для продуцирования некоего нового смысла, а для поддержания идентичности местных жителей как представителей локального сообщества» [Жадовская: 116]. Исследователь семейной истории и семейного фольклора И.А. Разумова подчеркивает, что специфическая роль семейной письменности (которая, как и фольклор, интегрирована в систему традиционно-бытовой культуры), «связана с утверждением культурной суверенности группы. Наличие письменной традиции способствует самоидентификации семьи, интеграции родственного коллектива в пространстве и времени» [Разумова].

В настоящей статье исследуются письменные материалы – свидетельства крестьян о самих себе – дневники и воспоминания. Известные на сегодня памятники мемуарного и дневникового наследия крестьян были созданы преимущественно на Русском Севере. Народные традиции складывались и бытовали под влиянием культурных и административных центров (Архангельск, Каргополь, Тотма, Великий Устюг, Сольвычегодск и др.), христианских святых (Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Спасо-Прилуцкий, Троице-Гледенский монастыри) и старообрядческих очагов (Выговская пустынь, бассейн р. Вашки, верхнее течение р. Северной Двины и др.). Ценность «огромной крестьянской библиотеки» (выражение В.И. Малышева относительно основанного им Древлехранилища Пушкинского Дома) определил Г.В. Маркелов в своей публикации, посвященной крестьянским архивам в фондах Древлехранилища. Рукописи, в числе которых: деловые бумаги, крестьянские мемуары, записи отдельных воспоминаний, дневники, автобиографические записки и т. п., переданные в хранилище отдельными поступлениями или обнаруженные во время археографических экспедиций в составе комплексов домашних родовых архивов крестьян Русского Севера, «являются неотъемлемой частью местной рукописно-книжной традиции, важнейшим фактором местной культуры и представляют собой ценнейшие источники по духовной и материальной истории севернорусского крестьянства» [Маркелов: 495].

Территориальные рамки данного исследования охватывают границы локальной фольклорной традиции верховьев р. Северной Двины. Эта культурная зона административно входила изначально в Великоустюжский (образованный в XVI в. в бассейнах рек Сухоны, Юга и верховьях Северной Двины), а затем и в Сольвычегодский (выделившийся из Ве-

Рис. 1. Административная карта районов Архангельской области

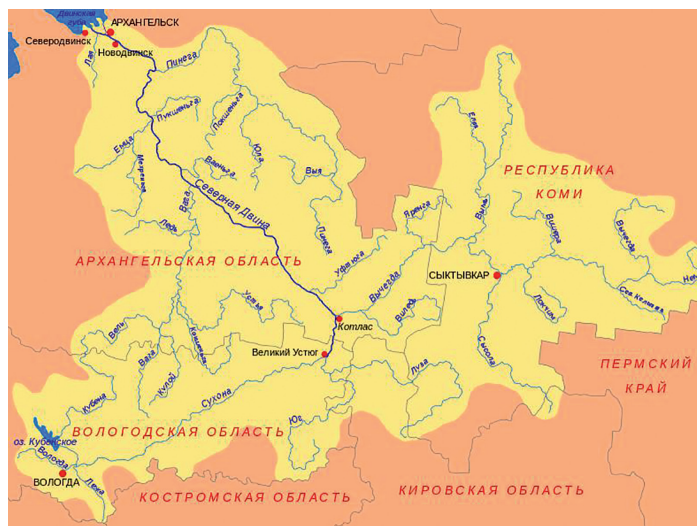

Рис. 2. Бассейн р. Северной Двины

ликоустюжского во второй половине XVI в.) уезды Вологодской губернии. В начале XX в., по новой губернской реформе 1918 г., Великоустюжский и Сольвычегодский уезды стали частью Северо-Двинской губернии с центром в г. Великий Устюг [Административно-территориальное деление: 10, 67, 105]. В настоящее время регион охватывает территории Красноборского, Верхнетоемского, северо-западной части Котласского и юго-восточной части Виноградовского районов Архангельской области (рис. 1).

Локальная фольклорная традиция Верхнего Подвигья граничит на северо-западе с традиционной культурой р. Ваги и Устья, на юге – с традиционной культурой р. Вычегды, на северо-востоке – р. Пинеги³ (рис. 2).

Источниками для настоящей статьи послужили рукописные материалы представителей крестьянского рода Борисовых-Витязевых из Алексеевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. В числе таких материалов дневники нескольких поколений семьи Витязевых⁴: «“Летописец разных примечательных естественных событий” Марка Илларионовича Витязева 1853 г.»⁵ (далее – «Летописец»); «Сборник метеорологических, фенологических и хозяйственных записей А.В. и В.А. Витязевых за 1871–1951 гг.»⁶ (далее – Сборник Витязевых), авторами которого выступают отец и сын (Александр Васильевич (1877–1946) и Виталий Александрович (1906–1959) соответственно)⁷. А также материалы Николая

Петровича Борисова, племянника (по линии матери) и крестника одного из авторов Сборника Витязевых – Александра Васильевича, двоюродного брата второго автора – Виталия Александровича⁸: «Из автобиографии. Впечатления раннего детства»⁹, «Из автобиографии. Сольвычегодск (1924–1926 гг.)»¹⁰, «Быт северного крестьянства. Летний день в крестьянской семье. Зимний день в крестьянской семье. О празднике Петрова дня»¹¹ и «Из прошлого... Каким быть Красноборску. Зимний день в крестьянской семье. Старая мельница на Солонихе»¹².

Наиболее ранний по хронологическим рамкам из выбранных для исследования источников – «Летописец» Марка Илларионовича Витязева, крестьянина деревни Вотежица (Пестовая Гора) Евдского прихода Алексеевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Краткую автобиографию М.И. Витязева читаем в его рукописи¹³: «Марк родился 1807 года в апреле месяце»¹⁴. Грамоте обучился 1819 года. Венчался [законным] браком 1837 года в феврале месяце»¹⁵; «Церковным старостой служил¹⁶ одно трехлетие рачительно 1845й, и 46й, и 47й годь»¹⁷. А в Сборнике Витязевых читаем запись его внука, Александра Васильевича: «Дедушко Марко Ларионович помер в 1890 году июня 2 числа»¹⁸.

«Летописец» представляет собой сшитую из отдельных листов рукопись, в картонном переплете, форматом в 4-ю долю листа, текст написан скорописью. Несколько листов в конце документа вырезано. Рукопись передана в фонды Дрвлекранилища Пушкинского Дома Н.П. Борисовым¹⁹, сопровождается несколькими документами: пояснительной запиской «Дневниковая книга Марка Илларионовича Витязева», составленной Борисовым 30 марта 1967 г.²⁰, газетной вырезкой (помещена на первый лист переплета) со статьей Борисова «Талантливый каменотёс» – о Самсоне Суханове²¹ (воспоминания о нем встречаются по тексту «Летописца»), заметкой неустановленного лица со схемой семи поколений родословной Витязевых.

Автор озаглавил свои записи следующим образом: «Книга примечательных и естественных событий Евского селения Государственного крестьянина Марка Иларионова сына Витязевых 1853-го года февраля месяца первого числа»²².

В содержании «Летописца» в соответствии со смыслом и авторской структурой документа²³ можно выделить темы, к описанию которых прибегал М.И. Витязев. На первые листы рукописи автор поместил заметки личного характера: «Родословие Витязевых», «Дети их», «Упокоение родителей»²⁴. Далее – бытовые и сельскохозяйственные: в «главах» «Устройстве» и «Разделении» речь идет о строительстве нового дома и отъезде из отцовского («старого») дома. В разделе «Скотоводство» автор описы-

вает полученный домашний скот при переезде, здесь же карандашом приписана информация о денежном доходе.

Единичные заметки фенологического характера (описание природных явлений) озаглавлены автором «Вскрытие л[ь]да на реке Двине и Евде и прочие замечания»²⁵. Фиксация дней ледохода на реках Евде и Северной Двине велись М.И. Витязевым ежегодно с 1848 г. по 1889 г. Помимо дня «вскрытия рек ото льда» автор записывал, в какой день начинали сеять вешну (яровой хлеб. – У. Ш.), отмечал, какой урожаем вырос, например: «1868 года речка Евда скрылась ото л[ь]да апреля 14 дня, Двина пошла апреля 18 числа. Вешну сеять начинали 24 числа апреля месяца. Первой гром [умереной] слыш[ан] мая 4 числа. Хлеб озимовой и яровой родился очень хорош. Страда продолж[и]лась ведренная²⁶; сен[а] [зеленая]. Хлеба родились оба хороши: яровой и озимовой»²⁷.

Данные о ледоходе, сельскохозяйственных работах и урожае были дополнены Федором Васильевичем Витязевым²⁸, чье авторство атрибутировано и указано в рукописи Н.П. Борисовым. Ф.В. Витязев приписал карандашом две заметки о ледоходе в 1930 г. и 1931 г. При этом только в записи о 1930 г. сохранена традиция фиксировать информацию об урожае наряду с описанием погодного явления. Эта запись детальнее, чем у предшественника: «1930 году первая подвижка льда на реке <Северной> Двине была II апреля по ст. ст., и окончательно лед пошел 12/IV ст. ст. 1930 году первый небольшой теплый дождик прошел апреля II числа ст. ст., а второй, более продолжит<ельный> и холодный, 13 апр. ст. ст., с полдня перешел в слякоть, а вечером пошел сухой снег, к утру на 14/IV апреля на[пало] покрыло землю и заморозило, был холод до 20/IV ст. ст. Вешну начали сеять 12/IV по ст. ст.»²⁹. Запись погодных наблюдений является довольно типичной для крестьянских дневников.

Знакомство с «Летописцем» позволяет предположить, что он был переписан с оригинала одним лицом с редкими дополнениями, исправлениями и пометами (карандашом или чернилами другого цвета). Так, например, записи за разные годы аккуратно перечислены друг за другом одним почерком и одними чернилами. О том, что «Летописец» был составлен в короткий срок, говорит и авторское название рукописи с указанием даты (см. выше). В тексте встречаются подчеркивания красным карандашом, разъяснение неразборчивых слов карандашом, что, по-видимому, делалось уже позже читателями рукописи.

Следующий документ – дневник, созданный внуком и правнуком М.И. Витязева, – «Сборник метеорологических, фенологических и хозяйственных записей А.В. и В.А. Витязевых за 1871–1951 гг.»³⁰. Рукопись поступила в Дрвлекранилище Пушкин-

ского Дома от Н.П. Борисова, с сопутствующим комментарием на переплете: «Это есть остатки записей моего крестного, брата моей матери Александра Васильевича Витязева, который унаследовал интерес к ведению дневника от своего деда Марка Илларионовича Витязева»³¹. Подпись-автограф – Н. Борисов от 14 июня 1961 г.

Сборник представляет собой рукопись, сшитую из отдельных листов, в картонном переплете, форматом в 8-ю долю листа; текст написан скорописью. В тексте документа встречаются подчеркивания, разъяснение некоторых слов и комментарии, сделанные Н.П. Борисовым.

Записи представлены хаотично, не в хронологическом порядке, при фиксации какого-либо события авторы указывали год, месяц и день или только год. Записи не озаглавлены. В сборнике можно выделить несколько тем, к которым постоянно обращались авторы: сельскохозяйственные, фенологические наблюдения, записи расходов (финансовые), родословная Витязевых, даты смерти родственников.

Знакомство с текстами родословной Витязевых в Сборнике Витязевых и «Летописце» позволяет предположить, что текст родословной из «Летописца» лег в основу более позднего – Сборника Витязевых, написанного рукой Александра Васильевича. При этом некоторые имена он опустил, но добавил новые поколения. В родословной, записанной Марком Илларионовичем, помимо родства указана дополнительная информация о членах семьи (табл. 1).

В Сборнике Витязевых присутствуют сведения о значимых событиях местной истории. Например, заметка о пожаре в г. Красноборске в 1910 г.: «Вся главна[я] часть города выгорела»³⁴. Таким образом, в тексте Сборника Витязевых происходит смешение «личного» и «коллективного»: информация местной истории соседствует с записями бытового и личного характера.

Значительную часть содержания Сборника Витязевых составляют записи фенологического характера (описание природных явлений)³⁵ наряду с сельско-

хозяйственными³⁶: «Поставка сена в 1920 году: всего на 10 недель наставлено 104 копны»³⁷; «В 1920 году река тронулась марта 30, пошла 31 марта. Вешну начали сеять апреля 16. Весна очень ранняя и ужасно теплая, на Николин день 9 мая рожь показывала первые колоски. Рожь 5 июня в п[о]льном цвету. Июня 13 числа на ячмени показали первые колоски»³⁸; «Полой промыло по нашему лугу в 1871 году»³⁹.

В записях, охватывающих продолжительный хронологический период, представлены дни ледостава и ледохода на р. Северной Двине⁴⁰:

«В 1951 году река тронулась апреля 8го, пошла 10го.

В 1935 году река тронулась апреля 2 дня по старому стилю, пошла 3; по новому: 15, пошла 16 числа.

В 1936 году река тронулась апреля 13 дня, пошла 15 по старому стилю.

В 1940 году река тронулась апреля 30, пошла 2го мая по н. ст.

В 1941 году река тронулась мая 10го, пошла 13го мая по н. ст.

В 1942 году река тронулась апреля 25, пошла 26 по н. ст.

В 1946 году река тронулась апреля 30, пошла в тот же день.

1949 году река тронулась апреля 25, пошла 26 по н. ст.»⁴¹.

В сравнении с подобными заметками в «Летописце» М.И. Витязева примечателен факт, что в более позднем по временным рамкам Сборнике Витязевых при фиксации дня ледохода авторами не описывались сельскохозяйственные работы (за исключением записи за 1920 г.). Из этого можно сделать вывод, что метеорологические наблюдения со временем теряют чисто прикладной характер и становятся элементом жанра дневника.

Важно проследить динамику традиции и определить ее сохранность в регионе в настоящее время. На этом моменте выйдем за обозначенные в заглавии статьи временные рамки и приведем в пример результаты интервью, проведенного в ноябре 2021 г.

Таблица 1

Родословная семьи Витязевых по материалам крестьянских дневников

«Летописец» [Марка Илларионовича Витязева]	Сборник Витязевых [Александра Васильевича и Виталия Александровича]
«Родословие Витязевых Неизвестно от кого родился Козма. Козмы сын Никита. Никиты сын Михаил. Михайла сын Иван. Иванов сын Феофилакт, Иульян. Феофилактовы сыновья Максим, Иван, Иларион. Грамоте обуч[ен]. Ларионовы сыновья Марко, Андрей, в военную службу отдан, Антоний, Иван. Все обучены грамоте» ³² .	«Родословие дома Витязевых Неизвес[т]но от кого родился Кузма Кузмы сын Никита Никиты сын Михаил Михайлов сын Иван Иванов сын Феофилакт и Ульян Феофилактовы сын Иларион Иларионов сын Марко Марков сын Василий Васильев сын Александр Александров сын Виталий» ³³ .

Информант не является членом семьи Борисовых-Витязевых, но, будучи местным жителем той же административной зоны, представляет аналогичную локальную фольклорную традицию Верхнего Подвинья.

Информант ведет записи в блокноте, указывая даты ледостава и ледохода на р. Северной Двине с 2006 г. На вопрос, с какой целью ведется такой дневник, она рассказала следующий сюжет: «В 2006 г. река встала 26 ноября, а 6 декабря снова вышла. Она льдом закрылась, а потом потеплело, и река пошла, застыла снова к Новому году. После этого и стала записывать. Записывала и когда тронулась. Обычно выходит в апреле, иногда в мае». Так, например, «20 ноября 2007 – встала; 2008 – нет, потом 1 января 2009 встала. В 2019 году поздно встала – 1 января» (Инф.⁴², 1971 г. р., с. Красноборск, Красноборский район). То есть причиной ведения дневника погоды стал примечательный факт, ранее не происходивший на памяти информанта.

Собеседница с трудом вспоминает обряды и приметы, связанные с закрытием и вскрытием реки, что свидетельствует о постепенном исчезновении традиции. Отвечает следующим образом: «Бывает, что река встаёт гладко, а иногда коростами, но что означает – не помню». Помимо этого, в дневнике информант фиксирует иные записи наблюдений о погоде: «Когда лето жаркое, сухое, а когда наоборот дожди льют; когда снега зимой много или мало», а также в какие сроки были посажены и собраны овощные культуры.

Возвращаясь к содержанию Сборника Витязевых, отметим запись фольклорного характера. Это описание магического действия: «Когда неведутся телята, невозможно скормить, то надо умершаго теленка закопать стоя в самую наземную ворота, и подложить ему под рыло небольшой клочок сена»⁴³. Подобная запись характерна для дневника севернорусского крестьянина. Фенологические заметки и заметки относительно сельского хозяйства в Сборнике Витязевых носят прагматический характер. Авторами фиксировались полезные советы и наблюдения, которые были необходимы для ведения хозяйства и передавались последующим поколениям.

Встретившееся в Сборнике Витязевых описание магического действия в схожем варианте представлено в материалах, переданных земским врачом Сольвычегодского уезда Николаем Георгиевичем (Егоровичем) Ординым (1849–1916) в Императорское Русское географическое общество (ИРГО). Рукопись, датированная 1887 г., состоит из двух рукописных тетрадей, носит заглавие «Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде». К документу приложен комментарий – заметка Ордина «О заговорах вообще», в которой описана процедура сбора: запись устных заговоров со слов знахарок и перепись текстов заговоров со «старых крестьянских бумаг». В конце

документа собиратель фольклора поместил содержание рукописи. Необходимый для исследования заговор квалифицирован Ординым в оглавлении «Против болезни скота»: «Во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь. Как Господь Бог сотворил небо и землю, солнце и месяц, и звезды, и море, и озера, и реки, источники и всякие древа, как также сотворил Божеством крепко и вечно, непоколебимо и неподвижно, так бы и у раба Божия (имя) скот мне были и живот кони, коровы, телята и овцы, и всякий скот, Божие сотворение, от смертоносных язв и от [т]летворных ветр был нерушим; как в море и озере, и в реках рыба родится, так бы у раба Божия (имя) скот его множился; и как в лесах всякия звери рождаются и плодятся, множатся и долговечны живут; так же бы у раба Божия (имя) скот его был долговечен и нерушим от ныне и до страшного Христова пришествия (слово пропущено. – У. Щ.) *три под мертвую скотину выкопать яма, узкая, на восток прямо; да поставит скотину в яму стоком, как живую, да землю загрести крепко, да приговаривать: “Как той скотине какая (слово пропущено. – У. Щ.) земли до кончины века не бывать, ни кому ея не видать, так бы у раба Божия (имя) на его скот надежам не бывать от ныне и до века (курсив мой. – У. Щ.). Аминь*»⁴⁴.

В связи с тенденцией севернорусских рукописных собраний, где наряду с лечебными заговорами особое место занимают другие группы заговоров, в числе которых скотоводческие [Агапкина: 34], фиксация магического действия, используемого в случае падежа телят, закономерно помещена в Сборник Витязевых.

Иное содержание представлено в выбранных для статьи письменных источниках – очерках Н.П. Борисова – краеведа, исследователя истории семьи. О биографии Борисова известно больше, чем о судьбе его предшественников, – он самостоятельно помещал факты своей жизни в тексты воспоминаний⁴⁵. Николай Петрович Борисов (1908–1992) родился в крестьянской семье в деревне Городищенская Алексеевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Учился в Усть-Евдской церковно-приходской, затем в Красноборской семилетней и Сольвычегодской девятилетней школах. В 1930 г. окончил Вятский педагогический институт (г. Киров), затем, в 1940 г., – военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского (г. Москва). Преподавал в высших учебных заведениях Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга. Кандидат технических наук и автор пособий по динамике движения и эксплуатации летательных аппаратов.

Большая часть рукописей Борисова (рукописные и машинописные тексты, среди которых: воспоминания, фольклорно-этнографические и историко-краеведческие очерки, подневные записи, черновые

рукописи к статьям и книгам) хранится в фондах Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С.И. Тупицина (Архангельская область). Воспоминания Борисова охватывают довольно продолжительный период – 1910–1990-е гг., при этом большая часть материалов составлена в 1970–1980-е гг. Даты и подпись-автограф указаны не в каждом документе.

Рукописные материалы Борисова представляют собой дневниково-мемуарные тексты. Он «записывал на память» примечательные для себя факты (в основном это воспоминания о детстве, своей семье, малой родине) и указывал актуальную дату записи. События фиксировались Борисовым по прошествии длительного периода, что относит его рукописные материалы к жанру мемуаров.

Воспоминания Борисова носят ностальгирующий характер, они пронизаны лирическими отступлениями, описаниями природы и архитектуры (в текстах встречаются рисунки-схемы деревенских домов, а также орудий сельскохозяйственного труда, деревянных игрушек и др.). Заметное место в его рукописях занимают переживания ярких моментов из жизни, тревожные мысли о судьбе родных мест и его предположения о развитии малой родины. Так, воспоминания о детских годах начинаются со слов: «Мне 3–4 года. В летней избе стою в короткой рубашонке на лавке и смотрю в окно, в поле»⁴⁶. По мнению А.Н. Власова, «лирические отступления, связанные уже с эстетическим восприятием автора природы родного края, являются также своеобразным показателем саморефлексии традиции» [Власов, Еремина: 29].

Воспоминания Борисова о личном «переплетены» с описанием и реакцией на события не только местной истории, но и истории России в целом, таких как Первая мировая война, революция 1917 г., индустриализация и коллективизация и другие. Например, Борисов описывает дни в Усть-Евдской церковно-приходской школе после отречения Николая II от престола в марте 1917 г. следующим образом: «Приходим в класс, а царских портретов нет, стоят под лестницей в мезонин, где жила учительница»⁴⁷.

Примечательны фольклорно-этнографические наблюдения в очерках Борисова. Кратко автор описывает ход свадебного обряда в верховьях р. Северной Двины: «Описание свадьбы дело сложное, да детали я уже успел забыть. Свадьба состояла из двух этапов. Первый именовался сватаньё (это не засылка сватов, как можно подумать; нет, вопрос о свадьбе решен раньше: ездили свататься и получали добро). Сватаньё проходило в доме невесты и оно было не менее масштабное, чем сама свадьба. Через 2–3 дня и сама свадьба в доме жениха; тут уж пир шел во всю Ивановскую. Свадьба начиналась сразу после вен-

чания в церкви, на которое ходило много народу – посмотреть, прежде всего тетки-молодки, посудачить на тему, что было так, что не так, как одеты были невеста и жених. Вспоминались разные поверья и приметы. Зрелище было красочное»⁴⁸. К сожалению, тексты таких примет и обычаев, наряду с текстами свадебных причитаний и песен, Борисов в своих воспоминаниях не приводит.

Автором кратко представлено бытование заговорной традиции: «Если кто-то в деревне недомогал, или у кого-то вскочил веред⁴⁹ и он очень беспокоил, то бежали к бабушке (Марии Ивановне. – У. Щ.) – надо попухтать⁵⁰. “Ой, поповна⁵¹, попухтай ты на сметанке, до чего болит веред!” – бабушка ухидила за занавеску, к печке, и что-то шептала в чашку со сметаной. К такому средству лечения и я сам прибегал не однажды: бегали-то босиком, то и дело поранивали ногу, а она загрязнялась и болела, нарывало. Чашку, на которой совершалось поухтанье, закрывали чистой тряпочкой и уносили домой. Говорят, что помогало, да и по своему опыту это знаю»⁵². Перечислены некоторые приметы: «Моя бабушка говорит – “Ой, что-то переносица чешется, видимо к покойнику!”»; суеверные представления: «Видел во сне Е. П. [Торбу], не умер ли?»⁵³ (дневниковая запись от 15 июля 1980 г.).

Фольклорные тексты Борисов нередко сопровождал комментариями, объясняющими бытование фольклорной традиции (особенно лирических песенных жанров): «Больше всего я наслушался частушек от своей матери (Анны Васильевны Витязевой (1886–1929)⁵⁴. – У. Щ.). Она, бывало, ходит обряжается и поет во весь голос на повети. А пела она не от радости, которой у нее было мало, а от грусти»⁵⁵; «Помню с десятки частушек, пришедших еще из того века. Моя мать, обряжаясь (забытое слово!) по дому, имела обыкновение напевать частушки. Часто её голос доносился с повети:

Я кошу, валится на-косу

Зелёная трава.

Я люблю, а ты не любишь

Ягодиночка моя (курсив мой. – У. Щ.).

Как красивы и певучи первые две строки!»⁵⁶.

В письменных текстах автор стремился передать особенности местного северного говора. Так, в записи от 30 июля 1980 г. читаем: «Старые люди в мое раннее детство при расставании говорили – “прости”, а не “до свиданья”, как теперь. Так говорила моя бабушка Мария Ивановна. И еще она говорила не “январь”, а “генварь”. Много старомодного было в ее речи, жаль что всё забылось»⁵⁷. Далее автор разъясняет диалектный лексикон: «самоздравный» – своевольный, непослушный; «стрикати» («стрикаша») – крапива; «баенка» – банька; «банья» – баня; «заезок»⁵⁸ – «ез»⁵⁹.

При записи фольклорных текстов Борисов указывал информацию об их исполнителе и месте исполнения. Например, указанием имени – «бабка Катя» и места записи – д. Высокая⁶⁰ сопровождается частушка⁶¹:

*Говорят, что лето долго
Не видала как прошло
Была на Шурочку сердита
Ныне сердце отошло* (курсив мой. – У. Щ.).

Другой пример. В воспоминаниях под датой 18 июля 1980 г. Борисов записал частушки, прокомментировав и указав имя информанта: «Эти частушки пела моя теща – Татьяна Федоровна»⁶²:

*Ваня, Ваня, Ванюшá
У тя неверная душа.
От того неверная, что
Ты богат, я бедная* (курсив мой. – У. Щ.).

*Говорил, пока расстанемся
Покуда необрёт
Меня обрывают, ты останешься
Несчастная на век* (курсив мой. – У. Щ.).

Анализ выбранных для исследования источников позволил показать, как менялась традиция ведения дневников и мемуаров в рамках одного крестьянского рода. Образцы середины XIX – начала XX вв. («Летописец», Сборник Витязевых) носят прагматический характер. Это наблюдается в фрагментах: описании погодных явлений и связывании их с сельскохозяйственными работами, а также в фиксации характерного для крестьянских дневников севернорусского происхождения скотоводческого обрядово-магического действия. Важное место в семейных записях Витязевых занимают перечни имен с датами смерти родственников, составляемые для церковного поминовения. Записям личного характера, в числе которых краткие автобиографии, уделена незначительная часть рукописей.

От крестьянских дневников Витязевых заметно отличаются материалы Борисова. При этом необходимо учитывать факты его биографии: рождение в крестьянской семье, переезд из деревенской среды в городскую, получение технического образования и освоение профессии, отличающейся от рода занятий крестьянина. Можно предположить, что со временем, собирая материалы о семье, составляя родословную, восстанавливая историю деревень, малой родины (что положило начало краеведческим исследованиям), Борисов «открыл» для себя жанр мемуарной литературы. Его рукописи носят характер рассуждений, личных наблюдений. В этом случае жанр крестьянского дневника перешел в мемуары, воспоминания.

Можно выделить некоторые особенности текстов Борисова. Одна из них – «лирические отступления» ностальгирующего и эстетического характера. Фик-

сация примечательных фактов, сохранившихся в памяти (в числе которых тексты фольклорно-этнографического содержания), связана с опасением со стороны носителя традиции утратить этот факт, с его стремлением сохранить, «спасти от небытия» локальную традицию [Власов, Еремина: 27].

Чертой исследуемых семейных записей (характерной и для «Летописца», и для Сборника Витязевых, и для рукописей Борисова) является отсутствие «чувства жанра»: в них «личное» соприкасается с «коллективным». Примером этого является фиксация различных по характеру тем: от записи семейных новостей до описания погодных явлений и событий местной истории и истории России в целом. Материалы Борисовых-Витязевых, можно сказать, образуют семейный архив дневников и мемуаров. В такой связи согласимся с мнением С.А. Жадовской, что созданные авторами письменные нарративы «выступают хранилищем и репрезентацией запечатленной памяти» [Жадовская: 117].

Крестьянские письменные нарративы, разножанровые по своему содержанию, стирают границы между письменной и бесписьменной культурами. Подобные источники, авторы которых сохраняют мировоззренческие установки носителей локальной традиции, традиционной культуры, позволяют приоткрыть занавес на повседневную жизнь деревни и ее культуру извне.

Примечания

¹ В качестве примера приводятся исследования и публикации, посвященные крестьянским письменным нарративам Русского Севера. В силу ограничений по объему статьи оставлены без внимания подобные исследования по материалам других территориальных зон.

² См.: <https://prozhitto.org> (дата обращения: 04.04.2022).

³ См. исследования о границах севернорусских локальных традиций [Иванова; Дорохова, Власов; Марченко; Народное творчество и др.].

⁴ Подробнее о родословной семьи Витязевых см. далее.

⁵ Рукописный Отдел Института русской литературы (далее – РО ИРЛИ). Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58.

⁶ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. № 30. Л. 1 об.

⁸ Н.П. Борисовым составлена родословная семей Борисовых и Витязевых [РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Ед. хр. 30]. Документ содержит подпись-автограф и дату создания – 18 декабря 1968 г. Источниками к воссозданию родословной Борисову послужили «Летописец» М.И. Витязева и метрические книги Евдской Вознесенской церкви, изученные им в Госу-

дарственном архиве Архангельской области (ГААО). О родственных связях упоминается и в автобиографических воспоминаниях Борисова: «Из этой деревни (дер. Вотежицы. – У. Ш.) родом моя мать Анна Васильевна (Витязева – в девичестве). Тут жил род Витязевых <...> Александр Васильевич, сын бабушки (Марии Ивановны. – У. Ш.), и мой крестный, с Агнией Петровной, его женой, и детьми – Лидией, *Виталием* (курсив мой. – У. Ш.) и Ниной <...>» [Красноборский историко-мемориальный и художественный музей им. С.И. Тупицина (далее – КИМХМ). Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 20. Л. 1, 3].

⁹ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 20.

¹⁰ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 22.

¹¹ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4.

¹² КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 27.

¹³ Здесь и далее при издании текста введена современная пунктуация, сохранена орфография оригинала.

¹⁴ Слова под титлами раскрываются полностью.

¹⁵ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 2.

¹⁶ М.И. Витязева как человека набожного, книжного характеризуют значительные по объему заметки о местных церквях (например, «Краткое описание Евской [Вознесенской] церкви», «Начало каменной церкви 1810 года», «1850 года. Прядел святителя Василия Великого. Сторона южная церкви», «Северная сторона в церкви. Предел преподобного Сампсона Странноприимца», «Начало Успенской церкви» и др.). А также употребление по тексту речевых вставок, таких как: славословия («Слава Богу нашему», «Слава тебе Богу благодетелю нашему во веки веков аминь аминь», «Слава тебе, Господи Богу нашему», «Благодарение Господу Богу нашему») и просьбы «Господи благослови» (с которой начинаются записи).

¹⁷ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 3 об.

¹⁸ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 1.

¹⁹ В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится статья Н.П. Борисова «О чем поведал “Летописец”», опубликованная в красноборской газете «Знамя» в номере от 31 января 1987 г. Борисов пересказывает содержание рукописи, комментируя его, дополняя материал воспоминаниями и информацией о семье [РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. № 30. Л. 2].

²⁰ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 20–20 об.

²¹ Суханов Самсон Ксенофонтович (1768–1840-е гг.) – скульптор-каменотес. Родился в крестьянской семье в д. Завотежица Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (ныне – Красноборский район Архангельской области). Ходил бурлаком по рекам Каме, Волге и Северной Двине. В 1783 г.

в г. Архангельске нанялся в зверобойную артель, промышленявшую на о. Груманте (Шпицбергене). Около 1800 г. Суханов приехал на заработки в г. Санкт-Петербург. Под руководством брата жены Григория Копылова, подрядчика на строительстве Михайловского замка, стал работать каменотесом. Семь лет Суханов служил на должности главного приказчика строительства Казанского собора. В 1807 г. записался в петербургское купечество. Умер в нищете в сороковых годах XIX в. [Зуева]. Из других известных работ, выполненных Сухановым: набережная на стрелке Васильевского острова, в том числе гранитные шары, Александровская колонна на Дворцовой площади (г. Санкт-Петербург), пьедестал памятника Минину и Пожарскому (г. Москва), Колонна Победы в Риге и др. Отец автора «Летописца» Марка Витязева Илларион Феофилактович работал десятником у Суханова на строительстве Казанского собора [РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. № 30. Л. 1 об.].

²² РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 1 об.

²³ М.И. Витязев использовал для обозначения заглавия или конца какого-либо описания орнаментальные «виньетки».

²⁴ Перечень имен и дат смерти родственников в крестьянских дневниках напоминает жанр «помянников» – рукописных книжечек, в которые включались имена усопших для церковного поминовения. На первом листе помянников обычно указываются название деревни, имя и фамилия владельца, далее следует перечень имен, изредка отмечаются даты смерти того или иного лица [Воробьева, Пигин: 127]. В «Летописце» читаем: «Матушка Евдокия дочь Калиника померла 18[5]2 года июля месяца пятнадцатого числа <...> Дочь Анна померла 1861 года августа 14 дня. Отец Иларион помер 1862 года ноября 10 числа. Дочь Парасковья померла 1877 года апреля 18 числа, 37 лет» [РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 3]. Эта традиция наблюдается и в Сборнике Витязевых: «Родитель наш, Василей Маркович помер 1889 года ноября 18 дня» [РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 1.]; «Мать Агния Петровна померла 1943 году в августе м<еся>це. Отец Александр Васильевич помер 1946 году в июле месяце. Дядя Федор Васильевич помер 1947 году в марте месяце» [РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 5 об.]. Записи за 1935 и 1936 гг. сделаны рукой А.В. Витязева, за 1943, 1946 и 1947 гг. – В.А. Витязевым. Записи Виталия Александровича прокомментированы в тексте Н.П. Борисовым: «Эти записи делал уже мой двоюродный брат Виталий Александрович Витязев, который скончался 19 апреля 1959 г.» [РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 5 об.].

²⁵ Аналогичные записи встречаются в Сборнике Витязевых.

²⁶ Ведрённый (то же, что вёдренный) – хороший, солнечный (о дне, погоде) [Словарь 2: 40].

²⁷ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 6 об.

²⁸ Витязев Федор Васильевич (1878–1947) – внук Марка Илларионовича, родной брат Александра Витязева (автора Сборника Витязевых). Служил в канцелярии в г. Санкт-Петербурге, на о. Эзель (сейчас – о. Сааремаа, Эстония), в г. Ревеле (сейчас – г. Таллин, Эстония), после революции – в г. Красноборске (сейчас – село в составе Архангельской области). Умер в своем доме в дер. Вотежице [РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. № 30. Л. 1 об.].

²⁹ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 9.

³⁰ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64.

³¹ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 1.

³² РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 2.

³³ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 5.

³⁴ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 1.

³⁵ К фенологическим записям следует также отнести «Таблицу, показывающую восход и заход солнца, долготу и дни и ночи в городе Великом Устюге», переписанную «со старой в книгу» 24 августа 1916 г. А.В. Витязевым [РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 8–14].

³⁶ Так, например, завершает сборник запись бытового характера «Полезные советы. Засолка огурцов» [РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 16–16 об.].

³⁷ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 2.

³⁸ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 6 об.

³⁹ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 14 об.

⁴⁰ Записи за 1889 и 1890 гг. сделаны А.В. Витязевым, за 1940–1942, 1946, 1949 и 1951 гг. – В.А. Витязевым.

⁴¹ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 7–7об.

⁴² Из этических соображений имя информанта опущено.

⁴³ РО ИРЛИ. Р. IV. Красноборское собрание. Оп. 9. Ед. хр. 64. Л. 1 об.

⁴⁴ Русское Географическое Общество. Ф. 7. Ед. хр. 44. Л. 21–22.

⁴⁵ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 22. Л. 1, 36.

⁴⁶ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 20. Л. 1.

⁴⁷ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 20. Л. 8.

⁴⁸ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 9.

⁴⁹ Вёред – поврежденное место на теле; вёреда (то же, что вередá) – нарыв, чирей [Словарь 2: 54].

⁵⁰ Попухтать (от запúка) – заговорить [Словарь 4: 167].

⁵¹ Витязева (в девичестве – Низовцева) Мария Ивановна (ум. в 30-х гг. XX в.) – родилась в семье о. Иоанна (в миру – Иван Максимович), священника Юрье-Наволоцкого прихода Сольвычегодского уезда Вологодской губернии [РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. № 30. Л. 1 об.], поэтому в деревне её называли «поповной» [КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. IV].

⁵² КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 20. Л. 2.

⁵³ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 40 об.

⁵⁴ РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1.

⁵⁵ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 14.

⁵⁶ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 27. Л. 9.

⁵⁷ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 42.

⁵⁸ Заёзок (то же, что ез) – рыболовный закол [Словарь 3: 309; 4: 50].

⁵⁹ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 40 об., 42.

⁶⁰ Предположительно Борисовым указано протонародное название деревни Фоминская Красноборского района.

⁶¹ КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 43 об.

⁶² КИМХМ. Ф. Николай Борисов. Ед. хр. 4. Л. 40 об.

Список литературы

Агапкина Т.А. Восточнославянские заговоры в материалах Научного архива Русского географического общества: издания и неопубликованные материалы // Славяноведение. 2020. № 6. С. 28–40.

Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск: Правда Севера, 1997. 413 с.

Власов А.Н., Еремина В.И. Границы рецепции и интерпретации локального фольклора в трудах краеведов (к понятию фольклорной сингулярности) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 26–30.

Воробьева С.В., Пугин А.В. Заонежские помянники XVII–XIX вв. как источники по истории крестьянских семей // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 127–147.

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 778 с.

Дневник волостного писаря А.Е. Петрова (1895–1906) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии В.И. Щипина) // Русская литература. 2005. № 2. С. 127–170; № 3. С. 151–185.

Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 годы / предисл., публ. и коммент. В.В. Морозова, Н.И. Решетникова // Тотьма: краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 251–517.

Дорохова Е.А., Власов А.Н. Традиционная культура нижней Вычегды: к постановке проблемы комплексного изучения // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 3–46.

Жадовская С.А. От дневника погоды к автобиографической прозе: личный архив в культурном пространстве малого города // Folkloristica (Фолклористика). 2021. № 6/1. Рр. 107–123.

Зуева Е.В. Каменотёс Самсон Суханов // Двинская земля. Вып. 3. Материалы третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвящённых 100-летию Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова. Вельск, 2004. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dvi/nsk/aya/index.htm> (дата обращения: 09.04.2022).

Иванова Т.Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции. Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 455 с.

История от первого лица: мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей: сборник. Архангельск.; М.: Товарищество Северного мореходства, 2011. 359 с.

Карпов И.С. По волнам житейского моря: воспоминания / публ. и подгот. текста Г.В. Маркелова, С.С. Грецишкина // Новый мир. 1992. № 1 (801). С. 7–76.

Кознова И.Е. Культура как память: севернорусский крестьянин вспоминает прошлое (по воспоминаниям И. С. Карпова) // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.М. Шаева и др. М.; Архангельск, 2010. С. 196–207.

Маркелов Г.В. Крестьянские архивы в Древлехрамнилице Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 46. С. 495–502.

Марченко Ю.И. Напевы групповых причитаний в междуречье Северной Двины и Ваги // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция: Ленингр. гос. консерватория; ред.-сост. А.М. Мехнецов. Л., 1985. С. 45–61.

На разломе жизни: дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области, 1915–1931 годы / публ. подг. М.И. Мильчик, М.А. Шумар. М.: ИЭА РАН, 1997. 324 с.

Народное творчество Северной Двины: сборник / сост. В.В. Митрофанова, Л.В. Федорова; отв. ред. Г.Г. Фруменков; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2-е изд. Архангельск: САФУ, 2015. 176 с.

«Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова»: новонайденные части дневника пежемского крестья-

нина Ивана Глотова (1906–1915, 1917, 1927–1929). Приложение 2 / предисл. М.И. Мильчика // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск: Вельги, 2002. С. 192–230.

Пигин А.В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры: (Дневник Г.Я. Ситникова) // Кижский вестник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. Вып. 17. С. 278–285.

Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (дата обращения: 15.04.2022).

Рыжова Е.А. «Удорский дневник» крестьян старообрядцев Рахмановых-Палевых-Матевых // Старообрядческая культура Русского Севера: Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. М.; Каргополь, 1998. С. 90–94.

Словарь говоров Русского Севера / под ред. чл.-кор. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Т. 2. 2002. 292 с.; Т. 3. 2005. 388 с.; Т. 4. 2009. 358 с.

Щипин В.И. Родовой архив крестьянской семьи Мокеевых (конец XVII – середина XX в.) // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 151–155.

References

Agapkina T.A. *Vostochnoslavijskie zagovory v materialakh Nauchnogo arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva: izdaniia i neopublikovannye materialy* [East Slavic Incantations in the Materials of the Scientific Archive of the Russian Geographical Society: Editions and Unpublished Materials]. *Slavianovedenie* [Slavic studies], 2020, № 6, pp. 28–40. (In Russ.)

Administrativno-territorial'noe delenie Arkhangel'skoi gubernii i oblasti v XVIII–XX vekakh: spravochnik [Administrative-territorial Division of the Arkhangel'sk Province and Region in the XVIII–XX centuries: Reference book], respons. comp. L.V. Gundakova. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 1997, 413 p. (In Russ.)

Vlasov A.N., Eremina V.I. *Granitsy retseptsii i interpretatsii lokal'nogo fol'klora v trudakh kraevedov (k poniatiiu fol'klornoj singuliarnosti)* [The Boundaries of Perception and Interpretation of Local Folklore in the Works of Local Historians (to the Concept of Folklore Singularity)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2019, № 7 (184), pp. 26–30. (In Russ.)

Vorob'eva S.V., Pigin A.V. *Zaonezhskie pomjanniki XVII–XIX vv. kak istochniki po istorii krest'ianskih semei* [Zaonezhsky Commemoration books of the XVII–XIX centuries as Sources on the History of Peasant

Families]. *Kizhskii vestnik* [Kizhi messenger]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., is. 11, 2007, pp. 127–147. (In Russ.)

Vospominaniia russkikh krest'ian XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Memoirs of Russian Peasants of the XVIII – first half of the XIX century], intr. by V.A. Koshcheva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 778 p. (In Russ.)

Dnevnik volostnogo pisaria A.E. Petrova (1895–1906) (vstupitel'naia stat'ia, podgotovka teksta i komentarii V.I. Shchipina) [Diary of the Volost record clerk A.E. Petrov (1895–1906) (introduction, text preparation and comments by V. I. Shchipin)]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 2005, № 2, pp. 127–170; no. 3, 2005, pp. 151–185. (In Russ.)

Dnevnik totemskogo krest'ianina A.A. Zamaraeva, 1906–1922 gody [Diary of the Tot'ma Peasant A.A. Zamaraev, 1906–1922], preface, publ. and comment. by V.V. Morozova, N.I. Reshetnikova. *Tot'ma: kraevedcheskii al'manakh* [Totma: local lore almanac]. Vologda, 1997, issue 2, pp. 251–517. (In Russ.)

Dorohova E.A., Vlasov A.N. *Tradicionnaja kul'tura nizhnej Vychehdy: k postanovke problemy kompleksnogo izuchenija* [Traditional Culture of the Lower Vychehda: on the Problem of Definition of Complex study]. *Russkij fol'klor* [Russian folklore]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2012, vol. 36, pp. 3–46. (In Russ.)

Zhadovskaia S.A. *Ot dnevnika pogody k avtobiograficheskoj proze: lichnyi arkhiv v kul'turnom prostranstve malogo goroda* [From the Weather Journal to Autobiographical Prose: a Personal Archive in the Culture Space of a Small Town]. *Folkloristica* [Folklore], 2021, № 6/1, pp. 107–123. (In Russ.)

Zueva E.V. *Kamenotj os Samson Suhanov* [Stonemason Samson Sukhanov]. *Dvinskaja zemlja*, ed. by S.A. Gladkih]. Vel'sk, 2004, issue 3. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dvi/nsk/aya/index.htm> (access date: 09 April 2022). (In Russ.)

Ivanova T.G. *“Malye” ochagi severnorusskoi bylinnoi tradicii. Issledovanie i teksty* [“Small” Centers of the Northern Russian Epic Tradition]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2001, 455 p. (In Russ.)

Istoriia ot pervogo litsa: mir severnoi derevni nachala XX veka v pis'mennykh svidetel'stvakh sel'skikh zhitelei: sbornik [History from the First Person: the World of the Northern Village of the beginning of the XX century in Written Records of Rural Residents: collection]. Arkhangel'sk, Moscow, Tovarishestvo Severnogo morekhodstva Publ., 2011, 359 p. (In Russ.)

Karpov I.S. *Po volnam zhiteiskogo moria: vospominaniia* [On the Waves of the Sea of Life: Memories], publ. and text prep. by G.V. Markelov, S.S. Grechishkina. *Novyi mir* [New world], 1992, № 1 (801), pp. 7–76. (In Russ.)

Koznova I.E. *Kul'tura kak pamiat': severnorusskii krest'ianin vspominaet proshloe (po vospominaniam*

I.S. Karpova) [Culture as Memory: The North Russian Peasant Reminisces on the Past (according to the Memoirs of I.S. Karpov)]. *Traditionnaja kul'tura Russkogo Severa: istoki i sovremennost'* [Traditional culture of the Russian north: origins and modernity]. Moscow, Arkhangel'sk, 2010, pp. 196–207. (In Russ.)

Markelov G.V. *Krest'ianskie arkhivy v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma* [Peasant Archives of the Antiquarium of the Pushkin House]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1993, vol. 46, pp. 495–502. (In Russ.)

Marchenko Ju. I. *Napevy grupprovnykh prichitanij v mezhdurech'e Severnoj Dviny i Vagi* [Chants of Group Lamentations in the Interfluvium of the Northern Dvina and Vaga]. *Russkaia narodnaia pesnia: Stil', zhanr, tradicii* [Russian folk song: Style. Genre. Tradition]. Leningrad, 1985, pp. 45–61. (In Russ.)

Na razlome zhizni: dnevnik Ivana Glotova, pezhemskogo krest'ianina Vel'skogo raiona Arkhangel'skoi oblasti, 1915–1931 gody [Crossway of Life: the Diary of Ivan Glotov, of the Pezhem Peasant Velsky district of Arkhangel'sk oblast, 1915–1931 years], publ. prepared by M.I. Mil'chik, M.A. Shumar. Moscow, IEA RAN Publ., 1997, 324 p. (In Russ.)

Narodnoe tvorcestvo Severnoj Dviny: sbornik [Folk Art of the Northern Dvina: collection], comp. V. V. Mitrofanova, L. V. Fedorova; ed. by G.G. Frumenkov; Sev. (Arktich.) feder. un-t im. M.V. Lomonosova. Arkhangel'sk, SAFU Publ., 2015, 176 p. (In Russ.)

“Pamiatnaia kniga Ivana Grigor'evicha Glotova”: novonaidennye chasti dnevnika pezhemskogo krest'ianina Ivana Glotova (1906–1915, 1917, 1927–1929). Prilozhenie 2 [“The Memorial book of Ivan Grigoryevich Glotov”: Newly Found Parts of the Diary of the Pezhem Peasant Ivan Glotov (1906–1915, 1917, 1927–1929). Appendix 2]. *Vazhskii kraj: istochnikovedenie, istoriia, kul'tura: issledovaniia i materialy* [Vazhsky region: source study, history, culture: research and materials]. Vel'sk, Vel'ti Publ., 2002, pp. 192–230. (In Russ.)

Pigin A.V. *Krest'ianskie dnevniki XIX–XX vv. kak istochniki po izucheniiu narodnoi kul'tury (Dnevnik G. Ia. Sitnikova)* [Peasant Diaries of the XIX–XX centuries as Sources for the Study of Folk Culture (the Diary of G. Ya. Sitnikov)]. *Kizhskii vestnik* [Kizhi Bulletin]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., iss. 17, 2017, pp. 278–285. (In Russ.)

Razumova I.A. *Pis'mennye tradicii sovremennoi sem'i: problemy sobiraniia i izucheniiia* [Written Traditions of the Modern Family: Issues of Collecting and Studying]. *“Naivnaia literatura”: issledovaniia i teksty* [“Naive Literature”: research and texts]. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond Publ., 2001. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (access date 15 April 2022). (In Russ.)

Ryzhova E.A. “*Udorskii dnevnik*” *krest'ian starobriadtsev Rakhmanovykh-Palevykh-Matevykh* [“Udorsky Diary” of the Peasants of the Old Believers Rakhmanov-Palev-Matevs]. *Starobriadcheskaia kul'tura Russkogo Severa* [Old Believer culture of the Russian North]. Moscow, Kargopol', 1998, pp. 90–94. (In Russ.)

Slovar' govovor Russkogo Severa [Dictionary of Dialects of the Russian North], ed. by cor. mem. RAS A.K. Matveev. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2002, vol. 2, 292 p.; 2005, vol. 3, 388 p.; 2009, vol. 4, 358 p. (In Russ.)

Shchipin V.I. *Rodovoi arkhiv krest'ianskoi sem'i Mokeevykh (konets XVII – seredina XX v.)* [Ancestral Archive of the Mokeevs' Peasant Family (the end of the XVII – the middle of the XX century)]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2007, no. 11, pp. 151–155. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 30.04.2022; approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 42–48. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 42–48. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 281.2

EDN AUZQDD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-42-48>

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Соловьев Андрей Авенирович, доктор исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, anh7@rambler.ru

Аннотация. Русское православие представлено в статье как многомерная система церковных институций, клира и мирян. Русская православная церковь Московского патриархата являлась лишь одним из элементов этой системы, несомненно доминирующей в конфессиональном аспекте внутри СССР. Рассмотрена историография проблемы роли и места Церкви в Великой Отечественной войне, представлена источниковедческая база вопроса. Проанализировано зависимое от государства положение Русской православной церкви Московского патриархата в предвоенные годы. Персонализировано отношение иерархии Русской православной церкви за рубежом к началу Великой Отечественной войны. Рассмотрен патриотический вектор служения Московского патриархата в годы войны. Раскрыт антихристианский характер идеологии нацизма, призванной создать квазирелигию германской нации. Определены причины изменения государственно-церковных отношений в СССР в ходе Великой Отечественной войны, важнейшей из которых следует признать внешнеполитическую перспективу использования Русской православной церкви Московского патриархата и конфессиональной политики в целом в контексте международной деятельности СССР.

Ключевые слова: русское православие, Русская православная церковь, Великая Отечественная война, государственно-церковные отношения, квазирелигия.

Для цитирования: Соловьев А.А. Русское православие в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 42–48. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-42-48>

Research Article

RUSSIAN ORTHODOXY DURING THE SOVIET-AXIS WAR

Andrey A. Solovev, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, anh7@rambler.ru

Abstract. Russian Orthodoxy is presented in the article as a multidimensional system of church institutions, clergy and laity. The Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate was only one of the elements of this system, which undoubtedly dominated in the confessional aspect within the USSR. The historiography of the problem of the role and place of the Church in World War II East Front is examined, and the source base of the issue is presented. The state-dependent position of the Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate in the prewar years is analysed. The attitude of the hierarchy of the Russian Orthodox Church Abroad towards the start of the Axis aggression against the USSR is personalised. The patriotic vector of the ministry of Moscow Patriarchate during the war years is considered. The anti-Christian nature of the ideology of Nazism, designed to create a quasireligion of the German nation, is revealed. The reasons for the change in state-church relations in the USSR during history's most horrifying war are identified, the most important of which includes the foreign policy perspective of the use of the Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate and confessional policy in general in the context of international activities of the USSR.

Keywords: Russian Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Soviet-Axis War, church-state relations, quasireligion.

For citation: Solovev A.A. Russian Orthodoxy during the Soviet-Axis War. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 42–48 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-42-48>

Система русского православия как институционализация церковных сообществ в годы Великой Отечественной войны была достаточно многомерна и определялась как процессом *русского рассеяния*, имевшим своими причинами события 1917 г., так и историко-политическими факторами функционирования конфессиональных организаций внутри СССР. Наряду с Русской православной церковью Московского патриархата (далее – РПЦ МП), доминирующей на территории страны, в мировом пространстве существовали и другие относительно крупные русские православные объединения, такие как Русская православная церковь заграницей (далее – РПЦЗ), Западноевропейский экзархат русских приходов в юрисдикции Константинопольского патриархата, Русско-Православная Греко-Кафолическая Северо-Американская митрополия, не говоря уже о многочисленных расколах – Российская православная церковь, или Обновленческий раскол, Истинно-Православная Церковь, или «катакомбная церковь», Древлеправославная церковь Христова, или Белокриницкое согласие, Древлеправославные христиане иже священства не приемлющие и др. Вследствие оккупации значительной части западных территорий СССР в начальный период Великой Отечественной войны следует вести речь и о феномене экзархата Московской патриархии в Прибалтике, номинально сохранившего каноническое подчинение Патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому), однако фактически проводившему самостоятельную политику. Таким образом, рассматривая роль и вектор русского православия в военные годы, необходимо, следуя исторической объективности, конкретизировать и выделять специфические особенности той или иной православной общины.

Труды и дни русского православия в 1941–1945 гг. неоднократно становились объектом исследований как в отечественной, так и в зарубежной историографии. При этом в советский период вопрос о роли православной церкви нередко замалчивался вовсе либо освещался в негативном контексте. Из работ на постсоветском пространстве выделим исследования М.В. Шкаровского, А.Н. Кашеварова, О.Ю. Васильевой, В.Н. Якунина, С.В. Болотова. Из трудов русскоязычных авторов отметим работы канадского ученого Д.В. Поспеловского. В зарубежной исторической литературе к вопросам русского православия в аспекте Великой Отечественной войны обращались такие исследователи, как С. Майер, К. Геде и др. Большинство работ посвящены сфере церковно-государственных отношений и внешнеполитическому курсу религиозной политики СССР в годы войны. В центре внимания оказывается доминирующий на территории Советской России церковный инсти-

тут в лице РПЦ МП. Исключение, пожалуй, составляют исследования Шкаровского и Геде, в которых рассматриваются и другие православные институции. За рамками проблемного поля нередко остаются вопросы культуры повседневности и собственно богословские трактовки исторической ретроспективы Церкви в аспекте трагических коллизий военного времени. Источниковедческая база проблемы достаточно обширна, в этой связи отметим два сборника документов, подготовленных коллективом авторов с участием О.Ю. Васильевой и Т.В. Волокитиной. Первый из них включает в себя послания РПЦ МП и постановления Священного синода и СНК СССР, докладные записки, справки, статистические таблицы председателя и уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК СССР, приказы и распоряжения Министерства восточных территорий Германии и вермахта по вопросам религиозной политики, второй – документы федеральных архивов России, характеризующие церковную обстановку в странах Восточной Европы – Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии.

В предвоенные годы положение РПЦ МП в СССР было катастрофическим. К 1939 г. на территории советского государства оставалось всего около 100 действующих церквей и лишь 4 правящих архиерея: местоблюститель патриаршего престола, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Дмитровский, управляющий делами Московской патриархии Сергей (Воскресенский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич). *Безбожная пятилетка*, или планы тотального расцерковления социума, в сущности, имели своей целью создание коммунистической квазирелигии в СССР в конце 30-х гг. Однако ни закрытие и уничтожение храмов, ни репрессии в отношении церковнослужителей, ни воинствующая антицерковная пропаганда не смогли вытеснить из сознания советского человека *идеи божественного*. Об этом, в частности, свидетельствуют ответы на вопрос № 5, введенный лично по инициативе Сталина, переписи населения СССР 1937 г., касающийся отношения к вере. Прогноз советской власти по поводу изживания религиозных предрассудков себя не оправдал, большая часть населения страны – практически 57 % – по-прежнему сохраняла приверженность к той или иной религии [Жиромская, Киселев, Поляков: 96–103]. Вполне возможно, что в том числе и эти показатели явились причиной объявления данных Всесоюзной переписи населения 1937 г. «дефектными», цифры не были опубликованы, а многие организаторы были подвергнуты репрессиям. Лишь на излете советского периода истории, в начале 1990-х гг., сохранившиеся итоги переписи были введены в публичное пространство

и стали важным источником по культуре повседневности эпохи построения социализма.

В 1939–1940 г. к СССР были присоединены регионы Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии, Северной Буковины, в которых сохранялась относительно спокойная церковная жизнь, верующие были организованы в приходы и епархии. Антирелигиозная политика на вновь приобретенных землях могла быть чревата массовыми волнениями, поэтому советское руководство берет инициативу в свои руки и с помощью лояльной церковной структуры в лице РПЦ МП распространяет советский образ жизни на новых подконтрольных ей территориях. Таким образом, как пишет историк С.В. Болотов, «предвоенные годы стали временем, когда власть впервые по своей инициативе, а не в качестве реакции на международное давление решила получить прямую выгоду, используя православную веру как внешнеполитический инструмент» [Болотов: 46]. Этот опыт, заметим, оказался весьма успешным, и в дальнейшем церковный институт будет постоянно использоваться советским руководством как фактор, способствующий достижению внешнеполитических целей.

Патриотический вектор служения РПЦ МП был заявлен сразу же после нападения фашистской Германии на СССР, что находит свое отражение в «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» местоблюстителя патриаршего престола, митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского)¹ от 22 июня 1941 г., но разрешенного к оглашению лишь 6 июля, через два дня после выступления Сталина. В Послании владыка проводит параллели переживаемого страной момента с временами «Батгя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона», вспоминает «святых вождей русского народа... Александра Невского, Димитрия Донского», обращается к мифологемам Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Рефрен Послания выдержан в безусловном выполнении православного долга перед Родиной и необратимости победы над врагом: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» [Сергий (Страгородский): Послание].

На первый взгляд, резким диссонансом звучат слова из «Воззвания к пастве» архиепископа Берлинского и Германского Серафима (Лядэ), юрисдикция РПЦЗ, от 22 июня 1941 г.: «Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую

власть, на ее приспешников и единомышленников. Христолюбивый Вождь германского народа призвал свое победоносное войско к новой борьбе, к той борьбе, которой мы давно жаждали – к освященной борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Наконец-то наша вера оправдана!.. Поэтому, как первоиерарх Православной Церкви в Германии, я обращаюсь к вам с призывом. Будьте участниками в новой борьбе, ибо эта борьба и ваша борьба; это – продолжение той борьбы, которая была начата еще в 1917 г., – но увы! – окончилась трагически... Настал последний решительный бой. Да благословит Господь новый ратный подвиг всех антибольшевистских бойцов и даст им на врагов победу и одоление. Аминь!» [РПЦЗ и Гитлер]. Поддержал «освободительный поход» вермахта против СССР в своем «Воззвании к верным сынам России» от 22 июня 1941 г. митрополит Серафим (Лукиянов), управляющий Западноевропейской епархией РПЦЗ: «Да погибнет дьявольская шайка злодеев, распявшая Россию... Да исчезнут с лица земли масонская звезда, серп и молот. Да воссияет на родной Земле и во всей Вселенной Крест Христов... Да здравствует Великая Национальная Россия» [Кострюков: 86]. Архиепископ РПЦЗ в США Виталий (Максименко) в письме президенту Ф. Рузвельту просил не оказывать помощь советскому государству, так как «война поможет русскому народу свергнуть коммунистическое иго и вернуться к нормальной жизни» [Кострюков: 88]. Непримируемую антисоветскую позицию занял архиерей РПЦЗ в Южной Америке архиепископ Феодосий (Самойлович), который считал, что «молитва за советское правительство – “служение сатане”» [Кострюков: 89]. Однако имели место и многочисленные, совсем иные константы в отношении к данному вопросу в среде РПЦЗ. Управляющий приходами РПЦЗ в Болгарии архиепископ Серафим (Соболев)² никогда не служил молебнов о победе Германии, не благословлял русских эмигрантов на вступление в воинские части, формировавшиеся тогда на территории Югославии против СССР, считал греховой саму мысль о военных действиях против соотечественников. Часть иерархов Североамериканской митрополии РПЦЗ, включая архиепископа Сан-Францисского и митрополита всея Америки и Канады Феофила (Пашковского), молилась о победе советского народа. Официальных благословений со стороны РПЦЗ или синодальных определений в поддержку гитлеровской Германии, как справедливо показывает в своей монографии историк А.А. Кострюков, не было [Кострюков: 91]. Высказывания же отдельных иерархов в поддержку Германии являлись их частным мнением, выражая

скорее патологическое неприятие большевизма и желание свергнуть коммунистическую диктатуру, возродив монархическую форму правления.

Следует со всей определенностью констатировать, что идеология нацизма изначально носила антихристианский характер. И никаких иллюзий на сей счет быть не должно. Так, Шкаровский, основываясь на учебных материалах Службы имперской безопасности от 28 марта 1943 г., перечисляет пять главных мировоззренческих врагов национал-социализма: евреи, масонство, марксизм, либерализм и Церковь, причем именно христианская церковь, сакрализация которой восполняется в Священном Писании, вышедшая из иудейской религии, является наиболее опасным противником вследствие отсутствия расовых предубеждений [Шкаровский: Крест и свастика]. Лидеры Третьего рейха, безусловно, не могут называться христианами, несмотря на пройденные таинства крещения и обряды конфирмации. Хорошо известны и антицерковные письма Гимmlера, и враждебное отношение к христианству министра оккупированных территорий СССР Розенберга, и отвержение персонафицированного Бога Борманом, и идеал восстановления культа поклонения германским языческим богам Гитлера, которого скорее следует отождествлять в религиозном контексте с деистом. Зимой 1941–1942 гг. религиозный философ, один из основателей и профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже о. Сергей Булгаков в своей работе «Расизм и христианство» со свойственным ему экзистенциальным и точным анализом глубинных смыслов вскрывает характерные особенности идеологии нацизма: «Это маниакальное самосознание, родившееся из чувства национального унижения, на наших глазах превращается в не менее маниакальное стремление к мировой гегемонии. Во всяком случае вместо Распятого и Его искупительной Крови провозглашен также культ крови, но уже расовой, и знаменем его является нехристианская свастика... нация есть высший критерий и ценность... Излишне даже доказывать, что этот бог крови и эта религия являются нехристианскими... здесь наличествуют все основные элементы антихристианства: безбожие, вытекающее из натурализма, мифа расы и крови с полной посяторонностью религиозного сознания, демонизм национальной гордости (“чести”), отвержение христианской любви с подменой ее, и – первое и последнее – отрицание Библии, как Ветхого (особенно), так и Нового Завета и всего церковного христианства – не только в его исторических повреждениях, но и в его мистической, тайнодейственной силе, с отвержением образа Спасителя нашего и Его учения... расизм в религиозном своем самоопределении представляет собой острейшую форму антихристианства, злее которой вообще не бывало в истории хри-

стианского мира... Она злее прямого воинствующего безбожия французских энциклопедистов, ненависти к святыне марксистов и варварства большевизма, потому что все они противопоставляют христианской вере неверие, пустоту отрицания и насилие гонения, не имея собственного положительного содержания... Это есть не столько гонение... сколько соперничающее антихристианство, “лжецерковь” (получающая кличку “немецкой национальной церкви”). Религия расизма победно заняла место христианского универсализма» [Булгаков]. Поэтому открытие на оккупированных немцами территориях в массовом порядке храмов, возрождение монастырской жизни, деятельность пастырских школ никого не должно вводить в заблуждение. Все это являлось пропагандистским инструментарием, конечной целью которого становилось создание той квазирелигии германской нации, призванной явить миру *германского Христа деудайзированной Церкви*.

В феврале 1943 г. председатель СНК Сталин разрешил РПЦ МП открытие банковского счета, куда вносились деньги, пожертвованные церковным институтом на нужды войны. Таким образом, de facto РПЦ МП получала статус юридического лица. За годы войны общая сумма только денежных взносов, по неполным данным, составила более 300 млн руб., причем без учета драгоценностей, одежды и продовольствия. Особо значимым церковным деянием стала постройка на средства православных верующих колонны из 40 танков Т-34 «Димитрий Донской» и эскадрильи «Александр Невский».

В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. в истории русской церкви состоялось значимое событие, метафорически обозначенное *кремлевская вечеря* – встреча в Кремле руководства страны в лице Сталина, Молотова и правящих на тот момент архиереев – митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Также на этой встрече присутствовал полковник госбезопасности Г.Г. Карпов, ставший первым председателем Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР (позже – при Совете министров СССР) – органа, создание которого было одним из следствий данной встречи. Безусловно, важнейшим в церковном аспекте последствием *кремлевской вечери* стало избрание 8 сентября 1943 г. Архиерейским собором Русской православной церкви патриархом Московским и всея Руси Сергия (Страгородского). Стремительность событий, как это часто происходит в российской истории, заставляет задуматься о некоторых латентных предпосылках данного решения. В определенной степени это стало ответной реакцией на политику германского руководства на оккупированных территориях, использующего религиозный фактор для достижения своих целей. Не менее важным условием восстанов-

ления патриаршества стала активная патриотическая деятельность РПЦ МП с первых дней войны и ее лояльность действующей советской власти. Одним из важнейших факторов изменения государственно-церковных отношений следует признать внешнеполитическую перспективу использования РПЦ МП и конфессиональной политики в целом в контексте международной деятельности СССР. Так, уже 18 сентября в Москву прибыли представители англиканской церкви в составе архиепископа Йоркского С.Ф. Гарбетта, который по своему положению являлся вторым примасом англиканской церкви и состоял членом палаты лордов, и двух капелланов – Ф.Г. Хауса и Г.М. Уаддамса. Позитивная реакция английской делегации на прием в Москве сказалась в определенной степени на благоприятном климате при подготовке Тегеранской конференции 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Внешнеполитический фактор прослеживается и при принятии решения о выборах следующего патриарха, которые должны были состояться после смерти Сергия (Страгородского), последовавшей 15 мая 1944 г. Однако избрание патриархом Московским и всея Руси Алексия (Симанского) состоялось только 2 февраля 1945 г. на Поместном соборе РПЦ МП, а его интронизация прошла 4 февраля. Именно в этот день, напомним, открылась Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав, вторая по счету многосторонняя встреча лидеров трех стран антигитлеровской коалиции, что наводит на определенные размышления. Франклин Рузвельт, президент США, по воспоминаниям современников, был очень религиозным человеком и неизменно интересовался у посла США в СССР Уильяма Гарримана конфессиональными вопросами у союзников.

Таким образом, встреча Сталина и иерархов в 1943 г., несомненно, ознаменовала собой внешний перелом в государственной политике в отношении РПЦ МП. Однако государственный контроль оставался по-прежнему сверхжестким, репрессии против священнослужителей продолжались. Вместе с тем некоторая часть клира, напротив, была освобождена. Так, например, после в общей сложности 11 лет (с перерывами) ссылок и лагерей был возвращен к пастырскому служению святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – врач и архиепископ, святой, работы которого изучают в медицинских университетах, хирург, автор трудов по анестезиологии и гнойной хирургии, доктор медицинских наук, профессор, духовный писатель, доктор богословия, лауреат Сталинской премии I степени за 1946 г. Таковы коллизии судьбы как в жизни одного человека, так и всего церковного института в целом.

Любая война – это, прежде всего, трагедия. Трагедия отдельного человека, семьи, народа, государства. Русское православие в годы Великой Отечественной

войны в лице своих иерархов, клира, мирян выполняло важнейшую, порой не поддающуюся материальному исчислению духовную функцию служения своей пастве, и в этом отношении вклад РПЦ МП в дело Великой Победы, действительно, сложно переоценить.

Примечания

¹ Личность патриаршего местоблюстителя весьма симптоматична и была известна не только в церковных, но и в светских кругах, однако достаточно противоречива вследствие Декларации 1927 г., в которой тогда еще заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) выражал безусловную лояльность РПЦ МП по отношению к советской власти. Родившись в семье священника в г. Арзамасе, окончил там же приходское и духовное училища, затем Нижегородскую духовную семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию, где принял монашество. Вел миссионерскую деятельность в Японии, был настоятелем Посольской церкви в Афинах. Защитил магистерскую диссертацию по богословию. Ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. Председатель знаменитых Религиозно-философских собраний в Петербурге 1901–1903 гг., на которых, безусловно, был не просто свадебным генералом, а, перефразируя современным языком, талантливым и креативным модератором. Архиепископ Финляндский, митрополит Нижегородский, митрополит Московский и Коломенский. С 1943 г. – Патриарх Московский и всея Руси. «Лучшим из русских архиереев», «единственным просвещенным» человеком в церковной иерархии, который «на две головы выше и всей иерархии и всех кутебнических академий», называл архиепископа Сергия в начале XX в. архиепископ Антоний (Храповицкий), который, отметим, сам был лидером ученого монашества, первым претендентом на патриарший престол в 1917 г., первым главой РПЦЗ (см.: Архиепископ Антоний – обер-прокурору Св. Синода П.П. Извольскому. 2.IV.1907. РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 34. Л. 4, 6).

² В 1911–1912 гг. иеромонах Серафим (Соболев) служил инспектором Костромского духовного училища. Будучи архиепископом РПЦЗ, в 1943 г. категорически разошелся во взглядах с главой РПЦЗ митрополитом Анастасием (Грибановским) и отказался участвовать в Венском совещании в октябре того же года, которое единственное за все время войны было разрешено германским руководством для РПЦЗ и приняло решение об антиканоническом акте избрания Патриархом Московским и всея Руси Сергия (Страгородского). 16 июня 1945 г. вместе со своей паствой воссоединился с Московским патриархатом. В 1946 г. принял советское гражданство и получил

паспорт под № 1 советского гражданина в Болгарии, чем, возможно, спас русских эмигрантов от репрессий. 3 февраля 2016 г. святитель Серафим был причислен к лику святых для общецерковного почитания деянием Архиерейского собора Русской православной церкви «единомысленно со Священным Синодом Болгарской Православной Церкви, представленным на настоящем Соборе по благословию Святейшего Патриарха Болгарского Неофита Преосвященными митрополитом Варненским и Великопреславским Иоанном и епископом Знепольским Арсением» (см.: Деяние Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о прославлении в лике святителей архиепископа Богучарского Серафима (Соболева, 1881–1950) 3 февраля 2016 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367229.html> (дата обращения: 15.03.2020)).

Список литературы

Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2011. 315 с.

Булгаков С., прот. Расизм и христианство. URL: http://www.odinblago.ru/rassizm_i_hrist/ (дата обращения: 15.03.2020).

Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 214 с.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: Документы российских архивов: в 2 т. / под ред. Т.В. Волокитиной (отв. ред.) и др.; сост., авт. науч. коммент. Т.В. Волокитина и др.; РАН, Ин-т славяноведения и др. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1: 1944–1948. 887 с.

Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

Каишеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. СПб.: СПбГТУ, 1995. 138 с.

Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

РПЦЗ и Гитлер. Документальные свидетельства. URL: <https://omolenko.com/istoria/roca-and-hitler.htm#frwd2> (дата обращения: 15.03.2020).

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / сост.: О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2009. 779 с.

Сергий (Страгородский), местоблюститель патриаршего престола, митрополит Московский и Коломенский. «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» от 22 июня 1941 года. URL: <https://pravoslavie.ru/35145.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/krest-i-svastika-natsistskaja-germanija-i-pravoslavnaia-tserkov/1_1 (дата обращения: 15.03.2020).

Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Немецкая политика по отношению к Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2002. 528 с.

Шкаровский М.В. Православные Церкви Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны. М.: Издательский дом «Познание». 2019. 608 с.

Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. СПб.: Сатис, 2005. 622 с.

Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 400 с.

Gaede K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, Edition Orthodoxe, 1985, 345 p.

Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2003, 407 p.

References

Bolotov S.V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i mezh-dunarodnaia politika SSSR v 1930–1950-e gody* [The Russian Orthodox Church and the international politics of the USSR in the 1930–1950]. Moscow, Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia, Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii Publ., 2011, 315 p. (In Russ.)

Bulgakov S., prot. *Rasizm i khristianstvo* [Racism and Christianity]. URL: http://www.odinblago.ru/rassizm_i_hrist/ (access date: 15.03.2020). (In Russ.)

Vasil'eva O.Iu. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943–1948]. Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN Publ., 2001, 214 p. (In Russ.)

Vlast' i tserkov' v Vostochnoi Evrope. 1944–1953 gg.: Dokumenty rossiiskikh arkhivov: v 2 t. [Power and church in Eastern Europe. 1944–1953 Documents of the Russian archives]: in 2 vols.; ed. by T.V. Volokitin et al.; comp., ed. scientific commentary T.V. Volokitina et al.; RAS, Institute of Slavic Studies, etc. Moscow,

ROSSPEN Publ., 2009, vol. 1: 1944–1948, 887 p. (In Russ.).

Zhiromskaia V.B., Kiselev I.N., Poliakov Iu.A. *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoiuznaia perepis' naseleeniia 1937 goda* [Half a century under the heading "secret": the All-Union Population Census of 1937]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).

Kashevarov A.N. *Gosudarstvo i tserkov': Iz istorii vzaimootnoshenii Sovetskoi vlasti i Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 1917–1945 gg.* [The State and the Church: From the History of the Relationship between the Soviet Government and the Russian Orthodox Church, 1917–1945]. St. Petersburg, SPbGTU Publ., 1995, 138 p. (In Russ.).

Kostiukov A.A. *Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1964 gg.: Administrativnoe ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v Otechestve* [Russian Church Abroad in 1939–1964: Administrative structure and relations with the Church in the Fatherland]. Moscow, Izd-vo PSTGU Publ., 2015, 488 p. (In Russ.).

Pospelovskii D.V. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 511 p. (In Russ.).

RPTsZ i Gitler. *Dokumental'nye svidetel'stva* [ROCOR and Hitler. Documentary evidence]. URL: <https://omolenko.com/istoria/roca-and-hitler.htm#frwd2> (access date: 15.03.2020). (In Russ.).

Russkaia pravoslavnaia tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov [Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945: Collection of documents], comp.: O.Yu. Vasilieva, I.I. Kudryavtsev, L.A. Lykova]. Moscow, Izd-vo Krutitskogo podvor'ia; Obshchestvo liubiteli tserkovnoi istorii Publ., 2009, 779 p. (In Russ.).

Sergii (Stragorodskii), mestobliustitel' patriarshego prestola, mitropolit Moskovskii i Kolomenskii. "Poslanie pastyriam i pasomym Khristovoi Pravoslavnoi Tserkvi" ot 22 iyunia 1941 goda [Sergius (Stragorodsky), locum tenens of the patriarchal throne, Metropolitan of Moscow and Kolomna. "Message to the shepherds and

flocks of Christ's Orthodox Church" of June 22, 1941]. URL: <https://pravoslavie.ru/35145.html> (access date: 15.03.2020). (In Russ.).

Shkarovskii M.V. *Krest i svastika. Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov'* [Cross and swastika. Nazi Germany and the Orthodox Church]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/krest-i-svastika-natsistskaja-germanija-i-pravoslavnaia-tserkov/1_1 (access date: 15.03.2020). (In Russ.).

Shkarovskii M.V. *Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov'. Nemetskaia politika po otnosheniiu k Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Nazi Germany and the Orthodox Church. German policy towards the Orthodox Church and religious revival in the occupied territory of the USSR]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee podvor'e Publ., 2002, 528 p. (In Russ.).

Shkarovskii M.V. *Pravoslavnye Tserkvi Iugo-Vostochnoi Evropy v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Orthodox Churches of Southeast Europe during the Second World War]. Moscow, Poznanie Publ., 2019, 608 p. (In Russ.).

Shkarovskii M.V. *Tserkov' zovet k zashchite Rodiny. Religioznaia zhizn' Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945* [The church is calling for the defense of the motherland. Religious life of Leningrad and the North-West during the Great Patriotic War, 1941–1945]. St. Petersburg, Satis Publ., 2005, 622 p. (In Russ.).

Iakunin V.N. *Polozhenie i deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The situation and activities of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2001, 400 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 23.09.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939–1941)

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Сафолов Диловар Санварович, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ger.Safokl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6674-4091>

Аннотация. Данная статья посвящена организации работы текстильных предприятий на территории Ивановской области в предвоенный период. Она осуществлялась через правовые решения советского правительства и Наркомата текстильной промышленности СССР. Однако их реализация была основана не на освоении новых капиталовложений на его предприятиях, а на отраслевом поиске внутренних резервов, которые бы способствовали увеличению производства гражданской продукции и разнообразию ее ассортимента. В области производства они охватывали увеличение норм выработки, усиление производительности труда и оптимизацию технологических процессов. Применительно к трудовым коллективам были направлены на борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, выпуском брачной продукции, а также на формирование бережного отношения к государственному имуществу. В конечном итоге эти меры должны были способствовать увеличению доходной части государственного бюджета. В целом данные меры содействовали укреплению текстильного производства в Ивановской области, выполнению плановых заданий. Однако его дальнейшее развитие сдерживалось комплексом различных проблем, и прежде всего недостатком современного оборудования, изготовление которого еще только осваивалось машиностроительными заводами страны. В условиях надвигающейся военной угрозы наличие этих проблем становилось все очевиднее.

Ключевые слова: Наркомат текстильной промышленности, Ивановская область, хлопчатобумажные предприятия, правовые решения, гражданская продукция, ассортимент, нормы выработки, трудовая дисциплина, налоговые платежи, государственный бюджет, чрезвычайные обстоятельства, мобилизационные планы.

Для цитирования: Околотин В.С., Сафолов Д.С. Организация работы текстильных предприятий Ивановской области в предвоенный период (1939–1941) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 49–55. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-49-55>

Research Article

THE TEXTILE INDUSTRY ENTERPRISES WORK ORGANISATION IN IVANOV REGION IN THE PRE-WAR PERIOD (1939–1941)

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Dilovar S. Safolov, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ger.Safokl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6674-4091>

Abstract. This article is devoted to the organisation of work of textile enterprises in the territory of Ivanovo Region in the pre-war period. It was carried out through the legal decisions of the Soviet government and the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR. However, their implementation was based on the sectoral search for domestic reserves rather than on the development of new investments in the enterprises; that would contribute to an increase in the production of civilian products and a variety of its assortment. In the field of production, they covered an increase in production standards, increased productivity and optimisation of technological processes. In relation to labour collectives, they were aimed at combating violators of labour discipline, the release of defective products, as well as on the formation of a careful attitude towards state property. Ultimately, those measures had to contribute to an increase in the revenue part of the state budget. In general, these measures contributed to strengthening textile production in Ivanovo Region, the implementation of planned tasks. However, its further development was restrained by a complex of various problems and, above all, by disadvantage of that time's equipment, the manufacture of which was still mastered by engineering plants of the country. In the conditions of an impending military threat, the presence of the said problems had become increasingly more clear.

Keywords: USSR Textile Industry People's Commissariat, Ivanovo Region, cotton enterprises, legal decisions, civil products, assortment, developmentals, labour discipline, tax payments, state budget, emergency circumstances, mobilisation plans.

For citation: Okolotin V.S., Safolov D.S. The textile industry enterprises work organisation in Ivanovo Region in the pre-war period (1939–1941). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 49–55 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-49-55>

Постановка проблемы и историография

Тема организации работы предприятий текстильной промышленности Ивановской области в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны, не нашла отражения в отечественной и региональной историографии и лишь фрагментарно освещена в труде М.В. Котопова, А.А. Котова и С.И. Сметанина «История отечественной текстильной промышленности». Она же представляет научный интерес, поскольку именно на текстильные предприятия Ивановской области в первые годы Великой Отечественной войны выпала основная задача по снабжению фронта и тыла военной и гражданской продукцией. В этой связи для ее изучения авторы обратились к центральной периодической печати и ежемесячному журналу Наркомата текстильной промышленности СССР (далее НКТ СССР) «Текстильная промышленность». Он стал издаваться с 1941 г., и в нем наряду с общетехническими материалами публиковались статьи руководителей НКТ СССР, его подразделений и ряда текстильных предприятий с данными о текстильной промышленности в Ивановской области. В их числе: А.Н. Косыгин, И.Н. Акимов, Г.И. Нечетный, И.И. Двойченко, В.В. Герасимов и другие, чьи материалы еще не использовались в региональной историографии. Совокупность изученных материалов и позволила сформировать общее представление об организации работы текстильных предприятий в Ивановской области в предвоенный период (в границах до августа 1944 г.).

Итак, 2 января 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР (далее ВС СССР) издал указ «О разделении Народного комиссариата легкой промышленности СССР». В результате были образованы два наркомата: НКТ и Наркомат легкой промышленности СССР. В состав НКТ СССР вошли: предприятия хлопчатобумажной, шерстяной, льняной, пенькоджутовой, шелковой, искусственного шелка и ватной отраслей промышленности; предприятия первичной переработки хлопка, льна, новолубяных культур, котонина и шерстомойки; предприятия по производству подсобных материалов и деталей для текстильной промышленности. В тот же день указом Президиума ВС СССР народным комиссаром НКТ был назначен А.Н. Косыгин¹. Через год НКТ СССР возглавил И.Н. Акимов, который был назначен на эту должность указом Президиума ВС СССР от 17 апреля 1940 г.² В структуру наркомата вошли 16 отраслей

текстильной промышленности [Акимов: 2]. В общем выпуске продукции советского народного хозяйства доля текстильной промышленности превышала 10 %, а в производстве предметов широкого потребления ей принадлежало одно из ведущих мест в стране. На ее предприятиях трудились свыше миллиона рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Еще большее количество людей было занято производством для нее сырья – в сельском хозяйстве, а также машин, различных материалов, топлива, электроэнергии в индустрии. Продукция текстильной промышленности – ткани, нитки, пряжа, технические изделия – потреблялась многими отраслями народного хозяйства СССР. Текстиль применялся во всех изделиях резиновой промышленности, в производстве автомобилей, в электротехнике, в обувной промышленности и т. д. Развитие воздушного транспорта, а особенно парашютизма, потребовало выработки специальных парашютных тканей. Ответственной задачей текстильщиков стало снабжение тканями Красной армии, Военно-воздушного и Военно-морского флотов. Текстильная промышленность обслуживала своей продукцией большинство отраслей народного хозяйства СССР. Его потребности в техническом текстиле и требования к нему повышались с каждым годом [Нечетный: 7].

Разумеется, охватить все направления деятельности НКТ СССР в рамках одной статьи крайне затруднительно, поэтому основное внимание было уделено организации работы ивановских предприятий хлопчатобумажной промышленности. Они были закреплены за тремя главными управлениями (1-й, 2-й и 3-й Главивхлоппромы), которые подчинялись НКТ СССР и в структуре главков наркомата следовали за 1-м и 2-м московскими главками хлопчатобумажной промышленности. В этой связи периодическая печать постоянно уделяла ивановским главкам внимание при освещении различных производственных процессов в текстильной промышленности.

Организация производства

Практически сразу после образования НКТ СССР ивановские текстильщики обратились ко всем текстильщикам Советского Союза с призывом дать стране «Больше ситца, сатина, льняных и других тканей». Говоря о себе, они сообщили, что «хлопчатобумажники Ивановской области получили задание выпустить 1 708 972 тыс. метров товара» и что, не ограничившись этим, берут обязательство в 1939 г. «выпустить 1 743 151 тыс. метров хлопчатобумажных тканей».

Призвав всех текстильщиков последовать их примеру, свое обращение ивановцы завершили словами: «Товарищи текстильщики! На нас возложена почетная обязанность хорошо одевать трудящихся нашей родины. Будем же трудиться так, чтобы каждый рабочий, каждый колхозник, чтобы сам товарищ Сталин мог похвалить нас за нашу работу»³.

7 апреля 1939 г. указом Президиума ВС СССР «О награждении работников текстильной промышленности» «за перевыполнение плана, за проявленные образцы стахановской работы на предприятиях текстильной промышленности» большая группа текстильщиков была награждена орденами и медалями. Среди них – 91 человек из Ивановской области. О значимости текстильно-промышленного комплекса региона в советском народном хозяйстве свидетельствует тот факт, что из 43 текстильщиков страны, награжденных орденом Ленина, было 10 ивановцев⁴.

Воодушевленные наградами и благодаря призыву стахановцев Ивановской области, текстильщики страны выполнили программу девяти месяцев 1939 г. на 100,6 %. Это, по утверждению А.Н. Косыгина, свидетельствовало о том, что «текстильщики начинают бросать старые и плохие привычки – не выполнять плана» и «постепенно становятся в ряды тех, кто умеет бороться за его выполнение». Вместе с тем, продолжал он, «возможности повышения материального уровня неисчерпаемы и потребности населения в тканях в полной мере еще не удовлетворены» [Косыгин]. Несмотря на эти достижения, многие проблемы, стоявшие перед текстильной промышленностью, не могли быть разрешены в течение ближайшего времени.

Так, по словам И.Н. Акимова – нового наркома текстильной промышленности – из 16 отраслей НКТ СССР план 1940 г. выполнили лишь 8 отраслей, в том числе и хлопчатобумажная. Но и в ней не все было благополучно. Из 221 предприятия хлопчатобумажной промышленности план 1940 г. выполнили лишь 109. В числе передовиков им был назван 1-й Главивхлопром [Акимов: 2]. В то же время, говорил он, выполнив план по валовой продукции в целом, многие предприятия наркомата не выполнили его по ряду важных видов показателей. Так, 2-й Главивхлопром план по пестротканой группе тканей выполнил на 25,5 %, по мерсеризованным тканям – на 49,0 %, по гребенным – на 60 %, по тканям прочного и особо прочного крашения – на 88 % [Выполнять: 2]. Назвал И.Н. Акимов и ряд недостатков в прядении. В частности, на Кинешемской фабрике № 2 были обнаружены неравномерная смеска хлопка, большая неровнота трепальных холстов, отсутствие регулярной чистки оборудования, неудовлетворительное состояние чесального оборудования [Акимов: 3]. Обратил он внимание на развитие стахановского дви-

жения в текстильной промышленности, где широко применялось многостаночное обслуживание, и отдельные рабочие основных профессий добились мировых рекордов. Среди них ткачихи Вичугской фабрики им. Ногина Е.И. Подсобляева, В.М. Сандалова, Л.И. Большакова, которые на бывшем участке Виноградовых обслуживали 284 автомата при типовой норме 105 станков. Ткачиха А.А. Цыбина на меланжевом комбинате «Большевик» обслуживала 216 станков при типовой норме 105 станков. Ватерщица К.П. Петрова на фабрике им. Лакина при типовой норме в 1 220 обслуживала 2 400 веретен. Развертывание стахановского движения, по словам И.Н. Акимова, привело к тому, что ряд предприятий и производств наркомата, в том числе Ивановский меланжевый комбинат, добились 100 % выполнения норм выработки основными рабочими. Наметил он и ориентиры в производственной и хозяйственной жизни текстильной промышленности. Это полное использование рабочего дня, борьба за интенсивный труд, за экономию сырья, материалов, топлива, энергии, борьба за четкий боевой аппарат, за полное освоение капитальных вложений и жесткий режим экономии [Акимов: 5].

Однако в выступлениях других хозяйственных руководителей содержались критические оценки работы текстильной промышленности, в том числе предприятий Ивановской области. Выступая на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б), зам. председателя СНК СССР А.Н. Косыгин заявил, что главки хлопчатобумажной промышленности не справились с выполнением плана по производительности оборудования. По его словам, «нельзя дальше терпеть такого положения, когда на целом ряде ткацких фабрик («Шуйский пролетарий», им. К. Либкнехта, «Красный Дуляпинец») процент ткачей, выполняющих нормы выработки, в 1940 г. был ниже на 40, а в некоторых прядильных фабриках лишь около половины ватерщиц выполняло нормы выработки (Тейковская – 40 %, Шуйская – 57 %, Комавангард – 58,8 %)). В то же время, по его словам, примером хорошей работы являлась фабрика: им. Лакина, Ивановский меланжевый комбинат, где все рабочие-сдельщики выполняли нормы выработки, а на Ново-Ивановской мануфактуре пятилетка по производительности труда была выполнена за 2,5 года [Выполнять: 2].

Кроме невыполнения норм выработки главками был сорван план по ассортименту. Так, 1-й Главивхлопром, выполнив план по метражу на 100 %, недовыполнил его по ценным тканям на 295 млн метров. В частности, по ситцевой ткани выполнение плана составило 89,9 % и одежной – 94,9 %. Полностью был сорван выпуск по платочной группе (план 710 тыс. м, выпуск – 35 тыс. м). В целом фабрики 1-го главка по сортности за 1940 г. не превысили объем продукции 1939 г.

2. Главивхлоппром выполнил план только на 86,6 %, а по рыночным тканям – на 85,9 %. В пестротканевой группе план выполнен на 25,5 %, по мебельно-тиковой – на 64,0 %, по платочной – на 64,1 %, по подкладочной – на 60,5 %, по ситцевой – на 78,7 %, по сатиновой – на 80,6 %, по мерсерированным тканям – на 49 %, по гребенным – на 60 %, по крученым – на 69 %, по тканям прочного и особо прочного крашения – на 88,8 %. В результате этот главк недодал 40 млн м сатинов, около 6 млн м ситца и 10 млн м медаполама. Зато по суровой группе фабрики этого главка выпустили тканей больше плана на 30 млн м, а по всей малоценной группе дали 129,6 % плана и лоскута – 11 млн м.

Такое же положение сложилось в 3-м Главивхлоппроме. План по метражу он выполнил на 85,7 %, а по рыночным тканям – на 83,4 %. По сатиновой группе выполнение плана составило 62 %, по плательной – 63 %, по одежной – 93,5 %, по бельевой – 70,8 % и по мерсерированной – только 15 %. Главк не додал 4 млн м ткани колумбии меланж (арт. 407). В целом фабрики этого главка выпустили малоценной продукции на 11 % выше плана, лоскута – почти на 9 млн м и суровых тканей – на 15 млн м [Двойченко: 19]. На фоне такой работы предприятий 3-го главка хорошие результаты показывал Меланжевый комбинат

им. Фролова. Годовой план он выполнил на 106,4 % с равномерным его исполнением по артикулам. Так, выпуск трико костюмного пестротканого (арт. 428) составил 109,3 %, трико-диагональ (арт. 444) – 106,6 %, сукна меланжевого (арт. 463) – 104,2 %. Все рабочие этого комбината выполняли нормы выработки.

Плохо работала в 1940 г. Красноволжская фабрика (г. Кинешма) 3-го главка, которая выпускала исключительно бельевые ткани. Годовой план фабрика выполнила всего лишь на 78,1 %, причем по бязи отбельной (арт. 40) – 57,4 %, по полотну колхозному (арт. 55) – 59,5 %, по гринсбону отбельному (арт. 104) – 65,2 % и т. д. В результате рынок недополучил десятки миллионов дефицитных бельевых тканей [Двойченко: 19].

В этой связи в действиях всех трех главков по выполнению норм выработки, сортности, накоплениям и платежам в бюджет скрывались колоссальные резервы – как для формирования доходной части государственного бюджета, так и для обеспечения населения товарами гражданского назначения. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблицах 1–3.

В целом по налогу с оборота вся текстильная промышленность не выполнила план на 739 млн руб. Поскольку ее доля в формировании государственного бюджета по налоговым платежам составляла 10 %,

Таблица 1

Выполнение норм выработки по главкам НКТ СССР в Ивановской области (см.: [Герасимов 1941б: 4])

Наименование главных управлений	Год	Процент выполнения норм		Год	Процент выполнения норм	
		ткачи	ватерщицы		ткачи	ватерщицы
1-й Главивхлоппром	1939	57,0	67,0	1940	71,4	79,5
2-й Главивхлоппром	1939	45,8	72,3	1940	69,9	80,9
3-й Главивхлоппром	1939	58,1	75,8	1940	69,6	86,4

Таблица 2

Потери по сортности гражданской продукции для государственного бюджета (в млн руб.) (см.: [Герасимов 1941б: 5])

Наименования главных управлений	Потери по сортности		
	За 1939 год	За 1940 год	В том числе сверхплановые
1-й Главивхлоппром	5,1	4,8	2,8
2-й Главивхлоппром	10,6	8,7	2,9
3-й Главивхлоппром	8,2	7,7	4,1

Таблица 3

Выполнение плана по накоплениям и платежам в государственный бюджет (в %) (см.: [Герасимов 1941б: 5])

Наименование главных управлений	Фактические	Фактические платежи в бюджет
1-й Главивхлоппром	95,5	86,5
2-й Главивхлоппром	83,6	85,0
3-й Главивхлоппром	71,6	73,8

Таблица 4

План роста накоплений и отчислений от прибыли в 1941 г. к факту 1940 г. (в %) (см.: [Герасимов 1941б: 6])

Наименования главных управлений	Накопления	Отчисления от прибылей
1-й Главивхлоппром	134,6	131,5
2-й Главивхлоппром	142,1	145,9
3-й Главивхлоппром	162,1	162,9

то такое невыполнение налоговых обязательств было ощутимо для государственного бюджета.

В итоге перед хлопчатобумажной промышленностью НКТ СССР на 1941 г. была поставлена задача не только обеспечить выполнение норм выработки максимальным количеством рабочих, но и реализовать план по выпуску как в количестве, так и в ассортименте. Необходимо было добиться улучшения оформления тканей и прочности их окраски. Предприятиям наркомата предстояло увеличить производство одежных тканей на 65 млн м бельевых и бязевых – на 50 млн м, пестротканых материалов «туальденор» и «патриотик» – на 10 млн м, прежде всего за счет снижения выработки ситцевой, подкладочной, летней и суровой групп текстильной продукции [Двойченко: 19]. В результате значительно возросло поступление налоговых платежей в виде налога с оборота и отчислений от прибылей в государственный бюджет. О плане роста отчислений от прибылей в 1941 г. по сравнению с 1940 г. по ивановским главкам свидетельствует таблица 4.

Поэтому неудивительно, что со страниц периодически стал все отчетливее звучать призыв: «Взять от оборудования все, что оно может дать». Требовалось повысить его производительность. Однако выполнение этой задачи было сопряжено с целым комплексом проблем. Среди них были названы скорость работы оборудования и размеры обрывности. При этом важно обратить внимание современного читателя на то, что в предвоенные годы один электрический мотор приводил в действие 30 станков. В результате из 5 фабрик 1-го главка (III Интернационал, Коммунистический авангард, им. Лакина, им. Абельмана, им. Свердлова) по сравнению с 1939 г. только «Коммунистический авангард» смог улучшить коэффициент полезного использования оборудования. Даже лучшие фабрики не смогли довести скорости оборудования до величин, предусмотренных нормами. В этой связи перед инженерно-техническими работниками ткацких предприятий была поставлена задача взять в центр внимания каждый станок, выполнять план «ежедневно в каждом цехе, в каждой бригаде, на каждом станке, в каждой смене». Ее выполнение виделось через правильный подбор состава помощников мастера, наделение их всеми правами бригадира, инструктора и ремонтновщика [Хавин: 6–8].

Другая не менее сложная проблема была связана с обеспечением предприятий топливом. В 1940 г. многие фабрики и заводы текстильной промышленности простаивали из-за недостатка топлива и электроэнергии. Решение этой задачи для фабрично-заводского производственного комплекса Ивановской области виделось в усилении разработок местных торфяных месторождений. Однако план заготовки этого вида топлива и его доставка к местам потребления по самым различным причинам постоянно срывался. Причем это касалось предприятий всех трех ивановских текстильных главков. Из-за высокой трудоемкости его добычи, сложности доставки и низкой калорийности руководители предприятий предпочитали засыпать НКТ СССР заявками на привозное топливо [Иезуитов: 20–22].

Укрепление производственной дисциплины

Дисциплинирующее воздействие на трудовые коллективы предприятий текстильной отрасли промышленности оказали совместное постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г., а также указы Президиума ВС СССР от 26 июня и 10 июля 1940 г. Постановление от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» было первым шагом в направлении укрепления трудовой дисциплины на предприятиях страны, в том числе на фабриках и заводах НКТ СССР в Ивановской области. В нем подчеркивалось, что даже «малейшее нарушение установленной продолжительности рабочего дня есть нарушение закона» и «влечет за собой подрыв хозяйственной и оборонной мощи советского государства и благосостояния народа»⁵.

Реализация указа от 26 июня 1940 г. «О переходе на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»⁶ помогла значительно улучшить обстановку на предприятиях и увеличить общий фонд рабочего времени. Создание на производстве железной трудовой дисциплины, связанной с запрещением самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений способствовало сохранению на них квалифицированной рабочей силы. Для нарушителей предусматривались различные меры нака-

зания вплоть до тюремного заключения на несколько месяцев. При этом работник мог уволиться только с разрешения руководителя предприятия и на основании ограниченного круга оснований. Для мужчин это были: потеря трудоспособности, учеба в вузе или армейская служба. Важно отметить, что в тот же день СНК СССР принял постановление «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8 часовой рабочий день»⁷, практическая реализация которого уже нашла отражение в данной статье.

Указ от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и за нарушение обязательных стандартов»⁸ своим действием был направлен на улучшение качества продукции, выпускаемой предприятиями, и нацелил на тщательное внимание инженерно-технических работников к вопросам технологии и производственной культуры. Система бракеража, технология, ассортимент – все это стало подвергаться коренному пересмотру. Резко выросли требования самих фабрик к качеству своей продукции. Так, на меланжевом комбинате в Иванове работники ОТК вместе с начальниками цехов ежедневно обходили машины и станки, осматривали их, выявляли недостатки, которые оперативно устраняли. Нередко брак на предприятиях возникал по причинам отсутствия элементарного порядка и чистоты. Так, на Красновожской фабрике в сортировочном отделе в кипоразбиватель попадала грязная подметь, что приводило к появлению в готовой ткани масляных нитей и т. д. Одним из самых уязвимых мест в производстве хлопчатобумажных предприятий были перебои со снабжением красителями и их неудовлетворительное качество. Несмотря на признание этой проблемы, ситуация в 1941 г. не изменилась. Фонды снабжения промышленности красителями и химикатами, их ограниченный ассортимент и некомплектность по-прежнему не способствовали увеличению выпуска мерсеризованных тканей. Для ее решения на химическом заводе им. Батурина было принято решение значительно увеличить производство сернистого натрия, намечено организовать производство гидросульфита [Стеценко: 25]. Достижение стандартов в выпуске продукции лимитировалось недостатком современного оборудования, которое только осваивалось советским текстильным машиностроением. Несмотря на принимаемые меры, утверждалось на страницах журнала «Текстильная промышленность», даже к маю 1941 г. на текстильных предприятиях не удалось добиться серьезного сокращения брака, он по-прежнему был велик, что приводило к неоправданным убыткам для государства [Овладеть: 1].

Указ Президиума ВС СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сто-

рону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» тоже оказал мощное воздействие на работу текстильных предприятий. Указанные в названии указа действия признавались преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности, а лица, совершившие эти деяния, должны были предаваться суду и по его приговору подвергаться тюремному заключению от 2 до 5 лет. Совершение данных действий не было редкостью в рассматриваемый период. К числу нарушителей были отнесены и предприятия Ивановской области. Так, на фабрике «Красный Профинтерн» 1-го Главивхлоппрома имели место факты реализации 54 т пряжи без нарядов главка [Герасимов 1941а: 3]. На фабрике «Красная Талка» 2-го Главивхлоппрома было произведено списание на производство опойка и байки на сумму около 31 тыс. руб. в целях сокрытия наличия сверхнормативных запасов. Она также допускала отпуск без разрешения вышестоящих организаций готового товара, весового лоскута, технических тканей. Был обнаружен даже факт беспланового содержания восьми ткацких станков под видом экспериментальной мастерской. Руководством главка эти нарушения были устранены и виновные наказаны [Герасимов 1941а: 4]. К другим нарушениям было отнесено списание долгов безнадежных и по истечению сроков исковой давности. Убытки от таких действий по 2-му главку составили 0,5 млн руб. [Герасимов 1941а: 6]

В целом преодоление указанных проблем, говорилось на страницах журнала «Текстильная промышленность», было направлено на дальнейшее умножение источников накопления, ускорение производственных темпов и насыщение торговли товарами гражданского назначения. Обуславливалось оно также капиталистическим окружением, требовавшим постоянного внимания к усилению обороноспособности советского государства, и необходимостью перегнать ведущие зарубежные страны в экономическом отношении.

Таким образом, советское государство уделяло пристальное внимание развитию текстильной промышленности. Однако в отличие от тяжелой индустрии оно не сопровождалось капиталовложениями в ее производственную инфраструктуру. Напротив, основные усилия были направлены на поиск внутренних резервов и их максимальное использование в целях увеличения выпуска гражданской продукции. Об этом свидетельствуют не только награждение текстильщиков государственными наградами и развитие массового социалистического соревнования, но и действия, направленные на увеличение норм выработки для текстильщиков, усиление производственной дисциплины и борьбу за качество продукции. Большое внимание уделялось пресечению

противозаконных действий руководства предприятий при обращении с вверенным им государственным имуществом не только в Ивановской области, но и в других регионах. И все же эти вполне обоснованные действия не могли заслонить назревшую необходимость производственного переоснащения текстильной промышленности. Тем не менее и в этих условиях трудовые коллективы текстильных предприятий Ивановской области проявляли примеры трудового героизма и настойчиво стремились к выполнению государственных заданий.

Примечания

- ¹ Известия. 1939. 4 января.
- ² Известия. 1939. 17 апреля.
- ³ Известия. 1939. 10 января.
- ⁴ Известия. 1939. 8 апреля.
- ⁵ Известия. 1939. 1 января.
- ⁶ Известия. 1940. 27 июня.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Известия. 1940. 13 июля.

Список литературы

Акимов И.Н. За дальнейший подъем текстильной промышленности // Текстильная промышленность. 1941. № 1. С. 2–5.

Выполнять план ежедневно и по всем показателям // Текстильная промышленность. 1941. № 2. С. 2–3.

Герасимов В.В. Об учете и сохранности социалистического имущества // Текстильная промышленность. 1941а. № 4. С. 3–8.

Герасимов В.В. Внутрипромышленные накопления, резервы и их использование // Текстильная промышленность. 1941б. № 5. С. 4–6.

Двойченко И.И. Выполнение плана текстильной промышленностью в ассортименте в 1940 г. // Текстильная промышленность. 1941. № 2. С. 19–21.

Иезуитов А.М. Образцово использовать местные топливные ресурсы // Текстильная промышленность. 1941. № 3. С. 20–22.

История отечественной текстильной промышленности / М.В. Конотопов, А.А. Котова, С.И. Сметанин, С.И. Сметанина. М.: Легпромбытиздат, 1992. 416 с.

Нечетный Г.И. Текстильная промышленность в системе народного хозяйства СССР // Текстильная промышленность. 1941. № 1. С. 7–9.

Овладеть экономикой производства // Текстильная промышленность. 1941. № 5. С. 1–2.

Стеценко В.Е., Ульянов В.Ф. Перспективы и задачи снабжения текстильной промышленности на 1941 г. // Текстильная промышленность. 1941. № 2. С. 25–26.

Хавин А.Ф. Взять от оборудования все, что оно может дать // Текстильная промышленность. 1941. № 4. С. 6–8.

References

Akimov I.N. *Za dal'neishii pod'em tekstil'noi promyshlennosti* [For the further rise of the textile industry]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 1, pp. 2-5. (In Russ.)

Vypolniat' plan kazhdodnevno i po vsem pokazateliam [Execute the plan every day and according to all indicators]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 2, p. 2-3. (In Russ.)

Gerasimov V.V. *Ob uchete i sokhrannosti sotsialisticheskogo imushchestva* [On the accounting and preservation of socialist property]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 4, pp. 3-8. (In Russ.)

Gerasimov V.V. *Vnutripromyshlennye nakopleniia, rezervy i ikh ispol'zovanie* [Textile industry]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Intra-industrial accumulations, reserves and their use], 1941, № 5, pp. 4–6. (In Russ.)

Dvoichenko I.I. *Vypolnenie plana tekstil'noi promyshlennost'iu v assortimente v 1940 g.* [Implementation of the plan by the textile industry in the assortment in 1940]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 2, pp. 19–21. (In Russ.)

Jesuitov A.M. *Obraztsovo ispol'zovat' mestnye toplivnye resursy* [Exemplary use of local fuel resources]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Exemplary use of local fuel resources, Textile industry], 1941, № 3, pp. 20-22. (In Russ.)

Istoriia otechestvennoi tekstil'noi promyshlennosti [History of the domestic textile industry], M.V. Konotopov, A.A. Kotova, S.I. Smetanin, S.I. Smetanina. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1992, 416 p. (In Russ.)

Nechetny G.I. *Tekstil'naia promyshlennost' v sisteme narodnogo khoziaistva SSSR* [Textile industry in the system of the national economy of the USSR]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 1, pp. 7-9. (In Russ.)

Ovladet' ekonomikoi proizvodstva [Master the economics of production]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 5, pp. 1-2. (In Russ.)

Stetsenko V.E., Ulyanov V.F. *Perspektivy i zadachi snabzheniia tekstil'noi promyshlennosti na 1941 g.* [Prospects and tasks of textile industry supply for 1941] *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 2, pp. 25-26. (In Russ.)

Khavin A.F. *Vziat' ot oborudovaniia vse, chto ono mozhет dat'* [Take everything from the equipment that it can give]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, № 4, pp. 6-8. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 22.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 22.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВЫХ ЦЕХОВ НА ОБОРОННЫХ ЗАВОДАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 Г.

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Данная статья посвящена деятельности оборонных предприятий: № 2 (г. Ковров), «Автоприбор» и завода № 521 (г. Владимир), расширению их производственных площадей с целью увеличения выпуска новых станковых пулеметов и взрывателей к противотанково-кумулятивным авиабомбам для действующей армии. До августа 1944 г. Ковров и Владимир административно входили в состав Ивановской области, поэтому решения Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров СССР относительно данных объектов сопровождались принятием Ивановским обкомом ВКП(б) и исполкомом областного совета депутатов трудящихся соответствующих постановлений организационно-распорядительного характера. Для их выполнения изыскивались любые возможности, снималось с предприятий действующее оборудование, сдвигались сроки его поставки на другие оборонные заводы, в том числе и ввозимого по импорту. Задания Государственного комитета обороны различным наркоматам по техническому оснащению новых цехов носили обязательный характер и сопровождались фразами «в первоочередном порядке» с требованием безусловного выполнения. В региональной историографии эти постановления не освещались. В этой связи введение в научный оборот постановлений Государственного комитета обороны и части решений Ивановского обкома ВКП(б) позволяет преодолеть существующую пробелы в региональном историческом знании и в истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Государственный комитет обороны, Ивановская область, оборонные предприятия, постановления, строительство цехов, оборудование, вооружение, боеприпасы.

Для цитирования: Околотин В.С. Строительство новых цехов на оборонных заводах в Ивановской области в 1943 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 56–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-56-62>

Research Article

CONSTRUCTION OF NEW WORKSHOPS ON DEFENCE PLANTS OF IVANOV REGION IN 1943

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article is devoted to the activities of defence enterprises No. 2 (town of Kovrov), “Avtopribor” (automobile devices) and Plant No. 521 (town of Vladimir), expanding their production areas in order to increase the production of new machine guns and fuses to anti-tank-cumulative aerial bombs for the existing army. Until August 1944, Kovrov and Vladimir were administratively part of Ivanovo Region, therefore the decisions of the State Committee of Defence, the Council of People’s Commissars of the USSR regarding these objects were accompanied by the adoption by Ivanovo regional committee of the Communist Party (Bolsheviks) and the Executive Committee of the regional council of deputies of the working relevant decisions of the organisational and administrative nature. For their implementation, any opportunities were sought, the existing equipment was filmed from enterprises, the timing of its delivery to other defence plants, including imported to imports, was shifted. The tasks of the State Defence Committee of various People’s Commissariats on the technical equipment of new workshops were obligatory and accompanied by phrases “first priority” with the requirement of unconditional implementation. In regional historiography, these rulings were not covered. In this regard, the introduction to the scientific turnover of the State Committee of the Defence and Part of the decisions of Ivanovo Regional Committee of the Communist Party (Bolsheviks) allows to overcome existing gaps in regional historical knowledge and in the history of the World War II.

Keywords: Soviet-Axis War, State Defence Committee, Ivanovo Region, defence enterprises, resolutions, building workshops, equipment, weapons, ammunition.

For citation: Okolotin V.S. Construction of new workshops on defence plants of Ivanovo Region in 1943. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 56–62 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-56-62>

В годы Великой Отечественной войны труд военных и гражданских строителей был широко востребован для укрепления экономического потенциала советского государства. Нарком по делам строительства СССР С.З. Гинсбург в своих воспоминаниях отмечал, что в военных условиях были «построены и введены в эксплуатацию тысячи новых цехов и агрегатов на действующих предприятиях, завершено строительство крупнейших металлургических и строительных заводов, энергетических объектов и других промышленных предприятий» [Гинсбург: 118]. Этот процесс охватил и народнохозяйственный комплекс Ивановской области. В целях увеличения выпуска вооружения и боеприпасов постановлениями Государственного комитета обороны (ГКО) на ее территории в 1943 г. развернулось масштабное строительство. Речь идет о возведении производственных цехов на оборонных заводах № 2 (г. Ковров) и «Автоприбор» (г. Владимир), которые до августа 1944 г. административно входили в состав Ивановской области. В региональной историографии данная тема нашла фрагментарное освещение в работах В.В. Бахирева, И.И. Кириллова, О.А. Монаковой, И.Н. Зудина, В.В. Никулина, авторского коллектива завода «Автоприбор» под руководством В.З. Дробижера и др. Особое место в ней занимает сборник архивных документов, изданный к 75-летию Великой Победы, под названием «Владимирский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в который вошли материалы из Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей. Ответственным редактором и составителем сборника стали Н.Д. Максимова и Т.А. Лашманова соответственно. Несмотря на достижение заметных успехов в изучении данной темы, она по-прежнему остается притягательной для анализа. Это связано с тем, что исследователи в силу различных

причин не работали с фондом № 644 ГКО, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). По этой причине они не смогли ввести в научный оборот его постановления, касавшиеся обоснования указанных строительно-технических работ и номенклатуры выпускаемых на заводах боеприпасов. Обращение к ним и позволило автору подготовить данную статью, направленную на преодоление существующих пробелов в региональной историографии и истории Великой Отечественной войны.

Завод № 2 (г. Ковров)

Завод № 2 Наркомата вооружения (НКВ) являлся ведущим предприятием в стране по производству противотанковых ружей, пехотных и танковых пулеметов, а также авиационных пушек. Согласно технико-экономическим показателям среднее число работавших на заводе в 1942 г. составило 22 217 человек, а их средняя зарплата в месяц равнялась 585 рублям (минимальная, 502 руб., в мае и максимальная, 701 руб., в ноябре). Число стахановцев варьировалось от 7 668 человек в январе до 8 688 человек в декабре 1942 г., многостаночников – от 216 до 233. За одиннадцать месяцев 1942 г. (у автора нет данных за май) от работников завода поступило 816 рационализаторских предложений, из которых было внедрено 214. На предприятии действовало конструкторское бюро № 2 под руководством Героя Социалистического Труда В.А. Дегтярева, в котором разрабатывались новые образцы вооружения. Электроэнергией завод снабжался через объединенную диспетчерскую систему, интегрирующую мощности энергокомбинатов трех областей – Ивановской, Горьковской и Ярославской [Околотин: 117].

В 1942 г. завод произвел следующие виды и объемы вооружения (см. табл. 1), которые определены автором на основании анализа сведений, представ-

Таблица 1

Виды и количество вооружения, произведенного на заводе № 2 в 1942 году [Околотин: 146]

п/п	Наименование изделий	Общее количество (в штуках)
1	Пулемет Дегтярева пехотный (ДП)	117 358
2	Пулемет Дегтярева танковый (ДТ)	56 059
3	Противотанковое ружье Дегтярева (ПТРД)	131 796
4	Пушки ШВАК крыльевые	12 252
5	Пушки ШВАК моторные	10 158
6	Пушки ШВАК турельные	193
7	Пушки ШВАК синхронные	4 116
8	Пушки ШВАК для перевооружения самолетов «Харрикейн»	1 238
9	Пушка танковая Нудельмана-Шпитального (ТНШ)	3 808
10	Пушки Волкова-Ярцева (ВЯ)	1 600
11	Пистолеты-пулеметы Шпагина (ППШ)	7 701
12	Приборы СГ-42	1 100

ленных его директором В.И. Фоминым в Ивановский обком ВКП(б).

Кроме того, в 1942 г. в конструкторском бюро завода по заданию Главного артиллерийского управления Красной армии был разработан опытный образец 7,62 мм станкового пулемета, проведены его полигонные испытания с целью замены в действующей армии пулемета «Максим». Его разработчиками стали оружейник П.М. Горюнов и его помощники – В.Е. Воронков и М.М. Горюнов (племянник П.М. Горюнова). В декабре 1942 г. была изготовлена первая партия таких пулеметов, 45 из которых были отправлены на войсковые испытания. В боевых условиях их применение было признано успешным.

7 апреля 1943 г. на ночном совещании у И.В. Сталина рассматривался вопрос о принятии его на вооружение Красной армии. В работе совещания приняли участие Л.М. Берия, В.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, начальник Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлев, В.А. Дегтярев, Д.Ф. Устинов и другие. Обсуждение шло почти два часа. Выводы комиссии не совпадали с мнением Сталина. Тогда Сталин спросил у В.А. Дегтярева, чей пулемет также проходил испытания: «А что Вы думаете по этому поводу, товарищ Дегтярев? Какой пулемет считаете нужным принять на вооружение, Ваш или конструктора Горюнова?». В ответ В.А. Дегтярев со свойственной ему прямотой ответил: «Пулемет Горюнова лучше, товарищ Сталин, и промышленность его освоит быстро». Несмотря на то, что окончательное решение в ту ночь не было принято, главный шаг в пользу ГВГ, под такой аббревиатурой проходил новый пулемет, был сделан [Никулин: 6–7].

Практическая реализация данного решения нашла воплощение в двух постановлениях, принятых в мае – июне 1943 г. Первым из них стало совершенно секретное постановление бюро Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета от 18 мая 1943 г. «О строительстве комсомольского корпуса “И” на Ковровском заводе им. Киркиж» (так назывался в те годы завод № 2). В его констатирующей части одобрялась инициатива комсомольцев завода № 2 во исполнение первомайского приказа И.В. Сталина построить в свободное от работы время производственный комсомольский корпус. Далее следовал перечень первоочередных мер, необходимых для его строительства. В частности, по плану предписывалось специальным назначением с получением в мае – июне выделить заводу по 400 тыс. штук красного и силикатного кирпича, 100 тонн извести, 1 500 куб. м. бутового камня и 2 000 куб. м. круглого леса. Для их перевозки решено было обратиться к наркому НКПС Л.М. Кагановичу с просьбой дать указание начальникам Ярославской и Горьковской железных дорог о выделении 240 вагонов со стан-

ций Иваново, Есинов и Волосатая. У наркома вооружения Д.Ф. Устинова было решено просить фонды на 2000 кв. м. оконного стекла и 10 тыс. тонн строительного войлока с их получением в июне 1943 г.

Руководство работами по строительству корпуса силами комсомольцев и несоюзной молодежи было возложено на директора завода В.И. Фомина и парторга ЦК ВКП(б) А.К. Жигалова. Контроль за строительством и выполнением данного постановления был возложен на секретаря обкома ВКП(б) по машиностроению и химии А.А. Урядова¹.

Можно полагать, что строительство корпуса осуществлялось довольно быстро, поскольку уже через месяц ГКО принял постановление об организации производства станкового пулемета на заводе № 2. Данному документу предшествовал проект решения «Об организации производства 7,62 мм станкового пулемета конструкции Горюнова – Воронова – Горюнова “ГВГ” на заводе № 2 Наркомвооружения», представленный И.В. Сталину 13 июня 1943 г. Его завизировали Л.П. Берия, В.М. Рябиков и Н.Н. Воронов². При рассмотрении проекта И.В. Сталин вычеркнул аббревиатуру «ГВГ» и в названии сохранил только фамилию главного конструктора пулемета П.М. Горюнова.

На следующий день, 14 июня 1943 г., ГКО принял постановление № 3575 сс «Об организации производства 7,62 мм станкового пулемета Горюнова на заводе № 2 Наркомата вооружения»³. Согласно его содержанию ГКО постановил: «Принять на вооружение 7,62 мм станковый пулемет конструкции Горюнова на универсальном колесном станке конструкции Дегтярева» и «обязать Наркомвооружения Устинова и директора завода № 2 т. Фомина организовать производство 7,62 мм станкового пулемета на универсальном станке Дегтярева с выпуском в 1943 году следующих количеств: июль – 250 штук, август – 750; сентябрь – 1 500, октябрь – 2 500, ноябрь – 4 000, декабрь – 5 000».

Далее следовал перечень конкретных поручений соответствующим наркоматам. По сути, для обеспечения производства пулеметов были задействованы возможности около 10 наркоматов, которые должны были выделить заводу необходимые материалы, оборудование, рабочую силу и снабдить ее бельем, обувью и спецовками. Так, И.Ф. Тевосяна (Наркомчермет) ГКО обязал изготовить и отгрузить до 25 июня 1943 г. заводу № 2 одну тыс. тонн качественного металла и 300 тонн литейного чугуна. Отгрузку предписывалось произвести за счет фондов НКВ и недогрузов ему за апрель и май 1943 г. Наркомчермету также предстояло отгрузить заводу № 2 сверх фондов второго квартала 100 тонн кокса, а Л.М. Кагановичу (НКПС) в июне полностью обеспечить доставку указанного металла. Эту задачу предписывалось

выполнять, в частности, и путем прицепки вагонов к оборонным и пассажирским поездам.

Наркома станкостроения А.И. Ефремова ГКО обязал изготовить и отгрузить заводу целевым назначением сверх фондов Наркомата вооружения на 2-й квартал 1943 г. 20 токарно-винторезных (175 × 1000) станков, 15 револьверных станков типа 136, 10 автоматов, а также 2 эксцентричных прессы мощностью 100 тонн и 6 плоскошлифовальных⁴. Наркому боеприпасов Б.Л. Ванникову предстояло изготовить и отгрузить в октябре – ноябре 1943 г. два эксцентриковых прессы типа «Тоledo» мощностью по 150 тонн каждый, а наркома тяжмаша Н.С. Казакова ГКО обязал изготовить и отгрузить заводу в июле 1943 г. одну кислородную установку.

Наркому минометного вооружения П.И. Паршину для завода № 2 нужно было изготовить и отгрузить в июле 1943 г. один кислородный компрессор и один воздушный компрессор, а также произвести для него один компрессор типа «Борец» мощностью 60 куб. м/мин за счет поставки другим потребителям. Наркому электропрома И.Г. Кабанову предстояло изготовить и отгрузить заводу № 2 в июле 1943 г. электрооборудование на одну 3-тонную электропечь.

Важно было не только произвести для строящегося корпуса завода № 2 оборудование, но и обеспечить его квалифицированной рабочей силой. Для этого Главное управление трудовых резервов при СНК СССР П.Г. Москатова ГКО обязал направить на завод 3 000 молодых рабочих из числа учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО. Из них в июле 1943 г. предстояло направить 1 000 человек и в августе – сентябре 1943 г. – 2 000 человек.

Ивановскому исполкому облсовета Г.Н. Шубину было поручено призвать (мобилизовать) в ремесленные училища и школы ФЗО соответствующее количество молодежи мужского и женского пола установленных возрастов взамен учащихся, выпускаемых для завода № 2.

Наркома внешторга А.И. Микояна и председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского ГКО обязал выделить с отгрузкой до 1 июля 1943 г. из оборудования, поступающего по импорту, следующее количество станков: 17 штук кругло-шлифовальных «Браун-Шарп», 4 штуки токарно-затыловочных «Рейникер», 3 – шлифовально-лобовых «Рейникер», 4 – внутришлифовальных «Гортекс»; 10 – заточных «Альфа-Шютте»; универсально-шлифовальных «10», «25» и 6 штук «Вати». Всего 44 станка⁵. В случае их отсутствия в совпортах Наркомвнешторгу предстояло удержать данные типы станков из вновь поступающего по импорту оборудования или произвести дополнительный заказ.

Для завершения работ по строительству корпуса «И» ГКО обязал Л.А. Соснина (Наркомстроймате-

риалов), И.Ф. Тевосяна (Наркомчермет), И.Г. Кабанова (Наркомэлектропром) и Я.С. Широкова (Главнефтеснаб при СНК СССР) поставить в июне 1943 г. целевым назначением заводу № 2 дополнительное количество необходимых материалов.

Наркомы текстильной и легкой промышленности И.Н. Акимов и С.Г. Лукин соответственно должны были поставить на завод значительные объемы различной продукции. Так, в ведомости текстильных изделий и обуви, подлежащих поставке на завод, значилось: 1 500 штук хлопчатобумажных костюмов, 40 тыс. м хлопчатобумажных тканей, 2 000 пар ботинок и 2 000 штук одеял⁶. В целях мотивирования труда рабочих и инженерно-технических работников за быстрое освоение и выпуск пулеметов ГКО принял решение выделить заводу № 2 один миллион рублей.

Таким образом, конструкторы завода № 2 по заданию ГАУ Красной армии в течение короткого времени разработали новый станковый пулемет, получивший сокращенное наименование СГ-43 (станковый Горюнова). Для его серийного производства на заводе всего за 2,5 месяца был построен большой цех, получивший название «Комсомольский» [Бахирев: 200], а постановлением ГКО от 14 июня 1943 г. был определен комплекс первоочередных мер по его оснащению, в том числе импортным оборудованием, и поставке ему необходимых материалов. В результате первые серийные пулеметы СГ-43 были отправлены на фронт в середине осени 1943 г. Всего в течение войны их было изготовлено около 80 тыс. единиц.

Завод «Автоприбор» (г. Владимир)

Завод «Автоприбор» Наркомата среднего машиностроения с первых месяцев войны постановлениями ГКО был задействован в производстве боеприпасов и успешно справлялся с поставленной задачей. По состоянию на январь 1942 г. на «Автоприборе» работало 1 224 человека, средняя зарплата одного рабочего составляла 421 руб⁷. В 1942 г. объем производства боеприпасов постоянно увеличивался, усложнялся и ассортимент специзделий, выпускаемых заводом. Так, в информации секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева зампреду СНК СССР В.М. Молотову от 13 февраля 1942 г. называются авиационные концевые выключатели ВК-41, танковые, автомобильные и мотоциклетные реле⁸.

Об изготовлении на заводе иных изделий свидетельствуют постановления ГКО. В частности, в разделе «Взрыватели, трубки и воспламенители» приложения к постановлению № 1362 сс от 2 марта 1942 г. «О плане производства боеприпасов на март 1942 года» среди заводов Ивановской области упоминается «Автоприбор». Ему был установлен план по производству МП корпусов в количестве 100 тыс. штук, а также взрывателей. Все это подлежало отправке на завод № 260 (Пермь), где, согласно поста-

новлениям ГКО, осуществлялось снаряжение боеприпасов⁹. В октябре 1942 г. на «Автоприбор» было возложено задание по выпуску приборов для автомобилей, в том числе спидометров, амперметров, масляных манометров и т. д.¹⁰

18 июля 1943 г. ГКО принял постановление № 3762 сс «Об увеличении производства противотанково-кумулятивных авиабомб ПТАБ – 1,5»¹¹. Его принятию предшествовала пояснительная записка от 17 июля 1943 г. с проектом постановления, согласованным с заинтересованными наркоматами. Указанные документы были адресованы председателю ГКО И.В. Сталину и подписаны Л.П. Берией, Б.Л. Ванниковым и Ф.Я. Фалалеевым. В записке говорилось об увеличении ранее утвержденного планом выпуска противотанково-кумулятивных авиабомб ПТАБ-1,5 с 300 тыс. штук до 800 тыс. и 1 000 тыс. штук в августе и сентябре 1943 г. соответственно¹². Проект постановления был одобрен и вступил в законную силу после его подписания И.В. Сталиным 18 июля 1943 г. Для его выполнения ГКО определил ряд мер. В частности, обязал Наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова поставить ВВС КА противотанковые кумулятивные авиабомбы-1,5 конструкции ЦКБ-22 комплектно в указанных количествах: в августе – 800 тыс. штук и сентябре 1 000 тыс. штук.

Руководители наркоматов И.Ф. Тевосян (Наркомчермет), М.Г. Первухин (Наркомцветмет), Л.А. Социн (Наркомстройматериалов), Л.А. Пронин (Наркомпищепром), Н.Н. Чеботарев (Наркомбумпром), а также Е.И. Лопухов (Главснаблес), П.Ф. Кравчук (управление Промкооперации при Совнарком РСФСР), Я.С. Широков (Главнефтеснаб) обязывались поставить заводам-изготовителям корпусов бомб и взрывателей вне всякой очереди, целевым назначением металл, химикаты, топливо и другие вспомогательные материалы. Причем их поставку для выполнения плана на июль требовалось выполнить в 5-дневный срок, на август – к 5 августа и на сентябрь – к 1 сентября 1943 г. О реализации данного решения они были обязаны докладывать Л.П. Берии.

Важно отметить, что производство значительной части взрывателей АД-а и их снаряжение постановлением было возложено на заводы «Автоприбор» (НКСМ) и № 521, расположенные во Владимире. Так, для обеспечения производства взрывателей АД-а Наркому станкостроения А.И. Ефремову было поручено в первоочередном порядке произвести на Московском станкостроительном заводе им. Орджоникидзе для «Автоприбора» 2 автомата КОН-123¹³. С этой же целью ГКО обязал Наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина из имеющегося наличия передать «Автоприбору» одну машину для литья под давлением, а также изготовить для него на заводе № 462 (НКАП) в августе еще две анало-

гичных машины. Наркому электропромышленности И.Г. Кабанову было поручено поставить в июле, августе, сентябре заводам, изготавливавшим взрыватели АД-а, в том числе и «Автоприбору», необходимое оборудование и кабельную продукцию. Причем отгрузку оборудования и кабельной продукции надлежало произвести вне всякой очереди, за счет сдвига сроков поставок другим потребителям¹⁴.

Кроме пунктов постановления, в которых упоминался «Автоприбор», в нем был ряд общих указаний, также распространявшихся на него. В частности, заводы, изготавливавшие корпуса бомб и взрыватели, освобождались от всех видов мобилизации рабочих, инженерно-технических работников и транспорта, в том числе и от призыва в Красную армию. По снабжению продовольствием и промтоварами они приравнивались к оборонным предприятиям¹⁵.

Для выполнения «Автоприбором» установленного задания ГКО принял решение увеличить его производственные площади. С этой целью было решено переоборудовать складские помещения завода под производственный цех. Выполнение строительных и монтажных работ по его переоборудованию было поручено Наркому по делам строительства С.З. Гинзбургу с указанием «вести впереди других строек» и переброской на данный объект рабочих с других строек¹⁶.

Постановление также обязало секретарей обкомов ВКП(б), в том числе и Ивановского обкома Г.Н. Пальцева, «взять под особое наблюдение производство корпусов авиабомб и взрывателей к ним, производство и отгрузку спецукупорки и оказывать заводам «повседневную помощь в части обеспечения материалами, оборудованием, инструментами, приспособлениями, рабочей силой, электроэнергией, топливом и транспортом»¹⁷.

Приложения к постановлению содержат важные подробности, которые значительно дополняют общие указания. Согласно им, на «Автоприборе» в третьем квартале предполагалось произвести: в июле – 120 тыс., в августе – 250 тыс., в сентябре – 450 тыс. штук взрывателей АД-а¹⁸. Далее они поставлялись на завод № 521 НКБ для последующего снаряжения. В свою очередь завод № 521 должен был обеспечить снаряжение следующего количества взрывателей: в июле – 110 тыс., в августе – 230 тыс. и в сентябре – 350 тыс. штук и поставить их ВВС Красной армии¹⁹. При таком скоплении снаряжаемых взрывателей завод № 521 оставался беззащитным от воздушного нападения авиации противника. С целью ее организации Владимирский городской комитет обороны принял решение просить секретаря ЦК ВКП(б) Г.В. Маленкова выделить для защиты завода с воздуха 3 артиллерийские 85 мм зенитных батареи [Владимирский край: 314–315].

Для выполнения строительных работ по переоборудованию складских помещений под производственный цех «Автоприбору» надлежало поставить 40 тонн цемента, 1000 кв. м. оконного стекла, 16 тонн кровельного железа и 16 тонн газовых труб. Производство спецукупорки для взрывателей по чертежу 3-1225 в количестве 11 тыс. штук было возложено на завод № 43 в Иванове²⁰. Согласно плану направления рабочей силы заводы «Автоприбор» и № 521 по разнарядке должны были получить по 100 человек каждый²¹.

В результате выполнения постановления ГКО производственные площади «Автоприбора» были увеличены на 1 168 кв. метров. Одновременно трудовой коллектив завода выполнял установленную ранее производственную программу. Итогом его успешной работы стало вручение предприятию в июле переходящего Красного знамени ГКО, которое он удержал и в августе 1943 г. [Автоприбору – 50: 70].

Таким образом, производственных мощностей «Автоприбора» для наращивания выпуска специзделий и боеприпасов в 1943 г. оказалось недостаточно. В результате ГКО в целях срочного увеличения производства взрывателей к противотанково-кумулятивному авиабомбам принял решение о расширении его производственных площадей, срочном проведении строительно-монтажных работ и оснащении нового цеха оборудованием, в том числе поступающим по импорту, а также рабочей силой.

Итак, в 1943 г. на территории Ивановской области развернулось строительство новых производственных цехов на оборонных заводах в Коврове и Владимире. Необходимость их возведения была продиктована потребностями действующей армии в современном вооружении и боеприпасах, и осуществлялось строительство в соответствии с постановлениями ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б), Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета через привлечение возможностей различных наркоматов, мобилизацию рабочей силы в регионе, а также напряженный труд строителей, работников предприятий и жителей области. Несмотря на сложности военного времени, это позволило своевременно обеспечить ввод в эксплуатацию дополнительных производственных мощностей на заводах № 2 и «Автоприбор» и перейти к массовому выпуску новых станковых пулеметов СГ-43 и взрывателей АД-2 к противотанково-кумулятивному авиабомбам.

Примечания

¹ Государственный архив Ивановской области (далее ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 745. Л. 27.

² Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 179. Л. 95.

³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 179. Л. 85–94.

⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 179. Л. 89.

⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 179. Л. 90.

⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 179. Л. 92.

⁷ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 627. Л. 19.

⁸ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 479. Л. 89.

⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 39. Л. 105.

¹⁰ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 627. Л. 150.

¹¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 10–22.

¹² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 60.

¹³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 11.

¹⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 12.

¹⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 15.

¹⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 16.

¹⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 20.

¹⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 22.

¹⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 23.

²⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 44.

²¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 51.

Список литературы

«Автоприбору» – 50. Очерки истории завода. 1932–1982 гг. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во, 1982. 199 с.

Бахирев В.В., Кириллов И.И. Конструктор В.А. Дегтярев. За строками биографии. М.: Воениздат, 1983. 210 с.

Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник архивных документов к 75-летию Великой Победы / Гос. архив Владим. обл.; отв. ред. Н.Д. Максимова; сост. Т.А. Лашманова. Владимир, 2020. 504 с.

Гинзбург С.З. Строительный фронт // Война. Народ. Победа. 1941–1945. М.: Политиздат, 1976. С. 118–129.

Никулин В.В. Судьба пулемета решалась в Кремле // Дегтяревец. 2018. № 14. 11 апреля.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2019. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. 624 с.

References

«Avtopriboru» – 50. Ocherki istorii zavoda. 1932–1982 gg. [“Attract” – 50. Essays of the history of the plant. 1932–1982]. Yaroslavl', Verhne-Volzhscoe knizhskoe izdatelstvo Publ., 1982, 199 p. (In Russ.)

Bakhiyev V.V., Kirillov I.I. *Konstruktor V.A. Degtyarev. Za strokami biografii* [Designer V.A. Degtyarev. Behind the rows of biography]. Moscow, Voenizdat Publ., 1983, 210 p. (In Russ.)

Vladimirskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: sbornik arhivnyh dokumentov k 75-letiyu Velikoj Pobedy [Vladimir Krai during the Great Patriotic War. 1941–1945: Collection of archival documents for the 75th anniversary of the Great Victory]. Gos. arhiv Vla-

dim. obl.; otv. red. N.D. Maksimova; comp. T.A. Lashmanova. Vladimir, 2020, 504 p. (In Russ.)

Ginzburg S.Z. *Stroitel'nyj front* [Construction front]. *Vojna. Narod. Pobeda. 1941–1945* [War. People. Victory. 1941–1945]. M., Politizdat, 1976, pp. 118–129. (In Russ.)

Nikulin V.V. *Sud'ba pulemeta reshallas' v Kremle* [The fate of the machine gun was solved in the Kremlin]. *Degtyarevec* [Degtyarevec], 2018, № 14, April 11. (In Russ.)

Okolotin V.S. Ivanovskaâ oblast' v gody Velikoj Otečestvennoj vojny [Ivanovo oblast during the great Patriotic war]. Ivanovo, A-Vulture Publ., 2019, vol. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА – КУЗНИЦА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ (1943–1960 ГГ.)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, kometchikov.igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-835X>

Аннотация. На основе документации Тульской областной партшколы, постановлений бюро Тульского обкома КПСС по вопросам ее работы, кадровой статистики анализируется деятельность школы по подготовке и переподготовке руководящих кадров на протяжении 1943–1960 гг. Показана зависимость динамики состава слушателей школы, структуры их учебной нагрузки от состояния экономики региона, практики управления ею и кадровых ресурсов партийных и советских органов. Количественный и качественный дефицит капиталовложений, особенно в сельское хозяйство, нехватка управленцев-специалистов обусловили сосредоточенность школы до середины 1950-х гг. на подготовке руководителей районного звена с акцентом на совершенствовании применения ими административного ресурса. Рост масштаба экономики области, усложнение ее отраслевой структуры поставили региональное руководство перед необходимостью постепенного отказа от чрезвычайщины как универсального метода руководства. В сочетании с формированием достаточного кадрового резерва из специалистов с высшим образованием для аппарата партийных и советских органов с конца 1950-х гг. это сделало главной задачей областной партшколы повышение общеобразовательного уровня и компетентности в вопросах экономики низовых руководителей. В то же время политическая подготовка районных руководителей перемещается в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, а отправной точкой их карьер становится получение высшего образования.

Ключевые слова: областная партийно-советская школа, политическое образование, обком ВКП(б), райком ВКП(б), административный ресурс.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)»

Для цитирования: Кометчиков И.В. Тульская областная партийная школа – кузница руководящих кадров (1943–1960 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 63–69. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-63-69>

Research Article

TULA REGIONAL PARTY SCHOOL – A SOURCE OF LEADERSHIP (1943–1960)

Igor V. Kometchikov, Candidate of Historical Sciences, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, kometchikov.igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-835X>

Abstract. On the basis of the documents of Tula Regional Party School, the resolutions of Tula Regional Party Committee Bureau concerning its work and cadre statistics the school's activity in training and retraining the leading personnel in 1943–1960 is analysed. The dependence of dynamics of school trainees and the structure of their teaching load on the regional economy, its management practice and the personnel resources of party and Soviet bodies is shown. The quantitative and qualitative lack of investments, especially in agriculture, and the shortage of managerial specialists led to the concentration of the school up to the mid 1950s on the training of district managers with an emphasis on the improvement of their use of administrative resources. The growth of the scale of the regional economy, the complexity of its sectoral structure made it necessary for the regional leadership to gradually abandon emergency management as a universal method of leadership. In combination with the formation of a sufficient cadre of specialists with higher education for the apparatus of Party and Soviet bodies from the late 1950s; this made the main task of the regional party school to improve the general educational level and competency in economic issues of grassroots leaders. At the same time, the political training of district leaders moved to the Higher Party School under the Communist Party's Central Committee, and the starting point of their careers became higher education.

Keywords: regional Party-Soviet school, political education, Communist Party regional committee, Communist Party district committee, administrative resource

Acknowledgements. This article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-09-00031 «Regional Officialdom in the Process of Capitalist Transformation of the Soviet State (late 1920s–1960s)»
For citation: Kometchikov I.V. Tula Regional Party School – a source of leadership (1943–1960). *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 2, pp. 63–69 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-63-69>

В середине 1940-х гг. сложилась система подготовки руководящих кадров, охватившая весь аппарат ВКП(б). В партийной литературе ее создание обосновывалось нехваткой руководящих кадров вследствие больших потерь в годы войны, а также в свете «новых задач мирного строительства» [История Коммунистической партии: 224]. Многие современные авторы объясняют ее формирование в основном индоктринацией – потребностями воспитания пополнения партии военных и первых послевоенных лет в духе лояльности сталинской власти и трансляции ее идеологии обществу [Бакунин: 36–39; Гвоздева: 29; Зенков, Новокрещенов: 29, 30].

Представляется, что взгляд на систему подготовки руководящих кадров ВКП(б) прежде всего как на одну из функций агитационно-пропагандистской работы ее аппарата не позволяет понять, как она соотносилась с повседневной работой партийных органов, хотя общепризнано, что их главной заботой был не агитпроп, а оперативное управление экономикой. В первую очередь это относилось к сельским РК ВКП(б), где работал самый многочисленный отряд руководящих кадров партии. В послевоенные годы его подготовка была сосредоточена в таких областных партийных школах, как Тульская.

Ее выбор в качестве объекта изучения обусловлен хорошей сохранностью ее документации за весь период работы с 1943 по 1960 г. В сочетании с постановлениями ЦК КПСС, бюро ЦК КПСС по РСФСР, бюро Тульского обкома КПСС, статистикой состава и движения руководящих кадров это позволяет проследить эволюцию их подготовки и переподготовки в Тульской областной партшколе. Для выявления основных факторов и содержания этой эволюции следует рассмотреть, во-первых, основные характеристики региональной экономики – главной заботы партруководства, во-вторых, то, в какой мере состав руководства районов соответствовал потребностям управления ею и, в-третьих, то, как это отражалось в деятельности Тульской областной партшколы.

К середине 1940-х гг. экономика области находилась в тяжелом положении. В промышленности наблюдался спад производства основных видов продукции [Народное хозяйство Тульской области, 1958: 97, 99; Народное хозяйство Тульской области, 1973: 54–55]. В 1944 г. ее выпуск составил 70,8 % к 1940 г., в 1945 г. – 61,3 %, в 1946 г. – 64,2 %. В 1945–1946 гг. не выполнили годовых планов более двухсот предприятий, 20 из 50 шахт комбината «Тулауголь»¹. Многие предприятия испытывали дефицит сырья,

оборудования, электроэнергии, квалифицированных кадров.

Еще тяжелее была ситуация в сельском хозяйстве, пострадавшем не только от войны, но и из-за антикрестьянского аграрного курса. В 1946 г. по сравнению с 1944 г. площадь посева яровых сократилась на 20,8 %, озимых – на 30,2 %, картофеля – на 66,6 %. Выдача зерна на трудодень в колхозах области в 1946 г. составила в среднем 50–170 грамм. Резко сократилось поголовье скота в колхозах². В 1945–1952 гг. область ежегодно не выполняла план хлебозаготовок. Село испытывало нехватку техники, минеральных удобрений, кредитов. Население всеми правдами и неправдами стремилось уклониться от символически оплачиваемого труда. Количество колхозников, проживавших в колхозах, но работавших на предприятиях и транспорте, только за 1945–1952 гг. увеличилось с 22,2 до 40,6 тыс. чел.³

Послевоенная разруха, выкачивание из деревни ресурсов усугублялись бездорожьем, слабым развитием телекоммуникаций. Так, на 1 января 1946 г. телефонной связи с районными центрами не имели 26 % сельсоветов, 99,4 % колхозов. Хотя все 33 райцентра области были радиофицированы, лишь 11 % сельсоветов имели радиоточки⁴. Незначительным было количество первичных парторганизаций, на которые районные власти могли бы опереться при выполнении хозяйственных заданий. К концу 1945 г. первичные парторганизации действовали лишь в 16,5 % сельсоветов, 27 колхозах, 43 совхозах.

Между тем подготовленных партийных и советских работников не хватало. К концу 1942 г. были мобилизованы в армию 93,7 % заведующих секторами, 76 % инструкторов, все лекторы Тульского обкома ВКП(б), 13 % первых секретарей, 26 % вторых секретарей, 39 % секретарей по кадрам, 65 % заведующих отделами и их заместителей, 132 % инструкторов, 62 % пропагандистов ГК и РК ВКП(б)⁵. К концу 1943 г. состав облпарторганизации сократился на 60 %, что затрудняло комплектование даже аппаратов партийных комитетов⁶. В обкоме ВКП(б) из положенных по штату 148 чел. работало 129, в РК ВКП(б) из 647 чел. – 563⁷. В середине 1944 г. в связи с образованием Калужской области бюро Тульского обкома ВКП(б) направило несколько десятков партийных и советских работников на комплектование ее руководящих структур⁸. Все это ослабляло кадровый состав аппарата районных партийных и советских органов. К концу 1946 г. 61,1 % первых и вторых секретарей РК ВКП(б) имели низшее образование, 73 % секре-

тарей РК ВКП(б) по кадрам, 65,9 % председателей райисполкомов, большинство других руководящих районных работников среднее образование⁹. В заключении Управления кадров ЦК ВКП(б) по отчету Тульского обкома партии о работе с кадрами за 1946 г. большое количество руководителей с низкой общеобразовательной и политической подготовкой, отсутствие кадрового резерва назывались причинами отставания области, особенно в сельском хозяйстве¹⁰.

Одним из немногих способов относительно быстрого приведения корпуса районного руководства в соответствие с потребностями управления подорванной экономикой была известная по предвоенным годам мобилизация руководящих кадров, особенно актуальная в условиях нехватки не только политически подготовленных руководителей, но и просто грамотных людей. Следствием такого подхода к комплектованию аппарата была необходимость доучивания претендентов на руководящие должности.

В начале 1943 г., до создания в области курсов подготовки партийных работников, отделы кадров, пропаганды и агитации Тульского обкома ВКП(б) организовали чтение лекций для партактива. Дважды в месяц действовал семинар пропагандистов и заведующих парткабинетами ГК и РК ВКП(б). Его участники штудировали «Краткий курс», сборник сталинских приказов «О Великой Отечественной войне», историю СССР и политическую географию¹¹. 2 марта 1943 г. бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «Об организации областных курсов партийных работников», ходатайствуя перед ЦК ВКП(б) об организации областных двухмесячных курсов партработников на 120 чел., утвердило разверстку мест по районам, учебный план и преподавательский состав¹². Приемную комиссию возглавил секретарь обкома ВКП(б). Острота кадровой проблемы диктовала непродолжительные сроки обучения.

В первые годы деятельность курсов была направлена прежде всего на подготовку кадров для районного и областного партаппаратов. Основным источником контингентов слушателей был районный партаппарат, в меньшей степени – районный актив¹³. Из 91 курсанта первого выпуска 51 чел. был направлен на работу в партаппарат, в том числе 5 чел. – инструкторами обкома ВКП(б), 38 чел. – в аппараты ГК и РК ВКП(б). Половина курсантов второго выпуска (1944 г.) также была рекомендована на руководящую работу в РК ВКП(б) и райисполкомы, инструкторами обкома ВКП(б)¹⁴. Тем не менее к концу 1948 г., когда были произведены первые выпуски, образовательный уровень верхушки районного руководства оставался все еще низким: высшее и незаконченное высшее образование имели 21,5 % первых секретарей РК ВКП(б), вторых секретарей РК – 50 %, секретарей РК – 30,4 %, председателей райисполкомов – 28 %

соответственно. Стаж руководящей и ответственной партработы свыше 5 лет имели 72,2 % первых секретарей РК, а среди прочих категорий руководителей таких работников было менее половины¹⁵.

Необходимость создания системы подготовки руководящих партийных и советских кадров хорошо осознавали и центральные партийные инстанции. Весной 1946 г. решением Оргбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия по выработке соответствующих предложений. Руководство Управления кадров ЦК ВКП(б) планировало за 3–5 лет переподготовить посредством системы партийных школ и курсов все руководящие партийные и советские кадры. На региональном уровне эта задача возлагалась на двухгодичные партийные школы и 6-месячные курсы переподготовки при них¹⁶. 2 августа 1946 г. вышло постановление ЦК, которым предусматривалась организация таких школ на базе одногодичных партшкол. В партшколы планировалось принимать членов ВКП(б) в возрасте до 40 лет, имеющих, как правило, среднее образование и являющихся партийно-советскими руководителями районного звена, секретарями крупных первичных парторганизаций [КПСС в резолюциях: 43–44]. В первой половине 1948 г. Управлением кадров ЦК ВКП(б) была высказана мысль о необходимости организовать подготовку и переподготовку секретарей сельских райкомов партии таким образом, чтобы они становились всесторонне образованными руководителями, могущими проводить не только хозяйственно-политические кампании, но и разбирающимися в экономике, финансах, механизации сельского хозяйства и т. д.¹⁷ Это, как представляется, обусловило существенное увеличение сроков обучения.

Таким образом, в отличие от Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), куда бюро Тульского обкома ВКП(б) регулярно направляло кадры областного руководства, а также вечернего университета марксизма-ленинизма и 42 вечерних партийных школ, где учился низовой партактив, Тульская областная партшкола изначально была нацелена на подготовку ответственных работников аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов¹⁸.

Компетенции, которые предстояло сформировать у будущего районного руководства, отражает структура учебной нагрузки. Поскольку работать предстояло в условиях дефицита материальных, финансовых и кадровых ресурсов, оно должно было уметь использовать административный ресурс – право перераспределять все прочие ресурсы в зависимости от складывающейся ситуации. Практика его использования оттачивалась в ходе хозяйственно-политических кампаний. Однако, кроме волевых качеств личности, исполнительности, дисциплины, требовалось и понимание «текущего момента» – значения очередной кампании в «политике партии и правительства»,

что было невозможно без знания сталинской версии истории партии и страны и других историко-идеологических дисциплин. Идеологическая подкованность выступала своеобразным символическим капиталом, исключительным правом партийного руководителя на своем уровне «в интересах всего общества» определять назначение всех прочих ресурсов. Доминирование административных практик до некоторой степени компенсировало нехватку материальных ресурсов, но держало в постоянной мобилизации аппарат РК ВКП(б) и райисполкомов, который вынужден был выполнять «партийные поручения» – работать «толкачами» в колхозах, совхозах и т. д.

Именно поэтому в структуре учебной нагрузки курсантов длительное время преобладали историко-идеологические дисциплины. Утвержденный ЦК ВКП(б) учебный план первого набора областных партийных трехмесячных курсов, начавших свою работу 10 мая 1943 г., был, тем не менее, сбалансированным. На изучение историко-идеологических дисциплин отводилось 160 часов, а промышленности и сельского хозяйства области – 200 часов. 60 часов изучалось партийное и советское строительство, 70 – политическая и экономическая география¹⁹. В учебных планах второго и третьего набора курсов, которые стали 6-месячными и действовали с 5 октября 1943 г. по 5 апреля 1944 г. и с 12 мая 1944 г. по 9 декабря 1944 г., на изучение историко-идеологических и экономико-управленческих предметов отводилось по 36 % учебного времени²⁰ – это, как представляется, объяснялось малым сроком обучения, практической заостренностью курсов, что не позволяло урезать часы на изучение экономики ниже определенного предела.

С преобразованием курсов в одногодичную партийную школу при Тульском обкоме ВКП(б) по решению ЦК ВКП(б), первый набор которой приступил к учебе 10 января 1945 г., на историко-идеологические дисциплины отводилось 740 часов, 200 часов – на курс политэкономии, а на «Вопросы практического руководства социалистическим хозяйством» – лишь 100²¹. Структура учебного плана 6-месячных курсов переподготовки при партшколе при Тульском обкоме ВКП(б), действовавших со 2 декабря 1946 г. по 1 июня 1947 г., повторяла принятую постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г.: на исторические и идеологические предметы отводилось более 30 % часов, на общеобразовательные и экономические – по 20 %, по 7 % – на философские дисциплины, на партийное и советское строительство – 18 % [КПСС в резолюциях: 45]²². При этом следует отметить, что такое политическое образование в большей степени формировало образ мышления и действия, чем «предметные» компетенции управленца.

С 1947 г. вплоть до 1957 гг. в структуре учебной нагрузки слушателей областной партшколы на пер-

вом месте находились историко-идеологические дисциплины, на втором – общеобразовательные (объем отведенных на них часов ощутимо превосходил нагрузку по освоению историко-идеологических дисциплин только в 1949–1950, 1954–1955 и 1956–1957 учебных годах, что, видимо, отражало особенности планирования учебного процесса в рамках всего обучения). На третьем месте стояли экономические предметы, на которые отводилось не более 9–17 % (в 1952–1953 гг. – 20 %). Партийному и советскому строительству посвящалось 11–16 % нагрузки (в 1954–1955 гг. – 6 %), философским дисциплинам – 6–12 % (лишь в 1949–1950 гг. – 24 %). С 1954 г. вводилось преподавание сельскохозяйственных дисциплин, занимавших до 1956–1957 уч. г. 5–10 % учебного времени²³.

Такое распределение учебных часов, исходившее из типовых учебных планов, разработанных ВПШ при ЦК ВКП(б) для областных партшкол, свидетельствовало о примате общего и политического образования при подготовке и переподготовке руководителей районного звена, от которых прежде всего требовалось правильно освятить идеологией приложение административного ресурса к выполнению хозяйственных задач.

В результате усилий по улучшению состава районного руководства к началу 1953 г. высшее образование имели 71 % первых секретарей РК, 78 – вторых секретарей, 65,6 % – секретарей РК, 70,4 % председателей райисполкомов²⁴. Партийно-политическое образование к началу 1952 г. имели 51,4 % первых секретарей ГК и РК ВКП(б), 50 % вторых секретарей, 67,5 % секретарей, 41 % председателей райисполкомов. К этому времени в их числе более 50 % работников имели стаж руководящей партработы более 5 лет. Среди работников среднего звена аппаратов ГК, РК ВКП(б) и райисполкомов тех, кто имел партийно-политическое образование, было в среднем вдвое меньше²⁵.

Укомплектование верхушки районного руководства кадрами с развитыми навыками использования административного ресурса стало важным рычагом подъема экономики региона. Административный ресурс позволял бороться с узкими местами на производстве, нехваткой капиталовложений, рабочей силы и т. д. Рутинным способом его организации был пресловутый «институт уполномоченных» партийных и советских органов [Кометчиков: 125–139]. В немалой степени именно благодаря административному ресурсу как универсальному методу управления выпуск валовой продукции промышленностью области в 1945–1955 гг. увеличился более чем в 4 раза, денежные доходы колхозов за 1950–1955 гг. – в 3 раза. Особенно значительно возросли угледобыча, химическое производство, производство строительных ма-

териалов, электроэнергии, продукция машиностроения и металлообработки [Народное хозяйство 1958: 95; Народное хозяйство 1973: 33].

Однако с середины 1950-х гг. темпы роста региональной экономики снижаются: в 1955–1960 гг. рост валовой продукции промышленности составил лишь 36 %, важными причинами чего явилось усложнение отраслевой структуры хозяйства региона, рост концентрации производства, расширение номенклатура выпускаемой продукции. Из 24 ее видов, производство которых учитывалось официальной статистикой в начале 1960-х гг., половина ранее в области не производилась. Только за 1955–1960 гг. количество колхозов сократилось в 4,4 раза, средний размер колхоза по числу колхозных дворов вырос в 2,2 раза. Росла механизация и электрификация сельского хозяйства. С 1951 по 1963 г. количество городов областного подчинения увеличивается с 2 до 9, рабочих поселков – с 30 до 41, а число районов сокращается с 33 до 10 [Народное хозяйство 1973: 13, 32, 33, 41–43, 62–68, 80, 186–196]. Управление такой экономикой потребовало руководителей-специалистов. Руководство страны часто указывало на это периферийным партийным работникам [Никита Сергеевич Хрущёв: 1, 579–582; 2, 174–175, 207–228, 320, 672–684]. Даже такой поборник сталинских методов руководства, как В.М. Молотов, соглашался с тем, что «если спокойно живется, большевики не нужны...» [Чув: 312]

В Тульском обкоме КПСС отчетливо осознали необходимость сворачивания кампанейщины как универсального способа руководства. Провал областью рекордных обязательств по продаже государству продукции животноводства в 1960 г., приведший к кризису снабжения населения, способствовал пересмотру практики оперативного управления сельским хозяйством. На областном активе 30 января 1960 г., посвященном невыполнению обязательств 1960 г., первый секретарь обкома КПСС О.А. Чуканов заявил, что бюро обкома решило «ликвидировать» в области «институт уполномоченных», а руководство районов воспринимало его как выражение недоверия²⁶. Такой настрой влиял на подбор и подготовку кадров районного руководства.

Другим фактором повышения его компетентности становится рост числа претендентов на замещение руководящих должностей с высшим образованием, опережавший выпуск руководящих кадров системой политического образования. Только за 1954–1960 гг. количество специалистов с высшим образованием в области увеличилось на 9,1 тыс. чел. (37 %), что создало благоприятные условия для формирования кадрового резерва. Областная партийная школа за тот же период выпустила около 500 чел. [Народное хозяйство 1958: 136; Народное хозяйство 1973: 234]²⁷. В результате уже к началу 1954 г. первых секретарей

РК КПСС с высшим образованием насчитывалось 68 %, вторых секретарей РК – 80 %, третьих секретарей – 74,3 %, председателей райисполкомов – 60,6 % соответственно. Партийно-политическим образованием обладали 62,5 % первых секретарей РК КПСС, 40,8 % – вторых, 68,5 % – секретарей РК, 58,6 % – председателей райисполкомов). Высокой была доля руководителей, имевших существенный стаж руководящей и ответственной работы: свыше 5 лет на ней работало почти 70 % работников на должностях номенклатуры обкома КПСС²⁸. В 1961 г. высшее или незаконченное высшее образование имели 80 % первых секретарей ГК и РК КПСС, более 41 % из них являлись специалистами промышленности и сельского хозяйства, в составе вторых секретарей и секретарей таких было более 91 и 45 % соответственно [Очерки истории 2: 119].

Изменения в экономике региона и практики управления ею, увеличение числа специалистов с высшим образованием меняли профиль областной партшколы. Если в 1953 г. из 80 чел., принятых в трехгодичную партшколу при Тульском обкоме КПСС, 17 являлись низовыми работниками, а прочие были выходцами из областного и районного партийного и советского аппаратов, то из 87 слушателей школы набора 1958 г. 25 чел. были представителями районного актива, остальные – сельского²⁹. Согласно постановлению ЦК КПСС от 26 июня 1956 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки руководящих партийных и советских кадров» набор в трехгодичную партийную школу при Тульском обкоме КПСС был прекращен, а руководству Тульского и других обкомов КПСС предлагалось высказаться о целесообразности создания на базе таких школ заведений для подготовки низовых работников [Справочник: 412, 414]. Шла «экономизация» партийно-политического образования в четырехгодичных партшколах, создававшихся по постановлению от 26 июня 1956 г.: на общеобразовательные и философские дисциплины в них отводилось по 6 % учебной нагрузки, на историко-идеологические – 18 %, а на экономические – 36 % и еще 34 % часов – на технологии сельскохозяйственного и промышленного производства (см.: [Справочник: 414]). Учебная нагрузка слушателей Тульской областной партшколы в 1957–1958 и 1958–1959 учебных годах повторяла такую структуру учебного плана³⁰.

Отправной точкой карьер руководителей районов все чаще становилось получение высшего образования (нередко – технического или экономического), а их политическая подготовка сосредотачивается в ВПШ и заочной ВПШ при ЦК КПСС. Одним из таких руководителей, к моменту назначения на первую руководящую должность имевшим высшее техническое образование, был Д.И. Кондрашов, в 1960-е гг. – второй секретарь Новомосковского

ГК КПСС, председатель Новомосковского горисполкома (в будущем – второй секретарь Тульского обкома КПСС, председатель Тульского облисполкома). В своих мемуарах он вспоминал о постоянном поиске новых подходов к решению накопившихся проблем в экономике и коммунальном хозяйстве города и района, чему способствовала его переподготовка как советского руководителя в ЗВПШ при ЦК КПСС [Кондрашов: 118–122, 125–152, 248–249].

За 1943–1960 гг. партийная школа при Тульском обкоме КПСС подготовила около 1,5 тыс. партийных, советских и комсомольских работников районного и сельского звена³¹, явившись для области поистине кузницей руководящих кадров. Встав во главе аппарата многих РК ВКП(б), райисполкомов, промышленных предприятий, колхозно-совхозного производства, ее выпускники смогли обеспечить столь необходимые в первое послевоенное десятилетие высокие темпы восстановления экономики. Однако увеличение ее масштабов, усложнение отраслевой структуры, урбанизация теснили административный ресурс в арсенале методов управления, настойчиво требовали привлечения экономических рычагов. Сворачивание деятельности Тульской и ряда других областных партшкол, инициированное высшим партийным руководством, можно считать ответом на эти перемены. Он отразил замену мобилизационного подхода к комплектованию и подготовке кадров районного руководства подбором кандидатур в зависимости от профессиональных управленческих компетенций, в большей степени формировавшихся высшим образованием, а не навыками использования административного ресурса.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 1017. Л. 145.

² Там же. Л. 144.

³ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. Р-3020. Оп. 12. Д. 203. Л. 156. Д. 672. Л. 34.

⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29. Д. 2391. Л. 20.

⁵ ГАТО. Ф. П-177. Оп. 6. Д. 97. Л. 56.

⁶ Там же. Д. 89а. Л. 39, 44 об.

⁷ Там же. Л. 45 – 45 об.

⁸ Там же. Оп. 10. Д. 8. Л. 204–205 об. Д. 9. Л. 19 об. – 20.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1017. Л. 157.

¹⁰ Там же. Д. 1016. Л. 77–79.

¹¹ ГАТО. Ф. П-177. Оп. 6. Д. 89а. Л. 46 об.

¹² Там же. Оп. 9. Д. 8. Л. 65 – 65 об., 70.

¹³ Там же. Ф. П-3037. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 5.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Подсчитано: ГАТО. Ф. П-177. Оп. 39. Д. 74. Л. 13, 49.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 993. Л. 41, 42.

¹⁷ Там же. Д. 1684. Л. 155–164.

¹⁸ Там же. Д. 1016. Л. 76.

¹⁹ ГАТО. Ф. П-3037. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 6.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Л. 27.

²³ Подсчитано: ГАТО. Ф. П-3038. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 15 об. Д. 13. Л. 25, 27, 60. Д. 22. Л. 48. Д. 30. Л. 63. Д. 37. Л. 41, 73. Д. 57. Л. 95, 95, 121. Д. 78. Л. 31–33, 59–61, 79–81, 110–111. Д. 79. Л. 64–66. Ф. П-3037. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4, 15, 19, 22–23.

²⁴ Подсчитано: ГАТО. Ф. П-177. Оп. 39. Д. 74. Л. 49.

²⁵ Там же. Л. 13, 28–29.

²⁶ Там же. Оп. 31. Д. 15. Л. 221, 222.

²⁷ Там же. Ф. П-3038. Оп. 1. Д. 78. Л. 23, 57, 68, 75, 105. Д. 79. Л. 8, 59.

²⁸ Там же. Ф. П-177. Оп. 39. Д. 74. Л. 92. Д. 75. Л. 12 об., 13, 16 об., 17.

²⁹ Там же. Ф. П-3038. Оп. 1. Д. 78. Л. 24, 151–152.

³⁰ Подсчитано: ГАТО. Ф. П-3038. Оп. 1, Д. 79. Л. 64–66.

³¹ Подсчитано: ГАТО. Ф. П-3038. Оп. 1. Д. 1. Л. 13. Д. 13. Л. 36. Д. 22. Л. 52. Д. 30. Л. 59. Д. 37. Л. 78. Д. 57. Л. 18, 123. Д. 78. Л. 23, 57, 68, 75, 105. Д. 79. Л. 8, 59. Ф. П-3037. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 3, 4, 16, 27.

Список литературы

Бакунин А.В. История советского тоталитаризма: в 2 кн. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. Кн. 2: Апогей. 224 с.

Гвоздева Н.М. Система повышения квалификации партийных и советских служащих в СССР: исторический экскурс // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4 (17). С. 28–33.

Зенков М.Ю., Новокрещенов А.В. Введение в специальность. Новосибирск, СибИУ РАНХиГС, 2013. 194 с.

История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества 1938–1959 гг.: в 2 кн. / рук. редкол. А.Д. Педосов. М.: Госполитиздат, 1980. Кн. 2: 1945–1959 гг. 692 с.

Кометчиков И.В. «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. № 4 (27). С. 125–139.

Кондрашов Д.И. От прошлого – к будущему. О времени и о себе. М.: ФГУП изд. «Известия», 2018. 640 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1985. Т. 8: 1946–1955. 9-е изд., доп. и испр. 542 с.

Народное хозяйство Тульской области. Статсборник / под ред. П.М. Демина. Тула: Тульское кн. изд-во, 1958. 216 с.

Народное хозяйство Тульской области. Статсборник / пред. редкол. А.А. Серегина. Тула, Приокск. кн. изд-во, 1973. 367 с.

Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва / сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), гл. ред. Н.Г. Томилина: в 2 т. Т. 1. М.: МФД, 2009. 656 с.

Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва / сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), гл. ред. Н.Г. Томилина: в 2 т. М.: МФД, 2009. Т. 2. 880 с.

Очерки истории Тульской организации КПСС, 1880–1983. 2-е изд., перераб. и доп.: в 2 кн. / отв. ред. И.Х. Юнак. Тула, Приокск. кн. изд-во, 1983. Кн. 2: 1937–1983. 360 с.

Справочник партийного работника / редкол.: В.Н. Малин, В.П. Московский, Д.А. Поликарпов, М.А. Сиволобов, Я.В. Сторожев. М.: Политиздат, 1957. 611 с.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. 623 с.

References

Bakunin A.V. *Istorija sovetskogo totalitarizma* [A History of Soviet Totalitarianism]: in 2 vol. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii Publ., 1997, vol. 2: *Apogetej* [Apogee], 224 p. (In Russ.)

Gvozdeva N.M. *Sistema povyshenija kvalifikacii partijnih i sovetskih sluzhashchih v SSSR: istoricheskij jekskurs* [The System of Professional Development of Party and Soviet Officials in the USSR: A Historical Perspective] *Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby* [Bulletin of the Volga Region Academy of Public Service], 2010, № 4 (17), pp. 28–33. (In Russ.)

Zenkov M.Ju., Novokreshhenov A.V. *Vvedenie v special'nost'* [Introduction to Specialty]. Novosibirsk, SibIU RANHiGS Publ., 2013, 194 p. (In Russ.)

Istorija Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza: in 6 vol. Vol. 5. Kommunisticheskaja partija nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, v period uprochenija i razvitija socialisticheskogo obshhestva 1938–1959 gg. [History of the Communist Party of the Soviet Union: in 6 vols. T. 5: The Communist Party on the eve of the Great Patriotic War and during the period of consolidation and development of socialist society]: in 2 parts, ed. by A.D. Pedosov. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1980. Part 2: 1945–1959 gg. 692 p. (In Russ.)

Kometchikov I.V. «*Institut upolnomochennyh*» na sele Central'nogo Nechernozem'ja sereдины 1940-h – nachala 1960-h gg. [«The Institution of Authorized»

representatives in the Central Nechernozemye Villages of the middle 1940s – early 1960s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istorija* [Vestnik of Perm University. Ser.: History], 2014, № 4 (27), pp. 125–139. (In Russ.)

Kondrashov D.I. *Ot proshlogo – k budushhemu. O vremeni i o sebe* [From the past to the future. About Time and Myself]. Moscow, Izvestija Publ., 2018, 640 p. (In Russ.)

KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986) [The CPSU in resolutions and decisions of Central Committee congresses, conferences and plenums (1898–1986)]: in 14 vol. Moscow, Politizdat Publ., 1985. Vol. 8: 1946–1955. 542 s.

Narodnoe hozjajstvo Tul'skoj oblasti: statsbornik [National Economy of the Tula Region: statistical collection], ed. by P.M. Demina. Tula, Tul'skoe Publ., 1958. 216 p. (In Russ.)

Narodnoe hozjajstvo Tul'skoj oblasti: statsbornik [National Economy of the Tula Region. Statistical collection], ed. by A.A. Seregina. Tula, Prioksk. Publ., 1973. 367 p. (In Russ.)

Nikita Sergeevich Hrushh'ov. Dva cveta vremeni. Dokumenty iz lichnogo fonda N.S. Hrushh'ova [Nikita Sergeevich Khrushchev. Two Colors of Time. Documents from the personal collection of Nikita Khrushchev]: in 2 vols., ed. by A.N. Artizov, L.A. Velichanskaja, I.V. Kazarina et al. Moscow, MFD Publ., 2009. Vol. 1. 656 p. (In Russ.)

Nikita Sergeevich Hrushh'ov. Dva cveta vremeni. Dokumenty iz lichnogo fonda N.S. Hrushh'ova [Nikita Sergeevich Khrushchev. Two Colors of Time. Documents from the personal collection of Nikita Khrushchev]: in 2 vols., ed. by A.N. Artizov, L.A. Velichanskaja, I.V. Kazarina et al. Moscow, MFD Publ., 2009. Vol. 2. 880 p. (In Russ.)

Ocherki istorii Tul'skoj organizacii KPSS, 1880–1983 [Essays on the history of the Tula organization of the CPSU, 1880–1983]: in 2 vols., ed. by I.H. Junak. Tula, Prioksk. Publ., 1983. Vol. 2: 1937–1983. 360 p. (In Russ.)

Spravochnik partijnogo rabotnika [Handbook of a Party Worker], ed. by V.N. Malin, V.P. Moskovskij et al. Moscow, Politizdat Publ., 1957, 611 p. (In Russ.)

Чуев Ф.И. *Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева* [One hundred and forty conversations with Molotov: from the diary of F. Chuev]. Moscow, Terra Publ., 1991, 623 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2021; одобрена после рецензирования 26.03.2021; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 14.02.2021; approved after reviewing 26.03.2021; accepted for publication 12.05.2022.

**«ТЫ В КАКУЮ ПАРТИЮ ВСТУПИЛ?»:
РОСТ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ЯРОСЛАВСКОМ РЕГИОНЕ
НА ФОНЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЦЕНТРОМ (1988–1991 ГГ.)**

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В работе анализируется политическая палитра общественных движений в Ярославском регионе (1988–1991), их идеология, характер взаимодействия с партийными структурами. Большое внимание уделяется образу неформальных движений в трактовке работников местного партийного аппарата. Источниковая база исследования представлена неопубликованными документами Центра документации новейшей истории Ярославской области. Дополнительную роль в формировании корпуса источников для исследования сыграли мемуары и данные устной истории (интервью). Теоретическая основа публикации связана с идеями социальной и интеллектуальной истории, институциональным подходом в историческом исследовании. В статье высказывается предположение, что взаимодействие региона с Москвой было определяющим в подъеме общественного движения в Ярославле (1988–1991). Делается вывод, что близость Ярославля к столице способствовала более глубокому размежеванию социума в регионе на идейном уровне. Отмечается, что накаленная общественная атмосфера региона усиливалась посредством транзита свежих радикальных идей из Москвы. Подчеркивается, что активную роль в трансляции новых ценностей играли народные депутаты Верховного совета СССР Межрегиональной депутатской группы.

Ключевые слова: перестройка, народный фронт, СССР, Ярославль, Верхневолжские регионы, центр, обком КПСС, общественное движение, межрегиональная депутатская группа, Ф.И. Лощенко, А.Н. Яковлев, делопроизводственные документы, устная история.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. «Ты в какую партию вступил?»: рост общественного движения в Ярославском регионе на фоне взаимодействия с центром (1988–1991 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 70–74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-70-74>

Research Article

**“WHICH PARTY DID YOU JOIN?”:
SOCIAL MOVEMENT GROWTH IN YAROSLAVL REGION AGAINST
THE BACKGROUND OF INTERACTION WITH MOSCOW (1988–1991)**

Yury S. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article analyses the political palette of social movements in Yaroslavl Region (1988–1991), their ideology, the nature of interaction with Communist Party structures. Much attention is paid to the image of informal movements in the interpretation of the workers of the local Communist Party apparatus. The source base of the study is represented by unpublished documents of the Centre for Documentation of Contemporary History of Yaroslavl Region. An additional role in the formation of the corpus of sources for the study was made up of memoirs and oral history data (interviews). The theoretical basis of the publication is connected with the ideas of social and intellectual history, the institutional approach in historical research. The article suggests that the interaction of the region with Moscow was decisive in the rise of the social movement in Yaroslavl (1988–1991). It is concluded that the proximity of Yaroslavl to the capital contributed to a deeper demarcation of society in the Region at the ideological level. It is noted that the tense social atmosphere in the Region was intensified through the transit of fresh radical ideas from Moscow. It is emphasised that people’s deputies of the Supreme Council of the USSR of the Interregional Deputy Group played an active role in the transmission of new values.

Keywords: Perestroika, popular front, USSR, Yaroslavl, Upper Volga regions, Soviet Moscow, Communist Party’s regional committee, public movement, interregional deputy group, Fyodor Loshchenkov, Alexander Yakovlev, office documents, oral history.

For citation: Nikiforov Yu.S. “Which party did you join?”: social movement growth in Yaroslavl Region against the background of interaction with Moscow (1988–1991). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 70–74 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-70-74>

Тридцатилетие распада СССР и конец эпохи перестройки, отмечаемые в 2021 г., можно считать вехой как в жизни страны, так и в историографии [Барсенков; Медушевский; Осина; Шубин 2019; Brown]. Симптомами роста интереса научного сообщества к заключительному периоду советской истории является организация тематических научных мероприятий. В этом смысле одним из знаковых событий научной жизни прошлого года стала всероссийская научная конференция «Ветер перестройки» в Санкт-Петербурге (октябрь 2021 г.) которая была организована молодыми учеными Санкт-Петербурга (СПбГУ, НИУ ВШЭ, Музей политической истории России). Участие в конференции в значительной степени стимулировало научные изыскания заданного хронологического периода¹. В историографическом плане хотелось бы отметить работы, посвященные «народным фронтам» и другим общественным движениям в советской провинции [Виталь; Решетников; Шех]. В настоящем исследовании на материале Ярославской области предпринята попытка изучения *проблемы поляризации общественно-политических сил в советской провинции в эпоху перестройки*.

Корпус источников составили архивные делопроизводственные материалы Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО), рассекреченные в 2017–2020 гг. (справки, информации, отчеты, стенограммы, информационные материалы)², данные устной истории [Никифоров 2018a, 2018b, 2021].

С 1988 г. Ярославская область как один из ключевых Верхневолжских регионов [Никифоров, 2020] – важный центр общественной жизни в РСФСР [Шанина]. Отправной точкой всплеска политической активности считается общественное возмущение 1988 г. Оно связано с попыткой делегирования на XIX Всесоюзную партийную конференцию Ф.И. Лощенкова (1915–2009), который ранее более 25 лет (1961–1986) руководил Ярославским обкомом КПСС [Лощенков]. Кампания против Лощенкова началась с письма в «Правду», в котором была жестко раскритикована его деятельность. Сам факт публикации на страницах главной газеты СССР заставляет задуматься о факторе влияния А.Н. Яковлева, одного из «архитекторов перестройки» [Яковлев], который, согласно документу РГАСПИ, был по своим убеждениям «атлантистом»³. Будучи уроженцем Ярославской области и секретарем ЦК КПСС по идеологии, Яковлев курировал важнейшие газеты страны [Лощенков: 63; Никифоров 2021: 185, 194].

Апофеозом политической активности ярославцев стал «антилощенковский» митинг 8 июня 1988 г. у памятника Н.А. Некрасову, в ходе которого произошло зарождение *Ярославского народного фронта* (далее – *ЯНФ*). После митинга было собрано бо-

лее 6 000 подписей против Лощенкова, направленные в Москву. Под общественным давлением и, вероятно, по указанию из центра пленум обкома лишил Лощенкова мандата делегата [Рязанцев, Салова: 338–339; Шанина]. Своеобразно оценивал возникновение ЯНФ И.А. Толстоухов, первый секретарь Ярославского обкома КПСС (1986–1990). В интервью 2017 г. он отмечал, что «из Прибалтики пришел “народный фронт” с лозунгами “долой обком”» [Никифоров 2021: 234].

Подчеркнем, что ЯНФ не был единственным общественно-политическим движением в Ярославской области. В газете «Листок Рабочей группы» приводился диалог между ярославскими неформалами [Шубин 2006] рубежа 1980–90-х гг., которые при встрече спрашивали друг друга: «Ты в какую партию вступил?»... Глаза разбегаются – партий насоздавали множество»⁴. Так, в ходе раскола ЯНФ появились такие *неформальные группы*, как «Ответственность», «За народовластие», «Комитет защиты социальных прав граждан»⁵.

Однако наибольшее внимание, конечно же, привлекает сам ЯНФ. Численность актива этого движения оценивалась в 50 человек⁶. В исторической памяти [Ковалев; Рязанцев, Салова; Шанина] одним из ярких событий общественно-политической жизни конца 1980-х гг. были митинги ЯНФ, проходившие на стадионе Ярославского шинного завода («Шинник»). Так, 14 июля 1988 г. состоялся один из первых «стадионных» митингов ЯНФ, на котором присутствовало более 4 000 чел. Резолюции ЯНФ включали *вопросы, волновавшие широкие слои ярославцев* (демократизация и гласность, бюрократизация власти, сокращение партаппарата, борьба с привилегиями и приписками, экология)⁷.

Формальная *институционализация* ЯНФ состоялась 23–24 сентября 1989 г. на *учредительной конференции*: были приняты устав и декларация, избраны 136 делегатов (80 с решающим правом голоса и 56 с совещательным голосом) и установлены нормы представительства (по 1 делегату от 10 сторонников ЯНФ)⁸; тайным голосованием выбраны *руководящие органы* (оргкомитет – 29 членов, редколлегия – 5 чел., казначейство и ревизионная комиссия – по 3 чел.)⁹; установлены *дифференцированные членские взносы*: при доходе до 100 руб. в месяц – 10 коп. в месяц, свыше 100 руб. – 1 рубль в месяц¹⁰. Делегатами конференции были члены региональных обществ («Мемориал», «Милосердие») и политических клубов («Комитет социальной защиты прав трудящихся», «Ответственность», «Альянс», «Зеленая ветвь», «Рабочий контроль»)¹¹, представители городов региона (Ярославль, Рыбинск, Тутаев, Переславль-Залесский, Ростов, Углич) и иногородние гости (Кострома, г. Бельцы Молдавской ССР), столичных организаций («Московский рабочий клуб», «Московское бюро информации», «Всероссийское общество охра-

ны памятников») и прессы (журнал «Дружба народов», газета «Призыв» Владимирской области). В резолюции конференции можно увидеть *тесную связь с центром*: «На Всероссийский съезд народных депутатов в Ярославль собираются прибыть народные депутаты СССР гг. С.Б. Станкевич и А.Н. Мурашёв»¹².

Наблюдатели из обкома КПСС отмечали, что «для сторонников ЯНФ... характерно *категорическое невосприятие других неформальных организаций*... неприязнь вызывают такие движения, как «Интерфронт», «Объединенный фронт трудящихся», созданные, по мнению лидеров ЯНФ, партийным и советским аппаратом с целью размежевания сторонников народных фронтов»¹³. Следует признать, что в субъективных оценках аппарата обкома КПСС звучало рациональное зерно. Лидеры ЯНФ, вероятно, опасались конкуренции со стороны других неформальных движений, которые могли перехватить политическую инициативу.

Для ЯНФ было присуще *расширение контактов* с неформальными объединениями по всему СССР: регулярными были как командировки «на территории с высокой социальной активностью» (Рига, Таллин, Вильнюс, Кузбасс, Москва, Ленинград, Кишинев, Киев), так и участие активистов ЯНФ в митингах неформалов в этих городах¹⁴. *Коммуникация ЯНФ с центром* выражалась в тесном взаимодействии с оппозиционной межрегиональной депутатской группой: «Координация действий ЯНФ с межрегиональной группой Верховного совета не вызывает сомнений»¹⁵. В *тактическом плане для ЯНФ* была характерна «готовность к организации стачек и забастовок с образованием стачечных комитетов»¹⁶.

Учитывая ограниченный объем статьи, кратко остановимся на двух лидерах ЯНФ. Один из них – выпускник исторического факультета Е.А. Ковалев – был организатором митинга против Ф.И. Лощенкова в 1988 г. Другой – преподаватель кафедры философии Ярославского университета И.Б. Шамшев – был избран народным депутатом СССР (1989–1991), стал членом Межрегиональной депутатской группы, а после распада СССР работал в администрации президента Б.Н. Ельцина [Ковалев]. Их жизнь после распада СССР наглядно демонстрировала *ценностное размежевание советского социума* в конце 1980-х гг. Для одного главным стала карьера и материальное благополучие, а для другого – верность идеалам свободы и демократии (в его субъективном понимании). Очень точно этот тезис раскрыли ярославские исследователи: «Для И.Б. Шамшева депутатство стало всего лишь ступенькой для будущей чиновничьей карьеры в Москве, в администрации президента Ельцина. О проблемах Ярославля и ярославцев, о народном фронте он быстро забыл... В октябре 1993 г. Шамшев как сторонник Ельцина поддержал расстрел россий-

ского парламента, среди защитников которого находился его недавний коллега Е.А. Ковалев» [Рязанцев, Салова: 339].

Следует сказать, что помимо ЯНФ важное место в политической палитре Ярославского региона занимала *Демократическая партия России (ДПР)*. Ее отделение в Ярославле появилось в августе 1990 г., а численность достигла 150 человек¹⁷. Политика ДПР нередко оценивалась другими «демократами» как «необольшевизм» и «фюрерство». Аналитики обкома КПСС отмечали, что это движение выражало «интересы частного предпринимательства, пользуется материальной поддержкой из-за рубежа»¹⁸.

Другие неформальные организации имели меньшую численность и значение в жизни региона. Так, в *Республиканской партии* во главе с С.К. Гайдисом было 30 чел. Ее представители выступали «за частную собственность на основные средства производства, за устранение КПСС от власти, отказ от марксизма-ленинизма, ликвидацию тоталитарного режима правления»¹⁹. *Возрождение – Ярославский объединенный фронт трудящихся*, созданный в январе 1990 г., насчитывал 30 человек и ставил задачу «разработать научно обоснованную нерыночную программу»²⁰. В феврале 1990 г. появился *Рыбинский союз рабочих*, который возглавил рабочий завода «Вымпел» Л. Губанов. Лозунг движения звучал деструктивно: «*В той системе, в которой существуем, нам ничего не сделать, пока эту систему не ликвидируем*»²¹. Наряду с политическими движениями в Ярославле действовала крупная организация «зеленых» – *городской экологический клуб «Зеленая ветвь»*, объединявший до 70 чел. Наконец, даже по региональным меркам крохотными выглядели некоторые партийные ячейки 1989–1990 гг.: *Христианско-демократическая партия* Н.Е. Марченко из 20 чел.; *Демократический союз* Д. Зайцева и *Социал-демократическая партия* С. Науменко – по 5 человек²². Кроме того, были организации, «именовавшие себя *кадетами, анархистами, монархистами, зелеными, либералами*»²³.

Поляризация неформальных общественных движений, их крайняя разобщенность наметились к осени 1990 г. Так, с одной стороны, на союзно-республиканском уровне в работе Учредительного съезда движения «Демократическая Россия» (20–21 октября 1990 г.) не приняли участие А. Собчак, Г. Попов, С. Станкевич, Ю. Афанасьев. Фигура последнего нередко рассматривалась в качестве лидера демократического движения²⁴. С другой стороны, на региональном уровне аналитики Ярославского обкома КПСС подчеркивали аморфность и разобщенность в рядах ЯНФ: «В народных фронтах и других движениях есть немало *разногласий и даже нетерпимости друг к другу*. Очевидно и то, что во многих фронтах Ярославля, Москвы, Иванова и других немало *внутренних проти-*

воречий, кое-где наблюдается *раскол*»²⁵. Однако были факторы, которые объединяли эти движения – «неприязнь к партийным, советским органам»²⁶.

Таким образом, проанализированные документы показали резкое расширение политической палитры общественных движений в Ярославском регионе в 1988–1991 гг. Характерным явлением стала высокая поляризация и идейное размежевание общественных сил в советской провинции. Тесное взаимодействие региона с Москвой было существенным фактором в остром подъеме общественного движения в Ярославле. Близость к столице способствовала ускоренному размежеванию социума в регионе на идейном уровне. Накаленная общественная атмосфера региона усиливалась посредством транзита свежих радикальных идей из Москвы. Активную роль в трансляции такой идеологии играли народные депутаты Верховного Совета, которые входили в состав Межрегиональной депутатской группы или тесно взаимодействовали с ней.

Полагаю, что главная заслуга общественных движений перестройки заключается в развитии институтов гражданского общества и формировании демократических ценностей в нашей стране. Этот тезис точно выразил лидер ЯНФ Е.А. Ковалев: «Народный фронт... разбудил людей от многолетней спячки и политической апатии, пробудил в них чувство собственного достоинства и способность бороться за свои законные права» [Ковалев: 15].

Перспектива дальнейших исследований видится в анализе вопроса о соотношении стихийности и организованного управления «сверху» в развитии неформальных общественных движений. При изучении событий перестройки важным представляется обращаться к инструментам устной истории – интервьюированию свидетелей и участников событий.

Примечания

¹ Некоторые тезисы настоящей статьи были озвучены в ходе устного доклада и дискуссии на конференции «Ветер перестройки» в Санкт-Петербурге. Программа конференции доступна по настоящее время. URL: https://www.hse.ru/data/2021/11/26/1447200777/Programma_Vetra_Perestroyki-2021.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

² Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 272. Оп. 269.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 132. Л. 5.

⁴ Почему я не антикоммунист // Листок Рабочей группы. Ярославль, 1990. 20 августа. № 14. С. 3.

⁵ ЦДНИЯО. Ф. 272. Оп. 269. Д. 2622. Л. 23.

⁶ Там же. Д. 2715. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 778. Л. 102.

⁸ Там же. Д. 2622. Л. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 21.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 2715. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Д. 712. Л. 5.

²⁵ Там же. Д. 2620. Л. 6.

²⁶ Там же.

Список литературы

Барсенков А.С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. // Российская история. 2014. № 6. С. 77–98.

Виталь В.А. Народный фронт Эстонии в период перестройки в СССР (1988–1991 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 59–70.

Ковалев Е.А. Так создавался Ярославский народный фронт. Ярославль: Сев. рабочий, 1997. 91 с.

Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–30.

Лоценков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль: ЛИЯ, 2000. 79 с.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 275 с.

Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018а. 79 с.

Никифоров Ю.С. Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 52–60.

Никифоров Ю.С. Роль «устной истории» в изучении региональных элит позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2018b. № 4. С. 260–266.

Осина О.В. Перестройка и ее влияние на трансформацию политической системы СССР // Университетский научный журнал. 2020. № 55. С. 28–34.

Решетников О.М. Неформальные объединения в СССР в годы перестройки // Власть. 2009. № 11. С. 26–28.

Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. История Ярославского края. Ярославль: Канцлер, 2019. 414 с.

Шанина О.Н. Перестройка и гласность. Ярославский народный фронт. URL: <https://www.yararchive.ru/publications/details/208/> (дата обращения: 24.09.2021).

Шех А.В. Развитие общественно-политической активности в Мурманской области в период перестройки в СССР 1985–1991 гг. // Клио. 2016. № 2. С. 77–85.

Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы, 1986–1989. М.: Европа, 2006. 339 с.

Шубин А.В. Причины, последствия и оценка “Перестройки” и распада СССР // ЭНОЖ “История”. 2019. № S20. С. 20.

Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2005. 672 с.

Brown A. Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective. New York, Oxford University, 2007, 384 p.

References

Barsenkov A.S. *Politika perestrojki i reformirovanie sovetского obshchestva v 1985-1991* [Perestroika policy and reformation of the Soviet society in 1985-1991]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2014, № 6, pp. 77–98. (In Russ.)

Vital' V.A. *Narodnyj front Estonii v period perestrojki v SSSR (1988–1991)* [Estonian Popular Front in the period of perestroika in the USSR (1988–1991)] *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings], 2019, № 4, pp. 59–70 (In Russ.)

Kovalev E.A. *Tak sozdavalsya Yaroslavskij narodnyj front* [This is how the Yaroslavl People's Front was created]. Yaroslavl, Sev. Rabochij Publ., 1997, 91 p. (In Russ.)

Medushevskij A.N. *Perestrojka i prichiny krusheniya SSSR s pozicij analiticheskoy istorii* [Perestroika and the causes of the collapse of the USSR from the standpoint of analytical history]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2011, № 6, pp. 3-30 (In Russ.)

Loshchenkov F.I. *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Yaroslavl, LIYA Publ., 2000, 79 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980-e gg.): teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980s): theoretical and methodological foundations of the study]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2021, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamyati* [The contemporary national history in the mirror of an interview with the regional elite: from the USSR to Russia through the

prism of cultural memory]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2018a, 79 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Regional'nyj aspekt issledovaniya transformacii rossijskogo obshchestva 1950-1990-h gg. i evolyucii ekonomicheskogo ustrojstva: reprezentativnost' i unikal'nost' Verhnevolzhskih regionov pozdnego SSSR* [Regional aspect of the study of the transformation of Russian society in the 1950s-1990s. and evolution of the economic structure: representativeness and uniqueness of the Upper Volga regions of the late USSR]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 2, pp. 52–60 (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Rol' “ustnoj istorii” v izuchenii regional'nyh elit pozdnego socializma* [The role of “oral history” in the study of regional elites of late socialism]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2018b, No. 4, pp. 260–266. (In Russ.)

Osina O.V. *Perestrojka i ee vliyanie na transformaciyu politicheskoy sistemy SSSR* [Perestroika and its influence on the transformation of the political system of the USSR]. *Universitetskij nauchnyj zhurnal* [University scientific journal], 2020, № 55, pp. 28–34 (In Russ.)

Reshetnikov O.M. *Neformal'nye ob'edineniya v SSSR v gody perestrojki* [Informal associations in the USSR during perestroika]. *Vlast* [Power], 2009, № 11, pp. 26–28 (In Russ.)

Ryazancev N.P., Salova Yu.G. *Istoriya Yaroslavskogo kraja* [History of the Yaroslavl region]. Yaroslavl, Kancler Publ., 2019, 414 p. (In Russ.)

Shanina O.N. *Perestrojka i glasnost'. Yaroslavskij narodnyj front* [Perestroika and Glasnost. Yaroslavl People's Front]. URL: <https://www.yararchive.ru/publications/details/208/> (accessed: 24.09.2021) (In Russ.)

Shekh A.V. *Razvitie obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti v Murmanskoj oblasti v period perestrojki v SSSR 1985-1991* [The development of social and political activity in the Murmansk region during the period of perestroika in the USSR 1985-1991]. *Klio* [Clio], 2016, № 2, pp. 77-85 (In Russ.)

Shubin A.V. *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly, 1986-1989* [Faithful Democracy. USSR and informals, 1986-1989]. Moscow, Evropa Publ., 2006, 339 p. (In Russ.)

Shubin A.V. *Prichiny, posledstviya i ocenka “Perestrojki” i raspada SSSR* [Causes, consequences and assessment of “Perestroika” and the collapse of the USSR]. *ENOZH “Istoriya”* [Electronic scientific and educational journal “History”], 2019, № 20, pp. 20 (In Russ.)

Yakovlev A.N. *Sumerki* [Dust]. Moscow, Materik Publ., 2005, 672 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 75–83. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 75–83. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(485)

EDN DACPPH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-75-83>

ФИРМА INVESTOR В АРХИТЕКТУРЕ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРУППЫ СЕМЬИ ВАЛЛЕНБЕРГ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ

Гехт Антон Борисович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-1161>

Аннотация. Вот уже полтора столетия предпринимательская деятельность семьи Валленберг в значительной степени определяет направление развития экономики Швеции. Из крупнейшей в своем регионе семьи преуспевших финансистов Валленберги постепенно стали одной из самых влиятельных семей в современной мировой экономике. В наши дни в центре их сферы деловых интересов находится один из крупных международных банков – «Скандинавска Эншилда Банкен», широко известный под аббревиатурой SEB, – и инвестиционный холдинг «Investor». Именно Investor является, пожалуй, ключевым инструментом управления их семейными активами, представленными практически во всех отраслях современной экономики: эта фирма владеет долями в таких компаниях, как SKF, ABB, Atlas Copco, AstraZeneca, Electrolux, Ericsson, Husqvarna, NASDAQ, Saab AB, Orphan Biovitrum, SAS, а также в ряде других. По состоянию на 2021 г. рыночная стоимость холдинга Investor превысила 400 млрд шведских крон (более 40 млрд евро, более 50 млрд долларов США).

Ключевые слова: Швеция, династия Валленберг, финансово-промышленная группа Валленбергов, «Стокгольмс Эншилда банкен», Investor, SKF, ABB, Electrolux, Ericsson, SAS.

Для цитирования: Гехт А.Б. Фирма Investor в архитектуре финансово-промышленной группы семьи Валленберг: история и современная роль // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 75–83. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-75-83>

Research Article

THE FIRM “INVESTOR” IN THE ARCHITECTURE OF THE FINANCIAL AND INDUSTRIAL OF WALLENBERGS FAMILY GROUP: HISTORY AND CONTEMPORARY ROLE

Anton B. Gekht, Candidate of Historical Sciences, Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-1161>

Abstract. For a half of century the entrepreneurial activities of the Wallenberg group have largely determined Swedish economy direction. From one of the largest family of successful financiers the Wallenbergs have gradually become one of the most influential dynasty in the modern world economy. Today one of the major international banks – “Skandinaviska Enskilda Banken” (SEB) – and the investment holding “Investor” are at the centre of their sphere of business interests. “Investor” is the key tool for managing Wallenberg family assets, represented in the most of modern economy sectors. This company owns shares in SKF, ABB, Atlas Copco, AstraZeneca, Electrolux, Ericsson, Husqvarna AB, NASDAQ, Saab AB, Swedish Orphan Biovitrum AB, SAS, and a number of others. In 2021 the market value of “Investor” has exceeded 400 billion SEK (€ 40+ billion, \$ 50+ billion).

Keywords: Sweden, Wallenberg dynasty, Wallenberg financial and industrial group, Stockholms Enskilda Bank, Investor, SKF, ABB, Electrolux, Ericsson, SAS.

For citation: Gekht A.B. “Investor” in the architecture of the financial and industrial Wallenbergs family group: history and contemporary role. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 75–83 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-75-83>

Начав свою историю с основания «Стокгольмс Эншильда Банкен» в 1856 г., финансово-промышленная группа, управляемая семьей Валленберг, остается не только крупнейшей в Швеции и в странах Северной Европы, но и одним из заметных участников мирового рынка, представленным во всех развитых регионах планеты. Еще на начальных этапах развития владельцы «Стокгольмс Эншильда Банкен» избрали для себя такое направление предпринимательской деятельности, как инвестиционное финансирование масштабных инфраструктурных и промышленных проектов, наряду с приобретением крупных долей акций в других предприятиях, что давало возможность принимать непосредственное участие в управлении фирмами. Однако по мере роста сферы деловых интересов семьи Валленберг и ее более выраженного разделения на финансовую и промышленную области было принято решение о создании специализированного инструмента, направленного именно на контроль за инвестиционными операциями. Им стала фирма Investor, основанная в 1916 г. тогдашними руководителями финансово-промышленной группы братьями Кнудом Агатом и Маркусом Валленбергами.

Несмотря ни на общий трансрегиональный масштаб предпринимательской деятельности финансово-промышленной группы Валленбергов в современности, ни на в целом исключительное положение Investor в международном экономическом пространстве, какие-либо профильные исследования, посвященные его деятельности, выходящие за пределы кратких информационных справок, отсутствуют. Единственным исключением является англоязычная работа шведского исследователя Руланда Фагерфэла, опубликованная к столетнему юбилею с момента создания фирмы [Fagerfjäll: 282]. Являясь также автором исследования, посвященного жизнеописанию руководителя деловой империи Валленбергов в 1980–90-х гг. Петеру Валленбергу [Fagerfjäll], Р. Фагерфэл имел доступ к обычно закрытым для сторонних авторов материалам и поэтому смог работать с уникальными источниками, что придает особый вес его книге. Тем не менее следует отметить, что она скорее является обширно иллюстрированным и эффективно оформленным статусным подарочно-представительским изданием, призванным в большей степени презентовать компанию, нежели детально излагать ее становление. Немалое внимание автор уделил биографическим справкам, различным аспектам тесно связанного с Investor подконтрольного Валленбергам банка «SEB» и общему фону социально-экономической истории Швеции в XX в. В этой связи более сжатое описание истории и основных направлений коммерческой деятельности «Investor», предлагаемое в настоящей работе, может рассматриваться

как заполнение определенной лакуны в отечественной историографии, посвященной новейшей истории этой скандинавской страны.

Отсчет своей истории Investor ведет с 1916 г. Видному банкиру и промышленному магнату К.А. Валленбергу, в тот период стоявшему во главе владельцев «Стокгольмс Эншильда Банкен», довелось стать министром иностранных дел Швеции в годы Первой мировой войны и во многом определять внешнеполитический курс этой страны, оставшейся вне столкновения великих держав. Фактически благодаря Кнуду Агагону деловая империя семьи Валленберг начала принимать свои современные формы [Гехт: 2300–2307], и в наши дни сохраняя свое значение как в Швеции, так и во многих странах за ее пределами. Оставив летом 1917 г. пост министра иностранных дел, К.А. Валленберг совместно со своей супругой Алисой (в девичестве Никельсен) принял решение основать особый фонд, призванный распоряжаться частью их личных средств в благотворительных целях. Возможным источником вдохновения для учредителей фонда послужил основанный в 1913 г. «Фонд Рокфеллера» и другие крупные американские организации схожей направленности.

По видению основателей, основной целью фонда была не только поддержка научных начинаний, но и содействие развитию торговли, лесного хозяйства, промышленности и другой коммерческой деятельности в Швеции. Необходимо отметить, что в послевоенные десятилетия у «Фонда Кнута и Алисы Валленберг» появилась еще одна важная функция и задача, в отличие от благотворительной деятельности не афишируемая. Представители семьи Валленберг всегда выделялись среди других не только шведских, но и европейских предпринимателей отличным знанием национального законодательства и международного права, в частности полностью легальных способов минимизации налоговых выплат. В Швеции, так же как, впрочем, и во многих других развитых западных странах, законодательно разрешено создавать специальные фонды, ставящие перед собой задачу достижения общественных целей. Такие фонды освобождены от уплаты налогов на прибыль, но зачастую этим фондам шведскими законами разрешается заниматься коммерческой деятельностью [Гехт, Пleshакова: 137–142]. Постепенно именно «Фонд Кнута и Алисы Валленберг» стал приоритетным владельцем не только пакетов акций различных фирм, относящихся к сфере интересов финансово-промышленной группы Валленбергов, но и компании Investor. Она ярко проявила себя уже в 1920-х гг., когда большая часть промышленной деятельности Валленбергов стала осуществляться через нее и ряд дочерних компаний при поддержке финансовых ресурсов «Стокгольмс Эншильда банкен» [Fagerfjäll: 40–45].

Так, именно пакет акций, находящийся под контролем семьи Валленберг в рамках деятельности Investor, обеспечивает их присутствие в руководстве известного шарикоподшипникового концерна SKF вот уже на протяжении более чем столетия. Необходимо отметить, что с течением времени доля акций, подконтрольных непосредственно семье Валленберг или возглавляемому ими банку, менялась. Рассматривая указанный период, вполне уместно привести следующий пример, иллюстрирующий подобные изменения. Акции SKF долгое время были одними из крупнейших под управлением Investor, достигая на пике доли 17 % от общего объема этих ценных бумаг на рынке; когда в 1920-е гг. курс акций вырос, Investor выгодно реализовал часть своей собственности, а совокупные владения семьи Валленберг уменьшились с 13,5 % в 1925 г. до почти 9 % в 1929 г. [Wetterberg: 68]. Несомненно, особое значение стратегически важная продукция SKF, необходимая для производства танков и других видов тяжелой военной техники, приобрела накануне и во время Второй мировой войны, тем самым поспособствовав вовлечению руководителей семьи Валленберг во внешнюю политику их родины [Гехт: 116–132]. Возвращаясь в современность, отметим, что концерн SKF и в наши дни является одной из важнейших международных промышленных компаний. Она занимается развитием новых технологий и предоставляет разнообразную продукцию – подшипники и подшипниковые узлы, уплотнения, мехатронику и системы смазывания¹.

В рассматриваемый исторический период фирма Investor приняла участие и в развитии электротехнического концерна ASEA, приковавшего к себе пристальное внимание Валленбергов. Впервые финансово-промышленная группа Валленбергов вошла в управление компанией ASEA в начале XX в., но в 1907 г. в результате серьезного кризиса и реструктуризации компании перестала оказывать на нее какое-либо влияние. Новый этап в сотрудничестве Валленбергов и ASEA начался в 1928 г., когда начинающий свою деловую карьеру Маркус Валленберг-младший предложил организационный план по созданию масштабного предприятия в области энергетики, целью которого в числе прочего являлось получение концессий на строительство электростанций и распределение электроэнергии за рубежом [Glete: 27]. Для воплощения этих планов в 1929 г. была сформирована компания, названная Electro-Invest, где Investor и ASEA владели равными долями. Интересы нового предприятия изначально были направлены в Восточную Европу. К 1931 г. электростанции были построены, например, в Польше и Латвии.²

Ко второй половине 1930-х гг. также относится участие фирмы Investor в основании одного из ключе-

вых предприятий военно-промышленного комплекса Швеции – концерна Svenska Aeroplan AB, более известного как Saab AB. Желая иметь собственное производство авиационной техники, в декабре 1936 г. руководство шведских BBC обратилось к М. Валленбергу-младшему с предложением создать крупное предприятие в этой сфере³. Из-за возникших административных проволочек, а также согласования позиций и условий сторон (Валленбергам долго не удавалось договориться с руководством концерна Bofors, также участвовавшего в начинании) Saab AB был основан лишь весной 1939 г. [Segerstedt, Rydberg: 106–108]. Ориентируясь в первую очередь на американский опыт авиастроения, в годы Второй мировой войны Saab AB производил воздушные суда. Впоследствии на базе этого предприятия было развернуто автомобильное производство, и в послевоенные десятилетия машины Saab стали одной из визитных карточек шведской экономики. При этом пакет акций семьи Валленберг по-прежнему принадлежал их инвестиционной компании.

В послевоенные десятилетия, пользуясь примерно той же схемой, владельцы Investor вошли в более масштабное, чем прежде, управление фирмами Ericsson и Electrolux и активно поспособствовали широкому выходу их продукции на различные потребительские рынки за пределами стран Северной Европы [Rosén: 96–99].

В условиях бурного экономического подъема Швеции и нехватки в этой стране рабочей силы, в конце 1940-х гг. руководство скандинавских стран приняло шаги, направленные на формирование общего рынка труда. На фоне складывания первого в континентальной Европе экономического интеграционного блока – Европейского объединения угля и стали – скандинавы пошли по пути сближения своих экономик куда дальше, заметно опережая западноевропейскую интеграцию [Гехт, Неровный, Потапенко: 419–425]. После подписания в 1952 г. акта о создании Северного Совета в 1954 г. был создан общий рынок труда, в 1957 г. оформлена паспортная уния, а для повышения мобильности трудовых ресурсов северные страны предприняли серию синхронных мер в области унификации социальной политики, тем самым превращая субрегиональный общий рынок труда в обширную сферу общих интересов стран Северной Европы и объектом их последующих интеграционных усилий [Северная Европа: 391–392]. Как отмечалось в одной из более ранних статей автора настоящей работы, «эти процессы происходили на фоне завершившейся гармонизации законодательств стран-участников в области имущественного, коммерческого и гражданского права, а также области страхования, владения недвижимостью и т. д.» [Гехт: 64–67]. Ярким символом тесного регионального со-

трудничества стран Северной Европы стало создание в 1946 г. мультинациональной авиакомпании SAS (англ. *Scandinavian Airlines System*), ставшей ведущим авиаперевозчиком скандинавских государств и одной из крупнейших международных компаний в области воздушного сообщения.

Постепенно SAS заняла большую часть местного рынка авиаперевозок во всех трех странах; кроме того, ей стали принадлежать доли в региональных авиакомпаниях, в том числе Braathens и Widerøe в Норвегии, Linjeflyg и Skyways Express в Швеции и Cimber Air в Дании [Bugaas: 49]. М. Валленберг-младший очень позитивно оценивал деятельность SAS и любил подчеркивать, насколько важна эта авиакомпания для шведского бизнеса: «...благодаря международному присутствию SAS, мы оказываем поддержку всей шведской экономике, обеспечивая новый уровень эффективности для делового сообщества» [Segerstedt, Rydberg: 115]. Остается добавить, что управление активами финансово-промышленной группы Валленбергов в этой сфере также осуществлялось через Investor, и в наши дни выступающего владельцем принадлежащего им пакета акций.

Рассуждая о позициях Валленбергов в экономике Швеции, важно иметь в виду, что ни сами члены семьи, ни подконтрольный им SEB, ни различные структуры, созданные для владения и управления активами, такие как «Фонд Кнута и Алисы Валленберг» или Investor, практически никогда не выступали единственными владельцами тех или иных предприятий и фирм. Характерная черта предпринимательского стиля Валленбергов, окончательно оформившаяся в период после Второй мировой войны – присутствие в большом (не сказать исключительно большом) числе компаний за счет разновеликих пакетов акций.

Такое положение позволяет «не складывать все яйца в одну корзину»: неизбежные трудности и даже проблемы, появляющиеся в деятельности одного из направлений сферы их интересов, едва ли повлияют заметным образом на активы семьи в других секторах экономики. Также уместно отметить, что эта особенность объясняется стремлением минимизировать налоговую нагрузку на их активы, поскольку владельцы крупных и мажоритарных пакетов акций облагаются дополнительными взысканиями. Не следует упускать из внимания и нежелание Валленбергов становиться объектами разноуровневой критики в качестве владельцев контрольных пакетов акций различных видных предприятий, попадающих в сферу их деловых интересов. Столкнувшись в 1960–70-х гг. с активной критикой со стороны шведской общественности, обеспокоенной масштабом их влияния в экономике королевства, руководители финансово-промышленной группы Валленбергов пришли к выводу о необходимости выраженнее придержи-

ваться семейного девиза «Esse non videri» – «Быть, но быть невидимым», традиционно используемого и в наши дни.

Стремясь уйти из-под юрисдикции регулятивных мер сферы финансов, введенных шведским правительством в конце 1960-х гг., руководство финансово-промышленной группы Валленбергов пришло к выводу о необходимости выведения значительной части их активов за пределы королевства. Лишь объединение капиталов двух из трех крупнейших в стране коммерческих банков могло обеспечить их успешное и уверенное функционирование на международном рынке, где и им самим, и связанным с ними промышленным предприятиям приходилось конкурировать с куда более крупными банками и фирмами. Наконец, к концу осени 1971 г. переговоры с руководством давнего конкурента банка семьи Валленберг, «Хандельсебанкен», и прочие соглашения в целом завершились; в новом 1972 г. должен был начать функционировать новый банк, созданный на основе двух своих предшественников и впитавший в себя названия обоих – «Скандинависка Эншильда банкен», SEB. Владельцы «Стокгольмс Эншильда банкен» получали контроль примерно над 40 % активов нового финансового института, при этом семье Валленберг принадлежало около 6 % активов [Lundström: 345–348].

Возрастающая сложность ведения дел финансово-промышленной группы неизбежно вела к тому, что к середине 1970-х гг. аналитический потенциал сферы деловых интересов семьи Валленберг все в большей степени переходил к Investor. Именно Investor в 1970-е гг. решил для них проблему обеспечения собственного влияния за счет введения балльной системы подсчета голосов акционеров, несмотря на сравнительно скромную долю акций в некоторых из компаний их сферы [Fagerfjäll: 132]. Центр финансово-промышленной группы постепенно продолжал смещаться от банка к Investor: если на протяжении всего предшествующего столетия своей истории Валленберги успешно сочетали активное предпринимательство с интенсивной банковской деятельностью, то в 1980-х гг. предпринимательство стало доминировать над банковской деятельностью, что закономерно отражалось и на значении Investor в архитектуре всей финансово-промышленной группы, выходявшего на передний план.

Особенно роль Investor возросла после присоединения Швеции в 1995 г. к общему рынку, сформированному в рамках Европейского Союза и давшего шведским производителям дополнительные возможности по продвижению своей продукции в переживавшем свой расцвет интеграционном объединении. Известно, что именно тогдашний председатель Investor выступил одним из первых представителей

крупной промышленности в Швеции, кто в начале 1990-х гг. открыто и решительно лоббировал возможное членство Швеции в Европейском союзе⁴.

Примечательно, что у тогдашнего главы семьи Валленберг, в точности как в свое время у всех его предков, были тесные и теплые отношения с королевской семьей. К примеру, было известно, что Петер Валленберг и король Карл XVI Густав регулярно ходили вместе на охоту⁵; по инициативе предпринимателя в 1993 г., на 60-летний юбилей королевы Сильвии, компания Investor подарила ей бассейн, оборудованный в загородной резиденции шведских монархов – дворце Дротнингхольм [Sjögren: 106]. Рассуждая о неформальном взаимодействии П. Валленберга с королевской семьей, необходимо отметить, что возможность обоснованно рассуждать о наличии влияния этих неинституционализированных контактов на экономическую и политическую жизнь Швеции отсутствует. Шведский король, в отличие, к примеру, от британского монарха, юридически полностью лишён какого-либо влияния на функционирование государственного аппарата, выработку и принятие политических решений и исполняет исключительно представительские обязанности, никак не демонстрируя свои политические взгляды. Уместно предположить, что для П. Валленберга частное взаимодействие с Карлом XVI Густавом носило в первую очередь статусный характер, подчеркивающий его позиции в социально-экономической жизни страны в непростой для королевства период трансформации прежней устоявшейся социал-демократической политической модели. Для популяризации своего видения актуальных вызовов и перспектив, стоящих перед шведским обществом, П. Валленберг с помощью Investor решил стать участником рынка СМИ.

На протяжении последнего десятилетия XX века инвестиционный пакет рассматриваемой фирмы по-прежнему распределялся между такими компаниями, как Ericsson, Electrolux, SAS, ASEA, Stora и SKF, а также рядом других портфелей. Следует отметить, что в начале 1990-х гг. к ним прибавились акции телевизионного холдинга Nordisk Television AB⁶, управлявшего самым крупным в королевстве на тот момент телевизионным каналом TV4. Прежде медийная сфера не относилась к приоритетным направлениям деловых интересов Валленбергов, хотя при их деятельном участии много десятилетий развивалось такое печатное издание, как «Свенска Дагбладет», одна из видных в Швеции газет либерально-консервативного толка. По мере развития информационного общества владельцы Investor решили активнее использовать и такую информационную площадку, как телевидение. В 1994 г. в эфире канала TV4 появилось часовое интервью с П. Валленбергом, рассуждавшим не только о текущей ситуации в шведской

экономике, но также о перспективах деятельности шведских фирм и инвесторов далеко за пределами привычной Европы⁷.

Наметившаяся ранее тенденция к слиянию с крупными предприятиями, работающими в смежной области, видна и в других направлениях работы рассматриваемого инвестиционного холдинга: в 1997 г. управляемый им шведский фармацевтический гигант Astra, занимавшийся разработкой и производством лекарственных препаратов практически всех направлений применения, объединился с британской Zeneca Group, образовав компанию AstraZeneca⁸, в начале пандемии Covid-19 занявшейся разработкой вакцины для лечения нового вируса.

В то же время нельзя обойти вниманием постепенный отказ руководства Investor от участия в управлении автомобильным концерном SAAB. Некогда флагман шведского автопрома, ко второй половине 90-х гг. прошлого столетия это предприятие стало проигрывать конкурентную борьбу с другими производителями автомобилей, в первую очередь американскими и японскими. К 2012 г., уже после передачи управления семейной империей следующему поколению Валленбергов, прежний SAAB окончательно прекратил свое существование [Zander].

После отхода П. Валленберга от дел его племянник Маркус Валленберг, один из нынешних руководителей финансово-промышленной группы, весной 1999 г. занял пост генерального директора Investor. Он установил новый курс: больше внимания к вопросам, связанным с развитием сферы здравоохранения, образования и информационных технологий. Вскоре оказалось, что последнее направление сыграло с ним злую шутку. Вторая половина 1990-х годов ознаменовалась взрывным развитием компаний интернет-сектора и смежных областей. Характеризовавшее многих из них название «дотком» относится к коммерческим веб-сайтам: оно родилось как термин для определения компаний с доменными именами в Интернете, заканчивающимися на «.com».

Большие объемы биржевых операций подпитывались фактом, что это была новая отрасль с высоким потенциалом и сложностью оценки участников рынка. Их причиной стал высокий спрос на акции этого сектора со стороны инвесторов, ищущих новые объекты капиталовложений, повлекший также переоценку многих компаний этой отрасли. Существенным отличием грядущего кризиса доткомов стала необоснованно завышенная оценка экономических перспектив многочисленных начинаний. Еще в 1996 г. Алан Гринспен, в то время председатель ФРС США, выступал против «иррационального избытия», когда разумное вложение капитала было заменено импульсивными инвестициями [Гринспен]. 10 марта 2000 г. технологический фондовый индекс

Nasdaq достиг максимума в более чем 5 000 пунктов, на следующий день после того, как пожарная распродажа технических акций отметила конец роста «новой экономики»⁹.

Как только инвесторы и спекулянты поняли, что Интернет создал совершенно новый и неиспользованный международный рынок, IPO интернет-компаний начали быстро следовать друг за другом¹⁰. В 1999 г. в США было проведено 457 первичных размещений, большинство из которых организовали технологические и интернет-компании. Из них 117 удалось удвоить свою стоимость в течение первого дня торгов¹¹. Коммуникационные компании, такие как операторы мобильной сети и интернет-провайдеры, начали вкладывать значительные средства в сетевую инфраструктуру, что также внесло свой вклад в приближение кризиса доткомов [Гехт: 41–48].

10 марта 2000 г. индекс технологических акций, торгуемых на Уолл-стрит, Nasdaq Composite, достиг максимума в 5046,86 пункта, что вдвое превысило его значение годом ранее. На следующий день курсы акций начали падать, и пузырь доткомов лопнул: одной из прямых причин этого стало завершение антимонопольного дела против компании Microsoft, которая в апреле 2000 г. была объявлена монополией. 9 октября 2002 г. Nasdaq достиг минимума – 1114,11 пунктов¹⁰. Это была колоссальная потеря: 78 % индекса по сравнению с его пиком за 2,5 года до этого⁹.

Таким образом, бум на фондовых рынках технологий привел к созданию масштабного пузыря интернет-компаний. Компания Investor, напрямую вовлеченная в обеспечение функционирования Nasdaq, понесла большие убытки, но устояла [Fellman: 83]. В настоящее время подробности установить практически невозможно: даже такой информированный шведский исследователь, как Р. Фагерфэл, на страницах своей работы, посвященной истории Investor, вместо рассмотрения данного эпизода обходится общими фразами об «извлеченных руководством компании уроках» [Fagerfjäll: 212–213]. Последствия неудачных вложений капиталов в рискованные интернет-начинания легли в основу последующей должностной рокировки: в 2005 г. Якоб Валленберг занял пост председателя Investor, сменив на этом посту своего двоюродного брата, занявшего должность его заместителя¹². Подобное положение сохраняется по настоящее время.

Нынешняя структура империи Валленбергов отличается продуманностью, сбалансированностью и определенной сложностью [Гехт: 41–48]. Сердце всех их владений – компания Investor. Фирма владеет долями¹² в таких компаниях, как ABB¹⁴ (10,5 % акций, 10,5 % прав голоса), Atlas Copco¹⁵ (16,8 % акций, 22,3 % прав голоса), AstraZeneca¹⁶ [Vedantam] (4,1 % акций, 4,1 % прав голоса), Electrolux¹⁷ (15,5 % акций,

30,0 % прав голоса), Ericsson¹⁸ (5,9 % акций, 22 % прав голоса), Husqvarna¹⁹ (15,7 % акций, 30,8 % прав голоса), NASDAQ²⁰ (11,5 % акций, 11,5 % прав голоса), Saab AB²¹ (30,0 % акций, 39,5 % прав голоса), Orphan Biovitrum²² (40 % акций, 40 % прав голоса), Wärtsilä²³ (16,8 % акций, 16,8 % права голоса) а также в ряде других.²⁴ По состоянию на осень 2019 года год рыночная стоимость Investor превысила 370 млрд шведских крон (более 37 млрд евро, более 45 млрд долларов США)²⁵.

В свойственной Валленбергам манере перекрестного владения ценными бумагами основная доля их активов Investor – около 25 % от совокупного объема акций – находится в ведении второго по значимости института, особого фонда, учрежденного Петером Валленбергом – Foundation Asset Management AB, более известного под аббревиатурой FAM²⁶. Гораздо менее известный прессе и поэтому реже попадающий в поле внимания различных исследователей FAM является владельцем пакетов ценных бумаг таких фирм, как Alfa Laval²⁷ (6 % акций, 6 % права голоса), Bergvik Skog²⁸ (12,5 % акций, 12,5 % права голоса), Höganäs²⁹ (50 % акций, 50 % права голоса), Saab AB (8,7 % акций, 7,7 % права голоса), SAS (7,6 % акций, 7,6 % права голоса), SKF³⁰ (13 % акций, 30 % права голоса), Stora Enso³¹ (10,2 % акций, 27,2 % права голоса).³²

Еще порядка 25 % активов Investor находятся в ведении целого ряда фондов, подконтрольных Валленбергам – это и ключевой «Фонд Кнута и Алисы Валленберг», а также более второстепенные организации, такие как «Фонд Марианны и Маркуса Валленберг» и «Фонду Маркуса и Амалии Валленберг» [Dahlberg, Hedenqvist, Sundström: 84], в свою очередь полностью владеющих активами FAM³³. По состоянию на начало 2022 года они оцениваются на сумму более чем в 50 млрд шведских крон (более 5 млрд евро, более 5,3 млрд долларов США); председателем фонда является Маркус Валленберг, Якоб занимает пост его заместителя²⁶. Под управлением и Investor и FAM находятся большие доли активов другого центрального института в империи Валленбергов – банка SEB: 21 % акций, 21 % прав голоса²⁴ и 1,8 % акций, 1,8 % прав голоса³² соответственно.

Таким образом, за свою более чем вековую историю Investor прошел путь от инструмента, призванного обеспечивать контроль над управлением инвестиций средств финансово-промышленной группы семьи Валленберг, до центрального органа в сложной архитектуре их деловой империи, распространившейся далеко за пределами Швеции и являющейся флагманом во многих отраслях экономики. На данном этапе нет никаких оснований полагать, что положение Investor как-либо изменится в обозримой перспективе.

Примечания

¹ AB SKF. Режим доступа: <http://www.skf.com/ru/index.html> (дата обращения: 06.05.2021)

² History of ABB. ABB. URL: <https://new.abb.com/about/history> (дата обращения: 11.01.2022).

³ Stockholms Enskilda Bank 1856–1971. Wallenberg. URL: https://www.wallenberg.com/arkiv/sites/default/files/files/Arkivet/Bocker/stockholms_enskilda_bank_1856_-_1971.pdf (дата обращения: 09.01.2022)

⁴ Dagens Nyheter historiska arkiv. Dagens Nyheter. URL: <http://arkivet.dn.se/arkivet> (дата обращения: 17.01.2022).

⁵ Aftonbladet. URL: <http://www.aftonbladet.se/arkiv/arkiv.html> (дата обращения: 13.01.2022).

⁶ Is it a bird? Is it a manager? The Economist. 1997. 01 may. URL: <https://www.economist.com/business/1997/05/01/is-it-a-bird-is-it-a-manager> (дата обращения: 17.01.2022).

⁷ Intervju med Peter Wallenberg. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cujAcKL9O0A> (дата обращения: 17.01.2022).

⁸ AstraZeneca. URL: <https://www.astrazeneca.com/our-company.html> (дата обращения: 17.01.2022).

⁹ Пузырь NASDAQ // Коммерсант. 2018. 28 фев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/855711> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁰ Dotcom limited. Financial times. URL: <https://www.ft.com/stream/af5893fe-d3b6-433e-9c2c-db007dc7646a> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ Кризис «доткомов» – описание, история и интересные факты // ФБ. 2017. 14 окт. URL: <https://fb.ru/article/348920/krizis-dotkomov---opisanie-istoriya-i-interesnyie-faktyi> (дата обращения: 10.01.2022).

¹² Investor. URL: <https://www.investorab.com/about-investor/corporate-governance/board-of-directors/> (дата обращения: 11.01.2022).

¹³ Необходимо принимать во внимание, что все нижеприведенные цифры не являются некоей константой и с течением времени могут меняться в зависимости от коммерческой деятельности семьи Валленберг.

¹⁴ Эта корпорация специализируется в области электротехники, энергетического машиностроения и информационных технологий, в ряде сегментов рынка занимает передовые позиции. Концерн представлен в более 100 странах мира.

¹⁵ В настоящее время данный производитель промышленного и строительного оборудования и инструментов является одним из ведущих мировых поставщиков компрессоров, вакуумного оборудования, генераторов, насосов, электроинструмента и сборочных систем. Компания имеет глобальный охват, насчитывающий более 180 стран.

¹⁶ Данная фармацевтическая фирма является десятой по объему продаж рецептурных препаратов компаний в мире. В 2010 г. была вынуждена произвести

крупные финансовые выплаты для урегулирования обвинений в мошенничестве и коррупции по серии обвинений в утаивании информации о побочных эффектах предлагаемых ей препаратов.

¹⁷ Electrolux. URL: <https://www.electrolux.com/> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁸ Данная компания является ведущим мировым поставщиком в быстро меняющейся индустрии коммуникационных технологий и услуг. На современном этапе порядка 40 % мирового мобильного трафика проходит через сети Ericsson. Ericsson имеет один из самых сильных патентных портфелей в отрасли (39 000 патентов) и является лидером в разработке технологий 5G.

¹⁹ Husqvarna. URL: <https://www.husqvarna.com/> (дата обращения: 11.01.2022).

²⁰ Американская биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний (производство электроники, программного обеспечения и т. п.). Одна из трех основных фондовых бирж США (наряду с NYSE и AMEX), владеет рядом европейских бирж.

²¹ Saab in brief. Saab. URL: <https://saabgroup.com/about-company/company-in-brief/> (дата обращения: 11.01.2022).

²² Orphan Biovitrum. URL: <https://www.sobi.com> (дата обращения: 11.01.2022).

²³ WÄRTSILÄ. URL: <https://www.wartsila.com> (дата обращения: 11.01.2022).

²⁴ Investor's investments. Investorab. URL: <http://www.investorab.com/our-investments/core-investments> (дата обращения: 11.01.2022).

²⁵ Reports & Presentations. Interim Management Statement January-September 2019. Investorab. URL: <https://www.investorab.com/investors-media/reports-presentations/> (дата обращения: 11.01.2022).

²⁶ Foundation Asset Management AB. FAM. URL: <http://www.fam.se/agare.aspx> (дата обращения: 11.01.2022).

²⁷ Концерн производит и разрабатывает оборудование и технологии, предназначенные для повышения эффективности производственных процессов для предприятий, занимающихся производством продовольственных товаров, напитков, химических веществ и нефтепродуктов, лекарств, крахмала, сахара, этилового спирта и др. Теплообменники «Alfa Laval» применяются в системах тепло- и холодоснабжения, вентиляции, кондиционирования, технологических процессах промышленных предприятий.

²⁸ Bergvik Skog Öst. URL: <https://www.bergvikskog.se> (дата обращения: 12.01.2022).

²⁹ What we do. Höganäs AB. URL: <https://www.hoganas.com> (дата обращения: 11.01.2022).

³⁰ Information about SKF. AB SKF. URL: <http://www.skf.com/ru/index.html> (дата обращения: 06.01.2022).

³¹ About Stora Enso. Stora Enso. URL: <https://www.storaenso.com/en/about-stora-enso> (дата обращения: 11.01.2022)

³² Foundation Asset Management ABs Portfölj. FAM AB. URL: <https://www.fam.se/se/tillgangar/default.aspx> (дата обращения: 07.01.2022)

³³ Wallenberg booklet: About us. URL: https://www.wallenberg.com/sites/default/files/wallenberg_about_us_english_lowres_0.pdf (дата обращения: 11.01.2022)

Список литературы

Гехт А.Б., Плешакова О.С. Из истории Фонда Кнута и Алисы Валленберг: аспекты создания и деятельности // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2019. С. 137–142.

Гехт А.Б. К.А. Валленберг: краткая биография шведского банкира // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 8 (77). С. 2300–2307.

Гехт А.Б. Северо-европейская интеграционная модель в контексте эволюции Европейского Союза // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 64–67.

Гехт А.Б. Финансово-промышленная группа семьи Валленберг в 2000–2020 гг. // Клио. 2021. № 10. С. 41–48.

Гехт А.Б. Финансово-промышленная группа семьи Валленберг в системе внешнеполитических связей Швеции в период Второй мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 116–132.

Гехт А.Б., Неровный А.В., Потапенко Т.Г. На пути к единой Европе: из истории образования Европейского объединения угля и стали // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, № 2 (59). С. 419–425.

Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Юнайтед Пресс, 2014. 552 с.

Северная Европа. Регион нового развития / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. 512 с.

Buraas A. Fly over fly: Historien om SAS. Oslo, Gyldendal, 1972, 311 s.

Dahlberg C., Hedenqvist P., Sundström I. Knut and Alice Wallenberg Foundation. 100 years in support of excellent Swedish research and education; C. Dahlberg, P. Hedenqvist, I. Sundström Gothenburg, 2017, 247 s.

Fagerfjäll R. Den förlorade sonens återkomst: Peter Wallenberg 1926–2015, R. Fagerfjäll. Stockholm, Ekerlids, 2017, 280 s.

Fagerfjäll R. Investor 100 years – To move from the old to what is about to come is the only tradition worth keeping, R. Fagerfjäll. Max Strom, 2016, 282 p.

Fellman S., Iversen M. Creating Nordic capitalism: the development of a competitive periphery, S. Fellman, M. Iversen. Houndsmill, Palgrave Macmillan, 2008, 636 p.

Glete J. ASEA under hundra år 1883–1983, J. Glete. Västerås, Asea AB, 1983, 367 s.

Lundström S. Bank, industri, utlandsaffärer. Stockholm, Ekerlids, 1999, 507 s.

Rosén U. Ett rent sekel: så erövrade Electrolux-Wascator AB världen: 1902–2002, U. Rosén. Ljungby, Electrolux-Wascator AB, 2002, 156 s.

Segerstedt T., Rydberg S. Marcus Wallenberg: a picture biography, T. Segerstedt, S. Rydberg. Stockholm, Gullers pictorial, 1982, 145 s.

Sjögren H. Family Dynasties: The Evolution of Global Business in Scandinavia. Routledge International Studies in Business History, H. Sjögren, 2018, 128 p.

Vedantam S. A Silenced Drug Study Creates An Up-roar. The Washington Post, 2009, 18 march.

Wetterberg G. Wallenberg – The Family that Shaped Sweden's Economy, G. Wetterberg. Stockholm, Möklinta, 2014, 283 s.

Zander C. Saab Auto's Chinese-Backed Owner Goes Bust, C. Zander. The Wall Street Journal, 2014, 28 august. URL: <https://www.wsj.com/articles/saab-autos-chinese-backed-owner-goes-bust-1409212885?tesla=y&mg=reno64-wsj&url=https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203937904580119102887304246> (дата обращения: 11.01.2022)

References

Geht A.B., Pleshakova O.S. *Iz istorii Fonda Knuta i Alisy Vallenberg: aspekty sozdaniya i deyatel'nosti* [From the history of the Knut and Alice Wallenberg Foundation: aspects of creation and activity]. *Vestnik Gumanitarnogo fakul'teta SPbGU im. prof. M.A. Bonch-Bruevicha* [Bulletin of the Faculty of Humanities, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications]. Saint-Petersburg, SPbGUT Publ., 2019, pp. 137–142. (In Russ.)

Geht A.B. K.A. *Vallenberg: kratkaya biografiya shvedskogo bankira* [K.A. Wallenberg: a short biography of a Swedish banker]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij* [Issues of national and federal relations], 2021, vol. 11, № 8 (77), pp. 2300–2307. (In Russ.)

Geht A.B. *Severoevropejskaya integracionnaya model' v kontekste evolyucii Evropejskogo Soyuz* [The Nordic Integration Model in the Context of the Evolution of the European Union]. *Formirovanie sovremennoj evropejskoj identichnosti v ramkah integracii ES: social'noe i kul'turnoe izmereniya: sbornik nauchnyh statej* [Formation of modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimensions: col-

lection of scientific articles]. St.-Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet Publ., 2018, pp. 64–67. (In Russ.)

Geht A.B. *Finansovo-promyshlennaya gruppа sem'i Vallenberg v 2000–2020 gg.* [Financial and industrial group of the Wallenberg family in 2000–2020]. *Klio*, 2021, № 10, pp. 41–48. (In Russ.)

Geht A.B. *Finansovo-promyshlennaia gruppа sem'i Vallenberg v sisteme vneshnepoliticheskikh svyazei Shvetsii v period Vtoroi mirovoi voiny* [Financial and industrial group of the Wallenberg family in the system of foreign policy relations of Sweden during the Second World War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2021, № 3 (31), pp. 116–132. (In Russ.)

Geht A.B., Nerovnyj A.V., Potapenko T.G. *Na puti k edinoj Evrope: iz istorii obrazovaniya Evropejskogo ob"edineniya uglya i stali* [Towards a united Europe:

from the history of the formation of the European Coal and Steel Community]. *Voprosy nacional'nyh i federalivnyh otnoshenij* [Issues of national and federal relations], 2020, vol. 10, № 2 (59), pp. 419–425. (In Russ.)

Grinspen A. *Epoha potryasenij. Problemy i perspektivy mirovoj finansovoj sistemy* [The era of upheaval. Problems and prospects of the global financial system]. Moscow, YUnajted Press Publ., 2014, 552 p. (In Russ.)

Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya [Northern Europe. Region of new development]. Moscow, Izdatel'stvo "Ves' Mir" Publ., 2008, 512 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 24.10.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 84–92. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 84–92. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN EQVZIG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-84-92>

ВРЕМЯ РЕАБИЛИТАЦИИ. О НОВОМ ПРОЧТЕНИИ Н.В. ГОГОЛЯ

Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

Аннотация: В статье ставится проблема адекватного понимания наследия Н.В. Гоголя. Применительно к гоголевским произведениям анализируются основные проблемы истолкования художественного образа. В качестве базовых утверждаются принципы интерпретации текста, выработанные при богословском истолковании евангельских притч в святоотеческой практике, и отдельные положения современной теории символа А.Ф. Loseva. Подчеркивается, что пониманию многозначности образа не противоречит представление о наличии в художественном произведении целевого «вектора смысла», в котором выражаются творческие волевые намерения автора. В научном постижении авторского замысла отмечается важный эвристический потенциал предварительного комплексного изучения духовной биографии писателя. Длительное господство радикальной атеистической идеологии в истолкованиях Гоголя сказалось в методологической беспомощности и некомпетентности исследователей в понимании наследия христианского художника. Процесс научного осмысления художественного мира Гоголя, выработки объективных критериев и методов исследования рассматривается в родственном контексте важных социальных процессов последних десятилетий – восстановления справедливости в религиозной и правовой сферах, реабилитации многочисленных жертв политических репрессий, продолжающейся канонизации новомучеников и исповедников Российских.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, творчество, интерпретация, символ, образ, притча, авторский замысел, вектор смысла, общественная идеология, духовная реабилитация.

Для цитирования: Виноградов И.А. Время реабилитации. О новом прочтении Н.В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 84–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-84-92>

Research Article

TIME TO REHABILITATE. A NEW READING OF NIKOLAI GOGOL

Igor' A. Vinogradov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

Abstract: The article raises the problem of adequate understanding of the heritage of Nikolai Gogol. With regard to Nikolai Gogol's works, the main problems of interpretation of the artistic image are analysed. The principles of text interpretation developed during the theological interpretation of the gospel parables in patristic practice, and certain provisions of the modern theory of the symbol of Aleksei Losev are formulated as basic ones. It is emphasised that the understanding of the ambiguity of the image does not contradict the idea of the presence in the work of art of the target "vector of meaning", which expresses the author's creative volitional intentions. In the scientific comprehension of the author's intention, an important heuristic potential of a preliminary comprehensive study of the writer's spiritual biography is noted. Almost a century-long dominance of radical atheistic ideology in Nikolai Gogol's interpretations was reflected in the methodological helplessness and incompetence of science in understanding the legacy of that Christian artist. The process of scientific understanding of the artistic world of Nikolai Gogol, the development of objective criteria and methods of research is considered in the related context of important social processes of recent decades which are – we hope – the restoration of justice in the religious and legal spheres, the rehabilitation of numerous victims of previous political repression, the ongoing canonisation of the New Martyrs and Confessors of Russia.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, interpretation, symbol, image, parable, author's intention, meaning vector, social ideology, spiritual rehabilitation.

For citation: Vinogradov I.A. Time to rehabilitate. A new reading of Nikolai Gogol. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 84–92 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-84-92>

Проблема осмысления творчества Н.В. Гоголя стоит в настоящее время исключительно остро. Давний оппонент писателя В.Г. Белинский не без остроумия как-то заметил: «...“Российская словесность” преимущественно сподручна для шарлатанов <...>: в нее можно класть что угодно, и от туда можно вынимать какие угодно теории, без опасения заплатить пошлину за болтовню» [Белинский: 71]. За этим выводом стоял, несомненно, собственный неоднозначный опыт критика по извлечению произвольных смыслов из анализируемых произведений. Известно, как субъективно интерпретировал Белинский творчество русских классиков: Г.Р. Державина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя¹, подавая своим последователям заразительный пример произвольного и безответственного манипулирования художественным наследием.

В конце XX в. перед литературоведением встала насущная задача создания новой, объективной концепции русской литературы, ставшая продолжением других значимых общественных процессов: восстановления справедливости в религиозной и правовой сферах, реабилитации многочисленных жертв политических репрессий, широкой канонизации десятков тысяч новомучеников и исповедников Российских.

Но возвращение исторической памяти предполагает восстановление ее в полном объеме, а не только в отдельных областях. Изменения в главной сфере – в отношении к Церкви – произошли. Но на этом процесс как бы приостановился, хотя очевидно, что дело преодоления последствий радикального периода не завершено. В первую очередь это касается русской классики, испытавшей жесткое давление советской идеологии.

Важно при этом подчеркнуть, что это не просто возвращение литературоведения к дореволюционному состоянию. Либеральный диктат господствовал и на протяжении XIX в., навязывал свое «новое» видение мира, отличающееся от традиционной русской культуры, несмотря на весь могущественный, сильнейший в Европе правительственный аппарат, царя, цензуру, на провозглашаемые официально охранительные, консервативные ценности.

Современное обращение к архивам, к новым текстам – это не просто продолжение прерванной традиции, но введение в научный оборот пласта русской культуры, который уже в XIX в. игнорировался и подвергался остракизму.

Кроме архивных разысканий для адекватного изучения художественных произведений необходимы и новые методологические ориентиры. К примеру, сейчас говорят о «медленном» чтении, которое позиционируется как исключительный метод постижения художественных текстов. Но главное – это *компетентное* чтение – то, что произведение чита-

ет исследователь, подготовленный для этого знанием биографии писателя, изучением других его произведений, пониманием эпохи. Аксиома и трюизм, но приходится повторять: чем шире круг привлекаемых знаний, тем точнее результаты интерпретации.

Сама по себе медленность чтения может даже навредить, привести к появлению у читателя еще большего количества дополнительных, искусственно порожаемых смыслов, благо многозначность образа тому способствует. В поисках адекватных инструментов гораздо важнее не задерживаться на множественности интерпретационных подходов, а обратиться к методам более строгим, давно опробованным, доказавшим свою результативность, и, как это часто бывает, давно забытым.

В святоотеческой традиции была и остается своя школа интерпретации художественного образа. Все толкователи Евангелия настаивали и настаивают на том, что для понимания притчи, – содержащей несомненные художественные образы, – не всё, не все детали и частности следует принимать во внимание, – некоторые из них служат лишь для развития сюжета, носят, так сказать, вспомогательный, второстепенный характер. В противном случае, мы, например, будем в притче о Сеятеле говорить о том, что каменистая почва и не могла быть источником хорошего урожая, а потому бросать туда семена бессмысленно. Можно придумать еще много прочих нелепых смыслов. Теперь, например, говорят, что в басне о стрекозе и муравье И.А. Крылова, где изображены человек-труженик и человек-бездельник, есть несправедливое отношение к женщине как украшению жизни, что стрекоза нуждается в сострадании, а в муравье выведен жестокий мужчина-собственник и эгоист. Предлагается так называемое «гендерное» прочтение, будто бы даже с христианским подтекстом. Но таких смыслов в тексте нет, подобное толкование неверно.

Святоотеческий принцип, складывавшийся в противостоянии искажающим интерпретациям Священного Писания, предполагает в истолковании притчи прежде всего уяснение *главного* направления мысли, а потом уже позволяет пускаться в более или менее подробный анализ. Св. Иоанн Златоуст писал: «...В притчах не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но узнавши цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. <...> ... Не на все в притчах должно обращать внимание» [Иоанн Златоуст: 655–656]. Блаженный Феофилакт Болгарский добавлял: «Всякая притча прикровенно и образно объясняет сущность какого-нибудь предмета, но она не во всем подобна тому предмету, для объяснения которого берется. По сему не должно все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом насколько при-

лично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целости притчи и с предметом ее не имеющие никакого соответствия» [Феофилакт Болгарский: 409]. Современный (1907 г.) церковный автор поясняет: «...Следует иметь в виду, что Христос, беря для Своих притчей примеры из обыденной жизни Своих слушателей, пояснял Свое учение лишь главною мыслью рассказа, а не мелочными подробностями его, не имевшими иногда прямого отношения к главной мысли. Если допустить это положение, то бесполезны будут попытки истолковывать во что бы то ни стало все без исключения подробности каждой притчи; гоняясь за ними, можно упустить главную мысль, можно, как говорится в пословице, из-за деревьев не заметить леса» [Гладков: 464].

Согласно этим испытанным рекомендациям, в истолковании образа следует прежде всего искать цели художественного произведения, его мотивов, как это делают уже давно не только толкователи притч, но, к примеру, и рядовые судебные следователи при разбирательстве дел. Аналогия здесь вполне уместна. Мы тоже судим о произведении. И все прекрасно понимают, что значит для подсудимого «принцип» «хочу оправдать, хочу посажу». Субъективные толкования неуместны не только в судебной практике.

Избирая новую теорию, гендерную или теорию литературных репутаций, исследователь порой вступает в противоречие со здравым смыслом. Достаточно представить: Евангелие в гендерном освещении. Или: церковная репутация Сергия Радонежского, церковная репутация Серафима Саровского. Звучит нелепо и вызывающе, – но вот к Гоголю – христианскому писателю – и вообще к русской классике, с ее глубокими христианскими корнями, применять подобные теории почему-то считается допустимым. После долгого господства радикальной идеологии постижение творчества Гоголя нельзя назвать успешным, а новые эпатажирующие теории лишь добавляют недоразумений к тому, что оставила в наследство предшествующая эпоха.

В современном литературоведении к святоотеческим принципам истолкования образа ближе всего стоит теория символа, разработанная в прошлом веке выдающимся русским философом и филологом Алексеем Федоровичем Лосевым (монахом Андроником; 1893–1988). Наиболее полно концепция А.Ф. Лосева изложена в его монографии «Теория символа и реалистическое искусство» [Лосев 1976]. Несмотря на определенную «дань системе» (выразившуюся в «дежурных» ссылках на труды К. Маркса и В.И. Ленина²; в появлении в книге главы о Прометее как носителе «революционных функций»³; в очевидном «лагерном» юморе некоторых высказываний⁴), в целом труд имеет непреходящее методологическое значение, заключает глубокий эври-

стический потенциал. В лосевской теории удачно сочетается понимание многозначности образа (то, чем гуманитарии порой злоупотребляют) и, одновременно, утверждение того, что еще не вполне освоено, – приоритет главенствующего, определяющего смысла, пронизывающего любое, самое многозначное произведение или образ, – «единораздельной цельности, определенным образом направленной», «сконструированной по определенному закону» [Лосев 1976: 66, 138]. «...Художественное произведение, – писал Лосев, – <...> всегда в чем-нибудь нас убеждает, <...> к чему-то призывает...» [Лосев 1976: 166]. Польский музыковед С. Яроцинский (1912–1980), размышляя о природе символа, также замечал: «...Символ в искусстве – это, можно сказать, “вектор смысла”, указывающий направление, в котором должны устремляться мысли и чувства» [Яроцинский: 52–53]. Отечественный литературовед Н.П. Утехин указывал, что при всем «плюрализме» истолкований символ или образ всегда предполагает и «одно единственное прочтение, наиболее адекватное умунастроению художника» [Утехин: 195].

Важно подчеркнуть, что именно так – отделяя главное содержание от второстепенных, побочных ассоциаций – просил читателей относиться к его сочинениям Гоголь. По поводу одного из своих произведений он писал: «...Нужно <...> рассмотреть книгу, что она такое в своем основании, а не останавливаться над частями и подробностями прежде, чем объяснился вполне внутренний смысл ее. От этого вышли пустые придирки <...> и приписанье многому такого смысла, который мне никогда и в ум не мог прийти» [Гоголь 2009–2010, 6: 246].

Тот же завет или просьбу Гоголь выразил другими словами: «...Везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя иногда совершенно бывает заткана утком...» [Гоголь 2009–2010, 7: 179] (уток – поперечные нити холста).

В гоголевских сочинениях можно найти еще несколько похожих советов. В связи с собственным толкованием уездного города в «Ревизоре» как «душевного города» Гоголь устами героя-alter ego замечал: «...Почему вы знаете, что это нравоученье вывел один я? <...> ...Почему вы считаете его отдаленным?» [Гоголь 2009–2010, 3/4: 498]. В качестве рекомендации к постижению главной мысли комедии писатель предлагал зрителю погружение в собственную душу: «Мы, слава Богу, не дети. Я подумал о том, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напал на то, которое вам теперь рассказал. <...> Если бы и другие имели в виду прежде себя, вероятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывел и я» [Гоголь 2009–2010, 3/4: 497–499].

Авторские рекомендации писателя подсказывают, что в его художественных, многозначных произ-

ведениях нужно искать прежде всего религиозную проблематику, вопросы, связанные с душеведением. Первостепенное значение в преодолении субъективных толкований приобретает в этом свете изучение духовной биографии Гоголя. Зная взгляды и убеждения художника, «вектор» движения его мысли, можно почти безошибочно в том или ином случае предполагать, что мог иметь в виду классик.

Так, исходя из духовной биографии Гоголя, можно утверждать, что в «Ревизоре» и «Мертвых душах» писатель не предполагал никакого политического приговора «старой» России. Этого он не мог сделать ни как христианский писатель, ни как русский патриот, ни как рядовой старосветский помещик, деливший с матерью хлопоты о родовом имении. Речь в гоголевской сатире всегда шла о необходимости исправления человека, чиновника, помещика, а не о ненависти и уничтожении, которыми руководствовались идеологи революционных преобразований. Своих современников Гоголь-сатирик никогда не идеализировал, он трезво оценивал и русских, и украинских помещиков и чиновников – многочисленных выходцев Малороссии и Великороссии, которые ехали в Петербург ради выгодных мест. Однако сатирой писателя руководила не ненависть, а любовь к человеку, смех сквозь слезы, как у Апостола Павла в обличении Коринфян: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (2 Кор. 2, 4). Эти слова апостола чрезвычайно близки к пониманию Гоголем своего писательского призвания.

В художественных произведениях Гоголя немало фактов, необходимых для понимания его духовной биографии. Когда в статье об архитектуре в «Арабесках» он говорит, «как велики требования души перед требованиями тела» [Гоголь 2009–2010, 7: 255], то можно быть уверенным, что это он говорит и о самом себе, о своем аскетизме. Игнорировать этот аскетизм исследователь не имеет права.

Гоголь замечает, что только «поэт», который не имеет «обширного гения», «недоволен простым сюжетом, и, вместо того чтобы развить его и сделать огромным, <...> привязывает к нему множество других» [Гоголь 2009–2010, 7: 259]. И здесь тоже речь идет о цельности и последовательности гоголевского мировоззрения, имеющего в своей основе строгую «господствующую мысль» и «одно целое» [Гоголь 2009–2010, 7: 259].

Характерна обмолвка Гоголя в «Мертвых душах» о «радости» ученика, когда перед ним раскрывается наконец «какая-нибудь» труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл мысли великого писателя» [Гоголь 2009–2010, 5: 363]. Сам Гоголь завещал здесь читателю искать в его произведениях «настоя-

щий», авторский смысл – а не отдавать художественный образ на произвол и «растерзание» субъективной множественности.

Сборник Гоголя «Арабески» 1835 г. начинается с благодарности Творцу за искусство: архитектуру, скульптуру, живопись, музыку. Религиозный характер носит в сборнике и повесть «Портрет»: здесь на примере одного художника прослеживается происхождение современного «идолопоклонства», поклонения тельцу. Статья «Жизнь» в этом сборнике, – вся, безусловно, о той Жизни, о которой возвещает св. Иоанн Богослов в Первом соборном послании: «...Что мы слышали, что видели <...> что осязали руки наши, о Слове жизни, ибо жизнь явилась, <...> которая была у Отца и явилась нам...» (1 Ин. 1, 1–2).

Вдохновенные строки Гоголя в «Арабесках» о любимых им Средних веках тоже глубоко религиозны – и здесь вновь проглядывает автохарактеристика Гоголя, двадцатипятилетнего юноши. Он пишет: «С мыслию о Средних веках неволью сливается мысль о крестовых походах... <...> Где, в какое время было когда-нибудь равное ему?... <...> Предприятие это – дело юноши, <...> которому определено быть гением...»; «Это не какая-нибудь война за похищенную жену, <...> даже не война за <...> народную независимость. <...> ...Ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда... <...> Жить для всего человечества; <...> носить в себе одно: защиту Веры Христовой; все принести ей в жертву и отказаться от всего...» [Гоголь 2009–2010, 7: 180–181, 184]. Без преувеличения можно сказать, что сам Гоголь с юности воплотил в своей жизни этот христианский идеал.

Примеры можно умножать и умножать. В каждом, без исключения, произведении Гоголь являет себя глубоким христианским художником. Статья «Мысли о географии» в «Арабесках» проникнута восхищением созданиями Творца. Странная, «арабская» статья «Ал-Мамун» имеет острый государственный подтекст, она посвящена обсуждавшимся тогда проблемам управления страной и вновь характеризует Гоголя как писателя-государственника, как патриота, озабоченного судьбами России.

В Петербург в 1828 г. приехал консервативный, очень религиозно воспитанный юноша. В северной европеизированной столице он столкнулся с целым рядом явлений, которые не могли не вызвать его возмущения – и последовавшего духовного обличения. К примеру, проблеме распутства, которая станет сквозной у Гоголя, посвящена в «Арабесках» повесть «Невский проспект».

Один из отрывков незавершенного романа «Гетман», включенный в «Арабески», прямо посвящен изображению мученика за веру Христову, несущего крест на Голгофу: «Осветить бы месячному лучу

хоть на минуту его лицо – и он бы, верно, блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его!» [Гоголь 2009–2010, 7: 86].

В «Записках сумасшедшего» изображен мученик совсем другого рода: сумасшедший, неумный честолюбец Поприщин, который страдает и мучается, распинаемый страстями, тщеславием, приверженностью к миру и его соблазнам. В этом, по Гоголю, заключаются мирские крест и голгофа современного человека. В основу «Записок сумасшедшего» была положена незавершенная драма Гоголя «Владимир 3-ей степени». По дошедшим воспоминаниям, «голгофой» героя драмы становилось то, что после неудачи с получением Владимирского креста сумасшедший чиновник становился перед зеркалом, поднимал («растопыривал») руки («так что делал из себя подобие креста») и любовался своим отражением [Виноградов 2013: 504]. Таковы духовные темы, которые волнуют Гоголя в «Арабесках».

Уже в ранних произведениях Гоголь предстает как писатель, глубоко заинтересованный в действенности церковного слова. В самой первой его напечатанной повести, в «Вечере накануне Ивана Купала», он упоминает о том, как прихожане, слушая проповедь священника, в ответ только равнодушно разевают свои «широкие пасти» [Гоголь 1830: 251]. В «Главе из исторического романа», включенной в «Арабески», изображен еще один проповедник и мученик за веру Христову. Здесь рассказывается о подвиге дьякона, пострадавшего за обличение нечестивого польского пана – дьякон был казнен за свою проповедь: «А, так ты еще и проповедь читаешь? Гей, хлопцы! поднимите попа на крылос, а чтоб не застудил горла, накиньте ему галстук на шею!» [Гоголь 2009–2010, 7: 81].

Позднее, когда цензор-западник А.В. Никитенко, – «другой экземпляр» В.Г. Белинского, по определению П.А. Плетнева [Грот, Плетнев: 702], – взялся сокращать целыми главами гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» [Виноградов 2021а: 584–620], Гоголь отозвался: «Точно как бы пред глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело <...> это цензурное убийство» [Гоголь 2009–2010, 14: 121].

Гоголь после более чем векового периода произвольных интерпретаций его творчества остро нуждается ныне в реабилитации – подобной той, которая в последние годы на законном основании была осуществлена в отношении к церковным пастырям. Что служило поводом для осуждения священников? Исключительно христианская проповедь, о чем однозначно свидетельствуют многочисленные следственные дела новомучеников. «...Священник Увицкий <...> в проповедях <...> говорит из Евангелия, которое сравнивает с современной жизнью. Поэ-

тому <его> проповеди носят антисоветский характер» [Священномученик Сергей Увицкий: 33]. «В большие религиозные праздники <...> священник Петр Никотин» произносит проповеди антисоветского характера <...>: “Без Христа человечество жить не может. Где нет Христа, там ссоры, драки, ругань, там нет ни чести, ни стыда”...» [Священномученик Петр (Никотин)...: 203].

У Гоголя есть такие же строки: «Выше того не думать, что уже есть в Евангелии. Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось» [Гоголь 2009–2010, 6: 406]; «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие» [Гоголь 2009–2010, 6: 406]. После 1917 г. наследие Гоголя в цензурном отношении пострадало не меньше, чем Церковь от гонений [Виноградов 2021а: 27–32]. В литературном процессе не все зависит от автора. Есть еще критики, есть псевдо-исследователи, обслуживающие потребности соответствующей идеологии. Можно сказать, что цензурным и постцензурным убийством, накидыванием Гоголю «галстук на шею» [Гоголь 2009–2010, 7: 81] – за его христианскую проповедь – занимались практически все предмарксистские, марксистские и неомарксистские толкователи.

Как мы отметили выше, сокрытие подлинного лица Гоголя совершалось уже в XIX в. Так, самый первый биограф писателя П.А. Кулиш намеренно проигнорировал значительный объем духовных материалов, собранных Гоголем. Кулишу эти материалы достались от родных писателя, однако тот, будучи не только биографом, но и многолетним издателем Гоголя, не только не удосужился, чтобы их напечатать, но даже не обмолвился о них. В советское время эти материалы долгое время лежали под спудом в архивах, так что часть их оказалась в итоге окончательно утраченной. Оставшееся было опубликовано лишь в конце XX – начале XXI вв.⁵

Кулиш предполагал сделать Гоголя знаменем малороссийского либерального сепаратизма. Когда же эта попытка не удалась, – слишком прочной оказалась, вопреки представлениям Кулиша, проправительственная, прорусская составляющая творчества Гоголя, – то Кулиш, по сути, стал в литературе идейным врагом писателя [Виноградов 2003].

Кулиш, а за ним еще один биограф Гоголя, В.И. Шенрок, намеренно скрыли от читателя и имевшиеся у них сведения о глубокой религиозной атмосфере, которая царил в родной семье писателя. Кулиш в частных письмах сравнивал мать Гоголя с «игуменьей монастыря» [Виноградов 2011: 390]. В печатные работы это, однако, опять не попало.

Также намеренно была обойдена биографами и религиозная, почти «монастырская» обстановка, которая с самого начала была определяющей в сте-

нах Нежинской гимназии высших наук, где будущий писатель провел семь лет [Виноградов 2015: 37–51]. Нежинские воспитанники, соученики Гоголя, называли свою alma mater «бурсой» и «монастырем» [Виноградов 2015: 51]. Отсюда у Гоголя яркие описания бурсы в «Тарасе Бульбе» и «Вии».

Совершенно неизученной из-за исследовательского произвола оказалось и осмысление Гоголем проблемы оппозиционных «лишних людей». Прямая критика, – а не апология «огорченных» представителей российского общества – была предпринята Гоголем еще в «Ганце Кюхельгартене», который был написан лишь спустя два года после декабристского восстания. Реминисценция имени героя этой поэмы с фамилией Кюхельбекер, а также несколько прямых переключек «Ганца Кюхельгартена» со стихами самого поэта-декабриста В.К. Кюхельбекера с очевидностью указывают на духовно-критический в отношении к декабризму и проблеме «лишних людей» подтекст самой ранней гоголевской поэмы – написанной еще в Нежине [Виноградов 2021а: 112–116].

Закономерным было сближение Гоголя в 1834 г. с министром народного просвещения С.С. Уваровым, провозгласившим в своей деятельности следование началам Православия, Самодержавия, Народности [Виноградов 2009]. Этот факт тоже старательно, больше полутора веков игнорировали исследователи (и продолжают это делать). Прямо в ответ на правительственные начинания появились в 1834 г. гоголевские «Миргород» и «Арабески»; в 1836 г. – «Ревизор» – лично разрешенный Императором к постановке и печатанию. И «Тарас Бульба», написанный в те же годы, – это тоже живой отклик Гоголя на начинания правительства. И задуманные тогда же «Мертвые души» – это о тех, кто в настоящий момент еще не отвечает своему призванию, но сумеет в будущем подняться над своей мертвенностью, воскреснуть и достичь той «планки», которая поставлена для них Богом и Отечеством.

О верноподданнических стихах Пушкина Гоголь писал, что поэту было рано с ними «выходить» [Гоголь 2009–2010, 6: 48]. Вследствие распространенности в обществе лицемерного патриотизма, Пушкина «как раз назвали бы подкупным или чего-то ищущим человеком <...> льстецом или угодником» [Гоголь 2009–2010, 6: 48]. На фоне показного патриотизма Фаддея Булгарина – польского уроженца, католика по вероисповеданию, служившего в 1812 г. в войсках Наполеона, впоследствии – друга декабристов и сотрудника III Отделения – достойнее было сохранять в этом вопросе разумную сдержанность. Через это, писал Гоголь, «святыня высокого чувства» была «сохранена» [Гоголь 2009–2010, 6: 49].

Очевидно, что в данном случае Гоголь также имел в виду и самого себя, свое сотрудничество

в 1830-х гг. с министром Уваровым. Гоголь понимал то, что и он, чтобы не оказаться в одном ряду с лицемером Булгариным, должен был сдерживать себя в проявлении религиозно-патриотических чувств – чтобы их дорогая для всякого русского «святыня» была сохранена [Гоголь 2009–2010, 6: 49]. Гоголь писал: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожней с ними... <...> Не столько зла произвели <...> безбожники, сколько <...> лицемерные <...> проповедатели Бога...» [Гоголь 2009–2010, 6: 21].

Изучение вектора смысла, волевого начала автора, с которым он создает произведение – стремясь донести свою мысль до читателя, – является первостепенной задачей литературоведения. Критик Белинский ради пропаганды радикальных политических взглядов намеренно приглушал в своих критических выступлениях авторский голос создателя произведения, дезориентировал читателя. Один из первых для этого он использовал многозначность художественного образа. Назрела необходимость в построении строгого, развернутого категориального аппарата собственно гоголевских художественно-поэтических мотивов и образов, – в создании исчерпывающего предметного указателя, с подробной характеристикой всех сквозных и ключевых тем, которые составляют внутреннее единство гоголевского творчества при всем его многообразии.

Примечания

¹ См. подробнее: [Виноградов 1999, 2018, 2019: 57–59].

² [Лосев 1976: 5–8, 18–28, 64, 70, 73, 175–176, 182, 199–200]. В первоначальной редакции труда этих ссылок не было [Тахо-Годи: 24–26, 28–29]. В переиздании «Теории символа...» 1995 г. они были законно исключены [Лосев 1995].

³ [Лосев 1976: 291]. В первоначальной редакции эта глава, вместе с относящимся к ней разделом «Библиография исследований по Прометею», тоже отсутствовала [Тахо-Годи: 24–26; Троицкий: 715].

⁴ Едкая «лосевская ирония» [Тахо-Годи: 28] слышится, например, в словах автора о том, что «советская поэзия отнюдь не всегда и отнюдь не буквально заполнена только одним содержанием», что «чистая художественность тоже является большой воспитательной силой <...> и ею пользуются иной раз даже наши лучшие писатели» [Лосев 1976: 298]. А.Ф. Лосев был подвергнут репрессиям в 1930–1933 гг.

⁵ Подробнее об этом см.: [Виноградов 2021а: 30–32; 2021b].

Список литературы

<Белинский В.Г.> *Петр Бульбодов*. Педант. Литературный тип // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 68–75.

Виноградов И.А. Гоголь и Белинский: К истории полемики // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський державний педагогічний університет імені Миколи Гоголя. Гоголівський науково-методичний центр. Ніжин: <Б. и.>, 1999. Вып. 4. С. 50–73.

Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и С.С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н.В. Гоголя: в 2 ч. / Авторы-составители В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. Ч. 2. Гоголь в русской религиозно-философской критике. М.: Русское слово, 2009. С. 184–227.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Виноградов И.А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

Виноградов И.А. Неизвестная полемика Н.В. Гоголя о наследии М.Ю. Лермонтова // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–18.

Виноградов И.А. «Когда в товарищах согласья нет...» А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, С.С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103>

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021а. 864 с. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-198-205>

Виноградов И.А. Неизвестные строки записной книжки Н.В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2021б. Т. 27. № 3. С. 86–91. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91>

Гладков Б.И. Толкование Евангелия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1907. 718 с.

<Гоголь Н.В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (в 15 кн.). Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

<Грот Я.К., Плетнев П.А.> Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Издана под ред. К.Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского

университета: в 3 т. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.

<Иоанн Златоуст, святитель>. Творения св. Иоанна Златоуста. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1901. Т. 7. 912 с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / научн. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Искусство, 1995. 320 с.

Священномученик Петр (Никотин) и мученики Виктор (Фролов), Иоанн (Рыбин), Елизавета (Куранова), Николай (Кузьмин) / Составитель священник Максим Максимов // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / под общ. ред. Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Тверь: Издательство «Булат», 2005. Дополнительный том I. С. 197–212.

Священномученик Сергей Увицкий // Жития святых Екатеринбургской епархии / Тексты и фотоматериалы для книги подготовлены Комиссией по канонизации святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2008. С. 25–42.

Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев – философ и символист сам по себе // *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / Сост., подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2014. С. 5–32.

Троицкий В.П. Примечания // *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / сост., подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2014. С. 715–720.

Утехин Н.П. Исторические грани вечных истин («Мастер и Маргарита» М. Булгакова) // Современный советский роман. Философские аспекты / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. В.А. Ковалев. Л.: Наука, 1979. С. 194–224.

<Феофилакт Болгарский, блаженный>. Благовестник. Толкования на святых Евангелия блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. СПб.: Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1910. 768 с.

Яроциньский Стефан. Дебюсси, импрессионизм и символизм / пер. с польск. С.С. Попковой. Общ. ред. и вступ. ст. И.Ф. Бэлзы. М.: Прогресс, 1978. 232 с.

References

Belinskii V.G. *Pedant. Literaturnyi tip* [Pedant. Literary type]. Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6, pp. 68–75. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' i Belinskii: K istorii polemiki* [Gogol and Belinsky: On the history of controversy].

Gogolevedcheskie studii [Gogol studies studies], Nizhyn State Pedagogical University named after Nikolai Gogol, Gogol Scientific and Methodological Center. Nizhyn, Without specifying the publisher Publ., 1999, issue 4, pp. 50–73. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Pervyi biograf Gogolia* [The first biographer of Gogol]. Kulish P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakovykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, composed from the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters], the publication was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 3–81. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *N.V. Gogol' i S.S. Uvarov: Pravoslavie, Samoderzhavie, Narodnost'* [N.V. Gogol and S.S. Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, Nationality]. *Dukhovnyi put' N.V. Gogolia: v 2 chastiakh* [Spiritual path N.V. Gogol: in 2 parts], the authors-compilers V.A. Voropaev, I.A. Vinogradov. Part 2. Gogol in Russian religious and philosophical criticism. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2009, pp. 184–227. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematičeskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kritičeskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. A complete systematic corpus of documentary evidence. Scientific critical edition: in 3 vols.]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011–2013. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v Nezhinskoj gimnazii vysšikh nauk: Iz istorii obrazovaniia v Rossii. Nauchnoe izdanie* [Gogol in the Nizhyn Gymnasium of Higher Sciences: From the History of Education in Russia. Scientific publication]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Neizvestnaia polemika N.V. Gogolia o nasledii M.Iu. Lermontova* [Unknown controversy N.V. Gogol about the legacy of M. Yu. Lermontov]. *Svet'skaia i dukhovnaia slovesnost' v Rossii XVIII–XIX vekov. Nauchnoe izdanie* [Secular and Spiritual Literature in Russia in the 18th–19th Centuries. Scientific publication], editor M.I. Shcherbakova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 5–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Kogda v tovarishchakh soglas'ia net...” *A.S. Pushkin, N.V. Gogol', S.S. Uvarov* [“When there is no agreement among comrades...” A.S. Pushkin, N.V. Gogol, S.S. Uvarov]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2019, vol. 1, № 1,

pp. 34–103. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103> (In Russ.)

Vinogradov I.A. *N.V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kličevaia problema gogolevskogo nasledii* [N.V. Gogol and censorship. The relationship between the artist and the authorities as a key problem of Gogol's heritage]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021a. 864 p. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-198-205> (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Neizvestnye stroki zapisnoi knizhki N.V. Gogolia* [Unknown lines of N.V. Gogol]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2021b, vol. 27, № 3, pp. 86–91. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91> (In Russ.)

Gladkov B.I. *Tolkovanie Evangelii* [Gospel interpretation]. 2nd edition, revised and enlarged. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia Pol'za” Publ., 1907. 718 p. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Bisavriuk, ili Večer nakanune Ivana Kupala. Malorossiiskaia povest' (iz narodnogo predaniia), rasskazannaia d'iachkom Pokrovskoi tserkvi* [Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian Story (from Folk Tradition), Narrated by the Clerk of the Intercession Church]. In: *Otechestvennye Zapiski*, 1830, part 41, February, no. 118, pp. 238–264. (a) (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters in 17 vols. (15 books), compilation, preparation of texts and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. (In Russ.)

Grot Ia.K., Pletnev P.A. *Perepiska Ia.K. Grotta s P.A. Pletnevym: v 3 tomakh* [Correspondence of Ya.K. Grotto with P.A. Pletnev: in 3 volumes], edited by K.Ya. Grot, ordinary professor at the Imperial University of Warsaw. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia Publ., 1896, vol. 2. 968 p. (In Russ.)

John Chrysostom, St. *Tvoreniia sv. Ioanna Zlatoustata* [Creations of St. John Chrysostom]. St. Petersburg, Izdanie Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii Publ., 1901, vol. 7. 912 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Problema simvola i realističeskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 367 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Problema simvola i realističeskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. 2nd edition, revised, scientific edition by A.A. Tahoe-Godi. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. 320 p. (In Russ.)

Sviashchennomuchenik Petr (Nikotin) i mucheniki Viktor (Frolov), Ioann (Rybin), Elizaveta (Kuranova), Nikolai (Kuz'min) [Hieromartyr Peter (Nikotin) and martyrs Victor (Frolov), John (Rybin), Elizaveta (Kuranova), Nikolai (Kuzmin)], compiled by Priest Maxim Maksi-

mov. *Zhitiia novomuchenikov i ispovednikov Rossiiskikh XX veka Moskovskoi eparkhii* [Lives of the New Martyrs and Confessors of Russia of the 20th century of the Moscow Diocese], under the general editorship of the Chairman of the Synodal Commission for the Canonization of Saints Metropolitan of Krutitsy and Kolomna Yuvenaly. Tver', Izdatel'stvo «Bulat» Publ., 2005. Dopolnitel'nyi tom I, pp. 197–212. (In Russ.)

Sviashchennomuchenik Sergii Uvitskii [Hieromartyr Sergius Uvitsky]. *Zhitiia sviatykh Ekaterinburgskoi eparkhii* [The Lives of the Saints of the Yekaterinburg Diocese], texts and photographs for the book were prepared by the Commission for the Canonization of Saints of the Yekaterinburg Diocese. Ekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skii otdel Ekaterinburgskoi eparkhii Publ., 2008, pp. 25–42. (In Russ.)

Takho-Godi A.A. *A.F. Losev – filosof i simbolist sam po sebe* [A.F. Losev is a philosopher and symbolist in his own right]. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art], compilation, preparation of the text by A.A. Tahoe-Godi and V.P. Troitsky. Moscow, Russkii mir Publ., 2014, pp. 5–32. (In Russ.)

Troitskii V.P. *Primechaniia* [Notes]. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art], compilation, preparation of the text by A.A. Tahoe-Godi and V.P. Troitsky. Moscow, Russkii mir" Publ., 2014, pp. 715–720. (In Russ.)

Utekhin N.P. *Istoricheskie grani vechnykh istin («Master i Margarita» M. Bulgakova)* [Historical facets of eternal truths (The Master and Margarita by M. Bulgakov)]. *Sovremennyyi sovetskii roman. Filosofskie aspekty* [Modern Soviet novel. Philosophical Aspects], USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House), executive editor V.A. Kovalev. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 194–224. (In Russ.)

Theophylact of Bulgaria, blessed. *Blagovestnik. Tolkovaniia na sviatye Evangeliia blazhennogo Feofilakta, arkhiepiskopa Bolgarskogo* [Blagovestnik. Commentaries on the Holy Gospels of Blessed Theophylact, Archbishop of Bulgaria]. St. Petersburg, Knigoizdatel'stvo P.P. Soikina Publ., 1910. 768 p. (In Russ.)

Iarotsin'skii Stefan. *Debiussi, impressionizm i simbolizm* [Debussy, Impressionism and Symbolism], translated from Polish by S.S. Popkova, general edition and introductory article by I.F. Belzy. Moscow, Progress Publ., 1978. 232 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

«НЕ ШУМНОЕ ПО НАЗВАНИЮ» ПРОИЗВЕДЕНИЕ ГОГОЛЯ: «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

Падерина Екатерина Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, kbogan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8970-7269>

Аннотация. Впервые научное внимание обращено на заглавие книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В статье рассматривается парадоксальный выбор автором слова «переписка», хотя в книгу вошли только письма Гоголя к друзьям. Автор статьи предпринимает попытку объяснить отмеченное противоречие. Подчеркивается, что Гоголь собирался дать книге привычное для читателя («не шумное») название. Особое внимание уделяется восприятию гоголевского заглавия книги первыми читателями «Переписки с друзьями» в 1847–1848 гг. Исходя из того, что современники воспринимали название сквозь призму своего представления о жанре книги, автор статьи приходит к выводу: ближе всего к гоголевскому пониманию эпистолярного диалога как диалога сочинителя с читателем было старшее поколение читателей-литераторов (В.А. Жуковский, А.И. Тургенев, П.А. Плетнев). В результате вносятся определенные уточнения в современное научное представление о жанровых особенностях «Выбранных мест из переписки с друзьями» и об авторских интенциях Гоголя в выборе названия, которое указывает на диалоговую сущность его высказываний.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», заглавие, рецепция, Жуковский, письма, переписка, диалог

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012000139А.

Для цитирования: Падерина Е.Г. «Не шумное по названию» произведение Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 93–98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-93-98>

Research Article

NIKOLAY GOGOL'S WORK WITH "A MODEST TITLE": "SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS"

Ekaterina G. Paderina, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kbogan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8970-7269>

Abstract. For the first time, scientific attention has been paid to the title of Nikolai Gogol's book "Selected Passages from Correspondence with Friends". The article examines the author's paradoxical choice of the word "correspondence", although the book includes only Gogol's letters to friends. The author of the article attempts to explain the noted contradiction. It is emphasised that Gogol was going to give the book a name familiar to the reader (a "not noisy" one). Special attention is paid to the perception of Gogol's book title by the first readers of Correspondence with Friends in 1847–1848. Proceeding from the fact that contemporaries perceived the title through the prism of their understanding of the genre of the book, the author of the article comes to the conclusion: the older generation of literary readers (Vasily Zhukovsky, Alexander Turgenev, Pyotr Pletnyov) was closest to Gogol's understanding of epistolary dialogue as a dialogue between the writer and the reader. As a result, certain clarifications are made to the modern scientific understanding of the genre features of "Selected Passages from Correspondence with Friends" and about Gogol's authorial intentions in choosing a name that indicates the dialogical essence of his statements.

Keywords: Nikolai Gogol, "Selected Passages from Correspondence with Friends", title, reception, Vasily Zhukovsky, letters, correspondence, dialogue.

Acknowledgments. The research was implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012000139A.

For citation: Paderina E.G. Nikolay Gogol's work with "a modest title": "Selected Passages from Correspondence with Friends". Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 93–98 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-93-98>

Когда Гоголь еще только задумал свою книгу, он писал о ней А.О. Смирновой 2 апреля 1845 г.: «Это будет небольшое произведение и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих» [Гоголь 1952 12: 472–473]. Это предварительное описание будущего произведения хорошо известно в гоголеведении как первое высказывание Гоголя о собственном замысле. Нас же заинтересовала авторская установка на традиционный, привычный читателю-современнику жанр и на его узнаваемость по заглавию, проглядывающие за выражением «не шумное по названию в отношении к нынешнему свету». В свое время Ю.В. Манн отметил: «Форма “Выбранных мест из переписки с друзьями” <...> выстраивается во многом по контрасту с главной его книгой (вторым томом «Мертвых душ». – Е. П.). Не поэма и не роман или повесть, а нечто совершенно обычное, неприятельное (“не шумное”), даже отрывочное, однако имеющее практический смысл, оказывающее непосредственное воздействие и притом <...> зримо и эффективно» [Манн 2004: 719–720]. К этому можно добавить, что именно названием Гоголь собирался подчеркнуть «совершенно обычный», без претензий на оригинальность в глазах современников жанр.

Действительно, «эпистолярная публицистика» была не только вообще традиционным литературным явлением, но и рядовым, можно сказать, жанром журнальных публикаций и отдельных изданий в 1840-е гг. А примыкание и/или наложение эпистолярной (в буквальном биографическом значении) и художественной прозы отечественная литература начала осваивать еще в конце XVIII в. (М.Н. Муравьев [России])¹. И отсылка к эпистолярной форме неизменно присутствовала в названиях произведений, уточняя презентацию содержания и/или сопровождаясь уточнением в формулировке жанровой формы. Одним из признаков совершенной общности и затертости жанра в ту или иную эпоху являются, как известно, пародии. Напомним по поводу привычного в 1840-е гг. включения эпистолярной формы в литературную практику две известные пародии: коллективно написанные (с участием Н.А. Некрасова), напечатанные в «Литературной газете» без подписи в 1845 г. (№ 1, 8) «Достопримечательные письма» и написанный в 1845 г., а вышедший в 1847 г. («Современник» № 1) «Роман в девяти письмах» Ф.М. Достоевского. Обе пародии, активно использующие, кстати, узнаваемые гоголевские стилистические приемы и детали его произведений, нацелены на «натурализацию» эпистолярия в литературе, т. е. на придание письмам как будто бытового повседневно и/или автобиографического характера, на «обнаrodование» эпистолярия частных лиц, а у Достоевского, кроме того, пародируется именно форма двусторонней переписки (Петра Ивано-

вича с Иваном Петровичем) – препирательства, выяснение отношений и т. п. по поводу денег, женской неверности и проч.

Но вернемся к «Переписке» Гоголя. По прошествии года (5 мая 1846 г.) он почти сформулировал в письме к Н.М. Языкову из Рима название будущей книги, во всяком случае определенно обозначил ее эпистолярный жанр: «Я не оставляю намер<ения> издать *выбранные места из писем*, а потому, может быть, буду сообщать (*было*: писать – Е. П.) к тебе отныне почаще те мысли, которые нужно будет пустить в общий обиход» (курсив мой. – Е. П.) [Гоголь 1952 13: 62]. Однако 30 июля того года, отправляя Плетневу первую «тетрадку» с началом книги, он дает ей окончательное название – «Выбранные места из переписки с друзьями» [Гоголь 1952 13: 91].

Надо сказать, что Гоголю удалось выбрать «не шумное» название. Многочисленные и разнообразные претензии современников к автору, буквально взорвавшие жизнь обеих столиц с первых же дней января 1847 г. (а Москву, задолго до выхода книги наполнившуюся слухами о ее содержании, – с августа 1846 г.), никаким образом не коснулись названия – ни в 1847 г., ни позднее, и ничего не изменилось после смерти писателя. Как привычное и не вызывающее никаких вопросов оно воспринимается до сих пор. Между тем итоговое название – «Выбранные места из переписки с друзьями» – предполагает выборку из писем с двух как минимум сторон, а в гоголевской книге представлены только его собственные письма к названным и не названным друзьям.

Нельзя сказать, что никто из современников не заметил этого. Но очевидному противоречию (или, в другой логике, парадоксу) явно не придавали какого-либо значения.

В первых частных суждениях о книге она чаще всего называется приблизительно и часто – без вычек графических и логических. Так, С.Т. Аксаков писал 26 авг. ст. ст. 1846 г. Ивану Сергеевичу в Калугу: «...Мы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: “Отрывки из писем или переписки с друзьями” (названия хорошенько не помню). Вероятно, там помещено много из его писем к А.О. <Смирновой>, к Языкову и ко мне. Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение “Мертвых душ”; объявляет, что едет в Ерусалим, и делает какое-то завещание публике или России» [ЛН: 686]. Сергей Тимофеевич был настолько взбудоражен слухами, что название передал вариативно, хотя в содержании он явно предполагал только гоголевские письма.

С.П. Шевырев тоже, как и Аксаковы, еще не познакомившись с самой книгой Гоголя (она появилась

в продаже в Петербурге 30 декабря 1846 г., а в Москве – только 9–10 января 1847 г.), но зная ее название непосредственно от П.А. Плетнева, занимавшегося изданием «Выбранных мест...», 21 августа ст. ст. 1846 г. писал последнему: «Нетерпеливо желаю знать содержание той *переписки*, которую Вы печатаете» (курсив мой. – Е. П.) [Переписка Грота: 951]. В ответ Плетнев (3 сентября) вполне определенно описал содержание книги, в числе прочего указав на односторонний характер эпистолярной выборки: «Новая книга Гоголя содержит просто отрывки из его писем к друзьям о разных предметах литературы, искусств, нравственности и религии» [ЛН: 687]. Плетнев и в последующих письмах к Шевыреву называл гоголевскую книгу – «Письмами»², тем не менее Шевырев в дальнейшем пользовался гоголевским названием (с большей или меньшей точностью): 29 октября, обращаясь к Гоголю, он написал – «твоя Переписка» [Гоголь 1988 2: 330], а в письме к Плетневу в тот же день упомянул «отрывки из Переписки с друзьями» [Переписка Грота: 958]. И чем далее, тем чаще и настойчивее употреблялось сокращение «Переписка», и общеупотребительным стало обиходное название гоголевской книги – «Переписка с друзьями» или «Переписка».

В то же время многие из первых читателей книги в своих отзывах и суждениях о ней (и негативных, и позитивных) автоматически, по всей видимости, подправляли гоголевское название. Например, Н.Г. Чернышевский 24 января 1847 г., говоря о новой гоголевской книге в письме к родным, называет ее (не заковычивая) «Письма к друзьям Гоголя» [Чернышевский: 106]; А.В. Станкевич писал Н.М. Щепкину 20 февраля 1847 г.: «...Получили мы письма Гоголя к друзьям» [ЛН: 700]; подобным образом – «Письма к друзьям» – называет гоголевскую книгу Ф.И. Иордан в письме к Ф.В. Чижову 15 декабря н. ст. 1847 г. из Рима [ЛН: 704] и М.Н. Языков в письме к В.Д. Комовскому от 4 ноября 1848 г. [ЛН: 710].

Но Гоголь сокращал свое название в эпистолярных упоминаниях – до «моей Переписки», а не до «моих Писем». Так почему же автор остановился на формулировке, отсылающей не к *письмам*, а к *переписке*?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, заметим, что гоголевское название не вызвало вопросов и у старшего поколения читателей-литераторов, но, судя по всему, причина была другой, в отличие от невнимания остальных к гоголевской формулировке. Мы имеем в виду писателей карамзинского и пушкинского круга – В.А. Жуковского, прежде всего, а также А.И. Тургенева, П.А. Вяземского, П.Я. Чаадаева и, наконец, гоголевского издателя – Плетнева. Их эстетический опыт наложения или слияния эпистолярной и художественной прозы, личного эпистолярного и публицистического выска-

зывания был и длительным, и богатым разнообразием форм.

Особо интересны для нас два литературных эпизода в рецепции гоголевских писем и его книги в целом. Первый относится к 1844 г. и связан с гоголевскими письмами к А.О. Смирновой, которая поделилась своим восхищением глубиной гоголевской мысли и значительностью его суждений о религиозном пути с А.И. Тургеневым. Последний воспринял гоголевские письма с чрезвычайным интересом³ и оставил об этом впечатлении запись в дневнике (30 марта / 11 апреля 1844 г.), где кроме прочего написал: «...письма Гоголя к Смир<новой>, полные чувства и религии: рекомендует книги. Много о нем Смирнова: живет немногим, устроил сестер; пишет – нервы. Мне пришло на мысль пригласить его путешествовать вместе; *и потом издать с ним переписку*. Я не ожидал в нем такой глубины в христианстве» (курсив мой. – Е. П.) [Мильчина Осповат: 62–63]. Такое намерение Тургенева, чьи корреспонденции в эпистолярной форме печатались при его жизни в журналах, начиная от «Московского телеграфа» (1827) до «Москвитянина» (1845), более чем примечательно в отношении как избранного Гоголем жанра, так и его обозначения в заглавии книги. Второй эпизод представляет реакцию Жуковского именно на жанровую специфику изданной гоголевской книги. В письме к Гоголю от 6 (18) февраля 1847 г. из Франкфурта-на-Майне поэт писал: «Хочу только сказать, что твоя книга теперь в моих руках, что я уже ее всю прочитал или почти всю, то есть кроме двух последних статей, уже мне известных, что я в ней нашел два письма ко мне, которые сделали большой крюк в Петербург, дабы из типографии департамента внешней торговли дойти до меня в печатном образе; что я все это прочитал с жадностью, часто с живым удовольствием, часто и с живою досадою на автора, который (вопреки своему прекрасному рассуждению о том, что такое слово) сам согрешил против слова, позволив некоторым местам из своей книги (от спеха выдать ее в свет) явиться в таком неопрятном виде, что, наконец, эта книга должна произвести и произведет всеобщее сильное и благотворное действие, что я намерен ее перечитать медленно в другой раз и что по мере чтения буду писать к автору все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей, что *эта переписка может также составить книгу*, которая, если подлинно будет в ней что-нибудь достойное общего внимания, может выйти вслед за первую и вместе с нею пробудить в головах русских также несколько добрых мыслей. Итак, Гоголек, жди от меня длинных писем; я дам волю перу своему и наперед не делаю никакого плана – план был бы неуместен и мне бы даже повредил. Я часто замечал, что у меня наиболее свет-

лых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей; мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра, – это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое» [Гоголь 1988 1: 200–201; курсив наш. – Е. П.].

Очевидно, что и Тургенев, и Жуковский в понятие *переписки* вкладывали не столько значение двустороннего обмена письмами, сколько представление о серьезном диалоге в эпистолярной форме, во взаимобращенных высказываниях на важные, насущные темы, при этом в диалоге – открытом для других, но необязательно (в понимании Жуковского, во всяком случае) в привычном ритме или, иначе говоря, в обязательном перекрестном сочетании реплик обоих участников. И Жуковский, как известно, частично свой план «переписки» с Гоголем осуществил, написав в конце 1847 – начале 1848 г., в форме писем Гоголю, статьи «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении». Последнюю Жуковский опубликовал в «Москвитянине» (1848, № 1) с подзаголовком – «Письмо к Гоголю», а Гоголь в качестве ответа написал ему письмо-статью «Искусство есть примирение с жизнью», оставшуюся при жизни автора не опубликованной.

Интересно и еще одно письмо Жуковского к Гоголю, написанное в конце 1847 г. В нем поэт сообщает придуманный им заголовок для своей открытой для публики «переписки» с Гоголем: «Теперь принялся за твою книгу, и если удастся сделать сколько-нибудь путных замечаний, то они вместе с написанным прежним будут напечатаны под титулом: *Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге*. Работа привлекательная» [Гоголь Переписка 1: 216].

Известно, что тесное и довольно частое общение Гоголя с Жуковским в предшествующие выходу гоголевской книги годы, общность духовных интересов, совместные размышления о христианском пути и т. п. – сыграли значительную роль в вызревании замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это дает основание полагать, что и близкие жанровые устремления друзей основывались на общем ощущении глубокого и важного диалога, на взаимопонимании и общем или близком религиозном опыте. В этом плане, на наш взгляд, восприятие жанра гоголевской книги Жуковским, как оно отразилось в его письмах, направляет нас к собственно авторскому – гоголевскому – восприятию сложившегося в итоге целого, к той интуиции художника, которая побудила его считать и назвать ее не письмами к друзьям, а перепиской с друзьями.

Вопрос о жанре «Выбранных мест...» сложен и требует большого и подробного разговора. Мы просто укажем тот дополнительный вектор, который на-

метился в попытке разгадать парадокс «не шумного» авторского названия.

Как можно предполагать, всякое письмо Гоголя из «Переписки с друзьями» было для него частью длительного и важного диалога с адресатом – Жуковским, Н.М. Языковым, А.П. Толстым, М.Ю. и С.К. Вильгорскими и проч. С каждым из адресатов диалог формировал круг тем, предметов обсуждения, стиль общения. Кому-то (как А.О. Смирновой, например) требовались советы и наставления по организации повседневной жизни и по освещению этой повседневности духовным смыслом, с другим можно и нужно было обсудить вопросы литературного развития и т. п. То есть всякое свое эпистолярное обращение к конкретному лицу, другу, Гоголь мыслил не как формально адресованное суждение – статью в эпистолярной форме – о той или иной стороне жизни, а как реплику, вписанную в *переписку* с этим именно другом.

В конце того же 1844 г., весной которого Гоголь сообщил Смирновой о своем замысле произведения с «не шумным» названием, он написал большое письмо С.Т. Аксакову. Большая часть письма посвящена Константину Сергеевичу, точнее его проблемам изъяснения своих мыслей в письменной публичной речи. Как всегда, Гоголь свои советы основывает на своем опыте, и по сути – из этих объяснений мы узнаем о его собственных принципах письменного, в частности эпистолярного, диалога. Он настаивает на том, что всякая речь, чтобы наполняться живой мыслью, должна быть адресована конкретному человеку и исходить именно из его личности и понимания. «Чтобы он ни написал, – пишет он для Константина, – ему следует, перед тем как он принимается за перо, вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет. Он пишет к публике, личность публики себе трудно представить, пусть же он на место публики посадит кого-нибудь из своих знакомых, живо представит себе его ум, способности, степень понятливости и развития и говорит, соображаясь со всем этим и снисходя к нему, – слово его непременно будет яснее» [Гоголь 1952 12: 407].

По мнению Ю.В. Манна, высказанному еще в 1984 г., «Выбранные места...» есть реализация описанного Гоголем в этом письме способа: «Абстрактное понятие “публики” здесь последовательно дифференцировано на ряд конкретных личностей (воображаемых или реальных – неважно), чьи склонности и свойства автору хорошо известны. Автор намерен поучать не всех вместе, но вести к желанному идеалу каждого в отдельности. Он педагог и наставник, знающий индивидуальные свойства своих подопечных» [Манн 1984: 239]. В полном согласии с этой характеристикой гоголевской «переписки», мы считаем важным уточнить намерения автора «Выбранных мест...», аналогичные, на наш взгляд, намерени-

ям автора процитированного выше частного письма к старшему Аксакову: те советы и назидательные суждения мы воспринимаем как поучения, которые считаем умозрительным следованием предписанным кем-то правилам, а Гоголь делится с корреспондентом в этом частном письме и в письмах из «Переписки с друзьями» – своим опытом, прочувствованным, продуманным, осмысленным в процессе самонаблюдения, а в эти годы – и пристального внимания к чистоте своих помыслов. «Это не совет, – оговаривает он все в том же письме к Аксакову, – а братское увещание человека, уже искушившегося и который хотел бы сколько-нибудь помочь своею собственною бедою, обратив ее не в беду, а в пользу другому» [Гоголь 1952 12: 406]. И, к слову сказать, примечательно, что среди всех тех читателей-современников Гоголя, кто был недоволен или возмущен его книгой, а еще более – самим автором, нет тех, к кому непосредственно автор «Переписки с друзьями» обращался с одной или несколькими письмами-репликами, выбранными из эпистолярного диалога с ним.

Примечания

¹ См. новейший обзор научной проблематики и концептуальных научных положений о жанре дружеского письма конца XVIII – начала XIX в. [Лаппо-Данилевский].

² Ср., например, в письме к Шевыреву от 1 ноября 1846 г. из Санкт-Петербурга: «Печатание Писем Гоголя встречает препятствия на каждом шагу» [Гоголь 1936: 164].

³ Смирнова написала об этом Гоголю, который в ответном письме (24 октября из Франкфурта) укорил ее: «Мне кажется, что вы напрасно показываете мои письма, [то есть я говорю о письмах, которые] в Париже вы показали Тургеневу. Из этого выходит что-то странное. Я получил нечто вроде комплимента за благородство чувств. Письма, особенно в роде этого, которое пишу к вам, должны оставаться между нами» [Гоголь 1952 12: 361].

Список литературы

Гоголь Н.В.: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. 629 с.

Гоголь Н.В. Переписка: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Карпова, М.Н. Виролайнен. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1–2.

Гоголь Н.В. Полное собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. СПб.: Наука, 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII в. С. 121–153.

Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. 1059 с.

Манн Ю.В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 416 с.

Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс, 2004. 813 с.

Мильчина В.Л., Основат А.Л. Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1992. С. 61–64.

Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: в 3 т. СПб.: Тип. Министерства пут. сообщ., 1896. Т. 2. 968 с.

Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina. Trieste, 1994. Vol. 2: Studia russica. P. 91–115.

Чернышевский Н.Г. Полное собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. Т. 14. 718 с.

References

Gogol N.V.: *Materialy i issledovaniya* [Materials and research]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1936, vol. 1, 629 p. (In Russ.)

Gogol N.V. *Perepiska: v 2 t.* [Correspondence: in 2 vols], comp., comment. A.A. Karpova, M.N. Virolaynen. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988, vol. 1–2. (In Russ.)

Gogol N.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete works: in 14 vols]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1952. (In Russ.)

Лаппо-Данилевский К.Ю. *Druzheskoe literaturnoe pismo: specifika, istoki* [Friendly literary writing: specifics, origins]. XVIII vek. Sb. 27: *Puti razvitiya russkoy literatury XVIII veka* [XVIII century. Collection 27. Ways of development of Russian literature of the XVIII century]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 121–153. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo [Literary legacy]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952. T. 58: *Pushkin. Lermontov. Gogol* [Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol], 1059 p. (In Russ.)

Манн Ю.В. *V poiskakh zhivoy dushi: «Mertvye dushi»*. *Pisatel – kritika – chitatel* [In search of a living soul: “Dead Souls”. Writer – critic – reader]. Moscow, Kniga Publ., 1984, 416 p. (In Russ.)

Манн Ю.В. *Gogol. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and days: 1809–1845]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004, 813 p. (In Russ.)

Мильчина В.Л., Основат А.Л. *Gogol po materialam arkhiva brat'ev Turgenyevykh* [Gogol based on the materials of the archive of the Turgenev brothers]. *Shesty Tynyanovskie chteniya* [Sixth Tynian Readings]. Riga, Zinatne Publ.; Moscow, Imprint Publ., 1992, pp. 61–64. (In Russ.)

Perepiska Ya.K. Grota s P.A. Pletnevym: v 3 t. [Correspondence of Y.K. Groth with P.A. Pletnev: in 3 vols].

Saint-Peterburg, Tip. Ministerstva put. soobsch. Publ., 1896, vol. 2, 968 p. (In Russ.)

Rossi L. *K voprosu o sootnoshenii epistolyarnoy i khudozhestvennoy prozy v Rossii v posledney chetverti XVIII veka* [On the question of the Correlation of Epistolary and Artistic Prose in Russia in the last Quarter of the XVIII century]. *Slavica Tergestina*. Trieste, 1994, vol. 2: *Studia russica*, pp. 91–115. (In Russ.)

Chernyshevskiy N.G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete works: In 15 vols]. Moscow, Khudozh. lit. gov. Publ., 1949, vol. 14, 718 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 08.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 08.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В «КРИМИНАЛЬНОЙ» ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Федотова Анна Александровна, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. К одним из ключевых понятий современного социально-гуманитарного знания относится уже ставшая классической категория национального характера. С начала XXI в. наметился устойчивый общественный и научный интерес к проблемам национальной самобытности и самоидентификации, к вопросам этнического менталитета. В эпоху глобализации возрастает актуальность их изучения: исследование проблем национального предотвращает всеобщую унификацию. В статье анализируется специфика русского национального характера на материале творчества Н.С. Лескова 1860-х гг., в частности его «криминального» рассказа «Засуха», который впервые был опубликован в 1862 г. в журнале «Век» под названием «Погасшее дело (Из записок моего деда)». Рассказ вписывается в значительное число ранних произведений Лескова, навеянных темой уголовной хроники и связанных со службой в Орловской палате уголовного суда. Используя современные методы текстового анализа, в том числе коммуникативно-прагматический метод, автор статьи приходит к выводу, что в качестве героев, на примере которых писатель демонстрирует принципиальные для него черты народной психологии, выступают крестьяне. Показательно, что при их изображении писатель подчеркивает, что национальный характер носит групповой, социальный, а не индивидуальный вид. В произведениях Лескова подобные ситуации довольно типичны и чаще всего связаны с моральным насилием массы над одиночкой. Используя вербальные, телесные и символические образы, Лесков демонстрирует, что причины негативных особенностей русского национального характера следует искать не в природных или биологических факторах, а в социальных причинах.

Ключевые слова: русский национальный характер, национальная самобытность, классическая литература, Н.С. Лесков, коммуникация, криминальный сюжет.

Для цитирования: Федотова А.А. Изображение национального характера в «криминальной» прозе Н.С. Лескова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 99–104. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-99-104>

Research Article

THE IMAGE OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE “CRIMINAL” PROSE OF NIKOLAI LESKOV

Anna A. Fedotova, Doctor of Philological Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. One of the key concepts of modern socio-humanitarian knowledge is the category of national character that has already become a classic. The early 21st century in Russia has seen a steady public and scientific interest in the problems of national identity and self-identification, in the issues of ethnic mentality. In the era of globalisation, topicality of their study is increasing – the study of the problems of the national prevents universal unification. The article analyses the specifics of the Russian national character based on the material of Nikolai Leskov’s work of the 1860s, in particular his “criminal” story “The Drought”. The story was first published in 1862 in the magazine “Century” under the title “The Extinguished case (From my grandfather’s notes)”. The story fits into a significant number of Nikolai Leskov’s early works, inspired by the theme of the criminal chronicle and, of course, related to service in Oryol city Chamber of the Criminal Court. Using modern methods of text analysis, including the communicative-pragmatic method, the author of the article comes to the conclusion that peasants act as heroes, by the example of which the writer demonstrates the fundamental features of folkish psychology for him. It is significant that when depicting them, the writer emphasises that the national character has a group, social, rather than individual appearance. In Nikolai Leskov’s works, such situations are quite typical and are most often associated with the moral violence of the masses over a loner. Using verbal, bodily and symbolic images, Nikolai Leskov demonstrates that the causes of the negative features of the Russian national character should be sought primarily in social causes rather than in natural or biological factors.

Keywords: Russian national character, national identity, 19th century classical literature, Nikolai Leskov, communication, criminal plot.

For citation: Fedotova A.A. The image of Russian national character in the “criminal” prose of Nikolai Leskov. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 99–104 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-99-104>

Уже давно расхожей цитатой стало выражение русского литературного критика начала XX в., автора знаменитой книги «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год» Д.П. Святополка-Мирского о Лескове: «Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей», «который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть» [Святополк-Мирский: 28]. Эти слова во многом основаны на той литературной биографии, которую создавал вокруг себя сам Лесков. Окончивший за пять лет лишь два класса Орловской губернской гимназии, писатель уже с 16 лет начал свою рабочую жизнь. А профессии, которыми он занимался, постоянно сталкивали его с большим количеством самых разных людей. Служба в Орловской палате уголовного суда, в Киевской казенной палате, наконец, работа в коммерческой организации «Шкотт и Вилькенс», по воспоминаниям Лескова, привели к тому, что он «думал, что знал русского человека в самую его глубь» [Лесков 1996, 3: 207]. Писатель, подчеркнуто противопоставляя себя другим авторам-современникам, прежде всего, представителям натуральной школы, утверждал: «Я не изучал народа по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе» [Лесков 1996, 3: 207].

Приведенные слова Лескова – не точный литературоведческий факт, а позиция самого писателя, который привык говорить о себе с вызовом и выделять себя на фоне других. Тем не менее, возможность изучения его произведений с точки зрения изображения русского национального характера давно не подвергается сомнению. Правда, рассматривается она достаточно одноаспектно: с позиции типологии лесковских героев и преимущественно в контексте рассмотрения типа героя-праведника. Об этом факте, например, точно свидетельствует Н.В. Ангелова в работе «Русский национальный характер в трактовке Н.С. Лескова (к вопросу творческой эволюции писателя)» [Ангелова].

Изложенные аргументы демонстрируют важность комплексного исследования корпуса лесковских текстов относительно заявленной темы. Актуальность же подобного подхода очевидна. По мнению многочисленных исследователей, с начала XXI в. наметился устойчивый общественный и научный интерес к проблемам национальной самобытности и самоидентификации, к вопросам этнического менталитета и национального характера [Андреева], [Анисимова], [Лученецкая-Бурдина] [Мункуева, Серебрякова]. В контексте общей глобализации изучение этих и подобного рода проблем способно помочь сохранить национальную идентичность.

Среди близкого ряда терминов и понятий в качестве ведущего при написании данной статьи было выбрано понятие национального характера. Основная причина – его традиционный ореол и проработанность (в отличие от более современного и многозначного термина менталитет) и тот факт, что история изучения термина уходит корнями в XIX в., время писательского творчества Лескова. Безусловно, центром изучения понятия национального характера в те годы стала Германия с понятием «народного духа», введенным И. Гердером и оказавшим ключевое влияние на философию Г. Гегеля, а затем с так называемой германской «школой психологии народов» (1860-е гг., В. Вундт, Х. Штейнталь, М. Лацарус). Однако очень быстро и практически одновременно с Германией проблемы национального характера и всего русского стали затрагиваться и на отечественной почве в работах самого разного рода мыслителей от П.Я. Чаадаева и А.И. Герцена до А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, от братьев К.С. и И.С. Аксаковых и Н.Я. Данилевского до Ф.М. Достоевского и Н.Г. Чернышевского.

Современных исследований понятия национального характера множество. Изучаются история термина, способы функционирования понятия, вырабатываются теории и критерии сущности национальной психологии. В основном ученые сходятся в том, что под русским национальным характером следует понимать «устойчивую составляющую часть русской национальной психологии, которая представляет собой совокупность доминирующих черт и свойств в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении. Эти черты и свойства степенью выраженности, различным сочетанием, формами проявления определяют своеобразие русского национального характера» [Моисеева, Сороковикова: 49–50]. Кроме того, большинство исследователей подчеркивают, что национальный характер имеет групповое, а не индивидуальное выражение и ярко прослеживается в ходе межэтнической коммуникации. Эти теоретические установки и составят основу нашего небольшого практического исследования, посвященного тому, как понимается и изображается русский национальный характер у Лескова.

Материал для анализа мы берем малоизвестный и фактически не изученный – рассказ «Засуха» (об этом рассказе см. [Лукашевич]; [Федотова]). Впервые рассказ был опубликован в журнале «Век» под названием «Погасшее дело (Из записок моего деда)». Журнал в 1861–1862 гг. еженедельно выходил в Санкт-Петербурге под редакцией сначала Петра Исаевича Вейнберга, а затем Григория Захаровича Елисеева.

Лесковский рассказ был опубликован в одном из последних номеров журнала, в №12 от 25 марта 1862 г., а номер от 17 апреля стал для «Века» последним. По совпадению вскоре после публикации рассказа Лескова многие наиболее радикально настроенные члены артели вышли из нее (например, один из организаторов «Земли и воли» Николай Александрович Серно-Соловьевич, участник революционно-демократического движения Николай Васильевич Шелгунов, адвокат Константин Константинович Арсеньев), и из-за нехватки средств изданию пришлось прекратить свое существование.

Название «Засуха» Лесков дал рассказу позднее, в 1869 г., когда готовил текст для отдельного издания «Рассказы Стебницкого (Н.С. Лескова)» и объединил его для публикации с рассказом «Язвительный», определив им общий заголовок: «За что у нас хаживали в каторгу. Два рассказа».

В обоих случаях уже в названии писатель акцентировал криминальную составляющую сюжета: если в случае первой публикации «Погасшего дела» она давалась намеком (необходимые для автора читательские ассоциации формировались благодаря использованию слова «дело»), то при второй и последующих публикациях криминальный сюжет выходил из подтекста в прямое поле формирования смыслов благодаря подзаголовку («За что у нас хаживали в каторгу»). Рассказы тем самым вписываются в значительное число ранних произведений Лескова, навеянных темой уголовной хроники и, безусловно, связанных со службой в Орловской палате уголовного суда. Наибольшую известность из последних получил очерк «Леди Макбет Мценского уезда» (1864). Показательно, что в обоих случаях Лесков подчеркивал документальную основу своих произведений: в случае «Леди Макбет» жанровым определением – очерк, а в случае «Засухи» подзаголовком («Из записок моего деда») и эпиграфом: «Быль – не укор». Впрочем, в случае «Засухи» оба эти «фактографических» намека были при переиздании сняты.

Если сравнивать «Засуху» с очерком «Леди Макбет Мценского уезда», то можно отметить, что преступление, описанное в первом, не столь кроваво. В отличие от сложно закрученного сюжета «Леди Макбет», в центре «Засухи» – всего одно событие. Несмотря на то, что Лесков убрал те внесюжетные элементы текста, которые указывали на его документальность, установка на факт осталась. Начинается рассказ несколько неожиданно и со свойственным Лескову юмором в сочетании высокого (религиозной темы) и низкого: «Лет пятнадцать назад в одном селе умер от опоя приходский пономарь; и был похоронен на своем приходском кладбище. Как на грех, вскоре же после похорон этого опивицы настала засуха» [Лесков 1996, 1: 103]. Лесков отсылает читате-

ля в конец 1830-х – начало 1840-х гг. Писатель указывает на реально существующий факт: 1840 г. – время страшного голода из-за неурожая, которым были поражены Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Смоленская и ряд других губерний.

Вокруг смерти «опивицы» и закручивается криминальный сюжет: «захожий в село грамотей, не то солдат, не то коробейник» [Лесков 1996, 1: 103] объясняет крестьянам, что для окончания засухи необходимо вырыть тело «опивицы» с приходского кладбища. По законам Российской Империи это было строго наказуемое преступление: Уложение 1857 г. предусматривало за разрытие могилы для совершения суеверных действий телесные наказания и ссылку на поселение в Сибирь.

Попытке крестьян совершить это преступление и посвящена первая часть рассказа. Она представляет собой ряд сцен, в основе которых – диалоги между крестьянами и приходским священником отцом Илиодором, в ведомстве которого и находилось кладбище. Диалоги построены по принципу аффективных речевых жанров (по терминологии А.Д. Степанова [Степанов]): в них сталкиваются две речевые интенции: отец Илиодор пытается убедить крестьян отказаться от намерения вырыть тело, крестьяне в свою очередь стоят на своем. Показательна стилистическая организация первого диалога: «Священник вышел, крестьяне ему в ноги <...> – Да встаньте, – говорит он стоящим на коленях мужикам <...> Мужички, не вставая с колен, рассказали, что <...> заходил бывалый человек и вот то и то говорил, отчего дождя нет. Священник обрадовался <...> плюнул и назвал мужиков баранами, а бараны все знай стоят на коленях. – Вставайте же, шуты вы этакие! Крестьяне, вместо того, чтобы встать, толкнули друг дружку потихоньку локтями и, как по команде, опять все повалились в ноги священнику. – Батюшка! Ты сделай свою милость, ублаготвори!» [Лесков 1996, 1: 104–105]. Очевидны два основных принципа, с помощью которых Лесков передает столкновение двух интенций. Прежде всего, священник выступает в одиночку, а крестьяне – целой социальной группой. В произведениях Лескова подобные ситуации довольно типичны и чаще всего становятся знаком морального насилия массы над одиночкой. Достаточно вспомнить знаменитый эпизод пьянки с участием Артура Бенни из романа «Некуда». Также построен и диалог между священником и крестьянами. Скрытое сопротивление массы крестьян Лесков демонстрирует невербально, с помощью телесного знака, что, безусловно, создает достаточно сильный эффект. В эпизоде постоянно подчеркивается то, что крестьяне не встают с колен. При этом парадоксален сам выбор этого телесного «жеста». Коленопреклонение – традиционный знак уважения

и подчинения – оказывается символом сопротивления и непослушания.

Потерпев поражение в первом диалоге с крестьянами, отец Илиодор предпринимает еще одну попытку: собирает сходку. Изображение сходки строится Лесковым подобным диалогу образом: «Собрали <...> сходку. Вышел на эту сходку и священник. Крестьяне сняли шапки, тишина стала мертвая, а мужики все моргают, на небо поглядывают: не видать ли тучки, да губами чмокают, словно у них лишний зуб во рту: вытащить бы его, и сейчас все бы отлично стало. – Вас, ребята, злые люди смущают, – начал священник. Крестьяне молчат, опять только чмокают, побрякивают, да подувают себе в бороды. – Правда, смущают? – повторил священник. Опять молчание» [Лесков 1996 1: 106–107]. Очевидно сходство между двумя эпизодами: священник вновь выступает в одиночку против одноликой массы людей и пытается, прибегая к аффективному речевому жанру, убедить их отказаться от намерения вырыть тело. Однако довольно жалкие попытки отца Илиодора сталкиваются с телесным неподчинением. По сравнению с первым эпизодом, во втором усилена градация. Так как масса крестьян значительно возросла, все более явным становится и их скрытое сопротивление попыткам священника. Ярким контрастом к словам отца Илиодора выступает постоянное повторение лексемы «молчание», вплоть до фразеологизма «тишина стояла мертвая», который демонстрирует крайнюю степень отсутствия контакта между священником и его паствой. Эффект безмолвной толпы усиливается Лесковым благодаря выразительным деталям: писатель намеренно привлекает внимание читателя к тем органам чувств, которые отвечают за речь: «мужики губами чмокают, словно у них лишний зуб во рту», «крестьяне <...> опять только чмокают, побрякивают да подувают себе в бороды». Эти жесты в символическом плане рассказа означают полное закрытие крестьян, их неготовность к контакту, а, возможно, и неспособность к нему. В любом случае, картина, созданная Лесковым, удивляет своей мрачностью и подавленностью. В финале этого своеобразного «диалога» отцу Илиодору все-таки удается услышать несколько слов от крестьян, которые вновь звучат как итог поражения священника в диалоге с паствой: «Ублаговори <...> Изништожь пономаря с кладбища <...> А не хочешь, так и толковать больше нечего» [Лесков 1996, 1: 107]. Показательны повелительные наклонения глаголов, используемые в речи мужиков, и сделанные ими в безоговорочной форме резюме разговора: с помощью стиля Лесков вновь демонстрирует позицию силы большинства.

Во второй части очерка крестьяне все-таки вырывают тело пономаря с кладбища, дело открывается, и в третьей части очерка священник с одним

из мужиков едет в губернский город к хозяину крестьян для того, чтобы уладить дело. Договариваются они на том, чтобы крестьяне собрали крепостнику 1000 рублей, которую он якобы дает в городе в качестве взятки.

Незамысловатый сюжет рассказа на этом заканчивается. Однако Лесков добавляет тексту необычный финал. Последняя часть очерка вновь построена как диалог между священником и крестьянином. Но теперь они выступают один на один, и речевой жанр проповеди, который превалировал в первой части рассказа, превращается в исповедь:

– А я думал... – Крестьянин набожно перекрестился и снова проговорил: – Я думал...

– Что же ты думал, Ефим?

– Скажи ты, отец, как велик наш грех против Бога?

– Надругательство над мертвым, разумеется, скверно.

– А будет прощено?

– Молитесь Богу, чтоб простил вас.

У старика задрожали губы, <...> и послышалось несколько старческих всхлипываний, которых нельзя было отличить от всхлипываний двухлетнего ребенка.

– Бачка! – начал опять старик, не отнимая рукава от глаз. – А ведь мы не весь грех-то тебе сказали.

Священник обомлел.

– Ефим! – сказал он, придя в себя. – Что ж это вы со мною, скоты вы бесчувственные, делаете! Что же вы еще сделали?

Старик так и зарыдал навзрыд.

– Са... са... – лепечет, а далее рыдания ему мешали говорить, и он наконец едва произнес и то не своим, очень тоненьким голоском: – Мы с него сальца содрали. <...>

– Ах! дураки. На что ж было вам его сало?

– На свечку.

– На какую свечку?

– Да, тот, чтоб ему пусто было, прохожий-то не сказал, – старик отер глаза и начал говорить покойнее, – ссучите, говорит, из мертвого сала свечку да зажгите ее ночью на огороде, без этого, говорит, струмента нельзя [Лесков 1996: 1: 118–119]. Отвратительная подробность, в которой и заключался весь смысл совершенного крестьянами преступления, становится своеобразным пуантом рассказа, придавая ему жанровый привкус новеллы. Идея об изготовлении из сала мертвого пономаря свечи для того, чтобы пошел дождь, расставляет важные акценты в изображении героев из народа: за тупым упертым молчанием, которое демонстрировали герои в первой части рассказа, обнаруживается почти звериная жестокость и, что особенно важно в контексте религиозной проблематики «Засухи», суеверие.

Итак, рассмотрение рассказа Лескова «Засуха» с точки зрения изображения в нем русского нацио-

нального характера показывает, что в качестве героев, на примере которых писатель демонстрирует определенные черты народной психологии, выступают крестьяне. Писатель подчеркивает, что национальный характер носит групповой, социальный, а не индивидуальный вид. Воссозданные Лесковым черты русского национального характера, а русского человека, как мы помним, писатель «знал лучше и шире», чем многие другие отечественные писатели, в общем и целом производят обескураживающее впечатление. Тупое молчание, тяга к насилию, неспособность к внятному диалогу, видимое благочестие и скрытое под этим суеверие – вот те черты, которые Лесков воссоздает, используя вербальные, телесные и символические образы. Определенным положительным полюсом в контексте рассказа мог бы, в принципе, выступить отец Илиодор, однако его основной чертой также является косноязычие и неспособность наладить диалог со своей паствой.

Впрочем, Лесков не оставляет своих героев в полной безысходности. Писатель видит основную причину подобных особенностей русского национального характера не в природных или биологических факторах, а прежде всего, в социальных. И священник, и крестьяне – заложники безденежья и отсутствия образования. В образной форме Лесков формулирует эту идею в финале второй главы. Когда отец Илиодор спрашивает крестьян, «сможет ли село о всей этой подлости молчать?» [Лесков 1996, 1: 109], Лесков риторически заключает: «Из толпы выскочил серый мужичонка в рваном кафтанишке и, судорожно дергая себя обеими руками за ворот дырявой рубашонки, зачастил: “Бачка, за шкуру-то, за шкуру-то свою! За шкуру свою, батюшка, мир все смолчит!”. Священник посмотрел на говорящего. Он был в самом деле словно олицетворение обдерганного крестьянского мира, которому не за что постоять, кроме своей шкуры, и которому потому можно крепко верить, что он о своей шкуре не позабудет» [Лесков 1996, 1: 109].

Список литературы

Ангелова Н.В. Русский национальный характер в трактровке Н. С. Лескова (к вопросу творческой эволюции писателя) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 4(48). С. 117–121.

Андреева В.Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–22.

Анисимова Н.Н. Национальный характер и национальный менталитет // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2019. № 1–2(31). С. 5–10.

Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1, 3. М.: Терра, 1996.

Лукашевич М. «Я не враг Церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Николая Лескова. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

Лученецкая-Бурдина И.Ю. Осмысление русской культурной традиции в малых жанровых формах М.Е. Салтыковым-Щедриним и Н.С. Лесковым // Традиции русской литературы и преемственность их изучения в вузовской и школьной методике. Ярославль: РИО «ЯГПУ», 2018. С. 9–30.

Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) // Социологические исследования. 2003. № 2(226). С. 45–55.

Мункуева Р.Б., Серебрякова Ю.А. Понятие национального характера // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. Т. 3. № 3. С. 32–37.

Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006. 204 с.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Федотова А.А. «За что у нас хаживали в каторгу»: криминальный сюжет в ранней прозе Н. С. Лескова // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 114–117.

References

Angelova N.V. *Russkii natsional'nyi kharakter v traktovke N.S. Leskova (k voprosu tvorcheskoi evolutsii pisatel'ia)* [Russian national character in the interpretation of N. S. Leskov (to the question of the creative evolution of the writer)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. 2007, № 4(48), pp. 117–121. (In Russ.)

Andreeva V.G. *Chelovek i problema antropotsentrizma v russkom romane vtoroi poloviny XIX v.* [Man and the problem of anthropocentrism in the Russian novel of the second half of the 19th century]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii Philological Bulletin]. 2018, № 4, pp. 13–22. (In Russ.)

Anisimova N.N. *Natsional'nyi kharakter i natsional'nyi mentalitet* [National character and national mentality]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Don State Agrarian University]. 2019, № 1–2(31), pp. 5–10. (In Russ.)

Leskov N.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 1, 3* [Complete works: in 30 vols. Vol. 1, 3]. Moscow, Terra Publ., 1996. (In Russ.)

Lukashevich M. *“Ja ne vrag Tserkvi, a ee drug... i uverennyi pravoslavnyi”*. *Tserkovnaia problematika v publitsistike Nikolaia Leskova* [“I am not an enemy of

the Church, but her friend ... and a confident Orthodox”. Church problems in the journalism of Nikolai Leskov]. Warsaw, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2019. 542 p. (In Russ.)

Luchenetskaia-Burdina I.Iu. *Osmyslenie russkoi kul'turnoi traditsii v malykh zhanrovyykh formakh M.E. Saltykov-Shchedrinym i N.S. Leskovym* [Understanding the Russian cultural tradition in small genre forms M.E. Saltykov-Shchedrin and N.S. Leskov]. *Traditsii russkoi literatury i preemstvennost' ikh izucheniia v vuzovskoi i shkol'noi metodike* [Traditions of Russian literature and the continuity of their study in high school and school methods]. Iaroslavl', RIO “IaGPU” Publ, 2018, pp. 9–30. (In Russ.)

Moiseeva N.A., Sorokovikova V.I. *Mentalitet i natsional'nyi kharakter (O vybore metoda issledovaniia)* [Mentality and national character (On the choice of research method)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2003, № 2(226), pp. 45–55. (In Russ.)

Munkueva R.B., Serebriakova Iu.A. *Poniatie natsional'nogo kharaktera* [The concept of national character].

Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2018, vol. 3, № 3, pp. 32–37. (In Russ.)

Sviatopolk-Mirskii D.P. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 g.* [History of Russian literature from ancient times to 1925]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ia Publ., 2006. 204 p. (In Russ.)

Stepanov A.D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p. (In Russ.)

Fedotova A.A. “*Za chto u nas khazhivali v katorgu*”: *kriminal'nyi siuzhet v rannei proze N.S. Leskova* [“For what we were sent to hard labor”: a criminal plot in the early prose of N.S. Leskov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. 2019, № 2, pp. 114–117. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 105–110. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 105–110. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN FSDQSD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-105-110>

ОБРАЗ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ В ОЧЕРКЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА «ОТЕЦ КЛИМЕНТ ЗЕДЕРГОЛЬМ, ИЕРОМОНАХ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ»

Юдникова Алёна Александровна, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, alionaku1992@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7024-7098>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности художественного воплощения образа Оптиной Пустыни в очерке К.Н. Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни». Показывается, что образ Оптиной Пустыни, созданный в очерке Леонтьева, многогранен. В его структуру входит описание монастыря и окружающей его природы, а также образы иноков, формирующие художественную антропологию произведения. Композиционным центром очерка становится образ о. Климента. В статье отмечается, что отношение автора к Оптиной Пустыни, его убеждение в ее исключительной духовной роли для православного мира художественно воплощается, в частности, в лексическом наполнении очерка. В работе проводится сопоставление художественного воплощения образа Оптиной Пустыни в очерке Леонтьева и в романе Достоевского «Преступление и наказание». Оно позволяет заключить, что Достоевский, наделяя образ монастыря сакральным смыслом, лишает его той живописности и поэтичности, которые присутствуют у Леонтьева. Делается вывод о том, что очерк Константина Леонтьева в определенной мере приближается к жанру эссе. Он имеет особую, синкретичную природу и представляет собой ценность не только с точки зрения идейно-философского содержания, но и как оригинальное художественное произведение, в котором отражаются эстетические взгляды писателя, его религиозные искания и философские воззрения. Созданный Леонтьевым образ Оптиной Пустыни может быть включен в ряд ключевых топосов, определяющих самосознание русской литературы.

Ключевые слова: художественный образ, Оптина Пустынь, монастырь, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, художественный образ, очерк, категория пространства.

Для цитирования: Юдникова А.А. Особенности художественного воплощения образа Оптиной пустыни в очерке К.Н. Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 105–110. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-105-110>

Research Article

FEATURES OF THE ARTISTIC EMBODIMENT OF THE IMAGE OF OPTA'S HERMITAGE MONASTERY IN THE ESSAY "K.G.A. SEDERHOLM, FATHER CLEMENT, HIEROMONK OF OPTA'S HERMITAGE" BY KONSTANTIN LEONTIEV

Alena A. Yudnikova, Kostroma State University, Kostroma, Russia, alionaku1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7024-7098>

Abstract. The article discusses the features of the artistic embodiment of the image of Opta's Hermitage Monastery in the essay "K.G.A. Sederholm, Father Clement, hieromonk of Opta's Hermitage" by Konstantin Leontiev. It is shown that the image of Opta's Hermitage, created in Konstantin Leontiev's essay, is multifaceted. Its structure includes a description of the monastery and the nature surrounding it, as well as images of monks that form the artistic anthropology of the work. The image of Father Clement is necessary to mention. The article notes that the author's attitude to Opta's Hermitage, his belief in the monastery's exceptional spiritual role for the Orthodox world is artistically embodied, in particular, in the lexical content of the essay. In addition, the work compares the artistic embodiment of the image of Optina Hermitage in Konstantin Leontiev's essay and in Fyodor Dostoevsky's novel Crime and Punishment. It allows us to conclude that Fyodor Dostoevsky, endowing the image of Opta's Hermitage with a sacred meaning, deprives it of the picturesqueness and poetry present in Konstantin Leontiev's essay. The article concludes that Konstantin Leontiev's essay to a certain extent approaches the essay genre. It is of special, syncretic nature and is of value not only in terms of ideological and philosophical content, but also as an original work of art reflecting the aesthetic views of the writer, his religious quest and philosophical views. The image of Opta's Hermitage created by Konstantin Leontiev can be included in a number of key topoi that determine the self-awareness of Russian literature.

Key words: artistic image, Opta's Hermitage, Monastery, Konstantin Leontiev, Fyodor Dostoevsky, artistic image, essay, category of space.

For citation: Yudnikova A.A. Features of the artistic embodiment of the image of Opta's Hermitage Monastery in the essay "K.G.A. Sederholm, Father Clement, hieromonk of Opta's Hermitage" by Konstantin Leontiev. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 105–110 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-105-110>

А.П. Чехов писал: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец» [Чехов: 165]. Жизненный путь К.Н. Леонтьева позволяет убедиться, что он, как «истинный мудрец», прошел это «громадное поле» от точки «нет Бога» до абсолютной веры в то, что «есть Бог». На этом пути Леонтьеву удалось продолжительное время прожить на Афоне. В России писатель много времени проводил в Оптиной Пустыни и после ухода в отставку поселился недалеко от монастыря.

На протяжении всего XIX в. Оптина Пустынь привлекала к себе творческую интеллигенцию. Монастырь был основан еще в XVI столетии, постепенно в нем получает развитие и широкое распространение старчество. Бывал там неоднократно Н.В. Гоголь. С оптинским старцем Амвросием беседовал Л.Н. Толстой. Оптиной Пустыней интересовался и Ф.М. Достоевский, который посетил ее вместе с философом В.С. Соловьевым, чтобы лично познакомиться с великими старцами, увидеть монастырскую жизнь. В дальнейшем Достоевский создаст идеальный образ «русского инока» в романе «Братья Карамазовы». Так небольшой монастырь, ставший духовным центром русского православного мира, был запечатлен на страницах великого романа и предстал весьма значимым художественным образом-символом [Лосский].

С имени иеромонаха Леонида открывается история великих Оптинских старцев, которые были духовными наставниками не только для монастырской братии, но и для мирян. По благословению о. Макария начинается интенсивная переводческо-издательская деятельность, в которой принимают участие оптинские монахи и светские писатели. С личностью о. Макария в сознании русских людей связывается образ православного русского старца. Но наиболее полным воплощением оптинского старчества становится о. Амвросий, который перешел на другую ступень «Умного Делания». Эта форма старчества отвечала русскому менталитету, в котором христианские ценности и жизнь по законам Христовым не ограничивались монастырскими стенами, а всегда стремились проникнуть в мир, что отвечало идее «монастыря в миру», то есть мессианской роли церкви [Феномен русского старчества: 107].

Леонтьев был непосредственно связан с Оптиной Пустыней, довольно долгое время он приезжал в монастырь за духовным успокоением и для обще-

ния со своим другом отцом Климентом. Еще в детстве Леонтьев часто бывал в Оптиной вместе с матерью и, по воспоминаниям, был готов остаться там навсегда, так ему было легко и отрадно в этом месте [Леонтьев 2003: 185]. Зрелая жизнь, государственная карьера, консульские дела несколько отдалили Леонтьева от веры. Но болезнь и обет, данный им на пороге смерти, заставили вернуться на путь, видимо, уготованный философу и писателю свыше. Эта тесная связь с монастырем, а также путь исканий и открытый отразились в очерке 1879 г. «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни», посвященном другу и в какой-то степени наставнику о. Клименту.

Литературное наследие Леонтьева традиционно рассматривается в русле философской мысли (А.И. Абрамов, А.А. Александров, Н.А. Бердяев, К.М. Долгов, П.Ю. Иваск, И.М. Концевич, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев и др.). А названный выше очерк упоминается исследователями исключительно как источник для изучения биографии Леонтьева и как свидетельство его близкой дружбы с о. Климентом (Л.Р. Авдеева, Н.В. Дамье, Г.М. Дрожбева, А.Я. Кожурин, И.М. Концевич, А.В. Королев, Н.А. Рабкина). Нам представляется возможным рассмотреть очерк «Отец Климент Зедергольм...» не только как иллюстрацию философских взглядов Леонтьева, но и как литературное произведение с ярко выраженным художественным началом. Целью данной статьи и будет выявление особенностей художественного воплощения образа Оптиной Пустыни.

Образ Оптиной Пустыни, созданный в очерке Леонтьева, многогранен. В его структуру входит субъективно-лирическое описание монастыря и окружающей его природы. Автор не скрывает своего восторженного отношения к монастырю. Он с искренним и трепетным чувством говорит об устройстве монастырской территории: «Надо заметить, что помимо всех собственно духовных сокровищ Оптиной самый вид этой пустыни привлекателен и действует на воображение людей даже и вовсе не особенно набожных» [Леонтьев 2003: 256]. Далее Леонтьев рисует прекрасную панораму, которую может наблюдать любой, кто приедет в монастырь. Но для Леонтьева этот вид не только привлекателен, он «успокоителен, величав» [Леонтьев 2003: 256].

Описание Оптиной начинается с пространственной характеристики этого места: взгляд писателя

не сосредоточен на одной точке, автор пытается охватить окружающее его пространство полностью: «Сзади эта бесконечная синева векового бора, теряющаяся вдаль. Вблизи эти исполинские сосны и ели, перемешанные с чернолесьем, спереди обширные луга, реки, рощицы вдаль, этот городок в стороне, как-то кстати напоминающий и о “мирской жизни”» [Леонтьев 2003: 257]. Вместе с писателем мы устремляем свой взгляд то в глубокие дали, то рассматриваем более близкие детали пейзажа. При этом автор подчеркивает гармоничность картины: по Леонтьеву, в этом месте все устроено «кстати», то есть так, как и должно быть. Вековые деревья соседствуют с монастырем, местом духовного просветления человека, но здесь же, вблизи, находится городок с его земной суетой. Городок несравнимо мал в соотношении с исполинскими соснами. Этим соотношением городка и вековых деревьев, расположенных близ Оптиной Пустыни, автор показывает суетность и временность земной жизни и бесконечность духовной.

Для создания пейзажа Леонтьев использует прием контраста. Возникает следующий изобразительный ряд: бор – река – луга. От заполненного пространства (бор, синева бора, исполинские сосны и ели, чернолесье) писатель переходит к бескрайнему (луга, река, рощицы). Лексемы в описании внешнего окружения Оптиной Пустыни создают картину, ассоциирующуюся с представлениями об исконно русском пейзаже. Это описание позволяет не только живо представить природное пространство Оптиной, но и задуматься над подтекстом, заключенным в пейзажных зарисовках. Вековые деревья, исполинские сосны и ели символизируют величие, важность, вечность духовного значения оптинского монастыря и православия вообще. Наличие же обширных лугов, рощиц и рек, которые говорят о безграничности пространства, показывает и бесконечность православной истинной веры, сосредоточенной в Оптиной Пустыни.

Авторское отношение к Оптиной, его убеждение в ее исключительной духовной роли для православного мира художественно воплощается, в частности, в лексическом наполнении очерка. Писатель употребляет эпитеты в форме кратких и полных прилагательных: «вид чрезвычайно красив», «успокоителен», «величав» и т. п. Также на уровне лексики заметно довлеющее господство духовного над мирским. Если для описания обители задействованы лексические единицы со значением величия и безграничности, то при пейзажной зарисовке города Козельска используются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «городок», «рощицы», «домики».

Далее появляется не менее живописное описание скита. При этом Леонтьев снова подчеркивает особую роль этого места, говоря о том, что «...к нему

идет убитая щебнем дорожка в тени великолепных деревьев. Главная дорожка случайно или по верному художественному чувству распорядителей идет не совсем прямо, а чуть заметно уклоняясь в сторону; от этого скит долго не виден, но потом вдруг из чащи предстают вам скитские ворота» [Леонтьев 2003: 257]. Таким образом, скит укрыт деревьями от глаз прихожан, но оттого еще более радостной становится минута прибытия к этому месту. Описывая ворота скита, Леонтьев снова указывает на гармоничную устроенность Оптиной Пустыни и особое значение угадывает даже в цвете скитских ворот. «Они имеют вид как бы небольшого храма, розового цвета, с одною белою главой наверху. Самый выбор этих цветов чрезвычайно удачен. Это так “тепло” и красиво, и летом в густой зелени леса, и зимой в снегу, из которого поднимаются суровые ели и сосны с их огромными, снизу грубо-чешуйчатыми, а наверху нежно-планшевыми мачтовыми стволами» [Леонтьев 2003: 258].

Леонтьев за эстетическим идеалом всегда старался увидеть и этический идеал. В этом смысле образ Оптиной Пустыни, представленный им в очерке, весьма показателен, так как в нем органично слились эти два начала. В описании скитских ворот в полной мере проявилась поэтическая натура писателя. Такое гармоничное устройство территории и общий вид монастыря мог заметить только человек с тонким чувством прекрасного. По мнению И.С. Тургенева, Леонтьев обладал тонким ощущением эстетики окружающего мира и чуткостью к художественному слову [Тургенев: 7].

Для Леонтьева важна была не только эстетика, но и гармония, в которой сосуществуют этический, нравственный, духовный идеал и прекрасное его воплощение. Таким образом, философские идеи Леонтьева складывались на основе не только религиозных и позитивистских воззрений, но и на почве эстетики. Во время своего обучения в университете он в законах естественных наук видел закономерности развития всего мироздания, но был убежден, что постичь их можно, только опираясь на эстетическое мировосприятие. С.А. Левицкий в «Очерках по истории русской философии» писал: «Он был одним из самых блестящих стилистов в истории русской мысли. <...> По натуре он был утонченный эстет и эпикурец. В то же время он был глубоко и истово религиозным человеком. Борьба эстета с монахом составляет главную личную драму его жизни» [Левицкий: 287]. Для Леонтьева поэзия способна представить мир глобально, связать воедино все факты, которые в науке рассматриваются отдельно и никогда не представляют целостной картины. При этом главной задачей является выработка этого единичного, то есть уникального в себе, так как это путь

к прекрасному: «Нужно много грубых камней, чтобы найти в них жилку золота; нужно множество розовых листьев, чтобы выработать одну ложку дорогого душистого масла» [Леонтьев, 2016: 65]. Эстетика, по Леонтьеву, несет в себе «непридуманное содержание», в то время как «сухость» науки уводит человека от художественного мировосприятия, а значит, от возможности увидеть целостную картину бытия [Чернавский: 86]. По мнению Леонтьева, самым сложным становится уход от чрезмерного влияния научного знания, то есть выход за рамки рационального осмысления бытия. Для художника же важно «не потеряться в мелочах красивого реализма», а выйти «на простор широких линий», увидеть полноту жизни во всех ее проявлениях, не замыкаться только в философском или естественнонаучном восприятии мира, но чувствовать поэтико-художественную его основу. [Леонтьев 2003: 69]. В описании Оптиной Пустыни с особой силой проявляет себя эстетическое начало в миропонимании Леонтьева. Категория пространства становится ключевой в очерке. Она включает в себе не только эстетический, но и этический, философский императив писателя.

Специфика интерпретации образа Оптиной Пустыни, представленная в рассматриваемом леонтьевском произведении, становится более отчетливой при его сопоставлении с романом Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Очерк Леонтьева был опубликован впервые в «Русском вестнике» в 1879 г. Почти одновременно с ним выходит и названный роман Достоевского. Примечательно, что оба писателя почти параллельно обращаются к образу Оптиной Пустыни, являющемуся одним из ключевых топосов этнопоэтики и выражающему русское самосознание. Но в контексте произведений Леонтьева и Достоевского данный образ обретает различное смысловое наполнение. Достоевский лишает образ оптинского монастыря той живописности и поэтичности, которые присутствуют в очерке Леонтьева. При этом монастырь у Достоевского становится идеологическим центром романа. Фокус внимания автора смещен с внешней картины на внутреннее идейно-религиозное содержание монастырской жизни. Выражения субъективно-авторского отношения непосредственно к монастырю и к тому, что его окружает, мы также в романе не найдем. Может быть, поэтому некоторые исследователи считали, что «духу Оптиной Достоевский остался чужд» [Концевич: 355]. На наш взгляд, Достоевский действительно не ставил своей задачей передать в романе «дух» оптинского монастыря. Но, тем не менее, он стремился подчеркнуть исключительную роль этой святыни в духовной жизни России, ставшей сердцем русского православия и вдохновлявшей людей, искренне стремящихся к идеалу Христа (психологического склада Алёши Карама-

зова). В очерке Леонтьева превалирует субъективно-авторское восприятие монастыря, при этом художественные функции этих топосов совпадают. Оба писателя стремятся на страницах своих произведений вывести идеальный мир, в котором гармонично сосуществуют человек, природа и Бог. Но для Леонтьева символическое значение Оптиной Пустыни связано с личным спасением каждого. Замысел же Достоевского связан с глобальным спасением человечества. В очерке «Отец Климент Зедергольм...» через образ монастыря показывается путь к спасению отдельной души. Неслучайно Леонтьев вводит в структуру символа Оптиной и свою художественную антропологию, центром которой становится образ о. Климента. Описывая своего друга, немца по происхождению, ставшего монахом в русском монастыре, несмотря на то, что отец его был пастором в протестантской церкви, Леонтьев не просто отдает дань памяти своему близкому человеку, а создает образ «замечательного инока», являющегося главным композиционным стержнем очерка. Об этом свидетельствует большой повествовательный отрезок, говорящий о назначении, образе жизни и мыслях монаха. Очерк Леонтьева во многом полемичен роману Достоевского «Братья Карамазовы» и образу старца Зосимы в нем. А в 1882 г. писатель открыто критикует «розовое христианство» Достоевского в брошюре «Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой» (1882 г.). Так, в художественном образе о. Климента преломляется индивидуально-авторское понимание основ православной веры. По Леонтьеву, истинное христианство заключается не в призыве к иррациональной любви ближнего, а в ежеминутном самоконтроле, «понууждении» и «трепетании греха», и только потом – обретение этой чистой христианской любви, лишенной эгоизма, но наполненной состраданием ко всем людям.

В очерке «Отец Климент Зедергольм...» о старчестве писатель упоминает редко и в контексте сравнения с монашеством. При этом у Леонтьева мы находим и образ старца Амвросия, и образ старца Леонида, а также короткие жизнеописания старцев, над которыми работал сам о. Климент. В произведении присутствуют сцены общения старца с прихожанами: показана согбенная фигура старца Амвросия, разносоловная толпа у ворот скита, желающая если не поговорить, то увидеть старца. У Леонтьева старчество представлено еще и фигурой старца Леонида, который вывел старчество за ворота монастыря и позволил мирянам обращаться к старцу за советом или утешением. Этот феномен оптинского старчества является важным для создания монастырской атмосферы.

Сопоставляя два явления в русском монастыре: старчество и катехизаторство, Леонтьев создает дву-

плановый художественный образ Оптиной. Несмотря на то, что Оптина Пустынь славится своими старцами, иной род монахов в ней также имеет место быть. Частным представителем такого типа монашества становится отец Климент, монах-аскет, который является, как и сам Леонтьев, приверженцем строгого послушания и трепетания греха.

Специфика воплощения образа Оптиной Пустыни позволяет говорить о жанровом своеобразии очерка Леонтьева. На данный момент в литературоведении нет единого подхода к определению типологических черт этого жанра. Некоторые теоретики литературы относят очерк к внеродовым жанровым формам. Другие литературоведы ставят очерки в ряд эпических жанров. Они подчеркивают: «внимание авторов сосредоточено на внешней реальности. <...> Однако в очерках событийные ряды и собственно повествование организующей роли не играют: доминируют описания, нередко сопровождающиеся рассуждениями» [Хализев: 226]. Основой очерка становится повествование о событии, которое преподносится в описательном ключе и создается «с натуры», то есть вымысел тут не играет значительной роли, как, скажем, в жанре рассказа. При этом в очерке присутствует ярко выраженный лирический элемент и отчетливо проявляется авторское «я». Подчас изображаемое событие субъективно окрашено, и это необходимо для того, чтобы транслировать мысль писателя.

Кроме того, очерк за свою долгую историю существования в русской литературе прошел некоторую жанровую трансформацию, в связи с чем были предприняты неоднократные попытки типологической классификации и характеристики этого жанра. На наш взгляд, одну из наиболее удачных классификаций предложил Г.Н. Поспелов. В своих работах он выделяет художественные, публицистические и документальные очерки [Поспелов: 43–44]. В публицистических и документальных очерках главное место занимают авторские рассуждения, в которых ярко выражен аналитический принцип. В художественных очерках – факты и явления жизни творчески типизированы, обобщены, эмоционально сфокусированы. В них автор ярко проявляет себя, поэтому для таких очерков характерны «активность его обобщающей мысли, выразительность и колоритность его речи» [Поспелов: 125]. Несомненно, очерк «Отец Климент Зедергольм...» относится к художественному типу очерков. При этом содержание очерка не исчерпывается субъективно-художественным планом повествования, большое значение приобретают религиозно-философские взгляды писателя, которые находят свое отражение и в образе монастыря, и в персонализации этого образа через упомянутых в очерке иноков, в большей степени отца Климента. Так, в произведении воплощаются как бы две ипоста-

си Константина Леонтьева: художника-эстета и философа. С другой стороны, очерк приобретает также черты эссе, для которого «характерны философски углубленное осмысление текста, бессюжетность, хаотичность (спонтанность) траекторий композиционно-речевого движения, а нередко импрессионистическая музыкальность прозы» [Кайда: 20]. Религиозно-философская направленность произведения дает нам право говорить о жанровом синтетизме и, возможно, появлении новой формы, на стыке художественной, публицистической и религиозной литературы.

Список литературы

- Кайда Л.Г.* Эссе как жанр в литературе и публицистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2008. № 4. С. 19–24.
- Концевич И.М.* Оптина Пустынь и ее время. Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева лавра; Владимир епархия, 1995. 607 с.
- Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии и общественной мысли. СПб.: Канон, 1996. 496 с.
- Леонтьев К.Н.* Мои дела с Тургеневым и т. д. (1851–1861 гг.). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 117 с.
- Леонтьев К.Н.* Полное собр. соч.: в 12 т. / редкол.: В.А. Котельников (гл. ред.) и др. СПб.: Владимир Даль, 2003. Т. 6, Кн. 1: Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1891 гг. 817 с.
- Лосский В.Н.* Оптинские старцы. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/optinskie-startsy/#0_5 (дата обращения: 07.12.2021)
- Поспелов Г.Н.* История русской литературы XIX века: (1840–1860 гг.). М.: Высшая школа, 1981. 480 с.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 4: Письма, 1859–1861. 767 с.
- Феномен русского старчества: Примеры из духовной практики старцев / сост. и вступ. ст. С.С. Хоружего. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с.
- Хализев В.Е.* Родовая принадлежность произведения // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2000. С. 223–228.
- Чернавский М.Ю.* Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 94 с.
- Чехов А.П.* Записные книжки. Дневники / под ред. В. Вестерман. М.: Зебра-Е, 2020. 448 с.

References

- Kaida L.G. *Esse kak zhanr v literature i publitsistike* [Essay as a genre in literature and journalism]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistska* [Bulletin of Moscow University. Episode 10], 2008, № 4, pp. 19–24. (In Russ.)

Kontsevich I.M. *Optina Pustyn' i ee vremia* [Optina Pustyn and its time]. Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ., 1995, 608 p. (In Russ.)

Levitskii S.A. *Ocherki po istorii russkoi filosofii i obshchestvennoi mysli* [Es-says on the history of Russian philosophy and social thought]. Saint Petersburg, Kanon Publ., 1996, 496 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Moi dela s Turgenevym i t. d.* (1851–1861 gg.) [My affairs with Turgenev, etc. (1851-1861)], K.N. Leont'ev. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2016, 117 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobr. soch.: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols.], ed. by V.A. Kotel'nikov (gl. red.) i dr. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2003, t. 6, kn. 1: *Vospominaniia, ocherki, avtobiograficheskie proizvedeniia 1869–1891 gg.* [vol. 6, iss. 1: Memoirs, essays, autobiographical works, 1869-1891], 817 p. (In Russ.)

Losskii V.N. *Optinskie startsy* [Optina Elders]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/optinskie-startsy/#0_5 (access date: 07.12.2021). (In Russ.)

Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.: Pis'ma: v 18 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Mos-

cow, Nauka Publ., 1987, t. 4: *Pis'ma, 1859–1861* [vol. 4: Letters: in 18 vols. Letters, 1859–1861], 767 p. (In Russ.)

Fenomen russkogo starchestva: Primery iz dukhovnoi praktiki startsev [The Phenomenon of Russian Eldership: Examples from the Spiritual Practice of the Elders], comp. S.S. Khoruzhego. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2006, 272 p. (In Russ.)

Chernavskii M.Iu. *Religiozno-filosofskie osnovy konservatizma K.N. Leont'eva*: dis. ... kand. filosofskikh nauk [Religious and philosophical foundations of K.N. Leontiev's conservatism: DSc thesis candidate of philosophical sciences]. Moscow, 2000, 194 p. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Zapisnye knizhki. Dnevnik* [Notebooks, diaries], pod red. V. Vesterman. Moscow, Zebra-E Publ., 2020, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 27.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 111–116. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 111–116. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 281.2

EDN DZMLSY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-111-116>

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КНИГИ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА «ЧТО ЕСТЬ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И КАК НА НЕЕ НАСТРОИТЬСЯ? ПИСЬМА»

Щербакова Марина Ивановна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, m-shcherbakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

Аннотация. В статье воспроизведена творческая история известной книги свт. Феофана «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма» (1877). По материалам писем преосвященного к разным лицам установлены хронология ее создания и авторские принципы подготовки текста. Показано, что часто используемая свт. Феофаном в его творениях эпистолярная форма наиболее полно отвечала целям и задачам автора дать широкому читателю доступное толкование сложных богословских вопросов. Прослежены результаты благотворного воздействия духовных рекомендаций свт. Феофана на его корреспондентов.

Ключевые слова: духовная словесность, Феофан Затворник Вышенский, эпистолярный, творческая история,

Для цитирования: Щербакова М.И. К творческой истории книги святителя Феофана «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 111–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-111-116>

Research Article

ON THE CREATIVE HISTORY OF THE BOOK “THE SPIRITUAL LIFE AND HOW TO BE ATTUNED TO IT? LETTERS” BY ST. THEOPHAN, RECLUSE OF VYSHA

Marina I. Shcherbakova, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, m-shcherbakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

Abstract. The article reproduces the creative history of the famous book “The Spiritual Life and How to Be Attuned to It. Letters” by St. Theophan (1877). Based on the materials of the letters of the bishop to various persons, the chronology of its creation and the author’s principles for preparing the text are established. It is shown that the epistolary form, often used St. Theophan in his works, most fully met the goals and objectives of the author to give the general reader an accessible interpretation of complex theological issues. The results of the beneficial effects of the spiritual recommendations of St. Theophan to his correspondents.

Keywords: spiritual literature, St. Theophan – Recluse of Vysha, epistolary, creative history.

For citation: Shcherbakova M.I. On the creative history of the book “The Spiritual Life and How to Be Attuned to It? Letters” by St. Theophan, recluse of Vysha. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 111–116 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-111-116>

Собрание писем святителя Феофана, Затворника Вышенского, дошедшее до нас в опубликованном виде [Творения 1994] и дополненное позднее эпистолярными документами, выявленными в российских и зарубежных архивах [Творения 2001], представляет собой внушительный пласт духовного наследия преосвященного.

Проблемно-тематический диапазон писем свт. Феофана формировался актуальными вопросами и духовными потребностями широкого круга адресатов, представлявших практически все сословные и возрастные группы русского общества последних десятилетий XIX в. [Щербакова 2021]. Писали письма на Вышу и непременно получали ответы столичные жители и провинциалы, светские и духовные, дворяне, купцы, служащие, крестьяне, старцы и молодежь, семейные и одинокие. Опыт духовного наставничества свт. Феофан накапливал и преумножал всю жизнь: в духовных школах России – семинариях и академиях (1841–1847; 1855–1856; 1857–1859), как правящий архиерей Тамбовской и Владимирской епархий (1859–1866), находясь в затворе, поддерживая интенсивную переписку с духовными чадами и готовя к печати свои книги (1866–1894) [Щербакова 2020].

Форма эпистолярного обращения была близка свт. Феофану, и он нередко прибегал к ней. Широко известны такие его творения, как «Письма о христианской жизни» (1858–1860, 1880), «Письма о духовной жизни» (1872), «Три письма преосвящ. Феофана по восточному вопросу» (1877), «Письма к одному лицу в С.-Петербурге по поводу появления там нового учителя веры» (1881), «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни» (1882).

Книга «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», как определял ее сам автор, – «смесь действительных писем с подсочиненными для округления предметов писем» [Творения 2001: 233]; в продолжение свт. Феофаном планировались еще две части, составленные также из писем, которые «все будут сочиненные – для того, чтоб вполне изобразить в письмах духовную жизнь, чему начало положено в первой части» [Творения 2001: 233].

Мысль о создании книги «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», состоящей исключительно из 80 писем к молодой девушке, родилась летом 1877 г., когда свт. Феофан ежемесячно высылал в редакцию журнала «Душеполезное чтение» подготовленные к публикации главы своего труда «Толкование Второго послания св. апостола Павла к Коринфянам». Протоиерею В.П. Нечаеву, редактору журнала, 8 июля он отправил вместе с очередной главой «Толкования...» и «письмо дочери о смерти матери», с просьбой напечатать его «в утешение писавшей красавицы». При этом доба-

вил: «К ней писано много... и вот я по случаю сего печатания завел речь, чтобы она прислала все писанное... если цело... для печати. Когда придет, пересмотрю, и думаю состряпать подробное руководство» [Творения 2001: 231].

Уже к середине ноября 1877 г. работа была завершена, и свт. Феофан писал афонскому иеромонаху Арсению (Минину): «Если хотите печатать – возьмите “Письма о том, что есть духовная жизнь, и как на нее наладиться”. Они недавно кончены, и теперь решаю, отдать ли в какой журнал, или особо печатать. Если возьметесь, вам отдам. И думкам конец. Писем всех 80. Рукопись в 19 с небольшим шестистовых тетрадей. Выйдет книжка порядочная» [Творения 1994, 1: 92–93]. В этот же день, 25 ноября, о новой рукописи сообщил Н.В. Елагину: «Думал послать в “Душеполезное чтение”, затянется одна эта часть года на полтора. Думал в “Домашнюю беседу”. И там – то же. Приходится особо печатать. Как же? Самим? Или афонцам предложить? Пишу к Арсению. Как он вздумает. <...> Письма эти, мне думается, не без интереса... Писаны к юной красавице. Издание должно быть безымянно. Так мы столковались с красавицею. Из действительно писанных писем тут малая частица. Большая же часть вновь составлена» [Творения 1994, 7: 107–108].

Для книги «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?» свт. Феофан не только придал письмам литературную форму, но, что важнее, композиционно выстроил, создав структуру книги, ведущую читателя к ответу на вопрос, вынесенный в ее заглавие: что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?

О переработке оригинальных писем сообщал протоиерею Н.И. Флоринскому: «Как из писанного образовалось нечто целое, то и вздумалось издать их, перечистив и дополнив, может быть, наполовину» [Творения 1994, 2: 17]. О. Арсению, пересылая рукопись 8 декабря 1877 г., пояснял: «Некоторые только прибавлены для полноты, и некоторые перетушеваны. Но фон действительный. Имени автора не означайте. Красавица боится, как бы не догадаться, кто она; потому желает, чтобы моего имени не было помечено. По нему иные могут догадаться, кто она» [Творения 1994, 1: 95–96].

Имя юной корреспондентки свт. Феофана, которой были адресованы письма, составившие книгу «Что есть духовная жизнь...», долгое время оставалось неизвестным. Раскрыть его смогла А.Е. Лукьянова, ювелирно сопоставив отдельные упоминания, обмолвки и факты, собранные по архивным документам и воспоминаниям [Лукьянова].

Это Екатерина Александровна Арнольди. Родилась 21 октября 1851 г. Отец «Александр Александрович Арнольди (13.08.1819, Тамбов – 21.09.1880, Вельможино) служил в Тверском, затем в 3-м Дра-

гунском Новороссийском полку. После Крымской войны вышел в отставку в чине подполковника, затем управлял тульскими имениями Эммануила Дмитриевича Нарышкина, владевшего также громадными поместьями в Шацком уезде Тамбовской губернии, в частности вокруг Вышенской пустыни» [Лукьянова: 122]. Мать – «Елизавета Алексеевна Броневская (15.05.1826 – 22.05.1877), дочь прокурора области Войска Донского Алексея Богдановича Броневского (1790) и Варвары Васильевны Тулиновой» [Лукьянова: 122].

В воспоминаниях декабриста А.П. Беляева, находившегося в близком родстве с семьей Арнольди, обнаружилось чрезвычайно яркое и живое описание Екатерины Арнольди. А.Е. Лукьянова цитирует его в своей статье: «Прелестная собой, с правильными чертами лица, с чудными черными выразительными глазами, роскошными черными волосами, хотя небольшого роста, но превосходно сложенная, грациозная, живая в детстве, а потом серьезная и, надо прибавить, очень умная и мыслящая головка, она была бы красой всякого семейства, и отец ее очень верно назвал ее перлом семейства. Прекрасно воспитанная добродетельною матерью, она очень образованна и начитанна. Она, ко всему этому, была одарена восхитительным голосом, и с детства еще всегда пела, так что я называл ее нашим соловушком. Все вкусы ее с детства показывали ее нежное любящее сердце. <...> Детские ее привязанности к маленьким животным перешли на любовь к человечеству и ко всему прекрасному и возвышенному. Живши в деревне, она, по советам доктора, лечила больных, сама перевязывала раны, и все болящие шли прямо к ней, не ожидая доктора; она учила крестьянских детей, <...> и жила и живет для одного добра, и всякая похвала, от кого бы то ни было, ее глубоко огорчает. Она тиха, кротка по правилам, хотя очень пылкого и горячего характера; я не слыхал, чтобы она в спорах, каких-либо домашних столкновениях когда-нибудь возвысила голос <...>; несмотря на то, что она была красавица, замуж она не вышла» [Лукьянова: 123–124].

Внешние впечатления, переданные Беляевым, безошибочно указывают на духовное руководство, которое, по просьбе родителей, взял на себя свт. Феофан и о котором совершенно не обязательно было знать даже близким родственникам. О своей роли в духовном становлении Екатерины Арнольди свт. Феофан упоминал, посылая книгу «Что есть духовная жизнь...» протоиерею Н.И. Флоринскому: «Письма <...> писаны к праведной девице, по желанию ее родителей» [Творения 1994. 2: 17].

Отличительная черта писем свт. Феофана как к Екатерине Арнольди, так и к другим юным особам состоит в том, что в них сосредоточены главные советы вступающим в жизнь, главные правила, испол-

нение которых необходимо для духовного возрастания личности.

Принципы христианской возрастной педагогики, сформулированные преосвященным, происходили из основополагающего и непреложного единства благодати крещения и сознательного обета быть христианином. Подчеркивая это, современная педагогическая наука итожит: «В соответствии с двоякой целью воспитания (“для земли и для неба”) концепция епископа Феофана направлена на максимальное раскрытие внутреннего потенциала воспитанника и спасение его души; содержит подчиненный данной цели комплекс рекомендаций по развитию телесных, душевных и духовных сил воспитанника, организации обучения и педагогическому взаимодействию. Практически все рекомендации направлены на предупредительное воспитательное воздействие, поэтому педагогика святителя может быть охарактеризована как “педагогика ограды”» [Никулина: 13].

Возраст корреспондентов, обращавшихся с вопросами к свт. Феофану, лишь отчасти влиял на содержание его пастырских советов. Важнее была степень духовной зрелости. При отправке в одно семейство двух экземпляров книги «Что есть духовная жизнь...» свт. Феофан писал его главе: «Один назначается для вашей ученой красавицы, если вы найдете, что написанное в книге может быть ей полезно. Письма писаны к красавице, потом кое-что прибавлено и все направлено к тому, чтоб удержать красавиц лезть во внучки обезьянам, и вследствие того хуже, чем обезьянничать. Но тут и красавцам малая толика, и не юным только, а и старым. Кто поймет, в чем сила, не будет уже в землю смотреть и в земле рыться. Представлен только общий очерк дела. Подробно всякий сам найдет, как только возьмется за дело. Вам тут мало что будет пригодно. Ибо вы прошли уже все прописанное» [Творения 1994. 2: 102–103]. Свт. Феофан, как видим, не только молодых особ, но и старших по возрасту предостерегает, ограждает («педагогика ограды») от увлечения широко распространенной дарвиновской теорией происхождения видов, которая главным фактором развития человечества называла естественный отбор.

В этой связи надо упомянуть возникшее недоумение афонцев по поводу книги «Что есть духовная жизнь...». Их «испугала фраза, что если различать во внутренней жизни нашей дух и душу, то душу надо признать однородною с душою животных, возвышенною, однако ж, под действием духа. Им полез при этом в голову Дарвин с обезьяною», – сообщал свт. Феофан протоиерею В.П. Нечаеву. И далее: «А между тем против Дарвина самое сильное противоядие есть установление различия души и духа. Духу от обезьяны никак нельзя зародиться. Он от Бога и первоначально, и теперь. Душа рождается обыч-

ным путем – а дух вдыхается Богом...» [Творения 2001: 234–235].

Рассуждениями о душе и духе смутился и о. Арсений (Минин), которому свт. Феофан в письме от 2 мая 1878 г. разъяснил: «Если б я говорил, что у нас внутри душа, да и только, и потом прибавил, что она одинакового происхождения с душою животных, то следовало бы смутиться. А я говорю, что у нас внутри душа составляет низшую сторону тамошней внутренней жизни, а высшую составляет дух, иже от Бога, богоподобная, равноангельская сила, которая и составляет характеристическую черту человека». Далее, обратившись к святоотеческим трудам на эту тему, заключил: «Из всего сказанного следует, что вам не бояться надобно распространять книгу, а спешить распространить как противоядие нелепым мнениям о человеке» [Творения 1994. 1: 97–101].

Вышедшую книгу свт. Феофан сам рассылал постоянным корреспондентам: В.П. Нечаеву, Н.И. Флоринскому, Д.А. Жданову, В.Т. Свиридовой, Н.И. Кугушевой и др. Так преосвященный поступал всегда и со всеми своими новыми изданиями. Отправляя книги в осиротевшую семью С.О. Бурачка, пояснил в сопроводительном письме: «Надписал, как вы желали. Одну из них хотел так надписать: Старице беличке и красавицам черничкам. Да раздумал: может быть это не понравится, потому что вы совсем не хотите быть черничками. Приходит время, когда настоящие монахи и монахини только и будут, что чернички...»¹.

Широкая востребованность и популярность книги «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?» стали толчком к многократным переизданиям. До 1914 г. их было шесть. Поднятые в ней вопросы оказались актуальны не только для молодых особ, но и для всех духовно возраставших современников. Поскольку в книге передается атмосфера переписки, в нее – преимущественно в начале каждого письма – включены вопросы, на которые далее следуют ответы.

Перед читателем свт. Феофан развернул целую систему последовательных доказательств и примеров того, насколько «жизнь человеческая многосложна и многосторонна» и неизбежен выбор человека между жизнью духовной и светской, которой «исходная черта есть самолюбие или эгоизм, себя ставящий целью, а все и всех средством» (письмо 4) [Феофан: 12–13].

Несколько начальных писем посвящены толкованию трех сторон человеческой жизни: телесной, душевной и духовной. «В ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством» (письмо 9) [Феофан: 35], – заключает свт. Феофан, подчеркивая, что преобладание духовной стороны является условием и свидетельством истинной жизни человека. Тело, душа и дух – ключевые

понятия в антропологии свт. Феофана. От этих *яруссов жизни* проистекают соответствующие им потребности. «Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает; а когда они не удовлетворяются, то, будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу* (ср.: Лк. 10, 42). Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей» (письмо 18) [Феофан: 68].

Далее следуют ответы свт. Феофана и его толкования о молитве, богоугодной жизни, возможностях врачевания человеческой природы, спасении души, необходимости обновления и самоочищения. В письмах содержатся советы, как обращать на духовную пользу любые каждодневные дела, деятельно бороться со страстями, преодолевать тоску и отражать нападки врага. Столь широкий тематический диапазон подтверждает сказанное свт. Феофаном, что книга «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?» адресована не только молодым особам, но и всем стремящимся идти по пути духовного восхождения.

Возвращаясь к творческой истории книги, обратим внимание на то, что ее замысел возник у свт. Феофана в результате интенсивной переписки с Екатериной Арнольди и общения с ее родителями. О последнем свидетельствует упоминание в четвертом письме к Екатерине: «Книгу эту я давал вашей матушке, и она хотела ее приобрести» (письмо 4) [Феофан: 11]. Речь идет о «Духовных беседах» преподобного Макария Великого, Египетского, в частности, о пятой беседе, в которой указаны главные отличия христиан от людей мира сего, увлеченных «мирскими обольщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями» (письмо 4) [Феофан: 11]. Можно полагать, что Елизавета Алексеевна Арнольди (урожд. Броневская) не только была знакома со свт. Феофаном, но и следовала его духовным наставлениям и советам. Преосвященный высоко ценил ее духовные качества: «Отличительная черта покойницы, – писал он после ее кончины от чахотки, – кротость, и никто, ни муж, ни дети, ни прислуга, ни сторонние не могли поперечить ей, когда она считала что ненужным, по причине всепобеждающей кротости ее речи» [Утешительная кончина: 503]. Насколько глубоко мать и дочь Арнольди впитали уроки своего духовного отца, прочитывается в письме «Утешительная кончина матери-христианки (Пишет дочь)», опубликованном, по просьбе свт. Феофана без упоминания имен, в журнале «Душеполезное чтение».

В мае 1877 г., незадолго до кончины Е.А. Арнольди, свт. Феофан отправил ей письмо, в котором «было

писано, что прилично писать к больной, которая с часу на час сама ожидала кончины» [Утешительная кончина: 501]. Но письмо не застало умершую. В ответ дочь Екатерина описала свт. Феофану последние дни и часы жизни матери: «Кончина ее была именно такая, какую вы желали ей, – тихая, мирная и даже радостная. И все, бывшие при ней в эти часы, молились, плакали, но говорили, что это отходит праведница. Да, в первый раз в жизни я видела смерть, и Бог послал мне видеть смерть истинной христианки» [Утешительная кончина: 501]. Было заметно, что Е.А. Арнольди последнее время «вся была в Боге и забыла все земное, <...> кроме любви к Богу и ко всем у ней ничего не было на сердце» [Утешительная кончина: 502]. В последние минуты земной жизни, после чтения отходной, она «впала в какое-то, будто бессознательное, состояние: когда подходили к ней, она, казалось, никого не видела; глаза были устремлены на один предмет, но страданий не было. Может быть это была обычная, предсмертная агония, может быть, другое что» [Утешительная кончина: 502]. К этим словам письма свт. Феофан добавил: «Да – другое нечто» [Утешительная кончина: 502]. Что стоит за этой краткой репликой, раскрыто в одном из писем книги «Что есть духовная жизнь...» разъяснением истинной цели жизни человека и описанием соответствующего этой цели образа жизни: «Как есть загробная жизнь, то цель настоящей жизни всей, без изъятия, должна быть там, а не здесь. <...> Смотрите на небо и всякий шаг вашей жизни так соразмеряйте, чтоб он был ступанием туда. Мне кажется, что это так просто и вместе так всеобъемлюще» (письмо 16) [Феофан: 61].

Духовной жизни свойственна прикровенность; потаенной остается внутренняя работа души, ее отклик на заповеди, на святоотеческие поучения и руководства. Выявленный комплекс материалов, относящихся к творческой истории книги «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», дает возможность увидеть результаты пастырских трудов свт. Феофана в формировании подлинно христианских натур Елизаветы и Екатерины Арнольди, наметить подход к изучению писем преосвященного как документальным свидетельствам воздействия его книг на русское общество последних десятилетий XIX в.

Примечания

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 481. Л. 15–16 об.

Список литературы

Лукьянова А.Е. Екатерина Александровна Арнольди – духовная дочь святителя Феофана // Феофановские чтения. Рязань. 2018. Вып. XI. С. 119–124.

Никulina Е.Н. Антрополого-педагогические воззрения святителя Феофана Затворника: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 31 с.

Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем: в 8 т. М.: Паломник, 1994.

Утешительная кончина матери-христианки. (Пишет дочь). Б. а. // Душеполезное чтение. Ежемесячное издание духовного содержания. М., 1877. С. 501–504.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма. М.: Отчий дом, 2012. 301 с.

Щербакова М.И. О коллективном труде Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы» // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 244–269. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-244-269>

Щербакова М.И. Корреспондент святителя Феофана «г-жа NN» // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 262–283. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-262-283>

References

Luk'ianova A.E. *Ekaterina Aleksandrovna Arnol'di – dukhovnaia doch' sviatitelia Feofana* [Ekaterina Aleksandrovna Arnoldi – the spiritual daughter of St. Theophan]. *Feofanovskie chteniia* [Feofanov Readings]. Riazan', 2018, vol. XI, pp. 119–124. (In Russ.)

Nikulina E.N. *Antropologo-pedagogicheskie vozzreniia sviatitelia Feofana Zatvornika: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Anthropological and pedagogical views of St. Theophan the Recluse: PhD thesis]. Moscow, 2016, 31 p. (In Russ.)

Tvoreniia izhe vo sviatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika: Sbranie pisem: v 8 t. [Creations like in the saints of our father Theophan the Recluse: Collection of letters: in 8 vols.]. Moscow, Palomnik Publ., 1994. (In Russ.)

Uteshitel'naia konchina materi-khristianki (Pishet doch'). B. a. [The comforting death of a Christian mother (Written by daughter). B. a.]. *Dushepoleznoe chtenie. Ezhemesiachnoe izdanie dukhovnogo sodержaniia* [Soulful reading. Monthly edition of spiritual content]. Moscow, 1877, pp. 501–504. (In Russ.)

Feofan Zatvornik, sviatitel'. *Chto est' dukhovnaia zhizn' i kak na nee nastroit'sia? Pis'ma* [What is spiritual life and how to tune in to it? Letters]. Moscow, Otchii dom Publ., 2012, 301 s. (In Russ.)

Shcherbakova M.I. *O kollektivnom trude Otdela russkoi klassicheskoi literatury IMLI RAN "Sviatitel' Feofan, Zatvornik Vyshenskii. Issledovaniia i materialy"* [About the collective work of the Department of Russian Classical Literature of the Institute of Literature of the Russian Academy of Sciences "St. Theophan, the Recluse Vyshensky. Research and Materials"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2020, vol. 2, № 2, pp. 244–269. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-244-269> (In Russ.)

Shcherbakova M.I. *Korrespondent sviatitelia Feofana "g-zha NN"* ["Mrs. NN", Correspondent of St. Theophan]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2021, vol. 3, № 1, pp. 262–283. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-262-283> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.05.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 07.05.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 117–125. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 117–125. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/20"

EDN EENNEZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЯСНАЯ ПОЛЯНА В 1909–1910 ГГ. (мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера)

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье на основе изучения воспоминаний В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева и А.Б. Гольденвейзера, писем и дневников Л.Н. Толстого последних двух лет жизни в Ясной Поляне анализируются особенности усадебной жизни и быта писателя, его предпочтения, взаимоотношения с домашними, посетителями, крестьянами. Показывается, что усадебная жизнь, ее содержание, ритм определялись именно Толстым, причем происходило это негласно, а Ясная Поляна без Толстого не была той уникальной усадьбой, в которой всё подчинялось слаженной духовной работе, мысли о необходимом преображении. Оценивается характер работы Толстого с молодыми секретарями и помощниками, близость убеждений, которая позволяла Гусеву и Булгакову не только передавать основные мысли Толстого для корреспондентов, но и пронизательно чувствовать настроение и состояние писателя. Констатируется значительное влияние Толстого на жизнь и судьбу его окружения.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ясная Поляна, усадьба, усадебный быт, усадебная культура, мемуары, секретари Толстого, переписка, судьбы дворянства.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В.Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 117–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>

Research Article

LEO TOLSTOY AND YASNAYA POLYANA IN 1909–1910 (MEMOIRS BY VALENTIN BULGAKOV, NIKOLAY GUSEV, ALEXANDER GOLDENWEISER)

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. In the article, based on the study of the memoirs of Valentin Bulgakov, Nikolay Gusev and Alexander B. Goldenweiser, letters and diaries of Leo Tolstoy during the last two years of his life in Yasnaya Polyana, the features of the estate life and life of the writer, his preferences, relationships with family, visitors, and peasants are analysed. It is shown that estate life, its content, rhythm were determined precisely by Leo Tolstoy with this happening behind the scenes, so that Yasnaya Polyana without Leo Tolstoy was not that unique estate in which everything was subject to well-coordinated spiritual work, thoughts about the necessary transformation. The nature of Leo Tolstoy's work with young secretaries and assistants, the closeness of convictions, which allowed Nilolay Gusev and Valentin Bulgakov not only to convey Leo Tolstoy's main thoughts for correspondents, but also to perceive the mood and state of the writer, are assessed. The significant influence of the writer on the life and fate of his entourage is stated.

Keywords: L.N. Tolstoy, Yasnaya Polyana, estate, estate life, estate culture, memoirs, Tolstoy's secretaries, correspondence, fate of the nobility.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V.G. Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909–1910 (memoirs by Valentin Bulgakov, Nikolay Gusev, Alexander Goldenweiser). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 117–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>

Популярность Л.Н. Толстого к финалу его жизни была чрезвычайно высока: казалось, что нет в России человека, который бы не знал гениального современника. Но кроме большого количества сторонников и почитателей у писателя были и недоброжелатели, не разделявшие его убеждений. Родные и помощники Толстого отмечали, что любые его перемещения, связанные с появлением на людях, сопровождалось вниманием и любопытством окружающих, порою не готовых к осознанию позиции человека, при своей известности ездившего в вагонах третьего класса, часто отказывавшегося даже от минимальных удобств, готового встать на колени перед мужиками, чтобы показать им равенство всех людей [Гусев: 361–362].

Возраст, определенный распорядок жизни, обилие посетителей и корреспондентов, сложности переездов и любовь к родной Ясной Поляне способствовали тому, что последние несколько лет Толстой прожил в своей усадьбе почти безвыездно, покидая ее лишь ради небольших поездок с родными и друзьями, и то непродолжительных. Усадебная жизнь писателя 1909–1910 гг. имеет значительные отличия от того времени, которое проводил в Ясной Поляне молодой Толстой. Целью данной статьи является уяснение некоторых ключевых элементов усадебной жизни писателя последних двух лет, сделанное на основании анализа мемуарных записей двух секретарей Толстого – Н.Н. Гусева (1882–1967) и В.Ф. Булгакова (1886–1966), а также воспоминаний друга Толстого, талантливого музыканта А.Б. Гольденвейзера (1875–1961).

В 1909–1910 гг. Толстой находился в преклонном возрасте – писатель уже отметил свой 80-летний юбилей. Но, несмотря на слабеющее здоровье, он до последних дней был активен и духовно бодр, а финальные два года, отягченные семейными ссорами и конфликтами, продолжающейся работой писателя над собой, показывают нравственную высоту Толстого, с уважением и трепетом относившегося не только к родным людям, но и ко всем посетителям, к просителям. И.Б. Мардов отмечает, что к финалу земного пути Толстой обрел видение широты вселенской духовной жизни. Однако это произошло для писателя не ценою отказа от прежних взятых рубежей, а благодаря продолжающейся внутренней работе: «...переходя из одного пространства духовной жизни в другое, Толстой нигде и никогда не ломался. <...> С 40 лет в его душе было место и для общедуховной, и для всечеловеческой, и для личной духовной, и для вселенской духовной жизни» [Мардов: 29].

В связи с ограниченным объемом работы в данной статье для анализа усадебной жизни Толстого мы остановимся лишь на изучении воспоминаний В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева и А.Б. Гольденвейзера. Кроме того, мемуары указанных авторов наибо-

лее соответствуют выбранному нами периоду. В книге «Два года с Л.Н. Толстым» Гусев рассказывает о собственном пребывании в Ясной Поляне с 1907 г. по 1909 г., в книге Булгакова «Л.Н. Толстой в последний год его жизни» повествуется о событиях 1910 г., в воспоминаниях Гольденвейзера также уделяется наибольшее внимание жизни Толстого в Ясной Поляне в 1909–1910 гг.

Все три названные выше автора уважали и любили Толстого, были вхожи в его семью, считались фактически родными, много значили для самого писателя, ценившего молодых друзей за искренность, честность и прямоту, а также за неопределимую помощь в работе. Выбор мемуаров указанных авторов обоснован не просто их отличным пониманием Толстого, но особым вниманием к писателю на протяжении последних двух лет его жизни. Кроме того, Гусев и Булгаков, которые сменили один другого, стали секретарями Толстого, не эпизодически и по мере необходимости помогая писателю, а занимаясь конкретно теми поручениями, на которые указывал и которые доверял им Толстой.

Мемуарная литература о Толстом и его жизни часто цитируется, но А.С. Александров справедливо отметил, что «всевозможные воспоминания рассматривались исследователями и публикаторами преимущественно с историко-литературной точки зрения: они служили источниками биографических сведений о Толстом, о повседневной жизни Ясной Поляны. Переиздание таких текстов часто сопровождалось значительными купюрами так называемых “общих мест”: описаний усадьбы, рассказов о поездке в поместье семьи Толстых, некоторых вводных сведений и прочего» [Александров: 24]. Между тем нередко «выбрасываемые» «общие места» значимы для понимания не просто быта в Ясной Поляне, но общей атмосферы и ее изменений под влиянием Толстого.

В письмах и дневниках Толстого 1909–1910 гг. не раз появляются теплые отзывы писателя о Гусеве, Булгакове и Гольденвейзере, встречи с которыми (и ежедневные рабочие, и более редкие) всегда радовали Толстого. Если в течение некоторого времени Толстой не видел молодых друзей, он начинал их часто вспоминать: в финале ряда его писем к Гусеву, Булгакову и Гольденвейзеру звучит неизменное желание грядущей встречи.

По Гусеву Толстой действительно скучал с момента его высылки в августе 1909 г. 14 января 1910 г. Толстой писал Гусеву: «У нас всё по-старому. Все вас помнят и любят. <...> Прощайте, милый друг. Может, и телесно еще увидимся в этой жизни» [Толстой 81: 44].

В сентябре 1910 г. Толстой гостил в имении Кочеты, принадлежавшем его зятю М.С. Сухотину. 20 и 21 сентября 1910 г. Толстой пишет одно за другим

два письма к Булгакову и Гольденвейзеру. В письме к Булгакову от 20 сентября Толстой благодарит своего корреспондента за присланный рассказ и статью, отмечая: «Может быть, увижусь с вами прежде, чем вы получите это письмо. Думаю выехать и приехать 22-го. Привет всем друзьям» [Толстой 82: 162]. Следующее письмо Толстого от 21 сентября адресовано Гольденвейзеру, оно похоже на предыдущее послание Булгакову. Вновь Толстой начинает с упоминания о литературном материале, а потом говорит и о желаемой встрече: «Я нашел у себя книжечку Клименко о Чайковском. Откуда она у меня? Не знаете ли Вы? Она мне была интересна. Завтра едем. Не хочу говорить иначе, как до свидания» [Толстой 82: 163].

Для Толстого, тем более в поздний период творчества, не было свойственно яркое и многословное выражение эмоций. Но отношение писателя к его молодым друзьям можно понять не только по поступкам, по доверию, но и по немногочисленным кратким репликам и упоминаниям. Приведем лишь несколько показательных примеров. 10 марта 1908 г. Толстой записывает в дневнике, что за последнее время работает над новым изданием «Круга чтения», а «Гусев так хорошо, любовно помогает» [Толстой 56: 110].

В письме к Черткову от 24 декабря 1909 г. Толстой назвал Булгакова «человеком очень и умным и искренно убежденным» [Толстой 89: 163]. Кроме того, лучшая похвала «молодому другу Булгакову» выражалась в полном согласии Толстого с тем, как он высказывал мысли писателя. Обратим внимание на некоторые замечания и пояснения Толстого на письмах, подготовленных Булгаковым: 27 марта 1910 г. (М.П. Кочконогову) «Совершенно согласен с высказанными Булгаковым взглядами» [Толстой 81: 191]; 16 апреля 1910 г. (П. Фролову) «В. Булгаков совершенно выразил и мою мысль» [Толстой 81: 232]; 27 сентября 1910 г. (В.А. Воронову) «Сейчас перечел письмо это к Вам Булгакова и от всей души подтверждаю то, что в нем сказано» [Толстой 82: 171]; 24 октября 1910 г. (А.И. Редрову) «Булгаков так хорошо передал Вам то самое, что я мог и желал бы сказать вам, что мне остается только прибавить, повторить то, что мне радостно было получить ваше письмо...» [Толстой 82: 205–206].

Все три мемуариста, упоминаемые в данной статье, были одаренными людьми. Гольденвейзер был широко известен как пианист и композитор, педагог, преподававший в нескольких институтах и консерватории. Во многом именно благодаря Гольденвейзеру в усадьбе Толстых часто устраивались музыкальные вечера: играл он виртуозно. Кроме того, композитор поддерживал Толстого, следовал его взглядам. Не случайно сам писатель в послании к Гольденвейзеру от 7–8 января 1910 г. отмечал: «Меня связывает с Вами более важное, чем музыка» [Толстой 81: 24].

Молодые помощники и друзья очень любили Толстого и всегда были на его стороне, обижались за него за его вынужденную несвободу в собственном доме и угождения супруге. К 1910 г. обстановка в Ясной Поляне очень обострилась из-за неуравновешенного поведения С.А. Толстой. Были моменты, когда Толстой прилагал все усилия для того, чтобы сдержаться и спокойно пережить скандалы и провокации жены. На два лагеря периодически делилась и семья Толстых, а сам писатель оказывался заложником этой ситуации. Булгаков отметил, что усадьба «превратилась в какую-то крепость, с таинственными свиданиями, переговорами и пр.» [Булгаков: 285]. В такой ситуации, когда и секретарь писателя рассматривался как фигура в определенной коалиции, Толстой, как можно судить по воспоминаниям Гольденвейзера, был очень благодарен композитору, приезжавшему в определенные периоды почти каждый вечер [Гольденвейзер: 521].

Гольденвейзер вспоминает, что Толстой часто просил его сыграть что-нибудь и нередко рассуждал о своей тесной привязанности к музыке. Кроме того, прекрасно пел и Булгаков. До поступления в университет и работы у Толстого он сотрудничал с несколькими газетами, писал научные и научно-публицистические статьи. Периодически во время вечерних разговоров в Ясной Поляне Толстой спрашивал, почему Булгаков не поет. По воспоминаниям самого Булгакова, Толстой хвалил его за мастерское исполнение и четкость произношения: «Я встал и спел “Лихорадушку” Даргомыжского, по просьбе Чертковых, которым я пел эту песню вчера и еще раньше. <...> Потом спел еще народную песню “Последний нынешний денечек”» [Булгаков: 264].

Усадебная жизнь в Ясной Поляне, ее содержание, ритм определялись именно Толстым, причем происходило это негласно. Ясная Поляна без Толстого не была той уникальной усадьбой, в которой всё подчинялось слаженной духовной работе, мысли о необходимом преображении. Гусев, вернувшийся в усадьбу во время отсутствия Толстого, очень хорошо почувствовал, что атмосфера жизни в имении определяется «хозяйном», отказавшимся от собственности на дом и землю. Для описания состояния Гусев приводит цитату С.Д. Николаева: «Я уехал из Кочетов неделю раньше Льва Николаевича. Софья Андреевна – несколькими днями раньше меня. В Ясной Поляне без Льва Николаевича было пусто и скучно. “В Ясной не ясно”, – сказал С.Д. Николаев» [Гусев: 270].

Писатель к 80 годам уже давно отказался от гонораров за свои произведения, старался в минимальной степени использовать труд других людей. Жизнь в относительной роскоши, которую наблюдал вокруг себя Толстой, сравнивая свой усадебный быт с крестьянским, его тяготила. «Я живу дурно, в богатстве,

хотя сам ничего не имею, но с теми, кто живут в богатстве», – отмечает он в письме к А.П. Новикову, крестьянину с. Боровкова Тульской губернии от 8 января 1910 г. [Толстой 81: 28].

Примечательна запись в дневнике Толстого от 22 сентября 1910 г.: «Опять мало спал и возбужден. Не одеваясь, очень хорошо поправил Грота. Записать пустяки: “Нигде, как в деревне, в помещичьей усадьбе не видна так ясно вся греховность жизни богатых”» [Толстой 58: 105–106].

Можно с уверенностью сказать, что Толстой не только болел и страдал за народ, но и стыдился за роскошь высшего света, ощущая вину помещиков и особенно сильно переживая ее. Между тем Ясная Поляна к этому времени стала не просто семейной, фамильной усадьбой, но центром, к которому стягивались люди со всей России, из разных стран. Несмотря на тот факт, что жизнедеятельность усадьбы поддерживалась за счет рабочих, труда крестьян, стремление Толстого помогать людям давно и во много раз превысило его личные нужды и желания.

Ясная Поляна именно *жила* с Толстым, придававшим глубинный смысл каждому движению усадьбы жизни. Гольденвейзер, ссылаясь на Гусева, отмечает тишину и мертвенность в Ясной Поляне без Толстого [Гольденвейзер: 231]. Он пишет, что отнюдь не стены и обстановка имения Толстых привлекала посетителей: «Толстые в каком-то странном настроении. Льва Николаевича не было дома больше трех недель, и они все ясно почувствовали, что притягательная сила их дома только в нем и в нем одном... Между прочим, Денисенки, которых ждут в Ясной, написали Софье Андреевне, что не придут, пока не вернется Лев Николаевич. Софья Андреевна, конечно, возмущена...» [Гольденвейзер: 232].

Всех трех знакомых Толстого, оставивших о нем мемуары, особенно притягивала Ясная Поляна. В судьбе Гусева символичным оказалось то, что он переехал жить в Ясную Поляну только после ареста и последующего освобождения, а уехал из усадьбы уже под надзором полиции, в новое заключение. «По освобождении, я поселился уже не в Телятинках, а в самой Ясной Поляне, где и прожил до нового ареста», – отмечает Гусев [Гусев: 68].

Первоначальное и вынужденное размещение секретарей Толстого в Телятинках, а не в Ясной Поляне было вызвано отнюдь не недоверием и испытательным сроком для помощников писателя, а особой ревностью младшей дочери Толстого – Александры Львовны Толстой. Именно она в 1904 г. купила землю у помещицы А.Е. Звегинцевой и построила в Телятинках дом, а В.Г. Чертков далее перекупил часть земли у А.Л. Толстой. Булгаков изредка жил в усадьбе Толстого, он приезжал в Ясную Поляну из Телятинков ежедневно, а оставался в доме Толстых при не-

обходимости. Талантливый музыкант и педагог Гольденвейзер периодически гостил в Ясной Поляне.

Интересны в рассматриваемом контексте и упоминания мемуаристами друг друга: так как Гусев и Булгаков не пересекались, речь идет, прежде всего, о рассказах Гольденвейзера о Гусеве и Булгакове, их пребывании в Ясной Поляне, и, наоборот, словах Гусева и Булгакова о Гольденвейзере. К примеру, последний отмечает, что во время отъезда А.Л. Толстой из Ясной Поляны в усадьбу переселялся на время Булгаков: «Приехав в Ясную, я застал внизу Душана Петровича и Булгакова, опять живущего в Ясной, по случаю отъезда Александры Львовны. Он смеясь, сказал мне, что его переселение в Ясную всегда служит признаком того, что что-то случилось» [Гольденвейзер: 575].

Гольденвейзер был в доме Толстого и 4 августа 1909 г., когда за Гусевым приехали представители местной полиции для его ареста и отправления в ссылку. Услышав от Гусева, что его ссылают в Пермскую губернию, в Чердынский уезд, он назвал эти места «самыми гнилыми» [Гусев: 285]. Гольденвейзер рассказывает, что высылка Гусева очень взволновала всех, в том числе Толстого, а Гусев не смог даже толком собраться, попрощаться с друзьями и передать дела: «... еле дали ему уложить кое-какие вещи и сдать все бумаги и текущую работу Льва Николаевича, бывшую у него, как у помощника Льва Николаевича, на руках, и увезли» [Гольденвейзер: 240]. Подчеркивает Гольденвейзер гнев Марии Николаевны, сестры Толстого, в это время уже монахини Шамординского монастыря. Сам писатель, по всей видимости, лучше сдерживал возмущение, вызванное абсурдным арестом и тяжелой вестью о ссылке помощника и друга. А вот в Марии Николаевне, как считает Гольденвейзер, проснулась «барская гордость» [Гольденвейзер: 240]. Это негодование Марии Николаевны, сила и степень его была связана, конечно, и с вторжением в яснополянский дом, в мирное течение усадьбы жизни, в семью.

Толстой кратко, но образно записал в дневнике об аресте и увозе Гусева, назвав представителей власти разбойниками: «Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его» [Толстой 57: 111]. Кроме того, Толстой емко отметил и общее настроение в доме: «Очень хорошие были проводы: отношение всех к нему и его к нам» [Толстой 57: 111].

Воспоминания Гусева, Булгакова и Гольденвейзера ценны во многом тем, что молодые друзья Толстого непредвзято и целостно смотрели и на писателя, и на усадьбу. Утренние часы писателя лучше всего представлены в его дневниках, но все мемуаристы отмечают умеренность Толстого в еде: завтрак его чаще всего состоял из овсяной каши, в которую Толстой разбивал яйцо. «Позавтракав и поговорив с посетителями, Лев Николаевич отправлялся пешком

или верхом на прогулку. Беспокоясь о его здоровье, Софья Андреевна часто спрашивала его, куда он поедет» [Гусев: 362].

Ясная Поляна как усадьба никогда не ограничивалась для Толстого только домом: писатель всегда много ездил верхом, совершал длительные пешие прогулки, во время которых, как вспоминает Булгаков, Толстой проявлял удивительную смелость, переезжая через овраги и лощины, пробираясь через кусты и ветви деревьев. Прогулки для Толстого были необходимостью, временем размышления над текущей работой (если с Толстым ехал кто-то из секретарей или друзей, то сопровождающий держался на несколько десятков шагов позади, чтобы не мешать писателю). Булгаков вспоминает, как он однажды потерял на прогулке Толстого: «Был в Ясной и ездил с Львом Николаевичем верхом, причем на одном из поворотов в лесу потерял его и вернулись домой мы отдельно. Он вышел, смеясь, к обеду, зная, что я сконфужен. Расспрашивал, где я потерял его, и не успокоился до тех пор, пока ясно этого не понял» [Булгаков: 256].

В связи с достаточно преклонным возрастом Толстой вечерами уже не работал так напряженно, как днем. Он или читал у себя в кабинете, или участвовал в общих разговорах в столовой, если был кто-то из приезжих. Из воспоминаний мы узнаем, что Толстой часто опаздывал к обеду, который начинался в 18 часов, так как обычно к этому времени возвращался с прогулки, а потом отдыхал или читал.

Большинство содержательных и пространственных разговоров приходилось на утро (во время завтрака) или вечер (за вечерним чаем или после него). Утренние разговоры, как можно судить по воспоминаниям Гусева и Булгакова, были более краткими, а вот вечером часто обсуждали новости и спорили, много читали вслух. Разговоры с домашними и гостями, чтение вслух произведений и отрывков помогали писателю увидеть реакцию окружающих, понять общее мнение и возможность его изменения. Мы уже писали о том, что «Толстой не просто старался быть в курсе литературного процесса – он во многом способствовал его направлению. Для этого Толстому необходимо было не только задавать тон собственными произведениями, но и содействовать публикации лучших из написанных другими авторами сочинений, решительно высказываться против публикации того, что не имело художественной ценности» [Андреева: 86].

Вечерами в усадьбе читали новинки литературы, а также говорили о литературе и искусстве, об истории и географии, общественных проблемах. К примеру, Гусев вспоминает, как сам Толстой читал «Пески» Серафимовича [Гусев: 107], показавшиеся ему примечательными выдержки из английского журнала [Гусев: 108]. Толстой нередко просил своих помощников прочитать одно из полученных и чем-то

интересных писем. Часто вечерами кто-то из домашних или гостей читал стихи или прозу. Особенное внимание уделялось «Кругу чтения», над которым тогда работал Толстой. Если не было чтения вслух, то домашние и гости «разбредались на несколько кушек», причем в каждой велся свой разговор [Гусев: 132]. Гольденвейзер вспоминает, что часто разговоры после вечернего чая затягивались: «Вечером, когда я приехал в Ясную, все сидели еще за обеденным столом и разговаривали. Были Николаев и Ге. Л.Н. стал играть со мной в шахматы. Софья Андреевна и Николаев остались за обеденным столом. Они говорили о революционерах» [Гольденвейзер: 525].

Булгаков рассказывает о том, что всеобщее внимание уделялось словам и фразам Толстого, и стоило ему сделать на чем-то акцент, как все мгновенно стягивались в кружок: «После обеда Лев Николаевич играл с Эрнефельтом-отцом в шахматы. Оба обыграли друг друга по разу. По окончании игры завязался разговор, тут же за шахматным столиком. Постепенно все собрались в кружок около них: Татьяна Львовна, Ольга Константиновна, Душан Петрович, дети Эрнефельта, я, Дима Чертков» [Булгаков: 137].

Особенными разговоры с Толстым во время вечернего чая становятся в те дни, когда уезжала С.А. Толстая – все домочадцы чувствовали, что с отъездом Софьи Андреевны общение становилось искреннее, непосредственнее: в последние два года жизни Толстой привык ждать от супруги достаточно резких выпадов. Гусев прекрасно уловил тот факт, что отъезд С.А. Толстой словно бы стирал условные границы: Толстой переставал быть только отцом семейства, становился отцом-учителем для всей молодежи: «От десяти до одиннадцати шел общий разговор. И было в этом нашем, молодых людей, разговоре со старым мудрецом что-то трогательное, напоминающее отношение детей к отцу» [Гусев: 100].

Усадебная жизнь для Толстого предполагала близость к природе, единение с нею. Большинство посетителей Ясной Поляны отмечали необычайную живописность имения, но сам Толстой был лучшим наблюдателем окружающей живой жизни. Булгаков вспоминает, как однажды утром Толстой вернулся с расцветшей вербой в руках и в петличке пальто [Булгаков: 159], как в яблоневом саду рассказывал об отличиях листовой почки от цветочной [Булгаков: 171], как Толстой любовался на звезды: «Уже поздно вечером Лев Николаевич пошел к себе. Потом вернулся и позвал всех на балкон – посмотреть на теплую, звездную ночь. Темные деревья, уже в листве, благоухание и – звёзды, звёзды...» [Булгаков: 177].

Несмотря на тот факт, что Толстой был всецело на стороне крестьян, что на рубеже веков писатель стал поистине адвокатом стомиллионного земледельческого русского народа, многие мужики, работавшие

на земле Толстых, не считали, что их помещик чем-то отличается от прочих. Гусев отмечает, что в одну из поездок-прогулок Толстого пьяные мужики обругали его, причем кроме матерных слов в адрес Толстого звучали и обидные пожелания: «Ваше сиятельство! Дай Бог тебе поскорей околоть!» [Гусев: 56]. По словам Гусева, Толстой почти не обратил внимания за эту ругань.

Писатель редко упускал случай общения с народом, Толстой сам отмечал в дневнике многие свои встречи с мужиками. Как правило, в беседах с крестьянами в последние два года жизни в Ясной Поляне Толстой ни на толику не проявлял психологии хозяина и собственника: «...поехал с тремя Танями в лес. Пошел оттуда и набрел на косцов – вся деревня. Говорил о многом с ними, о земле, о солдатчине, о том, что сами себя поработают», – отмечает писатель 22 июня 1909 г. [Толстой 57: 88]. В случаях нарушений крестьянами порядка, их посягательств на имущество Толстой нередко занимал сторону народа. Обратим внимание на запись писателя в дневнике от 17 июля 1908 г.: «Сейчас застал Соню в гневе за порубленный лес. И зачем, зачем она мучает себя? Так жалко ее, а помочь нельзя. Все сильнее и сильнее стыжусь своего положения и всего безумия мира» [Толстой 56: 134].

Остро относился писатель к обвинениям в свой адрес, связанным с роскошной жизнью, использованием своего положения. «Я действительно отказался уже более двадцати лет и от земли, и от денег за сочинения, и, несмотря на это, никто этому не верит, а все считают меня миллионером», – сказал как-то Толстой Гусеву [Гусев: 187]. Г.В. Токарев, рассуждая о жизни Толстого в последний год, отмечает: «Толстой болезненно переживает личное материальное благосостояние. Причиной этого является переживание писателем социальной несправедливости. Себя Толстой относит к классу, который, не имея морального права, живёт за счёт других, присваивает себе результаты чужого труда» [Токарев: 81].

Оставаясь центром усадебного мира, который был создан не только его физическим, но и неустанным литературным и духовным трудом, Толстой нередко ощущал себя живущим как бы в гостях. Этому способствовали, конечно, домашние разногласия. Мемуары о жизни в Ясной Поляне замечательно передают желание Толстого изменить порядок усадебной жизни, а вместе с тем и неспособность писателя это сделать. Очень осуждал Толстой лишнее блюдо за обедом и за ужином, которое С.А. Толстая непременно заказывала как рачительная и заботливая хозяйка, удручал писателя факт прислуживания за столом: «Я думаю, через пятьдесят лет люди будут говорить: представьте, они могли спокойно сидеть и есть, а взрослые люди ходили, прислуживали им, подавали и готовили кушанье!..» [Булгаков: 247].

В отличие от многих потомственных дворян, привыкших к роскоши, Толстой отличался нетребовательностью. Даже в пожилом возрасте писатель старался не беспокоить слуг. Комфорт для Толстого был связан с привычной для него рабочей атмосферой, но отнюдь не с эгоистическими желаниями. Булгаков пишет, что по приезде к Чертковым Толстой попросил переставить мебель удобным для него образом, сам помогал с перемещением. Еще примечательнее случай с разлитыми чернилами: Булгаков рассказывает, как, гостя у Чертковых, Толстой пролил чернила и сам стирал их мокрой бумагой со стола: «Позвал меня помочь, потому что нужно было с силой тереть, и мы терли до тех пор, пока клеенка не стала совсем чистой» [Булгаков: 258].

Несмотря на ухудшающееся здоровье, на недуги и болезни, которые периодически заставляли Толстого соблюдать постельный режим, в Ясной Поляне шла неустанная работа по приему посетителей, ответам на поток писем. Как правило, в усадьбе постоянно гостил кто-то из образованных людей – писатели, общественные деятели, знакомые семьи Толстых. Вот как Булгаков вспоминает свой приезд в Ясную Поляну 26 января 1910 г.: «Вечером в аллею яснополянской усадьбы почти одновременно въехали двое саней: мои и чьи-то запряженные парой, с бубенчиками. Оказалось, приехал из Ясенков писатель П.А. Сергеевко...» [Булгаков: 61].

Посетителей в Ясной Поляне было много: к Толстому тянулся поток людей разных возрастов, сословий и убеждений – они искали совета или просили указаний. В книгах воспоминаний о Толстом свидетельства о гостях становятся фоном усадебной жизни: сложно было не застать у Толстых посетителей. Гольденвейзер, приехавший 31 июля 1910 г., отмечает: «В Ясной я застал гостей: соседи из Басова – супруги Лодыженские и их родственник или добрый знакомый, русский консул в Индии. Сам Лодыженский – человек лет 55, очень громко и много говорящий. Он был в Индии, в Японии; занимается сравнительным изучением индусской и христианской религий. Рассказы его не лишены интереса» [Гольденвейзер: 461]. Повышенное внимание приносило Толстому положительные эмоции и своеобразное удовлетворение: он ощущал себя учителем и проповедником. Однако писатель все более склонялся к отказу от пафоса наставлений, даже если посетители приезжали в усадьбу именно за руководством и уроками Толстого. Нередко писатель корил сам себя за излишнюю несдержанность. Так, 20 января 1909 г. он записывает в дневнике: «Вчера было много народа и надо было говорить. И разумеется, всё не нужно было говорить, что говорил. – Постараюсь воздерживаться. Вчера же, вследствие этой слабости, болтовни и невоздержности особенно живо почувствовал недоста-

точное памятование о том, что жизнь только в настоящем...» [Толстой 57: 15].

Гусев отмечает, что Толстой старался избегать наставлений в общении с посетителями и повествует об общении писателя с рабочими из Тулы. В борьбе с одним из основных пороков простого народа – пьянством, Толстой нашел выход в замене наставлений *просьбами*: «Я теперь новую манеру изобрел разговаривать: я их всех умоляю не пить вино» [Гусев: 164].

Вместе с тем огромный поток людей часто нарушал если не распорядок дня Толстого (распорядок этот в 1909–1910 гг. не был таким жестким), то душевное равновесие писателя: просьбы о деньгах, неосновательные жалобы просителей, неготовность людей к серьезному и кропотливому труду часто вызывали в Толстом разочарование, которое он непременно отмечал в дневнике как факт, требующий внутренней работы и исправления. «Сейчас вышел на балкон, и осадили просители, и не мог удержать доброго ко всем чувства», – отмечает писатель 20 апреля 1909 г. [Толстой 57: 51–52]. Причем неудовольствие Толстого вызывали не только сторонние посетители или просящие, но и знакомые. Вот запись в дневнике от 26 июля 1909 г.: «Вчера приехал шурин Ал. Берс с семьей. Никак не мог удержать не выражения, но отвращения. Дурно. Стал слаб в общении с людьми...» [Толстой 57: 103].

Гусев и Булгаков выполняли значительный объем сложной работы с письмами. С появлением фонографа Толстой стал записывать ответы на отдельные вопросы корреспондентов, но переписка велась преимущественно традиционным способом. Понятно, что отвечая за Толстого корреспондентам, молодые секретари помимо ответственности ощущали и особую интеллектуальную и духовную связь с писателем. Как можно судить по словам самого Толстого, помощь Гусева и Булгакова не просто облегчала его работу, но порою кардинально меняла настроение писателя. 26–27 апреля 1910 г. он сообщает в послании к А.Л. Толстой: «Сейчас 12-ый час ночи, пятница. Собираюсь спать. Расположение духа нехорошее, но кроме твоей болезни и твоего отсутствия так много хорошего, что самый желчный человек не мог бы не радоваться. Булгаков очень хорошо помогает мне и так сердечно, что мне легко с ним, и каждый день и посетители и письма таких близких, хотя и неизвестных людей, что нельзя не радоваться» [Толстой 81: 256–257].

Дочери Толстого, прежде всего А.Л. Толстая, его секретари, помощники и последователи, один из главных друзей и распорядителей Толстого – В.Г. Чертков – составляли мировоззренческий и идейный кружок. Однако целостная усадебная жизнь складывалась в 1909–1910 гг. из сопряжения и нередко противопоставления данного кружка традиционному семейному барскому укладу, который ценила и обере-

гала С.А. Толстая. Биографами Толстого и учеными-толстоведом уже подробно освещено, что столкновения внутри семейной и усадебной жизни Толстых имели драматический характер и привели к уходу писателя из дома. Между тем не всегда «накал страстей» был силен, точнее, подогревался он именно личными, семейными причинами, а вот соприкосновения с посторонними иногда имели даже юмористический характер. Гусев рассказывает о визите в Ясную Поляну соседки-помещицы консервативного духа А.Е. Звегинцевой, которая приехала с браунингом и положила его в передней на подзеркальник (наличие браунинга объяснялось чередой нападений на усадьбу Звегинцевой). Молодые помощники писателя решили показать А.Е. Звегинцевой ее ошибку – револьвер в доме Толстого, призывавшего к непротивлению злу силой, выглядел странно: Дима Чертков торжественно вложил книжку «Не убий» в ручку браунинга. «Мне это понравилось, – пишет Гусев, – и через пять минут, с помощью молодого лакея Вани, все карманы важной гостьи оказались наполненными агитационными брошюрами Толстого против государства» [Гусев: 182].

Жизнь Ясной Поляны в плане досуга и проведения свободного времени отличалась от других усадеб. Критерий пользы, улучшения и преобразования жизни, труда и нравственных усилий был приоритетным как для писателя, так и для его близких. Это не означало, впрочем, что Толстой и его домашние, друзья не уделяли время отдыху. Гольденвейзер рассказывает, к примеру, об игре молодых домочадцев Толстого в городки [Гольденвейзер: 347]. Сам Толстой для отдыха от умственного напряжения вечерами периодически раскладывал пасьянс [Гусев: 286], иногда играл в карты. Но особенное удовольствие доставляла Толстому игра в шахматы – в последние два года жизни он преимущественно играл с зятем, М.С. Сухотиным, и Гольденвейзером. Причем проигрыши вызывали у Толстого разочарование, некоторое подобие горечи.

В плане описания усадебной жизни в рассматриваемых мемуарах большой интерес представляет поездка Толстого в имение Кочеты, принадлежавшее его зятю, М.С. Сухотину. Булгаков достаточно подробно описывает это старинное имение, поражающее роскошью, как и многие барские усадьбы, но устроенное очень мудро, с большим вкусом: «Кроме прекрасного парка и прудов, замечателен в нем барский дом: тоже старинный, одноэтажный, но очень поместительный, с прекрасным убранством. Обстановка не так роскошна, как бывает в богатых купеческих домах, но и не безвкусна, как там... Много старины: по стенам портреты предков, оружие, шкафы с фамильным серебром и дарованными табакерками и т. п.» [Булгаков: 215].

Булгаков точно подмечает состояние Т.Л. Толстой, которая гордилась и восхищалась именем, но, воспитанная отцом в духе честного личного труда и аскетизма, внутренне тяготилась той роскошью, в которой жила. Выход из ситуации, позволявший Т.Л. Толстой жить в таком же относительном спокойствии, заключался в том, что имение это принадлежало все-таки не ей, а ее мужу (ситуация эта проецируется и на дочь, и на отца: всем в Ясной Поляне в это время распоряжался не сам Толстой, а его супруга). Булгаков прекрасно передает красоту усадьбы Сухотиных, которой он восхищался вместе с хозяйкой и покаянные слова последней: «Знаете, Булгаша, здесь так хорошо, что иногда забываешь, откуда все это берется! И, каюсь, я по большей части забываю» [Булгаков: 215].

Достаточно эмоциональны те письма Толстого от мая 1910 г., которые передают внутреннюю тягу писателя к жизни в большом и живописном имении. Уже приехав в Кочеты, Толстой сообщает дочери Александры, как ему хотелось уехать из Ясной, где в последнее время было много суеты и посетителей [Толстой 82: 13]. Как можно судить по воспоминаниям и письмам Толстого, обстановка в собственной усадьбе и постоянный приток людей его утомляли, хотелось спокойствия, которое всегда было так необходимо Толстому для литературной работы. 8 мая 1910 г. писатель общался А.Л. Толстой из Кочетов: «Мне здесь так хорошо, что не верится, что наяву, такая тишина, такой досуг и такой милый *entourage* и такая удивительная природа. Ничего нового не пишу. Да и не успел. И не надо. И так хорошо» [Толстой 82: 19]. Примечательно, что Толстой стремился обзреть и окрестности имения зятя: во время одной из прогулок Толстой и Булгаков уехали за семь верст, в парк князя Голицына, поражающий своими размерами и великолепием.

Отношение писателя к усадебной жизни, ощущение внутренней потребности ее сохранения очень хорошо передают слова Толстого о парке в имении Кочеты, которые приводит Булгаков. Он записал, что 3 октября 1910 г. за завтраком зашел разговор о сыновьях Сухотина, которые намеревались вырубить часть деревьев в кочетковском парке. Булгаков передает, что Толстой возмущался по этому поводу, приводит его эмоциональные слова, пафос которых был связан с мыслью о сохранении масштабности и природной уникальности усадебной жизни. Обратим внимание, что в пересказе Булгакова Толстой называет цветы «мерзостью», что очень не характерно для писателя, восхищавшегося цветами и букетами. Данное Толстым наименование можно объяснить лишь контекстом, в котором цветы ассоциируются с быстро увядающим, проходящим, а деревья символизируют почти нерушимую, связующую поколения силу: «Хотят заменить каким-то цветником! Эта мерзость – цветы, которые зарастут крапивой, нуж-

но за ними ухаживать, – и деревья – вечная красота!» [Булгаков: 379].

Воспоминания о Толстом и его жизни в последние годы показывают, что желание писателя максимально отказаться от всего лишнего и роскошного было фактически не исполнимо при жизни в усадьбе. Булгаков, разделявший мировоззрение Толстого, взглянув на пять экипажей, в которых совершался переезд из Кочетов в Ясную Поляну, описал их как «совершенно какой-то царский поезд» [Булгаков: 235]. Между тем отнюдь не роскошь окружающей барской жизни, от которой умел отказываться Толстой, а внутренние семейные противоречия вынудили его уйти из Ясной Поляны.

Можно сказать, что секретари Гусев и Булгаков, которые добровольно бы не разлучились с Толстым, оказались верны не просто памяти писателя, но остались «на службе у Толстого» пожизненно – Гусев стал директором музея Толстого в Москве (в 1925–1931 гг.), известным ученым-литературоведом, текстологом, составителем научной биографии Толстого с 1828 г. по 1885 г., принимавшим важнейшее участие в издании полного собрания сочинений Толстого в 90 томах. Булгаков, приступивший после смерти Толстого к изданию его произведений, упорядочиванию библиотеки писателя, был в феврале 1923 г. выслан из страны. Как отмечает А.И. Савин, безуспешно ходатайствовала за Булгакова Т.Л. Толстая, которая писала, что «качать за исповедание и выражение вечных истин – недостойно правительства, поставившего среди своих лозунгов принципы свободы, равенства и братства» [Савин: 188]. Исследователь отмечает, что «не помогла Булгакову и его личная жалоба в Президиум ВЦИК, который утвердил постановление о высылке его в Германию сроком на три года» [Савин: 188]. Булгаков вернулся на родину лишь в 1948 г., поселился в Ясной Поляне, где 20 лет был хранителем музея.

«Воспоминания» Гольденвейзера показывают, что и на его судьбу огромное влияние оказало общение с Толстым, позволившее Гольденвейзеру стать не просто талантливым музыкантом и композитором, каким он уже был и к моменту встречи с писателем и во время общения с ним, грамотным музыкальным редактором и еще более успешным и чутким педагогом. А.А. Платонова рассматривает основные принципы работы композитора и отмечает, что из класса Гольденвейзера вышли разнообразные и самобытные, не похожие друг на друга пианисты, что «педагогика Гольденвейзера является примером деятельностного метода совместно с личностно-ориентированным подходом, характеризующимися опорой на активное обучение, глубокое погружение и понимание материала произведения, развитие ответственности и самостоятельности, основанных на личном примере, и взаимное уважение педагога и студента» [Платонова: 99]. Общение с Толстым мно-

гое открыло Гольденвейзеру, показало ему значимость развития и упрочения уникальности личности, развития профессионализма, неразрывно связанного с духовным преображением человека.

Таким образом, можно утверждать, что общение и работа с Толстым значительно и по-разному повлияли на судьбу всех трех мемуаристов, но во многом направили и осветили их дальнейшее духовное движение и профессиональный рост. Оставленные Гусевым, Булгаковым и Гольденвейзером воспоминания позволяют оценить и проанализировать специфику яснополянской жизни писателя, сделать вывод о том, что, несмотря на многочисленные противоречия в семье, Толстой до последнего не готов был отказаться от усадебного бытия, которое в его представлении неизменно связывалось с монументальностью, основательностью, строгим распорядком и новыми формами жизни на земле.

Список литературы

Александров А.С. Мемуары о Л.Н. Толстом в информационном пространстве начала XX века // Известия смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 24–32.

Андреева В.Г. Эпистолярное наследие Л.Н. Толстого рубежа XIX–XX веков: мотив чтения в усадьбе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (1). С. 80–90. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.080>

Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худ. лит., 1960. 512 с.

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. 652 с.

Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худ. лит., 1973. 464 с.

Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 432 с.

Платонова А.А. Творческие принципы А.Б. Гольденвейзера // Художественное образование и наука. 2020. № 3 (24). С. 98–103.

Савин А.И. Последние пассажиры «Философского парохода». К истории высылки из СССР религиозных пацифистов // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 178–193.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Токарев Г.В. Коммуникативные особенности дневника последнего года жизни Л.Н. Толстого // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2019. № 10. С. 79–83.

References

Aleksandrov A.S. *Memoary o L.N. Tolstom v informatsionnom prostranstve nachala XX veka* [Memoirs

about L.N. Tolstoy in the information space of the early 20th century]. *Izvestia smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Smolensk State University], 2015, № 2 (30), pp. 24–32. (In Russ.)

Andreeva V.G. *Epistoliarnoe nasledie L.N. Tolstogo rubezha XIX–XX vekov: motiv chteniia v usad'be* [Epistolary legacy of L.N. Tolstoy at the turn of the 19th–20th centuries: the motive of reading in the estate]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Filologicheskie nauki. Scientific reports of higher school], 2021, № 6 (1), pp. 80–90. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.080> (In Russ.)

Bulgakov V.F. *L.N. Tolstoy v poslednii god ego zhizni* [L.N. Tolstoy in the last year of his life]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1960, 512 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.B. *Vblizi Tolstogo* [Near Tolstoy]. Moscow, Zakharov Publ., 2002, 652 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Dva goda s L.N. Tolstym. Vospominaniia i dnevnik byvshego sekretaria L.N. Tolstogo. 1907–1909* [Two years with L.N. Tolstoy. Memoirs and diary of the former secretary L.N. Tolstoy. 1907–1909]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1973, 464 p. (In Russ.)

Mardov I.B. *Lev Tolstoy na verшинakh zhizni* [Leo Tolstoy on the heights of life]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)

Platonova A.A. *Tvorcheskie printsipy A.B. Gol'denveizera* [Creative principles of A.B. Goldenweiser]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Art education and science], 2020, № 3 (24), pp. 98–103. (In Russ.)

Savin A.I. *Poslednie passazhiry "Filosofskogo parokhoda": K istorii vysylki iz SSSR religioznykh patsifistov* [The last passengers of the "Philosophical steamer". On the history of the expulsion of religious pacifists from the USSR]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, № 4, pp. 178–193. (In Russ.)

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Tokarev G.V. *Kommunikativnye osobennosti dnevnika poslednego goda zhizni L.N. Tolstogo* [Communicative features of the diary of the last year of L.N. Tolstoy]. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. st.* [Man and language in the communicative space: collection of scientific articles], 2019, № 10, pp. 79–83. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 126–134. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 126–134. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

EDN DVOMZB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-126-134>

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1910-Х ГГ.

Шевчук Юлия Вадимовна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, julyshevchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-2100>

Аннотация. А. Ахматова считала, что категория времени сложнее категории пространства. В русскую поэзию она вошла как автор произведений о любви и трагической истории России первой половины XX в. В данной статье речь идет о том, что взгляд на события истории и культуры в творчестве поэта постепенно складывается на основе лирических переживаний героини, обобщенных понятием *чувства времени*. Формы контакта лирического «я» с внешним миром в лирике Ахматовой второй половины 1910-х гг. рассмотрены в связи с представлениями о времени и пространстве, заложенными в традиционных метафорах («время идет», «время течет», «время летит»). Исследуются ключевые образы дома, Петербурга-Петрограда, реки, птицы и мотивы бездомности, течения времени, полета. Решается проблема детализации городского пространства. Анализируется временная и пространственная организация отдельных стихотворений: «Белый дом»; «Был блаженной моей колыбелью...»; «Покинув рощи родины священной...»; «Как люблю, как любила глядеть я...» и др. Чувство времени и судьбы – переживания, подготавливающие почву для трагизма ахматовской лирики более поздних периодов творчества.

Ключевые слова: А. Ахматова, лирика, лирическое переживание времени, чувство времени, детализация пространства, традиционные метафоры.

Для цитирования: Шевчук Ю.В. Чувство времени в лирике А. Ахматовой второй половины 1910-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 126–134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-126-134>

Research Article

SENSE OF TIME IN A. AKHMATOVA'S LYRICS IN THE SECOND HALF OF THE 1910s.

Yulia V. Shevchuk, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia, julyshevchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-2100>

Abstract. Anna Akhmatova believed that the category of time is more complicated than space. She entered Russian poetry as the author of works about love and the tragic history of Russia in the first half of the 20th century. This article deals with the fact that a view of the events of history and culture in the poet's work is gradually formed on the basis of the heroine's lyrical experiences, summarised by the concept of a sense of time. Forms of contact between the lyrical "I" and the outside world in Anna Akhmatova's lyrics of the second half of the 1910s considered in connection with the ideas about time and space inherent in traditional metaphors ("time is coming", "time is flowing", "time is flying"). Key images of the house, St. Petersburg-Petrograd, rivers, birds and motifs of homelessness, the course of time, flight are investigated. The problem of detailing urban space is being solved. The temporal and spatial organisation of individual poems is analysed: "White House"; "Was my blessed cradle..."; "Having left the groves of the homeland sacred..."; "How I love, how I loved to look..." etc. A sense of time and fate are experiences that set the stage for the tragedy of Anna Akhmatova's lyrics of later periods of creative work.

Keywords: Anna Akhmatova, lyrics, lyrical experience of time, sense of time, detailing of space, traditional metaphors.

For citation: Shevchuk Y.V. Sense of time in A. Akhmatova's lyrics in the second half of the 1910s. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 126–134 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-126-134>

Время является одной из основополагающих категорий в поэзии А. Ахматовой. Первые критики и исследователи ее произведений отмечали, насколько важны для автора при описании любовного события «жизненная задача мгновения» и «игра времен» (Н.В. Недоброво, В.В. Виноградов) [Недоброво: 246; Виноградов: 427], проблема специально освещена в трудах Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, К. Верхейла и др. [Иванов Вяч.; Топоров; Verheul]. С лета 1914 г. в поэзию Ахматовой входит тема исторического времени. По свидетельству поэта, последним ее «спокойным» стихотворением перед началом Первой мировой войны было «Я не любви твоей прошу...»: «<...> как помню тот день (в Слепневе) – утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь – вдребезги» (цит. по: [Черных: 76]). В целом новые формы лирического контакта ахматовской героини с внешним миром могут быть соотношены с представлениями о времени и пространстве, заложенными в традиционных метафорах («время идет», «время течет», «время летит»).

Как правило, с пешим *ходом* Ахматова связывает лирическую ситуацию поиска возможности сохранить прошлое, поэтому большое значение имеют остановки лирической героини: они сопровождаются напряженной внутренней борьбой, ценностный контекст обретают жесты и позы. Поза оглянувшейся героини воспринимается как фигура умолчания, за которой прочитывается скорбное прощание автора с эпохой, боль от невозможности утрат целого поколения («Тот голос, с тишиной великой споря...», 1917). Впервые Ахматова применила жест оглядки на прошлое как знак переключения с драматического любовного переживания ситуации расставания на восприятие события как совершающегося акта творчества в «Песне последней встречи» (1911). В «Лотовой жене» (1924) женщина с легендарной судьбой, вынужденная оставить родное жилище, как тысячи эмигрировавших из России современников поэта, переживает невымышленную трагедию расставания с Домом.

Лирическое «я» ведет самонаблюдение во времени, осваивая городское пространство («страшный год и страшный город» [Ахматова 1: 236]). Посредством описания движения природных стихий и элементов пейзажа передается ощущение социально-исторической нестабильности («Сентябрьский вихрь, листья с березы свежав, / Кричит и мечется среди ветвей, / А город помнит о судьбе своей: / Здесь Марфа правила и правил Аракчеев»; «И чернеющие ветки / За оградой чугунной»; «Бессолнечные, мрачные сады» [Ахматова 1: 206, 207, 238]). Актуализируется мотив пустоты земли и неба («Но кто его отодвинул, / В чужие унес города / Или из памяти вынул

навсегда дорогу туда...»; «Пустых небес прозрачное стекло» [Ахматова 1: 201, 206]). В плане цветовой символики поэт часто использует обозначение «темный» – эпитет выступает одновременно в качестве изобразительного и выразительного художественного средства: «Темный город у грозной реки», «Божий Ангел, зимним утром / Тайно обручивший нас, / С нашей жизни беспечальной / Глаз не сводит потемневших» [Ахматова 1: 205, 207].

Важны для Ахматовой образ дома и мотив бездомности. В «Белом доме» (1914) поэт совмещает план настоящего, в котором описывается парадное шествие войск («Морозное солнце. С парада / Идут и идут войска» [Ахматова 1: 200]), сопровождаемое игрой оркестра («Играйте, солдаты...»), с воспоминанием о прошлом («Здесь помню каждую ветку / И каждый силуэт. / Сквозь иinea белую сетку / Малиновый каплет свет»). В описании дома-призрака преобладают детали, подчеркивающие городскую пустоту:

Здесь дом был почти что белый,
Стекло крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо

[Ахматова 1: 200].

Сужение пространства от общего очертания дома до детали («звонок-кольцо») сменяется его расширением в трех последующих строфах – становится ясно, что внешние приметы объекта являются описанием внутреннего мира героини, обращенного к прошлому и будущему. В настоящей жизни лирическое «я» перемещается по городу, наводненному войсками, и это кружение напоминает о знаковом хождении некоторых героев русской литературы («Медный всадник», «Преступление и наказание»). В ахматовском стихотворении ощущение пустоты опережает внешнее разрушение пространства («И, видно, никто не знает, / Что белого дома нет»). Призрачность героини, представляющей себя в прошлом с «рукой помертвелой» (а соответственно, в настоящем и вовсе мертвой), подчеркивается ускорением движения времени.

Кольцевая композиция стихотворения закрепляет изменение восприятия времени лирическим «я» от объективного (январский полдень) к субъективному. В первой строфе ощущение хода времени совпадает с военной поступью, вызывающей легкую, но нарастающую тревогу героини; в заключительном четверостишии сознание лирического «я» стирает границу между прошлым и будущим, совмещая времена в сравнении: «Снег летит, как вишневый цвет...» [Ахматова 1: 201]. Драматизм стихотворения связан с ощущением необратимости прошлого и одновременно неистребимости его образа в душе конкретного человека, продолжающего переживать то, что для других невидимо. Пустым кажется момент

настоящего, отсутствует перспектива будущего. Природный ритм умирания и возрождения (зима – весна) переключается с представлением о циклическом движении истории, чередующей войну с миром («идут и идут войска»), однако индивидуальная история жизни человека неповторима («Волынки вдали замирают» [Ахматова 1: 201]). Возможно, противопоставление звуков полкового оркестра и пения волынок как громкой музыки времени и «тихой», «горестной» мелодии души лирического «я» было подсказано Ахматовой «Посылкой» (1909) И.Ф. Анненского, обращенной к Н.С. Гумилеву («Трилистник траурный»):

Вам я шлю стихи мои, когда-то
Их вдали игравшие солдаты!
Только ваши, без четверостиший,
Пели трубы горестней и тише...

[Анненский: 106].

В более позднем стихотворении «Там тень моя осталась и тоскует...» (1917) Ахматова пишет о невозможности перемещения из прошлого в настоящее время. Героиня теряет телесную оболочку, становится тенью именно потому, что не может справиться со временем, к которому привязана. Ключевым образом является дом, где обитают несчастные новые хозяева и душа героини, принимающая «за полночь» гостя из города.

И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно...
Не оттого ль хозяйке новой скучно,
Не оттого ль хозяин пьет вино
И слышит, как за тонкою стеною
Пришедший гость беседует со мною?

[Ахматова 1: 289].

Мотив страшного дома – сквозной в творчестве Ахматовой. Первоначально он мог быть подсказан личным переживанием, основанным на факте продажи А.И. Гумилевой весной 1916 г. дома в Царском Селе, где у Ахматовой действительно была обитая шелком и сукном «синяя» комната. И в дальнейшем поэт активно подключает образ дома к социально-исторической теме («В том доме было очень страшно жить...», 1921; 1940).

Значимым для поэта является образ Петербурга-Петрограда: постепенно родной город, хоженный-перехоженный героиней, обретает державные черты, подсвечивая пережитое ею судьбоносным «сияньем». Облик столицы в настоящем вызывает воспоминания о знаменательных вехах частной жизни, таких как рождение и брак («Был блаженной моей колыбелью / <...> И торжественной брачной постелью...»); «Где венчались мы – не помним, / Но сверкала эта церковь / Тем неистовым сияньем, / Что лишь ангелы умеют / В белых крыльях принести» [Ахматова 1: 205, 236]), и укрепляет в героине чувство зависимости частной судьбы от действия высших сил.

В русской поэзии Ахматова продолжает традицию Пушкина, произведшего колоссальное возвышение страдающей личности («Медный всадник») и впервые изобразившего городское население как существенную, исторически значимую силу.

В стихотворении «Был блаженной моей колыбелью...» (1914) Ахматова в связи с описанием Петербурга делает особый акцент на глаголе «был». Прошлое изображено как длительность, оно многослойно, но главная задача автора – представить город, ставший военной столицей, в настоящем времени. Первая строфа является обращением к событиям младенчества и молодости, связанной с любовными ожиданиями и разочарованиями. Как и сама героиня, были тогда молоды городские «серафимы».

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, –
Город, горькой любовью любимый

[Ахматова 1: 205].

Во второй части поэт ведет речь о прошлом, связанном с предчувствием лирическим «я» своих высших предназначений. Зрелость героини, начало ее нравственного восхождения сопровождается мотивом бесконечного блуждания по городу, однако судьба и тогда не открывается ей до конца: «Там впервые предстал мне жених, / Указавши мой путь осиянный, / И печальная Муза моя, / Как слепую, водила меня» [Ахматова 1: 205].

С настоящим моментом трагического «узнавания» судьбы, духовного прозрения героини совпадает точка зрения субъекта речи. Образ города, каким его можно видеть в момент повествования, намеренно умалчивается. Если сначала он вызывал тревогу, угрожал («Темный город у грозной реки», «Город, горькой любовью любимый»), затем был сдержан, скрытен, морочил героиню («Солею молений моих / Был ты, строгий, спокойный, туманный»), то теперь он открыл ей свою трагическую суть, которую невозможно передать словами. Ахматова использует прием намека на происходящее в настоящем времени.

«Сюжетогенными» элементами городского пейзажа и церковного интерьера в лирике Ахматовой становятся ангелы и другие статуи, являющиеся приметными деталями архитектурного облика Петербурга и его окрестностей. «Оживающая статуя» (подробнее о значении мотива см.: [Назирова]) в ахматовской поэзии актуализирует всю возможную полноту культурных смыслов: выступает в качестве городского защитника и ангела-хранителя судьбы отдельного человека («Божий Ангел, зимним утром...», 1914; «Будем вместе, милый, вместе...», 1915; «Ангел, три года хранивший меня...», 1921? 1922); силы, творящей

возмездие («Как ты можешь смотреть на Неву...», 1914; «Тот август, как желтое пламя...», 1915); объекта любви и ревности героини («Земная слава как дым...», 1914; «Царскосельская статуя», 1916).

В образе карающего ангела, «огненного серафима», представила Ахматова август 1915 г. В одном из декабрьских выпусков газеты «Биржевые ведомости» того же года стихотворение «Тот август, как желтое пламя...» было опубликовано под заголовком «Воспоминания» [Ахматова 1: 816]. В индивидуальной мифологии поэта это первый трагический август – месяц, который в дальнейшем Ахматова для себя считала роковым, судьбоносным.

Тот август, как желтое пламя,
Пробившее сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим

[Ахматова 1: 248].

По свидетельству П.Н. Лукницкого, она посвятила произведение Гумилеву [Лукницкий: 61]. Образный ряд стихотворения («И в город печали и гнева / Из тихой Корельской земли / Мы двое – воин и дева – / Студеным утром вошли») [Ахматова 1: 248]), в котором поэт подробно фиксирует обстановку военной столицы («Казался летящей птицей / На штандарте черный орел», «Слепило глаза прохожим / Сверканье пик и штыков», «И серые пушки гремели / На Троицком гулком мосту»), мог быть подсказан памятью об умершем в августе отце Андрее Антоновиче Горенко. В 1920-е гг. Ахматова вспоминала последние встречи с ним. Из записей Лукницкого: «Сознание его было затемнено (он часто заговаривался, говорил АА такие, например, фразы: «Николай Степанович – воин, а ты – поэзия»)» [Лукницкий: 335–336]. Противопоставление пространства «тихой» Корельской земли и «города печали и гнева» ассоциируется со сменой исторических эпох и типов человеческого поведения (приоритет личностных ценностей должен теперь уступить место готовности к исполнению гражданского долга).

И брат мне сказал: «Настали
Для меня великие дни.
Теперь ты наши печали
И радость одна храни»

[Ахматова 1: 249].

Неожиданность прозрения трагической судьбы подчеркивается такими деталями, как «еще» зеленеющие липы Летнего сада, но уже подувший со стороны Куликова поля ветер истории («А липы еще зеленели / В таинственном Летнем саду»; «А ветер восточный славил / Ковыли приволжских степей») [Ахматова 1: 248, 249]). В стихотворении «Тот август, как желтое пламя...» в форме воспоминания Ахматова впервые заявляет свою новую этическую и поэтическую задачу – стать хранительницей непреходящих «печалей и радостей».

В конце жизненного и творческого пути одним из лучших своих произведений о переломном времени и переоценке прошлых ценностей Ахматова назовет стихотворение «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» (1915). Действительно, для ее поэзии после 1914 г. показательно хоровое, соборное начало, маркированное лирическим «мы». Опыт страдания указывает современникам путь к духовному прозрению, пониманию практической необходимости веры и памяти.

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве

[Ахматова 1: 228].

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом <...>

[Ахматова 1: 252].

Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
<...> Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад

[Ахматова 1: 293].

О необратимом *течении* времени ахматовской героине напоминает река Нева, образ которой амбивалентен: с одной стороны, она является частью великолепного петербургского пейзажа, с другой – под белоснежными льдами она скрывает бездну, судьбу. С темой конца истории связан мифологический образ реки как перехода от жизни к смерти и очищения мира от греха.

Полноту настоящего момента жизни Ахматова описывает в стихотворениях «Покинув рощи родины священной...» (1914 – <Март> 1915) и «Смеркается, и в небе темно-синем...» (1914–1916; <Июнь> 1940). В 1940–60-е гг. поэт объединит стихотворения в циклы под названием «Эпические отрывки» / «Эпические мотивы». В обоих произведениях важную роль играет образ Невы. Героиня оказывается в ситуации временной остановки, перехода от прошлого к будущему. Художественно диалектика покоя и движения воплощается в композиции пространства и его деталей:

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте

[Ахматова 1: 218].

Лирический субъект в стихотворении «Покинув рощи родины священной...» перемещается, преодолевая расстояние от собственного жилища до комнаты художника, расположенной «в грязном, шумном доме» [Ахматова 1: 218]. Попытка заглянуть в будущее связана с порывом героини приподняться над землей, ее притягивает святая чистота («И против двери к нам стеной алтарной / Воздвигнут храм Святой Екатерины» [Ахматова 1: 218]). Жилище художника, написавшего пророческий портрет женщины, сравнивается с птичьей клеткой «под самой крышей», в которой он, «как чиж, свистал перед мольбертом» и говорил о «небывшей» радости (ср.: «Под крышей промерзшей пустого жилья / Я мертвенных дней не считаю <...> Но звезды синеют, но иней пушист, / И каждая встреча чудесней, – / А в Библии красный кленовый лист / Заложен на Песни Песней...» [Ахматова 1: 222]). С ним героиня отправляется в путешествие «над смертной бездной» утекающего времени, скрытого снегами и льдами реки:

<...> из голубой мансарды
 Через окно на крышу выходила
 И по карнизу шла над смертной бездной,
 Чтоб видеть снег, Неву и облака

[Ахматова 1: 219].

Вопреки ожиданиям героини, грядущее проявляется не в великолепии петербургского пейзажа, оно просачивается через страшную картину, в которой отражается ее горькая судьба. Художнику дается дар видеть суть вещей, а не жить иллюзиями:

Как в зеркало, глядела я тревожно
 На серый холст, и с каждою неделей
 Все горше и страннее было сходство
 Мое с моим изображеньем новым

[Ахматова 1: 219].

Эффект остановки времени, присущий произведению искусства, переживание прошлого как навсегда запечатленного в памяти настоящего момента Ахматова передает с помощью плавного временного перехода между 7-й и 8-й строками в стихотворении «Смеркается, и в небе темно-синем...» (в 1910-е гг. созданы 1–20 строки). Героине, наблюдающей наступление ночи, запомнился необычный закат, когда неожиданно она ощутила полноту бытия («Когда я вышла, ослепил меня / Прозрачный отблеск на вещах и лицах, / Как будто всюду лепестки лежали / Тех желто-розовых нежных роз, / Название которых я забыла. / Безветренный, сухой, морозный воздух / Так каждый звук лелеял и хранил, / Что мнилось мне: молчанья не бывает» [Ахматова 1: 220]).

Пространство в произведении выстраивается по принципу постепенного сужения: от изображения «темно-синего» звездного неба и на его фоне «храма Ерусалимского» автор переходит к описанию «вещей и лиц», освещенных «желто-розовым» закатом,

и завершает развитие лирической темы детализацией пейзажа, в котором цвет пронизывает вещь насквозь («ржавые перила», «пестрые жадные утки», «прорубь чернильная»). Последней символической деталью в воспоминании героини становится темная «прорубь» во льдах Невы. Она, как и портрет в предыдущем стихотворении, напоминает о непроницаемости будущего, приближение которого нельзя остановить. В целом Ахматова создает эпическое настроение равновесия радости и страха, памяти и забвения, настоящего и будущего. Стремление человека в его духовном порыве оторваться от земли подчеркивается деталями пейзажа:

Смеркается, и в небе темно-синем,
 Где так недавно храм Ерусалимский
 Таинственным сиял великолепьем,
 Лишь две звезды над путаницей веток,
 И снег летит откуда-то не сверху,
 А словно подымается с земли <...>

[Ахматова 1: 220].

Необратимое течение времени ассоциируется у Ахматовой с образом Невы, берега которой закованы в гранит («Как люблю, как любила глядеть я...», 1916). Повтор глагола «любить» в форме настоящего и прошлого времени в первой строке воспринимается как речевой жест лирического «я», передающий некоторую строгость в обращении со временем. На фоне реки и городского пейзажа («<...> На балконы, куда столетья / Не ступала ничья нога» [Ахматова 1: 266]) жизнь поколения «безумных и светлых нас» кажется «чистым часом» белой ночи, дуновением майского ветра, «райским», «сладчайшим» сном. При первой публикации стихотворения строки 11–12 («Мы – как грешник, видящий райский / Перед смертью случайный сон...» [Ахматова 1: 821]) прямо передавали ахматовскую мысль о конечности не только отдельной человеческой жизни, но целой эпохи (впоследствии местоимение «мы» было заменено на «ты»). Вода обладает очищающей, обновляющей силой для города и страны, столицей которой он является:

И воистину ты – столица
 Для безумных и светлых нас;
 Но когда над Невою длится
 Тот особенный, чистый час
 И проносится ветер майский
 Мимо всех надводных колонн,
 Ты – как грешник, видящий райский
 Перед смертью сладчайший сон...

[Ахматова 1: 266].

Мотив «дивного Града», название которого связано с именем апостола Петра, открывающего двери рая, и «мертвого» царя-основателя, возникает в стихотворении «В городе райского ключаря...» (1916 <?>; 1917). Ахматова пишет о предчувствии надвигающейся беды, скорой утраты Рая: «И все мне ка-

залось, что в Раю / Я песню последнюю пою» [Ахматова 1: 287]. Присутствие едва уловимых знаков опасности обнаруживается в пейзаже: героиня подмечает контраст между белыми церквями, высокими мостами и темным садом, только ей слышен скрип корабельных мачт «между старых лип» и известно, как глубока река за окном. Нева и окрестности хранят память о трагической истории России. Обыкновенный человек, наследовавший город у «мертвого царя» Петра, проявляет героическую готовность разделить с ним судьбу:

А за окошком моим река –
Никто не знает, как глубока.
Вольно я выбрала дивный Град,
Жаркое солнце земных отрад

[Ахматова 1: 287].

Оказавшись свидетельницей крестьянских волнений в Бежецком уезде, летом 1917 г. Ахматова создает три стихотворения, тематически связанные между собой и развивающие мотив замедляющегося течения реки времени («Течет река неспешно по долине...», «И целый день, своих пугаясь стонов...», «И мнится – голос человека...»). Лирическое «я» ощущает момент настоящего как предел мировой истории и разрушение частной жизни человека («Мне сердце разорвали пополам» [Ахматова 1: 314]). В качестве главного эсхатологического символа выступает река – водораздел между жизнью и смертью («И целый день, своих пугаясь стонов, / В тоске смертельной мечется толпа» [Ахматова 1: 314]). В первом стихотворении время течет «неспешно», возникает идиллическая картина прошлой усадебной жизни, эталоном которой была «золотая» Екатерининская эпоха:

Течет река неспешно по долине,
Многооконый на пригорке дом.
А мы живем, как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой

[Ахматова 1: 313].

В следующем произведении, отражающем историческую и человеческую катастрофу современности, толпа людей покидает свои дома; внешний и внутренний хаос жизни показан в первых четырех строках, во второй части наступает тишина («Как после залпа сразу тихо стало» [Ахматова 1: 314]). Центральным в композиции является образ реки, важные детали которого – берега. Лирическое перемещение «за реку», соответствующее мифологическому переходу из жизни в смерть, не выражается прямо, однако именно оно передает идею наступления конца определенного периода в русской истории.

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа

[Ахматова 1: 314].

Онейрический хронотоп в стихотворении «И мнится – голос человека...» раскрывает состояние героини, пребывающей вне времени и пространства. Река времен пересохла, Апокалипсис на земле случился. Лирическое «я» оказывается свидетелем конца существования человечества.

И мнится – голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна, –
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина

[Ахматова 1: 315].

Нарастающий ужас одиночества и мотив наказания жизнью тематически сближает ахматовское произведение со стихотворением А. Фета «Никогда» (1879), однако земля в нем не «труп», а место, где обитает «ветер каменного века» – стихия, предвещающая возможность зарождения новой человеческой цивилизации.

Мотив *полета* связан у Ахматовой с темой смерти, памяти и творчества. О социально-исторической катастрофе в России поэт пишет с точки зрения страдающей личности, так что мотив полета за пределы времени может означать постоянное ощущение присутствия смерти. В предчувствии конца лирическая героиня слышит шум птичьих голосов и крыльев («Пора лететь, пора лететь / Над полем и рекой, / Ведь ты уже не можешь петь / И слезы со щеки стереть / Ослабнувшей рукой»; «Как хорошо в моем затворе тесном! / О самом нежном, о всегда чудесном / Со мною Божьи птицы говорят. / <...> ждать осталось мало дней» [Ахматова 1: 224, 262]).

В стихотворении, посвященном переводчику и актеру Г.Г. Фейгину (1885–1917), погибшему на фронте, взлет полевой птицы «с колючего снопа» становится знаком вечной памяти о героях войны. Вера и верность, как в древние времена, являются той моральной силой, с помощью которой женщина противостоит забвению и смерти:

Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы, –

Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохранию

[Ахматова 1: 304].

Исторический момент в стихотворениях 1917 г. представляется Ахматовой как прозвучавший в воздухе залп («И целый день, своих пугаясь стонов...», 1917), прерванный «утренний» полет ласточки («Теперь никто не станет слушать песен», 1917), внезапно разведенный над Невой мост («На разведенном мосту...», 1917–1919). События Февральской революции и Октябрьского переворота автор воспринимает как резкий излом времени и частной жизни человека («На разведенном мосту / В день, ставшим праздником ныне, / Кончилась юность моя» [Ахматова 1: 324]). Образ разорвавшегося сердца художника также свидетельствует о новой постановке проблемы творчества.

Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам

[Ахматова 1: 314].

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени

[Ахматова 1: 318].

Лирическая героиня Ахматовой переживает острое чувство вины за происходящее в действительности, она предпринимает попытку ее искупления с помощью отречения от «земных отрад» и посвящения себя памяти-творчеству. Мотив «неутешного странствия» души раскрывает внутреннее состояние лирического «я». Перемещение по воздуху связано с приоритетом для поэта вневременных, «вечных» ценностей, однако героиня не может забыть прошлое, и для нее это особая пытка.

Душа женщины, отлетевшая от тела и ставшая самой поэзией, мучается воспоминаниями о земном прикосновении к возлюбленному в стихотворении «Первый луч – благословенье Бога...» (1916).

Так давно губами я касалась
Милых губ и смуглого плеча...

А теперь, усопших бестелесней,
В неутешном странствии моем,
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утренним лучом

[Ахматова 1: 259].

Встреча с прошлым для оставшейся в живых героини превращается в ритуал, происходящий раз в год, весной, в Екатерининском парке Царского Села («И вот одна осталась я...», 1917). Над каналами и озерами раскрывается «темница гробовая», и к «памятному» месту в облике лебедей слетаются

души ее друзей. Образ благородных птиц символизирует чистоту и целомудрие умерших.

Но так бывает: раз в году,
Когда растает лед,
В Екатерининском саду
Стою у чистых вод

И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой

[Ахматова 1: 319].

Само время в стихотворении «Веет ветер лебединый...» (1918; 1922), посвященном любовным «годовщинам», является к героине в образе «ветра лебединого». Женщина обращается к возлюбленному, на смерть которого указывает мотив вечной молодости и белизны мужского лица (видимо, окончательный адресат – Гумилев). Во второй и третьей строфах метафорический образ прямо соотнесен с темой «плывущих» и «пролетающих» лет:

Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?

Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славою снежной
Безмятежное чело

[Ахматова 1: 325].

Как воссоединение в едином порыве души и тела автора Ахматова описала процесс создания поэтического произведения («Они летят, они еще в дороге...», 1916). Ветер вкладывает в уста творца «слова освобождения и любви» и «опалает» сознание – так рождается песня [Ахматова 1: 263].

Лирическое «я» в поэзии Ахматовой ощущает притяжение к вечности и устремляется за пределы пространства и времени. В стихотворении «Ночью» (1918) с живыми людьми (часовой, верная и неверная жены), связанными временем, не имеющими возможности избавиться от этой зависимости ни наяву, ни во сне («Идет домой неверная жена, / Ее лицо задумчиво и строго, / А верную в тугих объятьях сна / Сжигает негасимая тревога» [Ахматова 1: 328]), сравнивается героиня, освободившаяся от бремени земного существования. Несколько ироническая тональность стиха, правда, напоминает о том, какой ценой досталась ей желанная свобода и насколько велика привязанность к жизни:

Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздыхнувши, я прости сказала миру.
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру

[Ахматова 1: 328].

В конце 1910-х гг. в ахматовской лирике рождается мотив духовного полета во времени, звучит идея готовности к самоотверженному служению поэзии. Далекому возлюбленному, уехавшему в эмиграцию, героиня является в образе петербургской вьюги: «Когда о горькой гибели моей / Весть поздняя его коснется слуха, / Не станет он ни строже, ни грустней, / Но, поблдневши, улыбнется сухо. / И сразу вспомнит зимний небосклон / И вдоль Невы несущуюся вьюгу, / И сразу вспомнит, как поклялся он / Беречь свою восточную подругу» [Ахматова 1: 321]. В 1963 г. о своей поэзии, ставшей символом трагической эпохи русской истории, Ахматова напишет в стихотворении: «Прав, что не взял меня с собой / И не назвал своей подругой, / Я стала песней и судьбой, / Сквозной бессонницей и вьюгой. / Меня бы не узнали вы / На пригородном полустанке / В той молодящейся, увы, / И деловитой парижанке» [Ахматова 2 (2): 290].

Итак, ахматовское чувство времени – это лирическое переживание, основанное на жизненном опыте, культурных ассоциациях и интуициях автора. В гражданском порыве героини понимание социально-политической ситуации войны и революции органично соединяется с народным мироощущением и религиозностью. В своеобразном параллелизме движения времени (ход, течение, полет) и перемещений героини зарождается ахматовское *чувство судьбы*, основополагающее в трагических произведениях поэта («Реквием», 1935–1940; «Поэма без героя», 1940–1965; «Полночные стихи», 1963–1965). Показательно, что третий сборник стихотворений, вышедший в свет в сентябре 1917 г., автор назовет «Белая стая», а итоговую книгу 1965 г., в которой будут художественно осмыслены путь поэта и история России XX века, – «Бег времени».

Список литературы

- Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.
- Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2005.
- Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 369–459.
- Иванов Вяч. Вс. Ахматова и категория времени // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: тезисы конференции. М., 1989. С. 3–5.
- Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Париж: YMCA – Press, 1991. Т. 1: 1924–25. 347 с.
- Назирова Р.Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов: меж-

вуз. науч. сб. Уфа: Башкирский университет, 1991. С. 24–37.

Недоброво Н.В. Анна Ахматова // Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. С. 237–258.

Топоров В.Н. Об историзме Ахматовой // Russian Literature. Amsterdam. 1990. Vol. XXVIII – III. Pp. 277–418.

Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1: (1889–1917). М.: Эдиториал УРСС, 1996. 111 с.

Verheul K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova. The Hague-Paris, Mouton, 1971, 238 p.

References

- Annenskii I.F. *Stikhotvoreniia i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1990, 640 p. (In Russ.)
- Akhmatova A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998–2005. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. *O poezii Anny Akhmatovoi (Stilicheskie nabroski)* [About the poetry of Anna Akhmatova (Stylistic sketches)]. *Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy* [Vinogradov V.V. Poetics of Russian literature: Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 369–459. (In Russ.)
- Ivanov Viach. Vs. *Akhmatova i kategoriia vremeni* [Akhmatova and the time category]. *Anna Akhmatova i russkaia kul'tura nachala XX veka: tezisy konferentsii* [Anna Akhmatova and Russian culture of the early XX century: conference abstracts]. Moscow, 1989, pp. 3–5. (In Russ.)
- Luknitskii P.N. *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi: v 2 t.* [Acumiana. Meetings with Anna Akhmatova: in 2 vols.]. Paris, YMCA – Press Publ., 1991, T. 1: 1924–25 [Vol. 1: 1924–25], 347 p. (In Russ.)
- Nazirov R.G. *Siuzhet ob ozhivaiushchei statue* [The plot of a living statue]. *Fol'klor narodov Rossii. Fol'klor i literatura. Obshchee i osobennoe v fol'klоре raznykh narodov. Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik* [Folklore of the peoples of Russia. Folklore and literature. Common and special in the folklore of different peoples. Intercollegiate Scientific Collection]. Ufa, Bashkirskii universitet Publ., 1991, pp. 24–37. (In Russ.)
- Nedobrovo N.V. *Anna Akhmatova* [Anna Akhmatova]. *Naiman A. Rasskazy o Anne Akhmatovoi* [Naiman A. Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1989, pp. 237–258. (In Russ.)
- Toporov V.N. *Ob istorizme Akhmatovoi* [About the historicism of Akhmatova]. *Russian Literature*. Amsterdam, 1990, vol. XXVIII – III, pp. 277–418. (In Russ.)
- Chernykh V.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. Ch. 1: (1889–1917)* [Chronicle of the life

and work of Anna Akhmatova. Part 1: (1889–1917)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1996, 111 p. (In Russ.)

Verheul K. *The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova*. The Hague-Paris, Mouton, 1971, 238 p. (In English)

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 16.04.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 135–140. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 135–140. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/20"

EDN DOUUPN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140>

ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

Азаров Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Аннотация. Статья посвящена творческой деятельности Юлиа Айхенвальда, которую связывают с Серебряным веком в истории русской культуры. В эмиграции (с 1922 г.) его называли одним из самых ярких критиков эпохи, который превратил чтение литературы в искусство индивидуального восприятия, провозгласил приоритет сотворческого начала и приблизил литературную критику к читателю. Он считал, что произведение искусства не следует оценивать с точки зрения общественной полезности, это всегда прямой диалог писателя и читателя, узнавать произведение означает создавать, читать значит писать, каждое произведение – автобиография его создателя. По его мнению, литература не отражает жизнь, а творит ее, ценность произведения состоит в его единичности и неповторимости, а критика является его непосредственным продолжением. Однако с течением времени под влиянием исторических обстоятельств его взгляды изменились: он все более стремится понять художника в контексте эпохи, поскольку для него существование подобной связи уже доказанный историей факт. Несомненно, Айхенвальд внес значительный вклад в развитие литературной критики зарубежья, став одной из ее наиболее ярких фигур.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, литературная критика, теория литературы, Ю.И. Айхенвальд, импрессионизм, историзм.

Для цитирования: Азаров Ю.А. Юлий Айхенвальд: трансформация взглядов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140>

Research Article

YULY AYKHENVALD: TRANSFORMATION OF VIEWS

Yuri A. Azarov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Abstract. The present article is devoted to creative activity of Yuly Aykhenvald who is associated with Fin de siècle in history of Russian culture. Even in emigration (since 1922) he had been called one of the brightest critics of the epoch who turned the reading of literature into an art of individual perception, proclaimed the priority of co-creation and directly brought literary criticism closer to the reader. He considered a work of art should not be evaluated in terms of social utility; it is always a direct dialogue between a writer and a reader; to investigate a literary work means to create with reading meaning to write; each work is an autobiography of its creator. In his opinion, literature creates life rather than reflecting the latter; the value of a literary work lies in its singularity and uniqueness, with criticism being its direct continuation. However, over time under the influence of historical circumstances, his views changed - he himself increasingly sought to understand the artist in the context of its epoch, since for Yuly Aykhenvald, the existence of such a connection has already been proven by history. It is no doubt that Yuly Aykhenvald made a significant contribution to the development of Russian émigré literary criticism and became one of its most significant figures.

Keywords: Russian émigré literature, literary criticism, literary theory, Yuly Aykhenvald, impressionism, historicism.

For citation: Azarov Y.A. Yuly Aykhenvald: transformation of views. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 135–140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140>

«Искусство недоказуемо; оно лежит по ту сторону всякой аргументации» [Айхенвальд 2017: 28], что делает литературу «беззаконной кометой в кругу расчисленного светил» (А.С. Пушкин. «Портрет») [Айхенвальд 2017: 3], – заявил в 1911 г. Ю.И. Айхенвальд, творческую деятельность которого связывают с Серебряным веком в истории русской культуры. И в эмиграции (с 1922 г.) его называли одним из самых ярких критиков эпохи, который превратил чтение литературы в искусство индивидуального восприятия, провозгласил приоритет сотворческого начала и приблизил критику к читателю.

Наиболее объективно и ярко описал Айхенвальд Б.К. Зайцев – как человека страстного, вносившего в изучение литературы творческое начало: «Он писал о писателе так, как видел его в своем уединенном сердце, только так, и в оценках бывал столь же горяч, столь же “ненаучен”, как и сама жизнь. Все его писания шли из крови, пульсаций, из текущей стихии. Можно было соглашаться с ним или не соглашаться, одобрять или не одобрять его манеру, но это был художник литературной критики и, за последние десятилетия, первый русский критик» [Зайцев: 69, 70].

Известность пришла к Айхенвальду после выхода сборников «Силуэты русских писателей» (1906–1910), в которых была предпринята попытка практического применения принципов «имманентной», по определению автора, критики, полностью свободной от каких-либо признаков «научности», внелитературных (внешних) влияний и биографического подхода. Однако впоследствии, в исторических условиях революции и Гражданской войны, Айхенвальд отказался от своего принципиального антиисторизма и признал важность воздействия на автора жизненных обстоятельств и «внешних» факторов.

Критический метод Айхенвальда исследователи оценивают как «импрессионистический», «субъективный», «интуитивистский», однако сам критик с присущим ему философским мировосприятием наиболее удачным считал определение «имманентный»: «Гораздо естественнее – метод имманентный, т. е. когда исследователь художественному творению органически сопричастается и всегда держится внутри, а не вне его. Метод имманентной критики (насколько вообще можно говорить о методе там, где, как мы видели, наукообразности вовсе нет) – этот метод берет у писателя то, что писатель дает, и судит его, как хотел Пушкин, по его собственным законам, остается в его собственной державе» [Айхенвальд, 2017: 19].

Концепция интуитивного восприятия художественного творчества представляла для своего времени явление новаторское. Впоследствии А.А. Гольденвейзер, сотрудник отдела критики и библиографии эмигрантской газеты «Руль» (Берлин), охарактеризовал его следующим образом: «Айхенвальд индивидуализирует

каждого писателя, рассматривает его отдельно от его сверстников, учителей и учеников. Каждый писатель, каждое “собрание сочинений” для него – микрокосм, в себе самом законченный и из самого себя объяснимый. Чтобы понять характеризуемого автора, критик бережно и любовно входит в его душу, проникается его мировоззрением, вчувствуется в его ощущения» [Гольденвейзер].

Очевидно, что для критика, выступающего в роли воинствующего антипозитивиста, теоретической основой служит иррационализм Шопенгауэра, отрицающего приоритет рационального начала в постижении действительности. Вместе с тем Айхенвальд полагает, что отсутствует четкий критерий, определяющий художественный уровень произведения и делающий его достойным научного изучения: «Талантливые, запечатленные гением художественности, не правда ли? Но где же, в какой палате мер и весов хранится то абсолютное мерило, которым определяется самая наличность гения и его степень?» [Айхенвальд 2017: 5].

Айхенвальд формулирует критерий, который признает продуктивным для анализа, хотя и считает его «весьма условным». Речь идет о психологии, которая в начале XX в. переживала период активного развития: «Мы становимся лицом к лицу с психологией. Не в ней ли ключ, которым откроется тайна искусства, загадочная сокровищница слова? <...> Однако сама психология, не только в теперешнем, признанно-элементарном состоянии, но и в будущих ее возможностях, позволяет ли рассчитывать на установление каких-либо точных, содержательных, в самую глубину идущих закономерностей?» [Айхенвальд 2017: 9]. Никакой психолог не сможет до конца понять душу художника: «История литературы услышит от психологии вещи догадки, приобщится к ее воззрениям и метафизической стихии, но никогда не получит от нее той доказательности, которая необходима для науки, потому что этой доказательностью не обладает и не будет обладать сама психология» [Айхенвальд 2017: 10].

Айхенвальд убежден, что литература как вид искусства обладает особым статусом и, вопреки утверждениям материалистов, не является отражением действительности. Писателя, «стоящего вне пространства и времени», как и душу человека, постигнуть нельзя. Поэтому литература «...творит жизнь, а не отражает ее. Литература упреждает действительность; слово раньше дела. Воплощение догадок и прозрений, вдохновенная Пифия, прорицательница далей, литература не ведóмая, а вождь» [Айхенвальд 2017: 11].

Подчеркнутое внимание к биографическому подходу – будь это его отрицание либо частичное признание – было характерно для заявлений Айхенвальда. Несостоятельность биографического изучения оценивается в «Теоретических предпосылках» впол-

не однозначно: «Внутренняя разобщенность слова утилитарного от слова художественного приводит и к тому, что, вопреки очень распространенному взгляду, биография писателя не объясняет его произведений и до их глубины не доходит. Внешняя жизнь сама по себе еще ничего не значит. А жизнь внутренняя, то, что только и важно, сама скажется в творении писателя, хочет он этого или нет. Независимо от своей воли он о себе рассказывает, и каждое создание искусства – не что иное, как автобиография его творца» [Айхенвальд 2017: 16, 17].

Вместе с тем Айхенвальд ставит задачу обозначить границу между сознательным и бессознательным в творческом процессе. Как и всегда, он бросает вызов позитивистам с их приоритетом рационального мышления. Именно поэтому литературный критик прежде всего должен быть хорошим читателем – понятия «критик» и «читатель», в сущности, в этом смысле синонимичны, но критик – главный и лучший из читателей. Большое значение Айхенвальд придает процессу восприятия произведения, «медленному чтению», к чему далеко не все оказываются способными, но критик должен научить читать других. Восприятие подобно творческому процессу, читатель при этом и сам становится творцом: «Читать – это значит писать. <...> К счастью, потенциально мы все – поэты» [Айхенвальд 2017: 21]. Безусловно, с Айхенвальдом нельзя не согласиться, когда он формулирует тезис о постоянном обновлении смысла произведения в зависимости от восприятия его тем или иным субъектом, благодаря чему произведение нельзя прочитать до конца, так как не имеет конца и сам процесс сотворчества.

Айхенвальд подробно рассматривает проблему взаимозависимости писателя и читателя, которая определяется существующими между ними диалогическими отношениями. Литературное произведение всегда диалог – диалог автора и читателя, следовательно, это вполне соотносимые понятия, поскольку один без другого ни существовать, ни действовать не может. Автор, дав замыслу конкретное воплощение, уже сыграл свою роль; произведение же, «объект вечного созерцания», живет обновляющейся жизнью и «развивается, меняется, растет», преломляясь через новые и новые восприятия, рождает новые впечатления: «Можно написать книгу, но нельзя ее прочесть: она нескончаема и вечному подлежит восприятию» [Айхенвальд 2017: 24].

Тезис Айхенвальда о незавершенности творческого процесса имеет непосредственное отношение не только к писателю, но и к критику, который всегда видит лучше писателя. Вывод звучит парадоксально: «Безграничная природа творчества и связанный с нею момент иррациональности и бессознательности обуславливают собою и то, что, как мы уже отметили,

критик объясняет писателя не только себе и другим, но и ему самому. В этом отношении критик гораздо компетентнее его» [Айхенвальд 2017: 25]. Поэтому писатель не в состоянии до конца понять собственное творчество и, как правило, не является лучшим читателем и толкователем своих произведений. В то же время осмысление произведения тем или иным критиком лишь одно из возможных, оно не может претендовать на исключительность и не опровергает мнений других критиков.

С началом революционных событий в России Айхенвальд постепенно отходит от принципиальной аполитичности и обращается к публицистике – историческая действительность теперь постоянно вмешивается в то, над чем он работает и что пишет. Как и большинство либерально настроенных интеллигентов, он восторженно приветствует Февральскую революцию, падение империи и приход к власти Временного правительства, будучи уверенным, что новый социальный строй, уничтожив бедность и неравенство, приведет Россию к процветанию. Ему хочется верить, что народ добился чаемых свобод, он отстаивает идеалы социализма и не сомневается, что в результате обобществления собственности, уничтожения неравенства и установления восьмичасового рабочего дня «воцарится настоящая культура». Айхенвальд с наивным оптимизмом возлагает надежды на близкое торжество прогрессивного строя: «Не социализм как узкая теория, а социализм углубленный и одухотворенный, понятый как освобождение от ига имущества, как метафизика, идущая против физики, т. е. как крестовый поход против инстинкта собственности, – вот что вдохновляет и обнадеживает в общественной борьбе. И если такой социализм победит, то человека ожидает духовное “завтра”, а только ради него и стоит жить, ради этой светлой манящей даты мирового календаря. Да придет же, да не замедлит своим приходом благословенное “завтра”!» [Айхенвальд 1917а: 44–45].

Однако со временем оптимизм сменяется тревогой за судьбу демократии – его все больше волнует ухудшающееся положение в стране и судьба гражданских свобод. В 1917 г. под грифом «Партия народной свободы» выходит брошюра «Свобода слова» о вопиющих случаях попрания неотъемлемых прав граждан новой России. Речь идет о многочисленных случаях закрытия кадетских газет «на местах» – по постановлениям трудовых коллективов и большевистских советов: «Надо спасать слово. Надо охранять культуру. Надо не угашать духа. Для того чтобы не все и не кошунственно произнесено было нашей революцией божественное имя свободы...» [Айхенвальд 1917б: 16].

Падение Временного правительства и последующие события показали, насколько Айхенвальд, эстет и социалист-романтик, был далек от суровой дей-

ствительности. Противник всякого насилия, всегда заявлявший о самоценности и неповторимости личности, утверждавший право на самостоятельное мнение и низвергавший «кумиров», сотрудничать с новой властью не собирался и молчать не хотел. Его жизненные и творческие установки все более менялись, в первую очередь это касалось принципиального положения о независимости искусства от объективной действительности. Он продолжает печататься в частных изданиях, публикует статьи, в которых резко высказываться о большевиках и революции – до первой половины 1922 г. в условиях отсутствия централизованной цензуры это еще было возможно. Большинство написанных в 1917–1918 гг. статей, опубликованных в газетах кадетского направления «Раннее утро», «Речь», «Свобода», вошло в сборник «Наша революция. Ее вожди и ведомые» (1918). С нескрываемым пессимизмом и мучительной горечью человека, «волшебный замок» которого превратился в руины, он писал: «Едва ли за тысячелетнюю историю свою Россия встречала когда-нибудь Новый год так, как сегодня, 31 декабря 1917 года, – подавленная, с поникшей и повинной головой, без праздничных надежд в душе, без внутреннего Нового года, без веры не только в новое, но хотя бы в старое счастье» [Айхенвальд 1918: 60].

В 1921 г. в издаваемом Андреем Белым журнале «Записки мечтателей» появилась статья, в которой Айхенвальд сравнил Н. Гумилева с Андре Шенье, ставшему жертвой французской революции. Вызывающая свобода суждений в других публикациях того периода («Лев Толстой», 1920, «Похвала праздности», 1922, «Поэты и поэтессы», 1922) не могла оставаться незамеченной. Сборник «Поэты и поэтессы» [Айхенвальд 1922] включал очерки, посвященные А. Блоку, Гумилеву, А. Ахматовой, М. Шагинян. Именно этот сборник явился непосредственным поводом для выступления в «Правде» Л.Д. Троцкого. В газете (редактором «Правды» тогда был Н.И. Бухарин) за подписью «О» появилась статья с характерным названием «Диктатура, где твой хлыст?» Негодование Троцкого, председателя Реввоенсовета и члена Политбюро, вызвала героизация расстрелянного в прошлом году Гумилева, которого Айхенвальд назвал «художником-дворянином», «последним из конквистадоров», «поэтом-рагником», «с душой викинга», который предвидел свою трагическую гибель. Опытный полемист Троцкий по этому поводу писал: «...Айхенвальд с безраздельным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб». Троцкий удивлен, что подобная книга могла увидеть свет в Советской России, «на территории пролетарской диктатуры» [Троцкий 1922].

Статья Троцкого послужила сигналом не только к «наказанию» отдельно взятого литератора, но и к на-

чалу широкой кампании по подготовке к высылке враждебной советской власти интеллигенции: «У диктатуры, – продолжает Троцкий, – не нашлось в свое время для подколенного эстета – он не один – свободного удара хотя бы древком копья. Но у нее, у диктатуры, есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора заставить айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежат по праву – со всей своей эстетикой и со своей религией» [Троцкий].

Дальнейшие события в жизни Айхенвальда можно восстановить по рассекреченным документам ВЧК–ГПУ [Высылка вместо расстрела]. Оказавшись во внутренней тюрьме на Лубянке, 18 июля 1922 г. он обратился в Коллегию ГПУ с письменной просьбой освободить его на поруки. Однако вечером того же дня Айхенвальду объявили решение о высылке в «административном порядке» за границу.

Берлин начала 1920-х гг. называли «литературной столицей» русского зарубежья. Здесь обосновались многие писатели, работали научные организации, процветало издательское дело, о чем свидетельствуют приводимые исследователями данные [Урбан: 18–19]. Оказавшись в культурной атмосфере русского Берлина, Айхенвальд с головой погружается в привычную для него общественную, литературную и преподавательскую деятельность: участвует в работе эмигрантских организаций и обществ, сотрудничает в критико-библиографическом журнале «Новая русская книга». Однако главным занятием Айхенвальда в Берлине всегда оставалась работа в литературном отделе ежедневной газеты «Руль» (1920–1931), которая в те годы считалась одной из наиболее влиятельных в эмиграции. Сотрудничеством в «Руле» не исчерпывалось участие Айхенвальда в эмигрантской печати. Так, с 1925 по 1927 г. в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк), в которой он сотрудничал в качестве литературного обозревателя, появились статьи о Пушкине, Достоевском, Л. Толстом, критические этюды о современных писателях, заметки о праздновании 140-летия Жуковского, репортаж о деятельности русского землячества в Берлине.

Имя Пушкина имело для эмиграции символическое значение – в нем, как и в русской культуре, она видела важное объединяющее начало. Как символ национального возрождения воспринимался и Петр Великий. Так, в статье «Петр и Пушкин», характерной для позднего творчества Айхенвальда с его тяготением к историческим обобщениям, говорилось, что Петр «...на троне вечный был работник, как на троне поэзии работником был сам Пушкин... Вероятно, творец “Полтавы” в творце Петербурга видел родственную себе художественную силу» [Айхенвальд 1925]. Сравнивая две яркие личности, критик обратил внимание на то, что Пушкин рисует Петра не только в челове-

ском облике. По его мнению, Пушкин уподобляет Петра кентавру, чем особенно подчеркивает грубую чувственность, на борьбу с которой встали природа (Нева) и «маленький» человек Евгений. Он обращает внимание на то, что «... мимолетное приключение истории было бы забыто, если бы не участливый рассказ поэта и если бы через сто лет после наводнения 1824 года не произошли бы такие события, в силу которых исчезло имя Петрограда и посрамлено было пророческое пожелание Пушкина: “Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия...”» [Айхенвальд 1925]. Совпадение цифр для Айхенвальда имеет символическое значение: в 1924 г., то есть ровно через сто лет, Петроград был переименован в Ленинград.

Тенденция к проведению политических параллелей еще более усиливается после 1925 г. Трагические и обличительные ноты отчетливо звучат в оценке Достоевского и революции: «Если бы Достоевский мог увидеть ныне свою родину, он не только испытал бы безмерный ужас перед разыгрывающимся на ее окровавленной сцене, по его собственному выражению, “дьяволовым водевилем”, но и должен был бы сокрушенно поникнуть своей повинной головой перед Западом» [Айхенвальд, 1927а].

Особую роль Айхенвальд сыграл в писательской судьбе Набокова-Сирина, с которым его связывала близкая дружба. Для молодого писателя были очень важны рецензии, которые Айхенвальд печатал в «Руле», – именно он первым высоко оценил в «Литературных заметках» «Машеньку», вобравшую в себя сцены эмигрантской жизни: «Только что вышедший роман В. Сирина “Машенька” – яркое явление нашей литературы. <...> И вообще от всего реального идут веяния мистические. В этом отношении так характерно изображение огромного города. У Сирина – чувство Берлина» [Айхенвальд, 1926].

Айхенвальд внимательно следил за развитием советской литературы. Так, после выхода в Париже «Белой гвардии» (1927) М.А. Булгакова он писал: «Это – произведение ярко талантливое, оставляющее после себя глубокий след впечатления. Роман сделан очень искусно, легка его постройка, и как прихотливо ни разбросаны его части, прерываясь одна другой, все-таки они собираются сами собою в одно внутреннее целое, и зигзаги писательского каприза не раздражают читателя, а удовлетворяют» [Айхенвальд, 1927б]. Для автора вполне очевидно, что в теме Гражданской войны дистанцироваться от политики невозможно. Айхенвальд отмечает отражение символов разоренного дома и русского лихолетья в следующих деталях: «Город» (с большой буквы) в «белой одежде» снега – «давно уже начало мести с севера»; «сады безмолвные»; символизирующие жилище «абажур и стенные часы»; «трехсаженный крест в руке у чуждого Владимира». О многозначной символике

Булгакова впоследствии писали многие авторы, однако Айхенвальд в этом был, без сомнения, первым. Называя книгу Булгакова «эпопеей», Айхенвальд видит в ней яркое отражение эпохи, исторических событий и материал, интересный не только обычному читателю, но и историку, который изучает события 1918 г., – «гетманщину и ее падение» [Айхенвальд, 1927б].

Мемуаристы неизменно выделяли одни и те же черты Айхенвальда – плохое зрение и постоянную погруженность в собственные мысли, что и сыграло свою роковую роль 17 декабря 1928 г. Ночью на плохо освещенном берлинском перекрестке произошел трагический случай. Сойдя на трамвайной остановке, полуслепой человек был сбит трамваем, который шел в противоположном направлении. «Машина убила в голову, убила стража на верном его посту», – скажет об этом И.С. Шмелев [Шмелев]. Получив тяжелейшую травму и не придя в сознание, Айхенвальд под утро скончался. В ту ночь он возвращался от Набоковых, устроивших на своей квартире вечеринку, во время которой был как никогда оживлен и весел... [Бойд Брайан: 132]. «Для меня, для многих, близко знавших его, – писал Набоков в “Руле”, – он сегодня так же жив, как и в ту субботу, за полчаса до несчастья, когда запирая парадную дверь, я видел сквозь стекло его удаляющуюся сутуловатую спину. <...> Он ушел к себе домой поздно ночью, шел занятый своими мыслями, течение и суть которых никто, никто не может узнать. И с площадки трамвая только вагоновожатый да случайный немецкий студент одни видели, как сутулый человек доверчиво шагнул на рельсы» [Набоков-Сирин].

В 1929 г. Набоков сочинил сентиментальное стихотворение «На смерть Ю.И. Айхенвальда», посвященное комнате, «где жил писатель нищий» и звучал «голос муз»:

Перешел ты в новое жилище,
И другому отдадут на днях
Комнату, где жил писатель нищий,
Иностранец с книгою в руках

[Morris: 144].

В «Других берегах» Набоков напишет об Айхенвальде: «Душевную приязнь, чувство душевного удобства возбуждали во мне очень немногие из моих собратьев. <...> Я хорошо знал Айхенвальда, человека мягкой души и твердых правил, которого я уважал, как критика, терзавшего Брюсовых и Горьких в прошлом» [Набоков: 64].

Несомненно, Айхенвальд внес значительный вклад в развитие литературной критики зарубежья, став одной из ее наиболее ярких фигур. Его место в литературном отделе «Руля» занял русский пражанин А.Л. Бем, который в 1931 г. писал об эмигрантской критике: «В сущности, после смерти Ю. Айхенвальда, который и в эмиграции – это признал за ним

и Мих. Осоргин – остался верен лучшим традициям русской “настоящей” критики, не осталось почти ни одного критика по призванию. Несколько новых имен, появившихся за годы эмиграции, как-то недостаточно себя утвердили» [Бем].

Список литературы

Айхенвальд Ю.И. Иго имущества. М.: Кошница, 1917а. 45 с.

Айхенвальд Ю.И. Свобода слова. М.: Народное право, 1917б. 16 с.

Айхенвальд Ю.И. Наша революция. Ее вожди и ведомые. М.: Революция и культура, 1918. 132 с.

Айхенвальд Ю.И. Петр и Пушкин // Новое русское слово. 1925. 15 мар.

Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1926. 31 мар.

Айхенвальд Ю.И. Петр и Пушкин // Новое русское слово. 1927а. 21 авг.

Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1927б. 2 нояб.

Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Кн. 1. 591 с.

Бем А.Л. О критике и критиках: (статья вторая) // Руль. 1931. 6 мая.

Бойд Брайан. Владимир Набоков: русские годы. СПб: Симпозиум, 2010. 696 с.

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ / сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. 544 с.

Гольденвейзер А.А. Ю.И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923 [Рец.] // Руль. 1923. 25 нояб.

Зайцев Борис. Москва. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 161 с.

Набоков В.В. Другие берега. [Repr.]. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1978. 268 с.

Набоков-Сурин В. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Руль. 1928. 23 дек.

О. [Троцкий Л.Д.] Диктатура, где твой хлыст? // Правда. 1922. 2 июня.

Урбан Томас. Набоков в Берлине. М.: Аграф, 2004. 240 с.

Шмелев И.С. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Руль. 1928. 23 дек.

Morris Paul D. Vladimir Nabokov. Poetry and the Lyric Voice. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press, 2010, 474 p.

References

Aikhental'd Iu.I. *Igo imushchestva* [Yoke of property]. Moscow, Koshnitsa Publ., 1917a, 45 p. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Svoboda slova* [Freedom of speech]. Moscow, Narodnoe pravo Publ., 1917b, 16 p. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Nasha revoliutsiia. Ee vozhd i vedomye* [Our revolution. Its leaders and followers]. Moscow, Revoliutsiia i kul'tura Publ., 1918, 132 p. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Petr i Pushkin* [Peter and Pushkin]. *Novoe russkoe slovo* [New Russian word], 1925, 15 March. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Literaturnye zametki* [Literary notes]. *Rul'* [Helm], 1926, 31 March. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Petr i Pushkin* [Peter and Pushkin]. *Novoe russkoe slovo* [New Russian word], 1927a, 21 August. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Literaturnye zametki* [Literary notes]. *Rul'* [Helm], 1927b, 2 November. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers. Vol. 1]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., issue 1, 2017, 591 p. (In Russ.)

Bem A.L. *O kritike i kritikakh (Stat'ia vtoraiia)* [About criticism and critics. Article 2]. *Rul'* [Helm], 1931, 6 May. (In Russ.)

Boid Braian. *Vladimir Nabokov: russkie gody* [Vladimir Nabokov: The Russian years]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010, 696 p. (In Russ.)

Vysylka vmesto rasstrelya: Deportatsiia intelligentsii v dokumentakh VChK–GPU [Expulsion instead of shooting: deportation of the intelligentsia in the documents of the VChK–GPU], comp. by V.G. Makarova, V.S. Khristoforova, 1921–1923. Moscow, Russkii put' Publ., 2005, 544 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.A. *Iu.I. Aikhental'd. Siluety russkikh pisatelei* [Yu.I. Eichenwal'd. Silhouettes of Russian writers]: rev. *Rul'* [Helm], 1923, 25 November. (In Russ.)

Zaitsev Boris. *Moskva* [Moscow]. München, TsOPE Publ., 1960, 161 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Drugie berega* [Other shores]: repr. Ann Arbor (Mich.), Ardis Publ., 1978, 268 p. (In Russ.)

Nabokov-Sirin V. *Pamiati Iu.I. Aikhental'da* [In memory of Yu.I. Aichenwal'd]. *Rul'* [Helm], 1928, 23 December. (In Russ.)

O. <Trotsky L.D.> *Diktatura, gde tvoi khlyst?* [Dictatorship, where is your whip?]. *Pravda* [Truth], 1922, 2 June. (In Russ.)

Urban Tomas. *Nabokov v Berline* [Nabokov in Berlin]. Moscow, Agraf Publ., 2004, 240 p. (In Russ.)

Shmel'ev I.S. *Pamiati Iu.I. Aikhental'da*. [In memory of Iu.I. Aikhental'd] *Rul'* [Helm], 1928, 23 December (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 141–146. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 141–146. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

EDN EWIWOA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-141-146>

ОСМЫСЛЕНИЕ А. БЛОКОМ ПРИНЦИПОВ РОМАНТИЗМА В ПЕРИОД РАБОТЫ В БОЛЬШОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ (1919–1921)

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Аннотация. В статье поднимается вопрос об участии А. Блока в создании репертуара для Большого драматического театра в период с 1919 по 1921 гг., теоретической основой которого становятся идеи возрождения классики и возвращения к романтизму. В процессе работы поэт приходит к расширению категории романтизма, утверждая идею его вневременности. В результате весь репертуар Большого драматического театра обретал единую систему, цель которой состояла в предоставлении зрителю возможности посмотреть на классику новыми глазами в свете революции 1917 г., когда происходила ломка ценностей и закладывались новые принципы искусства. Блок хотел внести свой вклад в обновленную систему приоритетов, выдвигая на первый план своего романтического героя – революционера, человека с чистой, доброй душой, который стремится создать справедливое общество, построенное на принципах добра, в основе которого будут лежать вечные ценности в виде классики.

Ключевые слова: А. Блок, романтизм, Большой драматический театр, герой-романтик, романтические категории, созидательная ирония.

Для цитирования: Королева В.В. Осмысление А. Блоком принципов романтизма в период работы в большом драматическом театре (1919–1921) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 141–146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-141-146>

Research Article

A. BLOK'S COMPREHENSION OF THE PRINCIPLES OF ROMANTICISM DURING HIS WORK AT THE BOLSHOI DRAMA THEATER (1919–1921)

Vera V. Koroleva, Doctor of Philological Sciences, Vladimir state University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Annotation. The article raises the issue of Alexander Blok's participation in the creation of the repertoire for Petrograd's Bolshoi Drama Theatre in the period from 1919 to 1921, the theoretical basis of which includes the idea of reviving the classics and returning to romanticism. In the process of work, the poet came to expand the category of romanticism, asserting the idea of its timelessness. As a result, the entire repertoire of the Bolshoi Drama Theatre acquired a single system, the purpose of which was to provide the viewer with the opportunity to look at the classics with new eyes in the light of the 1917 Revolution; then values were being breaking down and new principles of art, laid. Alexander Blok wanted to contribute to the updated system of priorities, highlighting his romantic hero – a revolutionary, a human with a pure, kind soul eager to create a just society built on the principles of goodness, which would be based on eternal values in the form of classics.

Keywords: Alexander Blok, romanticism, Bolshoi Drama Theatre, romantic hero, romantic categories, creative irony.

For citation: Koroleva V.V. A. Blok's comprehension of the principles of Romanticism during his work at the Bolshoi Drama Theater (1919–1921). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 141–146 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-141-146>

В 1918 г., в переходную эпоху, когда встает вопрос о дальнейшем пути развития русской культуры, о создании идеала для человека новой эпохи, при поддержке М. Горького и А.В. Луначарского был основан Большой драматический театр. В качестве главного идеолога и руководителя театра был приглашен А. Блок.

Перед руководством Большого драматического театра в первую очередь встает задача разработки тематической и идейной направленности театра, ориентируясь на пролетарского зрителя. Одновременно поднимается вопрос о необходимости сохранения классики, которая должна быть показана сквозь призму нового времени. Эти размышления нашли отражение в первом номере журнала «Дела и дни Большого Драматического Театра», вышедшего в сентябре 1919 года, где М. Горький, А.В. Луначарский, Е. Замятин, А. Блок и др. обсуждают мысль о создании «театра революции», «который бы поставил целью своей идеализацию личности, возрождал бы романтизм, поэтически раскрашивал бы человека» [Дела и дни: 1, 7–8].

М.Ф. Андреева, комиссар по делам театров, благодаря декрету которой и был утвержден Большой драматический театр, в качестве основной задачи этого театра видит «возрождение классики драматического искусства: классической трагедии, высокой комедии и романтической драмы» [Дела и дни: 1, 37–88]. М. Горький в основу концепции театра предлагает заложить идею возрождения романтизма: «В наше время необходим театр героический, театр, который поставил бы целью своей идеализацию личности, возрождал бы романтизм, поэтически раскрывал бы человека» [Дела и дни: 1, 7]. Этой позиции придерживается и А. Блок, который считает, что именно романтизму предначертано стать живительной властью и животворящим духом в процессе формирования новой русской культуры, как это уже было много раз в процессе исторического развития человечества. В письме к М.Ф. Андреевой от 24 сентября 1919 г. Блок пишет: «Я все больше думаю о том, что нам надо резко повернуть. Пока государство идет навстречу, надо успеть заразить толпу (и трупы в том числе) истинно высоким; в этом направлении мы никогда не зайдем слишком далеко» [Блок 8: 522]. Он полагает, что «современная душа, истерзанная чудовищной раздвоенностью жизни, требует цельности» [Блок 8: 348], которую ей может дать только высокое – классика.

А. Блок осознает всю сложность эпохи, в которую приходится творить. В его заметках звучат опасения за судьбу России, о чем он косвенно пытается предостеречь свое поколение: «Были, однако, времена и страны, где люди долго не могли помириться и друг друга истребляли. Тогда дело кончалось хуже,

чем началось. Такие страны, где не видно было конца братоубийственной бойне, где люди все разрушали да грабили, вместо того чтобы начинать строить и беречь, – эти страны теряли свою силу, они становились слабыми и нищими, и тогда их голыми руками забирали соседи, кто посильней» [Блок 4: 378].

Блок, ранее увлекавшийся театральными экспериментами («Балаганчик», «Незнакомка» и др.), в последние годы изменил свое отношение к ним. Он считает эксперименты временным этапом в процессе поиска новизны, а классику – вечной и незыблемой. В качестве примера Блок приводит творчество В.Э. Мейерхольда: «Мейерхольд лично – большой художник, и *его* эти мысли не развратят, они для него лично – плодотворны. Но окружающих его эти мысли иногда, как мне казалось, развращали. И вот почему случалось, что в “исканиях” своих он частью достигал блестящих результатов, но в другой части – нередко срывался и падал очень низко в смысле достижений театральных» [Блок 6: 399–400]. Поэт полагает, что путь экспериментов – опасен, в нем есть «некая “ненасытность”, которая уводит автора все дальше и дальше, результатом чего становится абсурд» [Блок 6: 400].

Блок придерживается мысли, что искания и бездумное отрицание классики, которое было популярно в начале XX в., привело к потере вечных ценностей, взамен которым новаторы так и не смогли предложить ничего более целостного и музыкального. В свою очередь, Блок считает романтиков мастерами музыки, а значит и поэтического искусства: «они знали цену стихам, и певучие потоки слов служили для них могучим средством воздействия, часто сообщали совершенно новое содержание тем мыслям, которые в эти стихи заключены» [Блок 8: 355].

Блок в последние годы жизни пытается осмыслить романтизм по-новому, о чем свидетельствуют его рассуждения о романтизме в этот период в статьях «Крушение гуманизма» (1919), «Гейне в России» (1919), «Об иудаизме у Гейне» (1919), «О романтизме» (1919) и др. И, несмотря на то, что поэт делает это, по словам исследователя В.И. Гусева, «в свободной, “художественной” форме» [Гусев: 298], его взгляды на искусство, на романтизм представляют собой ясную концепцию. П. Коган определяет блоковский романтизм как «новый романтизм»: «Блок – романтик, усвоивший все заветы романтизма и его трансцендентальную иронию... Но его романтизм – новый романтизм... Его мечта сохранила черты старой романтической мечты. Она охватывает универсум» [Коган 3: 143].

Важную роль в формировании блоковской интерпретации романтизма сыграло раннее исследование В.М. Жирмунского, посвященное немецким романтикам [Жирмунский]. Кроме того, в период

работы в театре Блок редактирует собрание сочинений Г. Гейне, в которое планирует включить статью В.М. Жирмунского «Гейне и романтизм». По мнению А.Б. Блюмбаума, «В концепции романтизма, обнаруженной поэтом в ранних работах В.М. Жирмунского, Блок, по всей видимости, опознавал “свою” точку зрения, где поэзии отводилась ключевая роль той “музыкальной” инстанции, которая воплощает прософическую открытость “ноуменальному” и которая “спасет природу”, вернув мистическое начало в мир, “расколдованный” “обывательской” и “беззвездной” “цивилизацией” XIX века» [Блюмбаум: 82].

Блок придерживается позиции, что романтизм существовал всегда, ибо он был важным звеном, связывающим человека со стихией, поэтому следы романтизма можно увидеть в каждом произведении в любую эпоху: романтизм – «один из этапов того движения, которое возникло и возникает во все эпохи человеческой жизни. Мы уже имеем право теперь говорить о романтизме мировом как об одном из главных двигателей жизни и искусства в Европе и за пределами ее во все времена, начиная с первобытных» [Блок 6: 366].

В процессе работы в театре в 1919 г., Блок выстраивает свою концепцию театра, которая строится на идее вечности романтизма и красной нитью проходит через цикл его статей и речей для Большого драматического театра. В обращении к новому сезону Блок провозглашает главный принцип театра – возвращение к старому классицистическому и романтическому искусству. По его мнению, прежде чем создать новое искусство, нужно классике свершить еще много дел [Блок 6: 347]. В письме к М.Ф. Андреевой от 24 сентября 1919 г. пишет: «О себе хочу Вам сказать, что я с большим волнением готовлюсь поговорить с нашими актерами о романтизме (меня об этом просили Лаврентьев, Мичурин и еще некоторые) – «Рваный плащ», чем больше я думаю о нем как о пьесе, все более представляется мне не нашим, ненужным для нас, может быть, даже вредным для труппы романтического театра» [Блок 8: 345].

Статья «О романтизме» является ключевой в понимании Блоком романтизма. Блок утверждает, что романтизм зачастую понимался неверно, тем самым сформировались неправильные стереотипы о том, что романтизм стремится увести читателя от реальности. Он считает, что «подлинный романтизм не был отрешением от жизни; он был, наоборот, преисполнен жадным стремлением к жизни, которая открылась ему в свете нового и глубокого Чувства» [Блок 6: 363].

По мнению Блока, романтики «не отвергли и разум; они лишь отличили разум от рассудка и признали, что и в разуме заложена метафизическая потребность, сила стремления» [Блок 6: 364]. «Романтизм – условное обозначение шестого чувства, если мы возьмем

это слово в его незапыленном, чистом виде. Романтизм есть не что иное, как способ устроить, организовать человека, носителя культуры, на новую связь со стихией». Блок называет романтизм «оживляющим духом, который струится под всякой застывающей формой и в конце концов взрывается» [Блок 6: 365]. Поэт утверждает присутствие этого духа во все времена и в любом стиле, даже в классике и реализме: «истинный реализм, реализм великий, реализм большого стиля, составляет самое сердце романтизма» [Блок 6: 365].

Блок, исходя из заложенной идеи театра, вместе с коллегами тщательно отбирал пьесы для постановки. В письме к М.Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 г. Блок так комментирует свой замысел: «Вот и весь репертуар – восемь пьес; чертеж этого репертуара такой: середина – неподвижный центр – Шекспир, вечное, общечеловеческое (в этом центре “Виндзорские кумушки”, которых едва ли удастся поднять, заменяются “Алексеем” – тоже не современное, а общечеловеческое). Одна стрелка – Шиллер и Гюго, другая – Ибсен, Сем-Бенелли и Левберг. Все это вместе – хороший волевой напор, хороший таран» [Блок 8: 446].

В начале мая репертуар был разработан, и 19 мая Блок произнес первую свою речь к актерам о репертуарном плане предстоящего сезона. В этот план вошли следующие семь пьес: Ф. Шиллер «Дон Карлос», У. Шекспир «Макбет». У. Шекспир «Много шума из ничего», А. Иернефельд «Разрушитель Иерусалима», М. Левберг «Дантон», Ф. Шиллер «Разбойники», С. Бенелли «Рваный плащ».

В этой репертуарной схеме, по мнению Блока, есть известная стройность. Его исходная точка – Шекспир, «без которого не имеет право обойтись до сих пор ни один театр с большим заданием» [Блок 6: 354]. Начинаясь Шекспиром, репертуар разветвляется в двух направлениях: в сторону высокого романтизма. Сюда относятся драмы Шиллера «Разбойники» и «Орлеанская дева», а также уже поставленная пьеса «Дон Карлос» и В. Гюго «Эрнани». Другое направление – это новые пьесы «Рваный плащ» С. Бенелли и «Дантон» М. Левберг, в которых история только «фата, прихотливо накинутая на то, что мы ощущаем, как свое, как близкое нам» [Блок 6: 354]. Рассказывая актерам о репертуарных предположениях, Блок одновременно рисует им те задачи, какие они должны осуществить, работая над произведениями высокого романтизма и над пьесами, сочетающими историю и современность.

Сезон 1920 г. продолжает логику театра, заложенную в его основе, поэтому новые пьесы, введенные в репертуар, являются образцами классического искусства: «Отелло», «Король Лир» и «Венецианский купец» У. Шекспира, «Царевич Алексей» Д. Мережковского. В 1921 г. были предложены для постановки

еще несколько великих произведений: «Синяя птица» М. Метерлинка, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, «Рюю Блаз» В. Гюго, «Лекарь поневоле» и «Смехотворные престелницы» Ж.-Б. Мольера.

Блок поясняет, что выбор произведений был не случаен. Поэт тонко улавливает проблемы новой эпохи и стремится их донести до зрителя романтическими оппозициями: «добро» и «зло» (Ф. Шиллер «Разбойники»), «сухое» (бесчувственное) – «мокрое» (духовное) «светлое – темное», «легкое – тяжелое» и др. (Шекспир «Король Лир»), «правда» – «ложь» (Ф. Шиллер «Дон Карлос»), «реальность» – «мечта» (Метерлинк «Синяя птица»), «верность» – «предательство» (Ф. Шиллер «Дон Карлос»), «гармония» – «хаос» (Шекспир «Отелло»).

В своих статьях и речах для Большого драматического театра Блок выделяет ряд произведений из репертуара, на которых поясняет идеи, которые он планирует донести до зрителей. В каждой пьесе Блок подмечает романтические черты, которые, по его мнению, делают это произведение жизненным во все времена и особенно актуальным для России в революционную эпоху, так как в романтизме живет мятежный дух: «Знаменательно, что имя “романтизм” было произнесено именно тогда, когда стихия впервые в новой истории проявилась по-новому в духе народного мятежа; новая стихия дохнула со страшной силой во французской революции, наполнив Европу трепетом и чувством неблагополучия» [Блок 6: 366].

Например, во вступлении к спектаклю «Дон Карлос» Блок отмечает романтическое противопоставление добра и зла в мире: «Ложь и зло сами себя губят, за всякое злое деяние человек рано или поздно получит возмездие. Рядом с этим злом и ложью – каким радостным светом сияют добро и правда!» [Блок 6: 375].

Центральную часть репертуара составляют классические трагедии Шекспира, которые Блок призывает также трактовать сквозь призму романтизма. Так, в постановке трагедии «Отелло» он отказывается от натуралистического подхода, утверждая подход романтический [Блок 6: 386]. Поэт рассматривает Дездемону не просто как возлюбленную Отелло, а как его собственную душу, поэтому, обретая Дездемону, Отелло находит себя: «она – сама добродетель, она сама и есть та несказанная сущность, которая снизошла на мавра. Дездемона – это гармония, Дездемона – это душа, а душа не может не спасать хаоса» [Блок 6: 388]. В связи с этим поэт предлагает видеть Отелло «окруженным сиянием, пронизанным, светящимся изнутри каким-то необыкновенным светом» [Блок 6: 388]. Именно эту душу – Вечную Женственность – искали романтики и сам Блок.

В трагедии У. Шекспира «Король Лир» поэт не стремится поставить «зрителя над бездной ужасов,

злодеяний и горя», он предлагает акцентировать внимание на пороках общества, которое стало «сухим», «горьким», «беспощадным», «жестоким», чтобы призвать его искать «другой жизни, более совершенной» [Блок 6, 402–403]. Блок делит героев трагедии с помощью оппозиций, которые помогают ему более глубоко выразить противостояние героев и чувства, которыми охвачены герои: «светлый» – «темный», «легкий» – «тяжелый», «сухой» – «влажный», «мягкий» – «жесткий», «добрый» – «злой», «старый» – «молодой», «сладкий» – «горький».

Одной из задач современного классического театра было также создание нового героя-революционера, который вершит справедливость в мире, а не бесчинства. Блок считает, что такой герой в действительности уже давно был придуман романтической литературой, но воспринимался как забытый, и потому был недооцененным. Блок дает в качестве примера героя-революционера маркиза Позу из пьесы Шиллера «Дон Карлос» – честного благородного человека, настоящего героя-романтика, который стремится, чтобы все человечество жило счастливо, но зло не дает этому осуществиться. В пьесе «Разбойники» Блок выделяет образ Карла Моора – это честный человек, стремящийся защищать слабых и угнетенных. «Карл Моор – великое сердце и возвышенная душа. Он – революционер-мечтатель. Он чувствует неизгладимое противоречие между законом и свободой и во имя высокого стремления облагодетельствовать человечество утверждает сам для себя свое право нарушить закон и провозгласить свободу, потому что мир – гнусен, люди – жалки и ничтожны, лишены дерзости и воли и забыли природу» [Блок 6: 377]. Поэт также отмечает в романтических произведениях идею, актуальную для современного общества – ответственности за все человечество, «всемирное чувство, чувство как бы круговой поруки всего человечества» [Блок 6: 370].

Включая пьесу Л. Левберга «Дантон» в репертуар театра, Блок дает зрителям возможность задуматься над судьбой вершителей истории: «Во все времена человеческой истории, когда народ чувствовал особенный гнет над собою, появлялись революционные вожди. Мозгами этих вождей управлялось государство в минуту, когда народные руки совершали революцию. Жизнь вождаков всегда была полна тревог и бурь; судьба безжалостно трепала их, вознося на большую высоту, а потом иногда обрекала их на гибель» [Блок 4: 380].

Важной частью репертуара становятся комедии У. Шекспира, К. Гольдони и Ж.-Б. Мольера. По мнению Блока, они необходимы, чтобы через смех и слезы очистить свою душу: «Когда такой гениальный писатель открывает передо мной всю душу человеческую, я вижу все самые темные и грязные углы в этой

душе и все самые чистые и светлые ее комнаты. Тогда мне хочется плакать и смеяться. А ведь и то и другое – и смех и слезы – очищает мою Душу» [Блок 6: 379].

Идея восприятия смеха, иронии в качестве очищения восходит к немецкому романтизму. Ф. Шлегель писал об иронии: «В ней все должно быть шуткой и все всерьез, все чистосердечно откровенным и все глубоко сокрытым. Она возникает, когда соединяются понимание искусства жизни и научный дух, совпадают законченная философия природы и законченная философия искусства. Она самая свободная из всех вольностей, ибо благодаря ей можно возвыситься над самим собой, и в то же время самая закономерная, ибо она безусловно необходима» [Шлегель: 287].

Многогранность иронии утверждал и К. Зольгер: «В юморе все текуче, противоположности здесь повсюду переходят друг в друга, как в мире простых явлений. Ничто не бывает только комично или смешно без того, чтобы некая примесь достоинства и возвышенности не придавала ему оттенка печали... Предметом юмора может быть не только конечное, но и сама божественная идея, которая посредством юмора очищается и, как феникс, возрождается снова, только в более возвышенном и чистом виде» [Зольгер: 372].

Блок в своем творчестве различал позитивную, созидательную иронию, восходящую к романтической иронии, теоретически разработанной и творчески освоенной братьями Шлегелями, Зольгером, Новалисом и др., и разрушительную иронию, переходящую в злой сарказм, восходящую к Г. Гейне. Иронию гейневского типа поэт называл «болезнью века» и признавал ее неизлечимость: «Самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”» [Блок 5: 345].

Блок во многом воспринял свою созидательную иронию, а также приемы гротеска от Гофмана, в творчестве которого ирония и гротеск были не только яркими выразительными средствами, но несли содержательную нагрузку [Королева]. В период работы над репертуаром для Большого драматического театра Блок утверждает важность созидательной иронии, которая бы обновляла и перерождала общество.

В общей концепции романтического театра Блок поднимает также проблему роли поэта в формировании идеалов нового общества. Этот вопрос является ключевым в пьесе С. Бенелли «Рваный плащ», где Блок дает публике идеал современно поэта, который должен не забывать о своем предназначении: «Писатель больше всех должен тревожиться и волноваться: он волнуется за многих людей, он бунтует для многих. Но вот он прославился, вот его засыпали деньгами; он собой доволен, а душа в нем умерла; ему мало дела до природы и до людей; книги заслонили от него жизнь» [Блок 6: 382].

Большая заслуга в возрождении романтизма в XX веке, по мнению Блока, принадлежит М. Метерлинку, который установил тесную литературную связь между ранними романтиками начала XIX в. и символистами конца века. Блок отмечает интерес Метерлинка к творчеству Новалиса и проводит параллель между «голубым» цветком и «синей» птицей, которые, по сути, являются романтическими символами, говорящими о недостижимом. В итоге своих размышлений Блок определяет пьесу-сказку «Синяя птица» М. Метерлинка как символическую, или неоромантическую.

«В речи к актерам при закрытии сезона» Блок вновь возвращается к вопросу, почему романтизм более актуален на данном этапе и дает ответ: он отражает мучительное противоречие для любого художника: «противоречие между искусством и жизнью, между мечтой и действительностью» [Блок 6: 396]. Несмотря на идею вневременности романтизма, Блок полагает, что «настоящей традиции в европейском театре до сих пор не существует: «Романтический театр возникает то там, то здесь и уступает свое место другому, не накопив полного опыта. Следовательно, артистам, посвящающим себя романтическому театру, во многом как бы приходится начинать сначала» [Блок 6: 370]. Чтобы создать в театре романтическую традицию, Блок призывает собрать «разрозненные куски прежнего опыта, что должно быть одним из важных предметов занятий в той студии, о которой мы думаем» [Блок 6: 370].

Таким образом, Блок к выбору репертуара Большого драматического театра подходит очень серьезно, все произведения содержат какую-либо мысль, в высшей степени важную для современности. Отобранные пьесы как бы выстраиваются в единый цикл, объединенный общей идеей и определенным типом героев. Блок выбирает для постановки такие пьесы, в которых проявляются те или иные черты романтизма. В результате весь репертуар имеет единую систему, цель которой – дать зрителю возможность посмотреть на классику новыми глазами в свете Революции 1917 г., когда происходила ломка ценностей и закладывались новые принципы искусства. Блок хотел внести свой вклад в обновленную систему ценностей, выдвигая на первый план своего романтического героя – революционера, человека с чистой, доброй душой, который стремится создать справедливое общество, построенное на принципах добра, в основе которого будут лежать вечные ценности в виде классики.

Список литературы

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1961–1963.

Блюмбаум А.Б. Поздний Блок и немецкий романтизм: «Спасение природы» // Блоковский сборник XIX.

Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2015. С. 56–85.

Гусев В.И. Концепция романтизма в статьях А. Блока // Литературные направления и стили. М.: МГУ, 1976. С. 298–310.

Дела и дни большого драматического театра. Л.: Academia, 1919–1926. Т. 1. 67 с.

Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. Тов-ва А.С. Суворина «Новое Время», 1914. 207 с.

Зольгер К.-В.-Ф. Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М.: Искусство, 1978. 432 с.

Коган П.С. Очерки по истории новейшей русской литературы. М.: Тип. Общественная польза, 1910. Т. 3, вып. 2. 161 с.

Королева В.В. А. Блок и Э.Т.А. Гофман (традиции романтизма в символистской поэтике): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 233 с.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.

References

Blok A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1961–1963. (In Russ.)

Bliumbaum A.B. *Pozdnii Blok i nemetskii romantizm: "Spasenie prirody"* [Late Blok and German Romanticism: "Saving Nature"]. *Blokovskii sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaia literatura Serebriianogo veka* [Blok's collection XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]. Tartu, Izd-vo Tartuskogo universiteta Publ., 2015, pp. 56–85. (In Russ.)

Gusev V.I. *Kontseptsiiia romantizma v stat'iakh A. Bloka* [The concept of romanticism in the articles

of A. Blok]. *Literaturnye napravleniia i stili* [Literary trends and styles]. Moscow, MGU Publ., 1976, pp. 298–310. (In Russ.)

Dela i dni bol'shogo dramaticheskogo teatra [Affairs and days of the big drama theatre]. Leningrad, Academia Publ., 1919–1926, vol. 1, 67 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M. *Nemetskii romantizm i sovremennaiia mistika* [German romanticism and modern mysticism]. St. Petersburg, Tip. Tovarishchestva A.S. Suvorina "Novoe Vremia" Publ., 1914, 207 p. (In Russ.)

Zol'ger K.-V.-F. Ervin. *Chetyre dialoga o prekrasnom i ob iskusstve* [Erwin. Four dialogues about beauty and art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, 432 p. (In Russ.)

Kogan P.S. *Ocherki po istorii noveishei russkoi literatury* [Essays on the history of modern Russian literature]. Moscow, Tip. Obshchestvennaia pol'za Publ., 1910, vol. 3, issue 2, 161 p. (In Russ.)

Koroleva V.V. A. Blok i E.T.A. Gofman (*traditsii romantizma v simvolistskoi poetike*): *dis. ... kand. filol. nauk* [A. Blok and E.T.A. Hoffmann (traditions of romanticism in symbolist poetics): PhD thesis]. Ivanovo, 2007, 233 p. (In Russ.)

Shlegel' F. *Estetika. Filosofiiia. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 1, 479 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ОБРАЗ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX–XX ВВ.

Абрамова Вероника Игоревна, кандидат филологических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, istinijobraz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Аннотация. Предметом исследования в данной статье становится образ Ф.М. Достоевского, созданный в произведениях русских поэтов XIX–XX вв. (К. Случевского, Д. Мережковского, В. Брюсова, А. Блока, Саши Черного, М. Волошина, Г. Иванова, В. Маяковского, Н. Асеева, П. Антокольского, Б. Слуцкого, М. Светлова, Е. Рейна, Е. Евтушенко и др.). Анализ лирических текстов, в которых упомянут писатель, позволил выделить важные для русской культуры аспекты восприятия его личности и творчества, рассмотреть фамилию Достоевский как лингвокультуру. Автор ставил перед собой цель проанализировать составляющие образа писателя, определить причину их возникновения, отделить стереотипное от индивидуального. В работе применяются интертекстуальный анализ, биографический, сравнительный, герменевтический, имагологический методы, метод сплошной выборки. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: образ Достоевского в русской лирике XIX–XX вв. включает в себя следующие элементы: аллюзии к произведениям, отсылки к биографии автора, включение писателя в ряд других отечественных литераторов и восприятие его в мировом контексте, общую характеристику творчества и стилевых особенностей. К специфическим чертам образа Достоевского в русской лирике относятся использование в качестве рифмы к фамилии писателя годонима Невский и эпитета «резкий». Также следует отметить, что фамилия Достоевский в некоторых контекстах выступает в роли качественного прилагательного, определяя свойства других образов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, образ, лирика, литературный контекст, петербургский текст, аллюзия, рецепция, стереотип.

Для цитирования: Абрамова В.И. Образ Ф.М. Достоевского в русской лирике XIX–XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 147–154. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-147-154>

Research Article

F.M. DOSTOEVSKY'S IMAGE IN THE RUSSIAN LYRICS OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Veronika I. Abramova, Candidate of Philological Sciences, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, istinijobraz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Abstract. The subject of research in this article includes Fyodor Dostoevsky's image created in works of Russian 19th – 20th century poets (Konstantin Sluchevsky, Dmitry Merezhkovsky, Valery Bryusov, Sasha Chorny, Max Voloshin, Georgy Ivanov, Vladimir Mayakovsky, Nikolai Aseyev, Pavel Antokolsky, Boris Slutsky, Mikhail A. Svetlov, Yevgeny Rein, Yevgeny Yevtushenko, etc.). The genius image has not been examined by scientists in the aforesaid contexts so far. This determines the novelty of this research. Analysis of lyric texts, in which Fyodor Dostoevsky is mentioned, has allowed to identify the aspects of perception of the writer's personality and works significant for the Russian culture, and to analyse the surname of Dostoevsky as a linguocultureme. The author set an aim to analyse the writer's image components, to reveal their causes, to separate the stereotypic from the individual. Intertextual analysis, biographic, comparative, hermeneutical, imagological methods and continuous sampling are used in the work. As a result of the research the author comes to the following conclusions; Fyodor Dostoevsky's image in the Russian lyrics of the 19th – 20th centuries includes the following elements: allusions to his works, references to the writer's biography, inclusion of Fyodor Dostoevsky into a number of other Russian writers and his perception in the worldwide context, general description of his creative work and stylistic features. Specific traits of Fyodor Dostoevsky's image in the Russian lyrics include usage of the hodonym Nevsky and epithet резкий (sharp, strongly-worded) as rhymes to the writer's surname. It is also noteworthy that Fyodor Dostoevsky's surname is used as a qualitative adjective in some contexts and describes properties of other images.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, image, lyrics, literary context, Saint Petersburg text, allusion, reception, stereotype.

For citation: Abramova V.I., Arkhangelskaya Yu.V. F.M. Dostoevsky's image in the Russian lyrics of the 19th – 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 147–154 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-147-154>

На рубеже XIX–XX вв., в смутное, переломное время, в русской культуре сложился ряд мифов о писателях, поэтах, художниках. Опора на мифологические модели была необходима в тот момент, когда старый мир разрушился на глазах, а новый только создавался. Одной из фигур, которые стали героями неомифов, является Ф.М. Достоевский.

«Достоевский миф» формировался в поэзии и прозе, мемуарной, критической и научной литературе. Образ писателя в литературной мифологии был амбивалентен: демоническая фигура, inferнальное существо, с одной стороны; святой, мученик, пророк, учитель, с другой. Поскольку «поэтическое сознание в особой степени нуждается в идеале» [Бондарев: 5], в русской лирике актуализировался образ Достоевского в его «положительной» ипостаси.

Обращаясь к вопросу о рецепции образов русских поэтов и писателей в отечественной лирике XIX–XX вв., ученые-филологи прежде всего интересовались фигурой А.С. Пушкина [Иезуитова; Шестакова и др.]. Среди исследований последних десятилетий можем отметить работу, в которой рассматривается образ Чехова в современной поэзии [Бондарев]. Автор данной статьи анализировал образы Л.Н. Толстого [Абрамова 2020], А.А. Фета [Абрамова 2021] и Н.А. Некрасова [Абрамова 2022] в русской лирике. Образ Ф.М. Достоевского был рассмотрен в ряде статей, посвященных разбору современных эпических произведений [Боева; Потехина; Трунин], казнь Достоевского, изображенную «в стихах и прозе», подробно проанализировал И. Волгин [Волгин]. Целью данной работы является характеристика образа Достоевского в русской лирике XIX–XX веков через определение элементов, составляющих этот образ.

Материалом исследования послужили поэтические тексты из Национального корпуса русского языка. В исследовании применяются интертекстуальный анализ, биографический, сравнительный, герменевтический, имагологический [Leerssen] методы, метод сплошной выборки.

Проведя анализ корпуса поэтических текстов, мы выделили следующие составляющие образа Достоевского:

1. Наиболее частотная рифма.

Рифмами на фамилию Достоевский чаще всего являются прилагательное «невский» и годоним Невский (проспект). Творчество Достоевского органично вписывается в петербургский текст русской литературы [Анциферов; Лотман; Топоров и др.], и фамилия писателя оказывается в лирике локально маркированной: «Когда гляжу на мрачный Невский, / На отуманенную даль, – / Твоих героев, Достоевский, / Припоминаю» [Д.С. Мережковский. «Анакреон, подняв свой кубок...» | Смерть (1890.06.00 – 1892.02.00), НКРЯ], «Под плоскогорьем Клодта Невский / И сквозь рябые

черныши / Дотянешься, как Достоевский, / До дна простуженной души?...» [Б.К. Лившиц. «Асфальтовая дрожь и пена...» | Фонтанка (1914), НКРЯ], «Город Змеи и Медного Всадника, / Пушкина город и Достоевского, / Ныне, вчера, / Вечно – единый, / От небоскребов до палисадника, / От островов до шумного Невского» [В.Я. Брюсов. «Город Змеи и Медного Всадника...» | К Петрограду (1916), НКРЯ], «Всем памятно о Достоевском: / Согбенно каторжным трудом, / Отторгнут набережной Невской» [Д.Д. Бурлюк. «Мы ведали «Сибирь»!.. Кеннана...» | Сибирь (1919), НКРЯ], «Ужели Пушкин, Достоевский, / Дворцов застывший плац-парад, / Нева Мильонная и Невский / Вам ничего не говорят?» [Н.Я. Аглицев. «Ужель в скитаниях по миру...» | Вдали от тебя, Петербург (2) (1921–1923), НКРЯ], «Кружит снежок над дымным Невским. / В трамвайных стеклах – пятна лиц. / Сосед, склонясь над Достоевским, / Разрезал лапой грань страниц» [Саша Черный. «Иван Ильич храпит в постели...» | Меланхолическое (1924), НКРЯ], «А немки слушают и вяжут власть носки... / “Ах, милый Кремль, Калинин мост и Невский! / Страна икры, разгула и тоски, / Где жил Толстой, где плакал Достоевский”» [Саша Черный. «Подрубленных волос лохмато-серый круг...» | Красная бабушка (1925), НКРЯ], «В зеленых сумерках Невский / развешивал цепи огней... / А где-то писал молодой Достоевский» [Т.Л. Щепкина-Куперник. «Был Петербургом когда-то...» | Петербург... Ленинград (1928), НКРЯ], «Вот Гоголь. Он вышел на Невский / Проспект, и мелькала шинель, / И нос птичеклювый синел, / А дальше и сам Достоевский...» [Н.А. Щеголев. «До боли, до смертной тоски...» | Достоевский (1946), НКРЯ], «А в памяти Садовая и Невский, / Над Блоком петербургская земля, / Над всеми странами Толстой и Достоевский» [Н.А. Оцуп. «Конкорд и Елисейские поля...» (1946–1956), НКРЯ], «Несколько поэтов. Достоевский. / Несколько царей. Орел двуглавый. / И – державная дорога – Невский» [Г.В. Иванов. «Несколько поэтов. Достоевский...» (1949), НКРЯ], «Ты опять выходишь на Невский / Со своей подружкой глазастой. / И как будто сам Достоевский / Говорит “Сновиденье, здравствуй, / Петербуржец начала века!”» [П.Г. Антокольский. «Грязным фельдшером в грязном морге...» | Петербуржец начала века (1969), НКРЯ], «Друг мой, / Невский остается Невским, / Как и Достоевский Достоевским» [Л.Н. Мартынов. «Невский / Остается просто Невским...» | Баллада о Федоре Достоевском (1970), «Он выскочил на освещенный Невский / В покрытых свежей копотью очках; / Ему навстречу мчался Достоевский» [А.Я. Сергеев. «Поди сюда, поди сюда, смутьян!..» | Шварц (1972–1973), НКРЯ], «Запутал числа ветер неевский, / И вам навстречу Достоевский, / В двадцатый век, шагнув, идет» [М. Вега.

«Когда бы вы ни родились...» | Снеговая лира (1968–1979), НКРЯ]. Невский (часто через синекдоху обозначающий Петербург) – это пространство Достоевского: либо он сам идет, мчится или как-то иначе перемещается по проспекту, либо там, словно герои сновидений, возникают его персонажи. Город и писатель оказываются в одном культурном поле, притягиваются друг к другу, а Невский превращается в дорогу, которая пронизывает время (прошлое – настоящее – будущее), а также ведет в метафизическое пространство – к пониманию русской души.

2. Аллюзии к произведениям Достоевского.

Во многих стихотворениях присутствуют отсылки к произведениям Достоевского «Белые ночи», «Бедные люди», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание», «Дневник писателя», «Записки из подполья», «Игрок», «Записки из Мертвого дома»: «Он не измыслил “Мертвый дом”» [Д.Д. Бурлюк. «Мы ведали «Сибирь»!.. Кеннана...» | Сибирь (1919), НКРЯ], «Раскольников глушит старух» [М.А. Светлов. «Чубатый Тарас / Никого не щадил...» | Живые герои (1927), «А где-то писал молодой Достоевский / Про “Белые ночи”, про “Бедных людей”», НКРЯ; Т.Л. Щепкина-Куперник. «Был Петербургом когда-то...» | Петербург... Ленинград (1928), НКРЯ], «Записку же эту спрашивать не с кого, / Разве только спросить с Достоевского. / Но мы не “наказанье”, мы “преступление”, / Мы – это дети первой ступени» [Л.А. Лавров. «Смятой записки вскрытое тело...» | Тик-так (1929), НКРЯ], «Достоевский из подполья» [А.И. Несмелов. «Так пощипывает холод...» | Зеленоглазому врагу (1933), НКРЯ], «Бывало, его облекут, / как младенца, / в добротную шубу, / в калоши, / и вот / неделя пройдет и – / куда это денется: / опять – Достоевского “Идиот”!» [Н.Н. Асеев. «Вы Хлебникова видели / лишь на гравюре...» | Хлебников (1936–1939), НКРЯ], «Но был изменником и Достоевский. / Ветхозаветная его душа / Вас называла бесами» [Н.А. Оцуп. «Мне кажется, что мог бы эмигрант...» (1946–1956), НКРЯ], «У Достоевского / Дневник оттяпан» [И.В. Елагин. «Ошметки Жданова...» | Гимн цензуре (1967–1973), НКРЯ], «В романе Достоевского “Игрок” / описан странный случай. Гувернер / влюбился не на шутку, но позор / безденежья преследует его» [С.М. Гандлевский. «Картина мира, милая уму...» (1982), НКРЯ], «Славно пишет этот Достоевский. / Фантастика (к примеру, там сжигают / сто тысяч в печке), жуткий стиль, скандалы, / истерики – а право, что-то есть» [Б.Ш. Кенжеев. «Прелестница моя, каков портрет...» (1989), НКРЯ], «Был я в городе Старая Русса. / Достоевский писал там Иисуса, / что на Митю-Алешу разъят» [Е.Б. Рейн. «Был я в городе Старая Русса...» | Стихи о русской литературе (1989), НКРЯ], «Белые Ночи. Старушка все вяжет и вяжет, / словно сплошной Достоевский

в гоморрских садах» [А.Н. Миронов. «Однако же, будет, наверное, и Карнавал...» (1997), НКРЯ]. Отсылки к произведениям Достоевского разноплановы: это их названия, которые нередко становятся характеристиками внелитературных реалий, переплетаются с фактами биографии, приобретают нарицательность, подаются без кавычек, подвергаются усечениям; упоминание героев, узнаваемых сюжетных элементов.

3. Отсылки к биографии писателя.

Во многих лирических текстах присутствуют отсылки к биографии Достоевского. Представлено начало его творческого пути: «Ночь белая болезненно бледна. / Вот юный Достоевский у окна. / Пред ним в слезах Некрасов, Григорович» [Б.А. Садовской. «В тебе слились два лика. Первый лик...» (1919), НКРЯ]. В 1844 г. Д.В. Григорович жил на одной квартире с Достоевским и был первым читателем романа «Бедные люди». Именно он отнес рукопись Некрасову. История о том, как восторженные литераторы после прочтения романа явились около четырех часов утра к молодому писателю, стала легендой. По законам фольклорной вариативности, П. Антокольский даже заменяет в ней одного участника на другого: «Начало всех начал его. В ту ночь / К нему пришли Белинский и Некрасов, / Чтоб обнадежить, выручить, помочь, / Восторга своего не приукрасив, / Ни разу не солгав» [П.Г. Антокольский. Достоевский («Начало всех начал его. В ту ночь...») (1970), НКРЯ]. В реальности Достоевский был представлен Белинскому позже.

Часто в лирических контекстах упоминается казнь «петрашевцев» и ее отмена: «Промозглым утром бледный Достоевский / Горит свечой, всходя на эшафот» [М.А. Волошин. «С Руси тянуло выстуженным ветром...» | Россия (1924.02.06), НКРЯ], «Темен жребий русского поэта / Неисповедимый рок ведет / Пушкина под дуло пистолета, / Достоевского – на эшафот» [М.А. Волошин. На дне преисподней («С каждым днем все диче и всё глуше...») [Усобица] (1922.01.12), НКРЯ], «И Достоевского взвели на эшафот» [Г.А. Шенгели. «Я горестно люблю Сороковые годы...» (1949), НКРЯ], «Достоевский, дождавшись пощады, / покидает вдруг эшафот» [Б.А. Слуцкий. «Эшафот – моровая страда...» (1970–1975), НКРЯ]. Сюжет «Достоевский на эшафоте» И. Волгин называет одной из базовых мифологем русской культуры, возводя его к мировому сюжету о смерти и воскрешении героя [Волгин].

Представлены в поэзии пребывание Достоевского на каторге, один из самых трогательных эпизодов этого тяжелого периода – сюжет о копеечке, которую подала «несчастному» маленькая девочка: «Там по тракту в день весенний, голубой / Проводили осужденных за разбой; / Там девчонка из медвежьего угла / Достоевскому копеечку дала» [М. Колосо-

ва. «Не осталось ни тропинки, ни следа...» | Медный грош (1934), НКРЯ].

Отмечены в лирике болезнь писателя: «Бормочу темноте “Достоевский?” / “Эпилептик”, – кричит тишина» [Л.И. Хаиндрова. «Снова голос надтреснутый, резкий...» (1946), НКРЯ], «...этот эпилептик, – как Достоевский – ПЕТЕРБУРГ» [В.А. Соснора. «Сверчок – не пел. Свеча-сердечко...» | Литературное (1972), НКРЯ], «Достоевского и Магомета / Золотая падучая бьет» [Б.А. Слуцкий. «Есть итог. Подсчитана смета...» (1971–1977), НКРЯ]; страсть Достоевского к азартным играм: «Пока Достоевский сидит в казино» [М.А. Светлов. «Чубатый Тарас / Никого не шадил...» | Живые герои (1927), НКРЯ], «И обшаривал жилетку / (звон брелоков, что монист) / проигравшийся в рулетку / уголовный романист» [С.И. Кирсанов. «Не заглядывала в сонник...» | За чтением Достоевского (1960–1969), НКРЯ]; дружба с К.П. Победоносцевым: «На вечерах у Анны Вревской / Был общества отборный цвет. / Больной и грустный Достоевский / Ходил сюда на склоне лет / Суровой жизни скрасить бремя, / Набраться сведений и сил / Для “Дневника”. (Он в это время / С Победоносцевым дружил)» [А.А. Блок. «Жизнь – без начала и конца...» | Возмездие (1910–1921), НКРЯ]; взаимоотношения с М.Н. Катковым: «Но, условию согласна, / в стуже счетов и подков / шлет пятьсот рублей за глазо / Достоевскому Катков» [С.И. Кирсанов. «Не заглядывала в сонник...» | За чтением Достоевского (1960–1969), НКРЯ]. Катков неоднократно давал Достоевскому большие суммы вперед за будущий роман, в 1858 г. в ответ на просьбу писателя незамедлительно выслал ему 500 рублей серебром. Отражены в русской лирике отношения Достоевского с еще одним заимодавцем – Тургеневым: «Так, смертельным страхом болен, / Перейдя времен предел, – / Достоевский из подполья / На Тургенева глядел» [А.И. Несмелов. «Так пощипывает холод...» | Зеленоглазому врагу (1933), НКРЯ]. Первоначальная взаимная привязанность и теплая дружба двух литераторов практически через год уже таковыми не являлись. Именно Тургенев совместно с Некрасовым сочинил пародийное стихотворное «Послание Белинского к Достоевскому», в котором последний сравнивался с ярким свежим прыщом, вскочившем на носу литературы. А Достоевский через двадцать шесть лет воплотил черты Тургенева в образе писателя-графомана Кармазинова в «Бесах». Все это, разумеется, было следствием серьезных идеологических разногласий, которые особенно сильно обнажились во время встречи литераторов в Бадене, когда Достоевский хотел отдать Тургеневу занятые у него 50 талеров. В стихотворении А. Несмелова лирический герой ощущает на себе взгляд невидимого врага и сравнивает его со взглядом Достоевского на Тургенева, Пушкина

на Дантеса. В этом взгляде сконцентрировано «Ядовитое мерцанье / Ненавидящей души».

4. Тематика, проблематика, стиль произведений и их воздействие на читателей.

В лирических текстах акцентируется внимание на том, что Достоевский обращался к самым острым проблемам современности: «И Достоевский, словно гость непрощенный, / По комнате шагает – сам не свой. / Бормочет. Злобствует: “Не жизнь, а крошево, / Так трудно жить по-божьи, по-хорошему / Среди этой сутолоки деловой!”» [Н.В. Петерев. «Как черновик, день скомкан и отброшен...» | Достоевский (1946), НКРЯ].

Произведения писателя заставляют читателей сопереживать героям и страдать от неустройства мира, от засилья зла: «Вот – слезы по лицу размазав – / Я Достоевского прочел» [В.Е. Щировский. «Дрова сгорели. Денег нет...» | Поэт и муза (1929), НКРЯ], «И Достоевский рванет по сердцам» [Г.А. Шенгели. «Кони гремят за Тверскою заставой...» | Встреча (1948.02.10), НКРЯ].

Сам Достоевский предстает в поэтических текстах как страдающий, «измученный» (С. Надсон), плачущий: «Витязь горестной фигуры» [Н.А. Некрасов. «Витязь горестной фигуры...» | Послание Белинского к Достоевскому (1846.01.00), НКРЯ], «Достоевского крик бездонный; И звенит Достоевского боль» [Н.А. Клюев. «Блузник, сапожным ножом...» (1919), НКРЯ], «...где плакал Достоевский» [Саша Черный. «Подрубленных волос лохмато-серый круг...» | Красная бабушка (1925), НКРЯ], «И плач Достоевского, где Старая Русса татится» [Г.С. Гор. «И Гоголь уже не течёт, не стремится рекою...» (1942), НКРЯ], «Он многого не досказал еще, / В какой живет он муке исполинской. / Он говорил невнятно и общо. / Молчал Некрасов. Понимал Белинский...» [П.Г. Антокольский. Достоевский («Начало всех начал его. В ту ночь...») (1970), НКРЯ]. Примечательно, что плачущим в русской лирике предстает и Некрасов, но если искренность его слов нередко вызывает сомнения у создающих его образ поэтов [Абрамова 2022: 128], то Достоевский в этом плане непогрешим. Согласно типологии устойчивых биографических моделей, разработанной Д.М. Магомедовой, Достоевский может быть назван героем-подвижником [Магомедова: 3]. Он прошел через суровое испытание (эшафот), и это дает ему право указывать на пороки и призывать к покаянию. Не случайно главы биографии Достоевского, написанной Ю.И. Селезневым, называются «Житие великого грешника» и «Жизнь и смерть пророка» [Селезнев], что соответствует образу святого мученика.

5. Достоевский как представитель русской литературы

Конечно же, Достоевский во многих лирических текстах выступает как яркий представи-

тель русской литературы, его имя упоминается в ряду имен других писателей и поэтов: «Читали ль вы, как Достоевский страждет, / Как в изучении зла запутался Толстой?» [К.К. Случевский. «Читали ль вы когда, как Достоевский страждет...» | Думы. Воплощение зла (1880), НКРЯ], «Кто миру титанов привел, / Как Пушкин, Толстой, Достоевский» [В.Я. Брюсов. «Не надо заносчивых слов...» | Старый вопрос (1914.07.30), НКРЯ], «То Пушкин, Достоевский, Лев Толстой / Вставали в нашей речи чередой» [В.Я. Брюсов. «Мелькали мимо снежные поляны...» (1915.01.26), НКРЯ], «Толстой и Чехов, Достоевский – / Надрыв и смута наших дней» [М.А. Волошин. «Одни восстали из подполий...» | Гражданская война (1919.11.21), НКРЯ], «Пушкин, Достоевский, Гоголь, / Алексей Толстой в бороде у Льва» [В.В. Маяковский. «Было: / социализм – / восторженное слово!..» | Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского (1923), НКРЯ], «И в тумане улиц – виденья: / Пушкин, Достоевский, Гоголь, Блок, / Чьи неумирающие тени – / Всей былой России эпилог» [Н. Светлов. «Колдовская ночь! Мороз жестокий...» | За рубежом (1931), НКРЯ], «Над Блоком петербургская земля, / Над всеми странами Толстой и Достоевский» [Н.А. Оцуп. «Конкорд и Елисейские поля...» (1946–1956), НКРЯ], «Не они ли на загнанной тройке / мчали Пушкина в темень пурги, / Достоевского гнали в остроги / и Толстому шептали “Беги!”» [Е.А. Евтушенко. «Мы живем, умереть не готовясь...» | Муки совести (1966), НКРЯ], «Да, Достоевский и Толстой, / а также Чехов – злободневней, / чем проза с фразою простой, / стихи с тематикою нервной» [Б.А. Слуцкий. «Я был проверен и допущен...» (1970–1975), НКРЯ], «Достоевский и Плещеев в Павловском парке» [Е.А. Шварц. «Пора идти, мне надо в город...» | Достоевский и Плещеев в Павловском парке (1982), НКРЯ], «Сей мир, где с гаечным ключом Платонов / и со звездой-полынью Достоевский» [Б.Ш. Кенжеев. «Прислушайся – немотствуют в могиле...» (1990–1997), НКРЯ].

Чаще всего рядом с Достоевским в поэтических контекстах оказывается Л.Н. Толстой (как рядом с Фетом неизменно идет Тютчев). В одном из стихотворений фамилии великих русских писателей даже даны через дефис: «Для большинства философ – лекторшко, / возящийся с темками о философии / Толстого-Достоевского» [С.Е. Нельдихен. «Не выяснено, – что такое умный, что такое глупый?...» | Ум и глупость (1927), НКРЯ]. Толстой и Достоевский, никогда не встречавшиеся при жизни, расходившиеся во взглядах и эстетических предпочтениях, оказались неразрывно связанными в контексте литературных произведений, причем в лирике они выступают как единомышленники, а в прозе – как соперники,

враждебно относящиеся друг к другу (например, в литературных анекдотах Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницкого, в романе В. Пелевина «t») [Доброхотова-Майкова, Пятницкий; Пелевин]. Интересен тот факт, что в среде русской эмиграции примерно в 1930-х гг. появилась шутка про Толстого: якобы так «средние» иностранцы обозначают свое общее представление о русской литературе. Литературовед В. Вейдле в 1947 г. опубликовал во французском журнале «Критик» статью под названием «Толстой и Запад». Судя по встречающимся в сети Интернет записям в блогах и новостным заметкам, подобное восприятие русских классиков сохранилось за границей до сих пор и даже становится предметом рассмотрения зарубежных филологов [Emerson]. Не удивительно, что книга французского профессора Пьера Байяра «L'enigme Tolstoievski» (в русском переводе – «Загадка Толстого») [Байяр], в которой рассказывается биография Льва Федоровича Толстого и анализируется его творчество и которая является научной мистификацией, обрела большую популярность на Западе.

6. Достоевский в мировом контексте

Представлен Достоевский и в мировом контексте, причем в одном ряду не только с писателями, но и с учеными и философами: «В нем выписки: Дарвин и Вирхов, / Ратгаузен, Гартман и Тиндаль, / Смайльс, Достоевский, Ницше, Кирхгоф...» [К.К. Случевский. «Еще не знаю: кто я, где я?...» | Загробные песни. 2. (1901), НКРЯ], «Я понял Гете там, Евангелье, Сократа / И Достоевского» [А.К. Лозина-Лозинский. Post-scriptum | «Я вышел за город. На море, льдом покрытом...» (1912), НКРЯ], «С кем я знакомствую? / Со Стендалем, / с Пушкиным, с Гоголем, с Достоевским» [Н.Н. Асеев. «С кем я знакомствую? / Со Стендалем...» | Скажи, с кем ты знаком? (1962.01.22), НКРЯ], «Мы говорили об Экклезиасте, / О карме, Достоевском и Эхиле» [И.В. Чиннов. «Мы говорили о свободе воли...» (1972), НКРЯ], «Паскаль, и Киркегор, и / Достоевский / Могли сказать так» [И.В. Чиннов. «Вы говорили нам, что если Бога нет...» | Памяти Владимира Вейдле (1979), НКРЯ], «Сильные мира сего / бессильно начнут замерзать / и будут оттапливаться / Данте и Достоевским» [Е.А. Евтушенко. «Итальянский профессор / с глазами несостоявшегося карбонария...» (1982), НКРЯ]. Мировой контекст, «окружающий» Достоевского в русской лирике, как ни странно, оказывается гораздо шире, чем у его собрата по вхождению в зарубежную культуру – Толстого. Для сравнения, рядом с яснополянским гением в поэтических текстах появляются только Вергилий, Гораций, Платон и Вольтер. Возможно, это свидетельствует об от-refлексированных русской лирикой самобытности Толстого и универсальности Достоевского.

7. Достоевский – гений

Часто в поэтических текстах Достоевский удостоен звания «гений» или является «эталонным» значением этого понятия: «Ах, бедный современный гений – / Стравинский или Достоевский» [Д. Самойлов. «Ах, бедный современный гений ...» (1975), НКРЯ], «Средние писатели / видят то, что видят, / пишут то, что знают, а гении, / вроде Толстого, Тургенева, / не говоря уже про Щедрина и Гоголя, / особенно Достоевского, / не списывают – им не с кого, / не фотографируют – не с кого, / а просто выдумывают, сочиняют, / не воссоздают, / а создают» [Б.А. Слуцкий. «Средние писатели...» | Похвала средним писателям (1977), НКРЯ], «спали гении в чистой печали, / лишь один Достоевский не спал» [Е.Б. Рейн. «Был я в городе Старая Русса...» | Стихи о русской литературе (1989), НКРЯ], «Достоевский / Гений местный, писатель» [С.Г. Стратановский. «Клуб мужчин похотливых...» (1998–2000), НКРЯ].

8. Фамилия Достоевский как определение

О том, насколько прочно Достоевский вошел в культуру и язык, свидетельствует то, что фамилия писателя может использоваться в поэтических текстах как определение: «А достоевский шаг, / и вкус, и сок, / отмеривал Жан-Жак / Руссо» [Г.Н. Оболдуев. «Я видел мглу невзгод...» (1941–1952), НКРЯ], «И царицей Авдотьей заклятый, / Достоевский и бесноватый, / Город в свой уходил туман» [А.А. Ахматова. «Были святки кострами согреты...» | Глава третья (1940–1965), НКРЯ], «Не вечно Достоевским бесам / Пророчествовать и пылать» [А.П. Межиров. «Не вечно Достоевским бесам...» (1951), НКРЯ], «Душит, душит, как серая вата, / Наших дней Достоевский кошмар» [А.А. Баркова. «Сердце с тайным протестом затихло...» | Черный свет (1975.12.15), НКРЯ], «Порожденье подполья, / фантом Достоевского мозга» [С.Г. Стратановский. «Нынче военный совет...» | Террорист (1985), НКРЯ], «Я рос достоевским подростком» [А.П. Цветков. «готической ночи постройка...» (1985), НКРЯ]. Значение прошедшей адъективацию фамилии писателя можно определить следующим образом: Достоевский / достоевский (прил.) – 1) имеющий отношение к творчеству Достоевского; 2) связанный со страданием, помрачением сознания, отражающий уродливые формы мира.

9. Эпитет «резкий»

Часто в лирических текстах, где фигурирует Достоевский, появляется эпитет «резкий». Формально он не относится к фамилии Достоевский (резкий ветер, голос, дождь), но оказывается связан с ней рифмой и превращается в некую постоянную характеристику писателя и его творчества: «Пусть ветер холодный и резкий / Ревет и не хочет стихать. / Меня научил Достоевский / Россию мою понимать» [Р. Ивнев. «Довольно! Довольно! Довольно...» | Смоль-

ный (1917), НКРЯ], «Снова голос надтреснутый, резкий / Слышу в долгие ночи без сна. / Бормочу темноте “Достоевский?”» [Л.И. Хаиндрова. «Снова голос надтреснутый, резкий...» (1946), НКРЯ], «Сквозь брызги ночных, леденящих и резких / Дождей Петербурга, в туманы и в таль / Смятенным очам разверзал Достоевский / Пьянящую глубину – и горящую даль» [Д.Л. Андреев. «Порой мне казалось, что свят и нетленен...» | Художественному театру (1950), НКРЯ], «В трущобный двор ворвался ветер резкий, / И видел я, как вздрогнул Достоевский, / Как тяжело ссутулился, исчез...» [Н.М. Рубцов. «Трущобный двор. Фигура на углу...» | В гостях (1962.07.09), НКРЯ]. Достоевский резок, потому что писал о коренном неустройстве русской жизни, о том, что безобразно вывернуто, искажено, испорчено, о том, что болит и кровоточит. Писал, не жалея темных красок и не щадя чувств читателей, резкостью своей прорубая дорогу к мировой гармонии.

Итак, образ Достоевского, созданный русскими лириками, включает как общие для подобных литературных конструктов элементы (отсылки к биографии, упоминание литературных произведений, героев, эпизодов, сюжетных ходов, включение писателя в ряд других отечественных литераторов и восприятие его в мировом контексте, общая характеристика его творчества и стилиевых особенностей), так и специфические (годоним Невский, рифма «Достоевский – резкий», употребление фамилии в роли прилагательного). Благодаря им образ писателя в русской лирике индивидуализирован, несмотря на наличие типизации и стереотипизации. В сочетании с ореолом святого, мученика, пророка обозначенные черты придают ему яркую национальную и культурную окрашенность.

Список литературы

Абрамова В.И. Жизнь и творчество Л.Н. Толстого сквозь призму русской лирики XIX–XXI веков // Духовное наследие Л.Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры: материалы XXXVII Международных Толстовских чтений. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. 2020. С. 8–14.

Абрамова В.И. Образ А.А. Фета в русской лирике XIX–XXI веков // Русская классика. М.: Древлехранилище, 2021. Вып. 2: Фет. Чехов. Пастернак. Пришвин. С. 8–20.

Абрамова В.И. Образ Н.А. Некрасова в русской поэзии (по материалам из национального корпуса русского языка) // Русская литература в иностранной аудитории. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. С. 123–130.

Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. 227 с.

Байяр П. Загадка Толстоевского. М.: Текст, 2019. 208 с.

Боева Т. Образы Толстого и Достоевского в романе В. Пелевина «t»: Qui pro Quo. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/55/Boeva.pdf> (дата обращения: 26.02.2021).

Бондарев А.Г. Чеховский миф в современной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 19 с.

Волгин И. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/volgin-propavshij-zagovor/glava-19-smertnaya-kazn-v-stihah-i-proze.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

Доброхотова-Майкова Н., Пятницкий В. Веселые ребята. М.: Арда, 1998. 110 с.

Иезуитова Р.В. Эволюция образа Пушкина в русской поэзии XIX века // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом), Ин-т театра, музыки и кинематографии. Ленинград: Наука, 1967. Т. 5: Пушкин и русская культура. С. 113–139.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Тартуский государственный университет. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45.

Магомедова Д.М. Модели писательских биографий на рубеже XIX–XX вв. // (Авто)биографический миф в литературе и искусстве: материалы VI Международной конференции молодых ученых и аспирантов». М., 2017. С. 2–3.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения 27.02.2021).

Пелевин В. т. М.: Эксмо, 2009. 384 с.

Потехина Е.Э. Средства создания образа Ф.М. Достоевского в романе Б. Акунина «Ф. М.» // Художественный текст глазами молодых. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. 2019. С. 72–75.

Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. 542 с.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

Трунин С.Е. Рецепция Достоевского в современной русской прозе: основные тенденции и типы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 1. С. 43–48.

Шестакова Л.Л. «Он – Пушкин, и бессмертен он!»: образ Пушкина в строках поэтов серебряного века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. № 1. С. 97–102.

Emerson C. Tolstoevsky. Slavic and East European Journal, 2020, 64 (2), pp. 192–194.

Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world. Porownania, 21, 2017, pp. 9–29. URL: <https://doi.org/10.14746/p.2017.21.13943> (дата обращения: 06.06.2021).

References

Abramova V.I. *Zhizn' i tvorcestvo L.N. Tolstogo skvoz' prizmu russkoj liriki XIX–XXI vekov* [Life and work of L.N. Tolstoy through the prism of Russian lyrics of the XIX–XXI centuries]. *Duhovnoe nasledie L.N. Tolstogo v kontekste mirovoj literatury i kul'tury: materialy XXXVII Mezhdunarodnyh Tolstovskih chtenij* [Spiritual heritage of L.N. Tolstoy in the context of world literature and culture. Materials of the XXXVII International Tolstoy Readings]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2020, pp. 8–14. (In Russ.)

Abramova V.I. *Obraz A.A. Feta v russkoj lirike XIX–XXI vekov* [Image of A.A. Fet in Russian lyrics of the 19th–21st centuries]. *Russkaja klassika* [Russian classics]. Moscow, Drevlehranilishhe Publ., 2021, vyp. II: Fet. Chehov. Pasternak. Prishvin [vol. 2: Fet. Chekhov. Pasternak. Prishvin], pp. 8–20. (In Russ.)

Abramova V.I. *Obraz N.A. Nekrasova v russkoj poezii (po materialam iz nacional'nogo korpusa russkojazyka)* [Image of N.A. Nekrasov in Russian poetry (based on materials from the national corpus of the Russian language)]. *Russkaja literatura v inostranoj auditorii* [Russian literature in a foreign audience]. St. Petersburg, Publishing house of the Russian State Pedagogical A.I. Herzen University, 2022, pp. 123–130. (In Russ.)

Anciferov N.P. «Nepostizhimyj gorod...». *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina* [«Incomprehensible city...». Soul of Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. Petersburg of Pushkin]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1991, 227 p. (In Russ.)

Bajjar P. *Zagadka Tolstoevskogo* [The Riddle of Tolstoevsky]. Moscow, Tekst Publ, 2019, 208 p. (In Russ.)

Boeva T. *Obrazy Tolstogo i Dostoevskogo v romane V. Pelevina «t»: Qui pro Quo* [Images of Tolstoy and Dostoevsky in V. Pelevin's novel «t»: Qui pro Quo]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/55/Boeva.pdf> (access date: 26.02.2021). (In Russ.)

Bondarev A.G. *Chehovskij mif v sovremennoj poezii* [Chekhov's myth in modern poetry]. Krasnojarsk, 2008, 19 p. (In Russ.)

Volgin I. *Propavshij zagovor. Dostoevskij i politicheskiy process 1849 goda* [The Lost Plot. Dostoevsky and the political trial of 1849]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/volgin-propavshij-zagovor/glava-19-smertnaya-kazn-v-stihah-i-proze.htm> (access date: 08.02.2022). (In Russ.)

Dobrohotova-Majkova N., Pjatnickij V. *Veselye rebyata* [Funny guys]. Moscow, Arda Publ., 1998, 110 p. (In Russ.)

Iezuitova R.V. *Jevoljucija obraza Pushkina v ruskoj poezii XIX veka* [The evolution of the image of Pushkin in Russian poetry of the XIX century]. *Pushkin: Issledovanija i materialy* [Pushkin: Research and materials.]. Leningrad, Nauka, 1967, t. 5: Pushkin i russkaja kul'tura [vol. 5: Pushkin and Russian culture], pp. 113–139. (In Russ.)

Lotman Ju.M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [Symbols of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city]. *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury: Peterburg* [Semiotics of the city and urban culture: St. Petersburg], Tartu State University. Tartu, 1984, vol. 664, pp. 30–45. (In Russ.)

Magomedova D.M. *Modeli pisatel'skih biografij na rubezhe XIX–XX vv.* [Models of writers' biographies at the turn of the 19th–20th centuries]. *(Auto)biograficheskij mif v literature i iskusstve: materialy VI Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh i aspirantov* [(Auto)Biographical Myth in Literature and Art: Proceedings of the VI International Conference of Young Scientists and Postgraduates]. Moscow, 2017, pp. 2–3. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (access date: 08.02.2022). (In Russ.)

Pelevin V. *t.* Moscow, Jeksmo Publ., 2009, 384 p. (In Russ.)

Potehina E.Je. *Sredstva sozdanija obraza F.M. Dostoevskogo v romane B. Akunina «F. M.»* [Means for creating the image of F.M. Dostoevsky in B. Akunin's novel «F. M.»]. *Hudozhestvennyj tekst glazami molodyh* [Artistic text through the eyes of young people]. Jaroslavl',

Jaroslavl State P.G. Demidov University Publ., 2019, pp. 72–75. (In Russ.)

Selezneev Ju.I. *Dostoevskij* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1981, 542 p. (In Russ.)

Toporov V.N. *Peterburg i «Peterburgskij tekst ruskoj literatury» (Vvedenie v temu)* [Petersburg and “Petersburg text of Russian literature” (Introduction to the topic)]. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoeitic: Selected works]. Moscow, «Progress» – «Kul'tura» Publ., 1995, pp. 259–367. (In Russ.)

Trunin S.E. *Recepcija Dostoevskogo v sovremennoj ruskoj proze: osnovnye tendencii i tipy* [Reception of Dostoevsky in modern Russian prose: main trends and types]. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism, journalism], 2010, № 1, pp. 43–48. (In Russ.)

Shestakova L.L. *«On – Pushkin, i bessmerten on!»: obraz Pushkina v strokah pojetov serebrjanogo veka* [«He is Pushkin, and he is immortal!»: The image of Pushkin in the lines of poets of the Silver Age]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University]. 2020, № 1, pp. 97–102. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 19.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 19.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ПЬЕСА-СКАЗКА Е.Л. ШВАРЦА «ГОЛЫЙ КОРОЛЬ»: САТИРИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ИЛИ АНТИФАШИСТСКИЙ ПАМФЛЕТ?

Миронова Галина Семеновна, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, drama0812@mail.ru

Аннотация. Пьеса-сказка Е.Л. Шварца «Голый король» была создана в 1934 г., когда в мире начинали происходить серьезные исторические и политические процессы, связанные с утверждением в ряде стран деспотического, тоталитарного режима, а также с распространением в Западной Европе фашистской идеологии, приведшей в итоге ко Второй мировой войне. В статье пьеса-сказка «Голый король» рассматривается с точки зрения ее жанрового своеобразия. С одной стороны, в этом произведении, отражающем те политические процессы, которые происходили в мире, обнаруживаются признаки жанра антифашистского памфлета (обличительный пафос, социально-политическая направленность, афористичность стиля, ирония, граничащая с сарказмом и др.). Идеино сказка Шварца направлена против германского фашизма, о чем свидетельствуют рассыпанные в пьесе реплики персонажей, в которых слышится беспощадная сатира на действительность нацистской Германии. С другой стороны, жанр пьесы «Голый король» гораздо шире рамок антифашистского памфлета, это сатирическая комедия, задача которой состоит в обличении и развенчании общественных пороков, в этом она близка фарсу, комедии нравов и комедии характеров. Таким образом, за внешней простотой сюжета сказки «Голый король» угадывается многоплановость и скрытый смысл, присущий сатирическому произведению.

Ключевые слова: жанр, антифашистский памфлет, сатирическая комедия, пьеса-сказка, социальная проблематика, обличительный пафос, ирония, сарказм.

Для цитирования: Миронова Г.С. Пьеса-сказка Е.Л. Шварца «Голый король»: сатирическая комедия или антифашистский памфлет? // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 155–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-155-159>

Research Article

EVGENY SCHWARTZ'S FAIRY TALE PLAY "THE EMPEROR'S NEW CLOTHES": A SATIRICAL COMEDY OR AN ANTI-FASCIST PAMPHLET?

Galina S. Mironova, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia, drama0812@mail.ru

Abstract. The play-tale "The Emperor's New Clothes" by Evgeny Schwartz was created in 1934, when serious historical and political processes started in the world, associated with the establishment of a despotic, totalitarian regime in a number of countries, as well as with the spread of fascist ideology in Western Europe, which eventually would lead to World War II. In the article, the fairy tale play "The Emperor's New Clothes" is considered from the point of view of its genre originality. On the one hand, in this work, reflecting the political processes that took place in the world, there are signs of the genre of an anti-fascist pamphlet (accusatory pathos, socio-political orientation, aphoristic style, irony bordering on sarcasm, etc.). Ideologically, Evgeny Schwartz's fairy tale is directed against German fascism, as evidenced by the scattered replicas of characters in the play, in which a merciless satire on the reality of Nazi Germany is heard. On the other hand, the genre of the play "The Emperor's New Clothes" is much broader than the framework of an anti-fascist pamphlet, it is a satirical comedy aiming at exposure and debunk of social vices; in this it is close to farce, comedy of manners and character comedy. Thus, behind the external simplicity of the plot of the fairy tale "The Emperor's New Clothes", one can guess the diversity and hidden meaning inherent in the satirical work.

Keywords: genre, anti-fascist pamphlet, satirical comedy, fairy tale play, social issues, accusatory pathos, irony, sarcasm.

For citation: Mironova G.S. Evgeny Schwartz's fairy tale play "The Emperor's New Clothes": a satirical comedy or an anti-fascist pamphlet? Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 155–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-155-159>

Пьеса Е.Л. Шварца «Голый король», представляющая авторскую интерпретацию трех известных произведений Г.-Х. Андерсена, была создана в 1934 г. Предназначенная для театра и обладающая всеми внешними признаками драматической сказки, пьеса в то же время отличается жанровой многогласностью. Наше исследование посвящено выявлению в пьесе «Голый король» жанровых признаков сатирической комедии и антифашистского памфлета и решению проблемы, черты какого из указанных жанров в ней доминируют.

Сказка Шварца была создана в то время, когда гитлеровская Германия стремительно превращалась в полицейское государство, основанное на тотальной слежке, шпионаже и всеобщей подозрительности. Идею «Голый король» был направлен против набиравшего силу германского фашизма. Об этом свидетельствуют рассыпанные по пьесе реплики различных персонажей: «Министр. С тех пор как его величество объявил, что наша нация есть высшая в мире, нам приказано начисто забыть иностранные языки...» [Шварц 1998: 74]; «Камердинер. Вы арийцы?... Это приятно слышать» [Шварц 1998: 87–88]. Нередко жанр этого произведения определяют как антифашистский памфлет, т. е. небольшое произведение публицистического характера, обладающее ярко выраженным обличительным пафосом, «полемиической направленностью и вполне определенным социально-политическим «адресом» [ЛЭС: 266]. Памфлет близок к эпиграмме тенденциозностью и предназначенностью для целенаправленного «воздействия на общественное мнение» [ЛЭС: 266]. Среди характерных для памфлета признаков выделяется также афористичность стиля и ирония, граничащая с сарказмом. Действительно, сказке Шварца «Голый король» свойственна памфлетность, так как в ней заметны идейно-политические взгляды автора, связанные, прежде всего, с событиями, происшедшими в Западной Европе.

Тем не менее нельзя не заметить доминирование в сказке оптимистического начала, которое исследователь В.Е. Головчинер мотивирует тем, что пьеса была закончена Шварцем не в 1934 г., а в 1933 г. Несмотря на незначительность временного диапазона, это многое объясняет. В 1933 г., когда должность рейхсканцлера Германии занял Гитлер, вождем национал-социалистической партии, человечество еще не осознало, перед какой чудовищной опасностью оно оказалось. В тот короткий промежуток времени мировое сообщество еще надеялось на бескровное разрешение всех противоречий социально-политической действительности. В 1934 г., когда Гитлер объединил должность рейхсканцлера с постом президента, когда его власть стала бесконтрольной и безграничной, а сам фюрер начал расправляться с не-

угодными ему людьми, мир избавился от иллюзий, а оптимизм постепенно сменился отчаянием [Головчинер: 196]. Поэтому так отличается пафос произведений Шварца, созданных на рубеже 1930–40-х гг., от достаточно оптимистичного настроения, преобладающего в сказке «Голый король». В этой пьесе, по словам В.В. Смирновой, «множество остроумных находок, местами острый сатирический текст, задор и всяческие неожиданности буффонады» [Смирнова: 277]. Вот как об этом вспоминал театральный критик С.Л. Цимбал: «В “Голом короле” Е. Шварц остроумно и весело высмеивал чисто внешние нелепости, которые порождал фашизм, но, строго говоря, еще не касался самой сущности этого явления» [Цимбал: 161–162].

Однако в «Голом короле» обнаруживаются и черты пьесы-предупреждения, которая в «легкой» сказочной форме старалась донести до читателей и зрителей мысль о страшной угрозе, которую таил в себе новый порядок, воцарившийся в Германии тридцатых годов. Страна, которую описывает Шварц, «милитаризована», здесь даже «деревья в саду выстроены взводными колоннами», «фрейлины... маршируют на площади», «птицы летают побатальонно», «цветы в саду пудрят», «кошек бреют, оставляя только бакенбарды и кисточку на хвосте» [Шварц 1998: 112]. В угрозах «голого короля»: «Всех переколю! Заточу! Стерилизую!» [Шварц 1998: 88] – слышится беспощадная сатира на действительность гитлеровской Германии. Пугающе звучит диалог главного героя Генриха с Поваром, который сокрушается по поводу гибели своей книги, сожженной на площади. Это произошло, объясняет герой, когда «...пришла мода сжигать книги на площадях. В первые три дня сожгли все действительно опасные книги. А мода не прошла. Тогда начали жечь остальные книги без разбора. Теперь книг вовсе нет» [Шварц 1998: 91]. Как известно, с марта по октябрь 1933 г. в разных городах Германии было организовано сожжение книг в рамках «акции против негерманского духа», а Немецкий студенческий союз призывал к очищению национального языка и культуры. Эта мысль созвучна репликам героя сказки Шварца, Короля, который, обсуждая с Ученым родословную своей невесты, ратует за чистоту ее крови. Так, когда его собеседник упоминает имя первого человека на земле, Адама, Король приходит в ужас от предположения, что его суженая может оказаться еврейкой: «Король. Но ведь Адам был еврей? Ученый. Это спорный вопрос, ваше величество. У меня есть сведения, что он был караим. Король. Ну то-то! Мне главное, чтобы принцесса была чистой крови...» [Шварц 1998: 99]. Данный эпизод непосредственно связан с историческими событиями начала 1930-х гг., когда набирала военную мощь гитлеровская Германия, на тот момент уже провозгла-

сившая арийскую расу единственно истинной и «прославившаяся» еврейскими погромами и сжиганием книг на площадях. Исследователь Е. Румановская замечает: «В Германии уже начались преследования евреев, а караимов (секту, отделившуюся от иудаизма ещё в I тысячелетии) нацисты не тронули» [Румановская: 10]. Таким образом, антифашистская и антивоенная направленность произведения Шварца не подлежит сомнению.

В то же время за сказочной реальностью «Голого короля» можно разглядеть и советскую действительность 1930–40-х гг. В 1990 г. были опубликованы дневники Шварца «Живу беспокойно...», которые охватывают период с 1942 г. по 1957 г. (к сожалению, записки драматурга о его жизни и творчестве с 1926 г. по 1941 г. не сохранились, так как зимой 1941 г., покидая блокадный Ленинград, писатель их уничтожил). Мемуары Шварца – «...это запечатленная эпоха, “вытопанное поле”, где пришлось жить современникам в 20–50-х годах. В дневнике Шварц предстает “отнюдь не всепрощающим добряком”, как выразился Каверин. Просто он в своих воспоминаниях был предельно раскован, отсюда изощренность и беспощадность стиля изложения, и колкости, и злость, и насмешка» [Безелянский: 41–42], – пишет Ю. Безелянский. В дневниках Шварца есть упоминание и о трагических событиях 1937 г. (в записи от 10 июня 1948 г.), когда были репрессированы его друзья Н.М. Олейников, Д. Хармс, А.И. Введенский, Н.А. Заболоцкий, а Союз писателей в его сознании начал превращаться в «апокалиптического зверя». Ту атмосферу страха, в которой существовали он сам и его современники, драматург сравнивал со скалой, которая в любой момент могла обрушиться. «Пострадавшие считались словно зачумленными. Сколько погибших друзей, сколько изуродованных душ, изуверских или идиотских мировоззрений, вывихнутых глаз, забитых грязью и кровью ушей. Собачья старость одних, неестественная молодость других: им кажется, что они вот-вот выберутся из-под скалы и начнут работать. Кое-кто уцелел и даже приносил плоды, вызывая недоумение одних, раздражение других, тупую ненависть третьих. Изменилось ли положение? Рад бы поверить, что так. Но тень так долго лежала на твоей жизни, столько общих собраний с человеческими жертвами пережито, что трудно верить в будущее» [Шварц 1990: 584–585], – с горечью вспоминает драматург.

Таким образом, жанр пьесы Шварца «Голый король» не укладывается в рамки только антифашистского памфлета. Это сатирическая комедия, художественный контекст которой неизмеримо шире злободневной и остросоциальной проблематики своего времени. Задача сатирической комедии состоит в обличении и развенчании общественных пороков,

она близка фарсу, комедии нравов и комедии характеров. Сатирическая комедия показывает характеры и ситуации, в которых типичные для того или иного общества черты предстают в подчеркнuto смешном, нелепом виде. Одна из центральных проблем шварцевской пьесы «Голый король» заключается в исследовании сущности власти и механизмов ее реализации в тоталитарном государстве. Не случайно эта пьеса в свое время не была разрешена к постановке. «Шварц бичевал деспотизм, жестокость, приспособленчество, подхалимаж. “Цепкие” души рассердились...» [Эренбург: 337] – так объясняет И.Г. Эренбург трудную судьбу произведений Шварца.

В 1920–30-е гг. драматические сказки нередко именовали комедиями, так как в них реализовывался принцип «положительной сатиры» и доминировала оптимистическая концепция жизни. Но, разумеется, Шварц не укладывался в рамки разрешенной концепции и создавал произведения остросатирические, задача которых состояла в беспощадном, разоблачающем, уничтожающем осмеянии негативных явлений действительности. Так, за внешней простотой сюжета сказки «Голый король» угадывается многоплановость и скрытый смысл, присущий сатирическому произведению. В начале пьесы Шварц создает комические образы придворных дам, которые возмущаются тем, что Генрих дал свиньям имена, соответствующие их (придворных дам) дворянским титулам – Герцогиня, Графиня, Баронесса. Комично изображена сцена с участием волшебного котелка, являющегося обладателем удивительного по чуткости носа, который всегда знает, что у кого варится на обед, для этого достаточно направить его на кухню любого дома с любого расстояния. В какой-то момент происходит персонификация носа (здесь появляется, на наш взгляд, аллюзия на гоголевские мотивы), который становится одним из действующих лиц фрагмента пьесы, где разоблачается прожорливость Герцогини, скупость Графини, лживость Баронессы.

Во втором действии пьесы Принцесса и ее друзья Генрих и Христиан уже вступают в борьбу со злом, которое олицетворяет «соседнее» государство. Сатирически изображен и сам «голый король» – правитель «соседней» страны, появление которого на сцене предваряет паника, так как придворные не могут придумать, как разбудить почивающего государя. Главный повар короля, трясущийся от холода (а скорее всего, от страха) рекомендует поставить в спальню всемогущего государя корыто с белугой, которая должна непременно пробудить спящего правителя (этот совет он дает исходя из фразеологизма «реветь белугой»). А когда этот способ не дает ожидаемого результата, вызывают целый взвод солдат, которые должны стрелять под окнами королевской опочивальни. Все это создает иллюзорное впечатление о том, что государь

могуч и силен, но первая же ремарка, рисующая правителя «соседнего» королевства, разрушает этот образ. Торжественные трубные звуки и громкие крики придворных, приветствующих пробудившегося короля, сменяются короткой паузой, после которой слышится «капризный голос»: «Ах! Ах! Ну что это? Ну зачем это? Зачем вы меня разбудили? Я видел во сне нимфу. Свинство какое!» [Шварц 1998: 92]. В этой и последующих сценах из авторских ремарок мы узнаем, что король говорит «капризно», «жалобно», «придирчиво», «милостиво улыбаясь», «самодовольно улыбаясь», «принужденно улыбаясь», «с официальной бодростью и лихостью», «игриво», «разнежено», «расстрогано». А первое появление короля скорее напоминает какое-то цирковое представление. Сначала слышатся звуки труб, а затем упитанный, пышный здоровьем пятидесятилетний правитель в шикарном халате и в короне спускается откуда-то сверху «на открытом зонте, как на парашюте», под громкое «ура» его лицемерной свиты: «Он ни на кого не глядит, хотя приемная полна придворных. Он держится так, как будто он один в комнате» [Шварц 1998: 93]. Эта сцена из сказки Шварца вызывает ассоциации с эпизодом из книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»: в главе «Чудово» автор изображает жестокосердного военачальника и его подчиненных, которые не решаются разбудить своего крепко почивающего господина, несмотря на то, что от этого зависит жизнь находящихся в смертельной опасности людей. Аналогичную ситуацию описывает Н.В. Гоголь в поэме «Мертвые души»: во вставном эпизоде произведения, «Повести о капитане Копейкине», изображен важный петербургский вельможа, в приемной которого ждут высочайшей аудиенции просители, в том числе инвалид Отечественной войны 1812 г.; посетители (и люди низкого происхождения, и представители высшего сословия) в течение нескольких часов томятся в ожидании, пока «государственный человек» изволят почивать. Безусловно, ситуация, созданная в сказке Шварца «Голый король», не насыщена трагизмом, как у его предшественников, в ней больше знаменитого шварцевского юмора, но сближает эти эпизоды из произведений писателей XVIII, XIX и XX вв. разоблачающий сатирический пафос.

Сатирически обрисовано и окружение короля в сказке Шварца: Шут – «солидный человек в пенсне», который, «подпрыгивая, приближается к королю» [Шварц 1998: 94]; Первый министр – «суетливый человек», виртуозно владеющий главным своим оружием – лестью, это свойство он выработал за двадцать лет службы при разных режимах власти (обращаясь к королю, Первый министр лицемерно заявляет: «Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь! <...> Нет, ваше величество, нет. Мне себя не перебороть. Я еще раз повто-

рю – простите мне мою разнузданность – вы великан! Светило!» [Шварц 1998: 95]); Придворный поэт – корыстолюбивый царедворец, больше напоминающий грубого солдафона, чем тонкого служителя муз (вот его небольшой диалог с государем: «Поэт. Ваше величество! Моя муза едва успела кончить стихи на вашу разлуку с правофланговой фрейлиной... Король. Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову... Зачем, например, поэту корова» [Шварц 1998: 100]). Нельзя не обратить внимание на марширующих строем и принимающих участие в учениях фрейлин короля, а также на Первую фрейлину, которая не только тридцать лет слышет первой красавицей королевства, но и производится в генералы за то, что каждую ночь видит во сне своего государя. Моральной слепотой страдают жители королевства в сказке «Голый король»: опасаясь разоблачения и неминуемого наказания, они притворяются, будто видят платье, на самом деле не существующее, и только Мальчик, которого еще не успела поразить эта нравственная болезнь, увидев совершенно обнаженного короля, произносит фразу, заставляющую горожан очнуться от оцепенения: «...а ведь он голый!» [Шварц 1998: 129].

Таким образом, пьеса Шварца «Голый король», созданная в 1934 г., безусловно, отражает ту страшную эпоху, свидетелем которой довелось быть ее создателю. Потому справедливо рассматривать это произведение как антифашистский и антисталинский памфлет, вскрывающий и разоблачающий сущность нацизма, деспотизма и тоталитаризма. В то же время эта пьеса выходит за рамки только своей эпохи, содержание ее носит не только конкретно-исторический, но и вневременной характер, что позволяет считать эти пьесы сатирическими комедиями, в которых имеются черты антифашистского памфлета.

Список литературы

Безелянский Ю. Печальный сказочник // Алеф: Ежемесячный международный еврейский журнал. 2006. № 8. С. 41–42.

Головчинер В.Е. Эпическая драма в русской литературе XX века: дис. ... докт. филол. наук. Томский государственный педагогический университет, 1995. 445 с.

Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС) / под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1978. 752 с.

Мы знали Евгения Шварца: Воспоминания. Л., М.: Искусство, 1966. 230 с.

Румановская Е. Евгений Шварц о евреях и еврействе // Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 16. С. 10–15.

Смирнова В.В. Сказочник на театре – Евгений Шварц // Из разных лет: статьи и воспоминания. М.: Советский писатель, 1974. С. 163–194.

Цимбал С. Евгений Шварц: Критико-биографический очерк. Л.: Советский писатель, 1961. 271 с.

Шварц Е.Л. Живу беспокойно... Из дневников. Л.: Советский писатель. 1990. 786 с.

Шварц Е.Л. Избранное. М.: Гудьял-Пресс, 1998. 638 с.

Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: в 3-х т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 3. 443 с.

References

Bezelianskii Iu. *Pechal'nyi skazochnik* [Sad Storyteller]. *Alef: Ezhemesiachnyi mezhdunarodnyi evreiskii zhurnal* [Aleph: Monthly international Jewish magazine], 2006, № 8, pp. 41–42. (In Russ.)

Golovchiner V.E. *Epicheskaia drama v russkoi literature XX veka: diss. d-ra filol. nauk* [Epic drama in Russian literature of the XX century: DSc thesis]. Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1995, 445 p. (In Russ.)

Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' (LES) [Literary Encyclopedic Dictionary], ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1878, 752 p. (In Russ.)

My znali Evgeniia Shvartsa: Vospominaniia [We knew Evgeny Schwartz: Memoirs]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1966, 230 p. (In Russ.)

Rumanovskaia E. *Evgenii Shvarts o evreiakh i evreistve* [Eugene Schwartz on Jews and Jewry]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2006, № 16, pp. 10–15. (In Russ.)

Smirnova V.V. *Skazochnik na teatre – Evgenii Shvarts* [The Storyteller at the theater – Eugene Schwartz]. *Iz raznykh let: stat'i i vospominaniia* [From different years: articles and memoirs]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1974, pp. 163–194. (In Russ.)

Tsimbal S. *Evgenii Shvarts: Kritiko-biograficheskii ocherk* [Evgeny Schwartz: A critical and biographical essay]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961, 271 p. (In Russ.)

Shvarts E.L. *Zhivu bespokoino... Iz dnevnikov* [I live restlessly... From the diaries]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 786 p. (In Russ.)

Shvarts E.L. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, Gud'ial-Press Publ., 1998, 638 p. (In Russ.)

Erenburg I.G. *Liudi, gody, zhizn': v 3 t.* [People, years, life: in 3 vols.]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, vol. 3, 443 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ВОЕННАЯ ПРОЗА З. ПРИЛЕПИНА И ТРАДИЦИЯ ЗАПАДНОЙ МЕЖВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: МЕЖДУ ПОЛЕМИКОЙ И РЕЦЕПЦИЕЙ

Александрова Вера Григорьевна, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, kalin_tsar@list.ru

Жиркова Евгения Алексеевна, доктор филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, ist_rus_lit@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается диалогическое взаимодействие военной прозы З. Прилепина с традицией западной межвоенной литературы. Анализируется связь баталистики Прилепина с поэтикой романов А. Барбюса, Я. Гашека, Э. Хемингуэя, Э.-М. Ремарка. Определяется специфика влияния поэтики «потерянного поколения» на особенности произведений «Патологии», «Некоторые не попадут в ад», «Ополченский романс». В частности, выявляются интертекстуальные связи баталистики Прилепина с межвоенной западной прозой. Так, раскрыто соотношение военной прозы Прилепина с сатирой Гашека (анализ образа Бравого солдата Швейка в прологе романа «Некоторые не попадут в ад»), революционным пацифизмом Барбюса (сопоставление романа «Огонь» и цикла «Ополченский романс»), автопсихологизмом Хемингуэя (сравнение романов «Прощай, оружие!» и «Патологии»), выделено сходство мотивов прозы Ремарка и Прилепина (романы «На западном фронте без перемен» и «Некоторые не попадут в ад»). Анализируется полемическое отношение Прилепина к пацифизму «Потерянного поколения». Рассматриваются такие особенности диалога военной прозы Прилепина с западной межвоенной традицией, как развитие идеи фронтового товарищества, применение иронии и юмора, реализация приемов монтажа и остранения. Делается вывод, что в своей новаторской милитаристской поэтике Прилепин переходит от идейной критики представителей «потерянного поколения» к частичному принятию их этических и эстетических принципов.

Ключевые слова: З. Прилепин, военная проза, западная межвоенная литература, «Потерянное поколение», критика пацифизма, фронтовое товарищество, монтаж

Для цитирования: Александрова В.Г., Жиркова Е.А. Военная проза З. Прилепина и традиция западной межвоенной литературы: между полемикой и рецепцией // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 160–167. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-160-167>

Research Article

THE MILITARY PROSE OF ZAKHAR PRILEPIN AND THE TRADITION OF WESTERN INTERWAR LITERATURE: BETWEEN POLEMICS AND RECEPTION

Vera G. Aleksandrova, Kuban State University, Krasnodar, Russia, kalin_tsar@list.ru

Evgenia A. Zhirkova, Doctor of Philological Sciences, Kuban State University, ist_rus_lit@mail.ru

Abstract. The article examines the dialogical interaction of Zakhar Prilepin's military prose with the tradition of Western interwar literature. The article analyses the connection between Zakhar Prilepin's battle studies and the poetics of the novels by Henri Barbusse, Jaroslav Hašek, Ernest Miller Hemingway, Erich Maria Remarque. The specificity of the influence of the poetics of the "Lost Generation" on the features of the works "The Pathologies", "Some Won't Go to Hell", "Citizen Soldiers' Romance" are determined. In particular, the intertextual connections of Zakhar Prilepin's battle studies both with interwar Western prose itself and its reception in Soviet literature are revealed. The polemical attitude of Zakhar Prilepin to the pacifism of the "Lost Generation" is analysed. The article considers such features of the dialogue between Zakhar Prilepin's military prose and the Western interwar tradition as the development of the idea of front-line partnership, the use of irony and humour, the implementation of editing and defamiliarisation techniques. It is concluded that in his innovative militaristic poetics Zakhar Prilepin moves from ideological criticism of the "Lost Generation" representatives to a partial acceptance of their ethic and aesthetic principles.

Keywords: Zakhar Prilepin, military prose, Western interwar literature, "Lost Generation", pacifism disapproval, front-line partnership, fitting

For citation: Aleksandrova V.G., Zhirkova E.A. The military prose of Zakhar Prilepin and the tradition of Western interwar literature: between polemics and reception. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 160–167 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-160-167>

Захар Прилепин – один из реформаторов русской батальной прозы, запечатлевший в своих текстах перипетии военных конфликтов рубежа XX–XXI вв. Уже в дебютном романе «Патологии» Прилепин показал себя мастером военной литературы – «Дебютный роман “Патологии” З. Прилепина был назван “первой полновесной художественной книгой о Чечне”, где фактологическая точность описания военных будней органично вписана в художественную ткань романа» [Аристов 2013: 86]. Позднее Прилепин дополнил достижения своего дебютного романа новеллой «Сержант», «романом-фантастической» «Некоторые не попадут в ад», циклом новелл «Ополченский романс». В данных произведениях писатель раскрыл тезисы своей амбивалентной философии войны, согласно которым война одновременно является частной формой общего «патологического» существования человека в мире и путем полного преобразования личности [Аристов 2013: 88, 99].

Мы полагаем, что в основе поэтики военной прозы Прилепина лежат не только достижения русской и советской батальной прозы, но и традиции западной межвоенной литературы. Если вопрос о влиянии советской военной прозы, а также творчества Г. Газданова на баталистику Прилепина уже не является дискуссионным [Аристов 2013: 93, 89], то в российском литературоведении вопрос взаимосвязи баталистики Прилепина и западной межвоенной литературы остается открытым. Проблема соотношения поэтики батальной прозы Прилепина с поэтикой западных писателей межвоенной эпохи является перспективным полем исследований. Ранее в общих рамках анализа русской баталистики начала XXI в. отмечался «разрыв» между классиками «Потерянного поколения» и представителями русской батальной прозы 2000-х гг. [Аристов 2013: 45], но не проводился собственно компаративный анализ текстов классиков «Потерянного поколения» и Прилепина. В настоящем исследовании мы проводим краткую сравнительную характеристику основных батальных текстов Прилепина с прозой его предшественников – Я. Гашека, А. Барбюса, Э.-М. Ремарка, Э. Хемингуэя. Если влияние Хемингуэя на Прилепина уже было отрефлектировано в литературоведении [Янковская: 69], то рецепция достижений Барбюса и Ремарка Прилепиным была отмечена главным образом в ряде первых откликов на роман «Некоторые не попадут в ад», принадлежащих как профессиональным критикам [Юзефович: 229–233], [Татаринов], так и рядовым читателям [Лаборатория Фантастики]. Подробное изучение аллюзий на западную меж-

военную прозу в поэтике Прилепина – дело будущего, в настоящем исследовании мы даем краткий экскурс в эту перспективную тему. Данный ракурс определяет проблему работы – каким образом в военной прозе Прилепина проявляется полемическая рецепция этических и эстетических принципов западной межвоенной литературы. Специфика темы и материала определила методологию работы – основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ, применяемый путем раскрытия аллюзий на классические тексты западной литературы межвоенной эпохи в прозе Прилепина. Компаративный подход позволяет раскрыть сходства и различия в восприятии войны писателями, выявить интертекстуальные связи прозы Прилепина со знаковыми произведениями зарубежных баталистов, обозначить трансформации традиций западных классиков межвоенной эпохи в баталистике Прилепина.

Одним из оснований для подобного сравнения является частотное упоминание Прилепиным культовых фигур «Потерянного поколения» в публицистике писателя – этот факт позволяет выдвинуть предположение, что полемические отсылки к произведениям классиков «Потерянного поколения» стали одной из особенностей прилепинской милитаристской поэтики. Обращаясь к теме войны как одной из основ человеческого существования, Прилепин учитывал опыт европейских и американских писателей, запечатлевших в своей прозе трагизм Первой мировой войны и межвоенной эпохи. Критический анализ достижений западных баталистов стал одной из тем литературной рефлексии писателя. Интерес к специфике изображения войны в западной литературе выражен в ряде полемических высказываний Прилепина. Публицистически заостренные, эпатажные реплики заключают в себе не только сомнение в идеологии пацифизма, но являются собой критику эстетических особенностей восприятия войны, укorenившихся после периода мировых войн. Так, комментируя пацифизм культуры рубежа XX–XXI вв., Прилепин критически отмечает глубину трансформации понимания войны в современном искусстве: «И пошло-поехало: Барбюс, Ремарк, даже Сэлинджер – всё это оказалось куда больше востребовано, чем, скажем, Эрнст Юнгер» [Прилепин 2021]. Критика идеологическая дополняется Прилепиным и критикой эстетической. Так, анализируя новаторство военной темы в текстах во многом близкого ему современного франкоязычного писателя Дж. Литтелла, Прилепин противопоставляет прозу своего современника предшествующей традиции, включая

знакового представителя западной традиции описания Первой мировой войны А. Барбюса и классика советской межвоенной литературы И. Бабеля. «Таких книг классика еще не знала. Что там вывернутый наизнанку морализм де Сада, порнографические забавы Аполлинера, ошпаренный кипятком младенец у Чехова, кровавая каша в сапогах Барбюса, физиологический натурализм Бабеля...» [Прилепин 2022]. При этом Прилепин отдает дань уважения своим предшественникам-баталистам – в предисловии к составленной Прилепиным антологии «Война» писатель упоминает культовые фигуры западной межвоенной литературы. «Войну живописали уже и Бальзак, и Гюго, а новый прорыв случился, когда Франция пережила жуть Первой мировой – тогда появились Анри Барбюс и Луи Арагон <...> Американцы, никогда не видевшие врага на своей материке, приняли Вторую мировую в национальную историю как свою войну. Отсюда и Эрнест Хемингуэй – пожалуй, самый известный в мире литератор, писавший о войне, и великолепный Норман Мейлер с его “Нагими и мертвыми” <...> Два, быть может противоположных, состояния немецкого человека на войне зафиксированы в текстах Эрнста Юнгера и Ремарка» [Прилепин 2018].

Явленная в публицистике критика идейных и эстетических основ «Потерянного поколения» отразилась на становлении собственной, новаторской поэтики военных текстов Прилепина. На внешнем, полемически непосредственном плане рецепции своих предшественников Прилепин проводит этическую и эстетическую переоценку достижений культовых фигур «Потерянного поколения», их современников и продолжателей. В данном плане характерно начало «романа-фантазмагории» «Некоторые не попадут в ад».

«Казарму нашему свежесобранному разведовательно-штурмовому батальону определили поздней осенью. Местом расположения стала разворованная в хлам ледяная гостиница, носившая имя чешской столицы и торта».

Гостиница действительно была похожа на старый, подсохший, надрезанный торт.

Скульптура солдата Швейка – слева от стеклянных дверей – располагалась почему-то посреди клумбы: словно солдат, не успевавший вернуться в расположение по нужде, побежал отлить на травку – и окаменел, настигнутый криком небесного дежурного» [Прилепин 2019: 5].

Прилепин подвергает деконструкции эстетические доминанты комической эпопеи Я. Гашека «Приключения Бравого солдата Швейка» – образ главного героя эпопеи и образ Праги как города конца «Прекрасной эпохи». Образ гостиницы «Прага» дан максимально сниженно – «разворованная в хлам», ледяная гостиница являет собой образ кризиса ев-

ропейского начала. Элемент европейской культуры в центре конфликта цивилизаций является диссонантной деталью – образ гостиницы-торта гротескно снижен. Монтаж образов чешской столицы и одноименного торта дает снижающий эффект: «мать городов», центр пересечения славянской и западноевропейской культур уподобляется испортившемуся кондитерскому изделию. Нетрудно заметить, что ироническая метафора торта доминирует над образом города. Как таковой самостоятельный образ Праги полностью отсутствует, его опущение – минус-прием, позволяющий писателю снизить идеологическое клише «закат Европы». Вслед за острашением образа гостиницы следует острашение центрального образа эпопеи. Фигура Бравого солдата Швейка решена в амбивалентной тональности – с одной стороны, в соответствии с духом оригинала, образ явно физиологически снижен, с другой стороны, в самом снижении заложено возвышение. Крик «небесного дежурного» – деталь-оксюморон, уподобляющая небесное воинство воинству земному, – несколько разбавляет общую ироническую тональность эпизода образом присутствия высшего мира в мире дольнем. (Вероятно, сам по себе образ загробного мира как армии вытекает из сцены сна кадета Биглера в романе Гашека – в этом эпизоде мотив путешествия в мир иной также острашается образами телесного низа.) Вслед за образом застывшего в вечности Бравого солдата Швейка возникают фигуры двух современных чехов-ополченцев. Образы солдат-чехов становятся посредниками между миром русских воинов-сепаратистов и неким антиглобалистским интернационалом – не случайно, что одного из чешских добровольцев рассказчик принимает за бойца-чеченца. Затем следует неисполненное желание рассказчика поделиться с чехами знанием фигуры Швейка – воображаемый рассказчик диалог рождает сцену воспоминаний чешских ополченцев об их командире. Диалог ополченцев со своими внуками также выполнен в иронической тональности. В частности, рассказчик иронически уподобляет свою фамилию фамилии Ленина (возможная отсылка на планировавшийся Гашеком том «Швейк в денщиках у Ленина» [Никольский: 134]). Самоирония позволяет автору снисходительно оценить свой труд – в воображаемом диалоге чешские солдаты переходят от обсуждения портрета Швейка в школьном учебнике (иронический знак вечности литературного канона) к упоминанию творчества их бывшего командира. Здесь присутствует ирония не только над собственным творчеством, но и над попытками воплотить реальность в литературе вообще – не случайно оба чеха не сходны с Бравым солдатом Швейком. В полном иронии отрывке диссонансом звучит тема всеобщности умирания. В конце диалога отцов и детей возникает тема смерти – смер-

ти не столько телесной, сколько духовной («Да, внучок, мы все погибли, я тоже погиб» [Прилепин 2019: 6]). И существование на войне, и жизнь после войны приводят к смерти, независимо от степени участия солдата в войне. Но мотив смерти в итоге «снимается» отчетливо «литературным» характером диалога. «Смерть героя», «духовная смерть» солдата на войне – лишь одна из литературных фикций «Потерянного поколения», имплицитно заявляет Прилепин в начале романа, в демонстративном названии которого можно прочесть мысль о том, что во время войны «смерти духовной» все же возможно избежать. После носящего отчасти энциклопедический характер упоминания, что «чехи Швейка, кстати, не очень любят – считают пародией на себя» [Прилепин 2019: 6], рассказчик отрицает право литературы быть похожей на жизнь. Прилепин заявляет о своем праве дописать, дополнить не столько комическую эпопею Гашека, сколько всю зарубежную батальную традицию. При этом данная традиция не полностью отрицается, а вводится в новый контекст романтизации конфликта на Донбассе – так, образ Швейка здесь становится мостом между западной и русской традициями (Прилепин акцентирует близкие русскому сознанию черты менталитета чехов, находящиеся между западно-европейской и русской культурами), между прошлым, настоящим и будущим человечества. Фигура Швейка объединяет три эпохи – Первую мировую войну, конфликт на Донбассе и гипотетическое будущее человечества, слитые в едином временном континууме литературной условности. Завуалированная критика как литературоцентризма, так и устоявшегося в литературной традиции образа войны здесь неожиданно сменяется мыслью о вечности литературного архетипа, отражающего жизнь при всем своем внешнем неправдоподобии. Реминисценция из Гашека задает противоречивый тон романа-фантазмагии, где мимесис и литературная условность неразрывно связаны, перетекают друг в друга. Таким образом, Прилепин отвергает поэтику западной межвоенной прозы как тотальный культурный диктат, но принимает ее как органичную часть метаморфозы подлинных военных впечатлений в сложную ткань фантазмагического повествования. В целом применение интертекста в самом начале романа-фантазмагии позволяет говорить о том, что текстуальные связи с западной межвоенной прозой для Прилепина крайне важны, хотя чаще всего не настолько предельно обнажены, как в экспозиции романа-фантазмагии «Некоторые не попадут в ад».

Таким же противоречивым представляется отношение Прилепина к Барбюсу и Ремарку, писателям, заново открывшим идею «братства воинов» и перенесших ее в пацифистский контекст. Роман А. Барбюса «Огонь» («Дневник взвода») открывает тему

фронтового товарищества в литературе, посвященной Перовой мировой войне [Похаленков: 91]. Барбюс реструктурирует идею фронтовой дружбы в контексте революционного пацифизма – фронт для Барбюса становится парадоксальным местом объединения разрозненных мирной жизнью людей в единое сообщество воюющих. («“Героем” дневника Барбюса является не один человек, а группа солдат (взвод). Тема романа – не судьба отдельного человека (солдата), а медленное исчезновение социальных различий между французскими солдатами и их немецкими противниками» [Похаленков: 101]). Барбюс далек от идей непротивления злу и тем более от распространяемого в его эпоху «пораженчества», но признает за военными подвигами амбивалентный характер: «Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет наконец приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнелия или же с подвигами апашей?» [Барбюс: 237]. Именно война, при всем ее разрушительном характере, становится для Барбюса местом обретения «ясности», моральной определенности, поворотом к действительности революционной борьбы. Прилепин, в своих высказываниях отрицающий этические и эстетические принципы Барбюса, все же во многом сходен с ним как в нравственном, так и в поэтическом планах. Отдаленную переключку с Барбюсом можно найти и в давней названии романа «Некоторые не попадут в ад» этической ситуации: ополченцы понимают, что, обстреливая расположение украинских войск, они могут случайно задеть и мирное население – и способны в итоге попасть как в рай, так и в ад. «Пока я гонял в голове мысль, какой вариант предпочтительный: сейчас угодить в ад, но с правом на адвокатуру (явный недолёт), либо чуть позже, но стопроцентный, не подлежащий пересмотру (явный перелёт), – сзади хлопнул выстрел» [Прилепин 2019: 43]. Если персонаж Барбюса обращается к потомкам как справедливым судьям противоречивых деяний французских воинов, чьи подвиги балансируют на грани свершений классицистических героев и преступлений парижских уличных преступников, то герой Прилепина обращается к другому субституту совести – образам грядущего небесного суда, рая и ада, в которых действия ополченцев получают адекватную оценку. Этика милитариста Прилепина и пацифиста Барбюса парадоксально совпадает – они признают как необходимость военного героизма, так и его катастрофические, «инфернальные» последствия. При всем сходстве коллизий приведенных выше отрывков из «Огня» и «Некоторые

не попадут в ад» можно отметить, что высокий пафос Барбюса сменяется у Прилепина трагикомической иронией, несколько снижающий образ войны как ада – упоминание слова «адвокатура» по отношению к загробному суду понижает пафос признания лирического героя. (Примечательно, что вынесенный в заглавие романа инфернальный мотив, изначально присущий творчеству Прилепина [Малышева: 9], частотен и у Барбюса – от его раннего романа «Ад» до отсылок к Дантовскому «Аду» в «Огне».) Отчетливо разговорная тональность речи автопсихологического героя Прилепина противопоставит героической патетике капрала Бертрана, чающего избавления от кошмара войны в идеалах революционного пацифизма. Завуалированно ироническая апелляция к миру иному, а не гипотетическому светлему будущему раскрывает скептицизм Прилепина по отношению к идее мира без войны – война изначально присуща человеческому существованию, и ее последствия могут быть осуждены только силой, высшей, чем сам поглощенный борьбой за существование человек. Антропологический оптимизм Барбюса Прилепиным отрицается – реальность войны на Донбассе доказала ошибочность тезиса революционного гуманиста Барбюса о нравственном прогрессе человечества, патетически обозначенном Барбюсом как некий мистический «рок». В поэтике Прилепина доминирует мужественное признание ответственности воинов за катастрофические последствия своих поступков при признании бытийного статуса войны, а не пацифистский пафос Барбюса – от антивоенной направленности творчества французского писателя Прилепин дистанцируется. В «Ополченском романсе» сходство с «Огнем» Барбюса увеличивается: как и «Огонь», «Ополченский романс» является предельно фрагментированным эпосом, своего рода новеллизированным романом. Оба текста начинаются с картины мирной жизни, сменяющейся описаниями военных действий (глава «Видение» в романе Барбюса, новелла «Жизнь» в цикле Прилепина). Как в «Огне», так и в «Ополченском романсе» важную роль играет постоянная смена мест действия, монтаж, своего рода энциклопедический характер отображения войны. Выскажем предположение, что создающая монтажный эффект лаконичность названий новелл Прилепина дублирует лапидарность названий глав «Огня» («Видение», «В земле», «Смена», «Стоянка», «Погрузка», «Отпуск», «Портик», «Солдатский скарб», «Идиллия», «Бомбардировка», «Огонь», «Прогулка», «Работа», «Заря» [Барбюс: 318] у Барбюса; «Жизнь», «Шахта», «Дорога», «Холод», «Контрабанда», «Заправка», «Контакт», «Луч», «Отъезд», «Пленные», «Дитя», «Работяги», «Домой» [Прилепин 2020: 5] у Прилепина). Симптоматично, что названия «Рабо-

та» в «Огне» и «Работяги» в «Ополченском романсе» стоят на одинаковой архитектурной позиции – они озаглавливают предпоследние главы обоих текстов, что позволяет сделать предположение об интертекстуальной связи произведений Барбюса и Прилепина). Близость Прилепина Барбюсу наблюдается и в социальных характеристиках «братства воинов». Как французские, так и донецкие бойцы первоначально принадлежат к различным социальным stratum, и война становится для них местом нахождения общности (глава «В земле» в романе «Огонь» и новелла «Работяги» в «Ополченском романсе»). Прилепин, как и Барбюс, разоблачает тыловое сообщество, паразитирующее на войне – в этом плане характерны как XXII глава «Огня» («Прогулка»), так и новелла «Контакт» Прилепина. Но данные сходства не отрицают и различия позиций писателей – главным отличием поэтики Прилепина от поэтики Барбюса является отношение к сущности войны. Если для Барбюса Первая мировая война является важнейшей предпосылкой революции, то для Прилепина война на Донбассе – непосредственное проявление революционного процесса. Герои Прилепина обретают «ясность» не в понимании бессмысленности войны, но в признании военного опыта как основы для героического порыва к преобразению личности (героизм героев Прилепина – это «онтологическое путешествие к обретению собственного “я” через преодоление своей естественной “тварной” сущности» [Аристов: 99]).

Во многом Прилепин близок и к Э.-М. Ремарку – фронтовое товарищество всех его главных военных текстов так или иначе тяготеет именно к ремарковскому видению, пусть и полемически трансформированному. Элементы «ремаркизма» в поэтике Прилепина уже рассматривались в критике. А.В. Татаринов в своем отзыве на роман «Некоторые не попадут в ад» отмечал: «...образ ребёнка и сопровождающая его нежность присутствуют в формально милитаристском романе. У войны здесь женские черты, бойцы – ласковые дети. Можно вспомнить и Ремарка, ведь перед читателем появляется грустная утопия большой семьи, доброго касания душ, мужской собранности без лишнего пафоса и давления идеологем» [Татаринов]). Если для поэтики «Огня» Барбюса не характерно ностальгическое обращение к образу родного дома, то в романе Ремарка «На западном фронте без перемен» оно является одной из мотивных опор текста [Похаленков: 115] – и данная черта поэтики немецкого писателя так или иначе присутствует во многих эпизодах поздних военных текстов Прилепина («Некоторые не попадут в ад», «Ополченский романс»). Здесь убежденный милитарист Прилепин все же ближе пацифисту Ремарку, а не идейно родственному ему Э. Юнгеру. Таким образом, Прилепин, критиковавший пацифистский по-

сыл поэтики Барбюса и Ремарка, все же продолжает ориентироваться на их идею фронтового товарищества и обращаться к их художественным приемам. При этом отметим, что в баталистике Прилепина есть и отсылки к философии «Тотальной мобилизации» Юнгера. Юнгеровская идея полной вовлеченности всего человечества в тотальную войну реализуется Прилепиным максимально убедительно – наиболее ярко эта идея отражена в кульминационной сцене покушения на дочь Лесенцова в новелле «Дитя». Инверсия хрестоматийного юнгеровского образа «дитя в колыбели», заключенная в сцене пограничного состояния ребенка на войне, органично завершает частотный для поэтики Прилепина образ детства [Гусева 2013; Гусева 2014].

Перспективным представляется и сравнение военной прозы Прилепина с текстами американских представителей «Потерянного поколения». Одной из наиболее авторитетных фигур для Прилепина стал Э. Хемингуэй [Янковская: 69]. Влияние Хемингуэя на Прилепина прослеживается еще в «Патологиях». Выскажем предположение, что кульминационная сцена романа Хемингуэя «Прощай, оружие!» – спасение лейтенанта Генри, переплывающего реку под обстрелом итальянского заградительного отряда, стала прототипом двух эпизодов «Патологий», связанных со спасением героя в водной стихии. Хронологически первый случай спасения Егора Ташевского отчетливо напоминает кульминационный эпизод романа Хемингуэя – Ташевский переплывает затопленный дождевой водой овраг под пулями чеченских боевиков. При этом Прилепин привносит в эпизод отсутствующий у Хемингуэя мотив обретения товарищества – после своего спасения Егор обретает товарища в лице Монаха, до этого воспринимаемого им как полного аутсайдера в среде военных (Ташевский здесь противопоставлен Генри, теряющим после бегства-инициации всякую связь с фронтовым миром [Похаленков: 153]). Фигура Монаха также решена в духе полемики с Хемингуэем – прилепинский герой является своеобразным двойником священника, чуждого военной среде персонажа романа «Прощай, оружие!». Монах, как и священник, терпит от своих товарищей по оружию насмешки и непонимание. В отличие от Хемингуэя, который оставил своего персонажа неизменным, Прилепин в итоге дополняет образ Монаха новыми чертами. В конце романа Монах проявляет себя как полноправный член воинского коллектива – изменение образа героя раскрывает полемический характер милитаризма Прилепина по отношению к пацифизму раннего Хемингуэя. Вторым полемическим повторением кульминационного эпизода «Прощай, оружие!» становится спасение Егором его приемного сына. Таким образом, мотив спасения от водной стихии как крещения, очищения от греха, удваива-

ется (М.В. Баркина отмечала: «Вода в “Патологиях” есть стихия, порождающая жизнь, очищающая ее, способствующая движению, поглощающая в своих безднах, то есть являющая собой диалектическое единство жизни и смерти» [Баркина]). В архитектонике романа данный эпизод является первым, и здесь также можно увидеть полемику с предшественником. Хемингуэй завершает свой роман сценой переживания лейтенантом Генри смерти Кэтрин и ее ребенка – дождь, окружающий героя, являет собой символ безразличия природы к человеку. Прилепин же начинает свой текст с мотива обретения героем отцовства. Спасая приемного сына от символизированного водной пучиной враждебного мира, Ташевский завершает свою инициацию. Таким образом, Прилепин противопоставляет свой извод философии трагического оптимизма пессимистическому стоицизму Хемингуэя. В романе-фантазмагии «Некоторые не попадут в ад» Прилепин продолжает обращаться к поэтике Хемингуэя – так, уже Г. Юзефович в своем анализе романа отметила близость позиции автобиографического персонажа Прилепина к героям Хемингуэя («Образ высокомерного и, чего греха таить, по-хемингуэевски самодовольного рассказчика, упивающегося контрастом между опасностями войны и собственной красочной жизнью (и славой) за пределами Донбасса» [Юзефович: 232]).

Трансформируя приемы и концепты западной межвоенной литературы, Прилепин идет от полемики с принципами «Потерянного поколения» к их творческому приятию. В своих поисках писатель как опирается на достижения своих предшественников, так и отталкивается от них. Главными чертами сходства Прилепина с писателями межвоенной эпохи становится принятие идеи фронтового товарищества, концепция инициации героя на войне, специфика юмора, применение приемов остранения и монтажа. Все эти доминанты радикально трансформированы – осовременивая ведущие мотивы западной баталистики первой половины XX в., Прилепин смещает акценты с неприятия войны на признание ее доминирующей роли в существовании человека. Прилепин отрицает пацифизм «Потерянного поколения», но эстетически и этически оказывается продолжателем традиций великих западных писателей межвоенной эпохи – Гашека, Барбюса, Ремарка, Хемингуэя, единых в своем гуманистическом видении человека в мире.

Список литературы

Аристов Д.В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 191 с.

Баркина М.В. Мотивика войны в романе «Патологии» Захара Прилепина / Электронная библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/motivika-voyny-v-romane-patologii-zahara-prilepina (дата обращения: 07.03.2021).

Барбюс А. Огонь (дневник взвода). М.: Правда, 1982. 320 с.

Гусева Е.В. Концепция детства в творчестве З. Прилепина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 222 с.

Гусева Е.В. Мир детства и его художественное воплощение в романе З. Прилепина «Патологии» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2013. № 3. С. 32–41.

Лаборатория Фантастики URL: <https://fantlab.ru/work1126099> (дата обращения: 07.03.2021).

Мальшиева А.И. «Клинический реализм» Захара Прилепина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 20 с.

Никольский С.В. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М.: Индрик, 1997. 172 с.

Похаленков О.Е. Мотивные комплексы и повествовательные стратегии романов «Потерянного поколения» в контексте военной прозы XX века: дис. ... док. филол. наук. Смоленск, 2018. 369 с.

Прилепин З. В атаку! За Родину! На здоровье! URL: <https://pub.wikireading.ru/68218> (дата обращения: 12.12.2021).

Прилепин З. Война. War. Антология. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=201687> (дата обращения: 12.12.2018).

Прилепин З. Некоторые не попадут в ад: роман-фантазмагория. М.: Издательство АСТ, 2019. 382 с.

Прилепин З. Ополченский романс. М.: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной, 2020. 349 с.

Прилепин З. Таких книг классика еще не знала URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2012/01/15/47714-takih-knig-klassika-esche-ne-zнала> (дата обращения: 30.11.2021).

Татаринов А.В. Роман как послание Императору. О «фантазмагории» Захара Прилепина. URL: <https://litrossia.ru/item/roman-kak-poslanie-imperatoru/> (дата обращения: 07.03.2021).

Юзефович Г. Таинственная карта. Неполный и неокончательный путеводитель по миру книг. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 511 с.

Янковская Л.С. Автопсихологизм героя в прозе З. Прилепина: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 185 с.

References

Aristov D.V. *Russkaja batal'naja proza 2000-h godov: tradicii i transformacii*: dis. ... kand. filol. nauk. [Russian battle prose of the 2000s: traditions and transformations: PhD thesis]. Perm', 2013, 191 p. (In Russ).

Barkina M.V. *Motivika vojny v romane «Patologii» Zahara Prilepina* [The motive of war in the novel “Pa-

thology” by Zakhar Prilepin], Jelektronnaja biblioteka Kiberleninka [electronic library Cyberleninka]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivika-voyny-v-romane-patologii-zahara-prilepina> (access date: 07.03.2021). (In Russ).

Barbusse H. *Ogon' (dnevnik vzvoda)* [Under Fire: The Story of a Squad]. Moscow, Pravda Publ., 1982, 320 p. (In Russ).

Guseva E.V. *Koncepcija detstva v tvorchestve Z. Prilepina*: dis. ... kand. filol. nauk. [The concept of childhood in the work by Z. Prilepin: PhD thesis]. Moscow, 2014, 222 p. (In Russ).

Guseva E.V. *Mir detstva i ego hudozhestvennoe voploshhenie v romane Z. Prilepina «Patologii»* [The world of childhood in Zahar Prilepin's Novel “Pathologies”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Literaturovedenie, zhurnalistika»* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “Literary criticism, journalism”], 2013. № 3. pp. 32–41. (In Russ).

Fantlab URL: <https://fantlab.ru/work1126099> (access date: 07.03.2021). (In Russ).

Malyshcheva A.I. *«Klinicheskij realizm» Zahara Prilepina*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [“Clinical Realism” by Zakhar Prilepin: PhD thesis, summary]. Voronezh, 2017, 20 p. (In Russ).

Nikol'skij S.V. *Istorija obraza Shvejka. Novoe o Jaroslave Gasheke i ego geroe* [The history of the image of Schweik. New about Yaroslav Hašek and his hero]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 172 p. (In Russ).

Pohalencov O.E. *Motivnye komplekсы i povestvovatel'nye strategii romanov «Poteryannogo pokolenija» v kontekste voennoj prozy XX veka*: dis. ... dok. filol. nauk. [Motive complexes and narrative strategies of the novels of The Lost Generation in the context of military prose of the 20th century: DSc thesis]. Smolensk, 2018, 369 p. (In Russ).

Prilepin Z. *V ataku! Za Rodinu! Na zdorov'e!* [Attack! For the Motherland! To health!]. URL: <https://pub.wikireading.ru/68218> (access date: 12.12.2021). (In Russ).

Prilepin Z. *Vojna. War. Antologija* [War. Anthology]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=201687> (access date: 12.12.2018). (In Russ).

Prilepin Z. *Nekotorye ne popadut v ad: roman-fantasmagorija* [Some Won't Go to Hell: A Phantasmagoria Novel]. Moscow, AST Publ., 2019, 382 p. (In Russ).

Prilepin Z. *Opolchenskij romans* [Militia romance]. Moscow, AST Publ.: Edited by Elena Shubina, 2020, 349 p. (In Russ).

Prilepin Z. *Takih knig klassika eshhe ne znala* [The classics did not know such books yet]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2012/01/15/47714-takih-knig-klassika-esche-ne-zнала> (access date: 30.11.2021). (In Russ).

Tatarinov A.V. *Roman kak poslanie Imperatoru. O «fantasmagorii» Zahara Prilepina* [The novel as a message to the Emperor. About the “phantasmagoria” by

Zakhar Prilepin]. URL: <https://litrossia.ru/item/roman-kak-poslanie-imperatoru/> (access date: 07.03.2021). (In Russ).

Juzefovich G. *Tainstvennaja karta. Nepochatennyj i neokonchatel'nyj putevoditel' po miru knig* [Mystery card. An incomplete and inconclusive guide to the world of books]. Moscow, AST Publ., Edited by Elena Shubina, 2020. 511 p. (In Russ).

Jankovskaja L.S. *Avtopsihologizm geroja v proze Z. Prilepina*: dis. ... kand. filol. nauk. [Autopsycholo-

gism of the hero in the prose of Z. Prilepin: PhD thesis]. Saratov, 2018, 185 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 168–174. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 168–174. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 82.0

EDN ETSMRI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-168-174>

СЕКВЕНЦИЯ *VICTIMAE PASCHALIS*: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ (английский, итальянский, русский)

Вишневская Елена Александровна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
avgusta.vsn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8493-1413>

Аннотация. Статья посвящена анализу переводов средневековой латинской секвенции *Victimae Paschalis* на английский, итальянский и русский языки. Материалом для исследования послужили тексты, выбранные на богословских и популяризаторских сайтах, созданные на протяжении XX века и относящиеся к разным культурным традициям. Актуальность исследования обусловлена тем, что в наше время религиозная литература рассматривается как часть мирового литературного процесса. В частности, христианская средневековая латинская гимнография – как часть корпуса средневековых поэтических текстов. Наличие современных переводов на народные языки свидетельствует об интересе в обществе к этому жанру. Ставились задачи проанализировать переводы и выделить переводческие приемы и тактики, исследовать переводческий словарь, рассмотреть культурологическую составляющую, исследовать переводы с точки зрения мировоззрения переводчиков. Анализ показал, что переводы секвенции отражают различия мировоззренческих систем и, соответственно, целей, которые определили разницу стратегий переводов в разных языках.

Ключевые слова: секвенция, *Victimae Paschalis*, латинская гимнография, компаративистика, перевод, средневековая поэзия
Для цитирования: Вишневская Е.А. Секвенция *Victimae Paschalis*: опыт сравнения переводов (английский, итальянский, русский) Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 168–174. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-168-174>

Research Article

SEQUENCE *VICTIMAE PASCHALIS*: AN EXPERIENCE OF COMPARING TRANSLATIONS (English, Italian, Russian)

Elena A. Vishnevskaya, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
avgusta.vsn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8493-1413>

Abstract. The article is devoted to the analysis of translations of the medieval Latin sequence *Victimae Paschalis* into English, Italian and Russian. The texts selected on theological and popularization sites served as the material for the study. They were written during the 20th century and belong to different cultural traditions. The relevance of the study is due to the fact that in our time religious literature is considered as part of the global literary process. In particular, Christian medieval Latin hymnography is considered as part of the corpus of medieval poetic texts. The presence of modern translations into folk languages testifies to the interest in society in this genre. The tasks were to analyze translations and identify translation techniques and tactics, to explore the translation vocabulary, to consider the cultural component of the translations, to explore the texts in question from the point of view of the translators' worldview. The analysis showed that sequence translations reflect different worldview systems and goals, which determined different translation strategies in the given languages.

Keywords: sequence, *Victimae Paschalis*, Latin hymnography, comparative studies, translation, medieval poetry

For citation: Elena A. Vishnevskaya. Sequence *Victimae Paschalis*: an experience of comparing translations (English, Italian, Russian). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 168–174 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-168-174>

В настоящее время в культурном и научном странствах прослеживается высокий интерес к западной средневековой гимнографии. И в этом смысле представляется интересным знакомство с отдельными выдающимися произведениями литургической поэзии, не утратившими свою актуальность и в наши дни. В статье предпринята попытка представить некоторые итоги анализа переводов латинской пасхальной секвенции *Victimae Paschalis* на английский, итальянский и русский языки. Такой анализ представляет определенный исследовательский интерес, так как дает возможность увидеть жизнь этой секвенции в переводах, принадлежащих к разным эпохам, к разным мировоззренческим системам и имеющих разные цели.

Литературная и церковная традиция приписывает авторство секвенции знаменитому германскому поэту и историку Випону Бургундскому, жившему в XI веке. По свидетельству Мориса Фроста, англиканского священника, активного члена Общества изучения христианской гимнографии в Великобритании и Ирландии (*The Hymn Society of Great Britain and Ireland*), собиравшего и издававшего христианские песнопения, впервые текст секвенции обнаружен в Айнзидельской рукописи, датируемой концом XI века. Рядом с ним было написано имя Випона Бургундского [Frost: 217]. Период жизни и творчества автора приходился на время правления Конрада II (1024–1039) и его сына Генриха III (1039–1056). Предположительно, он был родом из северных германских областей, присоединенных к империи после 1032 г. [Ненарокова: 738]. Очевидно, что *Victimae Paschalis* получила широкую известность еще при жизни автора и сразу стала образцом для многочисленных подражаний. Последующие секвенции использовали ее первую строку как начальную и были положены на ту же мелодию. В оригинале *Victimae Paschalis* исполнялась вплоть до времен Реформации. С началом Реформации секвенция не была забыта. Ее неизменная популярность сохранялась на протяжении всего Средневековья и в Новое время получила продолжение в неоднократных переводах на народные языки.

Секвенция представляет собой особый жанр литургической гимнографии, созданный путем наложения прозаического текста на мелодию последнего слога в слове «Аллилуия». В одном из центральных мест литургии, между чтением Апостольских посланий и Евангелия, исполнялись особые гимны, оканчивающиеся «Аллилуиа», последний слог которого и распевался весьма живым, энергичным и красивым распевом. Однако интересующая нас секвенция вполне могла появиться и как самостоятельное произведение.

В плане содержания текст полностью посвящен воскресению Христа и Марии Магдалине, которая

идет к гробнице, исповедует там свою веру: «*Surrexit Christus spes mea!*» [Frost: 217], на что звучит единодушный ответ: «да, мы уверены, Христос воистину воскрес» [Frost: 217] (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи). Повторяются разные поэтические образы: закланый Агнец, поединок жизни и смерти, гроб Христа, встреча с Марией Магдалиной. Заключение отмечено призывом «Ты, победоносный Царь, помилуй нас!» [Frost: 217].

Язык *Victimae Paschalis* – это средневековая латынь. Секвенции, как правило, это простые тексты, написанные ясным языком с незапутанным синтаксисом, легко воспринимающиеся на слух и, что немаловажно, легко исполняющиеся. Текст разделен на свободные строфы неравной длины. Сложные, длинные синтаксические конструкции и сложные слова практически отсутствуют. Как правило, в богослужбном обиходе сохранялись тексты, которые с момента своего написания и в течение средних веков были необыкновенно популярны.

При всей простоте текста мы наблюдаем в нем рифму. В следующем примере можно увидеть такое риторическое средство, как гомеотелевтон (созвучие окончаний), подготовивший рифму к XII в.

Пример 1.

Dic nobis Maria, quid vidisti in <i>via</i> ?	Скажи нам, Мария Что ты видела на пути?
Sepulcrum Christi <i>viventis</i> , et gloriam vidi <i>resurgentis</i> :	Гробницу Христа живого И славу видела Воскресшего
Angelicos <i>testes</i> , sudarium, et <i>vestes</i> .	Ангелов свидетелей Плат и одежды [Frost: 217].

Материал для анализа переводов был получен в результате поиска в интернете на богословских и популяризаторских сайтах, посвященных григорианскому пению и церковной поэзии, а также на современных частных ресурсах. Были отобраны переводы, относящиеся к разным временным периодам и разным традициям.

Английские переводы представлены разными конфессиями. Есть чисто англиканская традиция, так называемая «High Church», представленная «Гимнарием» 1906 г. [The English Hymnal], и есть католическая в двух видах. Оба текста достаточно современные. Один опубликован на сайте католической общины в Техасе «Gregorian Chant Lyrics» [Gregorian Chant Lyrics], другой – на официальном сайте комиссии католических церквей, созданной после второго Ватиканского собора («Международная комиссия по использованию английского языка в литургии» / «The International Commission on English in the Liturgy (ICEL)») [An ICEL Variant].

Итальянские переводы удалось обнаружить на двух современных сайтах. Один из них содержит

широкий перечень религиозной и светской поэзии, популярные и ставшие классическими песни разных жанров (le3.it) [le3.it]. Второй – традиционный католический сайт, предоставляющий полный перечень богослужебных песнопений.

Первый перевод на русском языке был сделан С.С. Аверинцевым в научных целях и опубликован впервые в онтологии латинских текстов в 1972 году. В 2011 году этот текст был переиздан в «Памятниках средневековой латинской литературы X–XI вв.» ИМЛИ РАН [Памятники: 758]. Второй перевод является любительским. Под его текстом стоят фамилии Владимира Ковальджи и Петра Сахарова. Владимир Ковальджи – регент православной церкви, автор многих сочинений и обработок церковных песнопений, возглавляющий электронную церковно-певческую библиотеку «Клирос» [Страница Владимира Ковальджи]. Петр Дмитриевич Сахаров, как можно судить по его профилю в LiveJournal, является филологом, литургистом и христианским публицистом. Несколько лет был главным редактором католической студии «Дар» на Христианском церковно-общественном канале в Москве (радио «София») [Петр Сахаров]. На странице последнего и находится перевод, очевидно сделанный с конфессиональной целью, то есть для ознакомления российской общественности с латинской гимнографией как элементом богослужения и культуры [Петр Сахаров. Пасхальные дары].

Сопоставив переводы столь разных традиций и целей, можно выделить общее и отличительное в переводческих подходах. Проанализируем отдельные, самые яркие особенности перевода на три языка.

Представляется целесообразным начать с терминов. Анализ лексики в первой строфе показывает единодушные переводчиков в сохранении слова *victima* *жертва*. В английских и итальянских переводах сохраняется латинская форма слова, в русских повторяется значение. Термин «жертва» является заимствовани-

ем из церковно-славянского [Фасмер: 50] и вполне традиционен для церковной поэзии (см. пример 2).

В первом и втором английских переводах добавляется некоторое усиление: *offer sacrifice and praise* «вознесите жертву и хвалу» и *thankful praises* «благодарственные хвалы». Существительное *sacrifice* «жертва» и эпитет *thankful* «благодарственная» сообщают о литургическом характере жертвы. В случае с латинским словом *laus* «хвала» итальянские переводчики следуют за оригиналом и оставляют архаизм *lode*. Аверинцев применяет грамматическую трансформацию: существительное заменяется глаголом, динамичное действие усиливает ликование и напряжение пасхальной ночи.

Латинское *duellum* является архаичным вариантом слова *bellum* «война, борьба». Словарь Шарля Дюканжа уточняет значение слова *monomachia* – «единоборство сторон» или «судебный поединок», посредством которого в средневековой Европе разрешались споры в сложных юридических случаях [Du Cange]. Американский переводчик сохраняет большую близость к оригиналу, оставляет *duel* «официальный бой с оружием между двумя людьми, которые не пришли к соглашению, особенно по вопросу чести» [Oxford Learner's Dictionaries]. В Гимнарии и ICEL-переводе мы видим слово *combat*, также имеющее романское происхождение. Итальянские переводы оставляют латинский оригинал. Аверинцев выбирает высокое, поэтическое слово *борение* в значении «противоборство, столкновение, борьба», тем самым сохраняя стиль оригинала. Второй современный перевод использует *поединок*, то есть единоборство двух противников, – более нейтральное, но точное в отношении оригинала слово.

Наименование Христа в латинском оригинале *dux* «руководитель, вождь» [Lewis, Short] находит синонимичные эквиваленты в большинстве переводов: *Prince* «важный член королевской семьи, особен-

Пример 2.

Латинский текст	<i>Victimae Paschalis laudes</i> <i>immolent Christiani.</i>	Жертве Пасхальной хвалы Да приносят христиане.
EH1906	Christians, to the Paschal Victim offer your thankful praises!	
ICEL после 1963	Christians, to the Paschal Victim offer sacrifice and praise .	
Gregorian Chant Lyrics	May you praise the Paschal Victim , immolated for Christians.	
le3.it	Alla Vittima pasquale i cristiani offrano lodi .	
cantiperlaliturgia	Alla vittima pasquale, s'innalzi oggi il sacrificio della lode .	
Аверинцев	Жертву пасхальную звучно христиане да восславят!	
Ковальджи Сахаров	Да приносят христиане хвалу пасхальной жертве .	

но сын или внук короля или королевы» [Cambridge Dictionary] в Гимнарии и американском варианте, *il Signore* в обоих итальянских переводах, *Царь* во втором русском варианте. Обращают на себя внимание *Champion* в «an ICEL Variant» и субстантивированное прилагательное *Живый* у Аверинцева. Oxford Learner's Dictionary дает определение *Champion* как «человек, который победил в сражении» [Oxford Learner's Dictionaries] и «человек, который с энтузиазмом поддерживает, защищает или борется за человека, веру, право или принцип» [Cambridge Dictionary]; кроме широкого значения «победитель», это еще и борец, что усиливает значение борьбы, сражения, схватки. И это подкрепляется словом *combat*, которое уже есть в этом варианте перевода. У Ковальджи, Сахарова *Царь* – один из титулов славянских монархов, тоже заимствование из латинского *Caesar*, устойчивое наименование Бога – как, например, в православной традиции «Царю небесный». Относящееся к высокому стилю, взятое из церковнославянского языка прилагательное *Живый* вызывает в сознании человека, принадлежащего к христианской культуре, совершенно конкретные ассоциации с Богом, основанные на Священном Писании, и сохраняет идею господства и могущества.

Стилистическая разница прослеживается в некоторых переводческих решениях относительно латинских нейтральных *sudarium et vestes плат и одежды*. Прямое словарное соответствие в словарях Lewis – Short – ткань для вытирания пота, носовой платок [Lewis, Short]; *mouchoir* [Gaffiot]; (*носовой платок (для вытирания пота)*) в словаре ABBEE Linguo [ABBEE Linguo].

Пример 3.

EH 1906	shroud and napkin
ICEL	shroud with grave-clothe
Gregorian Chant Lyrics	winding cloth, and His garments
le3.it / cantiperlalturgia	il sudario e le vesti
Аверинцев	плат лежащий
Ковальджи, Сахаров	саван погребальный

В английских переводах отсутствует определенная последовательность в выборе стиля. Например, в Гимнарии более высокое *shroud* «ткань или длинный свободный кусок одежды, которым заворачивают тело перед погребением» [Cambridge Dictionary] сочетается с *napkin*, которое имеет бытовые смыслы. Второй английский переводчик, чтобы избежать этого, делает объяснительный перевод, выбирая *grave-clothes* «погребальное одеяние; саван» [ABBEE Linguo]. Американский переводчик также идет путем объяснительного перевода и заменяет *shroud*, являющееся к этому времени уже историзмом и, возможно, уже не всем знакомым среди американской

аудитории, на *winding cloth*, то есть ткань, в которую заворачивали покойника. В американском варианте появляется слово *garments* «любой предмет одежды» [Collins Dictionary] романского происхождения, высокого поэтического регистра, синоним одежды. В американской православной церкви оно используется также для обозначения облачения священника. Итальянские тексты едины в своем выборе. Русские эквиваленты «плат» и «саван» соответствуют поэтическому возвышенному регистру.

В немногочисленных эпитетах, которыми украшена секвенция, переводчики ожидаемо позволяют себе немного большую свободу выбора.

Пример 4.

Лат.	Christus innocens
АН	sinless
ICEL	undefiled
Gregorian Chant Lyrics	innocent
le3.it / cantiperlalturgia	innocente
Аверинцев	неповинный
Ковальджи, Сахаров	непорочный

В вышеприведенной выборке можно увидеть, что в английских текстах только американский переводчик стремится сохранить латинский оригинал и использует латинское *innocent* «невинный» [LatDict]. В Гимнарии – более общее понятие *sinless* «безгрешный» [ABBEE Linguo]. Это нейтральное слово для обозначения греха и более понятное современному человеку. Прилагательное *innocent* может наталкивать на размышление: в каком отношении невинный, в чем? *Sinless*, то есть свободный от любого греха, исключает подобные вопросы. Выделяется логика перевода «An ICEL Variant». В прилагательном *undefiled* «незапятнанный» подчеркивается духовная чистота, а также переводчик попытался передать внутреннюю словообразовательную форму латинского слова при помощи отрицательной приставки *in*, вероятно, чтобы передать возвышенный характер эпитета. Итальянские и русские переводы полностью идентичны оригиналу.

Интересно проследить, какое преломление нашло в переводах эпитетов, описывающих *duellum*, латинское слово *mirandus*. Мы видим вариативность.

Пример 5.

АН	combat stupendous
ICEL	combat strangely ended
Gregorian Chant Lyrics	wonderful duel
le3.it	stupefacente duello
cantiperlalturgia	prodigioso duello
Аверинцев	борение дивное
Ковальджи, Сахаров	поединок несравненный

Например, перевод «An ICEL Variant» стихотворный и поэтому более вольный. Тем не менее некоторый смысл он сохраняет. Понятие, вызывающее удивление, у него выражено через *strangely* «странно, необычно, удивительно» [ABBEE Linguo]. Первый английский переводчик стремиться быть ближе к тексту и выбирает английское заимствование *stupendous* от латинского *stupēre* «быть удивленным, пораженным» [Collins Dictionary], дающее более высокое звучание. Третий использует более простое, исконно английское *wonderful* «чрезвычайно хорошо» [Cambridge Dictionary]. Итальянские переводчики используют синонимы латинского происхождения. Аверинцев – славянизм. У Ковальджи, Сахарова менее удачный, на мой взгляд, прилагательное *несравненный* «превосходный, замечательный» [Ожегов: 340], потому что оно не передает значения *mirandus* «достойный удивления» [ABBEE Linguo].

При анализе глаголов также можно увидеть, что переводчики избирали разные пути решения своих задач в выборе языковых средств, иногда привнося дополнительные содержательные акценты и меняя стилевой регистр. Так, латинский глагол *immolo* в своем значении «приносить в жертву» [LatDict] «sacrifice, offer (victim) in sacrifice» в Английском гимнари [The English Hymnal] и в современном итальянском переводе (на сайте le3) заменяется более нейтральными *offer* и *offrire* соответственно [le3.it]. В более вольном поэтическом переводе Аверинцева – модуляция «да восславят», то есть жертва уже принесена, и сейчас на Пасхальном богослужении ее прославляют. Второй русский перевод использует

нейтральное «да приносят» – часть словосочетания, которым переводится *immolo*.

В примере 6 латинский глагол *redemit* (*redimo*) «выкупать, искупать» [LatDict] получает несколько соответствий. Например, в Гимнари мы видим *redeem*. Можно предположить, что схожесть с латинским оригиналом заставляет переводчика воспользоваться именно этим словом. Также обращает на себя внимание древнеанглийское окончание *-th*, архаическая форма, встречающаяся, например, в Библии Короля Иакова, которая придает большую торжественность речи. В русском переводе Аверинцева путем переводческой модуляции развивает смысл и меняет следствие причиной.

Говоря о глаголах, мы комментируем изменение грамматических форм, так как с любой грамматической формой связан определенный смысл. В переводе «An ICEL Variant» *the sheep are ransomed by the Lamb* – «овцы искуплены Агнцем» [An ICEL Variant], пассивный залог в этом случае перемещает фокус восприятия как бы с неба на землю. Этот переводческий прием передает большую значимость события для паствы. И если активный залог просто отражает событие, которое фиксируется в латинском тексте, то пассивный залог усиливает дидактическую направленность, показывает значение этого акта для паствы.

В этом же примере можно увидеть в двух более поздних английских переводах использование Present Perfect: *hath reconciled* [An ICEL Variant], *has reconciled* [Gregorian Chant Lyrics]. Латинский Perfectum Indicativi Activi соответствует двум временам в английском: the past simple и the present

Пример 6.

Латинский текст	Agnus redemit oves: Christus innocens reconciliavit peccatores.	Агнец искупил овец: Христос невинный (Отцу) примирил грешников.
АН	A Lamb the sheep redeemeth : Christ, who only is sinless, Reconcileth sinners to the Father;	
ICEL	The sheep are ransomed by the Lamb; and Christ, the undefiled, hath sinners to his Father reconciled .	
Gregorian Chant Lyrics	The Lamb redeemed the sheep: Christ, the innocent one, has reconciled sinners to the Father.	
le3.it	L'Agnello ha redento le pecorelle: Cristo innocente ha riconciliato i peccatori con il Padre.	
cantiperlaliturgia	L'Agnello ha redento il suo gregge: Cristo l'innocente, ha riconciliato i peccatori con il Padre.	
Аверинцев	Заклан Агнец за паству; Христос неповинный с Богом погрешивших примиряет .	
Ковальджи, Сахаров	Агнец стадо избавил , Сам Христос непорочный с Отцом примирил наш род греховный.	

completed [Collins: 82]. Только контекст определяет, какой перевод более подходит. Отсюда можно предположить мотивацию переводчиков. Английский Present Perfect в этом случае усиливает дидактическую направленность текста, показывая, что это событие произошло в прошлом, но длится и сейчас, имеет непосредственную связь с настоящим. Так вместо однократного и вечного действия получается действие, влияние которого распространяется на настоящее и, далее, на будущее.

Сопоставив тексты по принципам анализа лексики, синтаксиса, языкового регистра, стилистических средств и переводческих трансформаций, можно сделать следующие выводы.

Переводы секвенции *Victimae Paschalis* принадлежат к разным мировоззренческим системам и имеют разные цели. Так, богослужебную функцию имеют только итальянский и английские переводы. Русские переводы имеют только эстетическую и научную ценность. Задача русского перевода – познакомить российскую аудиторию с латинской культурой. Для итальянского и английских переводов стоит задача сохранить текст для богослужебной практики. Исходя из этого, переводчики выбирали соответствующие языковые и стилистические средства.

Наибольшее разнообразие переводческих решений наблюдается в английских переводах. Вследствие обилия латинских и в целом романских заимствований английский переводчик обладает более разнообразными ресурсами, чем русский и итальянский переводчики. В ряде случаев эти ресурсы играют, с одной стороны, на повышение торжественности речи и стилистической окраски, а с другой – могут усиливать дидактическое воздействие на читателя. Однако часто переводчики непоследовательны, у них не наблюдается какой-то единой стратегии перевода, например сделать его более торжественным или более понятным.

Можно выделить следующие варианты переводческих стратегий:

1. Приближение к латинскому оригиналу, где переводчик пользуется теми же словами, заимствованными из латыни, или однокоренными словами романского происхождения.

2. Сделать перевод совершенно нейтральным в стилистическом отношении, более понятным и доступным. К таковым можно отнести оба современных итальянских перевода и перевод, выполненный В. Ковальджи и П. Сахаровым. То же можно сказать об американском варианте английского перевода. Переводчик подбирал либо исконно английские слова, либо такие заимствования, которые уже укоренились в языке и поэтому не выглядят как стилистически возвышенные.

3. Автор подбирает слова таким образом, чтобы усилить дидактическое воздействие текста на читате-

ля или слушателя, акцентировать отдельные оттенки смысла, содержащиеся в латинском оригинале. Например, может менять фокус, точку зрения, ставить в центр не самого Спасителя, а его паству либо может усиливать смысл борьбы между жизнью и смертью, Богом и сатаной.

Список литературы

Жолудева Л.И. Особенности поэтики гимнов «Римского бревиария» в стихотворном переводе Раффаэле Персоне // *Христианская гимнография: история и современность*. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 591 с.

Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль. 1987. 206 с.

Ненарокова М.Р. Випон Бургундский // *Памятники средневековой латинской литературы X–XI века / отв. ред. М.С. Касьян*. М.: Наука, 2011. 894 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2013. 739 с.

Памятники средневековой латинской литературы X–XI века / отв. ред. М.С. Касьян. М.: Наука, 2011. 894 с.

Петр Сахаров. Пасхальные дары. URL: <https://piotr-sakharov.livejournal.com/31122.html> (дата обращения: 29.03.2021)

Петр Сахаров: профиль. URL: <https://piotr-sakharov.livejournal.com/profile> (дата обращения: 29.03.2021).

Страница Владимира Ковальджи. URL: <http://vladimirk.ru/> (дата обращения: 29.03.2021).

Топорова А.В. Жанровая специфика средневековой итальянской гимнографии // *Христианская гимнография: история и современность*. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 591 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1986. Т. 2. 671 с.

ABBEE Linguo. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/la-ru/sudarium> (дата обращения 29.03.2022).

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/> (дата обращения 21.03.2022).

Charlton T. Lewis, Charles Short. A Latin Dictionary. URL: <http://www.perseus.tufts.edu> (дата обращения 20.03.2022).

Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/garment> (дата обращения 21.03.2022).

Collins John F. A primer of ecclesiastical latin. The Catholic University of America Press Washington, D. C., 1991, p. 82.

Du Cange, et al. Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Niort: L. Favre, 1883-1887. URL: <http://ducange.enc.sorbonne.fr/> (дата обращения: 29.03.2021).

Frost M. *Historical Companion to Hymns Ancient and Modern*. London, William Clowes & Sons, 1962, 716 p.

Gaffiot F. *Dictionnaire latin-français*. URL: <http://micmap.org/dicfro/search/gaffiot/sudarium> (дата обращения 20.03.2022).

Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it/ricerca/?q=dizionario> (дата обращения: 29.03.2021).

Gregorian Chant Lyrics and English Translations. URL: http://www.chanted.com/lyrics/victimae_paschali.htm (дата обращения: 17.12.2021).

Hoppin R.H. *Medieval Music (The Norton Introduction to Music History)*, W.W. Norton & Company, 1978, 592 p.

Julian J. *A dictionary of hymnology: Setting forth the Origin and History of Christian Hymns of all Ages and Nations*. Dover Publications, Inc. New York, 1957, vol. 2, 1768 p.

LatDict. Latin Dictionary & Grammar Resources. URL: [https://latin-dictionary.net/definition/22776/immolare-immolavi-immolatus#:~:text=verb,%2C%20offer%20\(victim\)%20in%20sacrifice](https://latin-dictionary.net/definition/22776/immolare-immolavi-immolatus#:~:text=verb,%2C%20offer%20(victim)%20in%20sacrifice) (дата обращения 21.03.2022).

le3.it. URL: <https://www.le3.it/cc/canto.php?idCanti=3528> (дата обращения: 17.12.2021).

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/redeem> (дата обращения 21.03.2022).

Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 21.03.2022).

The English Hymnal. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.45181/page/n127/mode/2up?q=Paschal+Victim+> (дата обращения: 29.03.2021).

The International Commission on English in the Liturgy (ICEL). URL: <http://www.icelweb.org/> (дата обращения: 29.03.2021).

Victimae Paschalis laudes (An ICEL Variant). URL: <https://stlouis.org/documents/2020/4/Victimae%20paschali%20laudes.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).

Weissbort D., Eysteinson A. *Translation: Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford University Press, 2006, 672 p.

Zingarelli N. *Vocabolario della Lingua Italiana*. URL: <https://www.zanichelli.it/ricerca/prodotti/vocabolario-della-lingua-italiana> (дата обращения: 29.03.2021).

References

Zholudeva L.I. *Osobennosti poetiki gimnov «Rim-skogo breviarii» v stikhotvornom perevode Raffaele Persone* [Features of the poetics of the hymns of the "Roman Breviary" in verse translation by Raffaele Persone]. *Khristianskaia gimnografiia: istoriia i sovremennost'* [Christian hymnography: history and modernity]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 591 p.

Mel'nikova E.A. *Mech i lira. Anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose* [Sword and lyre. Anglo-Saxon society in history and epic]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, 206 p.

Nenarokova M.R. *Vipon Burgundskii* [Vipon of Burgundy]. *Pamiatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XI veka* [Monuments of Medieval Latin Literature of the X–XI century], ex. ed. M.S. Kas'ian. Moscow, Nauka Publ., 2011, 894 p.

Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2013, 739 p.

Pamiatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XI veka [Monuments of medieval Latin literature of the X–XI century], ex. ed. M.S. Kasyan. Moscow, Nauka Publ., 2011, 894 p.

Petr Sakharov. *Paskhal'nye dary* [Petr Sakharov. Easter gifts]. URL: <https://piotr-sakharov.livejournal.com/31122.html> (access date: 29.01.2021).

Petr Sakharov. *Profil'* [Petr Sakharov. Profile]. URL: <https://piotr-sakharov.livejournal.com/profile> (access date: 29.01.2021).

Stranitsa Vladimira Koval'dzhi [Vladimir Kovaldzhii's page]. URL: <http://vladimirk.ru/> (access date: 29.01.2021).

Toporova A.V. *Zhanrovaia spetsifika srednevekovoi ital'ianskoj gimnografii* [Genre specifics of medieval Italian hymnography]. *Khristianskaia gimnografiia: istoriia i sovremennost'* [Christian hymnography: history and modernity]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 591 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 2, 671 p.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 175–184. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 175–184. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN EUZBSM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184>

«ИДИОТ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОЧТЕНИИ КАТОЛИЧЕСКИХ БОГОСЛОВОВ

Катерина Корбелла, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия,
cate.corbella@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5996-0127>

Аннотация. В статье анализируются прочтения романа Ф.М. Достоевского «Идиот» четырьмя выдающимися католическими богословами XX в.: Романо Гуардини, Анри Де Любаком, Хансом Урсом фон Бальтазаром, Диво Барсотти. Работы Де Любака, Бальтазара и Барсотти рассмотрены в хронологическом порядке; работе Гуардини, в которой вопрос о художественном слове в «Идиоте» поставлен наиболее прямо, уделяется в статье особенное внимание. Отмечается, что для Гуардини наиболее значимой является возможность неоднозначного толкования героя, которая становится для него ключом к произведению и к его богословскому содержанию. Особое внимание в статье уделяется оценке католическими богословами образа князя Мышкина. Мышкин для Де Любака – «глашатай религиозного чувства», для Бальтазара – «христианин», для Барсотти – несостоявшийся образ Христа, который, по сути, оказывается просто «гностицистским спасителем» и «атеистом», для Гуардини же любое из этих толкований сводит роман до уровня банальности: он считает, что в князе надо разглядеть «символ» Христа, удивительную попытку автора изобразить Его присутствие в человеке.

Ключевые слова: Достоевский, князь Мышкин, Романо Гуардини, Анри Де Любак, Ханс Урс фон Бальтазар, Диво Барсотти, богословие, рецепция.

Для цитирования: Корбелла К. «Идиот» Ф.М. Достоевского в прочтении католических богословов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 175–184. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184>

Research Article

DOSTOEVSKY'S *THE IDIOT* IN THE INTERPRETATION OF CATHOLIC THEOLOGIANS

Caterina Corbella, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
cate.corbella@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5996-0127>

Abstract. The article analyses different readings of Dostoevsky's novel *The Idiot* by four prominent Catholic theologians: Romano Guardini, Henri De Lubac, Hans Urs von Balthasar, Divo Barsotti. The works by De Lubac, Balthasar, and Barsotti are considered in a chronological order, while Guardini's text is analyzed at the end of the paper, as it raises the question on the nature of the artistic word in *The Idiot* more directly. The history of the Catholic reception of Dostoevsky's *The Idiot* attests that in this novel the Russian writer managed to create a literary work that is perceived by the reader as highly ambivalent. The connection between the main character, Prince Myshkin, and Christ is evident, however, it can be interpreted in very different ways. This ambivalence becomes for Guardini a key to a deeper understanding of the novel and its theological content.

Keywords: *The Idiot*, Prince Myshkin, Romano Guardini, Henri De Lubac, Hans Urs von Balthasar, Divo Barsotti, theology and literature, Catholic reception of Dostoevsky's work.

For citation: Corbella C. Dostoevsky's *The Idiot* in the Interpretation of Catholic Theologians. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 175–184 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184>

В данной статье анализируются разные прочтения романа Ф.М. Достоевского «Идиот» четырьмя выдающимися католическими богословами XX в. Это Романо Гуардини, Анри Де Любак, Ханс Урс фон Бальтазар, Диво Барсотти¹. Попытка комплексно рассмотреть «богословские» толкования отдельного произведения Достоевского была принята сравнительно недавно итальянским исследователем Эмануэле Римоли, который в своей книге *Libertà alla prova. Commento teologico alla Leggenda del Grande Inquisitore* собрал комментарии богословов разных конфессий о поэме «Великий инквизитор» [Rimoli]. Работа направлена прежде всего на выявление «богословской актуальности и богословских тем», содержащихся в Легенде [Rimoli: 8]²; в ней Римоли не только систематизирует существующие материалы, но также, исходя из них, предлагает читателю интерпретацию поэмы, указывая на богословие как на «наиболее подходящее и подлинное направление для [ее] толкования» [Rimoli: 223]. В данной же статье внимание обращено к роману, который меньше всех произведений Достоевского поддается анализу «по темам» богословским, антропологическим или философским: из «Идиота» труднее «извлечь свод богословских высказываний – и считать, что это и есть богословие Достоевского» [Богословие: 16], как часто бывает, например, с Великим инквизителем. В «Идиоте» «ощущаешь могучее и глубокое присутствие Бога и без того, чтобы о Нем много говорилось» [Гвардини: 194]; здесь наиболее четко можно ощутить, что авторское слово – в частности авторское богословское слово: слово о Боге или о человеке в отношении с Богом – в текстах Достоевского передается принципиально другим образом, не прямым высказыванием [Касаткина 2019] [Касаткина 2021a]. В истории восприятия «Идиота» об этом свидетельствуют многочисленные отечественные исследования, часто дающие далекие друг от друга или даже противоположные оценки образа князя и его роли в романе (см.: [Роман]). Как мы увидим, это отражается и в католических попытках толкования «Идиота».

Французский иезуит **Анри Де Любак** рассматривает роман «Идиот» в своей работе 1944 г. *Le Drame de l'humanisme athée* [De Lubac]. В книге исследуются корни того, что Де Любак называет «атеистическим гуманизмом», который он в своей работе неоднократно определяет как «антитеизм... а если точнее, антихристианство» [Де Любак: 3]. Фейербах, Конт и Ницше представлены в книге как основатели этого нового и, по их мнению, окончательного безбожия. Ему противопоставляется сила веры, выраженной в романах Достоевского.

По мнению Де Любака, русский писатель предсказывает и раскрывает главные формы атеизма нового времени и последовательно показывает крах жизни

человека, желающего устроиться на земле без Бога. В этом анализе «Идиот» занимает особое место. Размышления Ипполита о картине Гольбейна, изображающей тело мертвого Христа [Достоевский 8: 339], являются для Де Любака «мощным символическим выражением атеизма», точнее – «соперничества, которое пытается навязать Богу Живому вселенскую Необходимость» [Де Любак: 216]³. Из них рождается вопрос о роли человека, о диапазоне его возможностей на земле. В ответе на этот вопрос Де Любак обнаруживает разницу между Ницше и Достоевским, избирающими противоположные пути: путь человека и путь Богочеловека.

Слова Ипполита становятся своего рода «введением» к галереи атеистических типажей, которым будет посвящена отдельная глава по названию «Крах безбожия» [Де Любак: 235–262]. По мнению Де Любака, Достоевский, раскрывая позиции безбожников, каждый раз показывает их несостоятельность тем, что «человек – существо теотропное» [Де Любак: 256], тянущееся к Богу: невозможно удалить Его образ из нашего сердца. Глашатай этой простой правды, доступной простым бабам, однако зачастую забытой учеными-атеистами – князь Мышкин [Де Любак: 257], объявляющий Рогожину, что «сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить» [Достоевский 8: 183].

По мнению Де Любака, слова о чем-то, «обо что вечно будут скользить атеизмы», указывают на то, что Достоевский не противопоставляет размышлениям безбожников другие размышления, а «обращается к ним... от имени реально пережитого: земному опыту противопоставляется опыт вечности» [Де Любак: 264]. Приходя к этому заключению, Де Любак ставит вопрос об истоках подобного опыта. Провал атеизма очевидный, но что именно поддерживает вера Достоевского и его героев? Волнует Де Любака тот факт, что Мышкин, как и Кириллов, переживает вечность в момент эпилептического припадка. Источником опыта вечности у «глашатая религиозного чувства» и «образцового безбожника» [Де Любак: 269] оказывается болезнь, от которой страдал и сам автор. Кириллов, атеист, воспринимает свои припадки с серьезностью фанатика, и это доведет его до самоубийства, но в каком-то смысле страшнее позиция верующего князя, который хотя и понимает, что происходящее с ним – «болезнь», «напряжение ненормальное», утверждает, что «этот момент сам по себе и стоил всей жизни» [Достоевский 8: 208].

Де Любак спрашивает себя, не является ли высочайший синтез жизни, проживаемый князем в экста-

зе, лишь чувственным опытом? Понятие «священности», которое нам предлагает Достоевский в замену атеизма, оказывается «сомнительным» [Де Любак: 275]. При этом Де Любак отрицает упрощенные толкования тех, кто говорит о Мышкине как о несчастном, неудачном герое: «настолько же невнимательными надо быть, к художественному аспекту “Идиота”, чтобы не заметить той загадки, которая вложена в этот незаурядный образ» [Де Любак: 271]. Уже на предыдущих страницах Де Любак сделал по этому поводу пронизательное замечание: «Когда Иван видит черта, любители “положительных” объяснений могут как будто быть довольны. <...> Аналогичным образом, все особенности “Идиота” можно списать на счет душевной ущербности. Таковая, где она бы ни возникала, всегда служит способом уйти от настоятельности духовной драмы. Достоевскому о том известно, и он вовсе не навязывает нам чудодейственных упрощений» [Де Любак: 238]. То есть для Де Любака возможность совершенно по-разному толковать образ главного героя – не плод неудачного творческого порыва, а осознанное авторское решение.

Для разгадки образа Мышкина Де Любак обращает внимание на присущую Достоевскому тему двойственности, которая проявляется и в описании отдельных героев, и в соответствии между разными персонажами или произведениями. Он обнаруживает значение таких случаев в том, что в них выражена возможность человека реализоваться в одном или в другом направлении, остаться в закрытом пространстве, созданном человеческим разумом, или же открыться миру вечности, Царствию Божию. Состояния сознания, подобные тому, к которому приводит эпилепсия, «знаки, то есть реальные символы» [Де Любак: 281]. Де Любак не дает точное определение этого понятия, но можно сказать, что в данной работе «символ» – это пространство, в котором человек переживает предел этой жизни с вечностью⁴. Это «какие-то странные трещины... в обрамлении нашего человеческого опыта», которые «позволяют... предчувствовать» жизнь вечную [Де Любак: 290]. Однако Достоевский знает, что этот предел – к которому он сам приблизился в моменте казни и приближается при каждом припадке эпилепсии – нельзя перешагнуть человеческими усилиями:

«Достоевский... не верил ни в какую абсолютную ценность “опытов”, которые описал для нас и которые он воспроизводил всегда как свои собственные... Он не изображал духовный мир неким изнаночным закоулком, куда, по-видимому, не проникнуть нормальному человеку, но только существу, более одаренному или обладающему какими-то особыми способностями. Для него же этот духовный мир, этот удел вечности – как раз то, и только то “Царствие Божие”, о котором говорит Евангелие, и попасть туда

можно лишь только с помощью тех средств, о которых тоже говорит Евангелие, – иных способов нет: только метанойя, “новое рождение”. Врата туда отверсты, то есть еще и хорошо защищены – тайною креста» [Де Любак: 281].

Достоевский вряд ли согласился бы с последним утверждением Де Любака о «защитной» функции креста, здесь представленного как некий уровень подвига, который человек должен совершить, чтобы удостоиться Царству небесному. Писатель хорошо понимал, что тайна креста – это тайна Любви, которая жертвует Собой, чтобы открыть врата Небес не себе, а тем, кто Его убивает.

Эта тайна, которая зачастую выглядит как поражение, неоднократно предстает в его романах, в частности в «Идиоте». Ее хорошо заметили Бальтазар и Гуардини, о чем будет сказано ниже, но не Де Любак. По его мнению, среди героев Достоевского только Алеша Карамазов проходит через нее и открывает настоящую надежду. Глава «Кана Галилейская» свидетельствует именно об этом и позволяет правильно толковать все предыдущие амбивалентные моменты: «...все они собрались вокруг Алеши, удивляясь увиденному: Мышкин и Кириллов, и та старушка, что советовала целовать землю, и смешной человек со своими ностальгическими сновидениями, вплоть даже до Свидригайлова...» [Де Любак: 289]. Состояние Алеши отличается от возобновляющихся состояний Мышкина, которые оставляют после себя чувство бессилия, тем, что «это видение не конец. Это заря, некое обещание» [Де Любак: 289], похожее на «напутствия накануне путешествия, или причащение перед последней дорогой» [Де Любак: 290].

Таким образом, Де Любак доходит до вывода, что Достоевский, проживший опыты казни и эпилепсии, может не только описывать те пограничные состояния, в которых человек предчувствует вечность, но также наполнить их христианской надеждой на достижение ее. Именно надежда – последнее слово Достоевского о мире, сияющее сильнее любого мрака. Однако Де Любаку не удается обнаружить его внутри «Идиота». Чтобы это слово услышать, ему придется обратиться к другим романам, более созвучным с целями и методами его работы, которая сосредоточена прежде всего на отдельных высказываниях героев, выражающих разные человеческие позиции перед тайной Бога⁵.

Ханс Урс фон Бальтазар посвящает «Идиоту» несколько страниц в своей работе *Herrlichkeit. Eine Theologische Ästhetik* [Balthasar 1965]⁶. В начале интересующего нас тома, называющегося «В пространстве метафизики: современная эпоха», Бальтазар так определяет цель своей работы: «исследовать... чем стал классический опыт Божией Славы в течение веков» [Balthasar 1991]⁷. «Идиот» появляется в третьей главе, названной «Юродство и Слава».

В поисках того, «какой образ человека призван стать каноническим в христианском или постхристианством искусстве» [Balthasar 1991], Бальтазар обнаруживает именно юродивого как выделяющуюся фигуру в европейской литературе от Средневековья до наших дней. Автор разбирает разные образы юродивого в литературе, показывая устойчивость этого образа, и также рассматривая разные возможные его прочтения, их место в связи с интересующим его вопросом о том, где хранится опыт Славы в современном мире. Юродивый – это «незащищенный человек, по сути своей трансцендентный, открытый тому, что выше его» [Balthasar 1991]. Именно Достоевского он выделяет как «вечного мастера» в интерпретации христианской темы юродивого, способного выразить его метафизическую значимость: «С инстинктивной уверенностью в себе автор отбрасывает все случайное и поперечное и укореняет мир красоты в сфере славы» [Balthasar 1991].

Анализ Бальтазара начинается с цитаты из письма Достоевского С.А. Ивановой: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного)» [Достоевский 28₂: 251].

Комментируя эти слова, Бальтазар подчеркивает, что «писатель не хотел изображать то же чудо, а отблеск этого чуда на героя, о котором можно было сказать, что он – христианин» [Balthasar 1991]. Это важное утверждение: соотношение Мышкина и Христа, в разной степени волновавшее всех, кто брался за толкование романа, определяется Бальтазаром через понятие «христианина». Также Бальтазару важно подчеркнуть, что чудо, о котором здесь идет речь, выше земной красоты, которая для XIX в. стала сомнительным опытом, уже неспособным убедить человека в существовании божественного: как выяснится дальше, это чудо – красота Любви.

После этих предварительных замечаний автор предлагает первый главный элемент своего понимания романа: «Из разных точек писатель подходит к таинственной точке *отождествления*, что есть точка абсолютной *реальности*, которой среднее, обычное сознание никогда не достигает» [Balthasar 1991]. Эти три «точки доступа» к абсолютной реальности мы уже встречали у Де Любака: смертную казнь, эпи-

лепсию, картину Гольбейна. Речь идет о конкретных опытах в жизни Мышкина, становившихся для него ключом к глубокому проживанию реальности. У Бальтазара получается более убедительно, чем у Де Любака, раскрывать тему болезни и казни как опытов пограничья: в частности, он тоньше изображает связь между этими переживаниями и картиной Гольбейна, в которой Бальтазар видит высшее символическое выражение того, что предсказано в первых двух опытах. В интерпретации Де Любака изображение мертвого Христа – это выражение атеистической позиции; Бальтазар же в ней обнаруживает более неоднозначное (но потому и более существенное) содержание. В ней видится «символическая различительная точка между верой и неверием, христианством и атеизмом: соединенная до того, что они отождествляются в самой крайней дифференциации»: действительно, «когда сам Бог умирает, вечная жизнь совпадает с вечной смертью» [Balthasar 1991]. Картина раскрывает тему Великой Пятницы, ключевую для описания Мышкина в интерпретации Бальтазара⁸.

Эти три «точки доступа» наделяют Мышкина необыкновенной пронизательностью в прочтении сердца и позволяют переживать особое отношение единства с людьми. Парадоксальным образом упомянутые опыты, переживаемые князем в одиночестве, – источник той любви, которую он испытывает к другим. Эта любовь сильно отличается от позиции психолога, который «все прощает, потому что все понимает». Лучше сказать, что Мышкин «забывает», «пропускает» обиду: в этом он становится смешным, его отношения с людьми «невозможными», как и невозможные его отношения с деньгами. Однако, смешная она или невозможная, эта любовь – единственный путь к тому, что Бальтазар описывает, повторим еще раз, словом «отождествление» [Balthasar 1991]: получается, точка «абсолютной реальности» – это также точка абсолютного единства с другими людьми.

Мышкин не проживает свое поведение «отрефлексированным образом» [Balthasar 1991] – в том смысле, что он не воспринимает его как особо совершенное, святое. Он всегда готов согласиться с тем, кто показывает ему несостоятельность и нелепость его действий: как Дон Кихот, он ни на миг не сомневается в том, что он в чем-то виноват. Однако это не значит, что князь действует по доброте «как во сне или в забвении» [Balthasar 1991]. В отличие от Де Любака, сомневающегося в вере князя, Бальтазар очень серьезно относится и к огненной речи против католицизма⁹, произнесенной Князем в доме Епанчиных, и к рассказу о матери, крестившейся над улыбающимся ребенком. В обоих этих случаях выясняется, что Мышкин четко дает себе отчет, что невозможно «утолить жажду духовную возжаждавшего человека» «не Христом» [Достоевский 8: 499].

Именно в тайне Великой пятницы, изображенной в картине Гольбейна, обнаруживается то нечто, «обо что вечно будут скользить атеизмы», а не только в абстрактном религиозном чувстве, о котором говорил Де Любак. «Вся суть Христианства», «главнейшая мысль Христова» [Достоевский 8: 184] обнаруживается в любви «как сопричастности грешнику, сопричастности его вине без желания как-нибудь отдалиться от него, и как обмену крестами с ним, как Великой пятнице, когда любовь умирает смертью греха, со грехом и за грех» [Balthasar 1991]. Слова Аглаи о средневековой платонической любви не попадают в цель, потому что любовь, которой живет Мышкин, «радикально отличается от первоначально трансцендентального эроса: тот – мудрый, а распятая христианская любовь – сумасшедшая, и в своей земной форме смешная» [Balthasar 1991].

Есть еще одна черта Божией любви, которая проявляется в лице Мышкина: ее непринужденность. Неслучайно Бальтазар утверждает, что Достоевскому удалось развить христианскую тему юродивого с большой не только точностью, но и «скромностью» [Balthasar 1991]. «Слава бесконечной любви», которая живет в князе, проявляется неоднозначно, точнее, по Бальтазару, «скрыто» [Balthasar 1991]. Болезнь служит покрывалом: как уже было у Де Любака, она дает право толковать поведение Мышкина как психологическое нездоровое состояние, однако для внимательного человека такое объяснение не способно исчерпать загадочность этого образа. Еще раз, речь идет о реальности, которая одновременно являет и скрывает себя, и потому требует толкования; тем не менее в отличие от Де Любака Бальтазар с большей уверенностью указывает на христианское послание образа князя, который становится своеобразным комментарием к словам Апостола: «уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2:20).

Работа отца **Диво Барсотти** *Dostoevskij. La passione per Cristo* [Barsotti] 1996 г. служит примером отрицательного суждения об «Идиоте» со стороны католического мыслителя. Барсотти, бесконечно уважающий и любящий Достоевского и в своей работе очень положительно откликающийся о других романах¹⁰, «Идиота» не любит совсем. В отличие от других авторов он не видит особой загадки в образе Мышкина и вообще в романе, который можно пересказать очень просто:

«Достоевский имел намерение явить нам в этом романе человека абсолютно доброго, благого, ни много ни мало – образ Христа. Конечно, фигура князя – одно из величайших творений Достоевского, но верно и то, что писателю не удалось осуществить в романе свой далеко идущий замысел. Князю противопоставляется Рогожин. Они воплощают два типа любви:

любовь-сострадание и любовь-страсть. Любовь князя лишена жара, любовь Рогожина, напротив, опалает и разрушает. И получается так, что любовь-страсть оказывается разрушительной, а любовь-сострадание – тщетной. Финал романа изумителен в литературном отношении, но трагичен. Ни любовь князя, ни любовь Рогожина не спасают, они только приносят гибели, каждая по-своему» [Барсотти: 55].

Настасья Филипповна является объектом любви в обеих формах, и оба ведут ее к смерти, поскольку настоящая, спасающая любовь состоит из жалости и страсти одновременно. Барсотти обращает внимание на присутствие двух главных героев в романе, а не одного¹¹, однако же он способен рассматривать их взаимоотношение исключительно как противопоставление, которое неизбежно ведет к гибели.

Порок князя Мышкина в том, что он хотел любить всех, но в итоге не любил никого. Он – абстрактная личность, неспособен любить; «безжизненный Христос» [Барсотти: 131], который не является ни Богом, ни человеком. Попытка не удалась: «Иисус, как мы знаем Его по Евангелиям, мужественнее, трезвее, истиннее» [Барсотти: 58]. Претензии к образу Мышкина разные – в частности, для Барсотти составляют проблему резкие слова князя о католической Церкви, но больше всего Барсотти упрекает его в «отсутствии набожности и даже, как будто, безразличия в вере» [Барсотти: 153–154]. «Князь – образ Христа, но он не “друг Христу”... Христос – лишь образец» [Барсотти: 171]. Получается, что послание романа не христианское, а скорее гностическое [Барсотти: 63].

Подтверждение своего вывода автор видит в молчании Мышкина в ответ на вопрос Рогожина, верит ли он в Бога. Именно исходя из этого исследователь неоднократно утверждает, что князь в Бога не верит, в одном месте даже называет его «атеистом» [Барсотти: 208]. Однако важно отметить, что в единственном месте, где Барсотти обширно цитирует слова Мышкина Рогожину о сущности религиозного чувства, он сам предлагает, кажется, совсем иную возможность толкования этой сцены, ближе к тому, что мы уже встречали у Де Любака:

«Слова князя удивительны. Вера в Бога – это не итог рассуждений, а более или менее сильное изначальное чувство. Бог предстает человеку так, что тот не может отвергать Его: разум не в состоянии пересилить опыт. Жизнь предполагает это присутствие Бога, и Бог (пусть втайне и незримо) становится главным персонажем всего творчества Достоевского» [Барсотти: 180–181].

Несмотря на этот комментарий, последнее суждение о романе остается отрицательным. Главная ошибка Достоевского в том, что «в “Идиоте” князь Мышкин, похоже, должен был заменить собою Хри-

ста, Которого заменить нельзя... В основе неудачи романа “Идиот” самонадеянное желание Достоевского явить читателю образ Христа» [Барсотти: 162]. Трагический финал свидетельствует о тщетности такого намерения: Христос-Мышкин никого не спасает.

Именно с «Идиота» начинается в 1925 г. работа **Романо Гуардини** с текстами Достоевского, которая впоследствии приводит к написанию монографии *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben* [Guardini]. Ему он посвящает последнюю главу книги: она стоит особняком, что подчеркивает инаковость восприятия этого произведения в сравнении с остальными романами Пятикнижия. Среди всех попыток толкования «Идиота» со стороны католических авторов анализ Гуардини представляется наиболее обширным и точным: здесь будут затронуты лишь основные его моменты¹².

Гуардини, как Барсотти и Бальтазар, также начинает свои размышления с вопроса о связи между Христом и князем, признавая, что перед этой фигурой «испытываешь искушение отгадать эту загадку с помощью привычной формулы: Мышкин – особенно истовый христианин», но «как бы близко все это ни было к правде – этого недостаточно» [Гвардини: 194–195]. С другой стороны, как выяснится дальше, «Мышкин не есть ни Богочеловек, ни тем более некий “второй Христос”» [Гвардини: 222]. Опровергаются, таким образом, и гипотеза Бальтазара (Мышкин – христианин), и гипотеза Барсотти (Мышкин – Христос), которые, будучи принятыми, низводят роман «до уровня банальности» [Гвардини: 222]. В обоих случаях подчеркивается, что «речь идет о человеке по имени Лев Николаевич Мышкин. Его бытие слагается из чисто человеческих компонентов: тела и души, радости и горя, нужды и получения наследства, встречи и гибели», и неважно, что он «с точки зрения психологии... вероятно, нереален» [Гвардини: 222–223]: «князь – человек, как и мы все» [Гвардини: 194–195]. С другой стороны, в романе «мы постоянно ощущаем присутствие Христа, без того, чтобы слова или умонастроения были соотнесены с Ним прямым образом» [Гвардини: 222]. Чтобы этого достичь, считает Гуардини, Достоевский сотворил нечто необычное:

«Достоевский... предпринимает попытку в каком-то смысле воссоздать то неповторимое, что заключено в самом факте существования Богочеловека. Разумеется, не “прямым текстом”... скорее символически, со смещением в план чисто человеческого, воссиянием Божественного сквозь бытие, божественному хоть и неравнозначное (сам Мышкин причастен к нему лишь в той мере, в какой христианин вправе сказать о себе, что суть его есть Христос), но призванное в конечном итоге напомнить людям о Христе, поведать о Господе своей личностью и судьбой, своей силой и немощью, верностью своему предна-

значению – и даже своей несостоятельностью. ...Из его человеческого бытия проступают черты другого, сверхчеловеческого, – бытия Богочеловека» [Гвардини: 221–222].

Попробуем проследить за попыткой Гуардини обосновать свою гипотезу. Прежде всего, чтобы нам убедиться в подлинности Мышкина как человека, он сосредоточивается на его личности, раскрывает его как индивидуума со своей историей, манерой поведения, пониманием ценности как чести или благородства. Анализ развивается преимущественно через пересказ текста – рассматривается, можно сказать, самый поверхностный уровень его, на котором все же Гуардини способен обнаружить совсем нетривиальные элементы. Так, например, отсылками к тексту доказано «мужество» Мышкина [Гвардини: 197], которого, по мнению Барсотти, его образу не хватало.

После тщательного описания личности Мышкина Гуардини обращается к «связям и отношениям» внутри текста, которые способны раскрыть смысл его загадочного образа [Гвардини: 201]. Внутри человеческого существования князя проступает фигура Христа. Достоевский это делает через некоторые присутствующие в тексте ‘знаки’, «частности, тесно связанные друг с другом» [Гвардини: 201]. Гуардини ведет читателя по роману в поиске таких деталей, уточняя, что «ни одно из его [Мышкина] качеств не обнаруживает всего своего значения само по себе; лишь в совокупности с другими оно начинает говорить недвусмысленным языком» [Гвардини: 201–202].

В этой второй части Гуардини не ограничивается пересказом текста и прибегает к длинным цитатам, рассматривая и разбирая их в мельчайших подробностях, и именно в них он ищет ключ к глубине текста. Приезд Мышкина как будто из другого, невинного мира; его отношение с детьми; слова Рогожина об «овечке» после пощечины Гани, и сама реакция Мышкина на пощечину; фраза, произнесенная Настасьей Филипповной – «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» [Достоевский 8: 148]¹³: все эти моменты становятся для Гуардини чертами, которые внутри лица Мышкина рисуют лик Христа. Любовь, которую испытывает князь к Настасье Филипповне, и которая казалась Барсотти абстрактной и недостаточной для спасения, есть по мнению Гуардини «первоначальная форма эроса, восходящая к вечности, – та любовь, которую порождает гибнущая красота, несущая на себе печать отчаяния и жажды совершенства» [Гвардини: 208]; символ любви Спасителя к человеку. Но еще поразительней, как Гуардини комментирует неответ князя на вопрос Рогожина, верит ли он в Бога, столь проблематичный для Барсотти и, частично, для Де Любака:

«Скажу просто, какую видится мне сокровенная суть внутренней позиции князя. В этом бытии, во-

круг него зримо присутствует Бог, и этим присутствием оно определяется. Это не подлежит сомнению. Но если “веровать в Бога” означает то, что имеем в виду мы, когда говорим, “что веруем в Бога”, – тогда Мышкин, видимо, не “верует”. “Веровать” может, очевидно, лишь тот, кто в каком-то смысле “противостоит” Богу, а не продолжает Его бытие своим. Здесь же ощущается нечто в этом роде. При анализе образа Мышкина создается впечатление, что он не противостоит Богу, а возникает из него, не говорит о Боге, а излучает Его. <...> А теперь спросим себя: какова была бы реакция Христа – того Христа, Который встает перед нами со страниц Евангелия от Иоанна, – на вопрос, верует ли Он в Бога? Вероятно... Он удивленно взглянул бы на вопрошающего: о чем это он?.. верует ли в Бога Сын Его?» [Гвардини: 221].

Для Гвардини важно, что узнавание и перечисление хриstopодобных черт князя сами по себе не ведут к однозначной расшифровке символа. Как уже заметили Бальтазар и Де Любак, в «Идиоте» Достоевский сознательно избегает прямых подсказок читателю: «Образу князя нигде не дается прямого толкования, ни разу не выносятся недвусмысленный приговор» [Гвардини: 224]. Гвардини осознает, что все перечисленные элементы можно истолковать совсем в другой плоскости: отношения Мышкина с детьми, например, могут лишь вызывать в читателе «подозрение в инфантильности» [Гвардини: 203]. Князю присуща «неоднозначность, которая обескураживает» читателя, и только через опыт прочтения каждый может определить для себя отношение к нему: «“конечное содержание” здесь вовсе не присутствует объективно, а проступает только в процессе, так сказать, усвоения материала» [Гвардини: 225].

В сложностях, которые читатель испытывает при решении «загадки» князя, Гвардини видит очередной знак, указывающий на то, что образ князя – удивительно глубокий символ Христа. Как и в случае со Христом, для того, чтобы прийти к любому толкованию образа Мышкина, необходимо совершить выбор, принять решение относительно его фигуры. Таким образом, отношение читателя к Мышкину «обретает те же черты, которые, по-видимому, существовали в отношении к Христу со стороны тех, кто был Его современником, в дни перед Его смертью, Воскресением и нисхождением Святого Духа, когда веровать было так бесконечно трудно» [Гвардини: 225]. Недоумение читателя перед Мышкиным и есть недоумение современников Христа: неоднозначность присуща этим фигурам для того, чтобы «открылись помышления многих сердец» (Лк. 2:35).

Даже трагический эпилог, который для Барсотти доказывает крах претензии Мышкина быть образом Христа, приобретает при таком ракурсе смысл и глубину. В прочтении Гвардини он становится знаменем

надежды, которая тайно присутствует здесь и сейчас, и нет нужды «прибегать» к другим произведениям, как делает Де Любак, чтобы видеть свет в «Идиоте». Отрывок стоит процитировать полностью:

«Нас могут спросить: да кто же здесь спасен? <...> Никто <...>! В том-то и состоит совершенство этого символа, что он далек от прямого подражания Божественному. Роман не кончается ни “обращением”, ни уходом в себя. Но на первый план выступает нечто большее. Тот, кто раскрывается ему навстречу, общается к нескончаемой спасительной Божественной мощи, действующей по ту сторону или внутри того, что нам доступно (а быть может, и сквозь него). Эта гибель содержит обетование для Рогожина и Настасьи Филипповны, для этих двух людей, которым психология и прочие «мироведческие» науки отказывают в праве на существование. Здесь явственно прослеживается избавление от безысходности – равно как и то, что невозможное людям – возможно Богу» [Гвардини: 229]¹⁴.

Избегая прямолинейного соотношения князя со Христом, которое смутило Барсотти, Гвардини как Бальтазар принимает самоопределение Мышкина как христианина, но не ограничивается им. Лик Христов проявляется сквозь его бытие не в силу профессиональной принадлежности. Князь – символ, как и сам Иисус был в определенном смысле символом, в котором встречаются время и вечность (о чем Де Любак тоже частично говорил, и что Бальтазар определил как «точку отождествления»).

Заключение

Как мы говорили в начале, «Идиот» Достоевского с трудом поддается анализу «по темам» богословским, антропологическим или философским, и это потому, что не только и не столько слова, а образ Мышкина притягивает к себе внимание всех комментаторов. Его загадку каждый разгадывает по-своему: невозможно говорить об общем толковании произведения; нет даже общего согласия о том, какие главные вопросы текст затрагивает. Хотя некоторые элементы (картина Гольбейна и комментарий Ипполита к ней, болезнь князя, его разговор с Рогожиным об атеизме) встречаются во всех работах, их интерпретации разные и иногда очень далекие друг от друга. В итоге Мышкин для Де Любака – «глашатай религиозного чувства», для Бальтазара – «христианин», для Барсотти – несостоявшийся образ Христа, который, по сути, оказывается просто «гностицистическим спасителем» и «атеистом», для Гвардини же любое из этих толкований сводит роман до уровня банальности: в князе надо разглядеть «символ» Христа, удивительную попытку автора изобразить Его присутствие в человеке.

Исходя из представленных материалов, сложно не согласиться с Гвардини, когда он пишет, что нель-

зя отстранённо, «беспристрастно» судить о значении образа Мышкина: «религиозное посланничество этого образа... воспринимается не в виде объективной данности, а лишь как решение с известной степенью риска» [Гвардини: 224]. Чтение «Идиота» полностью вовлекает личность исследователя, требует от него некой открытости или восприимчивости, и, может быть, именно это имел в виду сам Достоевский, когда по поводу этого романа написал о том, что «все говорившие мне о нем, как о лучшем моем произведении, имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся» [Достоевский 29₂: 139].

В этой кажущейся амбивалентности, в невозможности свести все элементы, предоставленные Достоевским, к одному однозначному, «объективному» толкованию, заключено нечто важное для понимания романа: в этом уверены Де Любак, Бальтазар и Гуардини. Как мы видели, тот факт, что Достоевский всегда оставляет читателю возможность разгадать загадку князя простым физиологическим объяснением, выделяется ими как черта, осознанно прописанная автором. В этом нет никакого недостатка или художественной ошибки, наоборот: эта характеристика связывается всеми с принципиальной ненавязчивостью, которая присуща любому откровению духовного опыта. Именно этот элемент можно обнаружить как общий всем комментаторам (кроме Барсотти), и всегда он связан с понятием «символа», хотя только Гуардини старается определить его наиболее точно¹⁵.

Т.А. Касаткина, глубоко исследовавшая вопрос о качествах художественного образа у Достоевского, утверждает, что только в XXI веке Достоевского начинают *видеть*, а не только слышать [Касаткина 2015: 6]. В этом смысле рецепция «Идиота» со стороны католических богословов уже ставит акцент на том, что только спустя век станет вопросом в достоевистике¹⁶. В случае Гуардини отрефлексированный анализ личного опыта чтения дает ему возможность обнаружить некоторые аспекты художественного метода Достоевского, который Т.А. Касаткина определила через понятие «двусоставного образа» [Касаткина 2015]. Гуардини не только заметил, как Достоевский «всегда строит временный, внешний образ так, что внутри него открывается образ внутренний, вечный, воспроизводящий события священной истории» [Касаткина 2015: 435]¹⁷, он также обратил внимание на богословский потенциал, который образ князя носит в себе именно в силу того, что он так построен [Касаткина 2021а: 173–184]. Он осмеливается предположить, что именно в кажущейся амбивалентности произведения и его героя надо искать богословское высказывание Достоевского о Богочеловеке. Больше, чем высказывание: именно потому, что «Идиот» не трактат, а роман, он по-

зволяет пережить на самых разных уровнях опыт удивления и соблазна, вызов к самостоятельному решению, которые неизбежно сопровождают факт Боговоплощения уже две тысячи лет.

Примечания

¹ О проблеме понимания Достоевского католическими истолкователями, его особенностях и пределах см.: [Корбелла].

² Здесь и далее, где не указано иначе, перевод иностранных источников мой. – К. К.

³ По этому определению можно увидеть, что для Де Любака грань между «атеистическим гуманизмом» и богоборчеством очень тонка: «Новый атеизм рождается на пепелище старого атеизма; он намерен уничтожить в корне наследие христианского гуманизма. В этой критике его самооправдание диктуется волей, а не разумом. Позитивный атеизм не претендует на то, чтобы быть основанным на доказательствах; он является результатом выбора, предварительного выбора, который противопоставляет свободу Богу» [Borghesi: III].

⁴ Хотя Де Любак и не использует это слово, можно сказать, что здесь речь идет (буквально) об опыте нахождения *sub-limen*, у предела.

⁵ Подробнее см.: [Корбелла: 340–351].

⁶ *Herrlichkeit. Eine Theologische Asthetik* [Слава Бога. Богословская эстетика] – семитомная работа, фундаментальный труд Бальтазара, посвященный возвращению категории «красоты» в богословский дискурс. В этом труде литература занимает особое место, поскольку именно в ней часто выражаются разные черты славы Божией, до и после Откровения. На русском см.: [Гуерьеро: 205–241]. На русский переведены I том и первая часть II тома.

⁷ Русский перевод осуществляется на основе английского издания.

⁸ В 2013 г. роман и картину упомянул папа Франциск в энциклике *Lumen fidei*. Его мысль весьма созвучна с видением Бальтазара: «Главный герой романа Ф.М. Достоевского “Идиот”, князь Мышкин, глядя на изображение мертвого Христа во гробе, творение Ханса Хольбейна Младшего, воскликнул: “Да от этой картины у иного вера может пропасть!” Действительно, эта картина очень жестоким образом представляет разрушительные для тела Христова последствия смерти. И все же именно в созерцании смерти Иисуса вера укрепляется и обретает ослепительный свет, поскольку открывается как вера в Его нерушимую любовь к нам, способную войти в смерть, чтобы спасти нас. И можно верить в эту любовь, не уклонившуюся от смерти ради того, чтобы показать, насколько я ею любим; ее целостность побеждает любое подозрение и позволяет нам полностью довериться Христу» [Папа Франциск]. Роль картины Гольбейна в си-

стеме романа была неоднократно прокомментирована литературоведами, см.: [Борисова; Рубцова; Касаткина 2015: 109–110] и др.

⁹ Меня часто спрашивают о реакции католических богословов на отношение Достоевского к католицизму. Важно отметить, что Бальтазар никак не смущается конфессиональной стороной тирады, его заботит самая суть слов Мышкина, говорящих об опасности, знакомой христианам любых конфессий. Совсем другое отношение к этим словам мы находим у Д. Барсотти, для которого нападки Достоевского на католицизм – печальная тень на творчестве любимого автора.

¹⁰ Подробнее о книге Барсотти см.: [Корбелла: 371–383].

¹¹ О двух героях в «Идиоте» см.: [Касаткина 2021b].

¹² Подробнее о книге Гуардини см.: [Корбелла: 351–370].

¹³ Гуардини упускает более открытую отсылку Достоевского к «Ессе homo» – прощальные слова Ипполита Мышкину в седьмой главе третьей части [Достоевский 8: 348].

¹⁴ См. слова итальянского писателя Л. Донинелли: «Христы у Достоевского никогда не спасают, но именно в этом они уподобляются божественному, божественной природе Христа. Если Христос был бы только целитель больных, то человек испытывал бы при Нем лишь пустоту. Настоящий вызов христианского спасения заключается в вызове, брошенном свободе» [Doninelli].

¹⁵ Важно заметить, что символ – базовый элемент любого художественного выражения. Если обратить внимание на этимологию слова (греческий глагол *συνβάλλω* – «собирать вместе») и вспомнить замечание Гуардини о том, что образ Христа в Мышкине проявляется в деталях, имеющих значение только в своей совокупности, тогда становится очевидным, что в случае «Идиота» речь идет не о художественном образе, созданном по каким-то «исключительным» правилам. Наоборот, можно сказать, что перед нами образ, в котором наиболее ощутимо и ярко проявляется его художественность.

¹⁶ Особое внимание этих авторов к соотношению слова и образа не должно удивлять, учитывая главную весть христианства в том, что «Слово стало плотью» (Ин. 1:14). Об отношении католического богословия и литературы см.: [Ballarini].

¹⁷ Ср.: «Любое событие в жизни этого человека, равно как и вся его жизнь в целом, значимы вначале исключительно в своих эмпирических пределах. При отсутствии желания можно и не переключаться с этой плоскости на другую, высшую... Если же занять предлагаемую нами позицию, то каждый элемент возведенной в романе постройки будет отсылать нас к тому, что скрыто от глаз. При этом не чувствуешь умысла и не ощущаешь расхождения существенного

и побочного, выражаемого и средства выражения; скорее можно считать, что одно органически переходит в другое. Образ бытия Христа переведен тут в план этого человеческого существования» [Гвардини: 226].

Список литературы

- Барсотти Д.* Достоевский. Христос – страсть жизни / под ред. Паолине. М.: 1999. 249 с.
- Богословие Достоевского / под ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 416 с.
- Борисова В.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: история и типология понимания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 4. С. 194–200.
- Гвардини Р.* Человек и вера: Исследование религиозной экзистенции в больших романах Достоевского // Эон. Альманах старой и новой культуры. 2009. Т. 9. С. 8–324.
- Гуерьеро Э.* Ханс Урс фон Бальтазар. М: Культурный центр «Духовная библиотека», 2009. 327 с.
- Де Любак А.* Драма атеистического гуманизма. М.: Христианская Россия, 1997. 302 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Касаткина Т.А.* Богословие Достоевского: описание изнутри // Богословие Достоевского / под ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021а. С. 157–266.
- Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.
- Касаткина Т.А.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: о высшей и низшей природе человека // Христианское Чтение. 2021b. № 4. С. 14–30.
- Касаткина Т.А.* Священное в повседневном. Двухсоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
- Корбелла К.* Ф.М. Достоевский в католическом мире // Богословие Достоевского / под ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 339–402.
- Папа Франциск*, Lumen fidei. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/ru/encyclicals/documents/papa-francesco_20130629_enciclica-lumen-fidei.html (дата обращения: 17.02.2022).
- Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткина. Москва: Наследие, 2001. 560 с.
- Рубцова Н.С.* Особенности визуального ряда в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. № 2 (10). С. 71–76.
- Ballarini M.* Teologia e Letteratura. Brescia, Morcelliana, 2015, 218 с.
- Balthasar H.U. von.* Der Christ als Idiot. Herrlichkeit: eine theologische Ästhetik, Bd. III: Im Raum der Metaphysik, Teil 2: Neuzeit. Einsiedeln, Johannes Verlag, 1965, с. 535–538.

Balthasar H.U. von. *The Glory of the Lord*. San Francisco, Ignatius Press, 1991, vol. 5: *The Realm of Metaphysics in the Modern Age*. Kindle Edition.

Barsotti D. *Dostoevskij. La passione per Cristo*. Edizioni San Paolo, 2018, 264 c.

Borghesi M. *Introduzione*. De Lubac H. *Il dramma dell'umanesimo ateo*. Brescia, Morcelliana, 2016, pp. I-VII.

De Lubac H. *Le drame de l'humanisme athée*. Paris, Spes, 1945, 412 c.

Doninelli L. *Introduzione*. Dostoevskij F.M. *I capolavori*. Milano, 2015. Kindle Edition.

Guardini R. *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben*. Mainz, Matthias Grünewald Verlag, 1989, 316 c.

Rimoli E. *Libertà alla prova. Commento teologico alla Leggenda del Grande Inquisitore*. Roma, Casa Editrice Miscellanea Francese, 2015, 244 c.

References

Barsotti D. *Dostoevskii. Khristos – strast' zhizni* [Dostoevsky. *The Passion for Christ*]. Moscow, Paoline Publ., 1999, 249 p. (In Russ.)

Kasatkina T.A., editor. *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, 416 p. (In Russ.)

Borisova V.V. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": istoriia i tipologiya ponimaniia* [F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*: History and Typology of Commentary]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and world culture. Philological journal], 2018, № 4, pp. 194–200. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-194-200. (In Russ.)

Gvardini R. *Chelovek i vera: Issledovanie religioznoi ekzistentsii v bol'shikh romanakh Dostoevskogo* [Man and Faith: A Research on Religious Existence in Dostoevsky's Great Novels]. *Eon. Al'manakh staroi i novoi kul'tury* [Man and Faith: An Investigation of Religious Existence in Dostoevsky's Great Novels], 2009, vol. 9, pp. 8–324. (In Russ.)

Guer'ero E. *Khans Urs fon Bal'tazar* [Hans Urs von Balthasar]. Moscow, Kul'turnyi tsentr "Dukhovnaia biblioteka" Publ., 2009, 327 p. (In Russ.)

De Liubak A. *Drama ateisticheskogo gumanizma* [The Drama of Atheist Humanism]. Moscow, Khristianskaia Rossiia Publ., 1997, 302 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Kasatkina T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vykazyvaniia* [Dostoevsky, Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression], ed. by E.A. Takho-Godi. Moscow, Volodei Publ., 2019, 336 p. (In Russ.)

Kasatkina T.A. *Bogoslovie Dostoevskogo: Opisaniie iznutri* [Dostoevsky's Theology: A Description from Within]. *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology], ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS, 2021a, pp. 157–266. (In Russ.)

Kasatkina T.A. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": o vysshei i nizhei prirode cheloveka* [Dostoevsky's Novel *The Idiot*: On the Higher and Lower Nature of Man]. *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 2021b, № 4, pp. 14–30. (In Russ.)

Kasatkina T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom. Dvustavnyi obraz v proizvedeniakh Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary. The Two-Folded Image in Dostoevsky's Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, 528 p. (In Russ.)

Korbella K. *F.M. Dostoevskii v katolicheskom mire* [Dostoevsky in the Catholic World]. *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology], ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS, 2021a, pp. 339–402. (In Russ.)

Papa Frantsisk. *Lumen fidei*. https://www.vatican.va/content/francesco/ru/encyclicals/documents/papa-francesco_20130629_enciclica-lumen-fidei.html (access date: 17 February 2022). (In Russ.)

Kasatkina T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoiianie izucheniia* [Dostoevsky's Novel *The Idiot*: Current State of Research]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, 560 p. (In Russ.)

Rubtsova N.S. *Osobennosti vizual'nogo riada v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [Peculiarities of the Visual Series in Dostoevsky's Novel *The Idiot*]. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik* [East European Scientific Bulletin], 2017, № 2 (10), pp. 71–76. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 23.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 23.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

**ГРЕЗА О РОССИИ: ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ УСАДЬБЫ «РЕКА-ДОМ»
В РОМАНЕ ДЖУЛИАНЫ ХОРЕЙШИ ЮИНГ
«ВОСПОМИНАНИЯ СТАРУШКИ ИЗ ДОМА НАПРОТИВ»:
ГЕНЕЗИС, ПОЭТИКА, РЕЦЕПЦИЯ**

Велигорский Георгий Александрович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Аннотация. В настоящей статье рассматривается «усадьбинский роман» Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив» и его влияние на усадьбинскую литературу. Практически забытое ныне, это сочинение существенно повлияло на жанр «романа об усадьбе», получивший развитие в XX и XXI вв., главным образом на его поэтику и «мифологию» – начиная от модернистских романов Э.М. Форстера и В. Вулф и заканчивая исканиями постмодернистов, а также послевоенной детской литературой. Особое место в этом романе занимает «русский» особняк Река-Дом (Reka Dom) – литературная усадьба par excellence, в которой воплощается образ безмятежного детства, пусть и с легким оттенком печали. В статье показывается, каким был генезис этого удивительного в своем роде образа, каковы были его прототипы – и как именно он повлиял на последующую усадьбинскую литературу.

Ключевые слова: усадьба, детская литература, Дж. Х. Юинг, Р. Киплинг, Э. Несбит.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Велигорский Г.А. Греза о России: образ идеальной усадьбы «Река-Дом» в романе Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив»: генезис, поэтика, рецепция // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 185–192. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-185-192>

Research Article

**DREAMING ABOUT RUSSIA: THE IMAGE
OF THE IDEAL ESTATE “REKA DOM” (HOUSE BY THE RIVER)
IN JULIANA HORATIA EWING’S NOVEL
“MRS. OVERTHEWAY’S REMEMBRANCES”:
GENESIS, POETICS, RECEPTION**

Georgy A. Veligorsky, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Abstract. This article discusses the “estate” novel “Mrs. Overtheday’s Remembrances” by Juliana Horatia Ewing and its influence on the estate literature. Almost forgotten now, this work had significantly influenced the genre of the “country-house novel”, which developed in the 20th and 21st centuries, mainly on its poetics and “mythology” – starting from the modernist novels by Edward Morgan Forster and Adeline Virginia Woolf and ending with the search for postmodernists, as well as post-war children’s literature. A special place in this novel is occupied by the “Russian” mansion “Reka Dom” (house by the river) – a literary estate par excellence, which embodies the image of a serene childhood, albeit with a slight touch of sadness. The article shows what the genesis of this amazing image of its kind was, what were its prototypes, and how exactly it influenced the subsequent estate literature.

Keywords: homestead, children’s literature, Juliana Horatia Ewing, Joseph Rudyard Kipling, Edith Nesbit.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Veligorsky G.A. Dreaming about Russia: the image of the ideal estate “Reka Dom” (house by the river) in Juliana Horatia Ewing’s novel “Mrs. Overtheday’s Remembrances”: genesis, poetics, reception. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 185–192 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-185-192>

Роман викторианской писательницы Джулианы Хорейши Юинг (1841–1885) «Воспоминания старушки из дома напротив» (“Mrs. Overtheway Remembrance’s”) (1869)¹ – яркий пример случая, когда произведение, популярное в свой век, но затем забытое, исподволь оказало колоссальное влияние на литературу последующих лет – и отчасти опередило время.

В начале XX в. авторы усадебной литературы сделали парадоксальное – в феноменологическом плане – открытие. Выраженный в словах Маргарет Шлегель из романа Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (“Howard’s End”) (1910), этот парадокс может быть сформулирован так: усадебный дом – это не «кирпичи, <...> цемент и известка», но, прежде всего, «Святая Святых» (“Holy of the Holies”) [Forster: 88] – а именно, «дух Англии, не замкнутый в физических границах усадьбы»; это «животворное пламя»², «образ того довременного гения, который не погибнет во веки веков» [Su: 560]. «Одухотворенный» дом, «друг» и «собеседник» владельца, занимает центральное место в романах Г. Уэллса «Тоно-Бенге» (1907), Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (1910), В. Вулф «Орландо» (1928), И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1944) и др.; особняк, в котором бьется «живое сердце», а добрые призраки склоняются над постелями хозяев, охраняя их сон, становится «визитной карточкой» усадебной литературы модернизма. Однако исследователи этой эпохи – как западные, так и отечественные – забывают, что впервые такой дом изобразила в своем дебютном романе викторианская детская писательница³.

С полным основанием можно предположить, что все названные выше авторы так или иначе были знакомы с творчеством Юинг. Ее сочинения (вкуче с книгами М.Л. Молсуорт и Ш.М. Янг) составляли ядро детской викторианской библиотеки и пользовались «несравненным успехом среди юных читателей как ее времени, так и многих поколений спустя» [Carpenter, Prichard: 171]. При этом, по словам знаменитого библиофила Перси Х. Мьюра, Юинг «не пыталась писать “на потребу публике”»; для ее сочинений характерно «отсутствие морали “для милых деток”», а также «отменные <...>, легко читаемые и предельно правдивые сюжеты» [Muir: 117]. На ее романах и повестях училось читать и чувствовать мир не одно поколение английских детей – и стоит ли удивляться, что произведения Юинг входили в круг чтения знаменитых писателей.

Наследуя романтической традиции изображения ребенка, Юинг в то же время ступает на тонкий лед, обращаясь к нетипичным, спорным и даже «опасным» вопросам. Недаром большим ценителем ее творчества был Редьярд Киплинг. Надломленные, склонные к суициду (!) герои Юинг, «бунтари от безысходно-

сти», – Матильда из повести «От шести до шестнадцати» (“Six to Sixteen”) (1876), Лорейн из романа «Мы и мир вокруг нас» (“We and the World”) (1880), безымянный протагонист из книги «Подсолнечник и лучина» (“Sunflowers and A Rushlights”) (1880-e) – находят отражение в «нравственно изуверченных» персонажах Киплинга: Панче из книги «Мэ-э, паршивая овца» (1888), молодом офицере-самоубийце из рассказа «Отброшенный» (сб. «Простые рассказы с гор») (1888) и проч. [Plotz].

Еще одной ценительницей творчества Юинг была Эдит Несбит. Поэтика викторианской писательницы явственно ощутима в ее сочинениях – в особенности в «детском романе» «Искатели сокровищ» (1899) и последующих произведениях о Бастейблахе, – о чем неоднократно писали исследователи [Gubar]. Сама же Несбит отдает дань «Воспоминаниям старушки...» в первой, вступительной главке романа «Дом без адреса» (он же – «Саломея и голова») (1909), где упоминает особняк «Река-Дом», который «стоит на опушке Нового Леса». Известная своей русофобией, Несбит предусмотрительно успокаивает читателя: «В этой истории не будет ничего про Россию. Ни бомб, ни плетей, ни всяких там политических манифестов. Закипающий самовар не “зафыркает” на ее страницах; не будет ни происков, ни взрывов, ни шепота тайных клик. Не бойтесь! — никакой водки, саней, никаких волков и княжон-шпионок. Дом этот зовется “Река-Дом”, потому что в юности тетушка [героя] читала миссис Юинг, а сам он стоял на землях, которые, до некоторой степени, прилежали к реке» – *и т. п.* [Nesbit: 4].

Влияние «Воспоминаний старушки...» ощущается и у американских «усадебных» авторов. Люси Мод Монтгомери очевидно вдохновлялась тим романом, создавая знаменитую сагу об Анне с фермы Зеленые Мезонины (“Ann of Green Gables”) (1908–1939) [Gubar: 217]. Еще одной американской читательницей Юинг была модернистка Гертруда Стайн; ср. в воспоминаниях Алисы Б. Токлас: «В свободное от учебы время мы (юные Стайн и Токлас. – Г.В.) читали те же книжки, рассказы Джулианы Юинг и Луизы Олкотт <...>» [Toklas: 8].

Продолжали читать Юинг и после Второй мировой войны, во времена «усадебного возрождения» (estate revival) и расцвета детской литературы. В частности, Дж. Бриггс и Д. Баттс отмечают влияние сцены из «Воспоминаний...», когда молодая девушка (какой ее видит воображение героини) превращается в старушку, на схожий эпизод из романа Ф. Пирс «Полуночный сад Тома» (1958) [Briggs, Butts: 135].

В середине XX в. творчеством Юинг заинтересовались британские литературоведы. В 1961 г. детская писательница Джиллиан Эвери подготовила ее биографию, выпущенную в знаменитой «карманной»

серии издательства “Bodley Head” [Avery]. В 1977 г. «Воспоминания старушки...» были переизданы с предисловием Сьюзен Кенни, известной исследовательницы творчества В. Вулф. В 1983 г. усилиями четы филологов, М.Х. и Т.Э. Блумов выходит первое научное издание писем Юинг [Ewing 1983]. Однако краткий всплеск интереса вскоре сменяется безразличием, причину которого справедливо подытожить словами еще одного детского писателя, Джона Роу Таунсенда: ни один из романов Юинг «не обладает жизнеспособностью, могущей пронести книгу через столетия – вопреки изменчивым вкусам и переменчивым временам» [Carpenter, Prichard: 172].

* * *

Детство Джулианы Юинг (в девичестве — Гэтти) было неразрывно связано с усадебным миром и, одновременно, с миром литературы. Матерью будущей романистки была знаменитая викторианская писательница Маргарет Гэтти (урожд. Скотт, 1809–1877), автор нравоучительных повестей и христианских притч, знакомая и корреспондентка Альфреда Теннисона; отцом — Альфред Гэтти, священнослужитель, также оставивший ряд сочинений, в числе которых — заметки о путешествии в Россию. С детства Джулиана, «наследуя» обоим родителям, культивировала в себе писательский дар. С юных лет она публиковалась и печаталась: сначала — в домашних журналах, затем — в «Ежемесячном альманахе» Шарлотты Мэри Янг [Avery: 13, 19]. В юности она руководила организацией библиотеки в отцовском приходе (как мы помним, важного элемента дворянской усадьбы⁴): опыт каталогизации, работы со старыми книгами надолго отпечатался в ее памяти и отразился в образе скряги-библиофила из четвертой главы «Воспоминаний...».

Усадьба Экклсфилд, где «дети были предоставлены сами себе, младшие — под присмотром [двух] старших сестер», была для Джулианы пространством свободы и творчества — «домашнего театра, садоводства, нескончаемых изобретательных игр» [Avery: 18]. Именно здесь впервые раскрылся ее творческий дар — художницы и рассказчицы (ср. образ «тетушки-сказочницы», собирающей вокруг себя малышей, в котором она выведена в сборниках М. Гэтти «Сказки тетушки Джуди» (“Aunt Judy’s Tales”) (1859) и «Письма тетушки Джуди» (“Aunt Judy’s Letters”) (1862)). В то же время, именно здесь Джулиана узнала на опыте, что усадебный мир — это не только игра под сенью отцовского дома, но и постоянная забота о семье, труды, неурядицы, бытовые хлопоты. Девочке приходилось присматривать за младшими детьми (всего их в семье было 8), с которыми она, впрочем, прекрасно ладила — об этом подробно рассказывает ее младшая сестра в биографии «Джулиана Хорейша Юинг и ее книги» (1885).

Личный опыт оказал существенное влияние на творчество писательницы. Недаром большинство произведений Юинг могут быть определены как «романы об усадьбе»: «Оловянный утюжок за фартинг» (1873, рус. пер. — 1894), «Иэн, найденый с Ветряной Мельницы» (1876), «Голубка дядюшки Дарвина» (1884), отдельные рассказы и повести («Сон Мельхиора», «Окровавленная рука» и т. п.). Однако вне всяких сомнений, самый «усадебный» из них — ее дебютный роман, «Воспоминания старушки из дома напротив».

* * *

Структурно «Воспоминания...» представляют собой собрание отдельных повестей (трех реалистических и одной сказочной), объединенных общими образами рассказчицы (Мэри Смит) и слушательницы (девочки по имени Ида). Они были сериализованы в «Журнале тетушки Джуди» (“Aunt Judy’s Magazine”), издаваемом в ту пору М. Гэтти, с мая 1886 г. по октябрь 1888 г. (всего 11 выпусков). Сначала была напечатана вступительная глава «Ида» (в которой маленькая героиня знакомится с пожилой рассказчицей «из дома напротив»), а также две главы-«повести» («Миссис Мосс» и «Храпящее привидение»). За этим последовал длительный перерыв. Над следующей главой Юинг работала дольше и тщательнее остальных, о чем свидетельствуют ее письма к матери. Начало главы было напечатано 1 июня 1868 г. (с. 67–74); продолжение — 1 августа 1868 г. (с. 195–206, до «смерти» Ивана), третья часть — в сентябре с. 259–275), окончание — в октябре (с. 323–330, и далее — начало последней главы, до с. 347).

По сюжету романа, маленькая сирота Ида (мама умерла в детстве, а отец пропал без вести в далеких морях), тяготясь обществом своего нечуткого и грубоватого дядюшки и тоскуя в огромном особняке, заводит дружбу с пожилой дамой, живущей в доме через дорогу. Однажды, желая порадовать старушку-соседку, Ида предпринимает вылазку (в буквальном смысле — через дыру в живой изгороди) в лес за подснежниками — и в итоге серьезно заболевает (собирая цветы, она оскальзывается и падает в студеный ручей). Когда через три недели Ида идет на поправку, благодарная старушка начинает ее навещать — и, по просьбе девочки, рассказывает ей истории из своего детства. По замыслу автора, в воспоминаниях Мэри Смит (именно так зовут соседку «из дома напротив») свивается прочная нить, связующая два столетия — «век нынешний» и «век минувший» английской усадьбы.

Усадебное прошлое, разворачивающееся в рассказах пожилой дамы, нарочито предметно — и притом столь же нарочито неуловимо. Юинг умело использует зыбкие образы (визуальные и аудиальные): усадьба предстает в отражениях в зеркалах и неоконченных

письмах, в гравюрах на страницах старинных книг и разговорах, нечаянно подслушанных из-за ширмы; в силуэтах давно ушедших людей (популярные в XVIII в., такие профили из черной бумаги имелись почти в любой усадьбе), в шуршании шафрановых платяев, в садовых ножницах на траве, в перчатке, оброненной на садовой аллее... Всё это формирует «вещественный» мир ушедшей в прошлое или забытой усадьбы – превосходящий подобные же предметные ряды из сочинений XX–XXI вв. – вплоть до русского «дачного» текста («Пластинка должна быть хрипящей...») (1965) В. Соколова) и «усадебной» литературы постмодернизма [Богданова].

В романе Юинг представлено множество усадеб разных времен: от «реальных» особняков (деревенских домов, в которых живут главная героиня и старушка-рассказчица) и до ветхих «реликвий» прошлого, которые благодаря «цепкой памяти» миссис Смит предстают перед Идой живыми и красочными⁵. Яркой чередой проходят усадьбы старинные – с дамами в напудренных париках, балами, генеалогическими древами, вечными разговорами о женитьбах, семейных узлах, о поездках на воды; усадьбы «волшебные», где «храпящий» и «вздыхающий» призрак (в духе готического романа – в этом жанре молодая писательница уже успела опробовать силы, ср. ее повесть «Окровавленная рука») – оказывается малышами-святаями, ворочающимися в гнезде за стеной (явная дань традиции «мнимого детектива», восходящая к «Нортенгернскому аббатству» Дж. Остен (1799)); усадьбы «покинутые», где на старых тропинках «шелестит время», а брошенная в траве перчатка или ржавые ножницы позволяют ребенку вообразить давно ушедшую эпоху и тем самым приобщиться к ней; усадьбы-«зеркала», в которых мелькают призраки прошлого – памятные дома, особняки, сады, давно ушедшие в английскую землю. И во всей этой череде «великолепного века» особенно выделяется «русская» усадьба «Река-Дом» – единственный образец «идеального обиталища», у которого, кстати, имелся в реальности прототип.

* * *

Первое «знакомство» Джулианы Юинг (в ту пору – еще Гэтти) с особняком Река-Дом состоялось в декабре 1862 г.: тогда она гостила у своей подруги Элизабет Эллакум, дочери преподобного Генри Томаса Эллакума, в городе Топшэм, графство Девон: «Это на редкость необычный старый городок, голландское поселение каких-то незапамятных лет, и в старой части города сохранились голландские дома... В одном из них теперь живет семья из России: когда-то они селились у русской реки, и вот теперь написали красками название того, русского дома на столбике у ворот – Река-Дом (Reka Dom)! Дом у реки! – Это страшно любопытно, и мне снова ужасно хочется по-

бывать и в Дании, и в Голландии!!! Заложил это воспоминание закладкой – возможно, однажды я к нему еще возвращусь» [Ewing 1983: 379].

В XVII в. Топшэм⁶ (основанный в устье реки Экс еще во времена римской экспансии) был крупным портовым городом; здесь стояли на якоре суда, которые впоследствии дали бой Непобедимой Армаде; сюда же в XVII в. голландские купцы возили богатые ткани; многие из них имели резиденции в городе и даже «оседали» в нем с семьями, что придало Топшэму статус «голландского поселения». Именно здесь в 1688 г. высадился на берег Виллем Оранье-Нассау, будущий король Англии Вильгельм III.

Однако и вторая – «русская» – история этого дома также прослеживается сквозь века. Хотя прочные русско-английские торговые связи восходят по меньшей мере к XVI в., временам Генриха VIII и Эдуарда VI [Кулишер: гл. 9], контакты с Россией окончательно установились в Топшэме в 1715 г.: сюда из северорусских портов возили промышленную коноплю и пеньку, лен, топленое сало и проч. В конце века топшэмский док принимал по меньшей мере два русских торговых корабля ежегодно; отсюда по реке товары под английскими парусами уносились уже в другие города – прежде всего, в Портсмут и Фалмут – и расходились по всему острову. В XIX в. сеть поставок расширилась: теперь в Топшэм прибывали корабли из Санкт-Петербурга, Архангельска, Риги. В городе сохранилось множество памятных табличек, упоминающих о прибытии русских торговых судов, а на местном кладбище покоятся в том числе русские моряки [Dodd].

Именно в Топшэме состоялось судьбоносное знакомство с домом, который Джулиана «повстречает» через пять лет – на канадской земле и уже будучи миссис Юинг.

1 июня 1867 г. Джулиана вышла замуж за молодого армейского офицера Александра «Рэя» Юинга⁷. Уже через неделю после свадьбы семья отправилась за океан, в город Фредриксон (провинция Нью-Брунсуик, Канада). После этого Юинг вела «кочевую» жизнь, постоянно переезжая: обратно в Англию, через океан, в город Олдершот, затем – за мужем-военным, на Мальту (1879 г.), на Шри-Ланку (1881 г.), снова в Англию, в Сомерсет, в Бат... Непрестанные переезды, отсутствие постоянного дома, тоска по родине, по «родовому гнезду», хлопоты с обустройством на новом месте – подточили и без того хрупкое здоровье писательницы, которая и на поздних фотографиях выглядит как хрупкая викторианская девочка в «гимназическом» платьице и со строгим «пучком» на затылке. Поэтому неспроста, как талисман на груди, она хранила воспоминание о родном доме в графстве Йоркшир – и о чудесной усадьбе Река-Дом, встреченной ею в юности.

Впрочем, то было только начало долгого пути – и переезд в Канаду стал двумя (по количеству лет) счастливыми, солнечными страницами в памяти Юинг. Сохранились ее письма того периода к матери; хотя ей уже исполнилось 26 (по меркам викторианской эпохи – возраст весьма зрелой женщины), это по-детски экспрессивные, местами наивные и очень живые тексты, изобилующие восклицаниями, восторженными образами; они напоминают дневники совсем юной пансионерки – писанные богатым слогом и со множеством неожиданных метафор. К письмам прилагались многочисленные рисунки: вид и интерьеры канадского особняка, пейзажи из окон, река Святого Иоанна, зеленые лужайки, ивы над водой, «живописные» местные жители и т. д.

В письме от 17 июля 1867 г. Юинг сообщает об интересующей нас «судьбоносной» встрече: «Я не писала еще тебе, как это чудно – ощущать, что мой Дом всё время, неощутимо, со мной; где бы мы ни разбили нашу палатку, он всегда оказывается там». Узнавание происходит, когда «у самой кромки воды» Джулиана видит красное здание; «несомненно, – пишет она матери, – то был РЕКА-ДОМ».

Что характерно, дома в Топшэме и во Фредриконе не сильно схожи между собой. В набросках Юинг (приложение к вышеуказанному письму) мы видим большое здание с эркерными окнами (такими же, как и в топшэмском доме) – но притом обшитое тесовыми досками, вытянутое, угловатое – и, как следует из письма, другого (красного) цвета. Тем не менее, голландский «купеческий особняк» в английском графстве и бывший трактир⁸ на берегу леденистой канадской реки становится в сознании Юинг обратимыми.

«Узнавание» Дома оказывается для Юинг катализатором, разжигающим творческий огонь. До этого, как мы отмечали выше, писательница почти на полгода прерывала работу над «Воспоминаниями...»; теперь же она начинает трудиться над четвертой главой. Уже 1 августа 1867 г. Юинг сообщает матери: «Наконец-то есть время поработать над “Рекой-Домом”» [Ewing 1983: 30].

Дело идет неспешно и кропотливо. 29 сентября Джулиана отмечает: «Работаю усердно – понемногу “Река-Дом” пишется – вскорости надеюсь отправить» [Ewing 1983: 52]. Ср. в письме от 21 октября: «Работаю над “Рекой-Домом”, выходит медленно. После нее напишу рассказ о том, как “Кошечка тарелочки мыла-намывала”» [Ewing 1983: 66]. 12 ноября она извинительно пишет: «Скажи маме, я вышлю фрагмент “Реки-Дома” следующей же почтой – *если управлюсь*» [Ewing 1983: 80]. В это время она уже провидит концовку романа: «После “Р.Д.” будет еще о возвращении капитана и заключение». Но следующее же письмо (18 ноября) открывается словами: «Не успеваю вы-

слать “Реку-Дом” этой почтой, надеюсь отправить со следующей (из Квебека)» [Ewing 1983: 81] Юинг выражает недовольство текстом: «Большая часть того, что написано, кажется мне затянутой, я ею недовольна, всё переделываю и улучшаю. То, что вышло теперь, надеюсь, “сгодится”» [Ewing 1983: 81]. И далее: «Конечно, это безобразие с моей стороны, что я больше не посылаю тебе рисунки. Но я очень занята – “Река-Дом”, и проч., и проч.» [Ewing 1983: 81–82].

5 января 1868 г. Юинг получает ответ от матери, которая, наконец, прочла черновик и выслала многочисленные замечания. Как и подобает викторианской дочери, писательница принимает их с благодарностью: «Не могу и описать, дорогая матушка, какое для меня облегчение, что ты – столь разумно – отложила [публикацию главы] “Река-Дом”. Я очень о ней беспокоилась, и знаю: она становилась растянутой и слабой; уверена, я могу лучше. Не буду откладывать в долгий ящик, но писать через силу не могу, глупо даже пытаться. Но теперь я свободна и не пренебрегу этим текстом, обещаю! – Жди от меня вскорости “Реку-Дом”, историю отца (короткую) и заключение» [Ewing 1869: 97–98].

Далее Юинг работает уже с замечаниями матери. 12 января 1868 г. она сообщает ей: «<...> работаю над “Рекой-Домом”» [Ewing 1983: 100]. 3 февраля Юинг опять заговаривает о романе (судя по всему, получив еще одно письмо от матери): вновь благодарит за критику, пишет о необходимости «ужасть» текст, с чем-то не соглашается («Сохраню часть про реку – хотя, конечно, это лишь тень от моих действительно удачных фрагментов <...>») [Ewing 1983: 108–109]. 22 марта Юинг высказывает надежду отправить новую версию следующим письмом («она почти готова, и, я надеюсь, вышла удачной» [Ewing 1983: 131]) – но снова, как и прежде, что-то вмешивается в планы писательницы.

Различные дела и события постоянно мешают отправке – то хлопоты с переездом, то сильный снегопад (письмо от 4 апреля 1868 г.), то домашние заботы: «Ум мой разрывается хаотически между мыслями: во что обуться зимой? что подать завтра к полднику? <...> удастся ли пошить жилет и пару гамаш из старой шинели Рекса? наконец, как настроить свои мысли – и дописать наконец “Реку-Дом”?!» [Ewing 1983: 85].

Одновременно с писательницей роман вычитывает и ее супруг – Александр («Рекс»); ср. его письмо к М. Гэтти (приложение к письму Юинг от 17 апреля): «Думаю, Вам понравится [глава] “Река-Дом”, когда Вы прочтете ее полностью; и Вы согласитесь со мной, что это, во многих отношениях, ее (Юинг. – Г.В.) лучшее предприятие (best attempt)» [Ewing 1983: 145].

Наконец, 4 мая 1868 г. работа над главой завершена. «Этой почтой, – сообщает Юинг, – надеюсь, вышлю окончание “Реки-Дом”». И далее: «<...> выш-

лю <...> “Реку-Дом” второй почтой завтра же» [Ewing 1983: 150]. Финальные фрагменты романа (в частности, вставную новеллу-сказку про двух чаек и главку с возвращением отца) Юинг отправит чуть позже, 1 июня.

Юинг была так увлечена работой, что, еще не дописав роман, думала о его «сиквеле», посвященном уже младшей сестре миссис Мэри Смит – Фатиме (недаром миссис Смит в романе уподобляется Шахерезаде, рассказывающей изо дня в день маленькой слушательнице нескончаемые волшебные «грезы»). По мнению М. Роузинг, «Река-Дом» несет в себе «интенцию бесконечной истории» [Rosing: 157].

События романа удивительным образом проникают в жизнь писательницы, а мечта и реальность перекрещиваются друг с другом, свиваются в причудливые водовороты. «Даже удивительно, что, закончив писать “Реку-Дом”, – я получила в наследство садик, единственное убранство которого – белые лилии, растущие вдоль южной ограды» [Ewing 1983: 154]. Напомним: героиня «Воспоминаний...» высаживает точно такие цветы на своей фигурной клумбе; именно с ними для нее ассоциируется и знакомство с Иваном.

Сами письма Дж.Х. Юинг оказываются увлекательным «романом об усадьбе». Напомним: эпистолярная форма – одна из старейших его разновидностей, восходящая не только к «усадебным» текстам С. Ричардсона и Г. Филдинга, но и более ранним – «усадебным» воспоминаниям Б. Джонсона и Э. Марвелла или даже к фамильному архиву Пэстонов (XV в.) – семейства, проживавшего в Грэшем-Мэнор, бывшем поместье Дж. Чосера (их «Семейную переписку» в четырех томах издал в 1904 г. доктор Дж. Гэрднер). В письмах мир усадьбы предстает в бытовом разрезе, там нет почти ни слова о самой корреспондентке, а «всё о хлопотах по хозяйству: то овцы попортили сено, то подручные <...> не вышли на работу; то прорвало плотину, то украли вола. И еще у них кончились запасы патоки, и потом – ей действительно нужна материя на платье» [Вулф: 11]. То же обнаруживаем и в письмах Юинг, которая делится с матерью планами романа – и тут же сетует на дороговизну стирки («2 шиллинга за дюжину» предметов одежды [Ewing 1983: 12]), жалуется на пропажу швейной машины, рассказывает о покупке сквород на базаре, о купленном задешево поросенке (известие о сделке сопровождается шестью восклицательными знаками), о найденной «очень кстати» в комодке монетке, о желтых лодках-каное, напоминающих ей осенние, плывущие по реке листья... Как и в любой настоящей усадьбе, попутно с творчеством «течет» и другая жизнь: бытовые проблемы и неурядицы, мимолетные улыбки, мелкие радости, – и вечные заносающие дорогу метели, из-за которых отправка рукописи откладывается день от дня; так

мечта существует параллельно быту, образуя в своем роде усадебный роман *par excellence*.

* * *

Как уже отмечалось выше, особняку Река-Дом посвящена четвертая глава романа – ожидаемо самая большая на фоне прочих (примерно в три раза крупнее первой и второй по отдельности). В этой главе Ида сама впервые отправляется в гости к миссис Смит. В гостиной, где они пьют чай, девочка видит рисунок старинного дома и ведущей к нему извиристо-живописной дороги, которая сразу привлекает ее внимание. Ида упрощает миссис Смит, и та рассказывает очередную историю: «Я помню столь многое об этом доме, что, стоит мне взглянуть на картинку – и я сразу же погружаюсь в мечты. Память приносит мне много отрады – и много боли. Но в том и преимущество быть старой, Ида: время смягчает болезненные картины прошлого, оставляя нам лишь счастливые, и они становятся чище день ото дня» [Ewing: 140].

Далее следует рассказ об особняке Река-Дом, исполненный автобиографических «судьбоносных» деталей. По сюжету, семья Мэри (как и семья Юингов) вынуждена нанимать дом «в тихом маленьком городке, немногим крупнее, чем большая деревня – городке с булыжными улочками, магазинчиками, тихом, солнечном и довольно скучном – раскинувшимся на речном берегу» [Ewing: 142]. Первая «встреча» с домом становится «узнаванием»: отец Мэри, человек, не склонный к экспрессии (филолог-востоковед), восклицает от удивления, впервые его увидев и прочитав слова, начертанные у ворот «черными римскими капиталами». «Райка Доум» (как произносит он, на английский манер, название) выделяется среди прочих милостивых особнячков – «пестрые садики, заросли сирени, падуба или калины и увитое плющом крыльцо» [Ewing: 152] – тем, что в нем ощущается живая душа. После такого знакомства-«узнавания» переезд оказывается делом решенным, и с тех пор, как вспоминает миссис Смит, «удача во всем сопутствовала нашему новому дому» [Ewing: 142].

Вскоре после переезда в новый дом Мэри и ее семья узнают о русских детях, которым некогда принадлежали шесть фигурных клумб (или грядок), каждая – в форме латинской литеры (“I”, “M”, “E” и проч.), в глубине заросшего сада. Русские дети становятся «душой» усадьбы (подобно призракам из рассказа В. Вулф «Дом с привидениями»): «Их история была историей нашего дома. Всё было проникнуто этой сказкой (romance) – дорожки, на которых мы играли, качели, на которые мы садились, сад, за которым мы ухаживали изо дня в день» [Ewing: 170]. Братьям и сестрам Мэри этот особняк представляется чудесной страной: «Исследование сада было для нас путешествием в волшебный край». Его мир

одновременно зыбок (Юинг находит замечательный образ: качели на ветхих веревках, которые обрываются, стоит героине присесть на них), но и достаточно прочен, чтобы существовать в рамках детской игры и сохраниться в памяти Мэри.

Как справедливо пишет Дж. Эвери, ««Река-Дом» – это “воспоминание” во плоти, где беспримесная радость самых светлых моментов детства сияет, как чистый хрусталь» [Avery: 76]. В этой истории смешивается счастье от двух первых лет замужества, проведенных в Канаде, – и глубокая ностальгия, которую Юинг испытывала по оставленной за океаном родине. Дом, который она описывает, – это «рай на земле, где к радости, которой всегда окрашено детство, примешивается легкая грусть» [Avery: 76]. Недаром игры, как и история особняка Река-Дом, проникнуты светлой печалью. Неспроста английские дети, играющие в переписку с русскими, «хоронят» Ивана, от которого неожиданно прекращают приходить письма. Когда Ида допытывается, что стало со всеми героями истории про «Реку-Дом», миссис Смит отвечает троекратным повторением слова «Dead»: «Мертвы... Мертвы... Мертвы... Ида, дитя мое, я не могу больше отвечать на вопросы» [Ewing: 221]. Столь же раздумчивым звучит стихотворение Генри Вога, которое цитирует отец Мэри («They are all gone into a world of light, / And I alone sit lingering here...») – «Ушли они все в царство света, | И я один лишь медлю здесь...») [Ewing: 155]. Жизнь и смерть идут в воспоминаниях рука об руку⁹; однако миссис Смит сознательно привносит в эту картину свет – и заканчивает ее на элегической ноте: «Не забывай, Ида, я старая, я пережила почти всех, кого знала в юности. Конечно, это естественно, что смерть покажется чем-то печальным на твой взгляд – и я не хочу превращать в трагедию рассказ о “Реке-Доме”» [Ewing: 221–222]. Неумолчный звон церковных колоколов – которым открывается и закрывается роман – знаменует непрерывное течение жизни: «Вот и кончена моя история; но колокола по-прежнему созывают на утреннюю молитву; а значит, и продолжается жизнь» [Ewing 250] – и опять же предвосхищает «усадебную преемственность», столь важную для авторов-модернистов.

* * *

Как видим, Река-Дом – «русский» особняк на английском побережье, солнечная греза (day-dream), увиденная в погожий летний день – становится первым в истории образом «усадебно-мечты», который будет фигурировать во многих произведениях XX в. – особенно в период «усадебного возрождения» после Второй мировой войны. Через образ этого особняка Россия в романе Юинг представляется чем-то призрачным, вообразаемым, небывалым, – как и призрачные русские дети, живущие лишь в рассказе

старушки, которой, выражаясь словами А. Белого, «молодость снится». Чудесный особняк Река-Дом, ставший предтечей модернистских усадеб, остался почти незамеченным в «июльский полдень золотой» викторианского благоденствия – и тем рельефней выглядит он годы спустя, через призму полутора минувших столетий.

Примечания

¹ Название трудно переводимо: Mrs. Overtheway (букв.: «госпожа Черездорожная») – прозвище «в духе Беняна», которое главная героиня дает своей соседке из дома напротив, благочестивой пожилой даме.

² Ср. образ такого огня в романе И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1946).

³ О модернистских усадьбах подробнее см.: [Склизова], [Trout].

⁴ Подробнее об этом см., напр.: [Володина 2020].

⁵ Ср., напр.: «Это был большой дом, убранством напоминавший нашу усадьбу, но внешне более ухоженный; старый, построенный с нарушением пропорций, но с изящными перекладинами на окнах, причудливыми флигелями, укромными уголками. <...> ярко цветущий сад приятно оттенялся серым булыжником, земли вокруг усадьбы казались необъятными» [Ewing: 92].

⁶ Река-Дом в Топшэме существует и по сей день (в городе он известен также как «Дом купца»); сейчас в этом здании расположен живописный отель.

⁷ Александр Юинг и сам был творческим человеком: музицировал и писал музыку, увлекался метеорологией, месмеризмом, обожал собак и даже, по словам жены, состоял в масонской ложе [Avery: 22]; он занимался переводами, глубоко поощрял занятие супруги литературой – и, судя по всему, стал прототипом Ивана в «Воспоминаниях...»

⁸ В отличие от топшэмского особняка, канадский «Река-Дом» не сохранился до нашего времени (он был снесен в 1910 г.; ныне на его месте стоят дома 50 и 58 по Ватерлоо-роу). Когда-то в этом здании находился первый трактир Фредриксона – «Золотой мяч».

⁹ Именно такими средствами, по мнению Дж. Эвери, Юинг удалось «удержать» баланс между «чересчур мрачными» повестями о сиротах викторианской эпохи – и, напротив, слишком «светлыми» романами XX в.

Список литературы

Богданова О.А. Дачный топос в литературных источниках XX в. и в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Филологический класс. 2018. № 2(52). С. 134–140.

Володина Н.В. Библиотека как элемент «усадебной культуры» в творчестве русских писателей вто-

рой половины XIX — начала XX в.: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, И.А. Бунин // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 72–84.

Вулф В. Обыкновенный читатель / Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. 776 с.

Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб.: Атеней, 1923. 322 с.

Склизкова Т.А. Роман об усадьбе в английской литературе первой половины XX века. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. 329 с.

Avery G. Mrs. Ewing. N.Y.: Henry Z. Walck, 1964. 82 p.

Briggs J., Butts D. The Emergence of Form (1850–1890) // Children's Literature: An Illustrated History. Ed. by P. Hunt, D. Butts. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 130–165.

The Oxford Companion to Children's Literature. Ed. by H. Carpenter, M. Prichard. Oxford: Oxford University Press, 1999. 608 p.

Dodd G. Russian Hemp Bale Seals from Crediton & Topsham, Devon. URL: <http://www.peacehavens.co.uk/BSCREDITON.htm> (дата обращения: 21.05.2022).

Ewing J.H. Mrs. Overthway's Remembrances. L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1869. 250 p.

[Ewing J.H.] Canada Home: Juliana Horatia Ewing's Fredricton Letters, 1867–1869. Ed. by M.H. Blom & Thomas E. Blom. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983. 426 p.

Forster E.M. Howard's End. L.: Penguin, 2012. (Penguin English Library). 400 p.

Gubar M. Artful Dodgers: Reconceiving the Golden Age of Children's Literature. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2009. 264 p.

Muir P.H. English Children's Books, 1600 to 1900. Westport (CT): Praeger, 1954. 255 p.

Nesbit E. The House with No Address. N.Y.: Doubleday, Page & C°, 1909. 340 p.

Plotz J.A. Punch Reads Aunt Judy: Kipling, Ewing and the Use of the Children's Literature. Twice-Told Children's Tales: The Influence of Childhood Reading on Writers for Adults. Ed. by B. Greenway. N.Y.; Abingdon: Routledge: Taylor & Francis Group, 2005. Pp. 183–198.

Rosing M. "Stories by Bits": The Serial Family in Juliana Horatia Ewing's "Mrs. Overthway's Remem-

brances". Victorian Review. Fall 2013. Vol. 39. № 2. Special Issue: Extending Families. Pp. 147–162.

Su J.J. Refiguring National Character: The Remains of the British Estate Novel. Modern Fiction Studies. Fall 2002, vol. 48, № 3, pp. 552–580.

Toklas A.B. What is Remembered. N.Y.; Chicago; San Francisco: Holt, Rinehart & Winston, 1963. 194 p.

Trout T. Open to the Public: The Modernist Country-House Novel. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2019.

References

Bogdanova O.A. *Dachnyi topos v literaturnykh istochnikakh XX veka i v romane E.G. Vodolazkina "Aviator"* [Dacha topos in literary sources of the XX century and in the novel by E.G. Vodolazkin "Aviator"]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2018, № 2(52), pp. 134–140. (In Russ.)

Volodina N.V. *Biblioteka kak element "usadbenoi kultury" v tvorchestve russkikh pisatelei vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.: I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, I.A. Bunin* [Library as an element of "estate culture" in the work of Russian writers of the second half of the 19th – early 20th centuries: I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, I.A. Bunin]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalg'ia, universalizm* [Russian estate and Europe: diachrony, nostalgia, universalism]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, pp. 72–84.

Vulf V. *Obyknovennyi chitatel'* [The common reader]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 776 p.

Kulisher I.M. *Istoriia russkoi torgovli do deviatnatsatogo veka vkluchitel'no* [History of Russian trade up to the nineteenth century inclusive]. St. Petersburg, Ate-nei Publ., 1923. 322 p.

Skлизкова Т.А. *Roman ob usad'be v angliiskoi literature pervoi poloviny XX veka* [The novel about the estate in English literature of the first half of the 20th century]. Vladimir, VIGU Publ., 2021. 329 p.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 193–198. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 193–198. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(450).09”20”

EDN FAXDPZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-193-198>

ПРОБЛЕМА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНАХ Г. ГЕРМАНДИ «ЦАРИЦА ЦВЕТОВ И ЖЕМЧУЖИН» И В. ЛОНГИ «ЦВЕТ ИМЕНИ»

Николаева Юлия Игоревна, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
julianika80@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема постколониальной идентичности в современных итальянских романах, принадлежащих перу авторов смешанного итало-африканского происхождения, рассказывающих об опыте колонизации на подконтрольных Италии территориях в Африке. За кратким обзором особенностей итальянской постколониальной литературы следует анализ некоторых важных тем и художественных методов романов Г. Германди «Царица цветов и жемчужин» и В. Лонги «Цвет имени». Отмечаются общие приемы в изображении персонажей и освещении темы колонизации. В результате удастся проследить последовательный процесс осознания собственной идентичности жителями колоний, обретшими голос в художественной литературе.

Ключевые слова: афро-итальянская литература, постколониальная литература, колониализм, колонизация, подчиненный субъект, контрнарратив, память, идентичность

Для цитирования: Николаева Ю.И. Проблема постколониальной идентичности в романах Г. Германди «Царица цветов и жемчужин» и В. Лонги «Цвет имени» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 193–198. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-193-198>

Research Article

THE PROBLEM OF POSTCOLONIAL IDENTITY IN NOVELS “QUEEN OF FLOWERS AND PEARLS” BY GABRIELLA GHERMANDI AND “THE COLOR OF MY NAME” BY VITTORIO LONGHI

Iuliia I. Nikolaeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian, julianika80@gmail.com

Abstract. The article considers the problem of postcolonial identity in contemporary Italian novels written by authors of mixed Afro-Italian origin that speak about colonisation in territories under Italy’s control. After a short overview of specific features of Italian postcolonial literature comes the analysis of some important topics and artistic methods in the following novels: “Queen Of Flowers and Pearls” by Gabriella Ghermandi and “The Colour of my Name” by Vittorio Longhi. Common techniques in depiction of characters and presentation of the theme of colonisation are revealed. As a result, it is possible to trace a gradual process of realisation of one’s own identity by residents of colonies that find their voice in fiction.

Keywords: Afro-Italian literature, postcolonial literature, colonialism, colonization, subaltern, counternarrative, memory, identity.

For citation: Nikolaeva I.I. The problem of postcolonial identity in novels “Queen Of Flowers And Pearls” by Gabriella Ghermandi and “The color of my name” by Vittorio Longhi. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 193–198 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-193-198>

Современная литература Италии ярко отражает социально-культурные изменения, имеющие глобальный характер. Осмысление колониального опыта и поиск идентичности в мультикультурном мире становятся главными задачами для ряда авторов афро-итальянского происхождения, призвание которых свидетельствует об актуальности задаваемых ими вопросов. Несмотря на драматизм взаимоотношений Италии и ее африканских колоний, эта тема долгое время оставалась вне поля зрения гуманитарных наук и лишь относительно недавно стала важной частью междисциплинарного дискурса. Требуемые осмысления явления постепенно находят свое отражение в художественной литературе.

Начиная с 80-х годов прошлого века все больше авторов обращаются к теме колониальной истории. Во многом эти произведения революционны. Освещение жизни колоний, анализ взаимопроникновения итальянской и африканской культур неминуемо меняют традиционное представление о колонии как о подчиненном, немом мире. Италия методично создавала образ африканских колоний на протяжении полувека: с начала освоения Восточной Африки до поражения в итало-эфиопской войне и окончательного ухода с континента.

Став в 1861 г. единым королевством, итальянское государство убедительно заявило о своем интересе к освоению земель в Африке и, оставаясь одним из немногих европейских государств без колоний, решило закрепиться в Восточной Африке. В период с 1890 г. по 1943 г. Италия имела колонии на территории Эритреи, Сомали, части Ливии, Эфиопии, Додеканесских островах и в Албании. Официальное отречение от роли колониальной империи Италия совершила лишь в 1947 г. в рамках Парижского Договора [Нестерова: 66]. Колонизация Эритреи и Эфиопии происходила в разное время, но имела общие черты. В обеих странах этот процесс ознаменовался трагическими примерами антигуманного поведения итальянцев, нарушением норм ведения военных действий со стороны Италии и многочисленными проявлениями насилия над местным населением.

Итальянская постколониальная литература отражает исторический, культурный и социальный контекст взаимоотношений Италии и ее колоний, способствуя разоблачению колониальных мифов и обогащая современную культуру Италии, проповедующую открытость к диалогу. Следует отдать должное смелости авторов, пишущих об истории оккупации и колонизации: их тексты раскрывают позорные эпизоды итальянской истории, которые до сих пор недостаточно изучены и не переосмыслены.

Как пишет Сандра Понцанези в главе «Постколониальный поворот в итальянистике» сборника «Постколониальная Италия» [Lombardi-Diop, Romeo: 52],

нужно учитывать, что колониальное прошлое Италии очень долго замалчивалось. В работе «Фрагменты» этот акт отрицания Понцанези именуется «колониальным бессознательным», которое выражается в отторжении, дискредитации и отказе от анализа истории колониальной экспансии. Отсутствие борьбы за независимость и незавершенность процессов, которое Бертон [Burton: 52] называет «незавершенным предприятием» («unfinished business») между Италией и африканскими колониями, фактически предало забвению итальянский колониальный опыт, оставив «не надежное» наследие в виде ностальгических воспоминаний, характерных своей предвзятостью.

Проиграв войну и вместе с этим потеряв колонию, Италия закрыла эту тему в собственной истории, не искупив своей вины поражением. «У нас не было войн подобно алжирской или ангольской, и мы почитали, что нашему обществу не нужно переосмысление и глубокий анализ нашего колониального прошлого», – комментирует Комбериасти [Comberiat: 1].

Анализ произведений, указанных в теме статьи, невозможен без упоминания одного из ключевых текстов итальянской литературы XX в. об Африке – романе Э. Флайано «Время убивать». В литературной критике он часто упоминается как последний колониальный роман итальянской литературы, в 1947 г. он был удостоен литературной премии «Стрега». Роман повествует об одиноком путешествии итальянского офицера по Эфиопии во время итало-эфиопской войны. Внутренний монолог героя, совершившего убийство, безжизненные пейзажи, боль и болезнь, отчаянный поиск исцеления и страстное желание вернуться в Италию – всё это создает довольно мрачный образ итальянской Африки как «вместилища мерзостей» [Flaiano: 177].

Колониальная история Италии сопряжена с искажением исторической правды и десятилетиями забвения, что не могло не сказаться на исследовательской стороне вопроса: долгое время итальянская колонизация оставалась сферой интересов узких специалистов. Однако уже в тексте Э. Флайано, несмотря на его давность и близость к колониальной традиции, сама колониальная кампания и связанные с ней преступления критикуются и осуждаются. Это особенно важно отметить, учитывая многолетнюю пропаганду колониальной экспансии, организованную фашистским режимом, а также факт участия Э. Флайано в войне с Эфиопией. Груз вины за злодеяния режима берет на себя безымянный лейтенант, главный герой романа «Время убивать», но его преступления остаются безнаказанными. Одиночество, болезнь, вина – вот основные темы романа Э. Флайано, и его Африка условна и символична. Места, люди и события служат фоном внутреннего монолога итальянского офицера.

Роман Габриэлли Германди «Царица цветов и жемчужин», вышедший в 2007 г., был высоко оценен итальянским литературным сообществом, он оказал существенное влияние на итальянский литературный канон XXI в., был переведен на английский язык и занял почетное место в ряду постколониальных произведений. Сама писательница родилась в 1965 г. в Аддис-Абебе и с 1975 г. живет в Болонье, родном городе отца. Ее мать родом из Эфиопии, отец – итальянец. «Для белых я не была белой, а для черных не была черной. Мы жили смешанной жизнью, говорили на четырех языках: ежедневно на амхарском и итальянском, по праздникам – на болонском диалекте и на тигринья», – вспоминает Габриэлла в интервью интернет-изданию «Вестник эмиграции» [Daniele Barbieri]. Говоря о своем первом романе, писательница признается: «Я не планировала писать роман о колонизации, об итальянской оккупации Эфиопии. Но спустя 70 лет после того, как моя мама уехала из своей деревни в Эфиопии, она попросила поехать с ней домой. Когда я привезла ее в родные края, и она вновь ощутила себя на родине, только тогда в нашем доме стало возможным говорить об итальянской оккупации. Мама испытала на себе расовые законы. Она выросла в интернате, где ей было запрещено говорить на родном языке. Она многое пережила и долгое время не могла осмыслить, переработать свое прошлое – прежде всего эмоционально. Но как только она нашла в себе силы это сделать, я поняла, что и я тоже могу проанализировать эту историю и написать об этом».

Текст Г. Германди выступает как контрнарратив к роману Флайано. Именно так он определяется в ряде критических работ. Следует уточнить, что контрнарратив или контрповествование понимается, помимо прочего, как возможность дать слово исключенным меньшинствам, которые не имеют голоса. В сборнике «Подчиненные субъекты Италии: историко-литературные исследования» Г. Пролио высказывается о том, что контрнарратив Германди знаменует собой не только разрыв с формами гегемонического дискурса, но становится символом появления в Италии сюжетов и героев, до сих пор из него исключенных и не имеющих самостоятельной идентичности [Deplano, Mari, Proglino: 86].

Роман имеет рамочную композицию и рассказывает о взрослении девушки Махлет в Эфиопии. Время действия охватывает несколько десятилетий: от великой империи до военной диктатуры конца XX в. Помимо возможности рассказать свою личную историю Махлет удостоивается чести стать «рассказчицей» и пересказывает воспоминания родственников, друзей семьи и просто соотечественников, которые доверяют ей свои тайны. Многие из этих историй связаны с военным прошлым этих персонажей.

В статье «Время врачевать» Мария Анджела Рокки отмечает, что роман Германди является истинным примером сопротивления забвению, которое связано не столько с естественным ходом времени, сколько с преступным пренебрежением к прошлому и четким выбором культурных парадигм итальянского общества [Rocchi: 136].

В своем тексте писательнице удивительным образом удается не только дать услышать хор эфиопских голосов, рассказывающих свои истории, но и создать правдоподобный и очень привлекательный образ страны, где она родилась. Африка Г. Германди сияет яркими красками, манит ароматами и вкусами. В одном из эпизодов автор рисует колоритную картину рынка, где от аромата тысячи видов специй перехватывает дыхание. Нельзя не заметить многочисленные описания еды, которые сопровождают различные сцены на протяжении всего романа. Названия блюд написаны на амхарском, и это еще одна отличительная черта стиля Г. Германди. Амхарский язык «слышен» в повседневных сценах как приветствие или благословение, знак восхищения или негодования. На нем произносятся молитвы, обращения к старшим, выражается радость и скорбь. Автор как бы приоткрывает дверь в новый незнакомый мир другой великой культуры, которая у Э. Флайано упорно молчит.

Уже в первой истории старца Якоба упоминается «азмари». В эфиопской культуре это странствующие поэты-певцы, сочиняющие и исполняющие песни на различные темы. Это могут быть хвалебные гимны или рассказы о великих событиях и героях прошлого. В композиции романа Г. Германди песня Арона, пожилого азмари, воевавшего в отряде сопротивления со старцем Якобом, служит напоминанием об обещании Махлет, которое она дала любимому деду. Арон вспоминает всех героев, о которых Махлет должна рассказать «на земле Петра и Павла», в Италии.

«Mi raccomando, figlia,
non perdere la storia.
Portala nella terra ultima
dei Santi Pietro e Paolo».

[Ghermandi: 289]

«Прошу тебя, дочка,
не потеряй историю.
Принеси ее туда, где упокоились
Святые Петр и Павел»

Текст песни написан на итальянском. Так автор знакомит своих читателей с богатством и своеобразием родной культуры.

Благодаря героине Германди перед читателем открывается богатый и сложный мир Эфиопии. Махлет растет в большой семье, где несколько поколений живут под одной крышей.

«Ero l'unica femmina di mia madre, ma una delle tante della casa. Era una casa etiope la nostra, con una famiglia molto allargata. Sotto lo stesso tetto vivevamo in diciotto: i tre anziani, i miei genitori, mio zio Mesfin, fratello di mio padre, con sua moglie Saba e i loro figli Tomas e Tesemma, mia zia Abeba, sorella di mia madre, zitella, mia zia Fanus, sorella di mia madre, vedova e madre di Alemitu e Mulu, le cugine con cui dividevo la stanza da letto» [Ghermandi: 73].

«У мамы я была единственной дочерью, но одной из многих девочек в нашем доме. Это был эфиопский дом, в котором жила большая семья. Под одной крышей нас было восемнадцать: три старика, мои родители, мой дядя Месфин, брат моего отца со своей женой Сабой и их дети – Томас и Теземма; моя тета Абеба, сестра моей матери, старая дева; еще одна моя тета Фанус, сестра матери, вдова и мать Алемиту и Мулу, моих двоюродных сестер, с которыми я жила в одной комнате».

Неудивительно, что переезд в Болонью стал серьезной травмой для Махлет. Она признается, что ей пришлось смириться с двумя болезнями Запада – одиночеством и индивидуализмом, которые, словно одеяние, покрывающее каждого человека, отделяют людей друг от друга.

«E già dai primi anni della mia vita universitaria bolognese, dove a differenza di Perugia c'erano pochi stranieri, mi dovetti rassegnare a subire le malattie dell'Occidente: solitudine e individualismo. Non c'era modo di evitarle. Sebbene io non le avessi contratte, ogni cosa attorno a me ne era impregnata. Un manto spesso avvolgeva ogni singola persona, tenendo tutti ben separati gli uni dagli altri. Un manto che non cadeva neppure quando si stava in comitiva» [Ghermandi: 138].

«Уже с первых лет учебы в болонском университете, где в отличие от Перуджи иностранцев было мало, мне пришлось столкнуться с болезнями Запада – одиночеством и индивидуализмом. Невозможно было их избежать. Хотя я и не заразилась, все вокруг как будто было ими пропитано. Плотное одеяние покрывало каждого человека так, чтобы люди были отделены друг от друга. И даже в компании друзей это одеяние не спадало».

Близость и совместность описаны также в сценах религиозных праздников. Рассказывая истории из жизни разных людей, Германди, говоря ее же словами, отправляет «важное послание» о колониальном прошлом. Но не только. Автор рассказывает об Эфиопии как о стране с древними христианскими традициями:

«Seguendo l'entusiasmo generale, mi misi a ballare, sollevando le mani verso il cielo e poi giù, accovacciandomi ancheggiando, e di nuovo su, con le mani che si muovevano a onda, distanti dal corpo, vibranti nell'aria, e poi vicino, verso il petto, mani cullanti, e dalla mia bocca il canto: «Nel Giordano, Gesù è stato battezzato nel Giordano». Di colpo guardai Alemitu e Mulu, e poi gli altri, e anche gli anziani. Anche loro ballavano. Tutta Janhoy Medà ballava. Eravamo un unico corpo avvolto in una danza catartica» [Ghermandi G.: 121].

«Следуя всеобщему воодушевлению, я пустилась танцевать, поднимая руки к небу и опуская их, садясь на корточки, продвигаясь вперед, раскачивая бедрами, потом вставая и воздевая руки, которые, словно волны, качались в воздухе, потом опускались к груди, складываясь в колыбель, и я пела: «В Иордане, Иисус был крещен в Иордане». Я резко повернулась посмотреть на Алемиту и Мулу, на остальных и на стариков. Они тоже танцевали. Весь Джанхой-Меда двигался в танце. Мы были единым телом, исполняющим танец очищения».

Старец Якоб благословляет Махлет на учебу в Италии, которая для него, прежде всего, земля апостолов Петра и Павла:

«Abba, mi piacerebbe andare in Italia a studiare economia», dissi tutto d'un fiato. I suoi occhi si accesero, contro ogni mia previsione. «Vuoi andare nella terra dove sono morti Pietro e Paolo!» [Ghermandi: 134].

«Дедушка, мне бы хотелось поехать в Италию изучать экономику», – выпалила я на одном дыхании. Его глаза просияли, чего я совсем не ожидала. «Хочешь поехать туда, где упокоились Петр и Павел!»

Укорененность в христианстве проявляется в еще одной важной черте эфиопов – в принятии ближнего. Историю о своей юности бывший партизан по имени Аббаба Игирса Сало заканчивает просьбой к Махлет постараться не обидеть никого, когда она будет записывать его рассказ:

«Figliola, se mai tu dovessi usare la mia storia, sistema le parole in modo da non recare offesa a chicchessia. Sai, parlare di qualcuno equivale a renderlo ospite. Ospite delle proprie parole. E da noi l'ospite è sacro» [Ghermandi: 179].

«Дочка, если ты когда-нибудь будешь рассказывать мою историю, подбери слова так, чтобы никого не обидеть. Знаешь, говорить о ком-либо то же самое, что приглашать человека в гости. В гости к собственным словам. А у нас гость – это святое».

Гость священен, даже если герои рассказов – бывшие враги.

Оставаясь носителем «другой» культуры и языка (в частности, амхарского), Германди является полноценной частью итальянской культуры. Как и другие авторы итало-африканского происхождения, Германди получила высшее образование в Италии. Всё это, говоря словами одного из идеологов западного постколониализма Г. Спивак, превращает её в идеального «местного информанта», способного рассказать об опыте «чужого» языком «местного» [Spivak: 9]. Германди поднимает темы смешанного происхождения, идентичности и языка, фокусируя внимание на проблемах сопротивления, нахождения между двумя культурами, обретения голоса бывших колоний.

Первый и пока единственный роман Германди справедливо заслужил признание итальянского общества, открыв обширную дискуссию о колони-

альном прошлом и его последствиях и заставив пересмотреть стереотипы в отношении роли Италии в истории Эфиопии.

Автор романа «Цвет имени» Витторио Лонги – итальянский журналист, родившийся и сформировавшийся в Италии. В тексте Лонги пытается восстановить связь с родиной своей прабабушки. Его прадед, итальянский офицер из Турина, был отправлен на военную службу в Эритрею, где некоторое время сожительствовал с местной девушкой, как это нередко случалось на завоеванных территориях. В результате этого союза родились два сына: дед автора и его брат.

Роман построен как движение из Италии в Африку, возвращение в Эритрею. Но теперь фоном служит не только Италия, но весь Ближний Восток, Западная Европа и Северная Африка. Таким образом, автор недвусмысленно заявляет о глобальности проблем взаимоотношений Европы и бывших колоний. Смесь языков, стран и городов, людей разных национальностей и их историй, которые Лонги умело изобразил как опытный журналист, – еще одна попытка заявить о важности и универсальности этих проблем.

В интервью газете «Corriere della sera» автор отмечает: «Я, как журналист, привык писать о других, не о себе. Но именно усиление ксенофобии и расизма заставили меня это сделать. Не только для того, чтобы рассказать о мигрантах. Вспоминая жизнь моего прадеда, Джакомо Лонги, отца моего деда Витторио, в честь которого я был назван, я осознал, что это рассказ о многовековом взаимопроникновении между Африкой и Европой» [Cremonesi].

Рассказывая историю прадеда, деда и отца, Лонги пытается обрести собственную идентичность. Автор распутывает клубок семейной истории, как бы проживая вместе с читателем жизнь нескольких поколений, и приходит к осознанию важности этого знания и значимости своих итало-африканских корней.

«Crescevo da italiano bianco senza alcuna consapevolezza di un'altra origine, di un'appartenenza ulteriore, senza la minima idea dei legami con l'Africa, figuriamoci del colonialismo. Quei rapporti erano stati recisi con la stessa nettezza con cui era scomparso mio padre dalla nostra vita» [Longhi: 149].

«Я рос как белый итальянец, даже не задумываясь об ином происхождении или принадлежности к другой национальности, без малейшего представления о родственниках в Африке, и уж тем более о колониализме. Эти связи были отрезаны так же необратимо, как и исчезновение отца из нашей жизни».

Линия памяти в композиции романа представляет собой динамичный монолог потомка, восстанавливающего события прошлых лет. Подобно исповеди, это одновременно и повествование, и анализ, и откровение. К концу романа к автору приходит осознание, что он тоже имеет отношение к этой части мира.

«Ho capito. Ho capito. Tergiverso da mesi, è vero. Ho allontanato questa storia per evitare ogni coinvolgimento, per sfuggire a quei fantasmi. Hanno ragione Fauziya e Aida, mi riguarda l'Eritrea, mi riguarda l'Africa» [Longhi: 377].

«Я понял. Я понял. Я так долго ухажу от правды, это так. Я отдалял от себя эту историю, чтобы не дай бог не стать в нее вовлеченным, чтобы не встретиться с призраками. Фаузия и Аида правы: я имею отношение к Эритрее, я имею отношение к Африке».

Автор отправляется в Эритрею с целью найти отца. Но его миссия значительнее: это еще и попытка вернуть отобранное достоинство ушедших поколений итало-эритрейцев. Неожиданно на последних страницах романа мы слышим голос деда автора и его торжественную речь. В ней он призывает автора не забывать свое имя: это не только имя жестоких захватчиков, несущее стыд и позор. Это имя, которые хотели матери для своих детей. В нем – вся их любовь. Дед автора, Витторио, призывает нести это имя с гордостью: «Сделай это для нас: ведь мы жили».

«Non avere più dubbi su questo nome, non rinnegarlo.» È la voce di Vittorio. È lenta, profonda. Ha il tono grave delle ultime parole prima di un addio. «Il nome che porti non è inutile. Non è solamente quello dei padri, dei padri indegni. Non c'è solo la violenza degli invasori, solo quella vergogna. È il nome che hanno voluto le nostre madri e racconta la loro storia, contiene tutto il loro amore. Porta questo nome con orgoglio. Fallo per noi, perché siamo esistiti» [Longhi: 512].

«Не сомневайся в этом имени, не отрекайся от него». Это голос Витторио: медленный и глубокий. Его тон серьезен: это последние слова перед прощанием. «Имя, которое ты носишь, не бесполезно. Это не просто имя отцов, недостойных отцов. В нем не только жестокость захватчиков и позор. Это имя, которое хотели наши матери. Оно рассказывает их историю, несет в себе всю их любовь. Носи это имя с гордостью. Сделай это для нас. Ведь мы жили».

Во время своего путешествия по Эритрее Лонги самостоятельно приходит к важному выводу, который формулирует, как бы переключаясь с каноническим названием романа Э. Флайано «Время убивать»:

«Sono cose difficili da spiegare ora ma so che era arrivato il tempo di sapere, il tempo di capire» [Longhi: 498].

«Сейчас эти вещи трудно объяснить, но я знаю, что пришло время узнать, время понять».

Как и Германди, призывающая не забывать общую историю, Лонги говорит о том, что пришло время узнать и осмыслить прошлое.

В заключение следует сказать, что роман «Царица цветов и жемчужин» Германди, вышедший спустя шестьдесят лет после публикации романа «Время убивать», оказался, по признанию критиков, одним из важнейших текстов о колониальном прошлом Италии. Германди по крупицам собирает «цветы и жемчужины» историй своих соотечественников, на себе испытавших ужасы войны с Италией и ее послед-

ствия. При этом Эфиопия Германди – это еще и неопишимо богатый мир красок, ароматов, вкусов. Это поэзия, песни, молитвы и сказки. Мир, отвергнутый европоцентризмом, который обретает свой голос благодаря смелости автора и ее бережному отношению к прошлому.

Африка в романе «Цвет имени» совсем другая. Умышленно забытая отцом автора его историческая родина, Эритрея, – место столкновения рас и культур, где вопрос идентичности встает особенно остро. Судьбы потомков итало-эритрейцев, нелегальная миграция, собственная идентичность – вот темы, которые выносит автор на суд читателя в своем первом романе.

Оба автора используют разнообразные приемы для достижения правдоподобия и убедительности своих текстов. Прямая речь разновозрастных героев Германди органично вписывается в структуру романа, создавая как бы хор эфиопских голосов, доверивших свои истории юной рассказчице. Оригинальны некоторые детали: использование амхарского языка в обращениях, восклицаниях и при передаче местного колорита Эфиопии (блюда, одежда и др.).

Так Германди удается познакомить итальянского читателя с «чужой», не знакомой итальянцам культурой. Динамичный стиль Лонги характеризует его как опытного журналиста, умеющего подбирать слова, заострять внимание на актуальных проблемах, анализировать и делать выводы. Десятки страниц посвящены ознакомлению читателя с колониальной повесткой. Автор как бы берет на себя роль проводника, зная, насколько мало изучен и плохо освещен колониальный опыт Италии. Также в тексте много прямой речи героев, рассказывающих о своем опыте жизни в Африке. Это придает достоверности и объективности повествованию.

Вопросы, связанные с Африкой, выходят за рамки бывших итальянских колоний и заставляют задуматься о глобальных вопросах исторической правды, коллективной памяти, идентичности, справедливости и равенства, ответы на которые современный мир пока не в силах найти.

Тема постколониальной идентичности предлагает широкое поле для исследований в области итальянского литературоведения и является перспективным направлением современной итальянистики.

Список литературы

Нестерова Т.П. Борьба Италии за сохранение колониальной империи в 1943–1949 гг. // Научный диалог. 2013. № 1 (13): История. Социология. Экономика. С. 66–91.

Alessi S. Le protagoniste della letteratura italiana postcoloniale: quali eroine? *The Italianist*, 2019, 39:3, pp. 364–380, DOI 10.1080/02614340.2019.1681651.

Barbieri D. Intervista a Gabriella Ghermandi. *Corriere delle migrazioni*, 2013, 23 дек. URL: <http://www.corrieredellemigrazioni.it/2013/12/23/il-motore-della-narrazione-lemozione/> (дата обращения: 16.01.2022).

Benvenuti G. Da Flaiano a Ghermandi. *Riscritture postcoloniali. Narrativa*, 2012, 33/34, pp. 311–321.

Burton A.M. *Gender, Sexuality and Colonial Modernities*. London, 1999, Routledge, 246 p.

Comberinati D. *Certi Confini. Sulla letteratura italiana dell'immigrazione*. Morellini. Milano, 2010, pp. 151–178.

Comberinati D. *La letteratura postcoloniale italiana*. URL: https://www.su.se/polopoly_fs/1.309564.1480431676!/menu/standard/file/Comberinati.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

Cremonesi L. Vittorio Longhi “Storia di mio nonno, troppo nero per gli italiani troppo bianco per gli africani”. *Corriere della sera*, 2021, 22 feb.

Deplano V., Mari L., Proglia G. Subalternità e silenzi tra storia e letteratura. *Modelli epistemologici e luoghi della contro-narrazione*. Aracne, 2014, p. 86.

Flaiano E. *Tempo di uccidere*. BUR Contemporanea, 2016, 604 p.

Ghermandi G. *Regina di fiori e di perle*. Donzelli Editore, 2007, 313 p.

Lombardi-Diop C., Romeo C. *Postcolonial Italy. Challenging National Homogeneity*, Palgrave Macmillan, 2012, p. 52.

Longhi V. *Il colore del nome*. Solferino, 2021, 514 p.

Rocchi M.A. *Tempo di sanare*. Modernità letteraria Pisa-Roma. Fabrizio Serra Editore, 2015, 8, pp. 129–139.

Spivak G.C. *A Critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present*. Cambridge, Massachusetts, London, England Harvard university press, 1999, 449 p.

References

Nesterova T.P. *Bor'ba Italii za sokhranenie kolonial'noi imperii v 1943–1949 gg.* [The struggle of Italy to preserve the colonial empire in 1943–1949]. *Nauchnyi dialog. Istorii. Sotsiologii. Ekonomika*. [Scientific dialogue. History. Sociology. Economy], 2013, № 1 (13), pp. 66–91. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 199–204. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 199–204. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1'36

EDN FSWLLV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-199-204>

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ГРАММАТИКИ

Беднарская Лариса Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Аннотация. Грамматика включает морфологию и синтаксис, их объединяет слово в качестве словоформы. Центральной единицей морфологии является часть речи, которая в синтаксисе выступает в роли члена предложения. Вопрос о соотношении слова, словосочетания и предложения, члена предложения и части речи глубоко и в традиционной, и в современной лингвистике не обсуждался. В русских академических грамматиках члены предложения рассматриваются как распространители слова в составе словосочетаний, а не структурно-семантические компоненты предложения, выделяющиеся на основании синтаксических отношений. До сих пор не решён вопрос, поставленный ещё во времена Аристотеля: что является первичным – словосочетание или предложение, часть речи или член предложения? Эта двойственность привела к отказу от теории членов предложения. В статье приводятся доказательства того, что первично предложение, части речи осознаются на основе членов предложения. Каждый член предложения является многоаспектной словоформой, включающей синтаксический, морфологический и лексический компоненты, но синтаксическая позиция впитывает, поглощает остальные уровни значений. История возникновения и развития предложения доказывает это положение.

Ключевые слова: грамматика, теория членов предложения, предложение, словосочетание, слово, член предложения, часть речи.

Для цитирования: Беднарская Л.Д. О теоретических вопросах грамматики // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 199–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-199-204>

Research Article

ON THEORETICAL GRAMMAR ISSUES

Larisa D. Bednarskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Turgenev Oryol State University, Orel, Russia, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Abstract. Grammar includes morphology and syntax, these are united by a word as a word form. The central unit of morphology is a part of speech, which acts as a part of a sentence in syntax. The question of the relationship of a word, a phrase and a sentence, a part of sentence and a part of speech has not been discussed deeply in both traditional and modern linguistics. In Russian academic grammars, sentence parts are considered to be word propagators in the composition of word combination rather than the structural and semantic components of the sentence that stand out on the basis of syntactic relations. The question posed back in the time of Aristotle has not yet been resolved – which is primary, a phrase or a sentence, a part of speech or a part of a sentence? This duality has led to the rejection of the theory of sentence parts. The article provides evidence that sentence is primary, parts of speech are realised on the basis of sentence parts. Each sentence part is a multidimensional word form, including lexical, morphological and syntactic components, however the syntactic position takes up, absorbs the remaining levels of meanings. The history of the origin and development of the proposal proves this position.

Keywords: grammar, theory of sentence parts, sentence, phrase, word, sentence part, part of speech.

For citation: Bednarskaya L.D. On theoretical grammar issues. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 199–204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-199-204>

Вопрос о соотношении слова, словосочетания и предложения серьёзно и глубоко и в традиционной, и в современной лингвистике не обсуждался. Начиная с античности проблема членов предложения и частей речи остаётся актуальной. Соотношения частей речи и членов предложения познавались с трудом и не сразу. Долгое время по греческой традиции члены предложения назывались «частями слова». По косвенным признакам попытаемся проанализировать, как в истории лингвистики осознавалась проблема *предложение – словосочетание – слово*.

В книге «Категории» начальной точкой отсчёта для Аристотеля являются понятия о членах предложения: подлежащем и сказуемом. В главе второй «Сказывание о предмете и находящееся в предмете» он сразу берёт быка за рога: пытается сказать о том слове, которое существует «без связи», и о том, которое «говорится в связи»: «*Одно в связи, например: «человек бежит», «человек побеждает»; другое без связи, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает»* [Аристотель: 41]. Термина «часть речи» пока нет, а термин «подлежащее» уже есть. Осознана его независимая позиция темы высказывания. Этот вывод можно было сделать только на основании интуитивного осознания синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым.

Сравнительный метод в XIX в. обращал внимание в основном на морфологию, на изменение слов, не уделяя достаточного внимания сопоставлению особенностей синтаксиса – строя предложений – в сопоставляемых индоевропейских языках. Ещё в начале XX в. чёткость в разграничении морфологии и синтаксиса отсутствовала: грамматика разделялась на этимологию (фонетику и морфологию) и синтаксис. Этимология занималась изучением слов в отдельности, не в предложении, в синтаксисе исследовались сочетания слов в предложении и сочетания предложений. Предложение рассматривалось в речи как её функциональная единица, а слово считалось единственным значащим элементом языка [Богородицкий: 20, 28, 29].

Однако уже на заре теоретического языкознания высказывались идеи о первичности предложения (высказывания) и вторичности слова. В. Гумбольдт писал: «Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а наоборот, слова возникают из речи». <...> «Слово образует границу, вплоть до которой язык в своём созидательном процессе действует самостоятельно. Простое слово подобно совершенному и возникшему из языка цветку. Словом язык завершает своё созидание» [Гумбольдт: 82].

В середине XIX в. Ф.И. Буслаев заложил теоретические основы классического научного синтаксиса. С его работ начинается то направление в изучении русского языка, которое характеризуется не односторонним взглядом на его развитие и типологию, а многоаспектностью, многосторонностью, многогранностью, многоплановостью. Современная универсальная типология, основанная на изоморфизме простого и сложного предложения, началась с осознания единой семантической основы грамматического – синтаксического – значения предложения, с осознания той единой понятийно-смысловой базы, которая помогла объединить в систему простое и сложное предложение, понять, что словосочетание вычленяется из предложения, а не является его первообразным строительным материалом. На единой понятийной основе, оформившейся как синтаксические отношения, выстраивается вся синтаксическая система языка, по-разному оформляясь языковыми средствами.

Ф.И. Буслаев первым осознал, что человеческий разум воспринимает мир при помощи языка, в котором закодированы четыре типа синтаксических отношений, существующих на разных языковых уровнях. Эти отношения определяют минимум нераспространённого предложения, включающего пять членов: два главных – подлежащее и сказуемое – и три второстепенных – определение, дополнение, обстоятельство. Все развитые языки мира включают этот минимум в составе простого предложения. Осознание единой понятийной основы языковой структуры оказалось импульсом к созданию лингвистически системно мотивированных классификаций синтаксических явлений и методик преподавания, изучения этих явлений. Таким образом, Ф.И. Буслаев является и первым русским лингвометодистом [Буслаев].

А.А. Потебня обращал внимание на то «состояние языка, при котором психологическое сказуемое есть ещё бесформенное слово, то есть слово, предшествующее образованию грамматических категорий» [Потебня: 76–94]. С развитием индоевропейских языков возникает предложение, которое невозможно без подлежащего и сказуемого. Со временем грамматические категории изменяются, вместе с ними «изменяется и то целое, в котором они возникают и изменяются, именно предложение»; «для нас предложение немислимо без подлежащего и сказуемого; определяемое с определительным, дополняемое с дополнительным не составляют для нас предложения. Но подлежащее может быть только в именительном падеже, а сказуемое невозможно без глагола (*verbum finitum*); мы можем не выражать этого глагола, но мы чувствуем его присутствие, мы различаем сказательное (предикативное) отношение («бумага бела») от определительного («белая бумага»). Если бы мы не различали частей речи, то тем самым

мы не находили бы разницы между отношениями подлежащего и сказуемого, определяемого и определения, дополняемого и дополнения, то есть предложения для нас бы не существовало» [Потебня: 118–119]. Отсюда А.А. Потебня приходит к выводу о том, что синтаксические явления совпадают с этимологическими и что *части речи являются основой для членов предложения* [Потебня: 76–77]. Конечно, легче осознать конкретные языковые формы частей речи в определённых позициях, чем абстрактные синтаксические отношения в предложении, на основе которых они появились. На самом деле члены предложения являются основой для осознания и выделения частей речи. По сути, от А.А. Потебни пошла традиция отождествления части речи и члена предложения, которая благополучно сохраняется в западных грамматиках и сейчас [Szober: 309; Toguebu R.]. Однако сама мысль А.А. Потебни о двойной природе слова как части речи и как члена предложения явилась революционной: слово в предложении выступает не в качестве лексемы, взятой из словаря, а в качестве словоформы определённой части речи, вступившей в синтаксические отношения с другими словоформами. Двойственность в решении этого вопроса проявляется и в более поздней классической литературе, и в академических грамматиках. У А.А. Шахматова читаем: «В языке бытие получило сначала предложение; позже из расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделялись словосочетания и слова» [Шахматов: 17]. Однако второстепенные члены предложения А.А. Шахматов рассматривает в разделе «Учение о словосочетаниях».

На протяжении XX в. мы видим следы традиционного неразличения слова-лексемы и словоформы в синтаксической структуре. Выходцы из Московской лингвистической школы не смогли преодолеть традиции отождествления предложения со словосочетанием: главное для них – слово, а не структура, поэтому члены предложения сближаются со словом, а не с предложением. В результате пришлось отказаться от теории членов предложения. Определяющее внимание к словоформе привело к тому, что в 30–50-е годы XX в. в школьном обучении изучение членов предложения заменяется синтаксисом частей речи, второстепенные члены предложения выводятся за пределы школьных программ. Однако дальнейшая школьная практика показала, что изучение членов предложения является универсальным и доступным на каждом уроке средством развития мышления детей разных возрастов. Это тренировка абстрактного аппарата учеников: от конкретного значения лексемы к абстрактным категориям морфологии и синтаксиса.

Известен афоризм В.В. Виноградова: «Морфологические формы – это отстоявшиеся синтакси-

ческие формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике» [Виноградов: 38], однако чёткости в определении их приоритетов в работах В.В. Виноградова нет. В первой академической грамматике В.В. Виноградов анализирует словосочетание как первичную структуру, существующую самостоятельно: «Изучение способов соединения слов в словосочетания исходит из тех грамматических свойств разных частей речи, которые установились в ходе их развития, и опирается на функции форм слов, принадлежащих к знаменательным частям речи» [Виноградов: 7–8]. И хотя словосочетание отделяется от предложения [Виноградов: 10], максимальное внимание уделяется номинативной природе словосочетания, а самое главное – синтаксические отношения рассматриваются внутри словосочетания вне предложения. Кстати, сочинительным словосочетаниям отказывается в существовании, так как они выделяются как блок однородных членов только в составе предложения [Виноградов: 42]. Более того, словосочетание рассматривается как самостоятельная единица языка: «Вычленившись из предложений, новые виды и типы словосочетаний приобретают самостоятельное номинативное значение, освобождаясь от глагола-сказуемого (или вообще предиката)» [Виноградов: 44]. А глагольные словосочетания существуют или нет? Дальнейшее описание показывает, что всё-таки существуют и, более того, могут совпадать по структуре с предложением: *Читаю письмо; Хорошо бежал.*

Эта двойственность характерна для многих теоретических положений: «простые предложения, становясь частями сложного предложения, превращаются в словосочетания» [Виноградов: 47]; «Слова и словосочетания по грамматическим правилам и законам, свойственным данному языку, соединяются в предложения» [Виноградов: 64]; «Члены предложения – это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения» [Виноградов: 88] и т. д.

Описание словосочетаний и членов предложения не сопоставимо по объёму. Словосочетанию посвящено содержание примерно 240 страниц [Виноградов: 115–354], главным членам предложения – около 150 страниц [Виноградов: 370–521], второстепенным членам предложения – около 75 страниц [Виноградов: 525–600]. Второстепенным членам предложения уделяется очень незначительное внимание: «Во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний» [Виноградов: 94]. На деле всё происходит наоборот: второстепенные члены образуются на основе синтаксических

отношений в предложении, а словосочетание вторично: оно вычлняется из предложения с уже сформировавшимися его членами.

В Грамматике-70 тенденция отрыва словосочетания от предложения ещё более усиливается, как и отказ от термина *категория*, «обозначающего любой грамматический объект» [Виноградов: 302], однако в разделе «Синтаксис» этот термин широко используется. Этот раздел начинается с описания подчинительных связей в словосочетании без теоретических положений и выводов [Шведова: 487]. Объём описания словосочетаний составляет шесть страниц [Виноградов: 534–540]. Определение словосочетания ещё более несистемно, оторвано от предложения: «Словосочетание – это синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более знаменательных слов (*слова* и словоформы) на основе подчинительной грамматической связи – согласования, управления и примыкания – и тех отношений, которые порождаются этой связью» [Виноградов: 536]. Синтаксические отношения, существующие объективно, оформляются языковой формой – грамматической связью, а не наоборот! Получается, что слово в предложении не меняет своей лексической природы, выполняя роль компонента в словосочетании, оно просто берётся из словаря без всяких изменений. В один ряд ставятся языковые единицы разной природы: слово с его номинативной функцией, словосочетание и предложение с их релятивной семантикой.

Словосочетание опять объявляется первообразной единицей языка: «Словосочетание имеет своё собственное значение, это значение равно отношению, которое возникает между знаменательными словами [а не понятиями? – Л. Б.], соединившимися на основе того или другого вида подчинительной связи» [Виноградов: 537]. Но синтаксические отношения, на основе которых выявляются словосочетания, могут возникнуть только в предложении, словосочетание образуется, функционирует и видоизменяется только в составе предложения, словоформы как таковые здесь играют роль только оформителей этих отношений. Главные члены предложения описываются только как компоненты структурной схемы предложения, что резко обедняет их языковую природу. Те же самые теоретические постулаты перенесены Н.Ю. Шведовой и в «Русскую грамматику».

В то же время мысль А.А. Потебни об истории грамматики, о том, что в языке может быть выражено то, что понимается народом, и именно в том виде, в каком оно воспринимается на данном этапе его исторического развития, нашла своё понимание и продолжение в 30-х годах XX в. В Советском Союзе стали создаваться письменные языки многочисленных бесписьменных народов, населявших и север, и восток, и запад, и юг нашей страны. Эти языки со-

хранили структуру с древнейших времён, когда предложение ещё не было сформировано. Грандиозная беспримерная работа советских лингвистов, создававших письменные языки многочисленных устных языков народов СССР, обеспечила огромную базу конкретных описаний отдельных грамматик, которая помогает выстроить общую картину развития языков начиная от их палеосостояния до современности. Лидер этой работы Н.Я. Марр назвал развитие этих языков *стадиальным*. Именно сопоставление самых разнообразных бесписьменных языков помогло осознать кардинальную структурную сущность их устройства. Исследование одного языка не давало такого эффекта. Например, Э. Сепир, хорошо знакомый с индейскими языками Северной Америки, определил их речь как «поток произносимых слов» [Сепир: 96], не увидев в этой речи сохранившиеся комплексы инкорпорированных слов-предложений. Результатом огромной коллективной работы стали статьи И.И. Мещанинова, опубликованные в конце 30-х годов, затем превратившиеся в монографии: «Общее языкознание» и «Члены предложения и части речи».

Объём статьи не позволяет показать те сложнейшие переходы в структуре предложения от его зарождения до современного состояния. Остановимся на главных этапах этой эволюции. Сопоставляя структуру многих палеоязыков, советские учёные выявили определённые стадии в их развитии. В целом ряде языков (индейских, североазиатских, существующих на огромных территориях Евразии и Северной Америки) отмечены инкорпорированные слова-предложения, ещё не расчленившиеся на компоненты. Это один словесный комплекс с центром – будущим предикатом, который конкретизируется с двух сторон – дословно: «*оленевидениечеловек*». В этом комплексе пока нет ни субъекта, ни объекта, ни предиката в его собственном смысле, то есть нет ни членов предложения, ни частей речи. Человек определяется актом видения, направленным на оленя. Уточняется этот комплекс так: «*олене-видящий-человек*» [Мещанинов 1940: 74–75]. Постепенно неизменяемые словокомплексы начинают изменяться по родам, лицам и временам, слитный словокомплекс разделяется на отдельные слова, которые существуют параллельно с инкорпорированными образованиями. Через какое-то время образуется эргативное высказывание-предложение, состоящее из трёх компонентов: субъект-подлежащее – предикат – объект-дополнение. Атрибутивные позиции определения и обстоятельства зарождаются тоже внутри словокомплекса («*синематерия*» как одно слово: слияние определяемого с определяющим).

Таким образом, огромная работа лингвистов привела к теоретическим выводам о том, что предложение формировалось как результат развития мышления

людей, которые постепенно осознавали понятийные отношения между элементами объективной действительности и оформляли их языковыми средствами, превращая в синтаксические отношения в предложении. Его компоненты вначале осознавались как члены предложения, а затем уже как части речи.

Действительно, слово объединяет морфологию и синтаксис, это его среда обитания, но оно выступает в грамматике в других ролях, отличных от просто номинативной единицы. Показательно, что в словарях значения каждого слова иллюстрируются предложениями. Слово выступает в предложении и как лексема, и как словоформа – член предложения. Члены предложения, являясь синкретичной структурой, объединяя в себе синтаксические, морфологические и лексические составляющие в их разных соотношениях, опять встали в центре современной грамматической теории.

Теория многоаспектного анализа языковых единиц, разработанная В.В. Бабайцевой, позволила ей описать каждый из пяти членов предложения, различая их логическое, категориальное морфологическое, лексическое значения и коммуникативную «нагрузку». Показательно, что лексическое значение по степени важности стоит после логического и морфологического [Бабайцева: 20]. Таким образом, В.В. Бабайцева осознавала, что в основе высказывания лежит структура суждения, оформляемая в языке синтаксическими отношениями, которые, формируясь языковыми средствами, порождают члены предложения. Каждый член предложения является многоаспектной словоформой, включающей лексический, частеречный и синтаксический компоненты, но **синтаксическая позиция впитывает, поглощает остальные уровни значений**, она является определяющей. Для части речи она представляет первооснову её осознания и дальнейших квалификаций и типологий. В последних работах в определении части речи В.В. Бабайцева ставила на первое место её синтаксическую функцию в предложении. Уровни морфологических и синтаксических категориальных грамматических значений хорошо демонстрируют «формальные» и «смысловые» вопросы к членам предложения. Их отождествление, неразличение явилось одним из камней преткновения традиционной теории второстепенных членов предложения: несоответствие значения и формы второстепенного члена предложения стало одной из главных причин отказа от данной теории.

Определённый компонент логического суждения, превратившийся в синтаксическую позицию в предложении, ограничивает способы выражения членов предложения. Объём номенклатуры форм, заполняющих определённую позицию, зависит и от того, какую роль выполняет этот компонент в коммуни-

кации. Независимая позиция подлежащего, заявляющего тему высказывания, может наполняться любой формой, любой структурой в именительном падеже – от фонемы до текста. Остальные члены предложения, включая сказуемое, ограничены в способах выражения.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что синтаксическое категориальное значение члена предложения включает как категориальные формы его выражения (морфологизованные), так и периферийные (неморфологизованные). Объём статьи не позволяет представить огромный иллюстративный материал и только намечает перспективы дальнейших исследований.

Список литературы

- Аристотель*. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1978. 688 с. Т. 2. (Сер.: Философское наследие).
- Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1989. 158 с.
- Бабайцева В.В.* Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.
- Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. Изд-е 5-е. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 374.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика. Изд-е 6-е. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
- Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
- Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1954. Т. 2, ч. 1. 705 с.
- Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.
- Гумбольдт Ф.В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. С. 84–102.
- Мещанинов И.И.* Общее языкознание. Л.: Учпедгиз, 1940. 259 с.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 387 с.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888–1889. Т. 1–2. 536 с.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
- Сетур Э.* Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1940. 620 с.
- Szober St.* Gramatyka jenzyka polskiego. Warszawa, 1962, 390 s.

Toguebu R. Structure immanente de la langue française. Paris, 1965, 325 p.

References

Aristotle. *Kategorii* [Categories]. Aristotle. *Sochinenija: v 4 t.* [Essays: in 4 vols.]. Moscow, 1978, vol. 2, 688 p. (In Russ.)

Babaytseva V.V. *Sistema chlenov predlozhenija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie* [The system of sentence members in modern Russian: a textbook]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989, 158 p. (In Russ.)

Babaytseva V.V. *Sistema chlenov predlozhenija v sovremennom russkom jazyke* [The system of sentence members in modern Russian]. Moscow, FLINTA & Nauka Publ., 2011, 496 p. (In Russ.)

Bogoroditsky V.A. *Obshhij kurs russkoj grammatiki* [General course of Russian grammar]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1935, 374 p. (In Russ.)

Buslaev F.I. *Istoricheskaja grammatika* [Historical grammar]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, 623 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Russkij jazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language. (Grammatical teaching about the word)]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1972, 614 p. (In Russ.)

Grammatika russkogo jazyka [Grammar of the Russian language]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1954, vol. 2, part 1, 705 p. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 768 p. (In Russ.)

Humboldt F.V. *O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechesko-*

go roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. Zvegintsev V.A. *Istorija jazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlechenijah* [History of Linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts]. Moscow, 1960, part 1, pp. 84–102. (In Russ.)

Meshchaninov I.I. *Obshhee jazykoznanie* [General Linguistics]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1940, 259 p. (In Russ.)

Meshchaninov I.I. *Chleny predlozhenija i chasti rechi* [Members of the sentence and parts of speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 387 p. (In Russ.)

Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From notes on Russian grammar]. Kharkov, 1888–1889, vol. 1–2, 536 p. (In Russ.)

Russkaja grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 2: Syntax, 709 p. (In Russ.)

Sepir E. *Jazyk. Vvedenie v izuchenie rechi* [Language. Introduction to the study of speech]. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress Publ., 1993, 656 p. (In Russ.)

Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo jazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1940, 620 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 16.01.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-КОЛОРАТИВОМ

Третьякова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, trirfr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-3156>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об особенностях преобразования фразеологизма *проходить красной нитью* и о факторах, обуславливающих частотность фразеологических трансформаций. Грамматическое строение и семантические особенности компонентного состава определяют активность преобразования фразеологизма посредством замены компонента-колоратива. Колоратив *красный* в данном фразеологизме имеет символическое значение, и символика, закрепленная за этим словом в языке и во фразеологизме, становится основным фактором, способствующим появлению целых серий трансформов. Символическое значение имеет и сам фразеологизм, что также обуславливает преобразование данной единицы в речи. Замена компонента *красный* происходит на основе системных и несистемных связей колоратива. Оказиональные компоненты-заместители чаще всего также являются словами-колоративами и проявляют свойственное каждому из них символическое значение. Оказиональные компоненты передают различные экспрессивно-оценочные характеристики календарных дат, связанных с какими-либо событиями в жизни отдельного носителя языка или всего общества. При образовании трансформов может быть утрачен символический смысл как компонента-колоратива, так и самого языкового фразеологизма. Разнообразие замен компонента-колоратива, различные по компонентному составу фразеологические трансформы, функционирующие в речи, позволяют сделать вывод об активном преобразовательном потенциале фразеологизма.

Ключевые слова: оказиональные преобразования, фразеологизм, трансформации, фразеологические единицы, компоненты-колоративы, замена компонентов фразеологизмов.

Для цитирования: Третьякова И.Ю. Трансформационная активность фразеологических единиц с компонентом-колоративом // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 205–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-205-211>

Research Article

TRANSFORMING ACTIVITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COLOUR COMPONENT

Irina Yu. Tretiakova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National Philology of Kostroma State University, Kostroma, Russia, trirfr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-3156>

Abstract. The article deals with the transforming peculiarities of the Russian idiom *проходить красной нитью* (to serve as “the keynote” of smth.) and the factors conditioning phraseological transformations. The grammar structure and semantic features of the components determine transforming intensity. The colour component *красный* (literally – red) in the idiom has its symbolic meaning. Its symbolism stipulates a range of transforms. The idiom also possesses the symbolic meaning, which determines conversions of the unit in speech. A substitution of the component *красный* is based on both systematic and asystematic relations. Occasional substituting components are frequently represented with colour-words and have their own symbolic meaning. Occasional components render various expressive and evaluative characteristics of dates connected with events in a Russian native speaker’s life and the society in general. While being transformed, the idiom may lose its symbolic meaning. Diverse substitutions of the colour component and numerous transforms with various components enable us to speak about high transforming potency of the idiom.

Keywords: idiom occasional transformations, phraseological transformations, colour components, substitution of phraseological components.

For citation: Tretiakova I.Yu. Transforming activity of phraseological units with a colour component. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 205–211 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-205-211>

Изучение преобразований фразеологических единиц (далее ФЕ) в синхронии неуклонно из описательного стремится к аналитическому: к выявлению связи внутренних семантических особенностей фразеологизмов – и преобразовательных возможностей языковых единиц, обусловленности преобразовательных процессов спецификой компонентного состава фразеологизмов, зависимости активности преобразовательного потенциала от структурно-грамматических моделей устойчивых сочетаний слов [Мелерович, Мокиенко, Третьякова и др.].

Научный интерес вызывает определение окказионального преобразовательного потенциала у ФЕ, входящих в определенные семантические объединения, тематические группы, а также имеющие в своем компонентном составе какой-либо специфический компонент (антропоним, зооним, орнитоним, фитоним и под.). Как показывают исследования преобразовательных процессов, происходящих в таких фразеологизмах, активность трансформаций во многом обусловлена именно наличием подобных компонентов. Немаловажную роль при этом играет культурологический фактор.

Одним из объединений фразеологизмов, имеющих достаточно высокий преобразовательный потенциал, является группа ФЕ с компонентами-колоративами.

Феномен цвета является объектом исследований в различных областях науки: физике, философии, эстетике, культурологии; получивший словесное выражение цвет – в облике колоративов – изучается и в лингвистике. Проблемы теоретической и прикладной колоративистики широко освещаются в работах зарубежных и отечественных ученых, цветовая лексика рассматривается в аспектах лингвокультурологии, лингвокогнитивного анализа цветообозначений, семантики цветообозначений, этимологии и истории цветовой лексики, символики цвета [Бахилина; Berlin; Kay; Василевич; Вежбицкая; Dedriek; Жаркынбекова; Krieq; Morgan; Cobett; Nieder; Серов; Фрумкина и др.]. Такое внимание к феномену цвета неслучайно, так как цветообозначения непосредственно участвуют в создании языковой картины мира каждого этноса. По мнению А. Вежбицкой, «...наше сознание формируется ... под воздействием окружающей нас культуры ... цвета в языке не абстрактны, а связаны с какими-то значимыми для человека объектами во внешнем мире, ассоциирующимися с тем или иным цветом» [Вежбицкая: 239]. Фразеологизмы являются одними из самых ярких единиц языка, отражающих языковую картину мира, поэтому ФЕ с компонентами-колоративами характеризуются разнообразием значений и образов, функциональной частотностью и фразеобразовательной активностью.

Окказиональные преобразования свойственны, за редким исключением, всем ФЕ с компонентами-колоративами, однако трансформационные процессы отличаются различной степенью активности.

Целью настоящего исследования является анализ функционирующих в современном русском языке ФЕ с компонентом *красный* на предмет определения их трансформационной активности и факторов, обуславливающих активность процессов преобразования фразеологизмов.

Исследуемые ФЕ в своем большинстве являются устойчивыми двухвершинными сочетаниями слов с доминирующим субстантивным компонентом, при этом цветообозначения представлены адъективным компонентом (*красный командир, красная девица, красная строка* и др.). Такая грамматическая структура предполагает использование простейших приемов окказиональных трансформаций: расширения компонентного состава, замены компонентов, контаминации. Слово *красный*, будучи компонентом фразеологизма, проявляет как словное, так и фразеологизированное значения. Следует обратить внимание на то, что в большей части фразеологизмов компонент *красный* содержит не просто свойственное ФЕ – как единицам косвенной номинации – метафорическое значение, но воспринимается как компонент-символ, то есть как «условный знак какого-нибудь понятия, явления, идеи» [Ожегов: 717]. И в этом случае колоратив оказывается доминирующим компонентом, несущим большую смысловую нагрузку. Красный цвет в разных мировых культурах имеет различную символику. В русской культуре красный цвет считается символом огня, цветом силы, мужества, крови; также это синоним лучшего, красивого, почтенного [Энциклопедия: 561].

Анализ функционирующих фразеологизмов с компонентом-колоративом *красный* позволил выявить особенности трансформаций этих языковых единиц. Основным способом преобразования ФЕ данной группы является замена компонента-цветообозначения. Одним из фразеологизмов, проявляющих трансформационную активность в современном русском языке, является фразеологизм *красный день календаря*.

ФЕ *красный день календаря* имеет значение ‘праздничный день, знаменательная дата’. Появление этого фразеологизма в русском языке связано с традицией в советскую эпоху использовать красный цвет для обозначения в календарях выходных и праздничных дней. Семантика ФЕ связана с символическим значением красного цвета; компонент *красный* репрезентирует элементы значения ФЕ ‘праздничный’, ‘знаменательный’, символизируя нечто торжественное, радостное. Кроме того, этот фразеологизм связывается в сознании многих носителей языка с известным стихотворением С. Маршак, которое каждый

советский человек (за редким исключением) знал с детства: «День седьмого ноября – красный день календаря. / Посмотри в свое окно: всё на улице красно! / Вьются флаги у ворот, пламенем пылая ... / Весь народ – и млад и стар – празднует свободу!»¹. Колоратив *красный* в этом стихотворении актуализирует одну из граней символического цветовосприятия: красный цвет – это цвет крови, которую рабочий народ пролил за установление Советской власти, и цвет Государственного флага СССР также символически красный; красный цвет является символом силы, борьбы, мужества, героизма.

ФЕ *красный день календаря* трансформируется в основном посредством замены компонента *красный*. При этом следует отметить, что два других компонента относительно устойчивы, являются детерминантами, связывающими фразеологические трансформы с языковым инвариантом. Также эти компоненты «привязывают» любой трансформ к какой-либо дате, то есть к характеристике какого-либо дня, означенного каким-либо событием. Так как количество и содержание событий ничем не ограничено, то и трансформационные процессы – замены компонента *красный* – достаточно активны.

Окказиональная замена компонента-колоратива в составе данного фразеологизма имеет специфику, связанную с различными авторскими интенциями при выборе ФЕ и с особенностями семантики колоратива. Исследование трансформов позволило выявить различные направления замен компонента-колоратива.

Колоратив *красный* изначально – и как самостоятельное слово, и как компонент фразеологизма – помимо прямой номинации цвета часто употребляется в символических смыслах, и именно свойство быть символом определяет направления трансформаций данной ФЕ.

1. Замена по формуле «цвет – цвет».

Замены компонента *красный* происходят на основе тематических связей фразеологического компонента: окказиональные компоненты также входят в тематическую группу «Цвет», то есть составляют ряд цветообозначений: *красный – черный – белый – зеленый – синий – серый* и т.д., при этом выбор цвета (и слова-цветообозначения) зависит от оценки характеризуемого события. Замены колоратива *красный* другими компонентами-колоративами происходят достаточно регулярно, и, по сути, можно говорить о серии окказиональных вариантов. Такие трансформы приобретают новые оттенки смысла, связанные со значением цвета.

1.1. Замена колоратива *красный* на основе актуализации традиционного религиозного и культурно-исторического символического значения окказионально-го компонента-колоратива. Именно символическое

значение, придаваемое разным элементам цветовой гаммы, становится одним из факторов активизации трансформационных процессов.

Замена *красный – черный*. Черный цвет является одним из основных цветов символического спектра, он знаменует идею земли, начальное и конечное состояние всех процессов; в разных культурах черный цвет символизирует различные ипостаси, в европейской культуре – это цвет ночи, смерти, печали, скорби, траура [Жюльен: 457]. В трансформе *черный день календаря* окказиональный компонент *черный* характеризует дату как день, символически связанный со смертью, скорбью, трауром. Именно в таком, символическом значении колоратив *черный* используется в названии статьи А. Дабкина о начале Великой Отечественной войны: «22 июня. Черный день календаря»². Эта дата начала трагического события в истории России, несомненно, связана с цветовым символом скорби.

Замена *красный – белый*. Белый цвет в системе цветообозначения символизирует свет, чистоту, добродетель, целомудрие [Жюльен: 455]. Во фразеологических трансформах колоратив *белый* актуализирует свое символическое значение, характеризуя особые даты, связанные с чем-либо светлым, чистым, радостным. Так, преобразованная ФЕ использована в качестве заголовка рассказа А. Сприндзгал «Белый день календаря», где писательница таким образом охарактеризовала первый день отпуска; *белый* в данном случае символизирует нечто хорошее, светлое, безмятежное³. Также колоратив *белый* функционирует в названии статьи «“Белый” день календаря для блогосферы»; автор статьи намеренно замещает компонент *красный* словом *белый*, подчеркивая разные смыслы, вложенные в языковую ФЕ и в трансформ: в статье речь идет о дате 7 ноября (о дне, когда отмечался “красный” день Октябрьской революции), однако в этот день в «Русском журнале» блогеры рассуждали не о революционных событиях, а о чистой (= белой) любви⁴.

Замена *красный – зеленый*. Символическое значение зеленого цвета связано с природой, плодородием, жизнеутверждением, духовным обновлением [Жюльен: 459]. Именно это значение чаще всего актуализируется при замене компонента *красный* колоративом *зеленый*. Так, в названии статьи «Зеленый день календаря» колоратив характеризует время пробуждения природы, духовное обновление: «17 марта по всему миру зеленым огнем вспыхивают праздничные парады»; эта дата связана с празднованием Дня святого Патрика, покровителя Ирландии⁵.

1.2. Кроме традиционных символических значений, связанных с мировой культурой, мировыми религиями, многие колоративы приобрели специфическую соотнесенность с явлениями, предметами,

процессами, свойственными национальной картине мира. Некоторые реалии в жизни русских людей получили символическую цветовую характеристику, и это отразилось в процессах окказионального преобразования фразеологизмов.

Замена *красный – зеленый*. Зеленый цвет связан с пограничной службой (такой цвет был выбран для военной формы пограничных войск), и этим объясняется использование колоратива *зеленый* в названии газетной статьи «Зеленый цвет календаря», в которой рассказывается о праздновании Дня пограничника.

Замена *красный – синий*. Колоратив *синий* в христианской культуре связывают с религиозностью, преданностью, невинностью. Однако в русской культуре такое символическое восприятие синего цвета прослеживается слабо. Символика этого цвета проявляется в бытовой сфере жизнедеятельности русских: с синим цветом связывается представление о людях крайне утомленных (*синий цвет лица*), или умерших (*синий цвет тела*), или пьяных (*синий цвет носа*). На основании такого символического значения образован трансформ «Синий день календаря», ставший заголовком заметки о «знаменательной» дате – дне проведения в Подмосковье очередного алкосаммита «Самогонный Давос»⁶. Такое же значение колоратива, связанное с алкоголем, реализуется в трансформе, использованном на одном из форумов в социальной сети «Одноклассники»: «1 января – синий день календаря». Участники форма активно обсуждали состояние человека, выпившего большое количество алкоголя в новогоднюю ночь⁷.

Замена *красный – голубой*. Голубой цвет (являясь оттенком *синего*) в мировой культуре связан с божеством, духовностью, религиозностью; это цвет одеяния Богородицы. Однако в сознании русского человека такая связь не актуализирована. Голубой цвет может быть связан с бытовыми реалиями или социальными явлениями.

Голубой цвет связывается с формой десантников («голубые береты») – именно этим объясняется преобразование языковой ФЕ и использование трансформ «Голубой день календаря!» в качестве названия стихотворения о праздновании Дня десантника⁸.

С голубым цветом могут быть связаны представления о мужчинах нетрадиционной половой ориентации. Поэтому фразеологический трансформ используется для именовании каких-либо дат, имеющих отношение к вышеназванной группе мужчин. См. обсуждение на одном из форумов в интернете: – *Голубой день календаря* бывает? – Да. День рождения Б. Моисеева. Скоро официальным праздником сделают. – Да. Особенно второго апреля в Парке Горького⁹.

Замена *красный – серый*. Серый цвет – как сочетание белого и черного цветов – в христианской

символике имеет двойственное значение: бессилие, подавленность, тревога, покаяние (цвет пепла) – и возможность возрождения. Однако в русской культуре такое символическое восприятие цвета не актуализировано. Серый цвет воспринимается именно как элемент цветовой гаммы и обычно символизирует нечто безрадостное, скучное, смутное, тоскливое. Такое символическое значение закрепляется за колоративом при выборе компонента-заместителя ФЕ. См. трансформ «Серый день календаря», использованный в афише о концерте панк-группы: «По всем народным приметам 7 ноября, как правило, серо, дождливо и туманно. В этот серый день календаря NewBar станет на одну ночь прибежищем индустриальной культуры. ... “Ploho” – это группа, которая являет собой суть холодную волну сибирского пост-панка. Пустота и глупость, давление новостей, постоянная политическая смута, кассетники и дискотеки в местном ДК – вот атмосфера, которую создаёт группа на своих концертах»¹⁰.

1.3. Замена *красный – разноцветный*. Замена колоратива *красный* окказиональным компонентом *разноцветный* обусловлена десимволизацией значения колоративов, а также деактуализацией внутренней формы ФЕ, то есть именовании красным цветом именно праздничных дней в календаре. В трансформе *разноцветный день календаря* акцент делается на наличие предметов, окрашенных в разные цвета. Тем не менее, символика красного цвета, связанного с радостью, праздником, может проявиться в оценочном контексте. См. название заметки «Разноцветный день календаря» о Дне молодежи в Архангельске, который отметили как «фестиваль красок ... ярко, трезво и спортивно – с музыкой и танцами»¹¹.

1.4. Окказиональные компоненты-колоративы также могут быть связаны со значением цвета в символических атрибутах различных государств, а именно флагах, знаменах. Так, в российском Государственном флаге представлены три цвета – белый, синий и красный. Именно эти колоративы использованы в трансформе «Бело-сине-красный день календаря», выбранном в качестве заголовка статьи о праздновании Дня Государственного флага России¹².

Этот же принцип использован в названии статьи о вывешивании в Киеве в дни празднования независимости Украины государственного флага: «Жовто-блакитный день календаря»¹³.

2. Замена по формуле «цвет – оттенок цвета».

Замена колоратива *красный* может осуществляться окказиональными компонентами, называющими оттенки цвета, причем эти оттенки также являются символами оценки, состояния, настроения.

Замена *красный – светлый*. См. название стихотворения В. Беляева «Светлый день календаря»; в названии акцентируется внимание на хорошем на-

строении, появляющемся в конце рабочей недели: «ПЯТНИЦА – конец недели! – преддверье выходных!»¹⁴.

Замена *красный – темный*. В стихотворении С. Зарудного «И в самый темный день календаря» темным днем назван самый короткий день года (очевидно, 22 декабря, когда световой день достигает своего годового минимума). Этот день в тексте характеризуется как грустный, мрачный – что соответствует символическому восприятию темного цвета из-за отсутствия света, солнечных лучей. В этом же тексте создается антитеза «грусть» – «радость» при появлении в жизни лирического героя нежного любовного чувства: «И в самый светлый день календаря / Я улыбаюсь, сознаю, влюбился...»¹⁵.

3. Замена по формуле «цвет – эмотив».

Окказиональные компоненты-заместители являются эмотивами, то есть словами, главная функция которых состоит в передаче эмоций. Компоненты-эмотивы эксплицируют эмоции, доминирующие в каком-либо дне, содержащем приятные или, наоборот, неприятные события, одновременно оценивают эти события. Замена компонента-колоратива приводит к утрате символического значения трансформа.

Замена *красный – веселый – радостный*. См. название заметок с использованием трансформов: «Веселый день календаря» – о праздновании студентами Дня дурака, традиционно проводящегося 1 апреля¹⁶; «1 Сентября – радостный день календаря» – о праздновании Дня знаний¹⁷.

Замена *красный – страшный – мрачный – гнусный*. Негативные эмоции в отношении к различным датам проявляются в названиях и текстах заметок и статей. «Сегодня – “страшный” день календаря» – так охарактеризовано 29 февраля, потому что «29 февраля в календаре бывает всего раз в четыре года. Високосные годы считались в народе несчастливymi, поскольку именно на них чаще всего выпадают всевозможные беды: скот падает, засыхают деревья, случаются болезни, люди разводятся»¹⁸. Трансформ использован в заметке о празднике Хэллоуина: «Мрачный день календаря в окончаньи ноября / Собирает злую силу, поднимает из могилы»¹⁹. «1 февраля – гнусный день календаря» – “крик души” пользователя интернета, которому в указанный день повысили плату за пользование интернетом, о чём на своей страничке и сообщил блогер²⁰.

4. Замена по формуле «цвет – слово-реалия».

4.1. Окказиональные компоненты-заместители называют предметы, явления, понятия, существующие в реальной жизни, в практическом опыте носителей языка. Образовавшиеся в результате преобразований трансформы теряют символический смысл, при этом акцентируется конкретное событие, произошедшее в какой-либо знаменательный день.

«Мирный день календаря» – так в «Учительской газете» охарактеризован отмечающийся 7 ноября День примирения и согласия²¹. «Грязный день календаря» – в стихотворении Антона Старикова под таким названием с большой иронией описывается произошедшая 1 мая авария на водопроводе, в результате которой люди на демонстрацию вышли “грязные”: «Рабочие разных фабрик и всяческих там заводов могут нести свои флаги и не помывшись. ... Это им не помеха, чтобы участвовать в марше...»²².

4.2. Компонент-заместитель конкретизирует лицо, связанное с каким-либо событием, называет участников событий.

См. название заметки «Мамин день календаря», информирующей читателя о том, что «... в центральной городской библиотеке отметили День матери»²³. Под заголовком «Папин день календаря» на портале «Союза женских сил» анонсировалось – вслед за празднованием Дня матери – появление нового праздника – Дня отца: «Со следующего года в России может появиться новый «красный день календаря». В Государственную Думу был внесен законопроект об установлении общенационального Дня отца»²⁴. Аналогичный по модели трансформ «Кошачий день календаря» послужил заголовком очередной заметки: «В современном мире сложился своеобразный кошачий культ... а в Японии еще и празднуют специальный день – День кошек»²⁵.

Анализ трансформаций фразеологизма с компонентом-колоративом позволил сделать следующие выводы.

Основным приемом преобразования ФЕ *красный день календаря* является замена компонента-колоратива.

Такие замены частотны, активность замен обусловлена строением фразеологизма и особенностями субстантивных компонентов, являющихся в данном фразеологизме относительно устойчивой частью ФЕ, обеспечивающей связь трансформов с языковым инвариантом и тем самым позволяющей осуществляться большому количеству замен компонента-колоратива.

В результате преобразований фразеологизма с компонентом-колоративом *красный*, обладающим разными символическими смыслами, образуются целые серии трансформов.

Окказиональные замены происходят по разным направлениям. Наиболее частотны замены по формуле «цвет – цвет», при этом актуализируются всевозможные стороны символических значений колоративов-заместителей. Ряд замен базируется на десимволизации фразеологизма, на проявлении признаков, свойственных реалиям, которые характеризуются посредством преобразованной ФЕ *проходить красной нитью*.

Основным фактором, обуславливающим частотность преобразований ФЕ *проходить красной нитью*, является символический характер компонента-колоратива.

Примечания

¹ Маршак С. День седьмого ноября. URL: <http://russkay-literatura.net/stikhotvoreniya-dlya-detej/404-den-sedmogo-noyabrya-marshak-stikhotvorenie-sillyustratsiyami.html>

² Исаев А., Драбкин А. 22 июня. Черный день календаря. URL: <https://book24.ru/product/22-iyunya-chernyy-den-kalendarya-5884571/>

³ Анна Спридзгаль. Белый день календаря. URL: <https://proza.ru/2020/05/03/992>

⁴ «Белый» день календаря для блогосферы. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Belyj-den-kalendarya-dlya-blogosfery>

⁵ Зеленый день календаря URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20200317/1568717404.html>

⁶ «Зелёный день календаря». У российских пограничников сегодня, 28 мая. URL: <https://m.ok.ru/newsu/topic/62614761581340>

⁷ Синий день календаря. URL: <https://krasnostop.ru/obzor-vin/siniy-den-kalendarya/>

⁸ 1 января – Синий день календаря. URL: <https://m.ok.ru/pustosh/topic/67427929666914>

⁹ Сублимация Соккер. Голубой день календаря! URL: <https://stihi.ru/2010/04/14/4142>

¹⁰ Голубой день календаря бывает? URL: <https://otvet.mail.ru/question/13667430>

¹¹ Серый день календаря. URL: <https://66.ru/afisha/event/8114/>

¹² Разноцветный день календаря. URL: <https://region29.ru/2016/06/26/576f7dbd2817cae87c00834d.html>

¹³ Одноклассники. Социальная сеть. URL: <https://ok.ru/video/1578042633>

¹⁴ Разноцветный день календаря. URL: <https://region29.ru/2016/06/26/576f7dbd2817cae87c00834d.html>

¹⁵ Станислав Зарудный. На стих «И в самый тёмный день календаря...». URL: <https://stihi.ru/2015/08/24/3786>

¹⁶ Веселый день календаря. URL: <https://studlive.by/news/vesyolj-den-kalendarya.html>

¹⁷ 1 сентября – веселый день календаря. URL: <https://www.maam.ru/detskijsad/-1-sentjabrja-ves-lyi-den-kalendarja-fototchet.html>

¹⁸ Сегодня – «страшный» день календаря. URL: <http://yutazy.ru/news/tema-dnya/segodnya-strashnyiy-den-kalendaryahttp://yutazy.ru/news/tema-dnya/segodnya-strashnyiy-den-kalendarya>

¹⁹ Картинки с надписями, Мрачный день календаря – праздник все-таки? URL: <https://www.imagetext.ru/inscription-17475.php>

²⁰ 1 февраля. Гнусный день календаря. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/tibetanfox/post259277787/>

²¹ Мирный день календаря. URL: <https://ug.ru/mirnyj-den-kalendarya/>

²² Стариков Антон Александрович. Грязный день календаря. URL: <https://stihi.ru/2016/03/25/4908>

²³ Мамин день календаря. URL: <http://znameyuzl@tularegion.org>

²⁴ День отца. URL: <http://rusbatya.ru/tag/papin-den>

²⁵ День кошек. URL: http://workinhotel.com/libs/incs/?koshachiy_deny_kalendarya.html

Список литературы

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1985. 288 с.

Василевич А.П., Кузнецов С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Комкнига, 2005. 2016 с.

Велбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Жаркынбекова Ш.К. Языковая концептуализация цвета в культуре и языках: автореферат дис... докт. филол. наук. Алматы, 2004. 28 с.

Жульен Н. Словарь символов: иллюстрированный справочник. Челябинск: ООО Изд-во «Урал LTD» 1999. 500 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 456 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.

Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2004. 672 с.

Третьякова И.Ю. Оказиональные трансформации компонентов-анимализмов в русской фразеологии // Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и культурнолингвистические аспекты). Коллективная монография. Greifswald: Universität Greifswald, 2019. S. 46–51

Фрумкина Р.М. Психоллингвистические аспекты изучения цвета. М.: Наука, 1984. 232 с.

Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: АСТ, 2008. 556 с.

Berlin B., Kay P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 178 p.

Dedrick D. Naming the Rainbow: Colour language, Colour Science and Culture. Dordrecht: Boston: Kluwer, 1998. 215 p.

Hieder E.P. Universal in colour naming and memory // Journal of Experimental Psychology. 1972. № 93. Pp. 10–20

Krieg M.F. The influence of French color vocabulary on Middle English Michigan Academician 1979. Vol. 11. № 4

Morgan G., Cobett G. Russian color term salience // Russian linguistics. 27. Wenning W. Farbworter und Sehhen. Nach-Chomskysche Linguistik. B; N.Y., 1985. Pp. 444–456.

References

Bakhilina N.B. *Istoriia tsvetooboznachenii v russkom iazyke* [The history of color terms in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 288 p. (In Russ.)

Vasilevich A.P., Kuznetsov S.N., Mishchenko S.S. *Tsvet i nazvaniia tsveta v russkom iazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow, Komkniga Publ., 2005. 2016 p. (In Russ.)

Vezhbitskaia A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p. (In Russ.)

Zharkynbekova Sh.K. *Iazykovaia kontseptualizatsiia tsveta v kul'ture i iazykakh: avtoreferat dis... dokt. filol. nauk* [Linguistic conceptualization of color in culture and languages: Phd thesis]. Almaty, 2004. 28 p. (In Russ.)

Zhul'en N. *Slovar' simvolov: illiustrirovannyi spravochnik* [Dictionary of Symbols: An Illustrated Reference]. Cheliabinsk, "Ural LTD" Publ., 1999. 500 p. (In Russ.)

Melerovich A.M. Mokienko V.M. *Sovremennaia russkaia frazeologiya (semantika – struktura – tekst)* [Modern Russian phraseology (semantics – structure – text)]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2011. 456 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, "ITI TEKhnOLOGII", 2003. 944 p. (In Russ.)

Serov N.V. *Tsvet kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya* [Color of culture: psychology, cultural studies, physiology]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2004. 672 p. (In Russ.)

Tret'iakova I.Iu. *Okkazional'nye transformatsii komponentov-animalizmov v russkoi frazeologii* [Occasional transformations of animalism components in Russian phraseology]. *Animalisticheskaia frazeologiya v slavianskikh iazykakh (Lingvisticheskie i kul'turnolingvisticheskie aspekty)* [Animalistic phraseology in Slavic languages (Linguistic and cultural-linguistic aspects)]. Greifswald, Universität Greifswald Publ., 2019. Pp. 46–51. (In Russ.)

Frumkina R.M. *Psicholingvisticheskie aspekty izucheniia tsveta* [Psycholinguistic aspects of the study of color]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 232 p. (In Russ.)

Entsiklopediia. Simvoly, znaki, emblem, avt.-sost. V. Andreeva, V. Kuklev, A. Rovner [Encyclopedia. Symbols, signs, emblems, ed.-comp. V. Andreeva, V. Kuklev, A. Rovner.]. Moscow, AST Publ., 2008. 556 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 07.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 07.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ТРАНСПОРТ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ В БОРБУШИНСКОМ ГОВОРЕ

Ильина Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, ilfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Аннотация. Статья посвящена описанию локального речевого контента, посвященного транспорту и путям сообщения. Речевой материал собран по программе «Лексического атласа русских народных говоров» со слов жителей д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Комментируются устные рассказы информантов о сухопутном передвижении, а также передвижении в водном и воздушном пространствах, о средствах перевозки пассажиров и различных грузов в различных природных и погодных условиях. Выявлено, что внутри системы путей сообщения могут быть выделены пути передвижения, транспортные средства, различного рода приспособления для перевозки пассажиров и грузов, а также субъекты, выполняющие в транспортной системе различные функции, что полностью соответствует разделу программы «Лексического атласа русских народных говоров». Пласт лексики, отражающий систему транспортных средств и путей сообщения в борбушинском говоре, обнаруживает ряд особенностей, обусловленных как особенностями расположения деревни в удалении от водных транспортных путей, так и семейными историями жителей деревни. При этом выявлена определяющая позиция сухопутного транспорта. Аутентичным для борбушинского говора и необычным для традиционного использования транспортных средств в севернорусской деревне является способ авиационного перемещения пассажиров и грузов, что породило ряд изменений в традиционном лексиконе вологжан, но не привело к коренной перестройке речевой системы говора. Делается вывод, что в целом лексикон транспортной системы данного диалекта реализует черты, типичные для диалектной системы в целом.

Ключевые слова: русская диалектология, севернорусские говоры, диалектная языковая картина мира.

Для цитирования: Ильина Е.Н. Транспорт и пути сообщения в борбушинском говоре // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 212–216. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-212-216>

Research Article

TRANSPORT AND MEANS OF COMMUNICATION IN THE PATOIS OF THE HAMLET OF BORBUSHINO

Elena N. Ilyina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia, ilfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Abstract. The article is devoted to the description of the local speech content devoted to transport and ways of communication. The speech material is collected according to the programme “Lexical Atlas of Russian Folkish Patois” from the words of the villagers of Borbushino of Kirillov district of Vologda Region. The oral narratives of the informants about overland travel, as well as travel by water and air, about the means of transportation of passengers and various cargoes in different natural and weather conditions are commented. It is revealed that ways of movement, vehicles, various devices for transportation of passengers and cargoes, as well as subjects that perform various functions in the transport system can be singled out within the system of ways of communication fully corresponding to the section of the programme “Lexical Atlas of Russian Folkish Patois”. The layer of vocabulary reflecting the system of transport means and ways of communication in Borbushino patois reveals a number of features due to both the location of the hamlet at a significant distance from water transport routes and the family histories of the villagers. The defining position of overland transport is revealed by this. What is authentic for Borbushino patois and unusual for the traditional use of means of transport in the Northern Russian rural area is the way of air transportation of passengers and goods, which has generated a number of changes in the traditional vocabulary of Vologda land’s inhabitants, but has not led to a radical restructuring of the patois speech system. The conclusion that the lexicon of the transport system of the described dialect for the most part implements the features typical for the dialect system as a whole, is made.

Keywords: Russian dialectology, patois of Russian North, dialectal language picture of world.

For citation: Ilyina E.N. Transport and means of communication in the patois of the hamlet of Borbushino. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 212–216 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-212-216>

Раздел программы «Лексического атласа русских народных говоров» [Программа 1994], посвященный изучению транспорта, снабжен весьма подробным описанием традиционных для русской деревни системы путей сообщения и комплекса транспортных средств: во-первых, они разделяются в зависимости от среды передвижения на наземные (сухопутные) и водные, а во-вторых, специализируются в зависимости от средств передвижения – среди наземных транспортных средств выделяются колесный, санный и волокушный транспорт. Беседы с информантами, в том числе занимающимися кустарным производством транспортных средств, позволили нам описать отражение этой системы в исследуемом говоре достаточно подробно. А знакомство с семейной историей жителей деревни позволило включить в систему и корпус текстов, отражающих особенности восприятия местными жителями системы «малой авиации» Вологодской области. Внутри системы путей сообщения могут быть выделены пути передвижения, транспортные средства, различного рода приспособления для перевозки пассажиров и грузов, а также субъекты, выполняющие в транспортной системе различные функции: *На шофера в армии выучился, дак как пришёл, всё на грузовике издит. Повозку-то, автолавку, по вторникам и четвергам возят: Нина торгуёт, а муж ённый шоферит. Ямишыки раньше были, в извоз-то издили, топере ямишычат тожо, вон у Гальки второй муж дальнобойшык. За возчика Колюшку поставили, с четырнадцати годков в дороге. Он и возчик, и грузчик, и деньги считает, всё он, а почитай по-топерёшму, дак робёнок робёнком. В Вологду на лошаде дня, пои, два ехали: за старшого дядька мой, а я так, довеском, чего помочь. Не повезу твоих котов боле, Маринка, худые оне пассажиры: всю-то дорогу блюют, и сиденьё всё в шерсти!*

Система сухопутного передвижения

Сухопутные пути сообщения, дороги, как отмечают М.С. Каргышева и Е.А. Нефедова [Каргышева, Нефедова 2012], являлись базовым элементом культуры, служили основным средством связи жителей деревни с окружающим миром. Поэтому информанты весьма подробно детализируют качество *дорог*. Они различаются по значимости для транспортной системы, определяемой расположением и размером (*Большаком шла, потом просёлком. На тропочку-то я и вышла, почувствовалась – а на тропочке стою. Прямо-то никак, дак по объездной дороге пришлось кривулять*), по наличию или отсутствию поворотов или пересечений с другими дорогами (*На перекрестье-то вышла – а тихо кругом. Повёртка – это от дороги поворачивает в сторону куда-нибудь. Кто как называет: кто – загиб, а кто – криуль*), по возможностям использования дороги в летний или зимний период,

для колесного или санного транспорта (*Литником издила. Иишо тележник, колесник говорили – на телегах издили, на машинах, на лисапедах. Есть зимарь, зимняя дорога: там болота, летом-то не пройдёшь, только, поди, пешком пройдёшь*), по особенностям ландшафта (*Тут в гору дорога шла, взём-от. Так-то всё больше у нас дороги полям да лесам. Просеком пойдут. Дорога лывой, болотами там, чащами, дорога по льду, можно сказать. Лежнёвка – дорога в лесу, по ней возят лес*), по качеству поверхности (*Катаная хорошая дорога, нигде никаких ям нету. Торная дорога – она не разбитая, она сделана хорошо. Дорога худая, беспутица. А вот кальга-то, я и говорю, разбитая дорога, мягкая она, неторная дорога, разбитая дорога*), особенно отмечая возможность или невозможность проезда по дороге в период осенней или весенней распутицы: *Распустье: ни проехать, ни пройти нельзя! А куды пойдёшь, как дорога пала! Так без фершалов и перемогались. В распутицу дак беда идти: вся-то примокнёшь, да по грязе-то, обувь снимёшь и босиком. Дорога распустилася. Падаёт дорога, начинает таять, вот дорога валится*. Отдельными словами в говоре именуется обочина дороги (*С дороги дак прямо на обочень, вдоль дороги тропка идёт*), а также выбоина на дороге, колея, проложенная транспортом и достаточно часто заполненная водой: *Ездили вот когда на телегах домой, разбивали, это кальга. Разобьют, что колесо вязнет до самой трубицы. А вот кальга-то она и есть, или ещё яма по-другому*. Действия, совершаемые в пути, также имеют в исследуемом говоре местные названия: *натокать* ‘направить, показать дорогу’ (*Спросишь – дак и натокают, куда идти-то*), *опнуть* ‘сделать остановку в пути’ (*Не всё идти, надо и опнуть маленько, передохнуть*), *обойтись* ‘разминуться, не встретиться в дороге’ (*Говорят: не встретились, обоились*). Столь детальное описание дороги в рассказах северных крестьян, по мнению Е.П. Андреевой [Андреева 2017; Андреева 2018; др.], свидетельствует о чрезвычайной важности этого культурного объекта в локальной картине мира, а также о его многоаспектной актуализации в контексте народных представлений о мироустройстве (см. об этом также: [Черепанова 2000; Щепанская 2003; др.]).

Рассказывая о местном транспорте, информанты большое внимание уделяют *средствам передвижения*: *У Толи Максимова после совхоза всякой техники осталось: и трактор, и машина не одна, был, помню, у него мотоцикл с коляской, лисапедов, поди, не один, и лодка*. Наряду с перечисленными современными перевозочными средствами в крестьянских хозяйствах сохранились и более архаичные (подробнее см.: [Бежкович 1959; Трубачев 1966; Русские 1967; Антушева 2017; др.]). Это *волокуши* – сооружения

для перевозки грузов волоком, сделанные из нескольких молодых срубленных берез, соединенных между собой поперечно приколоченной жердью и прикрепленных к лошадиной упряжи: *Гриша Корягин отвод просил открыть, в лес поехал, на волокушах сено привезёт. Воно, девки, волокуши-то, сено с их не валится, лист-то его дёржит, так и везут.* Это также *сани*, используемые в зимний период как основное средство передвижения и перевозки грузов, дифференцируемые по размерам и назначению (*Зимой, понятно, на санях издили. Если брёвна возили, раньше ведь дровни назывались. И ещё подчунки, такие они, без головок, и сзади они за дровни прицепляются, если надо, зимой. Сенные чунки, сейчас их делают, они большие такие, высокие*), оснащаемые различного рода приспособлениями для крепления грузов (*Роспуски-то, они тоже на дровни приделываются, вот с нахлётками, головки на дровни-то делаются. Что роспуски, что накидушки*) и присоединения саней к конской упряжи (*Передок из досок делается. Лошадь бежит, из-под ног снег на тебя летит, а передок-то вставлен – снег так и не летит. У дровней-то вот оглоблю-то вставляют – это называется завёртка, раньше завивали из верёвок*). Ручные санки для перевозки грузов и для катания информанты называют словами *чунки, чуночки* (*На себе я уж не больно принесу. Всё на чуночках. Утром на чунках и везёт Галинку в ясли-то*), а приспособления для зимнего катания детей с ледяных горок – *корёшками* (*На корёшках дак больно мы любили кататься-то. Тятя вот сделает корёшку, как скамеечку перевернутую. Вот представь – досочка такая, садишься, и дёржишься. А снизу-то обтешут, да навозом обмажут, да замерзнет путнё, и катались. Дак как хорошо!*). Основным средством передвижения и транспортировки груза в прошлом информанты называют *телегу* (*На телегах что только не важили. Телега, дак она телега и есть, или ещё ходкой назовут*), припоминают названия её составных частей – ходовой части (*К передней подушке крепилась хомутами и снизу гайками. Стремя называли, кто хомуты называл, кто стремя называл. В колесе, понятно, ось была. Подлизок, чтоб ось-то деревянная, чтоб колесо лучше вертелось, снизу в ось вдалбливали подлизки железные. На конце тяжка и к оглобле за крючок зацепляется. Это накрески, она связывается. Накрески, внизу дуги. А в трубицу забивают втулку туда, железная втулка. В трубицу втулку забивают, чтобы дольше колесо-то носилось. Колесо потом одеваешь, тяж одеваешь, вставляешь чёку в ось*), вместилища для укладки грузов и перевозки пассажиров (*Сверху на телегу на ящик одевали кресла, привязывали верёвкой. Эта же телега с ящиком, а ещё делались такие кресла, надевались. У тяти была у нас телега с креслами*), приспособ-

лений для удержания груза (*Нахлёт звали раньше, а мы всё гнеток. Раньше снопы-то, да и сено возили на лошадях, вот этим гнетком, значит, и зажимали воз. Нахлёт делаешь: загнёл хорошо, чтоб ничего не вываливалось. Наволок был, воз с грузом, на эту телегу, снопы возили. Груза-то набухал, а лошади не увезти. Дерягой закрывали, тканая раньше была и из липы делали. Постельником, бывало, поклажу закрывали. Раньше ткали специально постельники, передней и задней частей (*Наваливаешь через колёса на переда лес и возишь в деревню. Спереди – дак передок, а сзади – задок*). Упоминаются также другие виды *колесных повозок*: *дроги* (*Дроги – одни колёса без кузова эти дроги. Дроги – одне такие вытесаны, знаешь, вытесаны деревянные, скреплены на болты, ящика не было. Едут на дрожках. Едет в город на дрожках, двое входили в эти дрожжи*), *тарантас* (*Тарантас корешковый у ихнего был, в колхоз ушёл, обобществили*), *коляска* (*Коляску запрягут – и понеслись!*) и *таратайка* (*Таратайка – дак вот небольшая тележка на двух колёсах. Дорога-то худая была, вот на таратайках и возили*). Два последних названия используются информантами для наименования небольшой ручной тележки для перевозки грузов (*Сейчас коляской навоз возят, раньше ещё таратайка называлась*).*

Водный транспорт

Водоёмы, находящиеся в окрестностях исследуемых нами деревень, мало пригодны к судоходству: говоря о водном транспорте, информанты чаще всего вспоминают расположенный в нескольких десятках километров от деревни судоходный канал Мариинской водной системы (*Прокопий Арсентьевич на брандвахте по каналу сколь лет ходил. Лава была у Вазеринец, перевоз был, через канал-то переправляться*), судоходное сообщение по Волго-Балтийскому водному пути с ближайшей к деревне пристанью в селе Горицы (*Ольга с девками маленькими намалялись от посёлка до Вытегры, да в Девятины, да в Горицы, да в город, а там уж на попутке к нам*), а также движение лодок по близлежащим озерам – Феррапонтовскому, Зауломскому, Белоусовскому, Плахинскому и др. (*В Феррапонтове на лодке ко кресту-ту подплыть можно. Так не дойдёшь, только если зимой озеро замерзнет. Зауломское-то озеро, дак дивья: у кажного лодка, лови рыбу – не хочу! На Белоусовском озере моторка тот год потонула. На Плахине переоделись, у бань. Плахинские там лодки сушат, дак посидели тоже, обсохли*). В речи информантов звучат как видовые *названия судов* (*На пароходе каталась, поди, раза два в жизни. Баржи-те ходили, помню. У тяти лодка была, на реке жили. Плот-от робятёшки сделали, дак их и снесло водой-то. Страху натерпелись!*), так и названия их разновидностей (*С Гориц метеоры ходили. «Заря» ещё, пом-*

ню, ходила. А теперь больше туристов на больших теплоходах возят, да если, может, катерок какой пробежит. На Белоусовском озере моторка тот год потонула). Среди наших информантов не оказалось специалистов, имеющих непосредственное отношение к водному транспорту, поэтому описание судов и их составных частей отражает обыденные представления жителей исследуемой территории, чаще всего – женщин преклонного возраста (*В лодке на вёслах и я грёбывала в девках-то. Меня посадят задью на корму, дак и сижу, ноги не расщепериваю. Половину лодки залило, дак я банкой консервной сколь довычёрпывала, дак ой!*). Значительно более обстоятельные описания функционирования водного транспорта мы можем видеть в записях речи диалектоносителей-мужчин, жизнь и трудовая деятельность которых в значительной мере была связана с северным судоходством (подробнее об этом см.: [Ильина 2018; Народная речь 2017; др.]).

Малая авиация

Отдавая преимущество сухопутным передвижениям и перемещениям грузов, жители Борбушина упоминают в своих рассказах и средства малой авиации. Это обстоятельство обусловлено историей семьи Шабровых: сын председателя колхоза и сельской учительницы Николай Павлович Шабров (1938 г. р.), один из активных наших информантов, был пилотом гражданской авиации, его сын и племянник продолжили трудовую династию, все они трудились на территории Вологодской области. Н.П. Шабров по нашей просьбе обстоятельно описал систему посадочных площадок Кирилловского района – их было достаточно много (Кириллов, Талицы, Чарозеро, Шола), работали они преимущественно в зимний период, основными средствами передвижения были самолёты Ан-2, По-2, реже Як-40, а начиная с 80-х годов – вертолеты Ми-2 и Ми-8 [Ганичева 2015]. Жители деревни весьма эмоционально описывают случаи приземления воздушных посадочных средств в непосредственной близости от Борбушина: *У фермы-то, помнишь, коса, на лыве-то? Дак на косу-ту Женька и сел, ёвонный вертолёт. Ну, он не сам, у ёо командер был. Пои, лётали, исти охота ли чё, давай-ко седём! Матушка, смотрю, царица Небесная, чё диёцца-то? Вертолёт. Вот как в кине, а большой, вертушка-то у ёо сверху крутит, как, пои, стрёкоза. Хорошо, там никоо нету – а кому тамо и быть-то, даярки уж прошли, а так дак кому ишишо туда надэ? Смотрю: остановилсё, выходят оттуда двое, а один-то, гляжу, вроде Олексеевны племенник! К ёй и пошли. Часу, пои, не были – идут. На работе, дак особо не посидишь. А третей мужичок тамотко был, не отходил от машины, за робятишкам смотрел, чтобы возлэ машины не больно шлындали! Эти ёму поисти принёсли, опнулись да и опеть, как и не бы-*

вали! (запись 1997 г.). Относительная доступность авиаперелетов в отдаленные уголки Вологодчины определила приобщение к этому виду сообщений некоторых жителей деревни, которые вспоминают свои полеты на воздушных судах: *Ольга ещё за Вытегрой жили в леспромхозе, дак оттуда пока идёт, да с робятам, дак еле живая! А как стали в Вытегру летать, дак до чёо хорошо-то! Час – и в Вытегре! И я лётывала к им, к Гальке на свадьбу. Год, пои, восемьдесят пятой был али восемьдесят шёстой. Ну, думаю, люди как-то лётают – а я чем хуже? Села, приготовилась дрожать, а мне леденцей надавали, воды, лимонаду всякоо – кушай, баушка! Я пока телилась, дак уже и Вытегра, и дрожать нековда!* (запись 1999 г.). Все информанты, за исключением тех, кто был профессионально связан с авиацией, воспринимают взаимодействие с воздушным транспортом скорее как счастливый случай, яркий эпизод своей жизни, поэтому можно с достаточной уверенностью сказать, что в системе путей сообщения локальной картины мира «малая авиация» занимает весьма скромное место.

Таким образом, описание системы транспортных средств и путей сообщения в борбушинском говоре обнаруживает ряд особенностей, обусловленных как особенностями расположения деревни в удалении от водных транспортных путей, так и семейными историями жителей деревни, связанных с «малой авиацией». При этом определяющая позиция сухопутного транспорта, а также репрезентация компонентов транспортной системы в диалектной речи реализует черты, типичные для диалектной системы в целом.

Список литературы

- Андреева Е.П. Названия дорог в вологодских говорах: семантика, словообразовательные отношения // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 7. С. 77–82.
- Андреева Е.П. Образ дороги в языковом сознании диалектоносителя: по страницам «Словаря вологодских говоров» // Беловский сборник: материалы конференции. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 185–188.
- Антушева М.А. Наименование саней и их частей в пинежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Исследования и материалы, 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 178–186.
- Безжович А.С. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры: Определитель. Москва: Советская Россия, 1959. 329 с.
- Ганичева С.А. Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области. 2015. URL: http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm (дата обращения: 18.01.2022)
- Ильина Е.Н. Рукописный архив В.А. Морозова как лингвистический источник // Актуальные про-

блемы русской диалектологии: материалы междунар. конф. Москва: ИРЯ РАН, 2018. С. 108–110.

Картышева М.С., Нefeldова Е.А. Архангельские пути-дороги // Севернорусские говоры. 2012. Вып. 12. С. 64–83.

Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, Н.Г. Мельникова; отв. редактор Е.Н. Ильина. Вологда: ВоГУ; Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. 232 с.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2 ч. / под ред. И.А. Попова. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. (Программа ЛАРНГ).

Русские: историко-этнографический атлас: в 2 т. Москва: Наука, 1967. Т. 1: Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. 360 с.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции): монография. Москва: Наука, 1996. 416 с.

References

Andreeva E.P. *Nazvanija dorog v vologodskih govorah: semantika, slovoobrazovatel'nye otnoshenija* [Road names in Vologda dialects: semantics, word-formation relations]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school], 2018, vol. 79, № 7, pp. 77–82. (In Russ.)

Andreeva E.P. *Obraz dorogi v jazykovom soznanii dialektonositelja: po stranicam "Slovarja vologodskih govorov"* [The Image of the Road in the Linguistic Consciousness of a Dialect Carrier: Through the Pages of the Dictionary of Vologda Dialects]. *Belovskij sbornik: materialy konferencii* [Belovsky Collection: Conference Proceedings]. Vologda, VoGU Publ., 2017, pp. 185–188. (In Russ.)

Antusheva M.A. *Naimenovanie sanej i ih chastej v pinezhskih govorah* [The name of the sleigh and its parts in Pinega dialects]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Issledovanija i materialy, 2008* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Research and materials, 2008]. St. Peterburg, Nauka Publ., 2008, pp. 178–186. (In Russ.)

Bezhkovich A.S. *Hozjajstvo i byt russkikh krest'jan. Pamjatniki material'noj kul'tury. Opredelitel'* [Economy and life of Russian peasants. Monuments of material culture. Determinant]. Moscow, Sovetskaja Rossiia Publ., 1959, 329 p. (In Russ.)

Ganicheva S.A. *Materialy k slovarju urozhenca Kirillovskogo rajona Vologodskoj oblasti. 2015* [Materials for the dictionary of a native of the Kirillovsky district of the Vologda region. 2015]. URL: http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm (access date: 18.01.2022). (In Russ.)

Il'ina E.N. *Rukopisnyj arhiv V.A. Morozova kak lingvističeskij istočnik* [Handwritten archive of V.A. Morozov as a linguistic source]. *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii: materialy mezhdunar. konf.* [Actual problems of Russian dialectology. Materials of the international conference]. Moscow, IRI RAN Publ., 2018, pp. 108–110. (In Russ.)

Kartysheva M.S., Nefeldova E.A. *Arhangel'skie puti-dorogi* [Arkhangelsk ways-roads]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian dialects], 2012, vol. 12, pp. 64–83. (In Russ.)

Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: opyt mužskogo rečevogo portreta: monografija [Folk speech of the Vologda region: the experience of a male speech portrait: a monograph], N.A. Volkova, S.A. Ganicheva, A.V. Zagumennov, E.N. Il'ina, N.G. Mel'nikova; ed. by E.N. Il'ina. Vologda, VoGU; Cherepovec, Cherepoveckij gos. un-t Publ., 2017, 232 p. (In Russ.)

Programma sobiraniya svedenij dlja Leksicheskogo atlasa russkikh narodnyh govorov [The program for collecting information for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]: in 2 vols, ed. by I.A. Popova. St. Peterburg, IRI RAN Publ., 1994. (In Russ.)

Russkie: istoriko-jetnograficheskij atlas [Russians: historical and ethnographic atlas]: in 2 vols. Moscow, Nauka, 1967, vol. 1: *Zemledelie. Krest'janskoe zhilishhe. Krest'janskaja odezhda* [Agriculture. Peasant dwelling. Peasant clothes], 360 p. (In Russ.)

Trubachev O.N. *Remeslennaja terminologija v slavjanskikh jazykah (jetimologija i opyt gruppovoj rekonstrukcii): monografija* [Craft terminology in the Slavic languages (etymology and experience of group reconstruction)]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ ВЕРХНЕГО ПОУНЖЬЯ: ЛЕКСИКА ЛЕСНОГО СПЛАВА

Окуловская Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается лексика лесосплава как этнодиалектный маркер костромских поунженских говоров. Сплавной промысел имел в этих местах особое значение: он был тесно связан с жизнью крестьян и представлял практически единственный возможный источник их заработка. Это создаёт особые связи между обывательской лексикой говора и терминосистемой лесосплава. С одной стороны, повседневные слова зачастую приобретают специфические семы, пополняя ядро или периферию лексико-семантического поля «лесосплав», с другой стороны, терминологическая лексика прочно входит в повседневный обиход и приобретает неспециализированные значения. Многочисленные номинации агентивной и предметной лексики лесного сплава говоров Верхнего Поунжья представлены в рассказах костромского писателя И. Касаткина. Близость к документальному изложению событий и языка местных жителей позволяет интерпретировать их как этнографические очерки. Контексты произведений помогают многосторонне раскрыть наблюдаемые в условиях микрорегиона значения конкретных языковых единиц, объединённых тематикой лесосплава, выявить их этносемы. Хотя данная лексика и не имеет значительных отличий от терминосистемы других русских территорий, обнаруживая дальние лингвогеографические связи, в том числе и с белорусскими диалектами, она обладает своеобразными чертами, связанными с особенностями историко-культурного развития региона и типа хозяйствования.

Ключевые слова: сплавной промысел, лексика лесосплава, поунженские говоры, этнодиалектный маркер, барка, бурлак, тамойки.

Для цитирования: Окуловская С.В. Этнодиалектные особенности говоров Верхнего Поунжья: лексика лесного сплава // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 217–223. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-217-223>

Research Article

THE UPPER UNZHA PATOIS ETHNO-DIALECT FEATURES: TIMBER RAFTING LEXIS

Svetlana V. Okulovskaya, Candidate of Philological Sciences, Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Protection. Marshal of the Soviet Union S.K. Tymoshenko, Kostroma, Russia, Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

Abstract. Timber floating lexis as an ethnographic dialectal marker of Kostroma patois in the area of the Unzha River is considered in the article. Timber floating industry once had a special importance in these places – it was closely connected with the life of peasants and represented practically the only possible source of their livelihood. This creates a special relationship between the customary lexis of the patois and the timber floating terminology system. On the one hand, everyday words often acquire specific semes, contributing to the core or periphery of the lexico-semantic field of «timber floating»; on the other hand, terminological lexis is firmly embedded in everyday life and acquires non-specialised meanings. Numerous nominations of the agentive and object lexis of the forestry rafting patois of the upper Unzha River are represented in the short stories of Kostroma writer Ivan Kasatkin. Their closeness to the documentary narrative and to the language of the locals allows them to be interpreted as ethnographic feature articles. The contexts of the works help to reveal the meanings of specific linguistic units observable in the conditions of the microregion and united by the theme of logging; they help to reveal their ethnographic semes. Although this lexicon does not differ significantly from the terminological system of other Russian territories, revealing distant linguo-geographical connections even with the Belarusian dialects as well, it has peculiar features connected with the peculiarities of the historical and cultural development of the region and the type of economy.

Keywords: rafting (floatage), timber rafting vocabulary, Unzha patois, ethno-dialect marker, барка (wooden barge), бурлак (barge hauler), тамойки (nickname of Kostroma Province dwellers).

Сплавной промысел на реках России имеет богатую историю, он существовал здесь несколько веков и окончился сравнительно недавно, к концу XX века. Лексика, обслуживающая данную сферу жизнедеятельности населения, представляет значительный интерес как важный фрагмент жизни и культуры общества на одном из этапов его исторического развития, раскрывает отраженные в языке особенности быта и труда населения, жившего в притоках крупных рек. Фиксация и исследование лексики сплава решает важную задачу сохранения и демонстрации потомкам всей полноты лексического богатства национального языка, в данном случае – уникальной истории древнейших речных промыслов с развитой терминологией, отечественного или иноязычного происхождения, прекративших своё существование.

В данной статье изложим наблюдения над особенностями лексики отдельно взятого региона, жизнь населения которого долгое время была тесно связана со сплавным промыслом. Объектом нашего исследования является лексика лесосплава поунженских костромских говоров.

Выбор данной территории продиктован несколькими причинами. Во-первых, существовавший здесь долгое время сплавной промысел был практически единственным возможным источником заработка для большинства деревенских жителей, а следовательно, и неотъемлемой частью их жизни, во-вторых, верхнее течение реки Унжи в различных источниках представляется рубежом, по которому проходят важные культурные и этнодиалектные различия (см., например: [Образование: 303–313; Очерки: 435–437] и др.). Спецификой левобережных заунженских говоров является большее тяготение в сторону периферийных, близких к вологодским. Они во многом сохраняют древнее состояние языковой системы. Здесь обнаруживаются такие архаические особенности, свойственные говорам Русского Севера, как: цоканье, *ў*-неслоговое, встречаются формы *мати* и *доци* и др. А.В. Громов отмечал также уникальное языковое явление, подобное мазурению (замена шипящих свистящими), в селе Георгиевское. Предполагается, что эта особенность была внесена какой-то особой этнографической группой [Громов]. Мы же склоняемся к тому, что она имеет субстратное происхождение.

Материалом для исследования послужили рассказы И. Касаткина, которые близко к документальному изложению событий повествуют о жизни населения глухих костромских деревень в верховьях Унжи. Многопланово представлены здесь и языко-

вые особенности родины автора – беднейшего региона Костромской области, «заброшенного в дебри костромских лесов», где «вся округа занята лесными работами, постройкой барок и сгоном этих барок и плотов весною в низа, на Волгу» [Касаткин: 25].

Постройка и спуск на воду барок были настоящим праздником для всех жителей поунженских деревень. Вот как описывает это событие этнограф А. Хробостов: «Барку строили на клетках, боком к реке, конопатили, смолили. Когда вода в половодье поднималась, из-под барки выбивали подпору, и она боком съезжала в реку <...> Пенистый вал шёл на противоположный берег. А на этом – ликование! Лесопромышленник кланялся народу: «Спасибо барошникам! Спасибо, пришедшим! Всё хорошо получилось!» Подрядчик выставлял привезённое угощение народу. Начиналось гулянье...» [Хробостов: 39].

Подробную картину спуска барок практически слово в слово передаёт в рассказе «На барках» И. Касаткин, раскрывая при этом многие детали барочного промысла, его терминологию, а также прозвища, которыми обменивались жители различных деревень в процессе совместной работы на сплаве: «Уже скликали на “помочь”. Спускать на воды барки потянулся народ отовсюду. Двинулась рваная гольгьба с Колоколихи; гуртами идут из деревень мужики, бабы, девки. Все вооружены длинными колыями, чтобы в момент, когда под баркой подрубают последнюю стойку, дружно подпереть этими колыями в борт и дать сорокосаженной громаде направление <...> Последняя барка, с громом и треском изгибаясь по дымящимся от трения смоленным брёвнам, с размаху грузно осела на воду. Пенистый вал, взбороздив реку, докатился до того берега <...> Сотни глоток встречают её разноголосым рёвом, в воздух летят шапки <...> Миней Колокольников снимает старинного покроя картуз и, подняв его выше головы, кланяется народу в ту и другую сторону, зычно крича: «Спасибо, мир честной!.. Всё ладно сошло! Уж вот как хорошо!.. Спасибо!» <...> Тем временем хозяйские молодцы вытаскивают из двух телег угощение народу <...> Наступают сумерки. Вдоль берега зажигаются огромные костры, и угрюмые прибрежные леса до полуночи гудят песнями и пьяным гамом <...> К концу попойки как-то само собою выходит, что люди разделяются на две стороны – «голодранцев» и «лапотников» [Касаткин: 27].

Близость к реальному отображению событий и языка позволяет классифицировать рассказы И. Касаткина как этнографические очерки, где значения представленных слов-терминов не объясняются, но весьма легко выявляются из выразительных контекстов.

И. Касаткин, сам работавший некоторое время в артели бурлаков и не понаслышке знакомый с языком сплавщиков, передаёт в рассказе неподдельно звучащую живую народную речь в естественных ситуациях общения на достоверном культурно-историческом фоне. Она изобилует многочисленными номинациями агентивной и предметной лексики сплава: *С богом... выхаживай якорь!* [Касаткин: 29]; *Носовые – на гребь, кормовые – страви лота!* <...> *На носу со скрипом заработала влево гребь; на корме глухо зафыркал по кнехту канат спускаемого лота* [Касаткин: 39]; *Барка, на которой мы теперь плыли до большого приволжского города, называлась «передовой»* <...> *Там, позади, иногда шум, гам: рбсперло какую-нибудь барку поперёк реки, треск идёт – подходи, задние, на подмогу!* [Касаткин: 30] На страницах рассказов представлена лексика, называющая основные виды работ при сплаве и подготовке к нему (*Зимой городок замирает. Большая часть жителей уходит в леса – делать к весне выработки: валить деревья, пилить дрова, тесать клепку*) [Касаткин: 24]; *Все зимние работы: рубка леса, вывоз, распиловка, тесание клёпки и, наконец, предстоящая погрузка дров, сгон барок и плотов, – всё это разрисовывает в хмельных мозгах яркую картину вырывания друг у друга куса хлеба* [Касаткин: 28]), людей по роду деятельности (*бурлак, лоцман, тильщик, торфорез, сгонщик, плотовик, караванный приказчик, грузчик, баба-погрузчица и др.*), сплавные суда и их части, снасти и приспособления (*барка, беляна, плот, колесо, корма, нос, лот, шейма, шалман, гребь, ворот, льяла, лодка-завозня, причал и др.*), лексика, обозначающая различные действия при сплаве, а также устойчивые сочетания, используемые для подачи команд при управлении судном (*отваливать, учалить, зачалиться, гонять в низа, выхаживать якорь, подобрать вожжесевую и др.*).

Стоит отметить, что «река Унжа по объёму сплаваемого в плотях и молевым сплавом леса занимала первое место среди притоков Волги» [Ойкумена: 143]. Известно, что имена собственные являются одним из продуктивных источников терминологизации: «с их помощью достигается конкретизация и уточнение более общих понятий и положений» [Суперанская: 114]. Оним Унжа также сыграл свою роль в становлении официальной русской терминологии лесосплава. Он стал частью устойчивого сочетания, обозначающего сплавную конструкцию – *унженские кошмы*. («Относительно простой по конструкции ПСЕ в то время считалась кошма. Лесоматериалы в ней укладывались параллельно друг другу рядами. Кошмы изготавливали без прокладок между рядами (унженские) и с прокладками из бревен (костромские)» [Посыпанов: 25]). Неоспоримо замечание О.В. Косоноговой, утверждающей,

что «уникальные онимические термины обладают национально-культурной спецификой и отражают исторические и культурные особенности формирования и развития терминологий тех областей знания, которые они обслуживают [Косоногова: 19]. Однако любопытно, что данное словосочетание оказалось настолько актуальным, что распространилось далеко за пределы не только Костромской области, но и за границы Российской Федерации. Не так давно коллективом авторов отдела диалектологии и лингвогеографии института языкознания НАН Беларуси В.Н. Курцовой, Л.П. Кунцевич, Т.М. Трухан бал создан словарь профессиональной лексики плотогонов Белоруссии [Плытніцтва]. Это тематический отраслевой словарь полного типа, включающий в себя лексику разных тематических групп сплавного промысла, систематизированной из источников XIX–XX вв. в пространстве разных лингвогеографических зон Беларуси. Благодаря этому труду появилась возможность проследить исторические, промышленные, культурные и лингвистические связи в одном из фрагментов белорусского и русского языков в их территориальных вариантах, установить ареальные связи рассматриваемой лексики в пределах Славии.

Интересным фактом является наличие в словнике «Плытніцтва» термина *унжанскія кошмы*, который представлен при словарной статье *кошмы*. Приведём цитату: «Летняя сплотка – у подтопныя грабёнкі, зімняя – ў унжэнскія кошмы: шырыня – 24 м, осадка – 100–120 см» [Плытніцтва: 167]. Лексема *кошмы* в белорусском источнике представлена в разделе «Обозначения способов вязания лесоматериалов и размещения брёвен при вязании плотов». Здесь приведена цитата (без толкования термина): «Дрова сплываюцца ў кошмы» [Плытніцтва: 167]. Данное слово представляет интерес как заимствование тюркского происхождения (из: «чагат. кошмак – «связывать» [Фасмер: 2: 361]), имеющее обширное распространение на территории Славии. В материалах И. Касаткина оно обозначает совокупность связанных между собой брёвен в плоту. Приведём цитату: «на реке плывут разрозненные, перерубленные в связях кошмы плотов, отдельные бревна» [Касаткин: 24]. В трудах КНОИМК поясняется, что данный вид сплотки брёвен в костромском крае был также предназначен для дровяного сплава: «Дрова сплавляются долготём (обычно в кошмах)» [Матренинский: 301].

Стоит отметить и другие заимствования, достаточно прочно прижившиеся в народной терминологии и имеющие обширные ареалы распространения. В описываемых И. Касаткиным местах сплав леса осуществлялся преимущественно *барками*. В.И. Переход отмечает, что в силу особых экономических условий и естественно-исторических причин хозяйство

на данной территории было рассчитано «главным образом на получение барочного леса <...> что отличало его от хозяйства в других дачах, имевших другие задания <...> конструкция лесного хозяйства имеет вследствие этого особые черты, которые мы не находим в других дачах» [Переход: 30–31]. Всесторонне описана данная лексема в статье Б.Л. Богородского «О речном судовом термине *барка*» [Богородский: 355–357]. Наиболее вероятным непосредственным источником заимствования слова *барка* в русский язык исследователь называет итальянское *barca* [Богородский: 356]. Лексема быстро получила повсеместное распространение и вышла за пределы профессионального употребления. Часто оно встречается в художественной прозе. В рассматриваемом нами источнике, описывающем унженские барки, данное судно представлено следующим образом: *Последняя барка, с громом и треском изгибаясь по дымящимся от трения смоленым бревнам, с размаху грузно осела на воду* [Касаткин: 27]; *Мы налегли на два бруса, накрест продетые в деревянный ворот, надёжно вделанный в середину барки. Будто нехотя, ворот гулко закричал, барка дрогнула* [Касаткин: 29]. В материалах Словаря «Плытніцтва» указывается на существование двух видов барок: те, что сплавлялись единожды и потом разбирались (такими пользовались в бассейне р. Днепр), и те, что использовались для нескольких навигаций (на р. Припять) [Плытніцтва: 262]. Используемые в Поунжье барки, представлявшие собой нечто «более похожее на понтон» [ТСАГ: 31], были сопоставимы с первым из представленных в белорусском словаре способов сплава: в конце пути «судно продавалось, разбиралось на дрова и домой барочники возвращались пешком» [ТСАГ: 31]. До Октябрьской революции барка (беспалубное сплавное судно «самой грубой постройки») была одним из самых распространенных судов в России [Богородский: 357]. Но, несмотря на вытеснение и замену барок более совершенными судами, термин *барка* остается «живым» как в литературном языке, так и в народных говорах. В Словаре «Плытніцтва» указывается, что в современных белорусских говорах слово *барка* продолжает функционировать в значениях «небольшая лодка», «баржа». Не исчезло оно из употребления и в говорах Костромской области, и в значении «лодка» существует в Кологривском, Солигаличском и Островском районах: *Катер мы ждаты не стали, а поехали на барке; Вчера мы по реке на барке катались; Я на барке по Волге катался за рыбой* [ККОС].

Рассказы И.М. Касаткина дают информацию о том, что барки шли по реке одна за другой единым строем, принадлежавшим одному купцу-лесопромышленнику. Такая «флотилия» называлась **караваном**: *Хорошо плыть впереди всего каравана Миней Колокольникова; Колокольниковские барки без конца подходили*

и вставали в ряд с нами. Наконец приехал на караван и сам Миней Колокольников («На барках») [Касаткин: 45]. Словарь В. Даля приводит в словарной статье на рассматриваемую лексему словосочетание *водной караван* с интерпретацией «сборище речных барок, идущих вместе» [Даль 2: 78]. Слово персидского происхождения *караван*, заимствованное, вероятно, посредством французского [Фасмер 2: 190], используется и в белорусских говорах для обозначения 9 и более плотов, связанных между собой и предназначенных для далёкого сплава [Плытніцтва: 48].

Руководил работой барочников во время сплава находящийся на «передовой» барке *лоцман*: *«Лоцман Мухин, детина саженого роста <...> осмотрел все закрепы и снасти. Встал на корме <...> – С богом... выхаживай якорь!* [Касаткин: 29]. Так же именуется главный, старший плотовик в материалах «Плытніцтва»: *Вунь лоцман паехау на чайцы, плытэ будучь ісці* [Плытніцтва: 124].

Несомненно, большее число лексико-семантических соответствий прослеживается благодаря наличию в лексике сплава обоих языков слов/корневых морфем, сформировавшихся в глубокой древности и восходящих к праславянскому лексическому фонду. Сохранившиеся в большинстве славянских языков, они приобрели специализацию и стали стержневой основой терминосистемы, поскольку обозначают наиболее общие и вместе с тем наиболее древние, исконные понятия ремесла или промысла. Это такие слова, как *лодка, плот, лямка, колесо, нос, лес, ворот, дерева* и др.

Общеславянская лексика, обслуживающая данный фрагмент словаря, объединяет и связывает воедино близкородственные языки. Соответствия обнаруживаются в обозначениях различных процессов сплава, представленных глагольной лексикой с общеславянскими корнями. Так, например, глагол *ганяць* – «отправлять лесоматериалы по реке» [Плытніцтва: 136], *атвалиць* – «отплыть, отчалить от берега» [Плытніцтва: 151] в словаре «Плытніцтва» и словосочетание *гонять в низа (Барки, например, строить, беляны, в низа их гонять...)* [Касаткин: 100] и *отваливать (Утром мы отваливали от места дровяной погрузки)* [Касаткин: 38]) в материалах И. Касаткина.

Сходными оказываются в диалектах двух языков и словообразовательные процессы на базе общих слов, с помощью которых происходит пополнение языка сплавщиков. Частотным способом образования новых слов-терминов являются отглагольные субстантивы. Производящими в данном случае выступают общеславянские глаголы. Таковы, например, производные отглагольные существительные, имеющие в двух языках сходное семантическое наполнение: *сплав* – *Тогда по берегам реки строятся сотни барок, заготавливаются к сплаву лес и дро-*

ва [Касаткин: 26] и *сплаў* – «способ транспортировки леса» [Плытніцтва: 170]; *грэбь* – *На носу со скрипом заработала влево грэбь* [Касаткин: 39] и *грэбки* [Плытніцтва: 93] – «рулевое весло»; *завозня* – *Мухин даже под корму заглянул, потрогал за причал тяжелую лодку-завозню и ушел, взбешенный и огорченный, в избушку* [Касаткин: 32] и *завазня* – «лодка при судне для заправки якоря» [Плытніцтва: 248], *сгонцик* – *Плывут мимо плоты. Сгонцики стоят там в ряд и глазеют на пароход* [Касаткин: 63] и *гончык* – «рабочий на сплавных судах» [Плытніцтва: 97, 118]. Естественно, что семантические процессы протекают не всегда совершенно одинаково в языках, и среди подобных лексических соответствий обнаруживаются как полные семантические дублиеты, так и соответствия с разным смысловым объемом и даже полностью отличные по значению омонимы и паронимы. Это, например, слова *чалка* – «верёвка-снасть» (*Вот оттуда взвилась чалка. Упала мимо, не достав лодки. Уползла на берег и снова взвилась* [Касаткин: 52] и *чалка* – «плот» [Плытніцтва: 61]; *причал* – «приспособление в виде кольца на лодке, к которому привязывают судно при остановке» (*Мухин даже под корму заглянул, потрогал за причал тяжелую лодку-завозню* [Касаткин: 32] и *прычал* – «веревка для привязывания судов во время стоянки» [Плытніцтва: 104].

Такое сопоставление даёт возможность увидеть общность многих лексических единиц (их значения и формы выражения), существование лексических и морфологических изоглосс рассматриваемой лексики на территории Славии, в которых свои устойчивые позиции продолжает занимать праславянская лексика.

Однако многие лексические единицы, связанные с лесосплавом и, казалось бы, общие для всего языкового пространства Славии, становятся этнодиалектными маркёрами в верхнеунженских говорах. В их содержании присутствуют семы, конкретизирующие общие понятия, представленные в академических словарях, связанные с особенностями хозяйствования и жизни.

Особый тип хозяйственного уклада в описываемых И. Касаткиным местах создаёт условия для активного использования лексики сплавного промысла. Она является здесь важнейшим тематическим ядром, к которому так или иначе начинают тяготеть многие слова, порой абсолютно не связанные семантически с данной темой в языковом пространстве других регионов. Так, например, в одном из своих рассказов И. Касаткин приводит лексику, характерную для горячей весенней поры постройки и спуска на воду барок: «В воздухе так и виснет: рубль, харч, задаток, путина...» [Касаткин: 27] Специфическое языковое пространство приводит к появлению необычных ассоциативных рядов, приращению особых семантических множителей, созданию условий для особых

синтагматических и парадигматических лексических связей и отношений. Слово *харчи* и его производное *харчик* используются в тексте по отношению к съестным припасам, заготовленным для рабочих и употребляемым ими в пищу во время сплава: *На другой день, при восходе солнца, мы закупили в этом городе харч* [Касаткин: 43]; *Моловато, нынче выходит, молодцы, моловато, – загудел наконец Колокольников. – На харчиках много съели, задатки да то да сё... глядишь, и вышло – ничего* [Касаткин: 46]; *А ежели харч, солонину – так что ни есть тухлее! – вставил Оська Слон, завёртывая сигарку и глядя вдруг исподлобья. – Что собакам, то и нам* [Касаткин: 40]. Слово *сплав* приобрело здесь помимо основного («перемещение лесоматериалов вплавь по течению реки») вторичное значение – «денежное вознаграждение за работу на сплаве» и стало состоять в отношениях синонимии со словом *задаток*: *Народ подобрался сорвиголовый, из городишка, чуть ли не весь сплав ещё с зимы у хозяина забрали; не догляди – сбегут...»* [Касаткин: 31]. Специфическое значение приобретает в этих местах слово *зимница* – особая лесная избушка для лесорубов и возчиков, которые всю зиму жили здесь, непосредственно на месте работ, и вели подготовку к весеннему сплаву: *...в то время, когда из лесной гущи, из топких болотин к ночи повылезают коренастые бородачи, пильщики да торфорезы, и забьются в зимницу в прокисшей одежде, чёрные, как черти* [Касаткин: 172]; *Сколько их нырнёт в оторванные от всякой жизни затоны, чтобы там всю долгую зиму, под свист вьюг и непогод, корпеть в угарных и грязных зимницах и до внутренностей дрознуть с утра до ночи на морозе, в караване, подготавливая громадный, богатейший флот Волги-матушки к следующему благополучному плаванью* [Касаткин: 183]. По описанию очевидцев, это была «изба без пола, без печи и можно сказать, без окон. В середине зимницы – очаг, над которым в котелках готовилась пища, возле стен нары деревянные вместо кровати. Выезжали из зимницы только для пополнения продуктов, посещения бани и подвоза сена и овса для лошадей» [Голубева: 3].

Слово *бурлак* являлось важной частью лексикона крестьян поунженских деревень не только наряду с другой терминологической лексикой сплавно-го промысла. В условиях микрорегиона оно развило специализированные оттенки значений, связанные с особенностями быта и вида хозяйствования. Лексема употреблялась по отношению к большей части мужского населения лесного края, а её производное собирательное *бурлачьё* указывало на буйный нрав, грубость и необразованность местного населения. *На барке нас было девятнадцать бурлаков – девятнадцать разношерстных жителей городка* [Касаткин: 30]; *Это всё бурлаки, лесной народ. Возвраща-*

щуются с вешней путины. Согнали к низам плоты, беляны, барки, повидали Волгу и спешат в лесные верховья – еще какую сплавную работу перехватить либо и дома, в берлоге своей, захряснуть, землю ковырять, поле своё обиходить [Касаткин: 62]. Наш брат – сивый мерин, одна шантрапа необразованная! С неё взятки гладки... Видишь, всё бурлачье какое сидит, а ты с этакой-то красной рожей, да и затесался к нам! [Касаткин: 154].

Коллективное прозвище *тамойки*, описанное В. Далем и Ю.Б. Воронцовой как прозвище жителей части Костромской губернии, находившейся в нижнем течении р. Волги [Воронцова: 316], данное им за особый выговор слова *там* («говорится тамойко вместо там») [Даль 1: 419]), также приобретает в поунженских говорах свою специфику и особый смысл, указывая на негативную оценку жителей верха реки.

Данный микроэтноним здесь вызывается к жизни во время начала весеннего сплава, когда создаётся особое коммуникативное пространство, и используется по отношению к живущим в глухих лесных деревнях верхнего течения Унжи мужикам-сезонникам, становящимся в это время конкурентами в борьбе за единственный возможный источник заработка: «Настоящий *колокольник* всегда заряжен яркой ненавистью к «*лешим тамойкам*» – мужикам, верховым сгонщикам плотов и барок, перехватывающим работы, на которых выросла Колоколиха и живёт, извёртываясь с хлеба на квас» [Касаткин: 24].

В подобных словах ярко проявляется региональная специфика говоров. Произведения И. Касаткина раскрывают возможность проследить особенности бытования слов в условиях микрорегиона, обнаружить и выделить в окружении богатого контекста их этносемы, которые отражают особенности восприятия носителями языка реалий, связанных с их основным занятием – сплавленным промыслом.

Приведённые выше примеры позволяют сделать вывод о том, что в лексическом значении слов поунженских говоров, связанных с лесосплавом, наиболее ярко представлен культурно-национальный компонент. Не имея значительных отличий от терминосистемы других русских территорий, обладая дальними лингвогеографическими связями, в том числе и с белорусскими говорами, лексика лесосплава в поунженских говорах обнаруживает своеобразные черты, связанные с особенностями историко-культурного развития региона и типа хозяйствования.

Список литературы

Богородский Б.Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 394 с.

Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-Пресс, 2011. 448 с.

Голубева Г. Никола-граф – старинное русское село // Новая жизнь. 2010. 19 августа. № 97. С. 2–3.

Громов А.В. Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области // Вопросы русского языка. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1969. Вып. 5. С. 75–84.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

ККОС – Картотека костромского областного словаря (хранится в диалектной лаборатории лексикологии и лексикографии КГУ).

Касаткин И.М. Мужик. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.

Косоногова О.В. Статус онимического термина в лингвистике. Одесса: Куприенко СВ, 2016. 117 с.

Матренинский В. Леса Кологривского уезда в естественно-историческом отношении // Труды КНОИМК. Вып. 6. Кострома, 1917. С. 165–332.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб и др. М.: Наука, 1970. 456 с.

Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / К.В. Аверкиева, Л.М. Баскин, А.В. Дроздов и др. / общ. ред. и сост. Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова. М.: Университетская книга, 2016. 264 с.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Наука, 2001. 512 с.

Переходт В.И. Хозяйство на барочный лес в Новинской лесной даче Кологривского уезда Костромской губернии // Труды КНО по изучению местного края. Кострома: 2-ая гос. типография, 1921. Вып. 25: Третий лесной сборник. С. 29–37.

Посыпанов С.В. Экологически шадящая лесотранспортная эксплуатация средних и малых рек: дис. ... докт. тех. наук. Архангельск, 2017. 343 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: УРСС, 2007. 368 с.

ТСАГ – Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. Кострома: Фабрика сувениров, 2015. 308 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Хробостов А.В. Лебединая песня моего сердца. Кострома: Фабрика сувениров, 2015. 408 с.

Плытніцтва: тэматычны слоўнік / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; уклад. В.М. Курцова; навук. рэд. В.М. Курцова. Мінск: Беларуская навука, 2019. 297 с.

References

Bogorodskij B.L. *Ocherki po istorii slov i slovosochetaniy russkogo yazyka* [Essays on the history of

words and phrases of the Russian language]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, 394 p. (In Russ.)

Voroncova Y.U. *Slovar' kollektivnyh prozvizhch* [Dictionary of collective nicknames]. Moscow, AST-Press Publ., 2011, 448 p. (In Russ.)

Golubeva G. *Nikola-graf – starinnoe russkoe selo* [Nikola-graf – an old Russian village]. *Novaya zhizn'* [New life], 2010, 19 August, № 9, pp. 2–3. (In Russ.)

Gromov A.V. *Nekotorye osobennosti govorov Manturovskogo i Makar'evskogo rajonov Kostromskoj oblasti* [Some features of the dialects of the Manturovo and Makaryevo districts of the Kostroma region]. *Voprosy russkogo yazyka* [Questions of the Russian language]. Yaroslavl YAGPI name K.D. Ushinskogo Publ., 1969, ed. 5, pp. 75–84. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001. (In Russ.)

KKOS – *Kartoteka kostromskogo oblastnogo slovarya (hranitsya v dialektnoj laboratorii leksikologii i leksikografii KGU)* [Card file of the Kostroma regional dictionary (stored in the dialect laboratory of lexicology and lexicography of KSU)]. (In Russ.)

Kasatkin I.M. *Muzhik* [Man]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1991, 382 p. (In Russ.)

Kosonogova O.V. *Status onimicheskogo termina v lingvistike* [Status of the onymic term in linguistics]. Odessa, Kuprienko SV Publ., 2016, 117 p. (In Russ.)

Matreninskij V. *Lesa Kologrivskogo uezda v estestvenno-istoricheskom otnoshenii* [Forests of Kologrivsky district in natural and historical terms]. *Trudy KNOIMK* [Proceedings of KNOIMK], Kostroma, 1917, vol. 6, pp. 165–332. (In Russ.)

Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskih govorov [Formation of the North Russian dialect and Central Russian dialects], K. F. Zaharova, V. G. Orlova, A. I. Sologub et al. Moscow, Nauka Publ., 1970, 456 p. (In Russ.)

Ojkumena Blizhnego Severa Rossii: kollektivnaya mono grafija [Oecumene of the Near North of Russia: collective monograph], K.V. Averkieva, L.M. Baskin, A.V. Drozdov, S.T. Zhukov, V.A. Zajcev et al. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2016, 264 p. (In Russ.)

Ocherki istoricheskoy geografii: Severo-Zapad Rossii: Slavyane i finny [Essays on Historical Geography: Northwest Russia: Slavs and Finns], ed. by A.S. Gerda, G.S. Lebedeva. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)

Perekhodt V.I. *Hozyajstvo na barochnyj les v Novinskoy lesnoj dache Kologrivskogo uezda Kostromskoj gubernii* [Baroque forest farm in Novinsky forest dacha, Kologrivsky district, Kostroma province]. *Trudy KNO po izucheniyu mestnogo kraya*. Kostroma, 2th st. tipografiya Publ., 1921, vol. XXV: Tretij lesnoj sbornik, pp. 29–37. (In Russ.)

Posypanov S.V. *Ekologicheskij shchadyashchaya lesotransportnaya ekspluatatsiya srednih i malyh rek: dis. ... dokt. tekh. nauk* [Ecologically sparing forest transport operation of medium and small rivers: PhD thesis]. Arhangel'sk, 2017, 343 p. (In Russ.)

Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow, URSS Publ., 2007, 368 p. (In Russ.)

TSAG – *Tolkovyj slovar' "agafonskogo" govora byvshej Matveevskoy volosti Kologrivskogo uezda Kostromskoj gubernii* [Explanatory dictionary of the "Agafon" dialect of the former Matveevskaya volost of the Kologrivsky district of the Kostroma province], comp. by A.V. Kostrov. Kostroma, Fabrika suvenirov Publ., 2015, 308 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols], transl. by O.N. Trubachyov. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. (In Russ.)

Hrobostov A.V. *Lebedinaya pesnya moego serdca* [Swan song of my heart]. Kostroma, Fabrika suvenirov Publ., 2015, 408 p. (In Russ.)

Plytnictva: tematychny slovník [Carpentry: thematic dictionary]. Nac. akad. navuk Belarusi, Centr dasled. belarus. kul'tury, movy i lit., In-t movaznavstva named after YA. Kolasa, comp. by V.M. Kurcova, ed. by V.M. Kurcova. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019, 297 p. (In Belarus.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

НЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Криворучко Ирина Сергеевна, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, ira7791@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7264-1080>

Аннотация. В условиях таких реалий общественного прогресса, как глобализация экономики, цифровизация бизнеса и социальной деятельности, появление новых понятий является неизбежным фактом. Помимо своей номинативной функции новые единицы языка обладают выразительным потенциалом, реализующим стратегию привлечения внимания. Современный английский деловой дискурс выступает отражением актуальных событий, происходящих в мировой экономике, в этой связи остро встает проблема изучения экспрессивной составляющей деловых текстов, поскольку именно средства выразительности, обогащающие коммуникативный процесс новыми образами, являются надежным залогом его эффективности. В своем исследовании мы обратились к анализу языковых средств, обладающих сразу двумя потенциалами экспрессивности, а именно – метафорам, появившимся относительно недавно (в период 2015–2022 гг.) в рамках английского делового дискурса и обладающим абсолютной структурной, формальной новизной, т. е. метафорам-неологизмам. Интерес к метафорам с точки зрения неологии обусловлен тем, что за счет своих характеристик они придают деловым текстам образность, неординарность и обладают значительным воздействием (прагматическим) влиянием. Необходимо отметить временный характер этого влияния: с течением времени неологизмы (метафоры-неологизмы в том числе) могут входить в постоянное употребление, что в свою очередь влечет потерю фактора новизны и его свойств и обуславливает тем самым необходимость своевременного изучения неологических процессов в языке.

Ключевые слова: деловой дискурс, бизнес-текст, изобразительное средство, эффективность общения, неологизм, метафора.

Для цитирования: Криворучко И.С. Неологическая метафора как изобразительное средство современной деловой коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 224–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-224-227>

Research Article

NEOLOGICAL METAPHOR AS A VISUAL MEANS OF MODERN BUSINESS COMMUNICATION

Irina S. Krivoruchko, the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, ira7791@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7264-1080>

Abstract. In the context of such realities of social progress as the globalisation of the economy, the digitalisation of business and social activity, the emergence of new concepts are the inevitable facts. In addition to their nominative function, new language units have an expressive potential that implements the strategy of attracting attention. Modern English business discourse is a reflection of current events taking place in the world economy; in this regard, the problem of studying the expressive component of business texts is acute, since it is the means of expression that enrich the communication process with new images forming a reliable guarantee of its effectiveness. In our study, we turned to the analysis of linguistic means that at the same time have two potentials of expressiveness – namely, metaphors that have appeared relatively recently (in the period 2015–2022) in the framework of English business discourse and those with absolute structural, formal novelty, i.e. neologism metaphors. Interest in metaphors from the point of view of neology is due to the fact that, due to their characteristics, they give business texts imagery, originality and are of significant impact (pragmatic) influence. It is necessary to note the temporary nature of this influence – over time, neologisms (including neologism metaphors) can enter into constant use, which in turn entails the loss of the novelty factor and its properties, and thus necessitates the timely study of neological processes in the language.

Keywords: business discourse, business text, visual means, communication efficiency, neologism, metaphor.

For citation: Krivoruchko I.S. Neological metaphor as a visual means of modern business communication. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 224–227 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-224-227>

В современную эпоху язык претерпевает постоянные изменения, и этот факт не подлежит сомнению. Процесс преобразований касается всей структуры языка. В особенности эти изменения отражаются именно на словарном составе. Лексический состав языка, по мнению В.В. Катерминой, «динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка» [Катермина: 32].

Необходимость системного анализа новых, все чаще и чаще появляющихся в языке лексических единиц явилась условием создания отдельного направления лексикологии – неологии, к первостепенным задачам которой относят анализ причин появления новых слов, исследование принципов их принятия и неприятия, выявление способов распознавания неологизмов, а также их лексикографическую обработку. Вслед за Л.Б. Здановской мы утверждаем: «Основопологающие изменения, происходящие в социальной, культурной, а также политической жизни общества, находят отображение и в языковом сознании нации» [Здановская, Непшекуева: 355]. Неология включает в себя различные теории, рассматривающие неологизмы как языковое явление. Согласно М.В. Избицкой, современная стадия развития неологии характеризуется расширением её предмета, переходом дисциплины на новый, интегративный уровень развития, связанный с изучением познания мира человеком: «Интенсивное изучение неологизации языка с различных точек зрения обусловило постепенное формирование внутри неё различных направлений, подходов к анализу данных, зарождение новых тенденций [Избицкая: 19–20]. В.В. Катермина и С.Х. Липириди выделяют три важных аспекта современного этапа изучения новой лексики: «становление когнитивно-прагматического анализа неологизмов, рассмотрение природы онлайн-словарей и исследование аксиологического плана новых слов и выражений» [Катермина, Липириди: 70].

Смысл понятия «неологизм» является одной из самых сложных теоретических проблем неологии. Основопологающим определением неологизмов можно по праву считать определение, предложенное А.И. Гальпериным еще в 1958 году – «любые новые словарные и фразеологические единицы, появившиеся в языке на данном этапе его развития и обозначающие новые понятия, возникшие в результате развития науки и техники, новых условий жизни, социально-политических изменений и т. д., или выражающие новыми словами, созданными в целях эмоционально-стилистических, уже существующие понятия» [Гальперин: 69]. Несмотря на исчерпываемость данного определения, современные исследователи продолжают раскрывать и дополнять его в рамках своих теорий. Современный подход к опре-

делению «неологизма» характеризуется предельной широтой: под неологизмами понимают и «новые значения старых слов, и словосочетания – независимо от частоты их употребления; окказиональные слова тоже относятся к неологизмам. При этом признается, что определение неологизма должно быть комплексным и не ограничиваться лишь отдельными признаками, поскольку само появление неологизма... обусловлено сложным сочетанием лингвистических и экстралингвистических причин» [Избицкая: 35].

В общеисторическом и общетеоретическом плане для неологизма характерно отсутствие абсолютных хронологических критериев и границ. Они подвижны и порождаются под определенные задачи. Данные признаки являются основанием рассуждать о том, что новизна появившегося слова – категория относительная, она носит временный характер. Отношение общества к такой лингвистической новинке проявляется изменчиво. Появившись совсем недавно, некоторые неологизмы глубоко проникают в устную и письменную речь и перестают быть неологизмами, а некоторые остаются окказионализмами. Поэтому помимо самого факта существования неологизмов особую важность представляют способы их функционирования в повседневной речи. Именно этот вывод обуславливает крайнюю актуальность проблемы, а также практическую значимость результатов ее исследования.

Актуальные события, происходящие в мировой экономике, находят свое отражение в современном английском деловом дискурсе. Такие экстралингвистические факторы, как глобализация и культурное разнообразие делового сообщества, развитие информационных технологий и Интернета определяют появление неологизмов в деловом общении. Интернет стал пространством изобретения и фиксации неологизмов в речи, «универсальной площадкой для коллективного словотворчества. Изучение появления новой лексики в интернет-пространстве позволяет выделить закономерности функционирования неологизмов на современной стадии развития языка [Катермина, Липириди: 78].

Язык делового общения стереотипно считается нетворческим, а использование готовых клише является преобладающим признаком деловой коммуникации. Однако неоспорим тот факт, что клишированность характеризует далеко не все типы делового дискурса. Существуют такие его разновидности, в которых наряду с традиционными изобразительными средствами языка (метафорами, фразеологизмами) широко используются новые слова и выражения, чья повышенная выразительность неоднократно подчеркивалась современными исследователями: «специально придуманное слово в силу своей уникальности на фоне канонических слов обладает повышенной экс-

прессивностью [Белькова: 49]. Уместное и обоснованное использование таких стилистических средств обогащает процесс коммуникации, насыщает его новыми образами, создавая тем самым более благоприятный бизнес-климат, что опосредованно может оказывать влияние на эффективность деловой коммуникации.

В своем исследовании мы решили объединить потенциал выразительности сразу двух языковых средств: предметом нашего исследования выступают метафоры, употребление которых сопровождается ощущением новизны, т. е. метафоры, которые в данный момент можно с уверенностью отнести к неологизмам делового дискурса. Материалом исследования послужили электронные лексикографические источники: Cambridge Dictionaries Online Blog и Urban Dictionary. Выявленные метафоры были классифицированы по формальному структурному признаку в зависимости от части речи ключевого слова. В отличие от ранее проведенных исследований [Нурхамитов, Геркина, Загладина], в которых преобладали метафоры глагольного типа, в нашей классификации в количественном отношении на первое место выходят адъективные метафоры по следующей тематике:

- цветовая направленность: так, прилагательное *dark green* используется для описания финансового продукта с осторожной инвестиционной политикой относительно рискованных компаний; еще одна метафора из области инвестиций *light green* характеризует акции компаний с положительным этическим и экологическим потенциалом;

- анималистическая направленность: *elephant deal* – служит для описания крупной сделки, превышающей 20 млн фунтов стерлингов;

- социальная направленность: *poor door* – вход в здание для малоимущих граждан;

- мистическая направленность: *zombie account* – банковский счет с незначительной процентной ставкой, *zombie statistic* – неоднократно опровергаемая, неверная, вводящая в заблуждение статистика.

Среди выявленных неологических метафор нами было отмечено незначительное количество глагольных и именных метафор в чистом виде. В основном встречаются метафоры, промежуточные по своей форме: адъективно-именные и глагольно-именные. Так, примером глагольно-именной метафоры может выступить выражение *to boil the ocean*, применяющееся в ситуации, когда кто-то предпринимает что-то слишком амбициозное или *to die in a ditch*, с помощью этого выражения можно подчеркнуть, что вопрос очень важен для вас, и вы не измените свое мнение и позицию по нему.

Что касается адъективно-именных метафор, то в качестве наиболее интересных, на наш взгляд, можно привести следующие примеры: выражение *bully wallet* описывает ситуацию использования денег для неспра-

ведливого или неэтичного влияния. *Green swan* – очень серьезное событие, являющееся причиной сбоев в работе мировых финансовых рынков, вызванное последствиями изменения климата. *Dark pool* – метод финансового трейдинга, при котором цена акции скрыта и недоступна широкой общественности. Помимо того, что это составное исчисляемое существительное, выражение *dark pool* часто встречается в дефисной форме в качестве модификатора со словосочетаниями, такими как *trading, exchange* и др. Этот термин навеян сравнением сокрытия финансовых транзакций от посторонних глаз с тем, как мутная темная вода скрывает все, что находится под ее поверхностью. Та же метафора распространяется и на родственные понятия, такие как описание финансовых рынков как *вод (waters)*, в которые можно безопасно погружаться, подвергшись влиянию активности потенциальных хищников (*predators*) – конкурирующих инвесторов.

Финансовый лексикон уже давно склонен к метафорам, о чем свидетельствуют метеорологические ссылки, такие слова как *буря (storm)* или *турбулентность (turbulent)* в описании экономических рынков. Совсем недавно мы испытали на себе отравляющее воздействие *токсичных кредитов (toxic loans)*, увидели, как долговые проблемы облегчились за счет *стрижки (haircuts)* – уменьшение стоимости долга заемщика, наблюдали поток новых денег, остановленный *сокращением (by a taper)*, и были свидетелями беспокорства по поводу нестабильной ситуации *фискального обрыва (fiscal cliff)*.

Процесс появления новых слов в языке носит нескончаемый характер, поэтому любые проблемы, связанные с неологизмами, всегда были и останутся в поле зрения лингвистов. Тема неологических метафор в языке бизнеса недостаточно раскрыта в современной науке. Тот факт, что сочетание признаков нескольких средств выразительности в одной языковой единице способствует накоплению экспрессивности и повышает ее эстетическую значимость, является основанием для дальнейшего исследования этого явления. Решение основных проблем, связанных с появлением и функционированием новых слов, происходит не только в пределах традиционной лингвистики. Такие области научных знаний, как психолингвистика, социология, политология, культурология, способствуют пониманию неразрывности лингвистических и экстралингвистических факторов появления неологизмов и тем самым создают комплексную картину функционирования новой лексики в современном языке.

Список литературы

Белькова А.Е. Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах: на материале сайта NoName. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. 112 с.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.

Здановская Л.Б., Непшекуева Т.С. Особенности представления понятия «Политический Олимп» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4–2 (82). С. 355–359.

Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2020. 214 с.

Катермина В.В., Липириди С.Х. Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 4. С. 31–39.

Катермина В.В., Липириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.

Нурхамитов М.Р., Геркина Н.В., Загладина Е.Н. Метафора в современных англоязычных бизнес-текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–3 (69). С. 147–150.

Baranova E.A., Zheltukhina M.R., Shnaider A.A., Zelenkaya L.L., Shestak L.A., Redkozubova E.A., Zdanovskaya L.B. New Media Business Philosophy in Conditions of Mass Media Convergence. Online Journal of Communication and Media Technologies, 2020, 10 (4), p. 2. URL: <https://www.ojcm.net/article/new-media-business-philosophy-in-conditions-of-mass-media-convergence-8387> (дата обращения: 27.01.2022).

Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 10.07.2021).

Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 10.07.2021).

References

Bel'kova A.E. *Funkcionirovanie neologizmov v internet-resursah: na materiale sajta NoNaMe* [Functioning of neologisms in Internet resources: on the material of the NoNaMe website]. Nizhnevartovsk, NVGU Publ., 2018, 112 p. (In Russ.)

Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka* [Essays on the style of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah Publ., 1958, 458 p. (In Russ.)

Zdanovskaya L.B., Nepshekueva T.S. *Peculiarities of Representation of the Notion "Political Olympus" in the Russian Linguistic Worldview* [Features of the representation of the concept of "Political Olympus" in the Russian language picture of the world]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2018, № 4-2 (82), pp. 355–359. (In Russ.)

Izbickaya M.V. *Sovremennye tendencii v neologii: tipologiya obrazovaniya neologizmov i leksikograficheskaya praktika (na materiale novoj anglijskoj leksiki iz sfery "Kul'tura" v elektronnyh volontyorskikh slovaryah): dis. ... kand. filol. nauk* [Modern trends in neology: typology of neologism formation and lexicographic practice (on the basis of new English vocabulary from the "Culture" sphere in electronic volunteer dictionaries): PhD thesis]. Ivanovo, 2020, 214 p. (In Russ.)

Katermina V.V. *Lingvokulturologicheskie aspekty izucheniya novoj leksiki v usloviyah globalizacii* [Linguoculturological aspects of the study of new vocabulary in the context of globalization]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestiya of the Southern Federal University], 2019, № 4, pp. 31–39. (In Russ.)

Katermina V.V., Lipiridi S.H. *Pragmatiko-aksiologicheskij potencial setevyh anglijskih neologizmov turistskogo diskursa* [Pragmatic and axiological potential of English network neologisms in tourism discourse]. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t Publ., 2021, 230 p. (In Russ.)

Nurhamitov M.R., Gerkina N.V., Zagladina E.N. *Metafora v sovremennyh angloyazychnyh biznes-tekstah* [Metaphor in Modern English-Language Business Texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2017, № 3-3 (69), pp. 147–150. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 07.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 07.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КСЕНОНИМОВ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ-БИОФИКЦИИ
ДЖ. БАРНСА «ШУМ ВРЕМЕНИ»**

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Володина Дарья Евгеньевна, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, daria.volodina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-9287>

Аннотация. Отличительной особенностью лингвистики XXI в. является то, что язык и культура перестали изучаться отдельно и соединились в такой феномен, как лингвокультура. В связи с тем, что английский язык занимает лидирующую позицию в качестве языка мирового общения, а также интенсивно используется в качестве приложения к разным культурам, англоязычное описание иноязычных или внешних культур приобретает особую актуальность и значимость. В центре внимания настоящей статьи находится стилистическое функционирование культурно-маркированной лексики – ксенонимов, представленных в постмодернистском романе-биофигии Дж. Барнса «Шум времени». В работе также даётся обзор стилистических функций ксенонимов в целом и приводятся примеры употребления разных культурно-маркированных лексических единиц – топонимов, полионимов, урбанонимов, а также лексических и семантических калек, представленных в романе-биофигии «Шум времени», введенных автором для стилизации текста. Именно посредством использования разных лингвокультурных и стилистических средств в своем биофигиональном повествовании англоязычному автору при репрезентации реального пространства в вымышленном мире художественного текста удалось смоделировать окружающую его героев среду.

Ключевые слова: ксенонимы, стилистические функции, лингвокультурология, стилизация текста, роман-биофигия, внешняя культура, внутренняя культура, инолингвокультура.

Для цитирования: Катермина В.В., Володина Д.Е. Стилистические функции ксенонимов в постмодернистском романе-биофигии Дж. Барнса «Шум времени» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 228–232. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-228-232>

Research Article

**STYLISTIC FUNCTIONS OF XENONYMS
IN THE POSTMODERN BIOFICTIONAL NOVEL
“THE NOISE OF TIME” BY JULIAN PATRICK BARNES**

Veronika V. Katermina, Doctor of Philological Science, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Darya E. Volodina, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, daria.volodina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-9287>

Abstract. A distinctive feature of linguistics of the 21st century is that language and culture are no longer observed separately and have merged into such a phenomenon as linguoculture. Due to the fact that English occupies a leading position as the language of world communication and is often used as an application to different cultures, the English-language description of foreign or external cultures is becoming more topical and important. The main aim of this article is to describe stylistic functions of such culturally marked vocabulary as xenonyms presented in the postmodern biofictional novel “The Noise of Time” by Julian Patrick Barnes. The article provides an overview of the stylistic functions of xenonyms in general, and it also gives examples of the use of some other culturally marked lexical units, such as toponyms, polyonyms, urbanonyms, lexical and semantic calques, presented in the biofictional novel “The Noise of Time” and use by the author in order to enrich the narration. Due to the use of various linguistic, cultural and stylistic means in his biofictional narrative, the English-speaking author managed to represent the environment surrounding his characters when representing real setting in the fictional world of a literary text.

Keywords: xenonyms, stylistic functions, linguoculturology, text stylisation, biofictional novel, external culture, internal culture, foreign linguoculture.

For citation: Katermina V.V., Volodina D.E. Stylistic functions of xenonyms in the postmodern biofictional novel “The Noise of Time” by Julian Patrick Barnes. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 228–232 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-228-232>

Проблема взаимоотношения языка и культуры волнует исследователей на протяжении многих лет. В современном мире данный вопрос является весьма актуальным, поскольку процессы глобализации способствуют появлению новых возможностей для межкультурной коммуникации. У каждого народа существует своя «картина мира» и категоризация действительности, что находит непосредственное отражение в языке.

Как правило, слово не только обозначает конкретный предмет или явление, но и вызывает множество дополнительных ассоциаций. Так, можно утверждать, что каждая лексическая единица создает вокруг себя так называемое семантическое и ассоциативное поле, которое в полной мере будет понятно и известно лишь представителям определенной культуры.

Это касается, прежде всего, слов, которые являются специфичными для конкретного народа и содержат определенную информацию об истории, культуре, традициях и быте носителей языка. К такой группе слов можно отнести культуронимы, лексические единицы, участвующие в иноязычном описании той или иной культуры. Как отмечают современные исследователи Е.В. Белоглазова и В.В. Кабакчи, в рамках интерлингвокультурологии «культуронимы, закрепленные за специфическими элементами культур, определяются как идиокультуронимы» [Белоглазова, Кабакчи: 27]. Они, в свою очередь, подразделяются на две группы: внутрикультурную специфическую лексику – «идионимы» и «чужие», иноязычные идиокультуронимы – «ксенонимы» [Белоглазова, Кабакчи: 27], об анализе функций которых речь пойдет далее.

Общеизвестным является тот факт, что язык как средство стилизации художественного текста и передачи специфических черт разных (внешних) культур обладает определенными функциями. Так, рассмотрим номенклатуру функций языка, предложенную советским и российским лингвистом А.А. Леонтьевым. Исследователь описывает язык как средство передачи «общественно-исторического опыта человечества» [Леонтьев: 34] и «специфического национально-культурного опыта конкретного народа» [Леонтьев: 34]. На наш взгляд, применительно к ксенонимам как к элементам инолингвокультурного контекста особую важность приобретает вторая из перечисленных выше функций, связанная с передачей культурного опыта конкретной нации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одной из основных функций таких языковых единиц, как ксенонимы, является культурологическая функция.

Что касается вторичных функций языка, то здесь А.А. Леонтьев выделяет эстетическую функцию, связанную с наделением некоторой лексической единицы значимостью за счет его особого положения в тексте или употребления вне привычной для неё сферы, т. е. ксенонимы могут обладать такой функцией, как функция стилизации.

Следует подчеркнуть, что данная функция наиболее ярко проявляется в контексте инокультурной литературы, в которой автор, пишущий и создающий художественные произведения на английском языке, стремится стилизовать текст, наделив его культурно-маркированными лексическими единицами, которые, в свою очередь, являются средством передачи культурно значимой информации.

Рассмотрим функцию стилизации на примере романа Дж. Барнса «Шум времени». Данный художественный текст представляет собой образец английского биофигционального повествования, действие в котором происходит в России XX века. В нем изображается жизнь крупнейшего советского композитора и музыкально-общественного деятеля Д.Д. Шостаковича.

Как известно, при репрезентации реального пространства в вымышленном мире художественного текста в большинстве случаев писатели используют различные лингвокультурные и стилистические средства, посредством которых они моделируют в соответствии со своим замыслом окружающую их героев среду. Как утверждает сам Дж. Барнс, «это отвечает не только моему эстетическому восприятию, но и моим интересам – дух книги лучше выражать посредством стиля, путём использования определённых оборотов речи, немного странных оборотов, которые подчас могут напоминать переводной текст. Именно это, по-моему, даёт читателю чувство времени и места. Мне не хочется писать нечто вроде “он прошёл по такой-то улице, свернул налево и увидел напротив знаменитую старую кондитерскую или что-то там ещё”. Я не создаю атмосферу времени и места таким образом. Уверен, что гораздо лучше делать это посредством прозы. Любой читатель способен понять, о чем идёт речь, смысл совершенно ясен...» [Барнс: 8]

Естественный язык «существует в тесной связи с исторически обслуживаемой им культурой, образуя с ней диалектическое единство – лингвокультуру», для описания которой в языке формируется «специальная номенклатура – культуронимы» [Белоглазова, Кабакчи: 50], т. е. наименования элементов любой культуры. В нашем случае автор, обращаясь в своём

произведении к описанию внешней, т. е. русской, культуры посредством английского языка, «вынужден приспособляться к “чужой” культуре, адаптируя свой словарный состав в соответствии со спецификой внешней культуры» [Белоглазова, Кабакчи: 7] и использовать в своём повествовании ксенонимы, языковые единицы, являющиеся «средствами передачи культурно-значимой информации» [Леонтьев: 95]. В то же время американский исследователь, историк и философ Л.О. Минк утверждает, что «...история подразумевает наиболее полное и достоверное изображение событий из прошлого» [Mink: 182–183], в то время как в художественном произведении, в нашем случае в биофигиональном повествовании, автор стремится детально реконструировать определённый период жизни своих персонажей посредством внедрения в свой текст разных литературных техник и инолингвокультурных вкраплений. При этом абсолютная точность от него не требуется и не соблюдается.

Итак, моделируя образ Петербурга – русского города художественного пространства, которое является основным местом действия анализируемого нами романа-биофигиции, Дж. Барнс вводит в свой англоязычный текст элементы инолингвокультуры (в данном случае русской культуры), которые, в свою очередь, формируют «инолингвокультурный контекст» [Белоглазова, Кабакчи: 51]. Данные инолингвокультурные элементы позволяют автору реализовать установку на аутентичное описание, а также усилить фактографичность повествования.

На первых же страницах романа Барнс воссоздаёт русский культурный контекст, насыщая описание небольшого эпизода на железнодорожной станции ксенонимами: «Blessed by the village priest, he had set off to fight for his homeland and the Tsar» [Barnes: 1] («С благословения сельского батюшки [он] отправился сражаться за царя и отечество») [Барнс: 11], «Some passengers might toss him a kopeck or two for entertainment...» [Barnes: 11] («Авось кто-нибудь [из пассажиров] да бросит копейку-другую в благодарность за развлечение...») [Барнс: 13], «In reply, the man with spectacles held up a bottle of vodka» [Barnes: 1], («В ответ очкарик поднял перед собой бутылку водки») [Барнс: 14], «And so there were three of them, the traditional vodka-drinking number» [Barnes: 1] («То бишь выдалась возможность сообразить на троих») [Барнс: 14].

Автор использует не только лексические единицы, передающие реалии русской культуры и жизни («Tsar», «kopeck», «vodka»), но также демонстрирует знание русских традиций, или так называемых русских «ситуативных реалий» [Белоглазова: 161]: получить благословение у священника перед трудным делом, употреблять алкоголь в компании, состоящей из трёх человек.

Перейдём к анализу ксенонимов, используемых Дж. Барнсом при описании Петербурга. В первой главе романа перед читателем возникает образ Петербурга как советского города в течение 1910–1930-х гг., страшного периода государственного террора и репрессий. Находящийся под гнётом власти, пребывающий в состоянии неопределённости и смятения, измученный страхом, объявленный врагом народа, Шостакович проводит каждую ночь на лестничной площадке в ожидании ареста, вспоминая свою жизнь:

– «One of his persistent waking nightmares was that the NKVD would seize Galya...» [Barnes: 15] («А днём его преследовал другой кошмар: вдруг НКВД заберёт Галю...») [Барнс: 16];

– «Tchaikovsky was decadent, and the slightest experimentation condemned as ‘formalism’» [Barnes: 15] («Чайковского объявляли упадочническим композитором, а на любые экспериментальные направления навешивали ярлык “формализм”») [Барнс: 37].

Как видно из приведённых выше примеров, при моделировании пространства автор использует разные маркеры культурной локализации, а именно – транслитерированные заимствования.

Примечательным является то, что в следующем примере инолингвокультурный контекст создаётся посредством использования автором французского слова «conservatoire» для обозначения музыкального учреждения: «...while he was still at the Conservatoire a group of Leftist fellow students had tried to have him dismissed and his stipend removed» [Barnes: 15] («Но почему-то всегда, с самого начала выискивались те, которые точили когти о его душу: ещё в студенческие годы группка ретивых однокашников добивалась, чтобы его сняли со стипендии, а потом и вовсе исключили») [Барнс: 36–37].

На наш взгляд, автор намеренно использует именно французское заимствование «conservatoire», а не английское «conservatory» для дистанцирования от первичной культурной ориентации «за счет дифференциации языковых средств, используемых для описания внутренней и внешней культуры» [Белоглазова, Кабакчи: 51].

Следующим способом, который Дж. Барнс широко использует для создания инолингвокультурного пространства, является калькирование, процесс буквального перевода слов и словосочетаний. В текст повествования автор вводит многочисленные кальки: семантические («Party», «Power», «Soviet Art», «a model Soviet citizen») и лексические («the Cult of Personality», «the enemy of the state», «Leftism»).

Ещё одним способом передачи внешнекультурных реалий, встречающимся в данном романе-биофигиции и обеспечивающим понимание русских ксенонимов, являются так называемые гибридные образования, в которых один элемент ксенонима заимствуется,

а другой переводится: «He remembered the pain that night before they took his appendix out. Throwing up twenty-two times, swearing all the swear-words he knew at a nurse, then begging a friend to fetch the militiaman to shoot him and end the pain» [Barnes: 9] («Он вспомнил, как мучился от боли в ночь перед операцией аппендицита. Двадцать два раза начиналась рвота; на сестру милосердия обрушились все известные ему бранные слова, а под конец он стал просить знакомого, чтобы тот привёл милиционера, способного единым махом положить конец всем мучениям») [Барнс: 19].

Следует подчеркнуть, что использование специальных ксенонимических наименований элементов русской (внешней) культуры зачастую приводит к усложнению текста англоязычного повествования, поэтому в некоторых случаях писатель прибегает к менее точным способам создания инокультурного контекста, которые отражены в следующих примерах:

– описательные обороты: «It was as if, when drawing up their plans for Soviet Russia, the architects had been thoughtful, meticulous and well-intentioned, but had failed at a very basic level» [Barnes: 171] (в данном случае автор не конкретизирует элемент внешней (русской) культуры, на который он ссылается: СССР или РСФСР?);

– замена русскоязычного культурного маркера английским аналогом: «The beggar stopped singing his filthy song. Dmitri Dmitrievich held the bottle, ...poured vodka into each glass» (рюмка/стакан?) [Barnes: 180];

– замена русскоязычного ксенонима родовым понятием: «Prokofiev had left Russia for the West shortly after the Revolution» [Barnes: 41] (в данном контексте автор не уточняет, о какой именно из трёх революций начала XX века идёт речь);

– использование автором полионима, т. е. такого универсального культуронима, посредством которого могут быть описаны элементы как внешней, так и внутренней культуры: «The Marshal acted as his patron, organising financial support for him from the military commander of the Leningrad District» [Barnes: 13] (район/округ?).

Следует подчеркнуть, что для наиболее достоверной передачи аутентичного образа Петербурга XX века Дж. Барнс в своём англоязычном повествовании также использует большое количество топонимов, в том числе урбанонимов, имён собственных разных внутригородских топографических объектов, образованных чаще всего при помощи калькирования: «Nikolayevskaya Street», «Bolshaya Pushkarskaya Street», «the Finland Station», «the River Neva», «Nevsky Prospekt», «Liteiny Prospekt».

Важную роль в репрезентации советского Ленинграда играют и присутствующие в тексте калькированные названия различных городских учреждений. Приведём некоторые примеры:

– «She worked as a typist in the Chamber of Weights and Measures, and gave piano lessons in exchange for bread» [Barnes: 11] («[Софья Васильевна] Устроилась машинисткой в Палату мер и весов, давала уроки музыки в обмен на продукты») [Барнс: 33];

– «He had been backstage at the Small Hall of the Conservatoire, feeling chastened and sorry for himself» [Barnes: 13] («Ещё студентом он, униженный, на грани слёз, стоял за кулисами Малого зала консерватории») [Барнс: 35].

Особого внимания заслуживает тот факт, что Дж. Барнс не только использует маркеры культурной локализации в своём повествовании, но также стремится передать атмосферу безнадежности и страха, царившую в советском Петербурге на данном этапе истории: «...Power, as it expressed itself to people like him in Leningrad, resided in the Big House. Many who went into the Big House on Liteiny Prospekt never emerged again» [Barnes: 43] («...Власть эта, в том обличье, в каком являла себя гражданам вроде Дмитрия Дмитриевича, обитала в Большом доме на Литейном проспекте. Многие из побывавших у нее на приеме как в воду канули») [Барнс: 57]. Приведённый фрагмент текста насыщен разнообразными элементами инолингвокультурного контекста, которые, в свою очередь, несут в себе большую смысловую нагрузку. Использованные автором кальки «Power» (семантическая калька, обозначающая правящую партию) и «the Big House» (лексическая калька, обозначающая управление наркомата внутренних дел) помогают читателю погрузиться в полную страха и отчаяния атмосферу, в которой в то время были вынуждены пребывать большинство жителей Петербурга.

Особенно ярким и своеобразным, на наш взгляд, является использование автором в анализируемом нами произведении неологизмов. Отметим, что Дж. Барнс как автор-постмодернист намеренно прибегает к такому стилистическому приему, как ирония. В романе-биофикции «Шум времени» ироничный тон повествования проявляется за счёт словесной игры автора с топонимом «Петербург». Для обозначения данного элемента инолингвокультуры Дж. Барнс использует свой авторский неологизм, что представлено в следующем фрагменте текста: «What did a name matter? He had been born in St. Petersburg, started growing up in Petrograd, finished growing up in Leningrad. Or St Leninsburg, as he sometimes liked to call it» [Barnes: 11] («Да и что в имени? Родился он в Санкт-Петербурге, рос в Петрограде, а вырос в Ленинграде. Или в Санкт-Ленинбурге, как говаривал сам. Так ли уж важно имя?») [Барнс: 11].

Как известно, город на Неве в определённые исторические периоды имел разные названия. Однако автор-постмодернист Дж. Барнс, описывая жизнь композитора Д.Д. Шостаковича, создаёт фрагмен-

тарное, не всегда хронологически выстроенное био-фикциональное повествование, моделируя при этом фикциональный мир, характеризующийся так называемой «энтропией пространственно-временных отношений» [Белоглазова: 59]. Используя в своём повествовании различные названия одного и того же города и при этом внедряя в текст своё собственное наименование Петербурга, Барнс словно вовлекает нас в игру в фикциональность/фактографичность, тем самым как бы провоцируя у читателей «возникновение когнитивного диссонанса» [Белоглазова: 63]: «Leningrad» («Ленинград»), «Petrograd» («Петроград»), «St Leninsburg» («Санкт-Ленинбург»), «Petersburg» («Петербург»).

Таким образом, ксенонимы представляют собой лингвистические универсалии и являются следствием вторичной культурной ориентации языка. При этом данные лексические единицы имеют богатый функциональный арсенал, включающий в себя как стилистические, так и когнитивные функции.

Что касается анализируемого нами биофикционального повествования «Шум времени», то мы можем сделать вывод о том, что англоязычный писатель Дж. Барнс обладает глубокими знаниями в области русской истории, литературы и культуры, что подтверждает широкий аллюзивный и интертекстуальный пласт, присутствующий в данном романе. Кроме того, используя в своём тексте обильное количество лингвистических средств для вербализации русской культуры, а именно ксенонимов (полионимов, урбанонимов) и калек (как лексических, так и семантических), автору удаётся описать жизнь главного героя романа Д.Д. Шостаковича, весьма детально воссоздать образ Петербурга XX века, культурно-исторического фона и города, в котором жил и творил великий композитор, а также передать аутентичную атмосферу и настроение того времени.

Список литературы

Барнс Д. Шум времени: роман. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019. 156 с.

Белоглазова Е.В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Волгоград: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 1, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 49–59.

Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 150 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. 114 с.

Barnes Julian. The noise of time. London, Penguin, 2017, 183 p.

Mink O. Louis. Narrative Form as a Cognitive Instrument. Historical Understanding. Madison, Cornell University Press, 1987, 182 p.

References

Barnes D. *Shum vremeni: roman* [The Noise of Time: novel]. St. Peterburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2019, 156 p. (In Russ.)

Beloglazova E.V. *Diskurs anglojazychnogo opisaniya russkoj kul'tury: perspektivy korpusnogo issledovaniya* [Discourse of the English Description of Russian Culture: Perspectives of Case Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Jazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 1, Linguistics], 2018, vol. 17, № 3, pp. 49–59. (In Russ.)

Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiju: ucheb. posobie dlja vuzov* [Introduction Course to International Linguoculture: the University Study Guide]. Moscow, Urajt Publ., 2019, 150 p. (In Russ.)

Leont'ev A.A. *Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'* [Language, Speech and Speech Activity]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1969, 114 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 12.05.2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 233–238. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 233–238. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 342.7

EDN HNAХУС

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-233-238>

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Языкеев Сергей Николаевич, Среднерусский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орёл, Россия, sergei_bgs@mail.ru

Аннотация. В научной статье в обобщенном виде рассматриваются вопросы, связанные с ограничениями прав и свобод человека и гражданина, которые направлены на обеспечение безопасности. Анализируя правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод, автор рассматривает ряд федеральных законов, судебную практику, что позволяет обосновать вывод о наличии таких видов ограничений, как чрезвычайные и постоянные. В статье обращается внимание на ряд дискуссионных вопросов, связанных с ограничениями в период пандемии COVID-19, а также в условиях противодействия экстремизму, отмечается факт несоразмерности ограничений прав с существующей угрозой общественной безопасности. Автор работы настаивает на соблюдении баланса между публичными и частными интересами при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина, приходит к выводу о необходимости закрепления в Федеральном законе «О безопасности» правового механизма ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности, законодательно обоснованных принципов ограничения конституционных прав и свобод, в том числе выработанных в правовых позициях Конституционного суда РФ, определенных правовых гарантий от необоснованных ограничений прав и свобод человека, вопросов ответственности органов государственной власти при ограничении прав граждан и иных условий функционирования данного механизма.

Ключевые слова: права и свободы, безопасность, национальная безопасность, пандемия, COVID-19, противодействие экстремизму, конституционные права, ограничения.

Для цитирования: Языкеев С.Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 233–238. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-233-238>

Research Article

LEGAL MECHANISM OF RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN AIMING AT ENSURING SECURITY IN RUSSIA

Sergey N. Yazykeev, Central Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Branch, Orel, Russia, sergei_bgs@mail.ru

Abstract. Issues related to restrictions on the rights and freedoms of a person and a citizen aiming at ensuring security, are considered in the scientific article, in a generalised form. Analysing the legal mechanism for restricting constitutional rights and freedoms, the author examines a number of federal laws, judicial practice allowing to substantiate the conclusion of existence of such types of restrictions as emergency and permanent ones. The article draws attention to a number of debatable issues related to restrictions during the COVID-19 pandemic, as well as in the context of countering extremism, and such a fact is noted that right restrictions are disproportionate to the existing threat to public safety. The author of the work insists on maintaining a balance between public and private interests when establishing restrictions on the rights and freedoms of a person and a citizen; he comes to the conclusion that it is necessary to consolidate a legal mechanism for restricting the rights and freedoms of a person and a citizen in the Federal Law «On Security» in order to ensure security, legally justified principles of restriction of constitutional rights and freedoms, including those developed in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, certain legal guarantees against unreasonable restrictions on human rights and freedoms, issues of responsibility of public authorities when restricting the rights of citizens and other conditions for the functioning of this mechanism.

Keywords: rights & freedoms, security, national security, pandemic, COVID-19, countering extremism, constitutional rights, restrictions.

For citation: Yazykeev S.N. Legal mechanism of restriction of constitutional rights and freedoms of human and citizen aiming at ensuring security in Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 233–238 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-233-238>

Конституционные права и свободы человека имеют особую ценность и правовую охрану. При этом легальное ограничение этих прав и свобод в целях обеспечения защиты тех или иных публичных интересов допускается как международными нормами, так и конституциями большинства стран мира [Щеголева: 10].

Ограничение прав и свобод человека и гражданина, по мнению А.Ф. Квитко, – это «установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином) прав (свобод), выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства» [Квитко: 18]. Такое определение понятия «ограничение прав и свобод» среди иных представляется наиболее точным и отражающим его сущность, особенно в контексте настоящего исследования. Как известно, базовыми объектами национальной безопасности являются личность, общество и государство, и именно достижение оптимального баланса между ними становится одной из главных целей правового ограничения прав и свобод, поскольку обеспечение, например, безопасности государства без учета интересов личности вполне может привести к неоправданным репрессиям, что подтверждается, в частности, историей России.

Важным представляется и вопрос о структуре правового механизма ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Из существующих в юридической науке подходов к данной проблеме оптимальным видится позиция А. Коровникова, который предлагает выделять следующие элементы ограничения прав и свобод человека и гражданина: правовая основа, которой определяются характер и содержание ограничений; цель; обстоятельства, вызывающие необходимость ограничений; виды прав и свобод, подлежащие ограничениям; информирование мирового сообщества о вводимых ограничениях [Коровников: 34]. Применительно к настоящему исследованию представляется целесообразным подчеркнуть, что главными обстоятельствами, обуславливающими необходимость ограничения прав и свобод, в соответствии с действующим российским законодательством, и прежде всего с Конституцией Российской Федерации, являются угрозы безо-

пасности личности, общества, государства. Именно обеспечение безопасности указанных объектов становится краеугольным камнем существования и применения ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Как указывалось выше, ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается в международном праве и в национальных законодательствах, прежде всего на конституционном уровне. Конституция Российской Федерации не является исключением и допускает в ст. 55 ограничение прав и свобод человека, предусматривая соответствующие формальное (ограничение должно быть предусмотрено федеральным законом) и материальное (ограничение должно преследовать определенную цель из числа тех, которые упоминаются в ст. 55 Конституции) основания. Среди таких оснований особое место занимают вопросы безопасности.

Безопасность, бесспорно, является такой ценностью для личности, общества и государства, обеспечение которой диктует необходимость тех или иных ограничений прав и свобод человека. В качестве наглядного примера вынужденной необходимости ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина можно привести вводимые ограничения с целью противодействия распространению пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, которая, несомненно, является угрозой национальной безопасности. Однако очевидная ценность и своего рода первостепенность вопросов безопасности предопределяет необходимость такого подхода, который позволил бы избежать необоснованно широкого ограничения прав. Относительно правового механизма ограничения прав человека в контексте противодействия распространению коронавирусной инфекции представляет интерес позиция Н.В. Варламовой о том, что «введение ограничений прав человека без формального объявления чрезвычайного положения “размывает” конституционный правопорядок» [Варламова: 20]. Сегодня в России не утихают дискуссии о законности и справедливости возможного введения обязательной вакцинации от COVID-19 для всего населения страны. Не давая тех или иных оценок необходимости такой меры, заметим, что тема обязательной вакцинации – весьма чувствительный «нерв» для народа, и распространение такой практики может привести к самым неприятным последствиям. Вместо угрозы безопасности от пандемии можно получить угрозу государствен-

ному единству и гражданскому миру в стране, которая будет исходить от собственного народа.

Представляется особенно актуальной проблема противодействия экстремизму в контексте ограничений конституционных прав человека, а именно права на свободу слова. А.В. Сигарев по этому поводу справедливо отмечает, что «в период 2002–2018 гг. развитие законодательства о противодействии экстремизму шло по пути усиления его карательной составляющей» [Сигарев: 56]. Автор называет 2018 год «поворотным и переломным в истории развития антиэкстремистского законодательства в сторону его рационализации и модернизации» [Сигарев: 57]. Такую смену приоритетов государственной политики с полной уверенностью можно считать положительной, поскольку некоторые уголовные дела по экстремистским статьям (например, за репосты в социальных сетях) приобретали широкий общественный резонанс и не лучшим образом сказывались на отношении населения к органам власти. С точки зрения реальных угроз национальной безопасности такие уголовные дела также вызывают справедливые вопросы.

Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отметил, что «опасность произвольного вторжения законодателя в сферу конституционных прав человека резко возрастает в условиях усиления террористической активности, социально-экономических, экологических кризисов и пандемий». По его мнению, ст. 55 Конституции Российской Федерации содержит общую формулировку, которая «таит в себе опасность неоправданно широкого толкования и установления на практике чрезмерных ограничений прав и свобод человека для защиты ценностей общего блага. Особенно если учитывать специфику российского менталитета, связанную с длительными традициями преобладания государственных и общественных интересов над личными интересами» [Зорькин].

Нужно понимать, что основа баланса соотношения ограничений прав и свобод человека и гражданина и целей обеспечения безопасности лежит в плоскости баланса публичных и частных интересов. Следует отметить в этой связи, что принцип соблюдения баланса интересов личности, общества и государства при обеспечении безопасности имеет огромное теоретическое и практическое значение. Как известно, данный принцип был закреплен Законом РФ «О безопасности» 1992 года (ныне утратил силу) в качестве одного из принципов обеспечения безопасности. Приходится сожалеть, что при разработке действующего Федерального закона «О безопасности» законодатель отказался от такого фундаментального принципа, на котором в идеале должен строиться механизм обеспечения национальной безопасности в правовом демократическом государстве. Необходи-

димо согласиться с позицией Д.В. Ирошникова в том, что баланс интересов личности, общества и государства лежит в основе соотношения безопасности и справедливости в контексте понимания безопасности как правовой категории [Ирошников: 92].

Необходимость обеспечения «баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов» при ограничении того или иного права подтверждается также правовой позицией Конституционного суда Российской Федерации.

Правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации относительно ограничения прав и свобод человека и гражданина в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции сводится к необходимости соблюдения следующих принципов:

- 1) ограничительные меры не должны быть чрезмерными, а только необходимыми и строго обусловленными целями;
- 2) ограничение не должно посягать на само существование того или иного права и приводить к утрате его реального содержания;
- 3) ограничения должны отвечать требованиям справедливости, являться адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей;
- 4) норма федерального закона об ограничении прав должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

Такая правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации должна стать гарантией для неоправданных и чрезмерных ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Приходится констатировать, что в научной литературе на сегодняшний день должным образом не исследована теоретическая основа ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина. В частности, необходимо прежде всего на теоретическом уровне выделить виды ограничений прав и свобод, глубокое исследование конституционных оснований для подобных ограничений, а также анализ правового механизма ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Обобщая особенности механизма ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина для целей обеспечения безопасности, можно констатировать, что такое ограничение имеет два вида.

К первому виду ограничений можно отнести *чрезвычайное* ограничение конституционных прав и свобод. Ключевая особенность такого ограничения – временный характер, обусловленный теми или иными угрозами безопасности личности, общества или государства в конкретном месте и в конкретное время.

Такое ограничение всегда является ответом на конкретно выраженную угрозу, то есть прямую или косвенную возможность нанесения ущерба охраняемым законом ценностям. После нейтрализации угрозы безопасности необходимость в таком ограничении отпадает по объективным причинам.

Примером такого ограничения может служить ограничение прав человека в рамках проведения контртеррористической операции в соответствии с нормами Федерального закона «О противодействии терроризму». Сюда же можно отнести ограничения прав человека при осуществлении некоторых полномочий правоохранительных органов, например, право сотрудников полиции проникать в жилище для предотвращения угрозы безопасности.

Второй вид ограничений прав и свобод – *постоянное* ограничение, или точнее исключение из общих правил гарантирования конституционных прав и свобод применительно к некоторым категориям граждан или конкретным территориям. Эти ограничения носят постоянный характер и имеют превентивную сущность, то есть направлены на предотвращение тех или иных угроз безопасности и на поддержание нормального функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

В качестве примера такого ограничения можно привести, например, ограничения, связанные с правовым режимом закрытых административно-территориальных образований, для которых «в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан» и другими особыми правовыми режимами.

Приходится констатировать, что такие постоянные ограничения далеко не всегда прямо коррелируют с реализацией конкретной угрозы безопасности личности, общества или государства. Так, например, согласно Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет не распространяется на сотрудников органов внутренних дел мужского пола за исключением случая отсутствия материнского попечения по объективным причинам (смерть матери, лишение ее родительских прав, длительное пребывание в медицинской организации и другие причины) на период отсутствия материнского попечения. Конституционный суд Российской Федерации по жалобе гражданина на неправомерное ограничение его конституционного права данной нормой оправдал такое ограничение применением ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации с целью создания условий для эффективной

профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность.

Представляется, что такая позиция Конституционного суда Российской Федерации является весьма спорной и противоречивой, поскольку в данном случае не просматривается соразмерность ограничений прав человека с существующей угрозой общественной безопасности. Думается, что если некоторые сотрудники органов внутренних дел мужского пола (по объективным причинам это явление в России не должно быть массовым) уйдут в отпуск по уходу за ребенком, то на период такого отпуска их обязанности можно возложить на других сотрудников в порядке ротации кадров. Иными словами, можно применить в данном случае те же кадровые решения, что и для сотрудниц женского пола, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Сложно представить, что такой ситуацией будет нанесена реальная угроза обеспечению «обороны страны и безопасности государства», которая требует ограничения конституционных прав. Вместе с тем С.А. Старостин в качестве контраргумента высказываемой нами позиции приводит тот факт, что «специфика работы в ОВД предполагает возникновение таких ситуаций, когда в малочисленных подразделениях отсутствие на работе по нетрудоспособности даже одного сотрудника (например, дежурной части, следственного подразделения) может негативно отразиться на работе не только этих подразделений, но и всего территориального ОВД» [Старостин: 75]. С таким доводом вряд ли можно согласиться, поскольку такая практика может сложиться и при уходе в отпуск сотрудницы женского пола и далеко не только в системе ОВД. И если пойти на крайние меры и отдавать приоритет исключительно интересам органов публичной власти (публичным интересам), то тогда вообще для государственных и муниципальных служащих любого пола нужно отменить возможность отпуска по уходу за ребенком, что представляется абсурдным. В этой связи нужно искать баланс между публичными и частными интересами, и такой баланс должен быть найден в пользу гарантий реализации конституционного права каждого на отпуск по уходу за ребенком, а не ограничений этого права исходя из публичных интересов органов внутренних дел.

Научный анализ действующего российского законодательства позволил выявить и сгруппировать федеральные законы, предусматривающие постоянные или временные (в соответствии с выявленными и описанными выше видами) ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности.

К таким законодательным актам можно, в частности, отнести:

– законодательство о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

– законы о противодействии терроризму, экстремисткой деятельности, легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма;

– законодательство, устанавливающее особые правовые режимы (закрытых административно-территориальных образований, государственной тайны, пограничный режим и т. п.);

– законодательство, устанавливающее полномочия правоохранительных органов и спецслужб;

– уголовное и административное законодательство, устанавливающее соответствующие виды ответственности за те или иные противоправные деяния.

Такой широкий круг законодательных актов, которые предусматривают или теоретически могут предусматривать те или иные ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина говорит о необходимости унификации этого механизма.

Представляется, что в реализации ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации необходимо нормативное закрепление общего правового механизма ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности.

Такой механизм должен быть прописан в Федеральном законе «О безопасности». Данный федеральный закон, регулирующий общие вопросы правового обеспечения национальной безопасности в России, в том числе устанавливающий принципы такого обеспечения, должен выступать как теоретической, так и нормативной основой для ограничения конституционных прав человека и гражданина для цели обеспечения безопасности.

В качестве позитивного примера можно привести нормы ранее действующего Закона Российской Федерации «О безопасности», которые регулировали общий механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина при обеспечении безопасности. Более того, закон содержал нормы о праве граждан, общественных и иных организаций на получение разъяснений по поводу ограничения их прав и свобод от органов, обеспечивающих безопасность, а также об ответственности должностных лиц за превышение полномочий при обеспечении безопасности (ст. 7).

Почему законодатель в 2010 году при разработке проекта Федерального закона «О безопасности» отказался от таких важных законодательных положений, устанавливающих основы правового механизма ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности, остается загадкой.

Значимость и важность проблематики ограничения прав и свобод человека и гражданина, наличие дискуссионных вопросов в правоприменительной

практике говорит о необходимости закрепления в Федеральном законе «О безопасности» правового механизма ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности, который будет распространяться, в частности, и на специальное законодательство, регулирующее отдельные сферы обеспечения национальной безопасности.

В рамках установления такого механизма предлагается законодательно закрепить основные принципы ограничения конституционных прав и свобод, в том числе выработанные в правовых позициях Конституционного суда РФ, определенные правовые гарантии от необоснованных ограничений прав и свобод человека, вопросы ответственности органов государственной власти при ограничении прав граждан и иные условия функционирования данного механизма.

На начальном этапе представляется целесообразным дополнить действующий Федеральный закон «О безопасности» некоторыми нормами из одноименного утратившего силу Закона РФ 1992 года: «соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства» в качестве принципа обеспечения безопасности; «граждане, общественные и иные организации и объединения имеют право получать разъяснения по поводу ограничения их прав и свобод от органов, обеспечивающих безопасность».

Примечания

¹ О противодействии терроризму: Фед. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146

² О закрытом административно-территориальном образовании: Закон РФ от 14.07.1992 № 3297-1 // РГ. № 190. 1992.

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 566-О-О // Консультант плюс: справ. правовая система.

⁵ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Консультант плюс: справ. правовая система.

Список литературы

Варламова Н.В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 17–30.

Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. № 247 (8598) от 27.10.2021 г. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html> (дата обращения: 04.11.2021 г.).

Ирошников Д.В. Безопасность как правовая категория: философско-правовой аспект // Теория государства и права. 2021. № 2. С. 89–106.

Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

Коровников А. Правовая защита военнослужащих: проблема ограничения прав // Обозреватель. 1999. № 4. С. 34–38.

Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: требуется не либерализация, а модернизация // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 55–57.

Старостин С.А. О гендерном неравенстве в МВД России // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 73–76.

Щеголева Н.А. Конституционно-правовой анализ ограничений прав и свобод граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004. 172 с.

References

Varlamova N.V. *Pandemiya COVID-19 kak vyzov konstitucionnomu pravoporyadku* [Pandemic COVID-19 as a challenge to the constitutional rule of law]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2020, № 6, pp. 17-30. (In Russ.)

Zor'kin V.D. *Pod znakom Osnovnogo Zakona. Konstitucionnyj sud na rubezhe chetvertogo desyatiletija* [Under the sign of the Basic Law. Constitutional Court at the turn of the fourth decade]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 27.10.2021, № 247 (8598).

URL: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html> (access date: 04.11.2021). (In Russ.)

Iroshnikov D.V. *Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya: filosofsko-pravovoj aspekt* [Security as a legal category: philosophical and legal aspect]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], 2021, № 2, pp. 89-106. (In Russ.)

Kvitko A.F. *Konstitutsionno-pravovye osnovy ogranicheniia prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Constitutional and legal foundations for restricting the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: PhD thesis]. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.)

Korovnikov A. *Pravovaia zashchita voennosluzhashchikh: problema ogranicheniia prav* [Legal protection of military personnel: the problem of restricting rights]. *Obozrevatel* [Reviewer]. 1999, № 4, pp. 34–38. (In Russ.)

Sigarev A.V. *Zakonodatel'stvo o protivodejstvii ekstremizmu: trebuetsya ne liberalizaciya, a modernizaciya* [Legislation on countering extremism: what is required is not liberalization, but modernization]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice], 2021, № 1, pp. 55–57. (In Russ.)

Starostin S.A. *O gendernom neravenstve v MVD Rossii* [On gender inequality in the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Administrativnoe pravo i process* [Administrative law and process], 2020, № 7, pp. 73–76. (In Russ.)

Shchegoleva N.A. *Konstitucionno-pravovoj analiz ogranichenij prav i svobod grazhdan v Rossijskoj Federatsii: diss. ... kand. yurid. nauk.* [Constitutional and legal analysis of restrictions on the rights and freedoms of citizens in the Russian Federation, PhD thesis], Ore, 2004, 172 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.12.2021; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 19.12.2021; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 239–246. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 239–246. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 343.7

EDN HRBXWR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-239-246>

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

Зинченко Максим Сергеевич, Донецкая академия внутренних дел МВД Донецкой Народной Республики, Донецк, Донецкая Народная Республика, science_2019@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению предмета доказывания по делам о должностных преступлениях, связанных со взяточничеством, как разновидности коррупционных преступлений. В качестве цели исследования определен теоретический анализ комплекса проблемных вопросов, которые связаны с процессом доказывания в уголовном судопроизводстве и его особенностей по делам о должностных преступлениях, связанных со взяточничеством. Акцентируется внимание на том, что понятие «обстоятельства, подлежащие доказыванию» и понятие «предмет доказывания» имеют тождественный смысл и содержание, первое из них имеет формальное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве, в то время как второе является теоретической конструкцией, не имеющей законодательного закрепления, но активно используемой в научных исследованиях. Приводится общий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно уголовно-процессуальному законодательству.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, борьба с коррупцией, взяточничество, взятка, должностное преступление, предмет доказывания.

Для цитирования: Зинченко М.С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о должностных преступлениях, связанных со взяточничеством // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 239–246. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-239-246>

Research Article

CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN CASES OF OFFICIAL CRIMES RELATED TO BRIBERY

Maksim S. Zinchenko, Donetsk Academy of Internal Affairs, Donetsk People's Republic, Donetsk, science_2019@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the subject of evidence in cases of official crimes related to bribery as a type of corruption crimes. The purpose of the study is a theoretical analysis of a complex of problematic issues that are related to the process of proof in criminal proceedings and its features in cases of official crimes related to bribery. Attention is focused on the fact that the concept of “circumstances to be proved” and the concept of “subject of proof” have identical meaning and content with the first concept possessing a formal consolidation in criminal procedure legislation, and the second being a theoretical construction lacking a legislative consolidation, yet actively used in scientific research. The general list of circumstances subject to proof according to the criminal procedure legislation is given. It is noted that when investigating a specific criminal case, there is a need to detail typical circumstances related to the specifics of the category of cases under investigation, namely: the establishment of the subject of the bribe; its size and nature; the method often including preparatory actions, direct bribery, measures taken to conceal the crime; the nature of the promised or performed actions (inaction) in the interests of the bribe taker; the subject composition of bribery.

Keywords: corruption, anti-corruption, fight against corruption, bribery, bribe, malfeasance, subject of proof.

For citation: Zinchenko M.S. Circumstances to be proved in cases of official crimes related to bribery. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 239–246 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-239-246>

Коррупция является одной из актуальных глобальных проблем современности, не имеющей национальных и административных границ.

Бывший Генеральный секретарь ООН Кофи А. Аннан в предисловии к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г., отмечал, что «...коррупция – это страшная чума, которая поражает общество самым различным образом. Она подрывает основы демократии и верховенства права, ведет к нарушению прав человека, препятствует работе рынков, ухудшает качество жизни и создает условия для процветания организованной преступности, терроризма и других явлений, угрожающих безопасности человека...» [Аннан: 4].

Таким образом, коррупция – серьезный барьер, препятствующий оперативному и эффективному развитию государства, создающий социальную и национальную угрозу.

Противодействие коррупции – одна из самых важных задач любого государства, главное условие обеспечения национальной безопасности.

Исключением не стала и Российская Федерация. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации констатируется, что к национальным интересам Российской Федерации на современном этапе относится искоренение коррупции¹, отмечается рост потребности общества в повышении эффективности государственного управления, усилении борьбы с коррупцией². Поэтому разработка правовых механизмов противодействия коррупции становится значимой и актуальной проблемой развития современного российского общества и государства.

Достижение обозначенных задач в первую очередь будет осуществляться путем предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, повышения уровня ответственности за их совершение³. Увеличить эффективность работы на данном направлении возможно за счет консолидации усилий как научного сообщества, так и правоохранительных органов. Организации деятельности по противодействию коррупции в последние годы посвящено достаточно много работ ученых и специалистов российского права, но заданная тематика не теряет своей актуальности ввиду динамичного развития отечественного законодательства и изменения правоприменительной практики.

Преступления коррупционной направленности приводятся в перечне № 23, введенном в действие Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 738/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 3 от 25 декабря 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»⁴.

К их числу отнесено значительное число составов Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). Но в настоящей работе хотелось бы остановить внимание только на должностных преступлениях, связанных со взяточничеством.

Под взяточничеством в уголовном праве понимается совокупность уголовно наказуемых деяний, связанных с нарушением принципа публичной оплаты служебной деятельности должностных лиц и извлечением ими незаконной имущественной выгоды за счет своего должностного положения: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) [Любувина: 5].

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации показал, что в сравнении с 2012 г. в 2021 г. в два раза выросло число обвинительных приговоров по составам преступлений коррупционной направленности. Так, в 2012 г. осуждено 6 014 лиц, в 2021 – 15 162⁵.

В 2021 г. по ст. 290 УК РФ было осуждено 2 452 лиц; по ст. 291 – 41; по ст. 291.1 – 11; по ст. 292.2 УК РФ – 69 лиц. Для сравнения: в 2012 г. по ст. 290 УК РФ было осуждено 81 лицо, по ст. 291 УК РФ – 117 лиц⁶ (ст. 291.1 введена в действие Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», а ст. 291.2 УК РФ введена в действие Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

Приведенные показатели позволяют констатировать, что уровень преступности в анализируемой сфере только растет.

Высокий уровень латентности взяточничества, проникновение в «высшие эшелоны» власти обуславливает необходимость продолжения дальнейшего научного поиска средств и методов противодействия, совершенствования выявления, раскрытия, расследования и профилактики этого вида преступлений, повышения качества такой деятельности органов расследования [Шахбазов: 78].

Известно, что во многом эффективность борьбы с преступностью определяется качеством предварительного расследования, в основе которого лежит всесторонность, объективность, полнота, выявление всех лиц, не только совершивших преступление, но и причастных к нему [Коловоротный: 1727]. В основе расследования первостепенную роль играет доказывание и установление обстоятельств, подлежащих доказыванию [Филатова: 2009], это и является основной целью всей следственной деятельности.

И если обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеют формальное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве, то категория «предмет доказывания» предполагает теоретическую конструкцию, широко используемую в науке и научных исследованиях, споры о содержании которой ведутся и по настоящее время.

Профессор С.Н. Чурилов выделяет общий и частный предмет доказывания в зависимости от степени общности и конкретизации обстоятельств совершенного преступления, которые определяются исходя из материально-правовых оснований (в виде положений Общей или Особенной частей уголовного закона) [Чурилов: 53].

На наш взгляд, исходя из анализа уголовно-правовой и уголовно-процессуальной литературы, остается спорным и практически не разрешенным вопрос о предмете доказывания по делам о взяточничестве в разрезе полного определения специфических черт, которые выделяют взяточничество среди иных составов должностных преступлений, в частности описание общего и специального предмета доказывания по делам данной категории.

Под общим предметом доказывания понимают совокупность закрепленных в законе обстоятельств, на которые должно быть направлено уголовное процессуальное доказывание (структура и содержание этих обстоятельств регламентированы в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) и в нормах Общей части уголовного закона). На первый взгляд, перечень предусмотренных УПК РФ обстоятельств является вполне определенным, однако все они имеют лишь «модельный», «ориентировочный» характер.

Статья 73 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому во время производства досудебного следствия, дознания и рассмотрения уголовного дела в суде подлежат доказыванию:

- 1) событие преступления (время, место, метод и остальные происшествия совершения преступления);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень тяжести преступления, а также другие обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, смягчающие и отягчающие наказание;
- 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением, а также размер расходов учреждения здравоохранения на стационарное лечение потерпевшего от преступного деяния⁷.

При расследовании уголовных дел, связанных со взяточничеством, возникает необходимость в детализации типичных обстоятельств, к которым можно отнести событие преступления, предмет взяточни-

чества, способ совершения и сокрытия взяточничества, характер действий (бездействия) в интересах взяткодателя, круг участников взяточничества, правовой статус должностного лица, признаки субъективной стороны (виновность, мотив и цели), а также обстоятельства, которые могут свидетельствовать о возможности освобождения лица от уголовной ответственности.

В таких случаях речь может идти о частном предмете доказывания, который обобщает специфические признаки состава преступления и механизма его совершения/сокрытия.

Так, при установлении события преступления акцентируется внимание на необходимости установления существования самого факта взяточничества, при котором исключается возможность *правомерной* передачи, например, денежных средств в качестве возврата долга, оговора другого лица и прочие причины, исключающие преступный характер. Как известно, отсутствие непосредственно события преступления является свидетельством отсутствия и самого преступления, как следствие – и состава преступления [Гармаев: 2017].

В практике имеют место случаи, когда дача взятки маскируется под договор займа, который может заключаться не только в письменной форме, но и в устной. Состав преступления «получение взятки» (ст. 290 УК РФ) характеризуется прямым умыслом, то есть умысел взятополучателя должен включать в себя осознание, что предмет взятки передан именно за выполнение или невыполнение им своих должностных обязанностей. Взяткополучатель должен иметь намерение обратить предмет взятки в свою пользу или в пользу представляемых им лиц, такое «вознаграждение» присваивается должностным лицом. То есть признак темпоральности в случае с получением взятки исключается. При договоре займа сторона обязуется вернуть другой стороне заемные денежные средства в том же объеме (ст. 807 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸).

Для оценки договора займа как завуалированной взятки необходимо, чтобы данный факт усматривался из материалов дела, а также показаний сторон такого фиктивного договора, соответственно заемщика и заимодавца, относительно предмета, сроков и условий такой сделки. Важно установить наличие договоренности о совершении должностным лицом (заемщиком) конкретных действий (бездействия) в пользу заимодавца в обмен на полученные денежные средства.

Доказательственная база по делам о взяточничестве строится на установлении данных о его предмете, характере и размере. Размер взятки приобретает значение в случае его крупного или особо крупного размера и является основанием для вменения квалифицированного состава дачи или получения взятки,

и, как следствие, – влияет на обстоятельства, которые отягчают вину [Ломачев: 553].

Чаще всего в России предметом взятки являются именно деньги. Но анализ судебной практики позволяет констатировать, что предметами взятки признавались: имущественные права в виде безвозмездного пользования автомашиной⁹; в виде обедов и ужинов в ресторане общей стоимостью 5 658 666 рублей¹⁰; оформление соучредителем предприятия¹¹; освобождение от обязанностей в виде оплаты наложенного на должностное лицо штрафа¹²; право на имущество в виде подарочной карты сети магазинов¹³; а также иное имущество в виде: раков и рыбы¹⁴; верстака, песка и досок¹⁵; продуктов питания и спиртного¹⁶ и даже кресла в офис¹⁷.

Дискуссионными вопросами до настоящего времени остаются вопросы возможного отнесения к предметам взятки незаконных услуг, а также имущества, изъятого или ограниченного в обороте: поддельные денежные средства; наркотические средства и психотропные вещества; взрывчатые вещества и взрывные устройства; донорские органы.

Представляется, что поддельные денежные знаки, несмотря на отсутствие у них свойства оборотоспособности, продолжают сохранять свою вещно-правовую природу и относятся к такому предмету получения взятки как иное имущество.

В остальных случаях необходимо исходить из цен, сформированных на такие предметы на рынке незаконных услуг.

Отдельно следует остановиться на вопросе возможного отнесения к предмету взятки неимущественных услуг в виде услуг сексуального характера.

Некоторые ученые высказываются против признания оказания таких услуг разновидностью взятки по двум причинам: 1) спорным является признание услуг, исключенных из легального оборота, услугами имущественного характера [Грошев: 57]; 2) проблемным представляется определение в таких случаях размера взятки [Лопашенко: 84–85].

Представляется обоснованным вывод, что необходимо исходить из субъективных представлений должностного лица о «неимущественности» или «имущественности» такой услуги в конкретном случае. Если должностным лицом воспринято получение сексуальной услуги как возможность не платить за нее, такая услуга должна представлять собой предмет рассматриваемого преступления.

Если нелегальная услуга оказывается должностному лицу третьим лицом на платной основе, но оплачивается лицом, заинтересованным в определенном служебном поведении должностного лица, то есть все основания для признания такой услуги взяткой, так как имеет место освобождение должностного лица от имущественных затрат [Любавина: 11].

Согласимся здесь и с П. Яни, подчеркивающим, что сексуальные услуги могут признаваться предметом взятки не только при оплате их самим взяткодателем, приводя пример, когда за подобное вознаграждение сотрудники милиции освобождали задержанных бандитов, а оказывали милиционерам эти услуги «подшефные» бандитам проститутки, которым бандиты, разумеется, не платили [Яни: 18].

Размер взятки в виде оказания сексуальных услуг должен быть рассчитан исходя из всех обстоятельств дела и цен, сформированных на такие услуги на «черном рынке».

Характерной особенностью взяточничества является способ, который является обстоятельством, требующим тщательного установления и доказывания. При этом традиционный способ совершения преступления в случае взяточничества имеет более развернутый характер и представляет собой целенаправленные действия по подготовке, маскировке, непосредственно совершения и сокрытия взяточничества.

Среди способов совершения указан способ маскировки, то есть вуалирование криминальной сущности деяний, направленных на сокрытие не только факта дачи-получения взятки, но и на придание правомерного вида совершаемым действиям, попытки исключения контакта взяткодателя и взяткополучателя или придания вида гражданско-правовых отношений, внедрение лица, выполняющего посреднические функции [Степаненко: 2015].

В литературе встречается статистика в части способа совершения взяточничества. Отмечается, что взяточничество совершается, как правило, скрытно, в отсутствие посторонних лиц (79 % случаев при получении взятки, 20 % – при даче взятки), завуалированными способами [Кузнецова: 33].

В современных условиях приемы сокрытия взяточничества стали более технологичными. Наиболее «продвинутые» взяточники используют систему биткоинов, полагаясь на невозможность отслеживания операций. В более упрощенном варианте для исключения личных контактов могут использоваться переводы на банковские карты. Известны случаи наивного полагания, что факт передачи останется невозможным для установления и виновные лица осуществляют передачу-получение денежной суммы, выступающей предметом взятки, на зарплатную банковскую карту. В отдельных случаях осуществляется попытка увеличить временной промежуток между совершением определенных действий и передачей взятки за них. В целях сокрытия преступления довольно часто незаконное имущественное вознаграждение хранится в потайных местах, сейфах. Открываются счета на подставных лиц, используются пластиковые карты, сберегательные книжки родственников.

Таким образом, несмотря на достаточно условное деление способов в зависимости от стадии совершения преступления, подлежат доказыванию все возможные варианты деяния, подтверждающие в конечном счете умысел виновного. Более того, все хитрости и уловки не только не способствуют сокрытию преступления, но и дополнительно свидетельствуют о преступной направленности и характере умысла.

Объективная сторона преступления зачастую свидетельствует о направленности умысла и виновности лица в целом. Как уже было отмечено, специфический способ взяточничества во многом доказывает субъективную сторону преступления, в которую входят умысел, мотив и цель. Данные обстоятельства имеют непосредственную внутреннюю связь между собой, в связи с чем доказывание предполагает источником те же самые сведения, собирание и установление которых свидетельствовали бы о неопровержимой причастности к взяточничеству [Алиева: 2016].

Виновность лица должна четко свидетельствовать о намерении совершить именно взяточничество, поскольку неустановление умысла может свидетельствовать как об ином преступлении, так и в целом об отсутствии состава преступления.

При получении взятки мотив зачастую является корыстным, в то время как дача взятки характеризуется желанием лица достичь личных целей (получение лицензии, участка земли в престижном месте, непривлечение к ответственности и т. п.).

Заметим, что зачастую в литературе уделяется недостаточное внимание установлению субъективных признаков взяточничества, что, на наш взгляд, требует более детального изучения, поскольку субъективная сторона не только дает возможность отграничить смежные составы преступлений, но и свидетельствует о направленности умысла лица, совершающего преступления, связанные со взяточничеством, а также согласно ст. 73 УПК РФ существует обязанность устанавливать виновность лица, а также мотивы преступлений.

Несмотря на то, что в преступлениях, предусмотренных ст. 290–291.2 УК РФ, мотивы и цели не являются обязательными признаками субъективной стороны, согласно УПК РФ их все же устанавливать необходимо.

Обстоятельства, характеризующие личность виновного, входят в предмет доказывания по делам о взяточничестве и образуют совокупность как личных анкетных данных, так и данных о субъектном составе совершаемого или уже совершенного преступления. Заметим, что перечень сведений о субъектном составе и личности не является исчерпывающим, и с учетом конкретных обстоятельств может возникнуть надобность в установлении иных сведений.

Характерной особенностью взяточничества является наличие двух и более лиц, которые вовлечены в преступную деятельность, вплоть до группы лиц, поэтому установлению подлежит роль каждого в совершении преступлений. Так, взятка в 76 % случаев передавалась лично, в 18 % – через посредников, в 6 % – другими способами¹⁸.

Среди наиболее важных обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о взяточничестве, является установление правового статуса виновного, его должностного положения и характера совершенных им действий, входящих в его компетенцию или же нет, то есть могло ли лицо согласно своим должностным инструкциям (или иным документам) совершить в интересах взяткодателя те или иные действия или оно использовало свои личные (деловые, дружеские) связи, и решение определенных вопросов не входит в круг его полномочий [Шило: 2012].

Итак, при определении правового статуса должностного лица важно помнить, что взяткополучателем может выступать лишь должностное лицо, в противном случае состав получения взятки отсутствует. В качестве должностных лиц могут рассматриваться лишь представители власти, а также лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях.

Обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания необходимо обязательно устанавливать ввиду самой конструкции нормы, предусмотренной ст. 291 УК РФ, согласно которой имеют значение такие обстоятельства, как наличие/отсутствие факта вымогательства, поскольку это имеет значение:

а) для взяткодателя – если в отношении него имело место такое вымогательство и это будет установлено, лицо освобождается от уголовной ответственности;

б) для взяткополучателя – вымогательство взятки является основанием для квалификации его действий как квалифицированного вида получения взятки по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Также имеет значение установление факта добровольности сообщения о даче взятки компетентным органам, что также является основанием для применения нормы об освобождении от уголовной ответственности.

Подводя итог данного исследования, отметим, что при расследовании уголовных дел, связанных со взяточничеством, важное значение имеет установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, согласно ст. 73 УПК РФ, однако с учетом специфики указанно-

го вида преступлений дополнительной детализации подлежат такие обстоятельства, как событие преступления, предмет взяточничества, способ совершения и сокрытия взяточничества, характер действий (бездействия) в интересах взяткодателя, круг участников взяточничества, а также признаки субъективной стороны, такие как виновность, мотив и цели. Считаем необходимым продолжить исследования субъективной стороны взяточничества в уголовно-процессуальном смысле, на его основе дополнительно описать частный предмет доказывания по делам о взяточничестве и выделить в качестве специфических черт особенности мотивационной сферы виновного лица.

Примечания

¹ П. 3, п. 25 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.04.2022).

² П. 45 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.04.2022).

³ П. 13, п. 47 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.04.2022).

⁴ Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 738/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 3 от 25 декабря 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/Perechni_ot_25_12_2020_N738_11_3.pdf.

⁵ Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 10.04.2022).

⁶ Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 10.04.2022).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34481/ (дата обращения: 10.04.2022).

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ade1a56b9fd08842b5355739ce8b3618593c5f83/ (дата обращения: 10.04.2022).

⁹ Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 11 мая 2011 г. № 38-О11-2. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=321464#zns6P5TmOntAMsEn> (дата обращения: 10.04.2022).

¹⁰ Бюллетень Верховного суда РФ, 1998, № 5.

¹¹ Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 23 нояб. 2010 г. по делу № 48-010-124. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2022).

¹² Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 29 мая 2013 г. № 75-АПУ13. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2022).

¹³ Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 11 июня 2013 г. № 58-АПУ13. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁴ Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 2 окт. 2012 г. № 16-О12-48. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁵ Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 2 июля 2009 г. № 4-О31/09. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁶ Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 28 авг. 2012 г. № 14-О12-17. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁷ Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 3 нояб. 2009 г. № 85-009-30-СП. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁸ Чупахин Р.В. Расследование взяточничества: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/rassledovanie-vzyatochnichestva-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (дата обращения: 15.04.2022).

Список литературы

Алиева Г.А. Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа в жилищно-коммунальном хозяйстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2016. 22 с.

Аннан К.А. Предисловие к Конвенции ООН против коррупции. Нью-Йорк, 2004. 62 с.

Гармаев Ю.П., Степаненко Р.А. Коррупционное посредничество и связанное с ним мошенничество как объекты уголовно-правовых и криминалистических исследований // *Lex russica*. 2017. № 10 (131). С. 131–146.

Грошев А. О проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // *Уголовное право*. 2013. № 5. С. 53–60.

Коловоротный А.А., Шарков В.А. Особенности планирования расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1727–1727.

Кузнецова И.А., Шурухнов Н.Г., Савченко Н.И. Сведения о способах получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве (статьи 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), приемах сокрытия, их взаимосвязь и роль в расследовании // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 1 (38). С. 28–35.

Ломачев В.П., Шпак Н.М. Совершенствование методики расследования взяточничества как формы проявления коррупции // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Краснодар: Кубанский государственный. 2016. С. 552–554.

Лопашенко Н. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. 2013. № 5. С. 84–85.

Любавина М.А. Квалификация взяточничества (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. 156 с.

Степаненко Р.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2015. 261 с.

Филатова Т.В. К вопросам об обстоятельствах, подлежащих установлению при расследовании взяточничества как проявления коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 147–149.

Чурилов С.Н. Интерпретация общего предмета доказывания применительно к особенностям расследования конкретного вида преступлений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 1 (25). С. 53–60.

Шахбазов Р.Ф. Некоторые особенности возбуждения уголовного дела, организации и планирования расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 2. С. 78–79.

Шило А.И. Алгоритм расследования взяточничества // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-rassledovaniya-vzyatochnichestva> (дата обращения: 01.11.2021).

Яни П. Вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2013. № 3. С. 16–21.

munal'nom khoziaistve: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Methodology for investigating bribery and commercial bribery in housing and communal services, PhD thesis, summary]. Moscow, 2016, 22 p. (In Russ.)

Annan K.A. *Predislovie k Konventsii OON protiv korruptsii* [Preface to the United Nations Convention against Corruption]. New York, 2004, 62 p. (In Russ.)

Garmaev Iu.P., Stepanenko R.A. *Korruptsionnoe posrednichestvo i sviazannoe s nim moshennichestvo kak ob"ekty ugovolno-pravovykh i kriminalisticheskikh issledovaniy* [Corrupt mediation and related fraud as objects of criminal law and forensic research]. *Lex russica* [Lex russica], 2017, № 10 (131), pp. 131–146. (In Russ.)

Groshev A. *O proekte postanovleniia Plenuma Verkhovnogo Suda RF "O sudebnoi praktike po delam o vziatochnichestve, kommercheskom podkupe i inykh korruptsionnykh prestupleniakh"* [On the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of bribery, commercial bribery and other corruption crimes"]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2013, № 5, pp. 53–60. (In Russ.)

Kolovorotnyi A.A., Sharkov V.A. *Osobennosti planirovaniia rassledovaniia prestuplenii* [Peculiarities of Crime Investigation Planning]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern Problems of Science and Education], 2014, № 6, pp. 1727–1727. (In Russ.)

Kuznetsova I.A., Shurukhnov N.G., Savchenko N.I. *Svedeniia o sposobakh polucheniia, dachi vziatki, posrednichestva vo vziatochnichestve (stat'i 290, 291, 291.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii), priemakh sokrytiia, ikh vzaimosviaz' i rol' v rassledovaniy* [Information about the methods of receiving, giving a bribe, mediation in bribery (Articles 290, 291, 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), methods of concealment, their relationship and role in the investigation]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Security. Emergencies], 2018, № 1 (38), pp. 28–35. (In Russ.)

Lomachev V.P., Shpak N.M. *Sovershenstvovanie metodiki rassledovaniia vziatochnichestva kak formy proiavlenniia korruptsii* [Improving the methodology for investigating bribery as a form of manifestation of corruption]. *Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa* [Scientific support of the agro-industrial complex]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2016, pp. 552–554. (In Russ.)

Lopashenko N. *O nekotorykh problemakh ponimaniia i tolkovaniia vziatochnichestva i kommercheskogo podkupa (kvalifikatsionnye problemy)* [On some problems of understanding and interpretation of bribery and commercial bribery (qualification problems)]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2013, № 5, pp. 84–85. (In Russ.)

Liubavina M.A. *Kvalifikatsiia vziatochnichestva (st. st. 290, 291, 291.1, 291.2 UK RF)*. [Qualification of bribery (Articles 290, 291, 291.1, 291.2 of the Crimi-

References

Alieva G.A. *Metodika rassledovaniia vziatochnichestva i kommercheskogo podkupa v zhilishchno-kom-*

nal Code of the Russian Federation)]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2018, 156 p. (In Russ.)

Stepanenko R.A. *Osobennosti metodiki rassledovaniia prestuplenii, svyazannykh s posrednichestvom vo vziatochestve: dis. ... kand. iurid. nauk* [Features of the methodology for investigating crimes related to mediation in bribery: PhD thesis]. Ulan-Ude, 2015, 261 p. (In Russ.)

Filatova T.V. *K voprosam ob obstoiatel'stvakh, podlezhashchikh ustanovleniiu pri rassledovanii vziatochestva kak proiavleniia korrupsii* [To questions about the circumstances to be established during the investigation of bribery as a manifestation of corruption]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, № 1, pp. 147–149. (In Russ.)

Churilov S.N. *Interpretatsiia obshchego predmeta dokazyvaniia primenitel'no k osobennostiam rassledovaniia konkretnogo vida prestuplenii* [Interpretation of the general subject of proof in relation to the peculiarities of the investigation of a particular type of crimes]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences], 2017, № 1 (25), pp. 53–60. (In Russ.)

Shakhbazov R.F. *Nekotorye osobennosti vozbuzhdeniia ugolovnoogo dela, organizatsii i planirovaniia rassledovaniia nezakonnoogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv* [Some features of the initiation of a criminal case, organization and planning of the investigation of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances]. *Dukhovnaia situatsiia vremeni. Rossiia XXI vek* [Spiritual situation of the time. Russia XXI century], 2015, № 2, pp. 78–79. (In Russ.)

Shilo A.I. *Algoritm rassledovaniia vziatochestva* [Algorithm for investigating bribery]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2012, № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-rassledovaniya-vzyatochestva> (access date: 01.11.2021). (In Russ.)

Iani P. *Voprosy kvalifikatsii vziatochestva* [Questions of qualification of bribery]. *Zakonnost'* [Legitimacy], 2013, № 3, pp. 16–21. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ПЕДАГОГИКИ

Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_bril@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4750-8341>

Ганжа Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, Костромской государственной университет Кострома, Россия, nat_ganzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>

Лукоянов Денис Николаевич, кандидат юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, denis_lykoyanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4585-6825>

Тимофеева Яна Васильевна, Управление Федеральной службы судебных приставов по Костромской области, Кострома, Россия, yana.shelepova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8120-8193>

Аннотация. В статье проводится исследование нормативно-правового регулирования сферы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, анализируется система органов и учреждений, функционирующих в данной области правоотношений. Авторами отмечаются недостатки в действующем законодательстве о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предложены конкретные пути их устранения. В статье затронуты проблемы законодательного закрепления принципов деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; нормативного определения отдельных терминов законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; перечисления круга субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Сделан вывод о том, что внедрение волонтерских организаций позволит помочь органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на более высоком уровне осуществлять индивидуальную и непосредственную профилактическую работу с несовершеннолетними, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, а также установить баланс интересов самого несовершеннолетнего и членов его семьи.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика правонарушений, профилактика безнадзорности, волонтерские организации, волонтерская деятельность.

Для цитирования: Бриль Г.Г., Ганжа Н.В., Лукоянов Д.Н., Тимофеева Я.В. Проблемы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: вопросы современной юридической практики и педагогики // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 247–252. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-247-252>

Research Article

PROBLEMS OF PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY: ISSUES OF MODERN LEGAL PRACTICE AND PEDAGOGY

Gennadiy G. Bril, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_bril@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4750-8341>

Natalia V. Ganzha, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nat_ganzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>

Denis N. Lukoyanov, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, denis_lykoyanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4585-6825>

Yana V. Timofeeva, Departments of the Federal Bailiff Service in Kostroma Region, Kostroma, yana.shelepova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8120-8193>

Abstract. The article examines the regulatory regulation of the sphere of prevention of neglect and juvenile delinquency, it analyses the system of bodies and institutions functioning in this area of legal relations. The authors note the shortcomings in the current legislation on the prevention of neglect and juvenile delinquency, and suggest specific ways to eliminate them. The article touches upon the problems of legislative consolidation of the principles of activities for the prevention of neglect and juvenile delinquency; normative definition of certain terms of legislation on the prevention of neglect and juvenile

delinquency; enumeration of the range of subjects of prevention of neglect and juvenile delinquency. It is concluded that the introduction of volunteer organisations will help the bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency at a higher level to carry out individual and direct preventive work with minors who find themselves in a difficult life situation, as well as to establish a balance of interests of the minor and its family members.

Keywords: minors, prevention of offences, prevention of neglect, volunteer organisations, volunteer activities.

For citation: Bril' G.G., Ganzha N.V., Lukoyanov D.N., Timofeeva Y.V. Problems of prevention of neglect and juvenile delinquency: issues of modern legal practice and pedagogy. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 247–252 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-247-252>

В настоящее время вопрос о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и соблюдения ими норм права и морали является чрезвычайно актуальным. Это связано с тем, что несовершеннолетние, особенно подростки, представляют собой уязвимую демографическую группу. В некоторых случаях она подвержена влиянию и внушению со стороны взрослых, предлагающих деструктивные модели поведения.

Несовершеннолетние лица не обладают достаточным жизненным опытом и имеют не до конца сформированный психоэмоциональный характер, поэтому в условиях информатизации, свободного доступа к интернету и ряда других семейно-бытовых факторов могут быть вовлечены в противоправные действия.

Так, в России за 2020 год было зарегистрировано 2 044 221 преступление, однако выявлено всего лишь 852 506 лиц, совершивших деяния, из которых 33 575 составили деяния, осуществленные несовершеннолетними или с их участием¹. За 2021 год было выявлено 840 320 лиц, совершивших противоправные деяния, из которых 29 126 лиц составили несовершеннолетние дети, что на 13,3 % меньше по сравнению с 2020 годом².

В Костромской области за 2019 год было выявлено 8 275 преступлений, 227 из которых совершены несовершеннолетними. 2020 год показывает увеличение числа преступлений, число которых составило 9 114 преступлений. При этом количество деяний, совершенных несовершеннолетними, снизилось и составило 158. За 2021 год наблюдается некое снижение числа общих преступлений, число которых составило 8 927, 155 из которых были совершены несовершеннолетними, что на 1,9 % меньше по сравнению с прошедшим годом. Это было достигнуто в результате адресной работы с несовершеннолетними³. Несмотря на рост общего числа преступлений в Костромской области, количество преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами с 2019 по 2021 годы, снижается. Эти данные свидетельствуют о том, что динамика количества преступлений, совершенных лицами, не достигшими 18 лет, в Костромской области совпадает с общей тенденцией в Российской Федерации.

Согласно статье 18 Конвенции о правах ребенка, принятие и обеспечение признания принципа об-

щей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка является обязанностью всех государств-участников⁴. Такое положение находит свое отражение в статье 38 Конституции Российской Федерации, в силу которой забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей⁵. В обеспечение реализации вышеуказанных норм был разработан «План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года», утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р⁶. Одной из целей вышеуказанного Плана является создание благоприятных условий для гармоничного развития детей. К задачам, стоящим перед реализуемой программой, прежде всего относят формирование навыков культуры здоровья семьи как базовой ценности. Данные ценности должны не только быть продиктованы нормами закона, но и установленным микроклиматом в семье, который позволит сформировать в несовершеннолетних ценности общества и предупредит их нарушения. Следует отметить, что в неблагополучных семьях, в семьях, где родители ведут аморальный образ жизни, невозможно в должной и необходимой мере создать пример правомерного поведения, сформировать у детей, находящихся в таких семьях, уважительное отношение к обществу, государству и, прежде всего, к закону, что тем самым провоцирует их на совершение противоправных деяний.

В этой связи особое значение приобретает осуществление специальных социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, которые приводят к безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних.

Одним из основных законодательных актов, регулирующих деятельность субъектов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ). Несмотря на всю значимость нормативно-правового регулирования сферы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершенно-

летних, указанный закон имеет определенные недостатки, которые влияют на эффективность применения соответствующих норм. Если говорить о концептуальных проблемах, то следует отметить, что данный закон не охватывает всю совокупность общественных отношений в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в частности, это касается видов профилактики, форм профилактической деятельности, участия институтов гражданского общества.

Первая проблема связана с законодательным закреплением принципов деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Статья 2 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ посвящена основным задачам и принципам деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В части 2 данной статьи приводится перечень указанных принципов. Представляется, что для закрепления принципов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних следует учитывать нормы статьи 4 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ), являющегося общим по отношению к Федеральному закону от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ. С учетом этого, на наш взгляд, следует дополнить часть 2 статьи 2 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ принципом приоритета прав и законных интересов несовершеннолетнего при осуществлении профилактики безнадзорности и правонарушений, и начать перечисление именно с него.

В этой связи предлагаем изложить часть 2 статьи 2 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ в следующей редакции:

«2. Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется на основе следующих принципов:

1) приоритет прав и законных интересов несовершеннолетнего при осуществлении профилактики безнадзорности и правонарушений;

2) законность;

3) демократизм;

4) гуманное обращение с несовершеннолетним;

5) поддержка семьи и взаимодействие с ней;

6) индивидуальный подход к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации;

7) государственная поддержка деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

8) обеспечение ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних».

Вторая проблема связана с отсутствием в Федеральном законе от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» нормативного определения отдельных терминов, имеющих решающее значение для применения положений данного закона. Несмотря на то, что статья 1 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ посвящена легальным дефинициям основных терминов, используемых в законе, некоторые из таких терминов не получили законодательного закрепления (например, трудная жизненная ситуация, социально опасное положение и другие). На отсутствие в данном законе понятия «трудная жизненная ситуация» указывают в научной литературе [Евстифеева, Дородонова: 61]. Тем не менее в действующем законодательстве указанный термин используется. В частности, в статье 1 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» содержится соответствующая дефиниция. В таком случае возникает вопрос о возможности ее использования применительно к общественным отношениям, регулируемым Федеральным законом от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ. Представляется целесообразным дополнить статью 1 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ необходимыми дефинициями, что позволит облегчить применение положений данного закона. Однако для этого потребуется дополнительное изучение всех используемых в Федеральном законе от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ специальных терминов.

В целях профилактики безнадзорности, а также противоправного поведения подростка существуют различные правовые механизмы, предусмотренные статьей 17 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ, позволяющие снизить процент правонарушений среди несовершеннолетних и побудить их к правопослушному поведению. К основным и действенным формам воздействия относят профилактический учет и профилактический надзор не только самого несовершеннолетнего, но и семьи, в которой он содержится и воспитывается. В таких семьях, как правило, родители ненадлежащим образом исполняют или вовсе не исполняют свои обязанности по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Несовершеннолетние из таких семей обязательно должны быть поставлены на профилактический учет, и за ними должен осуществляться профилактический надзор органами и организациями, в число которых входят органы прокуратуры, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы, а также иные организации в силу части 2 статьи 17 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ.

Для профилактики правонарушений и предотвращения применения к родителям мер юридической от-

ветственности созданы различные профилактические органы и организации, позволяющие снизить противоправное поведение как самих родителей в отношении своих детей, так и побудить несовершеннолетних детей не осуществлять девиантное поведение.

Третья проблема связана с кругом субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Согласно части 1 статьи 4 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ, к числу таких органов относят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы социальной защиты населения, органы, осуществляющие управление в сфере образования – как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы. Видится неоправданным, что приведенный в законе перечень органов не содержит органы прокуратуры. Для сравнения следует отметить, что в статье 5 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ органы прокуратуры указаны в числе субъектов профилактики правонарушений, а в статье 9 закреплены их полномочия. Представляется, во-первых, не совсем удачным подход законодателя, используемый в статье 4 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ, где говорится о системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, хотя, по сути, перечисляются субъекты профилактики. Следовало бы отразить и в названии статьи 4, и в ее тексте, что речь идет о субъектах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Во-вторых, необходимо законодательно включить органы прокуратуры в число субъектов профилактики, учитывая, что данные органы наделены соответствующими полномочиями в данной сфере. Указание в части 1 статьи 4 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ на «федеральные органы государственной власти» неприменимо к органам прокуратуры. Прокуратура в силу положений статей 11 и 129 Конституции Российской Федерации не относится к органам государственной власти, а является государственным органом.

С учетом изложенного предлагаем новое название статьи 4 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ: «Статья 4. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Часть 1 статьи 4 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ целесообразно изложить в следующей редакции:

«1. Субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной

власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, органы прокуратуры, органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования (далее – органы, осуществляющие управление в сфере образования), органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции)».

На уровне субъекта Российской Федерации также могут создаваться организации, осуществляющие профилактику безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних лиц. Например, в Костромской области действует Областное государственное казенное учреждение «Костромской областной Центр социальной помощи семье и детям», который осуществляет различные виды деятельности, к которым относят социально-бытовые услуги, связанные с организацией досуга и отдыха, социально-психологические услуги, социально-трудовые услуги, социально-правовые услуги.

Также в данном Центре функционирует отделение профилактики безнадзорности несовершеннолетних, к задачам которого относят предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выявление причин и условий, способствующих этому, а также обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, разработка системы мер по стабилизации обстановки в кровной семье, созданию в ней необходимых условий для жизни и воспитания ребенка.

При этом для профилактики правонарушений большое значение имеет индивидуальная работа, как с самим несовершеннолетним, так и с членами его семьи, оказывающими на него непосредственное влияние.

Четвертая проблема связана с тем, что установленных механизмов воздействия недостаточно для профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и членов их семей. Гражданское общество должно стремиться к помощи таким семьям путем выражения активной гражданской позиции посредством осуществления волонтерской деятельности в данной области.

Так, О.Н. Жидновская и Е.В. Герасимова полагают, что волонтерская деятельность посредством осуществления наставничества несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также осуществления профилактической работы с членами семьи, в которой содержится и воспитывается несовершеннолетний, позволит в должной степени осуществить правоприменение норм Федерального закона «Об основах системы профилактики безнад-

зорности и правонарушений несовершеннолетних». Вышеназванные авторы придерживаются позиции, что у данных наставников должно быть педагогическое образование, что служит основанием для проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, которая будет производиться на добровольной основе в тесном взаимодействии с органами государственной власти и органами власти местного значения [Жидконожкина, Герасимова: 51–54].

М.Л. Корчагина в своей работе также рассматривает участие волонтеров в профилактической работе с несовершеннолетними как необходимую и нужную форму непосредственного воздействия на несовершеннолетних, находящихся в неблагоприятной жизненной ситуации. Создание же волонтерских центров и клубов помощи несовершеннолетним в каждом субъекте Российской Федерации поможет не только предупредить совершение с их стороны противоправных действий, но и помочь несовершеннолетнему стать нужным и востребованным в обществе, воспитать у них наивысшие ценности общества, сформировать уважительное отношение к закону и правопорядку [Корчагина: 273].

Согласно части 1 статьи 2 Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» одной из целей добровольческой (волонтерской) деятельности является участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Считаем, что внедрение добровольческих (волонтерских) организаций позволит помочь соответствующим органам и учреждениям тщательно осуществлять индивидуальную и непосредственную профилактическую работу с несовершеннолетними, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, помочь избежать конфликтов.

С учетом вышесказанного предлагаем изложить часть 3 статьи 4 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ в следующей редакции:

«3. Участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, других органов, учреждений и организаций осуществляется в пределах их компетенции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и (или) законодательством субъектов Российской Федерации. Добровольческие (волонтерские) организации вправе участвовать в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Предложенные изменения позволяют включить в механизм профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних добровольческие (волонтерские) организации.

Установление внутриведомственных партнерских отношений органов прокуратуры, органов внутренних дел, учреждений уголовно-исполнительной системы, а также иных органов и организаций, осуществляющих работу, направленную на профилактику безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, с институтами гражданского общества в лице волонтерского движения позволит не только повысить эффективность работы вышеуказанных органов, но и уменьшить безнадзорность несовершеннолетних, не допустить совершение противоправных поступков среди них; кроме того, будет способствовать популяризации добровольческих и волонтерских организаций, повышению престижа содействия граждан в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Все эти меры послужат надежной основой обеспечения общественного порядка и безопасности государства в целом.

Примечания

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 год // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 21.02.2022).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 год // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения 21.02.2022).

³ Состояние преступности за 2019–2021 годы по Костромской области. URL: <https://44.мвд.рф/Dejatelnost/statistika-i-analitika/sostoyanie-prstupnosti/item/28336934/> (дата обращения: 21.02.2022).

⁴ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989): (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

⁵ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.02.2022).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 5. Ст. 914.

Список литературы

Евстифеева Е.В., Дородонова Н.В. К вопросу о правовой регламентации юридических категорий

в сфере профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 61.

Жидконозжкина О.Н., Герасимова Е.В. О практике привлечения граждан к профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Материалы региональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 6 декабря 2019 года / сост. А.А. Сарсенова, Э.Х. Мамедов. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 51–54.

Корчагина Л.М. Опыт профилактики девиантного поведения подростков // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов / под общей редакцией Д.В. Сочивко. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 268–273.

References

Evstifeeva E.V., Dorodonova N.V. *K voprosu o pravovoi reglamentatsii iuridicheskikh kategorii v sfere profilaktiki beznadzornosti, besprizornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh* [On the issue of legal regulation of legal categories in the field of prevention of neglect, homelessness and juvenile delinquency]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2018, № 6 (125), p. 61.

Zhidkonozhkina O.N., Gerasimova E.V. *O praktike privlecheniia grazhdan k profilaktike beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh* [On the practice of involving citizens in the prevention of neglect and juvenile delinquency]. *Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of the regional scientific and practical conference]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., 2020, pp. 51–54.

Korchagina L.M. *Opyt profilaktiki deviantnogo povedeniia podrostkov* [Experience in preventing deviant behavior of adolescents]. *Psikhologiiia XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiia: sbornik materialov Vserossiiskogo simpoziuma psikhologov, pod obshchei redaktsiei D.V. Sochivko* [Psychology of the 21st century: challenges, searches, vectors of development: a collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists]. Riazan', Akademiia FSIN Rossii Publ., 2019, pp. 268–273.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИРОДООХРАННЫХ ПРОКУРАТУР, СОЗДАННЫХ ПО БАСЕЙНОВОМУ (ЭКОСИСТЕМНОМУ) ПРИНЦИПУ

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, vgruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Ганжа Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nat_ganzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>

Орловская Ирина Викторовна, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, irinorlovskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9215-7181>

Столяров Алексей Сергеевич, заместитель директора департамента по труду и социальной защите населения Костромской области, Кострома, Россия, asstolyarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8451-7282>

Аннотация. В современном мире наблюдается тенденция цифровизации всех сфер общества, данный процесс затронул в том числе и надзорную деятельность органов прокуратуры. Ввиду специфики внутриведомственного устройства первые попытки в какой-то степени цифровизировать свою деятельность предпринимала Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура, созданная по бассейновому принципу. В дальнейшем опыт работы данной прокуратуры был положен в основу повсеместной цифровой трансформации органов прокуратуры. В статье раскрывается содержание концепции цифровой трансформации органов прокуратуры, современное состояние дел на данном направлении, приводится зарубежный опыт работы прокуроров, отмечаются достоинства и недостатки в работе национальной системы цифровизации органов прокуратуры, вносятся предложения. Авторами сделан вывод о том, что, несмотря на сложность процесса цифровизации органов прокуратуры, автоматизированные программы, электронный документооборот, внедрение возможностей искусственного интеллекта только повысят ее скорость, качество, точность, поднимет уровень работы правоохранительных органов на совершенно иной уровень, что, безусловно, будет способствовать укреплению законности и правопорядка в России.

Ключевые слова: прокуратура, природоохранная прокуратура, специализированная прокуратура, прокурорский надзор, бассейновый принцип, экосистемный принцип, экология, экологические права, экологическая безопасность, цифровая трансформация, цифровизация, высокотехнологичный надзор, цифровая инфраструктура, среда доверия.

Для цитирования: Груздев В.В., Ганжа Н.В., Орловская И.В., Столяров А.С. Цифровизация как средство повышения эффективности надзорной деятельности природоохранных прокуратур, созданных по бассейновому (экосистемному) принципу // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 253–266. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-253-266>

Research Article

DIGITALISATION AS A MEANS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE SUPERVISORY ACTIVITIES OF ENVIRONMENTAL PROSECUTOR'S OFFICES ESTABLISHED ON THE BASIN (ECOSYSTEM) PRINCIPLE

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, vgruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Natal'ya V. Ganzha, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nat_ganzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>

Irina V. Orlovskaya, Kostroma State University, Kostroma, Russian, irinorlovskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9215-7181>

Alexey S. Stolyarov, Deputy Director of the Department of Labour and Social Protection of the Population of Kostroma Region, Kostroma, Russia, asstolyarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8451-7282>

Abstract. In the modern world, there is a tendency to digitalise all spheres of society; this process has also affected the supervisory activities of the prosecutor's office. Due to the specifics of the intradepartmental structure, the first attempts to digitalise

its activities to some extent were made by the Volga Interregional Environmental Prosecutor's Office, created according to the basin principle. With time, the experience of this prosecutor's office was the basis for the widespread digital transformation of the prosecutor's office. The article reveals the content of the concept of digital transformation of the prosecutor's office, the current state of affairs in this area; it provides foreign experience of prosecutors, highlights the advantages and disadvantages in the work of Russian system of digitalisation of the prosecutor's office; we make suggestions. The authors concluded that, despite the complexity of the digitalisation process of the prosecutor's office, automated programmes, electronic document management, the introduction of artificial intelligence capabilities into the work, would only increase the speed, quality, accuracy, work, raise the level of law enforcement agencies to a completely different level with undoubted contribution to strengthening the rule of law and order in Russia.

Keywords: prosecutor's office, environmental prosecutor's office, specialised prosecutor's office, prosecutor's supervision, basin principle, ecosystem principle, ecology, environmental rights, environmental safety, digital transformation, digitalisation, high-tech supervision, digital infrastructure, trust environment.

For citation: Gruzdev V.V., Ganzha N.V., Orlovskaya I.V., Stolyarov A.S. Digitalisation as a means of increasing the effectiveness of the supervisory activities of environmental prosecutor's offices established according to the basin (ecosystem) principle. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 253–266 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-253-266>

В условиях глобализации и формирования новой системы мироустройства на первый план среди приоритетов мирового сообщества выдвигаются вопросы защиты и сохранения окружающей природной среды. Загрязнение, а порой и полное уничтожение окружающей природной среды и ее компонентов являются результатом антропогенной деятельности, зачастую противоречащей законам природы.

Обозначенная проблема не имеет национальных границ и требует оперативного принятия всеми государствами скоординированных решений.

Сегодня именно Россия играет ключевую роль в поддержании глобальных функций биосферы, так как на ее обширных территориях, занятых различными природными экосистемами, представлена значительная часть биоразнообразия Земли. Масштабы природно-ресурсного, интеллектуального и экономического потенциала Российской Федерации обуславливают важную роль России в решении глобальных экологических проблем¹.

Однако решению глобальных экологических проблем должно предшествовать создание в самой России правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе и права каждого на благоприятную окружающую среду². Для этого необходимо создание эффективного правового механизма обеспечения сохранения природной среды и экологической безопасности, защиты экологических прав каждого, совершенствование законодательного регулирования и правоприменения в целях реализации принципов неотвратимости наказания и справедливости.

Представляется, что достижение высоких результатов на обозначенном направлении возможно при условии формирования системы узкопрофильных государственных органов, специализирующихся в сфере охраны окружающей природной среды

и обеспечении экологической безопасности, а также модернизации методов и приемов их работы. К таким органам следует отнести, в частности, и систему природоохранных прокуратур.

Еще выдающийся историк В.О. Ключевский называл прокуратуру «маховым колесом управления» [Ключевский: 32].

«Российская прокуратура в настоящем виде остается одной из основных опор государственной власти, важным механизмом реализации правовой политики обеспечения безопасности государства» [Виноградов: 22].

В ходе заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 17 марта 2020 г. президент В.В. Путин в качестве основной задачи на 2020 год определил необходимость дальнейшего совершенствования надзора за соблюдением прав граждан на благоприятную окружающую среду. При этом отмечено, что **более системного подхода требует работа специализированных прокуратур**. Указано на необходимость активизировать выявление природоохранной прокуратурой преступлений в сфере природопользования³. Схожие задачи были поставлены перед прокурорами и на 2021 год⁴.

Основными задачами в указанной сфере являются создание эффективного правового механизма обеспечения сохранения природной среды и экологической безопасности, а также совершенствование правоприменительной практики в целях обеспечения адекватной ответственности за экологические правонарушения и ее неотвратимости. Для этого необходимы: **укрепление системы прокурорского надзора и реализация мер прокурорского реагирования в области охраны окружающей среды**⁵.

В настоящее время система природоохранных прокуратур представляет собой природоохранные прокуратуры (районного звена) при прокуратурах субъектов Российской Федерации, а также межрегио-

нальные природоохранные прокуратуры специализированного типа с правами прокуратуры субъекта, созданные по так называемому бассейновому (экосистемному) принципу (концепции).

В рамках настоящей работы исследовательский интерес представляют именно природоохранные прокуратуры, созданные по бассейновому (экосистемному) принципу, поскольку именно они характеризуются нетипичной формой внутриведомственного устройства.

Прокурорским надзором как отраслью юридической науки был позаимствован принцип водного законодательства и, в частности, принцип организации управления с учетом не только административно-территориального, но и природно-географического районирования страны. То есть специализированные природоохранные прокуратуры образуются применительно к бассейнам основных внутренних морей (Каспийская бассейновая прокуратура), рек (Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура, Амурская бассейновая природоохранная прокуратура), озер (Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура) [Орловская: 184].

Представляется обоснованным следующее определение бассейнового (экосистемного) принципа внутриведомственной организации системы природоохранных прокуратур – правило организации построения органов прокуратуры, основанное на эколого-территориальном объединении поднадзорных регионов на территории относительно замкнутой экосистемы – бассейна водного объекта, не связанное с административно-территориальным делением страны, позволяющее обеспечить экосистемный подход к решению вопросов оздоровления экологической ситуации в бассейне конкретного водного объекта и его частей [Орловская: 184].

На территории Российской Федерации функционирует три природоохранные прокуратуры, созданные по бассейновому принципу:

1. Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура включает в себя 19 межрайонных природоохранных прокуратур, осуществляющих надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и о природопользовании на территории 17 субъектов Российской Федерации. Местом дислокации аппарата межрегиональной природоохранной прокуратуры является г. Тверь. В состав такой прокуратуры входят: Осташковская, Тверская, Рязанская, Костромская, Казанская, Ульяновская, Марийская, Нижегородская, Череповецкая, Чебоксарская, Астраханская, Волгоградская, Ивановская, Ярославская, Саратовская, Самарская, Махачкалинская, Дербентская, Северо-Каспийская межрайонные природоохранные прокуратуры;

2. Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура с местом дислокации в г. Иркутске

и в г. Улан-Удэ. Полномочия Байкальского межрегионального природоохранного прокурора распространяются на территорию трех регионов: Иркутской области, Забайкалья и Республики Бурятия.

3. Амурская бассейновая природоохранная прокуратура. Местом дислокации прокуратуры является г. Хабаровск. В ее состав входят семь межрайонных природоохранных прокуратур, охватывая территорию пяти регионов России: Забайкальского, Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Еврейской автономной областей.

Все три поименованные прокуратуры подчинены напрямую Генеральному прокурору Российской Федерации.

Анализируя столь сложную и специфическую систему внутриведомственной организации природоохранных прокуратур, созданных по бассейновому принципу, вполне закономерно возникает вопрос, каким образом достигается оперативность и эффективность надзора на столь значительных по площади и по протяженности поднадзорных территориях.

Как, находясь в Твери, оперативно можно координировать работу правоохранительных органов Республики Дагестан, Республики Калмыкия, Астраханской, Волгоградской областей и др. Как, находясь в Твери, обеспечить надлежащее разрешение экологической проблемы, возникшей, например, в г. Шарья Костромской области. Только от Твери до Шарьи расстояние составляет почти 600 км.

Представляется, что получение полной и достоверной картины состояния законности в сфере охраны природы соответствующего региона, своевременное реагирование на экологические правонарушения межрегионального характера, проведение проверок одновременно по всему экологически неблагополучному региону, а то и по нескольким одновременно, принятие своевременных и действенных мер реагирования при организации работы прокуратуры по бассейновому принципу возможно только посредством использования потенциала цифровизации.

Международный опыт показывает, что внедрение цифровых технологий в государственное управление – неизбежный и интенсивный процесс.

В начале текущего столетия Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, выступая с докладом «Мы, народы: роль ООН в XXI веке», обозначил процессы в области глобальных средств коммуникации как всемирный вызов нового века и отметил, что «интернет представляет собой... самое быстрорастущее средство коммуникации и, вероятно, наиболее быстро распространяющийся инструмент из всех, которые когда-либо существовали»⁶.

Так, число пользователей интернета в 2020 году выросло до 4,54 млрд человек, а число пользователей социальных сетей в 2020 году составило 3,8 млрд че-

ловека, рост данных показателей составил более 7 % и 9 % соответственно к предыдущему 2019 году⁷.

В России примерно 92,1 % организаций использует персональные компьютеры⁸.

Развитие цифровых коммуникационных сетей «человек – человек», «человек – бизнес», «человек – государство» и «бизнес – государство» устраняет множество личностных, технических и бюрократических препятствий, что обуславливает стремительное внедрение научно-технологического прогресса в работу всех государственных структур.

Исключением не стала и прокуратура Российской Федерации. В сентябре 2017 года Генеральным прокурором Российской Федерации была утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года⁹ (далее по тексту – Концепция цифровой трансформации), согласно которой цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры РФ направлена на повышение эффективности ее деятельности, более оперативную реализацию надзорных функций, создание собственной цифровой инфраструктуры и улучшение взаимодействия ее с обществом.

Цифровая трансформация органов прокуратуры производится по следующим направлениям:

1-е направление. Высокотехнологичный надзор – формирование на основе комплексной оптимизации выполнения надзорных функций единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами, внедрение современных механизмов и технологий противодействия киберпреступности и правонарушениям в цифровой среде;

2-е направление. Цифровая инфраструктура – обеспечение реализации нового качества электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней с гражданами, организациями, государственными органами на основе создания безопасной высокотехнологичной универсальной цифровой среды;

3-е направление. Среда доверия – обеспечение технической, организационной и правовой защиты интересов граждан, бизнеса и государственных интересов при осуществлении взаимодействия в обновленной цифровой экосистеме органов прокуратуры¹⁰.

Сегодня в России органы прокуратуры в своей работе активно используют ведомственную Информационную систему обеспечения надзора за исполнением законов и государственную автоматизированную систему правовой статистики ГАС ПС; Автоматизированные информационные комплексы АИК «НАДЗОР» и АИК «КАДРЫ-ОП»; Автоматизированные информационные системы АИС «Парус», АИС «Архивное дело ОП», АИС «Пенсия»; автоматизированное рабочее место АРМ «Статистика»; Информационно-

аналитический ресурс «Портал правовой статистики» (crimestat.ru), официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (genproc.gov.ru).

Выступая на заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 17 марта 2020 года, Президент России В.В. Путин отметил крайнюю важность системной работы органов прокуратуры по внедрению цифровых технологий и указал на необходимость в ближайшее время завершить формирование современной информационной инфраструктуры ведомства и тем самым повысить эффективность надзорных мероприятий, деятельности органов прокуратуры в целом. Основной принципиальной задачей внедрения цифровых технологий в работу органов прокуратуры Президент России считает налаживание удобных, доступных инструментов обратной связи с гражданами, включая оперативную реакцию на их жалобы, конкретные вопросы, которые у них возникают, обращения, связанные с нарушением их трудовых, социальных прав, предпринимательских свобод¹¹.

Специфика прокурорской деятельности в цифровой среде заключается в оптимальном и адекватном каждой конкретной задаче и ситуации использовании информационно-коммуникационных технологий, реализации всех прокурорских функций с использованием современных программно-аппаратных средств.

Следует констатировать, что сегодня цифровизация работы прокуроров сводится к переходу на электронный документооборот и на частичную цифровизацию вопросов внутренней работы: например, работа с кадрами (АИК «КАДРЫ-ОП», АИС «Пенсия»), аккумуляция статистических данных о работе самого прокурора, прием электронных обращений.

Э.Б. Хатовым отмечается, что «...расширение апробированной в рамках пилотного проекта модуля ГАС Правовая статистика “Учет работы прокуроров” (УРП) позволит решить актуальные вопросы снижения трудозатрат в процессе сбора и обработки статистической информации, повышения ее прозрачности и достоверности, качества аналитической работы и эффективности межведомственного взаимодействия. Прокурорам не придется тратить несколько дней, в том числе выходные и праздничные, на составление статистической отчетности, в том числе по показателям, характеризующим вопросы борьбы с коррупцией, она будет формироваться за считанные минуты, причем в звеньях прокурорской системы. Программа обеспечивает возможность доступа не только к статистической информации, но и к актам прокурорского реагирования по выявленным нарушениям коррупционного характера, исключая сложившуюся практику личного предоставления их копий в вышестоящую прокуратуру в дни сдачи отчетности для сверки, экономя рабочее время и нервы прокуроров. Такая цифровая технология позволит осу-

ществлять большинство проверок нижестоящих прокуратур без выезда на места, высвобождая время прокурору для выполнения его основных функций. Отражаемые в режиме реального времени отчетные показатели рассчитываются программой с помощью «конструктора отчетов». По запросу прокурорского работника формируется выборка в статистических таблицах, например в динамике за произвольный интересующий прокурора период, по территориальным (специализированным) прокуратурам» [Хатов: 281].

Безусловно, оптимизация процесса первичного учета данных о работе прокурора, процесса составления отчетности имеет важное значение. Однако в условиях постоянно растущего числа обращений, числа информации о нарушениях Закона, поступающих в органы прокуратуры, заданий вышестоящих прокуроров, при ограниченном численном составе кадров, необходима цифровизация абсолютно всех сфер деятельности прокурора. При этом должна обязательно учитываться специфика работы специализированных прокуратур, таких как природоохранные, транспортные и др.

До повсеместного внедрения Концепции цифровой трансформации отдельными прокурорами предпринимались попытки использования электронных средств коммуникации для приема граждан отдаленных и труднодоступных населенных пунктов. Так, в 2017 году Костромским межрайонным природоохранным прокурором был организован прием граждан с использованием системы «Скайп»¹².

Жителям отдаленных районов Костромской области было предложено обратиться к прокурору по фактам коррупции. Подобный вариант приема граждан на тот период времени впервые позволил жителям региона напрямую обратиться к прокурору или к его заместителю с вопросами, которые не принято поднимать в обществе. Изложенное позволило сократить дистанцию «прокурор – гражданин», сделало доступным прием для лиц, которые физически или ввиду финансовых проблем не могут сами обратиться к природоохранному прокурору, дислоцирующемуся в г. Костроме. Следует отметить, что самые отдаленные уголки поднадзорной Костромскому природоохранному прокурору территории расположены от г. Костромы на расстоянии более 400 км. Для отдельных жителей области проезд в Кострому для того, чтобы попасть на прием к природоохранному прокурору, – финансово затратный, требует значительного времени и усилий, а порой и просто невозможен. Не каждый гражданин может в рабочий день покинуть свое рабочее место, свою семью для выезда на прием к прокурору. Затруднителен такой выезд и для пожилых лиц, для лиц с физическими недостатками.

Этот вариант работы позволил прокурорским работникам, которых в упомянутой прокуратуре всего четыре, оставаясь на рабочих местах и продолжая свою повседневную работу, оперативно и из «первых уст» получить информацию о нарушениях закона. Повсеместно используемый в природоохранных прокуратурах, созданных по бассейновому принципу, вариант личного выезда в районы области для проведения личного приема граждан зачастую не имел своей эффективности, поскольку такой прием проводился в районных центрах, до которых также необходимо добираться жителям отдаленных населенных пунктов, и в зданиях администрации муниципального района, что, учитывая специфику маленьких городов, не позволяло обеспечить конфиденциальность приема. В таких случаях граждане, опасаясь преследования со стороны местных чиновников, просто опасались приходить на личный прием и проявлять свою гражданскую позицию.

Использование упомянутого средства дистанционной коммуникации ко всему прочему позволило сократить расходы на обеспечение деятельности самой прокуратуры.

Для обозначенного периода времени подобная инициатива прокурора была новшеством, но спустя уже год схожая практика стала повсеместно использоваться в работе природоохранных прокуроров, созданных по бассейновому (экосистемному) принципу.

Так, Волжским межрегиональным природоохранным прокурором на системной основе проводится личный прием граждан, предпринимателей в дистанционном режиме. Однако в данной работе есть свои недостатки. В отличие от практики прошлых лет Костромского межрайонного природоохранного прокурора, где гражданам было предложено обратиться на личный прием из дома, видеоконференцсвязь с Волжским межрегиональным природоохранным прокурором обеспечивается через Костромскую межрайонную природоохранную прокуратуру. То есть необходимо прийти в здание Костромской межрайонной природоохранной прокуратуры (г. Кострома) в дату и время приема, и гражданину будет предоставлена возможность связаться с межрегиональным природоохранным прокурором в присутствии межрайонного прокурора. Представляется, что подобный вариант работы не решает вышеобозначенные проблемы с доступностью коммуникации и затрудняет возможность сообщения гражданином вышестоящему прокурору о нарушениях, допущенных самим Костромским межрайонным природоохранным прокурором. Не каждый гражданин решится сообщить о нарушениях прокурора в его присутствии.

Аналогичные факты имеют место при организации личного приема Байкальским межрегиональным природоохранным прокурором.

В указанной части организация работы на данном направлении требует доработки. Необходимо создать такой способ коммуникации между гражданами и межрегиональным природоохранным прокурором, чтобы у гражданина, предпринимателя была возможность выхода на связь с прокурором, минуя участие межрайонного природоохранного прокурора, и без выезда в город, где дислоцируется межрайонная прокуратура.

Кроме того, представляется обоснованным внедрение опыта по приему граждан посредством использования систем дистанционной коммуникации в работу самих межрайонных природоохранных прокуратур. Так, например, в настоящее время к Костромскому межрайонному природоохранным прокурору напрямую в дистанционной форме обратиться невозможно.

Аналогичные факты имеют место и на территории иных субъектов, в которых созданы природоохранные прокуратуры по бассейновому принципу.

Представляется как никогда актуальным высказывание бывшего президента Казахстана Н. Назарбаев: «Жалобы – один из серьезнейших барометров социального самочувствия населения. Здесь проявляется степень вашей заботы или незаботы о простых людях. Как бы трудно ни было, ни одно обращение гражданина не должно остаться без внимания»¹³. Данное направление работы прокурора, безусловно, требует скорейшей модернизации.

Учитывая специфику работы природоохранных прокуроров, положительной оценки заслуживает опыт работы Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры по созданию интерактивной карты источников загрязнений Волжского бассейна. Такая карта возникла задолго до того, как надзорным органом был взят курс на тотальную цифровизацию своей работы.

Так, в 2015 году по инициативе природоохранной прокуратуры была проведена значительная работа по обобщению всей имеющейся в распоряжении надзорного органа информации об источниках загрязнений, расположенных на поднадзорной прокуратуре территории Волжского бассейна. По результатам такой работы на сайте Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры была размещена виртуальная карта, на которой были отражены регионы, входящие в состав такой межрегиональной прокуратуры, и основные загрязнители. При этом к типам загрязнителей прокуратура отнесла: объекты накопленного экологического вреда прошлых лет, суда для утилизации, сибиреязвенные скотомогильники, гидротехнические сооружения 1–3 классов опасности, санкционированные свалки, сброс сточных вод, предприятия-загрязнители¹⁴.

На таком сайте можно было ознакомиться не только с характеристикой таких объектов, но и с мера-

ми прокурорского реагирования, ранее принятыми по каждому из объектов и находящимися на контроле надзорного органа.

Между тем после реформирования и унификации сайтов всех прокуратур (2021–2022 гг.) такая виртуальная карта источников загрязнений была уничтожена.

Представляется, что, учитывая специфику устройства бассейновых природоохранных прокуратур, особенности их работы, создание банка данных и актуализация информации об основных источниках загрязнений Волжского бассейна, Байкало-Ангарского бассейна и Амурского бассейна будет отвечать требованиям Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры, позволит в онлайн-режиме информировать население как об экологической ситуации, так и о состоянии законности на поднадзорной территории.

О возможностях цифровизации на данном направлении работы будет указано ниже.

За период с 2017 года по настоящее время природоохранные прокуроры существенным образом модернизировали и цифровизировали свою работу.

Так, в Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре до 2017 г. имели место факты, когда нижестоящие прокуроры должны были на регулярной основе в бумажном варианте предоставлять в вышестоящую прокуратуру, с местом дислокации в г. Тверь, копии предъявленных исковых заявлений, копии судебных актов, вынесенных по таким искам (заявлениям) прокуроров, копии актов прокурорского реагирования и ответов по ним и др. документы. В условиях, когда в прокуратуре работает всего четыре оперативных работника, как то, например, в Костромской, Ивановской, Осташковской межрайонных природоохранных прокуратурах, исполнение вышеобозначенного поручения фактически парализовало работу прокуратуры. Перед работниками стоял выбор: или заниматься основной своей работой, или же проводить все свое рабочее время у копировальной техники и собирать для отправки в аппарат документы, изготовленные прокурором за месяц, на бумажном носителе. Запущенный механизм цифровизации исправил обозначенную проблему, что позволило высвободить рабочее время для выполнения сотрудниками своих основных задач. Кроме того, это позволило сократить почтовые расходы, расходы на бумагу и др.

Вплоть до 2018 г. в Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре коллегии по итогам работы за полугодие и год, а также во исполнение плана работы проводились с выездом прокуроров всех 14 регионов, входящих в состав межрегиональной прокуратуры, в г. Тверь, где находится аппарат межрегиональной прокуратуры, что, безусловно, требовало значительных временных и финансовых за-

трат. Так, расстояние только от Астрахани до Твери составляет более 1 500 км. Для выезда сотрудника Астраханской природоохранной прокуратуры требовалось приобрести билеты на самолет, оплатить ему гостиницу, выплачивать командировочные. Теперь коллегии проводятся с использованием систем видеоконференцсвязи, что позволяет обеспечить участие нижестоящих прокуроров в работе вышестоящей прокуратуры без выезда из своего региона и без отрыва от выполнения повседневных рабочих задач.

Внедрение системы видеоконференцсвязи в работу прокуроров позволило не только повысить ведомственный контроль, но и предоставило возможность своевременно оказывать методическую помощь нижестоящим прокуратурам, оперативно согласовывать правовые позиции с руководством, обучать (например, проводить методические семинары) молодых специалистов без их выезда за пределы региона, проводить повышения квалификации более опытных сотрудников.

Изложенное оптимизировало работу прокуроров всех уровней, но этого явно недостаточно. В рассматриваемой сфере ориентиром может и должна служить зарубежная практика использования возможностей цифровизации.

Международный опыт свидетельствует о широком распространении в деятельности правоохранительных органов, в том числе и органов прокуратуры, новых информационных технологий, о внедрении искусственного интеллекта.

Признанным лидером в указанной сфере является Казахстан. В декабре 2017 года правительством Республики Казахстан была принята программа цифровизации внутренней деятельности государственных органов, носящая название: «Цифровой Казахстан».

В настоящее время прокуратурой Республики Казахстан реализуется пять проектов: Электронное уголовное дело, Единый реестр административных производств (ЕРАП), Единый реестр субъектов и объектов проверок (ЕРСОП), Электронные обращения и Аналитический центр.

С 1 января 2018 года в Казахстане началось расследование уголовных преступлений и дел небольшой тяжести в электронном формате. Для этого был разработан модуль «Электронное уголовное дело», этот модуль значительно облегчает работу следователя, упрощает и ускоряет процесс ведения уголовного производства. Также проводится работа по цифровизации прокурорского надзора. Так, для процессуального прокурора организовано автоматизированное рабочее место, предоставляющее возможность осуществлять в онлайн-режиме надзор за следственными действиями следователя – тем самым появилась возможность оперативно реагировать на нарушение закона¹⁵.

Введенная с 1 января 2021 года информационная система «Единый реестр административных производств» (далее – ЕРАП) содержит вносимые сведения об административных правонарушениях, лицах, их совершивших, принятых по ним решениях, а также позволяет осуществлять ведение дел об административных правонарушениях в электронном формате. Это экономит время и ресурсы сотрудников государственных органов, исключает волокиту для граждан, а прокурорам позволяет осуществлять надзор в онлайн-режиме. ЕРАП интегрирован с ключевыми базами государственных органов. Система очень проста, введением индивидуального идентификационного номера (далее – ИИН) гражданина или номера транспортного средства можно получить подробную информацию о нарушителе. На сегодняшний день в этой системе работают практически все государственные органы, обладающие правом наложения административных штрафов. Участники производства по делам об административных правонарушениях с момента приобретения процессуального статуса получают доступ к соответствующим материалам электронного административного дела посредством функционала «Публичный сектор», через который также осуществляется подача ходатайств, жалоб, заявлений и получение на них ответов в электронной форме [Дауешов: 60–61].

С 1 июля 2018 года в системе ЕРСОП запущен модуль «Проверки», и в электронном формате зарегистрировано уже порядка 30 тысяч проверок. В целях обеспечения режима законности и получения обратной связи с предпринимателями прокуратура разработала мобильное приложение Qamqog, им уже пользуется порядка 30 тысяч бизнесменов. При назначении проверки на мобильный телефон бизнесмена приходит push-уведомление с текстом «к Вам придут с проверкой». В уведомлении также содержатся сведения о проверяющих, сроках, правовых основаниях и предмете проверки. В случае, если бизнесмен не согласен с ходом проверки, он может направить онлайн-жалобу в прокуратуру¹⁶.

Проект «Аналитический центр» служит помощником правоохранительным органам для выявления проблем криминогенной ситуации и социальной напряженности. Созданный Аналитический центр стал интеллектуальным помощником для прокуроров. По данным Генеральной прокуратуры РК, в настоящее время развивается восемь «умных» систем, которые позволяют не просто наблюдать за эффективностью работы правоохранительных и местных государственных органов, но и предлагать готовые эффективные решения, а также указывать на «слабые» места в законодательных актах страны [Джурабеков: 118].

Аналога, подобного Казахстану, в России не создано. Представляется, что приведенный успешный

опыт работы Казахстана должен быть в кратчайшие сроки заимствован прокуратурой Российской Федерации и внедрен в работу.

Следует остановиться и на возможностях искусственного интеллекта.

Технологии обработки больших данных и искусственный интеллект уже использует **прокуратура Китая**. По сообщениям официальных СМИ, новые решения помогают прокурорам находить прецеденты в базе из более чем 20 млн юридических документов и готовить дела к суду¹⁷.

Программа искусственного интеллекта «Прометей» помогает **аргентинской прокуратуре** с оформлением решений по делам для суда. Искусственный интеллект научился этому, проанализировав 300 тысяч судебных документов. Это значительно разгрузило работу окружной прокуратуры¹⁸.

В 2017 г. **прокуратурой Республики Казахстан** взята на вооружение **информационно-аналитическая система «Зандылык»**, представляющая собой искусственный интеллект, позволяющий государственным обвинителям проверить точность применения норм уголовного законодательства. Государственный обвинитель до начала судебных прений вводит в соответствующие ячейки необходимые информационные данные, касающиеся подсудимого: дату его рождения, имеющиеся судимости, квалификацию обвинения, наличие ущерба, смягчающие, отягчающие обстоятельства и т. д. Система, проанализировав данные, формирует для государственного обвинителя готовую позицию, касающуюся вопросов применения рецидива, квалификации деяния, возможности прекращения дела, основного и дополнительного наказания, меры пресечения, гражданского иска, конфискации имущества, судьбы вещественных доказательств и т. п. Программа указывает на ошибки гособвинителя путем подачи сигналов. Большим преимуществом является и тот факт, что система «Зандылык» интегрирована с модулем Единого реестра досудебных расследований (ЕРДР), который уже содержит исходные данные уголовного дела [Курманалинов: 77-78].

Окружная прокуратура Сан-Франциско (США) использует программу искусственного интеллекта для снижения предвзятости в подготовке обвинительных заключений. Теперь государственные обвинители будут знакомиться с «обезличенными» уголовными делами, в которых не будет ни имени обвиняемого, ни любой другой информации, которая позволит ассоциировать его по расовой принадлежности¹⁹.

В **США** уже около 15 лет применяется программная информационно-аналитическая система прогнозирования преступности Criminal Reduction Utilising Statistical History (CRUSH), в **Великобритании** теснировалась аналитическая система Precrime, в **Герма-**

нии – Precobs. Там же действуют геоинформационные цифровые карты преступности [Хатов 2019а: 42].

В России использование возможностей искусственного интеллекта только в планах.

В рамках «Цифровой экономики» и принятой Концепции Генпрокуратура России к 2025 году планирует внедрить инструменты «мягкого искусственного интеллекта» (soft AI), которые подходят для выполнения узкоспециальных задач, а также обработки больших массивов данных (big data)²⁰.

В отечественной научной литературе отмечается, что в числе перспективных направлений прокурорской информационно-аналитической деятельности может выступать внедрение программ с использованием нейросетей типа «Яндекс Алисы», «Яндекс Рефераты», «Google Ассистента» или «OpenAI GPT-2» от Илона Маска, конечно, более совершенных и адаптированных к потребностям прокурора для реализации всех вышеуказанных функций путем поиска интересующей информации, ее анализа, подготовки предпроектных актов реагирования, докладных записок, ответов на обращения – просто по голосовой команде (например, ее можно назвать «Цифровой помощник прокурора»). Подсказки такого цифрового помощника будут полезны при решении различных вопросов прокурорской деятельности, например при подготовке гособвинителем предложений о виде и размере наказания в судебных прениях, которые нередко приходится аргументировать в условиях крайне ограниченных временных ресурсов [Хатов 2019b: 105–106].

Следующий логичный шаг цифровизации деятельности прокуроров в сфере противодействия коррупции – это разработка и внедрение программ на базе искусственного интеллекта, которые на основе выявленных, в том числе программными способами, нарушений процессуальных сроков по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности и материалам проверок, а также сверок различных баз данных со сведениями об имуществе и доходах государственных и муниципальных служащих будут выдавать готовые проекты актов прокурорского реагирования. Как нам вполне обоснованно представляется, этот вопрос может быть решен уже в ближайшее десятилетие. Примером может служить ПАО Сбербанк, где уже с 2017 года внедряется программа, работающая на принципе «нейронных сетей». Она выискивает в базе данных должников с просроченными кредитами и самостоятельно готовит проекты исковых заявлений, причем лучше, чем 450 штатных юристов, которых она и заменила²¹.

Для бассейновых природоохранных прокуратур использование возможностей цифровизации – это уже не модная тенденция, а потребность.

Обеспечение экологической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях полноценно зависит от эффективности надзора. Эффективность прокурорского надзора в этой сфере не случайно поставлена в прямую зависимость от знания экологической обстановки. Прокурор обязан владеть информацией об основных показателях, характеризующих состояние окружающей среды на поднадзорной территории, негативных тенденциях, экологических проблемах, наиболее неблагоприятных в экологическом отношении и потенциально опасных производственных объектах [Паламарчук: 9].

Выбор оптимальных средств прокурорского реагирования возможен только при надлежащей информационно-аналитической деятельности. Сегодня требуется прогнозировать государственно-правовые явления, подстраивать свою работу под нужды общества и государства.

Значительный географический разброс межрайонных природоохранных прокуратур, входящих в состав межрегиональной природоохранной прокуратуры, не позволяет своевременно, полно и достоверно аккумулировать значительный объем информации об экологической обстановке на поднадзорной территории. Для планирования надзорной деятельности центру необходимо обладать информацией о специфике деятельности того или иного региона. Так, например, нецелесообразно планировать проведение проверок на территории Костромской области объектов топливно-энергетического комплекса, поскольку именно в данном регионе система добычи, производства топлива и энергии отсутствует. Однако указанный регион в силу своего географического расположения на 74 % покрыт лесом²², в регионе развита ювелирная промышленность, что свидетельствует о необходимости усиления надзора за исполнением лесного законодательства, за исполнением законов производителями ювелирных изделий.

Аналогичным образом координация деятельности по борьбе с преступностью должна осуществляться надзорным органом с учетом специфики каждого региона в отдельности. Для Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры, в состав которой входит 17 субъектов, эта задача трудновыполнимая без использования возможностей цифровизации.

Представляется, что аккумулирование информации о состоянии преступности, о состоянии законности, в том числе о проводимых и проведенных проверках поднадзорными федеральными и региональными органами исполнительной власти, об экологической обстановке на поднадзорной территории должно осуществляться по образцу казахстанских проектов «Аналитический центр», «Единый реестр административных производств» и модуля «Провер-

ки» системы ЕРСОП. Важной особенностью таких систем должен стать их межрегиональный характер. Волжский межрегиональный природоохранный прокурор, находясь в Твери, должен иметь онлайн-доступ ко всей перечисленной информации 17 поднадзорных регионов страны, Байкальский межрегиональный природоохранный прокурор – к информации с 2 регионов страны, а Амурский бассейновый природоохранный прокурор – с 5 регионов.

В режиме реального времени должен производиться взаимный обмен информацией межрайонными природоохранными прокуратурами с вышестоящей прокуратурой, с отделами Генеральной прокуратуры РФ, с прокуратурами субъектов, а также с правоохранительными органами, с органами экологического контроля и надзора.

Для управленческой деятельности в вертикали и горизонтали взаимосвязанных структур власти, а также институтов гражданского общества использование возможностей цифровизации окажет влияние и будет способствовать объединению усилий для достижения общих целей.

Например, при сбросе в воды Верхней Волги загрязняющих веществ в объеме и в концентрации, способной оказать негативное воздействие на такой водный объект, причинить вред здоровью людей, только слаженная, оперативная работа в режиме on-line всех органов и ведомств позволит предотвратить возможные негативные последствия от такого загрязнения вниз по течению. Учитывая латентный характер экологических правонарушений, ранее добиться своевременного, оперативного и слаженного реагирования правоохранительных и контрольно-надзорных органов на такое нарушение было крайне сложно. Это особо актуально для труднодоступных местностей, поскольку первыми на месте происшествия окажутся именно территориальные прокуроры, а не природоохранные и не специализированные контрольно-надзорные органы.

Следует согласиться с М.В. Колесовым, что внедрение информационных технологий и телекоммуникаций в прокурорскую деятельность выступает в качестве неотъемлемого компонента ее оптимизации в оперативности прогнозирования обстановки, своевременном реагировании на правонарушения, разработке модели распределения сил и средств при решении ее оперативных задач, оптимизации управленческой структуры, планировании работы производственно-экономических служб и оценке результативности функционирования подразделений [Колесов: 236].

Изложенное позволит принимать своевременные и достаточные меры профилактического характера, способные повлиять на криминогенную ситуацию, а также принимать своевременные, достаточные,

а главное действенные меры прокурорского реагирования в случае выявления нарушений закона.

Вместе с тем главное преимущество цифровизации – это обеспечение прозрачности автоматизируемых процессов, что, безусловно, является фактором, сдерживающим коррупцию.

Сама по себе бассейновая система внутриведомственного устройства природоохранной прокуратуры позволяет снизить коррупционные риски, поскольку аппарат межрегиональной прокуратуры в меньшей степени подвержен влиянию со стороны власти имущих и представителей предпринимательского сообщества отдельно взятого поднадзорного региона.

Нельзя не согласиться с О.Т. Сериковым в том, что специализированная природоохранная прокуратура имеет правовую и фактическую независимость от местных властей. Другие природоохранные и контролирующие органы в силу зависимости от исполнительной власти часто вынуждены идти на компромиссы, так как исполнительная власть принимает окончательные экологические и экономические решения [Сериков: 7].

Главной особенностью анализируемой модели внутриведомственной организации природоохранной прокуратуры при одновременном использовании возможностей цифровой трансформации органов прокуратуры является возможность профилировать: должностные злоупотребления самих прокурорских работников, находящихся на местах и непосредственно проводящих проверки; факты создания ими видности продуктивной работы на местах; возможное давление или иное воздействие на прокуроров районного звена высшими должностными лицами субъекта, иными заинтересованными лицами в целях замалчивания острых экологических проблем, имеющих на поднадзорной территории, или в целях вмешательства прокуроров в споры конкурирующих структур, в целях создания преференций отдельным органам и (или) организациям.

Помимо изложенных вариантов модернизации работы природоохранной прокуратуры следует отметить необходимость использования экстраординарных форм работы.

Прокуратура регулярно выступает с инициативами, предлагая, например, запустить круглосуточный дистанционный экологический мониторинг состояний полигонов и их санитарно-защитных зон²³.

Будет способствовать улучшению состояния законности на поднадзорных территориях ведение самой прокуратурой интерактивных карт основных загрязнителей, карт экологического состояния территорий, а также аккумулирование на единой платформе информации с уже имеющихся карт: *карта озонного слоя*, ведением которой занимается канадская организация World Ozone Monitoring and Mapping;

картой загрязнения воздуха в России, ведение которой осуществляет Российское отделение Greenpeace в рамках проекта #ГринписВоздух; *карта лесов мира*, которую ведет Институт мировых ресурсов в партнерстве с Google; *карта воды России*, которая была составлена группой российских ученых под руководством Роспотребнадзора; *карта свалок России*, составленная в 2017 году Центром общественного мониторинга ОНФ и многие другие²⁴.

Особую актуальность для природоохранной прокуратуры приобретают возможности информационной системы «ОКО ГОСУДАРСТВО», которую планируют внедрить в России. Такая система позволит высшему руководству в режиме «онлайн» получить доступ к данным спутникового наблюдения с разрешением до 1 метра. Думается, что прокурорам такой ресурс также необходим, как и возможность подключения к базе данных системы уличных камер видеонаблюдения, в том числе в режиме реального времени или постоянно обновляемым ресурсам типа «Яндекс карты – панорамы» как в рамках информационно-аналитической деятельности, так и ходе иной функциональной деятельности...» [Хатов: 280].

Так, с использованием цифровых технологий и доступа к базам ГИБДД, Росреестра, камерам видеонаблюдения на автотрассах станет возможным, например, по результатам анализа маршрутов автомобилей отследить лиц, осуществляющих хищение природных ресурсов, например общераспространенных полезных ископаемых, лиц, незаконно складывающих экологически опасные вещества и отходы на землях, не предназначенных для этого, лиц, незаконно вырубавших и транспортирующих лесные насаждения и многое другое.

Между тем формирование новой цифровой среды, с одной стороны, открывает широкие возможности для развития человека, общества и государства, а с другой стороны, появляются новые проблемы и угрозы национальной и личной безопасности.

По нашему мнению, использование цифровых технологий в целях повышения эффективности работы участников правовой системы Российской Федерации, в том числе органов прокуратуры, должно осуществляться контролируемо и поступательно, с учетом мнения научного сообщества в области не только высоких технологий, но не в меньшей степени права, психологии и философии.

Новая цифровая реальность предъявляет новые требования к правовой науке и юридической практике, касающихся в том числе разработки эффективных инструментов и моделей правового регулирования различных областей общественной жизни. Необходимо поиск оптимальных решений.

Более точно описывает сложившееся положение дел в области правового регулирования цифровых

процессов В.Б. Наумов, который считает, что «право ожидаемо медленно реагирует на резкое развитие технологий в последние несколько десятилетий. Это породило увеличивающийся разрыв между общественными потребностями в регулировании принципиально новых правоотношений и возможностями права» [Наумов: 5].

С данным выводом согласен Д.А. Пашенцев, который утверждает, что наблюдается «прогрессирующее отставание правовых норм от потребностей реальной жизни» [Пашенцев: 134], а так же Т.А. Полякова: «...правовое регулирование не работает “на перспективу”, так как законодатель способен реагировать лишь на факты негативного влияния современных информационных технологий на жизнь общества, не представляя, каким оно будет в будущем» [Полякова: 197].

В связи с этим в правовой науке, по мнению Т.Я. Хабриевой, необходимо решить фундаментальные задачи, связанные с регулированием общественных отношений в условиях цифровой реальности, такие как выявление закономерностей и механизмов воздействия цифровизации на право, развития методологии юридической науки, позволяющей изучать право с позиции соотношения реального и виртуального и др. [Хабриева: 101].

Особо стоит проблема внедрения искусственно-го интеллекта, которая вызывает много как этических, так и правовых вопросов. К сожалению, остается неурегулированной проблема ответственности за действия, совершенные искусственным интеллектом. Необходимо создать механизм, разграничивающий зоны ответственности между разработчиками, пользователями искусственного интеллекта и самой технологией. Следовательно, нужно определиться, может ли такая нейронная сеть иметь правосубъектность, чтобы отвечать за свои действия.

Кроме того, актуален вопрос о безопасности информации при использовании систем искусственно-го интеллекта. Необходимо продумать эффективную тактику защиты данных от попыток несанкционированного вмешательства. В целях минимизации рисков и угроз, создаваемых правоохранительным и правоприменительным использованием искусственного интеллекта, целесообразно разрабатывать соответствующие законы и внутренние нормативные акты на основе международных этических кодексов и рекомендаций. Основная цель цифровой трансформации органов прокуратуры заключается в достижении более эффективных результатов в поддержании законности в стране, доступности населению и прозрачности ее работы, что было подчеркнуто Генеральным прокурором РФ²⁵.

Таким образом, необходимо разработать новые подходы к правовому регулированию общественных отношений с участием роботов, юридическому оформлению в цифровую эпоху правосубъектности

как типичных (физических и юридических лиц, государства и др.), так и нетипичных (роботов, блогеров, провайдеров и т. п.) участников правоотношений.

Цифровизация надзора за расследованием преступлений возможна только при наличии соответствующей нормативной правовой базы, которая в России сегодня не создана.

Помимо вопросов правового характера разрешения требуют и организационно-технические вопросы.

До сих пор не созданы механизмы автоматизированной интеграции со вновь создаваемыми государственными и ведомственными информационными системами, нет и единых стандартов разработки и эксплуатации информационных ресурсов, систем и принципов их учета, систем защиты информации и мониторинга состояния инфраструктуры информационных систем.

Низкий уровень автоматизации функций контрольно-надзорной деятельности также не способствует динамичному распространению возможностей цифровой среды.

В настоящее время имеет место недостаточный уровень материально-технической оснащенности самих органов прокуратуры. В отдельных уголках России здания прокуратуры до сих пор имеют печное отопление, не очень качественный Интернет и недостаточный уровень оснащенности современной компьютерной техникой, а имеющаяся порой имеет высокий процент износа, морально и технически устарела.

Обращает на себя внимание и технологическая некомпетентность определенного процента работников прокуратуры, которым не хватает знаний, навыков для решения профессиональных задач с использованием информационных технологий. Для повышения уровня знаний на обозначенном участке работы необходима разработка ведомственным вузом соответствующих программ повышения квалификации, проведение такого обучения.

Имеет место и определенная технологическая неграмотность самого населения. Граждане просто не имеют достаточных знаний, а порой и технической возможности для обращения в органы прокуратуры в электронной форме. Изложенное может повлечь информационное неравенство – ограничение возможностей граждан, не имеющих доступа к современным средствам коммуникации (подача заявления или запись на прием в органы прокуратуры в электронном виде).

Решением обозначенной проблемы должно стать: сохранение альтернативного бумажного документооборота, к которому привыкли многие граждане старшего поколения. Отказ от бумажного документооборота при подаче и рассмотрении обращений может привести к нарушению реализации права на юридическую помощь. Кроме того, необходима установка

в общедоступных местах специализированных автоматизированных устройств, позволяющих гражданам в полной мере реализовать свои права с использованием достижений цифровой сферы. Для этого необходима реализация существующих государственных и региональных программ информатизации.

Разумное использование достижений науки, цифровизация деятельности органов прокуратуры позволит и дальше внедрять успешно зарекомендовавшую себя модель бассейновой организации природоохранных прокуратур.

Изложенное позволяет заключить, что комплексный, последовательный и наступательный характер работы по предупреждению и пресечению экологических правонарушений возможно добиться только посредством использования ресурсов цифровой трансформации органов прокуратуры и органов государственной власти, что, безусловно, будет способствовать укреплению государственной целостности России.

Примечания

¹ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Консультант Плюс: справ. правовая система (дата обращения: 30.09.2021).

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс: справ. правовая система (дата обращения: 30.09.2021).

³ Заседание коллегии Генпрокуратуры. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998> (дата обращения: 20.03.2020).

⁴ Заседание коллегии Генпрокуратуры. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165> (дата обращения: 07.02.2022).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.09.2021).

⁶ Доклад Генерального секретаря на Ассамблее тысячелетия ООН (Пятьдесят четвертая сессия) «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке», 27.03.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/144358> (дата обращения: 18.11.2021)].

⁷ Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.webcanape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 17.11.2021).

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения: 22.02.2019).

⁹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Кон-

цепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁰ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.10.2021).

¹¹ Материалы заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998> (дата обращения: 22.11.2021).

¹² Костромичам предлагают сообщить о фактах коррупции в Природоохранную прокуратуру по скайпу. URL: <https://kostroma.mk.ru/articles/2017/12/08/kostromicham-predlagayut-soobshhit-o-faktakh-korruptcii-v-prirodookhrannuyu-prokuraturu-po-skaypu.html> (дата обращения: 01.03.2022).

¹³ Цифровизация делопроизводства: состояние и перспективы. URL: <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/tsifrovizatsiyadeloproizvodstva-sostoyanie-i-perspektivi> (дата обращения: 03.03.2019).

¹⁴ Прокуратура составила карту источников загрязнения Саратовской области. URL: <https://www.4vsar.ru/news/60168.html> (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁵ Генпрокуратура: Цифровизация уголовного процесса усилит судебный и прокурорский надзор. URL: https://forbes.kz/news/2017/10/16/newsid_157089 (дата обращения 03.03.2019).

¹⁶ Предприниматели Казахстана будут осведомлены о проверках. URL: <https://www.zakon.kz/4914192-predprinimateli-kazahstana-budut.html> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁷ Избавит ли искусственный интеллект от «предвзятости» прокуроров? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c88926728941b00b4b27d1a/izbavit-li-iskusstvennyi-intellekt-ot-predvziatosti-prokurorov-5d034b6e2ec4b60e6db4ce5d/> (дата обращения: 17.03.2020).

¹⁸ Искусственный интеллект изучил 300 000 документов и стал помогать прокуратуре. URL: <https://seur.ru/news/921/item351285/> (дата обращения: 17.03.2020).

¹⁹ Избавит ли искусственный интеллект от «предвзятости» прокуроров? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c88926728941b00b4b27d1a/izbavit-li-iskusstvennyi-intellekt-ot-predvziatosti-prokurorov-5d034b6e2ec4b60e6db4ce5d/> (03.11.2020).

²⁰ Российская прокуратура закупит искусственный интеллект. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/prokuratura_zakupit_iskusstvennyy_intellekt/ (дата обращения: 30.10.2020).

²¹ Российская Газета. Федеральный выпуск № 7329 (163) от 25.07.2017. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekciej-pered-studentami-vzorval-et.html> (дата обращения: 10.09.2019).

²² Самая лесная область ЦФО вдвое урежет отпуск древесины для граждан. URL: <https://kostroma.news/news/samaya-lesnaya-oblast-czfo-vdvoe-urezhet-otpusk-drevesiny-dlya-grazhdan/> (дата обращения: 21.03.2022)

²³ Открытый интерактивный форум «Надзор в экологической сфере» // Генеральная прокуратура РФ: сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1345528/> (дата обращения: 28.05.2019).

²⁴ 10 интерактивных экокарт, которые расскажут все о состоянии планеты. URL: <https://recyclemag.ru/article/ekologicheskikh-kart-kotorie-rasskazhut-sostoyanii-planeti> (дата обращения: 20.03.2022).

²⁵ Заседание коллегии Генпрокуратуры России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (27.10.2020).

Список литературы

Виноградов В.П. Обеспечение средствами прокурорского надзора экологической безопасности на территории Волжского бассейна. М.: МНЭПУ, 2000. 99 с.

Дауешов Х.З. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Республики Казахстан: перспективы и возможности // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 5 (73), ч. 6. С. 59–63.

Джурабеков Н.М. Цифровизация как инструмент повышения эффективности прокурорского надзора в Республике Казахстан // Современное состояние и перспективы развития научной мысли. Нефтекамск, 2019. С. 114–121.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: в 3 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 3. 572 с.

Курманалинов Е. Влияние цифровизации на организационное и практические аспекты деятельности органов прокуратуры. Источники частного и публичного права. М., 2019. С. 77–81.

Колесов М.В. О некоторых путях оптимизации деятельности правоохранительных органов по сбору и обобщению статистической информации // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 235–239.

Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 6. С. 4–11.

Орловская И.В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 180–192.

Пашенцев Д.А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правотворчество и правоприменение (постановка проблемы) // Российское государственное право. 2018. № 4. С. 131–137.

Полякова Т.А., Минбаев А.В., Наумов В.Б. Форсайт-сессия «Информационная безопасность в XXI веке: вызовы и правовое регулирование» // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 194–208.

Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. А.В. Паламарчука. М., 2014. 336 с.

Серигов О.Т. Участие природоохранной прокуратуры Казахстана в процессе конституционно-правового регулирования охраны окружающей среды // Нефтегазовое дело. 2010. № 1. С. 1–9.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

Хатов Э.Б. Цифровизация информационно-аналитической деятельности прокурора в сфере надзора за исполнением антикоррупционного законодательства // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции, учредители. 2019. № 12. С. 277–284.

Хатов Э.Б. Перспективы информационно-аналитической деятельности прокуратуры в условиях цифровой трансформации // Реализация Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры в современных условиях: сб. материалов круглого стола / под общ. ред. Е.Ю. Лихачевой; Университет прокуратуры Российской Федерации. 2019а. С. 38–44.

Хатов Э.Б. Информационно-аналитическая деятельность органов прокуратуры в зарубежных странах // Российский журнал правовых исследований. 2019b. Т. 6, № 4 (21). С. 103–107.

References

Vinogradov V.P. *Obespechenie sredstvami prokurorskogo nadzora ekologicheskoi bezopasnosti na territorii Volzhskogo basseina* [Provision of means of public prosecutor's supervision of environmental safety in the territory of the Volga basin]. Moscow, MNEPU Publ., 2000, 99 p. (In Russ.)

Daueshov Kh.Z. *Tsifrovizatsiia deiatel'nosti organov prokuratury Respubliki Kazakhstan: perspektivy i vozmozhnosti* [Digitalization of the activities of the prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan: prospects and opportunities]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire* [Actual scientific research in the modern world], 2021, № 5 (73), part 6, pp. 59–63. (In Russ.)

Dzhurabekov N.M. *Tsifrovizatsiia kak instrument povysheniia effektivnosti prokurorskogo nadzora v Respublike Kazakhstan* [Digitalization as a tool to improve the efficiency of prosecutorial supervision in the Republic of Kazakhstan]. *Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia nauchnoi mysli* [Current state and prospects for the development of scientific thought]. Neftskam, 2019, pp. 114–121. (In Russ.)

Kliuchevskii V.O. *Russkaia istoriia. Polnyi kurs lektsii: v 3 kn.* [Russian history. Full course of lectures: in 3 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1995, vol. 3, 572 p. (In Russ.)

Kurmanalinov E. *Vliianie tsifrovizatsii na organizatsionnoe i prakticheskie aspekty deiatel'nosti organov prokuratury. Istochniki chastnogo i publichnogo prava* [The impact of digitalization on the organizational and practical aspects of the activities of the prosecutor's office. Sources of private and public law]. Moscow, 2019, pp. 77–81. (In Russ.)

Kolesov M.V. *O nekotorykh putiakh optimizatsii deiatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po sboru i obobshcheniiu statisticheskoi informatsii* [On some ways to optimize the activities of law enforcement agencies in collecting and summarizing statistical information]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Research], 2017, № 3 (12), pp. 235–239. (In Russ.)

Naumov V.B. *Pravo v epokhu tsifrovoi transformatsii: v poiskakh reshenii* [Law in the era of digital transformation: in search of solutions]. *Rossiiskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka* [Russian Law: Education. Practice. The science], 2018, № 6, pp. 4–11. (In Russ.)

Orlovskaya I.V. *Sistema spetsializirovannykh prirodookhrannykh prokuratur Rossiiskoi Federatsii: istoricheskie, organizatsionno-pravovye aspekty i printsipy ee formirovaniia* [The system of specialized environmental prosecutor's offices of the Russian Federation: historical, organizational and legal aspects and principles of its formation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2022, vol. 28, № 1, pp. 180–192. (In Russ.)

Pashentsev D.A. *K voprosu o vliianii tsifrovyykh tekhnologii na pravotvorchestvo i pravoprimerenie (postanovka problemy)* [On the issue of the impact of digital technologies on law-making and law enforcement (problem setting)]. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie* [Russian State Studies], 2018, № 4, pp. 131–137. (In Russ.)

Poliakova T.A., Minbaev A.V., Naumov V.B. *Forsait-sessiiia "Informatsionnaia bezopasnost' v XXI veke: vyzovy i pravovoe regulirovanie"* [Foresight session "Information security in the 21st century: challenges and legal regulation"]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, № 5, pp. 194–208. (In Russ.)

Prokurorskii nadzor za ispolneniem ekologicheskogo zakonodatel'stva: posobie [Prosecutor's supervision over

the execution of environmental legislation: allowance], ed. by A.V. Palamarchuk. Moscow, 2014, 336 p. (In Russ.)

Serikov O.T. *Uchastie prirodookhrannoi prokuratury Kazakhstana v protsesse konstitutsionno-pravovogo regulirovaniia okhrany okruzhaiushchei sredy* [Participation of the environmental prosecutor's office of Kazakhstan in the process of constitutional and legal regulation of environmental protection]. *Neftegazovoe delo* [Oil and gas business], 2010, № 1, pp. 1–9. (In Russ.)

Khabrieva T.Ia., Chernogor N.N. *Pravo v usloviakh tsifrovoi real'nosti* [Law in the conditions of digital reality]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, № 1, pp. 85–102. (In Russ.)

Khatov E.B. *Tsifrovizatsiia informatsionno-analiticheskoi deiatel'nosti prokurora v sfere nadzora za ispolneniem antikorrupsionnogo zakonodatel'stva* [Digitization of information and analytical activities of the prosecutor in the field of supervision over the implementation of anti-corruption legislation]. *Problemy ukrepleniia zakonnosti i pravoporiadka: nauka, praktika, tendentsii, uchrediteli* [Problems of strengthening the rule of law and the rule of law: science, practice, trends, founders], 2019, № 12, pp. 277–284. (In Russ.)

Khatov E.B. *Perspektivy informatsionno-analiticheskoi deiatel'nosti prokuratury v usloviakh tsifrovoi transformatsii* [Prospects for the information and analytical activities of the prosecutor's office in the context of digital transformation]. *Realizatsiia Kontseptsii tsifrovoi transformatsii organov i organizatsii prokuratury v sovremennykh usloviakh: sbornik materialov kruglogo stola. pod obshch. red. E.Iu. Likhachevoi* [Implementation of the concept of digital transformation of the bodies and organizations of the prosecutor's office in modern conditions: a collection of round table materials, ex. ed. E.Yu. Likhacheva]. Moscow, Universitet prokuratury Rossiiskoi Federatsii Publ., 2019, pp. 38–44. (In Russ.)

Khatov E.B. *Informatsionno-analiticheskaya deiatel'nost' organov prokuratury v zarubezhnykh stranakh* [Information and analytical activities of prosecution authorities in foreign countries]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Research], 2019, vol. 6, № 4 (21), pp. 103–107. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

О ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Гюлджян Гайк Геворгович, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, hayg8888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2618-6419>

Аннотация. Статья посвящена основным пробелам в международном праве, препятствующим реализации права на самоопределение. Современный этап развития международных отношений влечет необходимость поиска новых подходов разрешения конфликтных ситуаций и совершенствования существующих правовых механизмов, в том числе связанных с реализацией права народов на самоопределение. Автор анализирует категории субъектов права на самоопределение и формы его реализации, предусмотренные для каждого из них. Отдельное внимание в данной статье уделено нормам международного права в части соотношения принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение. На основании проведенного анализа автор также формулирует тезис о неприменимости принципа территориальной целостности в отношении таких государств, которые реализуют дискриминационную политику в отношении отдельных народов, проживающих на их территории (приоритет принципа равноправия и самоопределения народов в случаях проведения в их отношении дискриминационной политики). Далее автор выявляет связанные с ними проблемы реализации права на самоопределение и приходит к выводу о необходимости нормативного определения таких субъектов на международном уровне путем принятия всеобъемлющего международного правового акта о праве на самоопределение.

Ключевые слова: принцип равноправия и самоопределения народов, принципы международного права, право на самоопределение, международное право, нация, народ, коренные народы, меньшинства.

Для цитирования: Гюлджян Г.Г. О правовых пробелах международно-правового регулирования вопросов, связанных с реализацией права народов на самоопределение // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 267–272. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-267-272>

Research Article

ON LEGAL GAPS IN THE INTERNATIONAL LAW RELATED TO THE REALISATION OF THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION

Gaik G. Gyuldzhyan, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, hayg8888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2618-6419>

Abstract. The article is devoted to the main gaps in international law, impeding the realisation of the right to self-determination. The current stage of development of international relations entails the need to search for new approaches to resolving conflict situations and to improve existing legal mechanisms, including those related to the realisation of the right of peoples to self-determination. The author analyses the categories of subjects of the right in the issue and the forms of its implementation envisaged for each of them. Special attention in this article is paid to the international law concerning the relationship between the principle of territorial integrity and the right of peoples to self-determination. On basis of conducted analysis the author also formulates the thesis under which the principle of territorial integrity cannot be considered applicable to states that pursue a discriminatory policy against certain peoples living on their territory (primacy of the principle of equal rights and self-determination of peoples in cases where discriminatory policy is conducted against them). Further the author identifies related problems of realisation of the right to self-determination and comes to the conclusion that it is necessary to legally define such subjects at the international level through the adoption of a comprehensive international legal act on the right to self-determination.

Keywords: peoples' equal rights & self-determination principle, international law principles, right to self-determination, international law, nation, people, indigenous peoples, minorities.

For citation: Gyuldzhyan G.G. On legal gaps in the international law related to the realisation of the right of peoples to self-determination. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 267–272 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-267-272>

Современная система международного устройства представила миру новую страницу исторического развития международных отношений, которая характеризуется актуализацией вопроса о геополитическом балансе сил и распределении влияния между различными центрами силы, что неизбежно приводит к столкновению, как непосредственному, так и опосредованному, субъектов международного права, в том числе к активизации борьбы наций и народов за свое существование и защиту своих прав, а также требует совершенствования международных правовых инструментов, которые призваны разрешать новые вызовы, опасности и угрозы устойчивому развитию человечества. В свете таких трансформаций международного сообщества, при сопутствующем возникновении новых конфликтных ситуаций, на первый план выходят ранее вспыхнувшие международные (межнациональные, межэтнические) конфликты, в том числе военные, не получившие политического разрешения (замороженные конфликты), в основе которых лежит стремление народов реализовать свое право на самоопределение.

Текущие международные процессы обуславливают возникновение новых задач и проблем, стоящих перед мировым сообществом, и одновременно возвращают к неразрешенным ранее конфликтным ситуациям, связанным с реализацией права на самоопределение отдельных народов. Так, провозглашение по результатам референдума независимости Республики Крым и ее дальнейшее вхождение в состав России, проведение референдумов о независимости Луганской и Донецкой Народных Республик, Иракского Курдистана, провозглашение независимости Абхазии, Южной Осетии, Нагорно-Карабахской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, движение за независимость Каталонии – все эти события возникли в результате стремления народов к самоопределению при различных историко-политических и экономических обстоятельствах. Вместе с тем изучение подобных ситуаций позволяет определить, что причиной оживления народных движений за самоопределение зачастую является угроза (непосредственная или потенциальная) существования и нормального развития, дискриминация и притеснение таких народов, исходящие со стороны государства, в состав которого они входят.

Право народов на самоопределение является одним из основополагающих прав, предусмотренных Уставом Организации Объединенных Наций (далее также – ООН), которое приобрело ключевое значение в системе современного международного права [Tunkin: 63]. Изначально признанный в качестве основы развития дружественных отношений между странами, принцип равноправия и самоопределения народов в принятых позднее международно-право-

вых документах получил развитие как право на свободное определение политического статуса и свободное обеспечение собственного экономического, социального и культурного развития¹. Несомненно, в ходе исторического развития международных отношений концептуальный подход к пониманию и применению права на самоопределение значительно изменился. Будучи в своем зародыше политическим лозунгом, направленным на создание национальных европейских государств, принцип самоопределения народов, ставший правовым инструментом деколонизации [Shaw: 977], на современном этапе развития требует своего окончательного преобразования в универсальный ключ к решению вопроса о защите прав наций, народов, этносов на существование и независимое развитие.

Важной особенностью права на самоопределение является то, что оно имеет два аспекта: внутренний и внешний, определение и осознание которых критически важно для дальнейшего изучения и разрешения проблемных вопросов, связанных с реализацией данного права. Внутренний аспект подразумевает, что все народы имеют право беспрепятственно осуществлять свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие в рамках существующего государства². Кроме того, внутренний аспект права народов на самоопределение предполагает гарантии и обеспечение права каждого гражданина участвовать в ведении государственных дел на любом уровне³. Вследствие этого соблюдение государствами принципа равноправия и самоопределения народов обязует их формировать свои правительства на основе представительства всех народов, проживающих на их территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи⁴. При этом внешний аспект права на самоопределение заключается в том, что все народы имеют право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия⁵ [Crawford: 130].

Неизменным на протяжении всего периода становления и развития права на самоопределение остается одно: его реализация зачастую может приводить к нарушению территориальной целостности государств [Kaczogowska-Ireland: 366]. В этой связи возможность реализации права на самоопределение при соблюдении принципа территориальной целостности является одним из важнейших вопросов современной международно-правовой дискуссии. Между тем содержание принципа территориальной целостности заключается в воздержании членов Организации Объединенных Наций в международных отношениях от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства⁶. Дословный

анализ указанного принципа, закрепленного в Уставе ООН, позволяет прийти к выводу, что принцип территориальной целостности охватывает исключительно защиту целостности государственной территории от внешней агрессии. Указанный подход также нашел свое отражение в Декларации о принципах международного права, согласно которому государства обязаны воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров, и вопросов, касающихся государственных границ⁷, что также подтверждает тезис о недопустимости нарушения территориальной целостности суверенных государств со стороны других государств. Однако важно отметить, как и во многих других международных документах, данная Декларация, подтверждая приверженность принципу равноправия и самоопределения народов, содержит указание на то, что ее положения не могут быть истолкованы как санкции или поощрения любых действий, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов. Приведенная оговорка, дающая государствам право на защиту в рамках доктрины территориальной целостности только при обеспечении ими равноправия проживающих в них народов и непрепятствовании их самоопределению, указывает на очевидную невозможность применения принципа территориальной целостности в отношении тех государств, которые своими действиями нарушают права, свободы и интересы проживающих на их территории народов [Shaw: 1123].

Необходимо отметить, что согласно международно-правовой доктрине правом на самоопределение обладают не любые группы лиц, объединившихся по каким-либо признакам, а конкретные субъекты, к которым, по общему правилу, относятся народы. При отдельных условиях к субъектам права на самоопределение могут быть отнесены коренные народы и, в исключительных случаях, национальные меньшинства. Однако, вопреки закреплению основных субъектов рассматриваемого права и выделению в определенных случаях дополнительных, до настоящего времени существует неопределенность в части относимости той или иной группы к названным категориям субъектов.

Так, первая проблема заключается в том, что международно-правовые инструменты не содержат определения понятия «народ» [Klabbers: 131]. В отсутствие консенсуса по данному вопросу в научной среде развернулась широкая дискуссия, в рамках ко-

торой ученые в области международного права выдвигали свои предложения по дефиниции данного термина, зачастую диаметрально противоположные. Наиболее удачная версия принадлежит экспертам ЮНЕСКО по изучению прав народов, подход которых получил свое развитие посредством выделения объективных и субъективных признаков данного понятия⁸. К таким признакам в первую очередь отнесено обладание всеми или некоторыми из последующих характеристик: общие исторические традиции; расовая или этническая общность; культурная однородность; языковая общность; религиозное или идеологическое родство; территориальные связи; общая экономическая жизнь. Особое внимание при этом уделено фактору численности – отсутствует какой-либо минимальный или максимальный количественный предел, однако такая группа индивидов должна представлять нечто большее, чем простое объединение отдельных индивидов. Кроме того, такая группа индивидов должна проявлять самосознание народа и стремление к восприятию себя со стороны внешних субъектов международного права в качестве народа, в том числе посредством наличия и функционирования учреждений и институтов, а также иных средств для проявления своих характеристик в качестве общности. Указанные признаки народа, предложенные международными экспертами, наиболее полно отражают критерии признания того или иного народа в качестве субъекта права на самоопределение и позволяют сформировать единое определение такого субъекта, закрепление которого необходимо осуществить в соответствующих международных правовых актах: народ (в контексте права на самоопределение) – это сознающая себя (обладающая самосознанием) в качестве единой общности группа человеческих индивидов, объединенных языковой системой (языком), общим историческим прошлым и общей территорией населения (проживания), культурными традициями, в том числе религиозными и/или идеологическими, экономическими связями, обладающей устоявшимися собственными системой права (законов) и органами управления.

В целом с определением понятия «коренные народы» в международном праве проблем не возникает, поскольку оно нашло отражение как в Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, так и в иных международных правовых инструментах⁹. Однако проблема всплывает в контексте права коренных народов на самоопределение. Так, Декларация о правах коренных народов 2007 г. закрепила право коренных народов на самоопределение, в соответствии с которым они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие¹⁰. Однако

наряду с этим данная Декларация содержит указание на то, что коренные народы при осуществлении своего права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций¹¹ [Hernández: 129]. Следовательно, право коренных народов на самоопределение регламентировано таким образом, каким оно существенно ограничено по форме его реализации в сравнении с основным субъектом указанного права, что требует дополнительной правовой оценки в контексте реализации права народов на самоопределение, поскольку остается неясным вопрос, касающийся ситуаций, при которых государства, на территории которых находятся коренные народы, не обеспечивают реализацию прав последних или допускают грубые нарушения их прав. Важно отметить, что на сегодняшний день большинство стран имеют законы и институты, гарантирующие и обеспечивающие права коренных народов, однако данный факт не отменяет необходимости закрепления международно-правового механизма защиты прав коренных народов, в том числе посредством надления их правом самостоятельно определять форму реализации своего права на самоопределение, так как такой подход будет носить превентивный характер.

В современной науке международного права проблема разграничения субъектов права на самоопределение также возникает в контексте относимости к ним национальных меньшинств, которая усугубляется тем фактом, что международное право, как и в случае с понятием «народ», не дает их определения. Как следствие, представляется неясным, следует ли выделять национальные меньшинства в качестве отдельного субъекта права на самоопределение или же они входят в понятие «народ». К примеру, Декларация ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, относит к меньшинствам лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам¹². Данная Декларация гарантирует такие права меньшинств, как право пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме¹³. Одновременно ни данная Декларация, ни иные международные документы не включают права меньшинств на самоопределение [Orakhelashvili: 130]. Также указанный документ не содержит критериев для определения того или иного количества лиц в качестве соответствующих меньшинств, их относимость к категории «народ», что добавляет большую неопределенность

и позволяет отдельным государствам регулировать права таких меньшинств по собственному усмотрению, не обеспечивая их полноценную защиту.

Одновременно наряду с проблемой определения субъектов права на самоопределение существуют проблемы, связанные с формами реализации указанного права. Как указано выше, современное международное право предусматривает две формы реализации права на самоопределение, в первую очередь путем осуществления политического, экономического, социального и культурного развития в рамках существующего государства (внутренняя форма) [Evans: 226], наряду с которым существует внешняя форма, обеспечивающая право свободно определять политический статус и место в международном сообществе на основе принципа равноправия¹⁴. Необходимо отметить, что Декларация о принципах международного права 1970 г. закрепила следующее: «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение. Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти народы, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать ее в соответствии с целями и принципами Устава»¹⁵. Вопреки тому, что данные положения представлены в контексте борьбы с колониализмом, для целей исследования способов дальнейшего развития международных инструментов разрешения современных международных проблем важен сам факт признания и закрепления международным сообществом идей такого характера, согласно которым притесняемые на определенной территории международно признанные субъекты имеют право на создание собственного государства или на присоединение к другому независимому государству. Развитие международных правовых отношений в этом ключе представляется наиболее рациональным подходом к развитию международного права, необходимого для разрешения существующих конфликтных ситуаций, при которых проживание целых народов в составе того или иного государства не обеспечивает их безопасность и зачастую приводит к новым актам преступлений против человечности и цивилизации. Именно внешняя форма реализации права на самоопределение вызывает наибольшие вопросы, поскольку действующие международные документы не содержат четких крите-

риев для признания возможности реализации права на самоопределение указанными способами, что связано как с отсутствием определенности в отношении субъектов данного права, так и с более масштабными пробелами в международном правовом регулировании, связанными с соотношением права на самоопределение с принципом территориальной целостности.

Рассмотренные вопросы международного правового регулирования, связанные с реализацией права на самоопределение, ввиду отсутствия единого структурированного документа, охватывающего полный спектр вопросов, от содержания права на самоопределения и субъектов такого права до механизмов контроля его реализации и соблюдения, с учетом первостепенного значения защиты прав человека, в том числе коллективных прав, свидетельствуют о существующих пробелах в международном правовом регулировании и о необходимости обсуждения, разработки и принятия соответствующего международного правового документа, регламентирующего право на самоопределение, в первую очередь, исходя из категорий субъектов такого права и вызовов, стоящих перед ними в контексте современных международных правоотношений. Такой международный правовой акт о праве на самоопределения должен закрепить основополагающие нормы и принципы реализации данного права, содержащие:

1) определение (дефиницию) основного субъекта права на самоопределение (народ). В качестве рабочего варианта формулировки может быть использовано определение, предложенное настоящей статьей;

2) формы реализации права на самоопределение (внутренняя и внешняя), включая пути, способы и случаи их применения;

3) неприменимость принципа территориальной целостности в отношении государств, предпринимающих дискриминационные действия в отношении отдельных народов, проживающих на их территории (приоритет принципа равноправия и самоопределения народов в случаях проведения в их отношении дискриминационной политики)

4) создание специализированного международно-го института, цель которого заключается во всестороннем обеспечении реализации принципа равноправия и самоопределения народов.

Примечания

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16.12.1966 Ре-

золюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

² The Quebec Secession case (1998), 161 DLR (4th) 385, 437-8; 115 ILR, p. 536.

³ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята 21.12.1965 Резолюцией 2106 (XX) на 1406 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

Генеральная Ассамблея ООН: доклад Комитета по ликвидации расовой дискриминации: Дополнение № 18, Общая рекомендация XXI, 1996 г. (A/51/18). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/223129?ln=en> (дата обращения: 23.05.2022).

⁴ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

⁵ Генеральная Ассамблея ООН: доклад Комитета по ликвидации расовой дискриминации: дополнение № 18, Общая рекомендация XXI, 1996 г. (A/51/18). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/223129?ln=en> (дата обращения: 23.05.2022).

⁶ Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 24.06.1945; п. 4 ст. 2. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 23.05.2022).

⁷ См. примечание № 4.

⁸ UNESCO, International Meeting of Experts on Further Study of the Concept of the Rights of Peoples: Final Report and Recommendations SHS-89/CONF.602/7. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152Eo.pdf> (accessed date: 18 May 2022).

⁹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята 13.09.2007 Резолюцией 61/295 на 107 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

UN Economic and Social Council, T. Frichner, 4 February 2010, Preliminary study of the impact on indigenous peoples of the international legal construct known as the Doctrine of Discovery. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/231/02/PDF/N1023102.pdf?OpenElement> (accessed 23.05.2022).

¹⁰ См. примечание № 9, ст. 3.

¹¹ Там же, ст. 4.

¹² Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: принята 18.12.1992 Резолюцией 47/135 на 92 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

¹³ Там же.

¹⁴ См. примечание № 4.

¹⁵ Там же.

Список литературы

Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law, 9th edition, Oxford, 2019, 873 p.

Evans M.D. International Law, 5th edition. Oxford, 2018, 896 p.

Hernández G. International Law. Oxford, 2019, 664 p.

Kaczorowska-Ireland A. Public International Law, 5th edition. Routledge, 2015, 922 p.

Klabbers J. International Law, 2nd edition. Cambridge, 2017, 398 p.

Orakhelashvili A. Akehurst's Modern Introduction to International Law, 8th edition. Routledge, 2018, 622 p.

Shaw M.N. International Law, 8th edition. Cambridge, 2017, 1542 p.

Tunkin G.I. Theory of International Law. Harper Collins, 1975, 497 p.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheski mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2022 – Т. 28 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 12.05.2022.
Дата выхода в свет 12.05.2022.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 34,8.
Уч.-изд. 36,1 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 90.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна